

ИНСТИТУТ
ФИЛОСОФИИ
РАН

Наш философский дом

К 80-летию Института философии РАН

Прогресс-Традиция
Москва

УДК 0.08
ББК 87.3
Н 37

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-03-16093

Редколлегия:

А.А. Гусейнов (председатель)

В.С. Степин

В.А. Лекторский

С.А. Никольский

М.Н. Громов (ответственный редактор)

А.В. Черняев

Н 37 Наш философский дом. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 528 с.

ISBN 978-5-89826-315-2

Коллективный труд, подготовленный по случаю юбилея Института философии Российской академии наук, посвящен становлению, сложным перипетиям развития и современному состоянию одного из ведущих гуманитарных академических учреждений страны. Работающие здесь специалисты представляют собой крупнейшее в мире философское сообщество, имеющее высокий авторитет в России и за рубежом. В книге помещены воспоминания сотрудников Института, интервью с известными философами, исследовательские материалы, связанные с историей Голицынского дворца, философскими исканиями XIX и XX веков, судьбами философов при сталинском режиме. Вербальный ряд дополняется обширными фотоматериалами.

Издание предназначено широкому кругу читателей, которым небезразлична история отечественной философии и культуры.

ББК 87.3

Издательство «Прогресс-Традиция» и редколлегия издания благодарят сотрудников Института философии и их наследников за активное сотрудничество и любезно предоставленные материалы, а также фотографов М. Новицкого и В. Полякова.

ISBN 978- 5-89826-315-2

© Коллектив авторов, 2009
© А.Б.Орешина, оформление, 2009
© Прогресс-Традиция, 2009

О нашем философском доме

Эта книга посвящена 80-летию Института философии РАН. Она рассказывает об Институте как доме отечественной философии и о доме, в котором Институт располагается со дня основания.

Институт философии, его непростая история, роль в развитии философского знания и в культурном росте страны заслуживают более детального и развернутого изучения, чем это сделано в нашем юбилейном издании. Тем не менее даже те материалы, которые собраны, и обобщения, которые сделаны, позволяют судить об уникальности Института как средоточия интеллектуальных усилий в области философии.

Институт возник в 1929 году для реализации проекта по созданию энциклопедии всемирной философии. Хотя осуществление этого проекта было прервано двумя десятилетиями господства сталинизма и попытками подчинить философию конъюнктурно-идеологическим целям, проект был реализован только в 1960-е годы в форме замечательной 5-томной «Философской энциклопедии», тем не менее стремление охватить, осмыслить философию во всем историческом и теоретическом богатстве ее содержания было и остается общей концептуальной основой научно-организационной жизни института.

В настоящее время в Институте работает около 300 научных сотрудников, распределенных по двадцати восьми научным подразделениям. Они ведут исследовательскую работу по всем основным направлениям современной философии. Тот факт, что все они

собраны в одном научном коллективе, образуют единое научно-коммуникативное сообщество, превращает пространство Института в уникальную философскую лабораторию. Может быть, нигде и никогда философы разных эпох и традиций, а также различные философские специальности не приходили в столь близкое и систематическое соприкосновение, как это происходит в рамках научной жизни Института.

Чиновники, а иногда и коллеги, представляющие естественные науки, удивленно спрашивают: «А что делают собранные вместе 300 философов?», – забывая, что философия – древнейшая область знания (первые европейские философы жили в VI веке до нашей эры). И за прошедшие тысячелетия она накопила огромное интеллектуальное богатство. Забывают, что в истории, как и в современном мире, философия представлена разнообразием традиций и школ, каждая из которых имеет самостоятельную ценность и заслуживает отдельного изучения. Эти 300 научных сотрудников (не только они, конечно, но они в первую очередь) ответственны за то, чтобы российское общество было приобщено к философским поискам и достижениям человечества. В свете того, насколько объемной и важной является данная задача, цифру эту следует считать, скорее, мизерной. Дело, однако, не только в масштабности исследовательского поля философии.

Хорошо известно, что философия – это прежде всего выдающиеся философы. Меньше обращают внимание на то, что последние располагаются кучно, формируются в рамках школ, в атмосфере духовно насыщенного интеллектуального общения. Опыт Института философии показывает: постоянное общение, завязанное на любви и интересе к философии, и оригинальные мыслители, вокруг которых это общение складывается, – две стороны одного и того же процесса. Расцвет Института с возрождением отечественной философии пришелся на вторую половину XX века. Он связан с именами А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова, П.В. Копнина, М.К. Мамардашвили и других представителей замечательной плеяды философшестидесятников, которые своим творчеством и деятельностью задали нам современные стандарты рационального мышления и гуманистически ориентированной общественной позиции. Он связан также с коллективными усилиями, направленными на повышение философской культуры общества, качества философского образования. Достаточно сослаться на систематическую работу по переводу, комментированию, изданию текстов мировой философской

мысли (в одной только книжной серии «Философское наследие» издано более 130 томов) и тематическое богатство оригинальной философской литературы (Институт выпускает ежегодно более 100 книг и 1000 статей). Если говорить о происходящих в Институте и составляющих его коллективную жизнь таких событиях, как теоретические семинары, конференции, обсуждение книг, защиты диссертаций и т.д., которые носят открытый характер и собирают много гостей из других научных и учебных заведений, то их ежегодное число измеряется многими сотнями. Словом, Институт – это настоящий философский Дом со своей неповторимой атмосферой, полный разнообразных голосов, мирных бесед, бурных споров, нескончаемых разговоров.

Институт философии как коллектив, живой социальный организм слился с домом по адресу: Москва, Волхонка, 14. Этот дом был построен в XVIII веке как городская усадьба князей Голицыных, и является охраняемым государством памятником архитектуры и культуры. Он связан с именами многих выдающихся людей. Для нас, сотрудников Института философии РАН, особенно важно и ценно, что этот дом уже почти полтора столетия тесно связан с философско-гуманитарной мыслью и культурой. Назову только некоторые факты.

Здесь в 1980-е годы XIX века жили лидеры двух основных, полемизировавших между собой направлений русской философии: славянофильства и западничества, И.С. Аксаков и Б.И. Чичерин. В нем в 1909 году был открыт Московский городской народный университет им А.Л. Шанявского, с 1912 года находились высшие женские сельскохозяйственные курсы. После 1917 года дом на Волхонке стал центром идеологической жизни, здесь располагались Соцакадемия, преобразованная впоследствии в Комкакадемию, первые научно-исследовательские институты по общественным гуманитарным наукам, в том числе созданный решением ВЦИК в 1929 году наш Институт философии.

80-летняя история Института философии превратила это здание в место основных событий философской жизни. Здесь долгие годы работал (и жил) виднейший философ-марксист Д. Лукач, работали такие известные ученые, как Б.А. Грушин, А.Я. Гуревич, М.А. Лифшиц, Б.М. Кедров, И.Т. Фролов. Здесь читали лекции, выступали с докладами, участвовали в дискуссиях многие всемирно известные философы – Ж.-П. Сартр, П. Рикер, Р. Рорти, Ж. Деррида, Ю. Хабермас и др. В этом здании перед учеными выступали

видные государственные деятели – Н.И.Бухарин, И.В.Сталин, Б.Н.Ельцин и др. В нем проходили многие, имевшие общественный резонанс дискуссии, в том числе философская дискуссия 1947 года, завершившаяся учреждением журнала «Вопросы философии», редакция которого также долгие годы находилась здесь же. Словом, здание по адресу Волхонка, 14 для нас – намного больше, чем помещение и почтовый адрес. Это, пользуясь церковной лексикой, – намоленное место. Оно дорого нам, как бывает дорог родительский дом. Оно связано с именами отечественных мыслителей многих поколений, является зримым символом непрерывности и преемственности нашей философии на протяжении почти столетия, что в условиях нашей драматичной духовной истории само по себе является уникальным явлением и заслуживает самого бережного отношения.

В Москве и стране в целом нет другого здания, которое было бы столь глубоко связано с философско-гуманитарной мыслью России. Тем более непонятно и обидно, что сейчас встал вопрос о передаче нашего здания соседствующему с нами Государственному музею изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Соответствующий пункт включен в Постановление Правительства РФ, принятое в связи с предстоящим в 2012 году 100-летием музея. Основной аргумент состоит в том, что музею нужны дополнительные помещения, а институту, мол, все равно, где располагаться. На этот вопрос нельзя смотреть с чисто имущественной и ведомственной точек зрения. Рассмотренный в общенациональной перспективе, где философско-гуманитарная мысль занимает не менее важное место, чем музей изобразительных искусств, он выглядит иначе. Наша надежда в том, что руководство страны вникнет в этот вопрос и Институт философии останется на своем историческом месте, недалеко от Кремля, напротив храма Христа Спасителя, рядом с ГМИИ им. А.С.Пушкина, демонстрируя самим местоположением и преемственность русской философии, и особое ее значение для страны, народа, государства и отечественной культуры.

I

Москва философская в культурно-историческом контексте

Голицынский дворец на Волхонке

В известном дореволюционном путеводителе «Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям», в разделе о дворянской Москве сообщается, что юго-западный район города, обнимающий пространство от Кремля веером по Белому и Земляному городу – улицы Волхонка, Остоженка, Пречистенка, Знаменка и Воздвиженка, Арбат, Молчановка, Поварская, Большая и Малая Никитские, Спиридоньевка, несут на себе отпечаток былой барской жизни¹. Традиционно на этих улицах находились владения высшей знати и цвета русского дворянства. С начала XVIII века аристократы приобретали земельные участки, строили городские усадьбы и особняки в непосредственной близости от Кремля. Возведенные лучшими зодчими своего времени, эти архитектурные творения стали образцами изысканного вкуса, драгоценными «жемчужинами» в ожерелье московских улиц. Волхонка, первоначально названная Чертольской, а затем Пречистенской улицей, получила известное нам имя лишь в XIX веке благодаря проживавшему на ней князю Волконскому. На Волхонке и в Малом Знаменском переулке находились владения графов Никиты Ивановича и Петра Ивановича Паниных и князей Лопухиных. В соседних усадьбах проживали князь Долгоруковы, Голицыны и Вяземские.

Особое внимание авторы путеводителя уделяют дому князей Голицыных на Волхонке, в котором еще в середине XVIII века оставалась приезжавшая в Москву императрица Екатерина II: «Эта старинная барская усадьба более интересна со стороны Малого Знаменского переулка, в который мы и завернем, оставляя

вправо боковой фасад здания музея Александра III. Обратим внимание на монументальные ворота бывшего Голицынского дома и на величественный фасад его с гербом, заслоненный густо разросшимися деревьями. Внутри этого вельможного дома, относящегося частью еще к XVIII веку, кое-что сохранилось, особенно хорошо прекрасный вестибюль. В доме есть построенная в 1768 году церковь Рождества Богородицы. Надворные «службы» с колоннами довершают импозантную картину бывшего барского простора»².

Описание Голицынского дворца встречается и в «Воспоминаниях» известного московского мецената и коллекционера, создателя музея «Российских древностей» Петра Ивановича Щукина: «Внизу при входе встречал посетителей швейцар в красном лейб-гусарском мундире. По красивой лестнице поднимались на второй этаж, где в пяти залах были размещены старинные картины разных школ, античные произведения из мрамора, бронзы и обожженной глины, старинные серебряные вещи, фаянс, фарфор, часы, эмали, миниатюры, камеи, геммы, медали, монеты и др. Помню, на стенах висели два чудеснейших гобелена, на коих по рисункам Детруа были изображены сцены из Ветхого Завета: Эсфирь и Агасфер. Находившиеся в музее две парные вазы из слоновой кости с бронзой в стиле Людовика XVI, тончайшей работы, когда-то принадлежали Марии-Антуанетте, ибо на них имелся шифр этой несчастной королевы»³.

Голицынский дворец известен и тем, что в начале 1830-х годов на балах у князя Сергея Михайловича Голицына бывал Александр Сергеевич Пушкин. Очарованный красотой хозяйки дома, супруги князя Голицына – Евдокии Ивановны (урожденной Измайловой) («Princess Nocturne»), поэт посвятил ей свои стихи «Краев чужих неопытный любитель...» и «Простой воспитанник природы», сопровождая им знаменитую оду «Вольность». В домово́й церкви Голицынского дворца поэт мечтал обвенчаться с Натальей Николаевной Гончаровой.

Замечательным событием в истории дома стало открытие в январе 1865 года музея, названного по имени основателя – князя Михаила Александровича Голицына – Голицынским. Современники, высоко оценившие музей, считали его третьим крупным общественным учреждением Москвы после Румянцевского музея и библиотеки Г.А. Черткова. Библиотека князя Голицына, располагавшаяся в голицынском доме, была широко известна и входила в число богатейших личных библиотек России.

В 1869 году в Голицынском дворце на Волхонке по инициативе графа Алексея Сергеевича Уварова открылся первый в России археологический съезд, на котором выступили историк-востоковед, археолог, нумизмат и лингвист В.В. Вельяминов-Зернов, академик, филолог-славист и этнограф И.И. Срезневский и историк М.П. Погодин.

С 1877 года последний владелец усадьбы князь Сергей Михайлович Голицын начал сдавать помещения внаем. В этом же году в его доме поселился драматург А.Н. Островский, проживший здесь почти десять лет. В доме на Волхонке написаны «Бесприданница», «Сердце не камень», «Таланты и поклонники». Здесь, в гостях у писателя бывали И.С. Тургенев, Д.В. Григорович, П.И. Чайковский. На первом этаже голицынского дома с 1882 по 1886 год снимал квартиру известный московский общественный деятель, юрист, историк, философ и публицист Б.Н. Чичерин.

В главном доме усадьбы Голицыных с 1894 по 1898 год для Московской консерватории арендовало помещения Русское музыкальное общество. Здесь у директора и профессора Московской консерватории Сергея Ивановича Танеева учились Александр Николаевич Скрябин, Рейнгольд Морицевич Глиер, Лев Николаевич Николаев и Николай Карлович Метнер. Одновременно с Консерваторией в дом на Волхонке переехало Русское хоровое общество.

В левом флигеле усадьбы, перестроенном в 1891 году по проекту архитектора В.П. Загорского, в конце XIX – начале XX века размещались меблированные комнаты «Княжий двор». В разные годы в них останавливались русские живописцы В.И. Суриков и И.Е. Репин, писатели И.С. Аксаков, М. Горький и И.Г. Эренбург, композитор А.Н. Скрябин. В этом доме на протяжении долгих лет арендовала квартиру семья известного художника Л.О. Пастернака. В ней вырос знаменитый поэт и писатель Б.Л. Пастернак.

В начале XX века в здании левого флигеля устраивались выставки объединения «Союза русских художников». В 1908–1909 годах на втором этаже проходила последняя, VI выставка объединения с участием и московской и петербургской групп.

В 1912 году по инициативе профессора И.В.Цветаева на месте бывшего Кольмажного двора был открыт Музей изящных искусств имени императора Александра III. Величественное создание архитектора Романа Ивановича Клейна, выстроенное в неоклассическом стиле, гармонично вписалось в этот уголок дворянской Москвы и вторит классическим постройкам Матвея Казакова.

В послереволюционный период внешний вид усадьбы изменился. Главный дом и флигели занимали общественные организации и учреждения. В эти годы голицынская усадьба переживала не лучшие времена. О ее облике в этот период можно судить благодаря фотографиям 1920-х годов из архива архитектора и москвоведца Николая Дмитриевича Виноградова. В 1918 году он возглавлял Комиссию по охране памятников старины при Моссовете, а в 1922 году руководил работой по описанию и фотофиксации памятников архитектуры, принимал участие в их реставрации.

С 1929 года в главном доме усадьбы Голицыных размещается Институт философии Российской академии наук, созданный на основе философской секции Коммунистической академии, переехавшей в это здание в 1925 году с ул. Знаменка, д.11. При Коммунистической академии были открыты курсы марксизма-ленинизма, преобразованные в самостоятельную организацию. Структура Коммунистической академии несколько раз менялась, и к 1928–1930 годам вместо прежних секций были созданы институты истории, философии, экономики, а также литературы, искусства и языка и несколько научных обществ. В 1936 году Коммунистическая академия была упразднена и её институты переведены в систему Академии наук⁴. Сегодня Институт философии является одним из гуманитарных институтов в системе Российской академии наук, местом встречи ученых, общественных и политических деятелей.

В 1988–1993 годах левый флигель усадьбы, занятый объединением «Автоэкспорт», реконструировали для размещения в нем отдела Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. 24 января 1994 года в нем открылся Музей личных коллекций. Сегодня в левом флигеле размещается Галерея искусства стран Европы и Америки XIX–XX веков, а в правом – архив и отдел Древнего мира ГМИИ имени А.С. Пушкина. Главный дом, флигели и ворота бывшей голицынской усадьбы признаны памятниками истории и культуры и находятся под охраной государства.

На протяжении двух столетий «дворянские гнезда» московской аристократии являлись центрами культурной жизни города, где встречались писатели, художники и композиторы, городские общественные и политические деятели, обсуждались важные вопросы культурной и общественной жизни страны. Таким центром являлся и Голицынский дворец на Волхонке, биография которого тесно переплетена с судьбами его владельцев – князей Голицыных.

Род князей Голицыных ведет свое начало от Великого князя Литовского Гедимина. Старший сын Гедимина князь Наримонт попал в татарский плен, из которого был выкуплен московским князем Иваном Даниловичем и отпущен в Литву. Впоследствии Наримонт переехал в Новгород и получил в крещении имя Глеб. На Руси потомки князя именовались Патрикеевыми. Сын одного из правнуков Наримонта – боярина Ивана Васильевича Булгака – Михаил Иванович получил прозвище – Голица. По преданию, прозвище это произошло от привычки князя носить железную рукавицу на одной руке. Прозвище Михаила Ивановича Булгака и дало название целому роду. Князья Голицыны переселились на Русь в начале XV века. С момента своего переселения Голицыны состояли на службе у русских царей.

Впервые род Голицыных описан в конце XV века в русском источнике «Родословие литовских князей». В 1892 году в Санкт-Петербурге вышла в свет родословная Голицыных, составленная князем Николаем Николаевичем Голицыным, которая на сегодняшний день дает нам наиболее полное представление об истоках знаменитого княжеского рода и его представителях⁵. Во второй половине XIX века, в своих воспоминаниях известный мемуарист Ф.Ф. Вигель писал, что «скоро ни об одном Голицыне нельзя будет говорить без его родословной в руке, до того они размножились»⁶. Тот факт, что род князей Голицыных был едва ли не самым разветвленным и плодовитым во всей Российской империи, дал повод Ф.Ф. Вигелю, с некоторой долей иронии называть Голицыных не родом, а целым народом⁷.

Попытки составления родословной, включавшей период после 1917 года, предпринимались и значительно позже. Одним из самых значительных изданий можно назвать издание «Дворянские роды Российской империи», вышедшее в 1995 году в Санкт-Петербурге⁸.

Герб князей Голицыных представляет геральдический трехчастный щит: в верхней части щита расположен герб Великого княжества Литовского, в правой нижней части – Новгорода Великого. В левой нижней части в голубом поле серебряный с раздвоенными концами равноконечный крест, в середине которого в золотом поле – российский государственный орел. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкой. Композиция герба раскрывает важнейшие этапы истории голицынского рода.

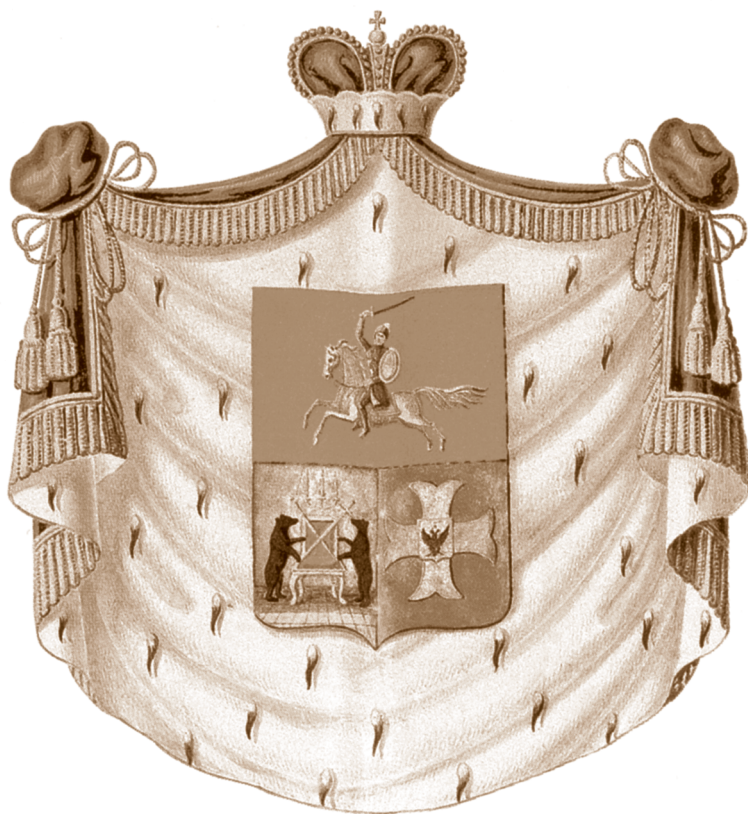
В XIX веке было принято разделение рода Голицыных на четыре ветви: Васильевичей, Алексеевичей, Ивановичей и Михайлови-

чей. Родоначальником четвертой, младшей, но наиболее знаменитой линии князей Голицыных, Михайловичей, был князь Михаил Андреевич – воевода Белозерский, Смоленский, Киевский и Курский. К Михайловской ветви князей Голицыных и относились владельцы московской усадьбы на Волхонке.

Первым хозяином будущей усадьбы стал князь *Михаил Михайлович Голицын (младший) (1685–1764)* – генерал-адмирал русского флота, кавалер орденов Св. апостола Андрея Первозванного и Св. Александра Невского, один из «птенцов гнезда Петрова». Князь начал военную службу в 1703 году, а в 1708 году царь Петр I отправил его в Голландию, для обучения морскому делу на кораблях голландского флота. Князь Михаил Михайлович участвовал в Северной войне 1700–1721 годов, в сражении при Гренгаме командовал отрядом галер. В 1724 году он был назначен советником Адмиралтейств-коллегии, а затем кригскомиссаром (руководил расходами на содержание войск, заготовкой различных материалов и инспектированием). С 1725 года – президент Юстиц-коллегии. В 1728 году князь стал сенатором, а в январе 1740 года – астраханским губернатором. Помимо военной службы князь выполнял дипломатическую миссию – с 1745 по 1748 год был послом в Персии. За честное служение Отечеству и военные победы в 1748 году, в царствование императрицы Елизаветы Петровны, князя Голицына назначили главнокомандующим русским флотом. В 1753 году он стал санкт-петербургским генералом-губернатором. При нем в Петербурге архитектором С.И. Чевакинским возведен Никольский Морской собор. В 1761 году князь Голицын вышел в отставку и поселился в Москве.

Князь Михаил Михайлович Голицын (младший) первым браком был женат на Марии Дмитриевне Головиной. В 1721 году она скончалась, не оставив потомства, и князь женился вторично. Его избранницей стала Татьяна Кирилловна Нарышкина, родившая ему восемь детей.

После возвращения в Москву князь задумал выстроить для своей семьи усадьбу неподалеку от Кремля. Впоследствии несколько поколений Голицыных перестраивали и украшали свое родовое имение, приглашая лучших русских архитекторов и иностранных живописцев. Изменения архитектурно-планировочной структуры усадьбы, неразрывно связанные с судьбами владельцев, позволяют проследить закономерности развития архитектурного ансамбля и его дворцовой части.

Герб князей Голицыных
1849 г.

Карл Людвиг Христианек,
Портрет князя
М.М. Голицына (младшего)
1763 (?)

© Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург

История голицынской усадьбы и дворца на Волхонке началась в первой трети XVIII века. Согласно переписным книгам, в 1716 году на месте будущей усадьбы находился двор боярина Б.Г. Юшкова, наследник которого – Совет Иванович Юшков – продал свое владение в 1724 году князю Михаилу Михайловичу Голицыну. В актовых книгах за 1724 год значится, что: «Мая 15 дня пехотного полку поручик Совет Иванович Юшков продал морского флота поручику князю Михаилу Михайловичу Голицыну двор в Белом городе, в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Турыгине, н.б.з., в меж: подле двора Авраама Федорова сына Лопухина, а по другой стороне – дьяка Ивана Ильина сына Ларионова, да в Белом городе белое место, приход вышеписанной церкви в меж: по обе стороны – места стольника Василья Васильева сына Панина, а по другую сторону – князя Василья Федорова сына Македонского, да его двор, за Пречистенскими воротами в Земляном городе в приходе церкви Знамения Пресвятой Богородицы, что на Девичьем поле, в меж: подле двора стольника Матвея Головина, а по другую сторону – княгини Юрьевской жены Семеновича Урусова вдовы Ульяны Васильевны, а оные дворы достались ему после деда – боярина Бориса Гавриловича, да дяди – окольного Тимофея Борисовича Юшковых, и тетки Прасковьи Борисовны стольника Дмитровской жены Никитича Головина и сестры его Марьи Дмитриевны княгини Михайловской жены Михайловича Голицына, за 1000 р.»⁹.

Представление о границах голицынского владения и его соседстве с другими дворами дает сохранившийся до нашего времени план церкви Чудотворца Николая в Турыгине (в настоящее время не существует) 1745 года¹⁰. Небольшой двор «со всяким каменным палатным и деревянным строением» выходил своей короткой стороной в Малый Знаменский переулочок. Домовладение Голицыных, расположенное на исторической территории Белого города, занимало угловой участок на пересечении Волхонки с Малым Знаменским переулочком. С ним соседствовали дворы действительного статского советника Ф.А. Лопухина, княгини А.Б. Прозоровской, П.Е. Ладыженского, дьяка Ларионова, генеральши А.В.Паниной и действительного статского советника С.А. Голицына. В непосредственной близости от голицынского владения располагался Старый конюшенный двор. В глубине владения находился большой дом, стоящий параллельно Малому Знаменскому переулочку, названный в архивных документах «старыми палатами»¹¹. Впоследствии на основе «старых палат» возвели главный дом голицынской усадьбы.

Первый по времени план владения составлен в 1759 году¹². Согласно архивным источникам, во время больших строительных работ доверенный князя Голицына А. Кожевников, писал, что господин приказал «к старым палатам вновь прибавочные два флигеля отстроить»¹³.

Строительство московской усадьбы производилось по проекту приглашенного князем М.М. Голицыным из Санкт-Петербурга известного архитектора Саввы Ивановича Чевакинского, яркого представителя «елизаветинского барокко» и главного архитектора Адмиралтейств-коллегии (от постройки С.И. Чевакинского до настоящего времени в усадьбе сохранились только каменные пилоны ворот с аркой и многоступенчатым аттиком). Возглавлявший Адмиралтейств-коллегию князь М.М. Голицын высоко ценил зодчего, имевшего богатый опыт в строительстве дворцовых помещений. Вместе с Ф.Б. Растрелли в 1745–1755 годах он участвовал в создании дворцово-паркового комплекса в Царском Селе, предназначенного для императрицы Елизаветы Петровны. По проекту С.И. Чевакинского перестроен и расширен Большой Царскосельский дворец, разработана отделка дворцовых апартаментов, он же спроектировал павильон Монбизу и участвовал в создании павильона Эрмитаж. Чевакинский перестроил дворец, принадлежавший графу Б.П. Шереметеву, известный как Фонтанный дом, и дворец графа И.И. Шувалова на Итальянской улице в Санкт-Петербурге.

Для будущей усадьбы архитектор разработал композицию, характерную для городских усадеб первой половины XVIII века. Главный дом фланкировали два симметричных флигеля с портиками-лоджиями. Внутри усадьбы находился курдонер с цветником. Усадьбу окружал глухой каменный забор. Массивные ворота, расположенные напротив главного дома, оформляли парадный въезд в усадьбу. Ворота представляли собой монументальное сооружение: по сторонам широкого арочного проема находились мощные пилоны, покрытые продольным рустом. Каждый пилон с обеих сторон поддерживался широкими лопатками. Сооружение завершал классический антаблемент с классическим аттиком. Арку ворот украшала ажурная кованая решетка с резными узорами и вензелем с инициалами владельца: “PMG” (Prince Michail Golitzin). Над аркой ворот Чевакинский поместил барельефное изображение родового герба князей Голицыных. Арка ворот с родовым гербом – единственное сохранившееся в Москве сооружение Саввы Чевакинского.

Строительными работами руководил московский архитектор Иван Петрович Жеребцов, автор проекта колокольни Новоспасского монастыря. Он также принимал участие в «починке» Лефортовского дворца и манежа Головинского дворца, участвовал в строительстве усадьбы Голицыных Влахернское – Кузьминки под Москвой, строил дома для московской знати. Вместе с Жеребцовым в постройке усадьбы участвовал Иван Стахиевич Мергасов.

В московской городской усадьбе князь М.М. Голицын (младший) жил вместе со своей семьей. От второго брака у него было пятеро сыновей. Усадьба на Волхонке перешла к старшему – генерал-поручику, действительному камергеру *Михаилу Михайловичу Голицыну (1731–1806)*, Тарусскому уездному, а затем Калужскому губернскому предводителю дворянства. В 1769 году он был награжден польскими орденами Св. Станислава и Белого Орла. Князь Михаил Михайлович Голицын был женат на единственной дочери генерал-поручика, барона Александра Григорьевича Строганова и Елены Васильевны (рожд. Дмитриевой-Мамоновой) – Анне Александровне (1739–1806). В год замужества дочери А.Г. Строганов в качестве приданого подарил ей свою усадьбу Кузьминки (Влахернское). В Придворном месяцеслове за 1802 год княгиня

Рокотов Федор Степанович
 Портрет княгини
 А.А. Голицыной (урожд. Строгановой)
 1774
 Воронежский областной художественный
 музей (ВОХМ), Воронеж

Рокотов Федор Степанович
 Портрет генерал-поручика князя
 М.М. Голицына
 1774
 Воронежский областной художественный
 музей (ВОХМ), Воронеж

Анна Александровна Голицына значится кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины меньшего креста.

В 1759 году, два года спустя после женитьбы, князь Михаил Михайлович (младший) получил по дарственной от отца усадьбу на Волхонке и в том же году расширил свои владения, одновременно выкупив два соседних смежных двора. Одно из имений принадлежало Ларионову, другое – действительному тайному советнику, генерал-аншефу, обер-гофмейстеру графу Никите Ивановичу Панину и его брату генерал-аншефу, сенатору, члену Государственного совета Петру Ивановичу Панину. Купчую на двор Ларионовых оформили сразу, а на двор Паниных – только в 1763 году¹⁴. Благодаря увеличению территории усадьба получила выход на Ленинку. Таким образом, в середине XVIII века границы голицынской усадьбы определились и сохранялись вплоть до 30-х годов XX века.

В середине XVIII века в общих чертах сформировался и исторический объем главного дома, определилась композиция его главного фасада и система планировки помещений, разделенных продольным коридором. По характеру сохранившихся архитектурных деталей: пропорций пилястр, очертаний коринфских капителей и рисунку консолей под балконом можно определить, что они появились в 60-е годы. На втором этаже в правом крыле главного дома была устроена домовая церковь. После окончания в главном доме отделочных работ, 28 февраля 1766 года состоялось освящение всех помещений дома и церкви в честь Рождества Богородицы¹⁵. Перед входом в основное помещение церкви находилась просторная комната с тремя окнами и четырьмя парами колонн искусственного мрамора, украшавшими подход к дверям. Церковь освещалась окнами, застекленными желтыми стеклами: двумя окнами в алтарной части и круглым окном на противоположной стене. Интерьеры церкви украшали резной золоченый иконостас с девятью иконами, паникадило, подсвечники¹⁶.

В 1774 году началась грандиозная перестройка главного дома и флигелей усадьбы в связи с намечавшимся приездом в Москву императрицы Екатерины II по случаю торжественного празднования заключения Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией. В августе 1774 года императрица сообщила о своих намерениях князю, который предложил ей остановиться в дворце на Волхонке.

Для строительства будущего Пречистенского дворца князь пригласил архитектора Матвея Федоровича Казакова. По проекту дворец состоял из домов князя М.М. Голицына, князя В.С. Долго-

Неизвестный художник второй половины XVIII в.
Портрет императрицы Екатерины II.
Саратовский государственный художественный музей
им.А.Н. Радищева

рукова и княгини Лопухиной, объединенных деревянной частью с переходами¹⁷. В возведении дворца принимали участие архитекторы Елизаветы Семенович Назаров, Христиан Иванович Розберг и Василий Яковлевич Яковлев¹⁸.

Начальник Кремлевской экспедиции М.М. Измайлов, нанявший три соседних с голицынским дома, 24 августа поручил Казакову сделать их обмеры. Строительство дворца осуществилось в необычайно короткие сроки – в течение трех месяцев. В воспоминаниях современника событий, А.Т. Болотова, рассказывается о том, что «несмотря на всю стужу и зимнее тогдашнее время, производилось строение сие с великим поспешением и тысячи рук занимались оным денно и ночно»¹⁹.

Английский путешественник Уильям Кокс во время своего пребывания в Москве наблюдал за возведением Пречистенского дворца и писал: «...здание, сооруженное с быстротой молнии, оказалось столь удобно, что материал, из которого оно сооружено, был употреблен впоследствии на постройку императорского загородного дворца, стоящего на небольшой возвышенности в окрестностях города»²⁰.

Приехавший в Россию 12 августа 1775 года французский дипломат Корберон 10 сентября 1775 года оставил запись в своем дневнике: «Нынешний дворец недавно устроен; это весьма искусное соединение деревянных и каменных домов, принадлежавших частным лицам; наружный вход украшен колоннами; за прихожей очень большая зала, за которою другая тоже большая, в которой императрица принимает иностранных министров. Далее следует еще более просторная зала, она тянется в длину всей постройки и состоит из двух комнат, разделенных посередине колоннами; в первой императрица играет, а вторая служит для танцев»²¹.

31 декабря 1774 года строительство дворца завершилось.

Рядом с Пречистенским дворцом по проекту Матвея Казакова была построена небольшая деревянная домовая церковь, освященная во имя св. Антония и Феодосия Печерских 16 декабря 1774 года. После разборки дворца ее иконостас перенесли в Кремль, в церковь Петра и Павла (в бывшем Николаевском дворце)²².

Императрица Екатерина II осталась недовольна постройкой М. Ф. Казакова. В своем письме к барону Гриму она сообщала: «Вы желаете иметь план дома, где я живу. Я вам его пришлю, но опознаться в этом лабиринте премудренная задача: прошло часа два, прежде чем я узнала дорогу к себе в кабинет, беспрестанно попадая

не в ту дверь. Выходных дверей много множество, я в жизнь мою столько не видала их. С полдюжины заделано по моему указанию, и все-таки их вдвое больше, чем нужно»²³.

После окончания торжеств и возвращения императрицы в Санкт-Петербург Пречистенский дворец разобрали и в главном доме начались перестройки и ремонт. Благодаря строительству Пречистенского дворца М.Ф. Казаков приобрел такую популярность, что едва мог справиться с последовавшими многочисленными заказами. Зимой 1775 года архитектор возвел Путевой дворец в Твери. По проектам Казакова построены многие значительные в общественном, культурном и градостроительном плане здания Москвы, такие, как: Сенат, Московский университет, Колонный зал Благородного собрания, а также здание Голицынской больницы, дома для московского генерал-губернатора З.Г. Чернышева на Тверской, купца М.П. Губина на Петровке, Е.Ф. Мусиной-Пушкиной и А.Г. Козицкой, заводчика И.И. Демидова на Гороховом поле и другие.

В 4-ом альбоме Партикулярных строений М.Ф. Казакова сохранился проект фасада главного дома голицынской усадьбы²⁴. Согласно этому проекту, фасад имел симметричную уравновешенную композицию. Его центральная часть выделена ризалитом с шестью

Фасад дома кн. М.М. Голицына.
Фрагмент из альбома М.Ф. Казакова.
Конец XVIII в.
ГНИМА им. А.В. Щусева

пилястрами коринфского ордера, которые поддерживали классический антаблемент. Справа и слева от центральной части располагались входы. Каждый из них украшен по обе стороны парными колоннами. В декоре фасада использованы сандрики и замковые камни под окнами, медальоны, арочные ниши, пилястры, балюстрады под карнизом и входами, продольный руст. Характерные для эпохи зрелого классицизма композиция и декор фасада здания с центральным пилястровым портиком и строгой симметрией боковых входов и ризалитов оставались неизменными вплоть до 20-х годов XX века.

Помимо главного дома зодчий М.Ф. Казаков в 1774 году заново перестроил и двухэтажный каменный правый флигель усадьбы, вытянутый вдоль северо-западной границы владения и выходящий торцевым фасадом в Малый Знаменский переулок. В основе здания флигеля лежит небольшой объем, построенный незадолго до возведения Пречистенского дворца. До 1774 года на месте правого флигеля голицынской усадьбы находились «Старые людские покои»²⁵. Позднее, в 1790-е годы, к правому флигелю со стороны двора пристроили двухэтажное каменное сооружение. Вход в правый флигель усадьбы, декор которого выдержан в строгих классицистических формах второй половины XVIII века, оформлен

Фасад дома кн. М.М. Голицына.
Фрагмент из альбома М.Ф. Казакова.
Конец XVIII в.
ГНИМА им. А.В. Щусева

величественным портиком с четырьмя колоннами дорического ордера.

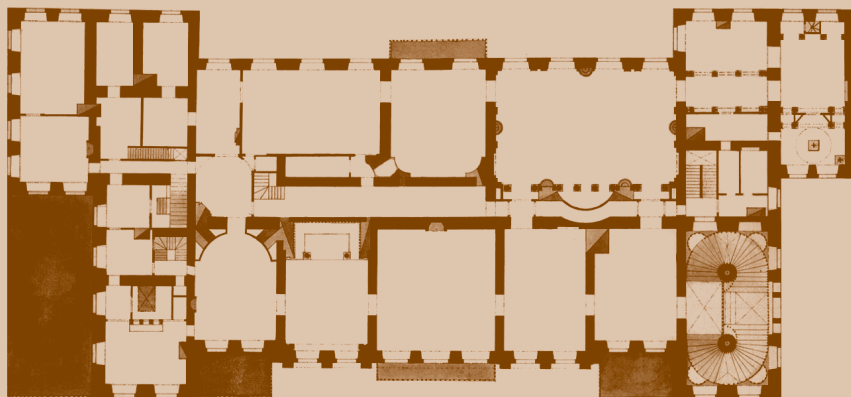
В эти годы были выполнены графические изображения фасада, разреза и планов главного дома, помещенные в 4-м альбоме Партикулярных строений М. Казакова. По сравнению с чертежом 1775 года главный дом претерпел ряд изменений. В уровне 1-го этажа была достроена левая часть дома, вместо двухмаршевой главной лестницы появилась новая овальная парадная лестница, такая же форма придана центральному вестибюлю, украшенному 4-мя парами колонн. Сдвоенные и отдельно стоящие колонны, необходимые для устройства хора для музыкантов, оформили пространство парадного зала, из которого через широкий, обозначенный рядом колонн проход попадали в домовую церковь.

Интерьеры второго этажа главного дома имели роскошное убранство: большой зал украшало зеркало в раме и филенки стен с отделкой искусственным мрамором. Помещения с колоннами ионического ордера, расположенные слева от большого зала с парадной лестницей, были перекрыты коробовыми сводами. В начале 1780-х годов в главном доме ставились «печи из гладких изразцов с росписанием их по опробированному рисунку», украшались живописью потолки, производились столярные заполнения рам и дверей. Ремонт и перестройки в доме продолжались до 1783 года. Большие строительные работы возобновлены в усадьбе лишь в 1796 году.

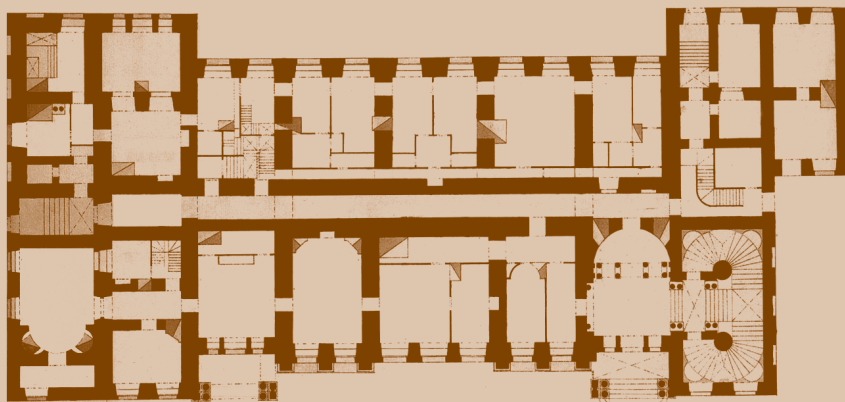
В 1804 году была составлена подробная опись находящейся в доме мебели²⁶. Опись дает представление о том, что в доме находилась мебель русских, а также европейских мастеров, привезенная из Италии, Германии и Франции.

Князь Михаил Михайлович Голицын скончался в Москве 21 января 1806 года и похоронен в Донском монастыре в церкви Архангела Михаила. Десять лет после его смерти усадьбой управляла его вдова. Княгиня Анна Александровна Голицына скончалась 22 апреля 1816 года, в возрасте 76 лет, и похоронена рядом с мужем.

В 1817 году владельцем усадьбы стал её сын – *Сергей Михайлович Голицын (1774 – 1859)*. Вступивший в права наследования князь сразу же занялся обновлением главного дома и приведением в порядок флигелей. Уцелевшая во время пожара Москвы 1812 года усадьба Голицыных была разграблена и разгромлена французами. После взрыва в Кремле «многие двери и рамы оконные с колодами вырвало с места...». Домовая церковь также пострадала от мародер-

План 2-го этажа в доме кн. М.М. Голицына.
Фрагмент из альбома М.Ф. Казакова.
Конец XVIII в.
ГНИМА им. А.В. Щусева

План 1-го этажа в доме кн. М.М. Голицына.
Фрагмент из альбома М.Ф. Казакова.
Конец XVIII в.
ГНИМА им. А.В. Щусева

ства²⁷. В 1818 году Голицын пригласил живописца Женини, выполнившего росписи комнат и плафонов, и К. Брауна, расписавшего фриз в парадном зале. В 1819 году был проведен крупный ремонт всех помещений. В 1831–1835 годах стены в некоторых комнатах дома украсили росписями. В проводимых в доме работах принимал участие Д. Жилярди. За «делание планов и рисунков» он получил вознаграждение²⁸. В доме работали и другие известные мастера: Кампиони, Бретон и Браун. Летом 1837 года в главном доме работали мраморщик Кампиони и живописец Бретон, выполнивший росписи в столовой, библиотеке, кабинете, спальне и в малиновой комнате. Изменения и перестройки происходили не только в главном доме, но и во флигелях. В 1836 году правый и левый флигели усадьбы надстроили вторыми этажами, что изменило облик усадьбы. В 1839 году для домово́й церкви резчиком Д.А. Шером выполнен новый иконостас. Живописец К. Браун «расписал золотом купол с арками и плафон на середине церкви, раскрасил стены зеленым колером...», а мебельщик Шмит сделал дубовые рамы в круглое окно, которое застеклили желтым стеклом²⁹ (иконостас и росписи сохранялись в церкви вплоть до 1926 года).

Князя Сергея Михайловича Голицына великий князь Николай Михайлович называл – «последним московским вельможей»³⁰. Благодаря своему добросовестному служению Отечеству он пользовался заслуженным уважением и был одним из самых почитаемых московских старожил. Князь Сергей Михайлович Голицын начал службу в Измайловском полку в 1789 году. В 1797 году он был пожалован в действительные камергеры. Назначенный в 1807 году почетным опекуном, более полувека прослужил в Москве, занимая должности попечителя учебного округа (1830), председателя Московских Опекунского совета и отделения Главного совета женских учебных заведений. За время службы князь С.М. Голицын получил все ордена, включая орден Св. апостола Андрея Первозванного. К студентам он относился очень гуманно и щедро помогал нуждающимся (казенно-коштным), вследствие чего среди них пользовался любовью и уважением. Князь сумел создать себе в Москве весьма почетное положение, был в дружеских отношениях с митрополитом московским Филаретом (Дроздовым). От матери С.М. Голицын унаследовал большое состояние, дававшее ему средства для широкой благотворительной деятельности. Князь особенно заботливо относился к питомцам находившегося в его ведении Воспитательного дома. Его деятельность по Воспитательному дому

высоко ценила императрица Мария Федоровна, о чем свидетельствует ее переписка с князем. В это время князь Сергей Михайлович являлся главою рода Голицыных и платил пенсии многим из своих нуждающихся родственников.

Князь С.М. Голицын был женат на *Евдокии (Авдотье) Ивановне Измайловой (1780–1850)*, славившейся в свете своей образованностью и красотой. Современники называли её «Princess Nocturne», за привычку устраивать приемы и принимать гостей в вечернее время. Свадьба состоялась в 1799 году, однако семейная жизнь Сергея Михайловича и Евдокии Ивановны не сложилась. Вскоре после свадьбы супруги навсегда расстались.

В доме князя С.М. Голицына часто бывал А.С. Пушкин, посвятивший его очаровательной супруге свои стихи «Краев чужих неопытный любитель» и «Простой воспитанник природы»:

*Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина – не с холодной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не холодным, не пустым?
Отечество почти я ненавижу –
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.*

В домово́й церкви князя С.М. Голицына несколько лет спустя поэт мечтал обвенчаться со своей избранницей. Сохранилось письмо московского почт-директора А.Я. Булгакова к брату от 18 февраля 1831 года, в котором он сообщает о намерениях А.С. Пушкина: «Сегодня свадьба Пушкина наконец. С его стороны посаженными Вяземский и гр. Потемкин, а со стороны невесты Иван Ал. Нарышкин и А.П. Малиновская. Хотели венчать их в домово́й церкви кн. Серг. Мих. Голицына, но Филарет не позволяет. Собирались его упрашивать; видно, в домовых нельзя, но я помню, что у Оболянинова обвенчали Сабурова, что на Викентьевой женился недавно»³¹.

Князь Сергей Михайлович Голицын был натурой яркой, многогранной, имел благородную страсть к коллекционированию. Собранный им в 1830–1850-е годы картинная галерея состояла из 80 полотен, расположенных в двух специально приспособленных для этого комнатах. Современник князя, А.А. Андреев, писал: «В этих 80-ти картинах было разлито столько вкуса, знания дела, строгого выбора и притом заключалось столько истинно драгоценных предметов искусства, что в художественном отношении даже небольшая эта коллекция по внутреннему значению своему могла бы уже смело выдержать соперничество со многими частными европейскими галереями, почитаемыми по справедливости знаменитыми»³².

В этом же издании Андреев приводит перечень произведений из коллекции князя: «Триумф Галатеи» Франческо Альбани (согласно современной атрибуции – копия XVII века с работы Карло Маратта), «Иоанн Богослов» Карло Дольчи, «Благовещение» Фра Беато Анджелико (в настоящее время – работа Чимы да Конельяно), «Распятие» Бернардино Луини, «Переулочек в Венеции» Антонио Каналетто (Франческо Гварди «Городской вид с аркой», «Развалины» Паоло Паннини, (в настоящее время работа Джованни Гизольфи, «Лот с дочерью» Адриана ван дер Верфа, «Людовик XIV при

Алексей Егорович Егоров
 Портрет княгини Е.И. Голицыной.
 Государственная Третьяковская галерея,
 Москва

Василий Андреевич Тропинин
 Портрет князя С.М. Голицына. 1828
 Саратовский государственный
 художественный музей им. Радищева

взятии Безансона» Адам-Франца ван дер Мейлена и «Базар в портовом городе» Жан-Луи Демарна и другие полотна³³.

Многие живописные полотна приобретены князем в 1817 году на распродаже Картинной галереи при Голицынской больнице, среди которых можно назвать «Обольстителя» Адама Йозефа Брауна, «Святое семейство», приписываемое Корнелису ван Клеве, и два пейзажа Йоса II де Момпера: «Горный пейзаж с упавшим ослом» и «Пейзаж с часовней на холме»³⁴. Собрание произведений искусства, принадлежавшее князю, размещалось в его доме на Волхонке и в подмосковном имении Кузьминки (Влахернское). Впоследствии все собрание князя перешло к его племяннику.

Князь С.М. Голицын скончался 7 февраля 1859 года, не оставив после себя прямых наследников. Усадьба на Волхонке вместе со всем имуществом и коллекцией произведений искусства по завещанию перешла его племяннику, князю Михаилу Александровичу Голицыну.

Князь Михаил Александрович (1804–1860) – сын А.М. Голицына и княгини Н.Ф. Голицыной (ур. княжны Шаховской), родился 5 мая 1804 года в Москве. Его детские и юношеские годы прошли в Париже, где он получил солидное образование. Огромное влияние на формирование его личности оказал романтизм, распространившийся в эти годы в европейской культуре. В Париже князь посещал салон своей тети, княгини Е.М. Голицыной, и встречался с видными европейскими литераторами, музыкантами и художниками. В Россию князь приезжал довольно часто, но его визиты были кратковременными. Князя хорошо знали в литературных кругах и среди библиофилов Москвы. Он общался с другом А.С. Пушкина – библиофилом и библиографом С.А. Соболевским, с братьями Александром и Андреем Карамзиными. Современники с почтением отзывались о князе Голицыне как о блестящем эрудите и писателе. Он издал два собственных сочинения (анонимно) на французском языке, а также каталог своей библиотеки³⁵.

Князь М.А. Голицын был женат на М.И. Долгоруковой. От этого брака у него был единственный сын – князь Сергей Михайлович, родившийся в Париже в 1843 году.

В доме Голицыных жил семейный врач, Карл Маркович Гюнцбург, человек широко образованный и уважаемый. Сохранились воспоминания Гюнцбурга, хорошо знавшего князя Михаила Александровича: «С юных лет он с особенной любовью предавался наукам и изучению классиков, преимущественно римских, с ко-

торыми был знаком основательно.... Где только были собраны сокровища человеческого знания и искусства, там он останавливался охотно»³⁶.

Князь Михаил Александрович Голицын, как и многие другие представители рода Голицыных, прославился на дипломатической службе. Через год после смерти отца, в 1822 году, он поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел, а уже в 1824 году стал членом дипломатической миссии во Флоренции, в которой прослужил около 12 лет.

Известный литератор, брат декабриста Н.И. Тургенева, А.И. Тургенев в своем письме к П.А. Вяземскому 23 октября 1834 года писал: «...Во Флоренции познакомься с князем Михаилом Голицыным: умен и любезен и просвещен. Брат его в Риме – добрый и рассеянный аристократ. Отобедай у него, ибо это первый стол в Италии»³⁷.

В 1836 году миссию во Флоренции упразднили и указом императора Николая I его назначили членом дипломатической миссии в Риме³⁸. В эти годы князь тайно принял католичество. Католичество принял и младший брат князя – Федор Александрович Голицын (1808–1848). Это явление получило распространение в аристократических кругах: в католичество перешли княгиня Зинаида Волконская, Михаил Лунин, Петр Чаадаев и другие. Через четыре месяца после нового назначения князя отозвали в Россию.

Прибыв на родину, он на некоторое время вышел в отставку по состоянию здоровья и лишь в 1854 году продолжил дипломатическую карьеру. В 1856 году князь Михаил Александрович был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Дворе испанской королевы. В 1857 году князь был произведен в действительные статские советники и пожалован в звание камергера Двора его императорского высочества.

В 1859 году он возглавил московскую Голицынскую больницу, которую считал «драгоценнейшим перлом своего наследства». По примеру дяди князь принял решение ежегодно вносить деньги на содержание 30 неизлечимо больных³⁹.

Интерес к европейскому искусству, в особенности к итальянской живописи, князь унаследовал от своего отца – Александра Михайловича Голицына, известного в обществе под именем «Le Petit Golitzyne». Известно, что из-за тяжелого заболевания туберкулезом в 1819 году он переехал в Рим. В Италии князь А.М. Голицын прожил три года, а затем переехал в Париж, где и скончался

в декабре 1821 года. После его смерти королевский нотариус Буалло составил опись движимого имущества «Succession de S. «Ех» le Prince Alexandre Galitzin. M. Boillou. Paris. 1821»⁴⁰.

Среди предметов искусства, перечисленных в описи, значились копия статуи Вольтера, работы Гудона (фигурка из бисквита под стеклянным колпаком на подставке из черного дерева), голова Юпитера, выполненная из белого мрамора (копия с античного оригинала), два небольших пейзажа кисти Демарю в золоченых рамках, миниатюрный портрет папы Пия VII и др. В описи перечислены также издания из личной библиотеки князя, фамильные драгоценности и мебель. Все вещи, принадлежавшие князю, впоследствии перешли к его сыну.

Помимо полученных в наследство от отца произведений искусства князь Михаил Александрович приобретал археологические древности и предметы декоративно-прикладного искусства. В результате князь обладал достаточно внушительной по составу и количеству коллекцией. Картинная галерея князя состояла из 200 произведений, 40 из которых, по признанию современников, могли бы составить украшение любой европейской галереи. В собрании Голицына находились такие шедевры, как триптих «Распятие» Пьетро Перуджино и «Благовещение» Чимы да Конельяно. Обе картины были приобретены в Риме его отцом, большинство же произведений приобретены во время зарубежных поездок князя. Некоторые полотна ранее украшали знаменитую галерею герцога Орлеанского.

Из 200 живописных полотен в собрании князя М. А. Голицына лишь три принадлежали кисти русских художников. Состав коллекции, в которой практически не представлены произведения русского искусства, весьма красноречиво свидетельствует о недостаточном интересе русской аристократии к отечественной культуре и её явном тяготении к европейской культуре. Подобное соотношение русского и европейского искусства, весьма характерное практически для всех дворянских коллекций XIX века, сложилось еще в XVIII веке.

О своем желании открыть в главном доме усадьбы на Волхонке музей западноевропейского искусства Михаил Александрович сообщает в своем завещательном письме, хранившемся у супруги – княгини М. А. Голицыной⁴¹.

Князь Михаил Александрович завещал, чтобы коллекция, состоящая из картинной галереи, прекрасных образцов западноев-

ропейской скульптуры, античных мраморов, керамики и бронзы, а также северского фарфора, оружия и изделий из драгоценных металлов, была представлена во всем своем разнообразии и полноте.

Современник князя М.А. Голицына – Владимир Алексеевич Муханов (1805–1876), писал: «Неправильное воспитание сообщило ему направление, не вполне соответствующее его положению; преувеличенная склонность к чужеземному и, по несчастью, отчуждение от своей собственной страны <...> воспрепятствовали ему принести своему Отечеству ту пользу, которую он бы мог... Просвещенный ум, доброе сердце, большая обходительность, старинная любезность сообщали большую прелесть в общении с князем Голицыным... У князя были благородные вкусы; он любил картины, статуи, старинную мебель, но особенною страстью была у него любовь к старым книгам»⁴².

Современники князя не случайно подчеркивали его особенную любовь к старинным книгам: библиотека М.А. Голицына была одной из лучших личных библиотек в России. Впоследствии, когда она разместилась в доме на Волхонке, ее посещали И.Е. Забелин, П.И. Щукин, М.П. Погодин. Книги для своей библиотеки Михаил Голицын покупал у известных московских библиофилов: М.П. Голицына, А.С. Власова, А.М. Дмитриева-Мамонова и А.Г. Головкина⁴³.

Библиотеку князя составляли 20 000 томов по философии, истории, дипломатии. Ее посещали крупные русские ученые, студенты, деятели науки и культуры. В 1866 году был опубликован каталог книжного собрания на французском языке: «Catalogue des livres de la bibliothèque de Mikhail Galitzine», составленный профессором медицины, доктором К.М. Гюнцбургом.

В четвертом номере «Современной летописи» (воскресного приложения к «Московским ведомостям» за 1865 год) Карл Маркович Гюнцбург писал: «Библиотека князя Голицына вполне заслуживает название классической. В ней имеется превосходное собрание сочинений по богословию, юриспруденции, положительным наукам и изящным искусствам, истории, географии и преимущественно же сочинения классической литературы Греции, Рима, Франции, а также лучших классиков Англии и Италии в отличных и редких изданиях... Но что делает эту библиотеку одним из украшений Москвы – это драгоценное собрание топографических редкостей»⁴⁴.

Наиболее ценные приобретения князь фиксировал в своих записях. В «Воспоминаниях» П.И. Щукина приведены отрывки из

записок князя: «Notices sur quelques acquisitions des livres, tirées d'un carnet du Prince Michel Alexandrovitch Galitzin». В этих заметках отмечены наиболее редкие издания старейших издательских домов Альда в Венеции и Эльзивиров в Амстердаме⁴⁵.

Библиотека состояла из семнадцати разделов. В первый раздел входили труды по теологии, во второй – по философии, морали и юриспруденции, третий – по науке; четвертый – по оккультным наукам; пятый был посвящен изящным искусствам, шестой – грамматике, риторике, ораторскому искусству. К самым ценным книгам своего собрания князь относил раритеты: девятнадцать рукописей эпохи Средневековья и Раннего Ренессанса, шестьдесят семь инкунабул. Некоторые книги, судя по оттискам гербов на страницах, принадлежали некогда герцогу Орлеанскому и мадам Помпадур. Библиотека князя Голицына считалась классической аристократической библиотекой, вобравшей в себя труды практически по всем областям науки и культуры.

Скоропостижная смерть помешала осуществлению многих планов князя М.А. Голицына. В 1860 году по дороге в Монпелье князь М.А. Голицын скончался и был похоронен в Болонье. В 1860 году все имущество князя и усадьбу на Волхонке унаследовал его семнадцатилетний сын, *Сергей Михайлович Голицын (1843–1915)*, ставший последним владельцем московской голицынской усадьбы. Князь Сергей Голицын служил в гусарском полку, ушел в отставку в звании полковника. Действительный статский советник, с 1912 года – егермейстер. Владел землями в Московской, Пермской и Тульской губерниях. Как и отец, являлся почетным попечителем и главным директором московской Голицынской больницы.

Семейная жизнь князя развивалась бурно. Его первый брак с А.И. Гладковой, от которой он имел двоих сыновей и три дочери, не сложился, супруги расстались в 1882 году. Вскоре князь женился вторично, на Е.В. Никитиной, которая скончалась в 1904 году. Год спустя князь женился на баронессе Вере Леонардовне Штейнгель. Вскоре у князя родилась дочь Ирина, и супруги расстались. Четвертая жена С.М. Голицына – Анна Александровна Кугушева – умерла в 1950 году во Франции.

Выполняя последнюю волю своего отца и его завещание, князь С.М. Голицын вместе с К.М. Гюнцбургом приступили к созданию музея на втором этаже главного дома. Открытие музея состоялось 26 января 1865 года. К.М. Гюнцбург занимался научной обработкой коллекции и организацией экспозиции. В 1866 году он соста-

вил Описание Голицынского музея, а три года спустя опубликовал первый Указатель Голицынского музея. После открытия музея коллекция продолжала пополняться. Вновь приобретенные вещи отмечались в указателе римскими цифрами.

В своих воспоминаниях П.И. Щукин высоко оценил музей, он писал: «Голицынский музей был, в сущности, небольшой, но все, что в нем заключалось, было действительно прекрасно. Все предметы, собранные князем Михаилом Александровичем Голицыным, указывали на его вкус и знания... Голицынский музей был открыт для посетителей по средам и воскресеньям, с 12-ти до 4-х часов дня»⁴⁶.

Удачное местоположение музея отмечали все современники. Голицынский музей соседствовал с Московским публичным и Румянцевским музеем на Знаменке. Не случайно земельный участок на Волхонке выбрал для строительства будущего Музея изящных искусств имени Императора Александра III профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев.

Ежегодно музей посещало более трех тысяч зрителей, среди которых были представители самых разных сословий; особенно охотно приходили студенты, художники, историки, археологи и коллекционеры. Частым гостем здесь был известный московский собиратель Иван Евменьевич Цветков. В 1871 году, после ознакомления с музейным собранием, он написал статью, опубликованную в «Вестнике Московской политехнической выставки», в которой дал очень высокую оценку этому музейному собранию. В статье приведены слова голландского путешественника Лаара о том, что «ни одно собрание в Голландии не может идти в сравнение с коллекцией князя Голицына по представительности»⁴⁷.

Хранителем и директором Голицынского музея на протяжении всей истории его существования состоял уже упомянутый Карл Маркович Гюнцбург. П.И. Щукин писал: «Директором музея состоял старичок немец – доктор медицины Карл Маркович Гюнцбург. С ним я познакомился. К.М. Гюнцбург, служивший в прежнее время врачом у Голицыных в Нижнем Новгороде, был человек очень начитанный, философски образованный, знавший немецкий, русский, латинский, древнегреческий, французский и английский языки»⁴⁸.

В первый год деятельности Голицынского музея Гюнцбург отмечал: «...В настоящее время Голицынский музей уже пользуется правом гражданства, наравне с другими подобными публичными учреждениями, существовавшими в Москве, и, судя по той ревню-

сти, с которой он посещается людьми всех сословий нашего общества, можно безошибочно заключить, что мысль покойного князя, основателя Музея, – способствовать развитию эстетического вкуса наших соотечественников – вполне оценена публикою»⁴⁹.

Представление об экспозиции музея дает описание Голицынского музея и его указатель. Она была прекрасно продумана и организована. В первом зале были выставлены полотна итальянской школы – самого представительного раздела живописного собрания музея, с «жемчужинами» коллекции – триптихом «Распятие с предстоящими» Пьетро Перуджино и работой Чимы да Конельяно «Благовещение». Здесь же экспонировались мраморные антики: бюст Сенеки из черного мрамора с бронзовой драпировкой; два небольших бюста императоров Калигулы и Домициана; а также два античных канделябра с рельефными фигурами, найденные при раскопках в Помпеях, две вазы из темного мрамора и античная урна с латинской надписью. В следующем зале была показана французская живопись. Центральное место в нем занимали декоративные ансамбли Юбера Робера. Рядом с живописными произведениями находились скульптурная группа «Давид и Голиаф» работы итальянского мастера Фоджини. Экспозицию зала удачно дополняла старинная мебель – комоды времен Людовика XV, шкафы итальянской работы XVI века, стол из черного дерева с инкрустацией перламутром и слоновой костью (работы флорентийского мастера), китайские сундуки и мебель работы русских мастеров времен Елизаветы Петровны. В третьем зале музея находилась коллекция полотен фламандских, голландских, немецких, австрийских и русских мастеров. Зал украшали вазы северского фарфора времен Людовика XV и Людовика XVI, китайское блюдо и кувшин из эмалированной меди, два канделябра старого саксонского мрамора и другие предметы декоративно-прикладного искусства. В четвертом зале музея, отведенном специально для богатейшего собрания декоративно-прикладного искусства, находились два старинных гобелена, исполненных по картонам Франсуа де Труа, вазы, чашечки, сахарницы северского фарфора, предметы английского и саксонского фарфора. В этом же зале находилась небольшая коллекция китайского и японского фарфора. В витринах – большой серебряный бокал с крышкой работы мастера Христофора Ямицера из Нюрнберга, серебряный бокал в виде грозди винограда и другие сосуды из серебра. Здесь же находились вазы из слоновой кости и бронзы, принадлежавшие Марии-Антуанетте, серебряные часы времен

Людовика XV, два стола, украшенные флорентийской мозаикой, на бронзовых ножках, и малахитовый круглый стол. В последнем, пятом зале музея располагалась коллекция скульптуры: два бюста работы Гудона (1775), копия со знаменитой статуи Микеланджело «Моисей» из церкви Сан-Пьетро ин Винколи в Риме и «Ангел хранитель» работы Луиджи Бьенеме (1795–1878); «Меркурий» работы Эдуарда Шмидта фон дер Лауница (1797–1869), а также копии с античных скульптур.

Основатель Голицынского музея завещал его Москве, но в 1886 году его сын, князь Сергей Михайлович Голицын принял решение о продаже всего собрания. Необходимость распродажи музея была вызвана возникшими в Голицынской больнице финансовыми трудностями: больница нуждалась в строительстве новых корпусов и приобретении дорогостоящего оборудования и медикаментов. Благотворительная деятельность всегда имела для Голицыных первостепенное значение. Достаточно вспомнить историю распродажи Картинной галереи при Голицынской больнице, когда все вырученные средства были направлены на благоустройство больницы и её расширение.

О продаже Голицынского музея узнали не только в Москве и Петербурге, но и в Европе. Князь С.М. Голицын обратился с предложением продать музейную коллекцию в Императорский Эрмитаж и направил письмо министру Министерства императорского двора графу И.И. Воронцову-Дашкову в Ливадию. Несмотря на это, в приобретении коллекции было отказано, о чем свидетельствует письмо от 23 декабря 1885 года⁵⁰.

Директор Эрмитажа, А.А. Васильчиков, озабоченный угрозой навсегда потерять для России голицынское собрание, 30 марта 1886 года направил графу И. И. Воронцову-Дашкову телеграмму: «Собрание Голицына в Москве продается. Картины, бронза, предметы искусства единственные. Из Парижа приехал покупатель. Васильчиков»⁵¹. Понимая ценность собрания, А.А. Васильчиков не мог допустить, чтобы оно было вывезено за границу, и стремился заручиться поддержкой влиятельных государственных деятелей. Следующее его обращение адресовано графу С.Д. Шереметеву. Из Санкт-Петербурга в Москву отправилась телеграмма, в которой директор Эрмитажа убеждает графа в необходимости приобретения этого собрания и просит сообщить об этом графу в Ливадию⁵².

В своем дневнике 26 мая 1886 года Государственный секретарь А.А. Половцов записал: «...Парижские торговцы, приезжавшие

в Москву для оценки коллекции князя Голицына, были у меня, предлагали мне принять участие в покупке коллекции, которую оценили в 1 миллион рублей. Государь поручил Воронцову обсудить эту покупку, а Воронцов предлагает мне войти в долю и приобрести для нашего училища те предметы, кои он не пожелает»⁵³.

Две недели спустя в его дневнике появляется новая запись: «Голицын свободен от всяких обязательств по продаже своей коллекции, но имеет много предложений из-за границы. Государь не верит в эти предложения, а думает, что можно будет купить несколько предметов на выбор. Я выражаю убеждение, что это не удастся»⁵⁴.

Принятые А.А. Васильчиковым меры привели к желаемому результату: в 1886 году Министерство императорского двора сочло возможным приобретение коллекции Голицынского музея для Эрмитажа⁵⁵.

В.Ф. Левинсон-Лессинг писал: «В том же 1886 году, когда создавалось новое отделение Эрмитажа, в его состав влилось ещё одно крупное собрание довольно разнородного состава. Это был московский Голицынский музей, приобретенный в полном составе для Эрмитажа по инициативе Васильчикова за 800 тыс. рублей. Коллекции этого музея были составлены в основном во второй половине XVIII века А.М. и Д.М. Голицыными, преимущественно путем покупок в Вене и Париже. Голицынское собрание, наряду с превосходной библиотекой, собранной М. А. Голицыным (1804–1860), и ценным собранием предметов прикладного искусства XVIII века, дало Эрмитажу ряд хороших картин, не имевших, однако, большого значения для дополнения или усиления его галереи, за исключением «Благовещения» Чимы да Конельяно»⁵⁶.

В момент приобретения Голицынского музея, в 1886 году, хранитель Императорского Эрмитажа Андрей Иванович Сомов на основе Указателей Голицынского музея 1882–1886 годов составил Описание. В нее включены все произведения голицынского собрания, поступившие в Эрмитаж, за исключением произведений, переданных в Саратовский художественный музей им. А.Н. Радищева⁵⁷.

По этому поводу «Художественные новости» сообщали: «Прием предметов Голицынского музея и составление подробной описи не представляли большого затруднения, так как вся их коллекция оказалась налицо и содержавшаяся в должном порядке...» Там же читаем: «Действительно, нельзя не радоваться от души тому, что художественные и библиографические драгоценности Голицынского собрания не ушли в чужие края, а остались в России и послу-

Вид главного фасада до перестройки.
Из коллекции Н.Д. Виноградова.
1920-е годы.
ГНИМА им. А.В. Щусева

Ворота усадьбы Голицыных с родовым гербом.

Из коллекции Н.Д. Виноградова.

1920-е годы.

ГНИМА им. А.В. Щусева

жат существенным обогащением для нашего Эрмитажа и других публичных музеев»⁵⁸.

О продаже Голицынского музея П.И. Щукин писал: «Несмотря на майорат, князь С. М. Голицын продал в 1886 году в Петербург все свои коллекции за относительно незначительную сумму – восемьсот тысяч рублей – и тем лишил Москву прекрасного музея, обогатив и без того богатые Императорский Эрмитаж и Императорскую публичную библиотеку. Теперь не увидишь ни в одном московском музее таких чудных гобеленов, такого севрского фарфора и многих других вещей, какие находились в Голицынском музее»⁵⁹.

Собрание бывшего музея поступило в Эрмитаж в 1886 году, а уже в 1887-м по приказу императора Александра III началось рассредоточение его собрания по загородным дворцам. По сведениям В.Ф. Левинсона-Лессинга, «второстепенные картины из Голицынского музея были отправлены в загородные дворцы, пять картин Юбера Робера (в составе собрания было 11 картин) – в Аничков дворец»⁶⁰.

В 1887 году император Александр III передал в дар Саратовскому музею ряд произведений западноевропейского и русского искусства из бывшего Голицынского музея. Об этом свидетельствует список, сделанный главным хранителем Эрмитажа А.И. Сомовым и хранящийся в архиве Саратовского музея⁶¹.

Против передачи в Саратов части голицынского собрания активно выступал директор Императорского Эрмитажа А.А. Васильчиков. Позиция, которую занял Васильчиков, пришлась не по вкусу императору, и уже в следующем, 1887 году на посту директора Эрмитажа его сменил князь С.Н. Трубецкой.

Лучшие экспонаты бывшего Голицынского музея и в настоящее время хранятся в Эрмитаже. Исключение составляет только проданный в 1931 году Эндрю Меллону триптих Пьетро Перуджино «Распятие с предстоящими»⁶². В «Истории Эрмитажа» Б.Б. Пиотровский пишет: «...На втором этапе коллекционирования Меллон избегал религиозной тематики, и поэтому в его собрании было мало итальянской живописи. Особенно ему не нравились сцены Распятия. Он приобрел «Распятие» Перуджино только потому, что в нем царил величественное спокойствие, без тени страдания...»⁶³

Так закончилась история одного из самых известных в Москве частных музеев западноевропейского искусства.

После закрытия музея, во второй половине XIX века, в Голицынской усадьбе на Волхонке развивались благотворительная и доходная функции. С 1877 года жилые помещения сдавались внаем. В 1876 году они были устроены на первом этаже здания, а угловой корпус по улице Пречистенке капитально перестроили «с обращением нежилого этажа в жилое», с новым решением фасада и ограждением внутреннего двора здания. В угловой части бывшей территории хозяйственного двора сформировалась автономная жилая зона, включавшая в себя объем юго-западного флигеля и угловой, приспособленный под жилье корпус. Участок хозяйственного двора с садом также оградили, выделив площадку перед торцевым фасадом главного дома с вновь устроенным входом в торце, к которому попадали через ворота ограды по Пречистенке. В архивных документах 1876 года сохранились сведения о размере участка: по Малому Знаменскому переулку он насчитывал 59 саженей, по Пречистенской улице – 64,5 саженей, а с двух других сторон – по 23 сажени. Площадь застроенной и незастроенной земли составляла 2915 кв. саженей⁶⁴.

В древнюю часть здания, выходящую торцевым фасадом в Малый Знаменский переулок, вело два входа: один со стороны переулочка, пробитый в 1880 году, другой со стороны двора. Из него попадали на лестницу, ведущую на второй этаж и в парадные комнаты, которые в то время занимал князь Сергей Михайлович Голицын. На первом этаже находилась контора домовладельца из пяти комнат с передней, кухней и туалетом. В части здания времени классицизма были устроены два входа со стороны двора: с правой стороны от портика – на первый этаж, где размещалась кухня, с левой стороны от портика вход вел к лестнице на второй этаж, в квартиру, сдаваемую внаем.

В 1880 году на территории усадьбы предполагалось построить сильно вытянутый хозяйственный корпус (проект так и не был осуществлен) и двухэтажное здание с конюшней на первом этаже и квартирой и сенником – на втором, на месте давно разобранной оранжереи. В 1881 году здание построили в соответствии с проектом. В 1889 году напротив этого корпуса построили одноэтажное здание с каретным сараем и погребями, уменьшив при этом территорию сада.

В 1890–1892 годах здание левого флигеля усадьбы полностью перестроили по проекту архитектора В.П. Загорского (1846–1912), архитектора Московского дворцового ведомства, принимавшего

участие в восстановлении Большого Кремлевского, Николаевского и Потешного дворцов в Кремле. В.П. Загорский руководил работами по подготовке Кремля к коронации. В Москве по проекту архитектора построены: здание Московской консерватории (1894–1901, Б. Никитская, д.13), усыпальница Великого князя Сергея Александровича в Чудовом монастыре (1906, не сохранилась), колокольня церкви в Александровском приюте (1892, не сохранилась), доходные дома на Проспекте Мира (1885, Проспект Мира, д.3) и Тверском бульваре, д.7 (1882, Тверской бульвар, д.7), Торговый дом на Кузнецком Мосту (1893, левое строение, Кузнецкий Мост, д.4).

Новое трехэтажное здание левого флигеля усадьбы, возведенное на месте трех снесенных зданий, предназначалось для размещения в нем мебелированных комнат и получило название «Княжий двор». Здание имело характерную для построек гостиничного типа планировку этажей с длинными коридорами, благодаря чему имело сильно вытянутый фасад. Декор фасадов с продольным рустом по всей высоте стены, полуколонны с коринфскими капителями, акцентирующие главный вход, замковые камни над окнами придали зданию характер классицизирующей эклектики. Основной фасад здания архитектор обратил в Малый Знаменский переулок. Торцевой фасад, решенный как величественный портал, соответствует градостроительной роли здания. В 1893 году в здании мебелированных комнат произошел пожар.

История главного дома продолжилась в 80–90-х годах, когда с 1888 по 1892 год в нем разместилось частное реальное училище И.М. Хайновского. В 1903 году дом купило Московское художественное общество, которое, как и прежний владелец, сдавало часть помещений внаем различным учреждениям. Согласно «Оценочным ведомостям», в начале XX века первый этаж дома с квартирами из 12 и 7 комнат сдавался в аренду, а второй занимали Торговая школа, квартира и домовая церковь. В антресолях находилась квартира воспитателя из 4-х комнат и столовая Торговой школы.

В 1895 году «на замену ветхой каменной ограды по Малому Знаменскому переулку» по проекту архитектора П.М. Самарина была построена новая «металлическая в каменных столбах на каменном цоколе»⁶⁵. В 1895 году вдоль Малого Знаменского переулка возвели новую ограду на каменном цоколе и каменных столбах, сохранив ворота второй половины XVIII века в прежнем виде.

Решетка выполнена по проекту ограды 1881 года, которую предполагали поставить по Волхонке. В архивных материалах

1831 года хранится договор, заключенный с купцом Шатровым о починке железных ворот от повреждений⁶⁶.

К началу XX века голицынская усадьба сохранила свою планировочную структуру. В 1901 году в усадьбе провели водопровод и канализацию. Перед революцией здесь располагалась женская гимназия Л.Н. Громогласовой. Княжна Лидия Николаевна Громогласова (урожденная Дулова) – супруга протоиерея Ильи Михайловича Громогласова, профессора Московской духовной академии, преподавателя русской литературы и всеобщей истории в Московской женской гимназии, церковного права Высших женских курсов и университета. Протоиерей Илья Громогласов служил в церкви Св. Мученика Антипия в Колымажном переулке, позднее стал настоятелем церкви Вознесения в Кадашах, арестован и расстрелян большевиками в 1937 г.⁶⁷ Лидия Николаевна Громогласова происходила из ярославских Рюриковичей, сестра известного музыканта Г.Н. Дулова, родственница Зографов и Третьяковых⁶⁸.

В 1909 году левый флигель усадьбы арендовал Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского, а в 1927 году в правом флигеле усадьбы разместилось издательство «Большая советская энциклопедия», затем в нем находились Институт языкознания АН СССР и журнал «Вопросы языкознания».

После революции в главном доме усадьбы продолжали работать сельскохозяйственные курсы, в 1922 году его заняли Московский лесной институт и Московский народный лесотехникум. Его представители обратились в отдел по делам музеев Главнауки с просьбой предоставить помещение бывшей церкви под читальный зал библиотеки. Претендовали на церковь и московские Высшие художественно-технические мастерские (Вхутемас), указывая, что она «как памятник необходима для изучения архитектурных форм и будет использована для работы с натуры студентами». Представляя собой «высоко-художественный памятник архитектуры эпохи русского классицизма», домовая церковь находилась под охраной Отдела по делам музеев и памятников искусства и старины. В результате помещение церкви разделили на две части для студентов Вхутемаса и Лесного института.

В 1925 году Лесной институт перевели в Ленинград, а здания передали Коммунистической академии для «расквартирования ряда научно-исследовательских учреждений». Помещение бывшей домовая церкви теперь занимало Гистологическое отделение Института мозга, по просьбе сотрудников института в 1926 году из

церкви вынесли всю церковную утварь (в настоящее время ее нахождение неизвестно).

В 1927 году строительное управление Коммунистической академии приняло решение надстроить два этажа для получения дополнительных площадей. В 1929 году здание приобрело новый облик. Во время надстройки двух верхних этажей был сбит фронтон на главном фасаде, отчего внешний вид дома утратил свой первоначальный вид, исчезли балюстрады над карнизом лицевого фасада и входами. В результате перестройки здания исчезла парадная лестница конца XVIII века, камин, разорена домовая церковь, исчез позолоченный иконостас.

В 1930-е годы при расширении проезжей части Волхонки все здания и хозяйственные постройки усадьбы, расположенные вдоль красной линии улицы, разобрали, и часть голицынского владения оказалась утраченной. В эти же годы на территории усадьбы построили бензоколонку. Многочисленные перестройки и ремонты 30–40-х годов существенно изменили облик усадьбы, но, несмотря на это, усадьбе удалось сохранить композиционную целостность своего архитектурного ансамбля.

За 250-летнюю историю существования родовому имени князей Голицыных на Волхонке довелось пережить периоды расцвета и упадка, смену владельцев, перестройки и ремонты. И все же этому живописному уголку старой дворянской Москвы посчастливилось сохранить дух прошедших эпох и славу одного из известнейших в городе культурных центров. С голицынской усадьбой связаны многие исторические события и имена выдающихся людей прошлого, благодаря которым усадьба и сегодня привлекает всех ценителей московской старины.

Примечания

- 1 Путеводитель по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям / Под ред. Н.А. Гейнике, Н.С. Елагина, Е.А. Ефимовой, И.И. Шитца. Издание М. и С. Сабашниковых. М., 1917. С. 325.
- 2 Там же. С. 340–341.
- 3 Шукин П.И. Воспоминания. М., 1997. С. 91.
- 4 Македонская М.И., Волхонка 14. М., 1985. С. 58–60.
- 5 Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. 1.
- 6 Вигель Ф.Ф. Воспоминания. Ч. 2. М., 1864. С. 107.

- 7 Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. II. М., 2003. С. 624.
- 8 Дворянские роды Российской империи. СПб., 1995. С. 34.
- 9 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. С. 39. Москва. Актовые книги XVIII век. Т. 3. М., 1892. С. 346. 1724 г.
- 10 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. С. 92; ОПИ ГИМ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 524. Л. 8. 1745 г.
- 11 РГАДА. Ф. 282. Оп.1. Ед. хр. 457. Л. 659.1724 г.
- 12 РГАДА. Ф. 931. Оп. 2. Ед. хр. 2358.1759 г.
- 13 Архив Московнаследия. Паспорт на памятник истории и культуры Усадьба Голицыных. Комплекс. Д. 285.1988. С. 2.
- 14 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 944. Л.199. 1759 г.
- 15 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. ЦМИАР. Описания домовая церкви главного дома усадьбы С.М. Голицына. 1924 г.
- 16 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. С. 30, 31, 38; ГНИИМА. Фототека. кол. Р. нег. 47684. Фото 20-х годов.
- 17 Архитектурные ансамбли Москвы XV – нач. XX в. Реконструкция Пречистенского дворца. М., 1997. С. 224.
- 18 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. С. 50.
- 19 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. С. 60.
- 20 Там же.
- 21 *Е.И.Македонская*. Указ. соч. С. 10–11.
- 22 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. С. 50.
- 23 Там же.
- 24 *Белецкая Е.А.* Архитектурные альбомы М.Ф. Казакова. Дом М.М. Голицына в М. Знаменском переулке. М., 1956. С.160.
- 25 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. ДО. Ед. хр. 46484. Л. 893. 1774 г.
- 26 РГАДА. Ф.1263. Оп.10. Ед. хр. 2275. Л.1–28. 1804 г.
- 27 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. ПИ ГИМ. Ф.14. Ед. хр.54. Кн.1. Л.18–19. 1812 г.
- 28 РГАДА. Ф.1263. Оп.1. Ед. хр. 8376. Л.1. 1837 г.
- 29 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. С. 28.
- 30 Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание Великого князя Николая Михайловича Романова. М., 2000. Т. 2. С. 603–604.
- 31 Архив Московнаследия. Ед. хр. 884/00. С. 51.
- 32 *Андреев А.А.* Картинные галереи Европы. СПб., 1863. С. 117–120.
- 33 Там же.
- 34 *Грицай Н.И.* Фламандская живопись в собрании Голицынского музея // Голицынский музей на Волхонке. М., 2004. С. 62.
- 35 «*Quelques pensees*» (Amyot, Paris, 1846); *Le commandeur. A Novel* (Common, Paris, 1850); *Catalogue des livres de la bibliotheque de Mikhail Galitzine*. (Moscou, 1866).

- 36 *Гюнцбург К.М.* Голицынский музей в Москве // Современная летопись (воскресное приложение к «Московским ведомостям»). 1865. № 4. С. 20.
- 37 Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. СПб., 1899. С. 261.
- 38 РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Ч. II. Ед. хр. 20. Послужной список титулярного советника в звании камер-юнкера князя М.А. Голицына.
- 39 Сто лет Голицынской больницы в Москве 1802–1902 гг. М.: Издательство князя С.М. Голицына. 1902. С. 45–46.
- 40 РГАДА. Ф. 1263. Оп. 5. Ед. хр. 31. Описание состояния движимого имущества, оставшегося после кончины Его Превосходительства Князя Александра Голицына, выдержки из протокола об описи имущества, составленного г-ном Буалло, королевским нотариусом в г. Париже 27 дек. 1821 г.
- 41 ОПИ ГИМ. Ф. 117. Ед. хр. 104. Л. 9–11 об. (Франц. яз.)
- 42 Русский Архив. 1896. III. С. 557–558, 566.
- 43 *Фролов А.И., Полунина Н.А.* Коллекционеры старой Москвы. М., 1999. С. 139.
- 44 Современная летопись. Воскресное приложение к Московским ведомостям. № 2. 1865 г.
- 45 *Щукин П.И.* Воспоминания. М., 1997. С. 90–93 (перевод с французского Н.В. Горбушиной)
- 46 Там же. С. 91–92.
- 47 *Цветков И.Е.* // Вестник Московской Политехнической выставки. 1872. № 38. С.5.
- 48 *П. И. Щукин.* Указ. соч. С. 91
- 49 *Гюнцбург К.М.* Первый год московского Голицынского музея // Приложение к Московским ведомостям. 1866. С. 6–7.
- 50 РГИА. Ф. 472. Оп. 44 (425/2195) № 10. 1886 г. С. 97.
- 51 Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. V. Ед. хр. 26. Ч. 1. Л. 1.
- 52 Там же. С. 4.
- 53 Дневник Государственного секретаря Половцова А.А. 1883–1886. 1887–1892. М. 1966. С. 430.
- 54 Там же. С. 438.
- 55 РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Ед. хр. 111.
- 56 *Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа. Л., 1985. С. 217.
- 57 *Сомов А.И.* Общий инвентарь Голицынского музея и библиотеки, принятых в ведение Министерства Императорского двора Старшим хранителем Императорского Эрмитажа А.И. Сомовым. Государственный Эрмитаж. Архив ГЭ. Ф. 1. Д. 26. Ч. II. Оп. V.
- 58 *Сомов А.И.* Голицынский музей и перевозка его в Петербург // Художественные новости. 1886. № 24. 15 декабря. С. 684–685.
- 59 *Щукин П.И.* Указ. соч. С. 92.
- 60 *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Указ. соч. С. 301.
- 61 Архив СГХМ им. А.Н. Радищева. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1, 2.
- 62 Распоряжение зав. Сектором науки И. Луппола о продаже триптиха Пьетро Перуджино «Распятие». 1931. Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Ед. хр. 205 (177). Л. 83.

-
- ⁶³ *Пиотровский Б. Б.* История Эрмитажа. М., 2000. С. 457.
- ⁶⁴ Архив Москомнаследия. Паспорт на памятник истории и культуры – Усадьба Голицынского комплекса. Д. 285.1988 г. Вкладыш № 5.
- ⁶⁵ Архив Москомнаследия. Ед. хр. 884/00. С.119; ЦАНТДМ. Ф.1. Тверская часть. Ед. хр. 14. Л. 10.1895 г. Владение князя С.М. Голицына. Ограда с воротами по Малому Знаменскому переулку.
- ⁶⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 3791. 1774 г.
- ⁶⁷ *Голубцов С.А.* Профессура и сотрудники Московской Духовной академии в начале XX века. М., 1999. С. 35–38.
- ⁶⁸ Московская энциклопедия. М., 2007. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 1. А–З. С. 454.
-
-

А.В. Соболев

Москва философская конца XIX – начала XX в.

Историк не поэт,
но плох тот историк,
который совсем не поэт.

Н.П. Анциферов

Автор вынесенного в качестве эпиграфа афоризма – замечательный историк и краевед Н.П. Анциферов, один из любимых учеников Ивана Михайловича Гревса, создавшего в Санкт-Петербургском университете целую школу философской мысли, среди питомцев которой следует отметить таких выдающихся мыслителей, как Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов и В.В. Вейдле.

В школе Гревса философы и историки учились развивать в себе способность «внутреннего зрения», учились на основе немногих сохранившихся остатков материальной культуры выявлять живую душу эпох, городов, памятных мест. Они как бы заранее готовились сохранить не только «образ», но и «реальное присутствие» в жизни потомков той России, которой в самые ближайшие годы предстояло исчезнуть почти бесследно.

И к выполнению этой задачи ученики Гревса оказались готовы вполне. Их способность восприятия и выражения действительно оказалась на уровне художников и поэтов. В качестве примера приведу три свидетельства, и читатель, надеюсь, согласится, что очень трудно какому-то из них отдать предпочтение.

«Кто посетил Петербург в эти страшные, смертные годы 1918–1920, тот видел, – пишет философ Г.П. Федотов, – как вечность проступает сквозь тление. Разом провалилось куда-то «чрево» столицы. В городе, осиянном небывалыми зорями, остались одни дворцы и призраки. Истлевающая золотом Венеция и даже вечный Рим бледнеют перед величием умирающего Петербурга»¹.

«На моих глазах, – свидетельствует уже художник М.В. Добужинский, – город умирал смертью необычайной красоты, и я постарался посылно запечатлеть его страшный, безлюдный и израненный лик»².

И наконец, поэт Владислав Ходасевич подтверждает: «Именно в эту пору сам Петербург стал величествен. Вместе с вывесками с него словно сползла вся лишняя пестрота. Дома, даже самые обыкновенные, получили ту стройность и строгость, которой ранее обладали одни дворцы. Петербург... утратил все то, что было ему не к лицу. Есть люди, которые в гробу хорошеют: так, кажется, было с Пушкиным. Несомненно, так было с Петербургом. Эта красота – временная, минутная. За нею следует страшное безобразие распада. Но в созерцании ее есть невыразимое, щемящее наслаждение»³.

К чему я все это говорю? Какое отношение сказанное о Петербурге имеет к Институту философии? Как ни странно, самое прямое. В свое время Владимир Соловьев настаивал, что понять Россию (как и все другое) сможет лишь тот, кто не ограничивает себя лицемерием эмпирии, того, что дано «во времени», но способен прозревать то, что Бог задумал о ней «в вечности». Основным признаком философского профессионализма как раз и является наличие развитой способности видеть «низшее» в свете «высшего», видеть «реальность» в свете ее возможного «преображения» или, если использовать сугубо философский жаргон, способность видеть «сущее» в свете Бытия.

Но в таком случае и на сам Институт философии необходимо взглянуть философски. Он окончательно сформировался на рубеже страшных 1930-х годов, и эти годы не могли не оставить на нем свой страшный отпечаток. Но наша задача состоит в том, чтобы за не всегда приглядной эмпирией увидеть те фундаментальные потребности духовной жизни, те первоначальные замыслы и вдохновения, которые, по крайней мере, уже с конца XIX века ждали своего воплощения и в свете которых мы только и можем решать, достойна ли философия того места, которым судьба распорядилась ее наградить.

* * *

В 1883 году, т.е. в год освящения храма Христа Спасителя в голицынском дворце, располагавшемся прямо напротив храма, произошло знаменательное событие, имевшее несомненно символиче-

ское звучание. Произошла как бы передача эстафеты от поколения мыслителей славных «сороковых годов» молодому поколению мыслителей пока никому не известных, но уже вскоре поднявших знамя так называемого «русского религиозно-философского ренессанса», обеспечившего России достойное место в семье самых передовых философских держав.

Квартировавший в то время в голицынском дворце один из последних хранителей традиции «сороковых годов», друг Грановского, выдающийся философ и правовед Борис Николаевич Чичерин, только что сложивший с себя полномочия московского городского головы, вдруг прослышал, что в условиях почти повсеместного господства оголтелого позитивизма и философского бескультурья два студента-третьекурсника без всякого шума и без надлежащего руководства, самостоятельно осваивают европейскую философскую классику и горят творческим энтузиазмом. Не вполне доверяя слухам, Чичерин все же высказал желание встретиться с молодыми философами. Ими оказались братья Сергей и Евгений Трубецкие. Встреча прошла в оживленных беседах и в бурных спорах и произвела глубокое впечатление на уже впадавшего в пессимизм одинокого мыслителя. «На другой день, – вспоминает Евгений Николаевич Трубецкой, – нам стало известно... что Чичерин в восторге от нашего с ним разговора... Он говорил даже, что мы оживили его надежды на будущее России»⁴.

И надежды Чичерина оправдались. Еще при его жизни, в 1902 году, вышел в свет сборник двенадцати авторов «Проблемы идеализма», ознаменовавший собой начало философского «ренессанса», в числе вождей которого оказались оба брата Трубецкие.

К Трубецким мы еще вернемся. Сейчас же, я думаю, будет уместно сделать небольшое отступление, чтобы поговорить о важном культурологическом символе «гения места», ставшем популярным в среде историков и краеведов после выхода в свет книги французской писательницы Виолет Пиаже (1856–1936), писавшей под псевдонимом Вернон Ли. Ее книга «Гений места» в русском переводе вышла в Санкт-Петербурге в 1911 году и получила широкое признание, особенно среди учеников И.М.Гревса.

«Человеческое сознание, – не без основания отмечает уже упомянутый нами Н.П. Анциферов, – чувствует в местах бывшего особые силы. Эти места словно таят в себе и излучают какие-то энергии, вложенные в них людьми и событиями. Они хранят в себе тепло жизни»⁵.

То, что воскрешенные исторической наукой образы наших предков участвуют в нашей жизни, вдохновляют нас и действуют через нас, – это сегодня ни для кого не новость. Но каков «механизм высвобождения» этой накопленной энергии? Какими «буровыми машинами» мы добираемся до «нефтеносных» пластов истории? Анциферов настаивает, что только в любящем сердце формируются и оживают образы прошлого. «Память, движимая любовью, – пишет он, – приобретает силу – воскресительную. Изумительный талант помог Герцену это понять. Он писал: «Все сохранено во мне и все бессмертно во мне и должно воскреснуть»... “Я не могу и не хочу закрывать воспоминания; если гробовая доска может <их> закрывать, то в самом деле нет бессмертия души”»⁶.

Историк обязан пропускать исторические события через свое сердце, и только в этом случае он может надеяться, что ему откроется дух времени и дух места. «Герцен в своих мемуарах (да и не только в мемуарах), – пишет Анциферов, – всегда показывает историю сквозь призму биографии, даже автобиографии. Историк должен понять *genius temporis* (что может быть передано ходячим выражением «дух века»). Но что в данном случае перекликается с термином, так удачно введенным Вернон Ли – *genius loci* «гений места. – А.С.»⁷.

Имя А.И. Герцена уже дважды появилось на этих страницах, и это совсем не случайно, ибо наряду с Чичериным Герцен также является одним из «гениев места», одним из незримых насельников голицынского дворца. Именно здесь, в кабинете попечителя московского учебного округа князя Сергея Михайловича Голицына в июле 1834 года состоялся суд над Герценом, после чего он вынужден был отправиться на четыре года в город Вятку, а затем еще на год в город Владимир. Кстати говоря, о том, что Герцен на суде не терял присутствия духа, свидетельствует забавная деталь. Герцен поставил Голицына в тупик вопросом, справедливо ли предъявлять ему обвинение в чтении трудов Сен-Симона, когда у самого князя Сен-Симон невозбранно красуется на библиотечных полках. Видимо, князь собственной библиотекой пользовался не часто, так как без посторонней помощи так и не смог ответить, что речь здесь на самом деле идет о разных лицах, хотя и однофамильцах.

Но чтобы сменить тон и вновь вернуться к философской сути вопроса о познании духа и факта в их неразрывном единстве, стоит процитировать американского философа XIX века Р.У. Эмерсона. «Человек, – пишет Эмерсон, – должен понять, что он может жить

всей жизнью истории. Ему следует только... не забывать, что он верховный суд, перед которым решаются тяжбы народов. Он должен достигнуть и устоять на той высоте, где раскрывается сокровенный смысл событий, где сливаются поэзия и быль... Нет якорей, канатов или оград, которые были бы в состоянии навсегда удержать факт на степени факта»⁸.

Да, как бы ни старались бескрылые позитивисты удержать исторический факт на степени «только факта», как бы ни старались уверить всех и каждого, что «факт» – это то, что в равной степени доступно восприятию как гения, так и пошляка, будем надеяться, что это им никогда не удастся. Уже для того, чтобы только сохранять способность воспринимать исторические факты, нужна работа души, чтобы «устоять на той высоте, где раскрывается сокровенный смысл событий». И разумеется, не Эмерсону принадлежит приоритет в познании этой истины. Уже две с половиной тысячи лет назад Платон убеждал своих учеников в том, что благородство есть неперемное условие философского профессионализма. «В том-то и состоит ошибка нашего времени, – писал Платон, – и потому-то недооценивают философию, что за нее берутся не так, как она того заслуживает... Не подлым надо бы людям за нее браться, а благородным»⁹.

Только глазами выдающихся личностей мы можем видеть «факты», воспринимать подлинную «реальность», тем более в ее высшем проявлении, в ее, так сказать, цветении. Черно-белому восприятию исторические факты просто недоступны.

«В своих трудах, – настаивает Анциферов, – историк должен уметь найти краски для передачи *couleur temporel* (колорита времени. – А.С.), впрочем не пренебрегая и *couleur local* (колоритом места. – А.С.). Лучшим источником для понимания *couleur temporel* является гениальная личность не как фактор истории, а как ее документ»¹⁰.

И теперь самое время вновь обратиться к братьям Трубецким, чтобы с новой остротой ощутить насыщенность творческими энергиями того «места», с которым, по счастью, оказалась связанной значительная часть жизни каждого из нас. И при этом не зарекаться от того, что в случае неблагоприятного для нас поворота событий по крайней мере некоторых из нас потянет вновь и вновь совершать паломничества к месту, которое мы раньше не очень-то и ценили. Ибо не зря традиции паломничества имеют за собой многовековую историю. Как напоминает нам все тот же Анциферов, паломниче-

ства – это свидетельства живучести «древних традиций – культа места, приобщающих нас к великому былому, все это в конечном итоге – одна из форм борьбы со временем, через прикосновение к месту»¹¹.

* * *

Но действительно ли «великим» являлось то былое, к которому мы приобщаемся через посредство братьев Трубецких? Да и какой «объективной мерой» можно величие измерить? Во всяком случае, я надеюсь, что никто нас не убедит, будто «объективность» и сопоставимость с «вещью», с техническими средствами – это одно и то же. Гораздо больше проясняет суть дела поэт, когда он говорит о «значении двояком жизни бедной на взгляд, но великой под знаком совершенных утрат» (Борис Пастернак). Короче говоря, только наша собственная продвинутость по пути духовного возрастания гарантирует нам «объективность» в оценке масштаба духовных событий.

С оценкой значения творчества князя Сергея Николаевича Трубецкого для развития философской культуры в России дополнительные затруднения возникают в связи с тем, что количественный критерий здесь оказывается особенно неуместным. Уместившееся в шесть томов собрание опубликованных его сочинений совершенно не соответствует подлинному масштабу его личности и творчества. Здесь мы также должны будем прибегнуть к посредничеству тех лиц, которые были в наибольшей степени причастны и к «месту», и ко «времени», в которых осуществлялся процесс творчества Сергея Николаевича.

И наилучшим путеводителем в этом «паломничестве» нам могут послужить «Воспоминания» его брата Евгения Николаевича – этот подлинный шедевр не только мемуарной, но и историко-философской литературы. Обильного цитирования не избежать, хотя для более глубокого постижения колорита места и времени следовало бы здесь переписать чуть ли не полкниги. Но останавливать себя придется, тем более что и другие не менее яркие свидетельства правоты Евгения Николаевича потребуют себе места.

Со всей силой убежденности брат настаивает: «Все те, кому дорог образ мыслителя и великого русского гражданина – кн<язя> С.Н. Трубецкого, должны помнить, что этот образ – духовный дар Ахтырки и ее завещание – России»¹². То есть для него непреложно, что творчество князя Сергея Николаевича неотрывно от под-

московной усадьбы в ближайших окрестностях Троице-Сергиевой лавры, где и земля, и воздух пропитаны патриотизмом и философичностью, жадной духовной работы на благо России. «Нужно ли удивляться, – пишет он, – что мирозерцание моего брата, а в особенности внутренняя музыка его существа – насквозь насыщены густым звоном лаврских колоколов и носят на себе печать великой народной русской святости. Эти и другие, сродные Лавре, впечатления и были, думается мне, точкой опоры всего его творчества... Известно, что св. Сергей поставил собор Св. Троицы как образ единства и любви, дабы, взирая на тот образ, люди побеждали в себе ненавистное разделение мира. Мы, дети, конечно, этого не знали, когда росли, но яркое жизненное воплощение мысли св. Сергия, так или иначе, нами воспринималось. Образ любви, собирающей народ и организующей его в собор, сильно врезался нам в душу. И мы прекрасно знали и чувствовали, что этим образом Россия когда-то создавалась и спасалась. Любовь к сверхнародному – Божьему и любовь к родному – русскому тут были одно»¹³.

Главная заслуга Сергея Трубецкого перед русской философской культурой в том и состоит, что он смог передать своим ученикам не только свои мысли как некие интеллектуальные конструкции, но и саму «внутреннюю музыку» этой мысли, «насквозь пропитанную звоном лаврских колоколов». Раскрывая своим ученикам глубокую связь философской мысли с религией и мифом, он потратил массу физических и душевных сил на то, чтобы уже незадолго перед своей кончиной организовать экскурсию в Грецию, дав студентам возможность, подобно мифическому Антею, прикоснуться к тому «месту», где произошел философский энергетический взрыв.

О том, что Сергею Трубецкому удалось передать ученикам саму музыку философской мысли, можно судить хотя бы по следующему отрывку из работы самого талантливого его ученика, Павла Флоренского. «Есть... тонкое очарование Лавры, – пишет Флоренский о воздействии на мысли и душу русского человека священного для него «места». – Неотразимость этого очарования – в его глубокой органичности. Тут – не только эстетика, но и чувство истории и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности, и какая-то трудно объяснимая, но непреклонная мысль: здесь, в Лавре именно, хотя и непонятно как, слагается то, что в высшем смысле должно называть общественным мнением, здесь рождаются приговоры истории, здесь осуществляется всенародный и, вместе, абсолютный суд над всеми сторонами русской

жизни. Это-то всесторонне жизненное единство Лавры, как микрокосма и микроистории, как своего рода конспекта бытия нашей Родины, дает Лавре характер ноуменальности. Здесь ощутительнее, чем где-либо, пульс русской истории, здесь собрано наиболее нервных, чувствующих и двигательных окончаний, здесь Россия ощущается как целое... Можно сказать, что Лавра и есть осуществление или явление русской идеи, – энтелехия, скажем с Аристотелем»¹⁴.

Повторю еще раз, что высшая точка философского профессионализма – это обретение «способности суждения», обретение способности творить суд над явлениями жизни, и прежде всего над их духовной составляющей. Но обрести способность выносить оценку, т.е. способность «измерять» то, что нельзя измерить техническими средствами, философ может, только находясь в, так сказать, «центрах духовного возрастания».

«Только тут, у ноуменального центра России, – утверждает Флоренский, – живешь в столице русской культуры, тогда как все остальное – ее провинция... Отходя от этой точки равновесия русской жизни, начинаешь терять равновесие, и гармоническому развитию личности начинает грозить специализация и техничность»¹⁵. А теряющему профессионализм философу не остается ничего другого, как симулировать философичность мысли путем собирания объедков со столов иных дисциплин. Но демонстрация осведомленности в частных науках, полезная с точки зрения завоевания доверия среди «смежников», а также обогащения собственного языка выразительными сравнениями и примерами, сама по себе не дает права говорить от имени философии.

А вот в непререкаемом праве князя Сергея Трубецкого говорить от имени философии вне зависимости от количества им опубликованного, я думаю, сомневаться не приходится. «Всего каких-нибудь десять лет со дня вступления его на литературное поприще, с 1889 по 1899 год, а может быть, и того меньше, он мог, – пишет о брате князь Евгений Трубецкой, – отдаваться величайшему для философа счастью погружения в мысль и созерцания духовного. Потом начались... тяжелые предродовые муки России... Помню одно тревожное письмо, полученное мною от него года за два, за три до его кончины. Оно было написано из деревни под впечатлением нескончаемых ливней, мешавших убрать обильный урожай. «Вот так-то и я со своими мыслями, – писал он мне, – много их накопилось в результате целой умственной жизни. Жить осталось немного, надо торопиться убрать на зиму все, что можно собрать из

этой умственной жатвы, – только бы не опоздать». Увы, предчувствие его не обмануло. Он и в самом деле опоздал с уборкой»¹⁶.

Но в том-то и состоит суть дела, что он несколько не опоздал. В фундамент русской философской традиции Сергеем Трубецким был заложен более прочный камень, чем любая концептуальная конструкция. «Сердце, – пишет о своем брате Евгений Николаевич, – не воздержало... мук за Россию, и он умер в самом расцвете своих сил. Но именно благодаря этому, казалось бы, преждевременному концу, в мире было явлено то, что бесконечно выше и науки и философии, и всего того, что есть великого в мысли. – Было явлено великое человеческое сердце... Когда просветляется и прославляется человеческий образ, – то тем самым сохраняется навеки для потомства и утверждает все его духовное содержание. Ибо этот живой, говорящий образ сильнее и могущественнее всякой мысли действует на человеческие души. В этом человеческом лике – вся та духовная жатва, которую не успела «убрать на зиму» человеческая рука, вся та философия, которую не дано было выразить его философским произведениям... Чтобы люди услышали «музыку сфер», чтобы они были озарены хоть слабым отблеском грядущей «звездной славы», для этого нужно, чтобы перед ними предстал действительно светлый человеческий облик. Для этого человек должен не писать о звездах, а на деле стать звездой для грядущих поколений»¹⁷.

* * *

Князя Сергея Николаевича Трубецкого, первого выборного ректора Московского университета, в октябре 1905 года хоронила вся Москва. От квартиры ректора, располагавшейся по адресу улица Знаменка, д. 12 (в старинном барском особняке, выстроенном в восемнадцатом столетии отцом знаменитой Екатерины Романовны Дашковой), гроб с телом князя Трубецкого на руках пронесли до Донского монастыря, где и произошло захоронение. Кстати говоря, ровно через 100 лет, уже в XXI веке, на том же кладбище состоялось торжественное перезахоронение возвращенного из Швейцарии на родину праха другого знаменитого русского философа, Ивана Александровича Ильина, жившего перед революцией по тому же адресу, что и Сергей Николаевич Трубецкой, ул. Знаменка, д. 12 (правда, в соседнем строении).

Почему важно об этом вспомнить? Да потому, что если бы нам удалось с высоты птичьего полета обозреть предреволюционную

А.И. Герцен

В 1834 г. в «Доме на Волхонке» побывал молодой А.И. Герцен, вызванный к попечителю московского учебного округа князю С.М. Голицыну. Отстаивая свои антикрепостнические убеждения, Герцен, в частности, отвечал князю, что Екатерина II, которую помнят стены этого дома, «не велела своим подданным зваться рабами».

А.Н. Островский

Великий русский драматург А.Н. Островский жил в квартире дома на Волхонке, 14 с 1877 по 1886 г. Здесь созданы такие пьесы, как «Бесприданница», «Сердце не камень», «Таланты и поклонники», сделаны переводы произведений Сервантеса, Шекспира, Шиллера. Гостями Островского в доме на Волхонке были известнейшие деятели русской культуры: Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, П.И. Чайковский, М.Н. Ермолова и другие.

Б.Н. Чичерин

Годы жизни на Волхонке (1881–1886) оказались особенно плодотворными для Б.Н. Чичерина как ученого и общественного деятеля: в этот период он был избран на пост московского городского головы, написал книгу «Собственность и государство», продолжал работу над главным научным трудом своей жизни – многотомной «Историей политических учений».

И.С. Аксаков

Поэт и мыслитель, издатель и публицист, «пламенный боец славянофильства», бывший глава московского Славянского комитета и Общества любителей российской словесности, И.С. Аксаков скончался в доме на Волхонке, 14, за своим рабочим столом, редактируя очередной номер газеты «Русь» 27 января 1886 г.

А.Л. Шанявский

В 1909–1911 гг. дом № 14 по Волхонке арендует Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского.

К.А. Тимирязев – профессор и член попечительского совета Университета имени А.Л. Шанявского, впоследствии – член Комакадемии.

Б.Л. Пастернак

В 20-е годы XX века в квартире № 9 дома на Волхонке, 14 жил Б.Л. Пастернак. В молодости будущий великий поэт был всерьез увлечен философией – учился на философском отделении университета, а в 1912 году ездил на стажировку в Германию к проф. Г. Когену, лидеру марбургской школы неокантианства. Знаменательно, что именно философия помогла Пастернаку осознать свое поэтическое призвание.

В.С. Соловьев

В середине 80-х годов XIX века на квартире И.С. Аксакова бывал русский философ В.С. Соловьев, один из авторов газеты «Русь» и участник философских дискуссий в доме на Волхонке.

Москву, то мы с удивлением обнаружили бы, что подавляющая часть адресов, с которыми в начале XX века оказалась связанной бурно расцветавшая философская жизнь Москвы, очертила бы на плане города некий магический круг, в центре которого и оказался бы голицынский дворец, как бы самой судьбой предназначенный на роль философского координационного центра столицы, а значит, и всей страны.

Приведу лишь несколько ярких примеров. Прямо напротив упомянутого дома, связанного с именами Ивана Ильина и князя Сергея Трубецкого (а также и его сына Николая Сергеевича, будущего великого ученого-лингвиста и основоположника евразийства, написавшего здесь свои первые опубликованные работы), располагается хорошо знакомый всем философам старшего поколения дом (Знаменка, 11), где в советское время функционировала Фундаментальная библиотека общественных наук, а в 1910 году было основано, пожалуй, самое прославленное издательство философской литературы «Путь» и где регулярно читали доклады самые знаменитые философы того времени. Другое почти столь же знаменитое, но уже не славянофильской, а западнической окраски издательство, «Мусaget», располагалось на расстоянии примерно в сто шагов от вышеупомянутого, по адресу Пречистенский бульвар, д. 31. В арбатских переулках чуть ли не каждый четвертый-пятый дом хранит философскую память. Отмечу лишь три из них. В доме 14 по Большому Власьевскому переулку с 1914 по 1922 год жил Николай Бердяев, превративший свою квартиру в один из центров философской активности. А почти рядом, в Мертвом, а ныне Пречистенском переулке, в доме под номером 9 меценатка Маргарита Кирилловна Морозова, финансировавшая издательство «Путь», открыла «Музей Владимира Соловьева» и предоставила свой дом для заседаний философского общества памяти Владимира Соловьева. Еще сотня шагов – и мы в уютном ампирном особняке Лопатиных (Гагаринский переулок, 15), где уже с восьмидесятых годов девятнадцатого века собирался «лопатинский кружок», главными участниками которого были Владимир Соловьев, Лев Лопатин и братья Трубецкие. Перейдем в район Остоженки и окажемся рядом с домом 6а по Зачатьевскому переулку, где в 1905 году и было основано Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева по инициативе В. Эрна, В. Свенцицкого и С. Булгакова. Еще сотня шагов – и мы на месте ныне не сохранившегося из-за прямого попадания германской бомбы дома (современный

адрес – Соймоновский пер., д. 5), где собирался в начале XX века знаменитый «новоселовский кружок», или «кружок ищущих христианского просвещения», издававший с 1902 года «Религиозно-философскую библиотеку». «Кружок» регулярно организовывал публичные чтения и доклады. Кстати говоря, один из активнейших членов этого объединения, священник Павел Александрович Флоренский, читал в 1917 году доклад об имяславии в цокольном этаже храма Христа Спасителя.

Итак, круг замкнулся. Мы вновь оказались лицом к лицу с голицынским дворцом, стоящим против восстановленного храма Христа Спасителя, что побуждает нас подумать о том, что не только традиции основанного в 1929 году Института философии, но и традиции, заложенные вольными философскими сообществами, должны будут стать ориентиром в нашей будущей работе.

* * *

Создать философское общество в России впервые попытались в Петербурге зимой 1879–80 годов. После ряда предварительных обсуждений на квартире товарища министра финансов Ф.Г. Тернера, интересовавшегося по преимуществу религиозными вопросами, 15 (27) февраля 1880 года было созвано совещание учредителей будущего философского общества для выработки устава. Учредителями были Вл. Соловьев, Н. Страхов, Э. Радлов, М. Каринский, К. Бестужев-Рюмин, Д. Цертелев, А. Светилин и некоторые другие лица. Устав был выработан и передан на рассмотрение Ученого комитета Министерства народного просвещения. Будучи членом этого комитета, Вл. Соловьев дал свое заключение относительно представленного устава.

Обосновывая необходимость создания философского общества, Соловьев писал, что изгнание из университетов в 1849 году философии привело к снижению образовательного уровня в университетах и гимназиях и пагубно отразилось на развитии наук. «Для плодотворных и широких обобщений в науке, – писал он, в частности, – необходимы известные универсальные начала и идеи, которые должны давать обобщению определенное направление и цель, а эти начала и идеи, не находящиеся ни в одной частной науке, могут быть установлены только всеобщей наукою – философией»¹⁸. Восстановление в 1863 году на историко-филологических факультетах кафедр философии не спасло положения. Ибо их существование продолжало оставаться почти номинальным. «Фактически фило-

софия по-прежнему находит некоторое убежище лишь в духовных академиях, вдали от общего течения жизни и науки»¹⁹. В таких условиях создание философского общества Соловьев признавал желательным и своевременным.

Иначе посмотрел на данный вопрос министр внутренних дел Д.А.Толстой, который посчитал создание философского общества праздной затеей и не утвердил его устав.

Более успешной оказалась попытка москвичей. Воспользовавшись горьким опытом петербуржцев, они не стали дразнить гусей словом «философия» и закамуфлировали свое предприятие более безобидным словом «психология». 15 июля 1884 года устав Московского психологического общества был утвержден, и 24 января 1885 года общество собралось на первое свое заседание под председательством философа профессора Московского университета М.М.Троицкого, по чьей инициативе оно и было создано.

Хотя в этом деле известную роль сыграла случайность, но право на приоритет Москва, видимо, заслужила. Как отмечает хорошо осведомленный в этом вопросе Э.Радлов, «в Петербурге как центре высшей администрации государства философские интересы играли совершенно второстепенную роль, чего нельзя сказать о Москве, где выступления Соловьева или заседания Психологического общества обращали на себя всеобщее внимание»²⁰.

Москвичам удалось сделать и следующий шаг по пути все большей институционализации философии в России. На деньги, полученные от мецената, кондитерского фабриканта А.А.Абрикосова, Московское психологическое общество с 1889 года начало издавать фактически первый в России философский журнал²¹ «Вопросы философии и психологии», который сразу же приобрел всероссийское значение и издавался без перерывов вплоть до 1918 года. Для сравнения отметим, что созданное наконец-то в 1897 году Петербургское философское общество так и не смогло основать собственный печатный орган, если не считать выпущенных уже перед самым закрытием этого общества в 1922 году трех номеров журнала «Мысль».

Если Московское психологическое общество и Петербургское философское общество были созданы при соответствующих университетах и охватывали главным образом только академические круги, то в начале XX столетия всплеск широкого общественного интереса к философским и религиозным вопросам привел к созданию уже целой сети религиозно-философских обществ и кружков,

включавших в себя представителей самых разнообразных профессиональных и социальных слоев.

Здесь пальму первенства приходится отдать Петербургу, где по инициативе Д. Мережковского, З. Гиппиус, Д. Filosofova, В. Розанова, В. Тернавцева и под председательством ректора Духовной академии епископа Финляндского Сергия (будущего Патриарха Всея Руси) с 29 ноября 1901 года начали регулярно созываться религиозно-философские собрания, сыгравшие большую роль в формировании идейной атмосферы начала века. В апреле 1903 года эти собрания были запрещены обер-прокурором синода К.П. Победоносцевым, но с 1907 года они возобновили свою деятельность уже под председательством А.В. Карташева и под вывеской Санкт-Петербургского религиозно-философского общества.

В Москве основные религиозно-философские кружки, в том числе и интересующее нас Общество памяти Вл. Соловьева, образовались в непосредственной связи с революционным подъемом 1905 года. Но для того, чтобы сразу явиться на свет как бы во всеоружии и занять заметное место в духовной жизни Москвы, соловьевское общество должно было вобрать в себя ручейки предшествующих инициатив.

Одним из резервуаров молодежной философской активности для общества явилась философская секция основанного в 1902 году князем Сергеем Трубецким при Московском университете Студенческого историко-филологического общества²². Наиболее деятельные ее члены, захваченные в 1905 году идеями христианского социализма, образовали недолго просуществовавшее Христианское братство борьбы, а затем стали наиболее деятельными членами Соловьевского общества (Свенцицкий, например, в первый же год существования общества прочел два доклада, причем первый из них, «Террор и бессмертие», еще весь дышит революционными настроениями периода Братства, а В. Эрн на протяжении всей истории существования Общества прочел не менее девяти докладов).

Другим резервуаром стал кружок «аргонавтов», сформировавшийся в 1903–1904 гг. вокруг Андрея Белого, Сергея Соловьева и Эллиса (Л. Кобылинского). Один из старших членов кружка «аргонавтов», Г.А. Рачинский, стал позднее председателем Общества памяти Вл. Соловьева.

Первые неофициальные заседания Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева состоялись в апреле 1905 года в доме № 6 по 1-му Зачатьевскому переулку, но как официально

зарегистрированное общество начало действовать только с осени 1906 года.

Деятельность Общества основывалась на прочном материальном фундаменте, обеспеченном богатой меценаткой Маргаритой Кирилловной Морозовой, роль которой в развитии русской культуры начала XX века весьма значительна. Она передала государству очень ценную коллекцию русской живописи, поддерживала материально композитора А. Скрябина, но главный ее вклад – это вклад в развитие философской культуры в России.

Кроме того, что на ее средства под редакцией Евгения и Григория Николаевичей Трубецких издавался общественно-политический журнал «Московский ежегодник», при Обществе было создано философское издательство «Путь», которое выпустило в свет библиотеку книг ведущих русских философов начала века (упомянем здесь хотя бы такие ставшие знаменитыми произведения, как «Столп и утверждение Истины» свящ. Павла Флоренского, «Два града» и «Свет невечерний» С.Н. Булгакова, «Философия свободы» Н.А. Бердяева, «Борьба за логос» В. Эрна, «Миросозерцание Вл. Соловьева» Е.Н. Трубецкого), издало ряд переводных книг, среди которых следует упомянуть переводы работ Владимира Соловьева, изданных первоначально на французском языке («Россия и вселенская церковь» и «Русская идея»), и серию книг о русских мыслителях. В этой серии вышли книги Н. Бердяева «А.С. Хомяков», В. Эрна «Г.С. Сковорода», С. Аскольдова «А.А. Козлов», и в плане издательства были объявлены книги о К. Леонтьеве (В.В. Бородаевского), Н.Ф. Федорове (Н.А. Бердяева), М.М. Сперанском (А.Е. Ельчанинова), А.И. Бухареве (С.С. Розанова), Ф.И. Тютчеве (Вяч. Иванова), Н.В. Гоголе (В.В. Зеньковского) и Серапионе Машкине (П.А. Флоренского)²³.

При Обществе был создан музей Владимира Соловьева, собиравший рукописи и книги самого Соловьева, а также посвященные ему книги и статьи и все так или иначе связанное с жизнью и творчеством Соловьева.

И наконец, Обществом устраивались получившие широкую известность регулярные закрытые и публичные заседания, на которых обсуждался широкий спектр философских и религиозных вопросов с привлечением не только московских, но и петербургских философов. В § 3 Устава общества говорилось: «Общество находится в Москве, но район его деятельности распространяется на всю Россию»²⁴.

Чрезвычайно интересная характеристика духовной атмосферы, царившей на заседаниях Общества памяти Владимира Соловьева, содержится в мемуарах его сотрудника Н.С. Арсеньева. Но поскольку он характеризует ее, сопоставляя с атмосферой заседаний другого важного для духовной жизни Москвы религиозно-философского сообщества, а именно самаринского кружка, или «Кружка ищущих христианского просвещения», то сначала сообщим некоторые сведения о последнем. Это тем более важно, что многие мыслители активно работали в обоих объединениях и эти объединения как бы дополняли друг друга. Самаринский религиозно-философский кружок вырос из первоначально имевшего политическую ориентацию «Кружка москвичей», возникшего на волне политического подъема 1905 года. Этот кружок во главе с братьями Самариными объединял два с половиной десятка людей, консервативно настроенных и славянофильски ориентированных. С. Булгаков очень ярко выразил настроения этих людей, озабоченных судьбой России и предчувствовавших катастрофические последствия разворачивающихся событий. «Слишком страшно было думать всерьез и говорить о гибели России... тем более что еще оставалась надежда найти внереволюционный, свободный от красной и черной сотни культурный центр... Культурный консерватизм, почвенность, верность преданию, соединяющаяся со способностью к развитию, – таково было это задание, которое и на самом деле оказалось бы спасительным в истории, если бы было выполнено»²⁵. Булгаков не входил в этот кружок на стадии политической направленности его деятельности, так как в это время жил еще в Киеве, да, кроме того, по его признанию, несмотря на глубокую симпатию к этим людям, он не мог полностью разделить их умонастроений.

«Впрочем, про себя лично скажу, – пишет он, – что хотя в бытовых и практических отношениях я шел об руку с этим культурным консерватизмом (как он ни был слаб в России), исповедовал почвенность, однако в глубине души никогда не мог бы слиться с эти слоем, который у нас получил в идеологии наиболее яркое выражение в славянофильстве (с осколками славянофильства: Ф.Д. Самариным, П.Б. Мансуровым, М.А. Новоселовым, В.А. Кожевниковым и др. я лично дружил). Меня разделяло общее ощущение мира и истории, какой-то внутренний апокалипсис, навсегда воспринятый душой как самое интимное обетование и мечта. Русские почвенники были культурные консерваторы, хранители

и читатели священного предания, они были живыми отрицателями нигилизма, но они не были его преодолением, не были потому, что сами они были, в сущности, духовно сыты, и никуда не порывались души их, никуда не стремились. Они жили прошлым, если только не в прошлом. Их истина была в том, что прошлое есть настоящее, но настоящее не есть только прошлое, но оно есть и будущее, и притом не только будущее, которое есть выявление прошлого через настоящее в будущем, т. е. только прошлое, а будущее как новое рождение»²⁶. И далее Булгаков говорит, что собственное апокалиптическое ощущение прерывности роднит его с революцией и даже, как это ни горько ему признать, с русским большевизмом. В свете того, что будет сказано в дальнейшем об атмосфере в Обществе памяти В. Соловьева, станет понятно, что именно его внутреннее беспокойство, ощущение прерывности заставит Булгакова, не порывая с самаринским кружком, перенести центр своей деятельности в Общество памяти В. Соловьева.

На стадии политической активности «Кружок москвичей» был озабочен тем, что нарождающийся в России парламентаризм неизбежно вытолкнет на поверхность политической жизни безответственных демагогов, манипуляторов общественным мнением, что только приблизит Россию к катастрофе.

Выражая эти опасения, активный член этого кружка В.А. Кожевников в письме от 7 июля 1905 года пишет Ф.Д. Самарину: «Не знаю, скоро ли суждено нашей родине окунуться в дрязги парламентаризма, но к грязным приемам партийной агитации уже приступлено в широких размерах. Это можно считать началом практического политического воспитания той части «полноправного (!)» общества, которую социалист Каутский называет голосующей скотиной»²⁷. Политическая программа кружка предусматривала не структурное преобразование общественного строя, а приближение к верховной власти опытных и ответственных лиц, связанных с гущей народной жизни, а не с бюрократией. Например, в подписанной членами кружка записке, поданной съезду губернских предводителей дворянства в Москве 24 апреля 1905 года, говорилось: «Нет у нас Суворовых, Скобелевых в военном деле, нет у нас Сперанских, Киселевых, Муравьевых-Амурских в гражданском управлении, нет у нас митрополитов Филаретов в мире духовном. Недостаток в людях не в зависимости от государственного строя, а в зависимости от той среды, из которой они выходят, в которой они воспитываются»²⁸.

Разочарование в ходе политического развития России побудило членов кружка прекратить к концу 1906 года политическую деятельность и сосредоточиться на духовных поисках и религиозном просветительстве. Смена направления деятельности повлекла за собой и смену наименования объединения, которое стало называться «Кружком ищущих христианского просвещения»²⁹, «корниловским» по фамилии хозяина дома, где происходили собрания, или «самаринским» кружком, а после смерти в 1916 году его председателя Ф.Д. Самарина и в 1917 году В.А. Кожевникова кружок возглавил М.А. Новоселов, и в литературе он часто встречается под именем «новоселовского».

Кроме систематических курсов и отдельных докладов, читавшихся в кружке, было задумано и осуществлено издание «Религиозно-философской библиотеки», составленной из небольших по объему и написанных доступным языком книг по различным религиозным и философским вопросам.

Теперь обратимся к свидетельству современника, отметившего и определенный параллелизм, и существенные различия между двумя главнейшими московскими религиозно-философскими объединениями.

«Там, в соловьевском обществе, – пишет Н.С. Арсеньев, – была иногда даже хаотичность и соблазнительность духовных исканий. Здесь, в корниловском кружке, была крепкая укорененность в жизни Церкви, при всей широте научного кругозора. Это была духовная лаборатория, там – шумная арена, где нужно было учиться выступать в защиту своих религиозных и философских убеждений»³⁰.

Поскольку настоящая работа преследует цель ввести в научный оборот материалы для истории «соловьевского» общества, то не пожалеем места для пространной цитаты, красочно его характеризующей.

«Здесь, – пишет Арсеньев, – охватывало нас веяние яркого «александрийского» культурного цветения. Пышный культурный цвет, но не всегда без некоторой гнили, не всегда свободный от некоторого «декаданса», зато часто без «трезвения». В этом была черта некоторого отличия, тонкая линия водораздела между атмосферой корниловского кружка и Обществом памяти Соловьева. Но какое богатство тем и тонов представляло это соловьевское общество! И много было интересных исканий, искренних порывов, столкновений мнений. Это была религиозность, но в значительной степени (хотя и не исключительно) внецерковная, или, вернее, не-

церковная, рядом и с церковной, а главное, вливалась сюда порой и прямая струя «символического» оргиазма...

Вообще же собрания соловьевского общества, в котором дух псевдорелигиозного «оргазма», смешивающий религиозное с безудержным иступлением плоти, отнюдь – повторяю – не был господствующим, а лишь одним из представленных течений, – вообще же эти собрания оставили во мне, вопреки всему, благодарную память. Масса интересных лиц, большой подъем религиозного и философского интереса, глубоко искренние и вдохновенные выступления С.Н. Булгакова (его председателя) в защиту христианства против марксистского грубого нигилизма, богатство тем – «Бранд» Ибсена, Франциск Ассизский, христианство и социальный вопрос, Владимир Соловьев в ранний период своего философствования, средневековая мистика, Гегель как мистик, Ницше, христианство, античная религиозность, смысл жизни с христианской точки зрения и т. д., а главное – огромная культура и умственная чуткость и некий динамизм духовный, воплощенный в лице одного из столпов общества... Г.А. Рачинского, – все это оплодотворяло и зажигало». Без большого преувеличения можно сказать, что московской культурной элитой рубежа веков философские дискуссии уже начали восприниматься как своеобразные интеллектуальные концерты, посещение которых столь же обязательно и престижно, как присутствие на выступлениях заезжих теноров.

О таком сдвиге в общественном сознании свидетельствуют и мемуаристы. Например, Федор Августович Степун, сам бывший одной из ярчайших философских фигур того времени, невольно нарисовал картину, где образ философа почти неотличим от образа артиста.

«Одним из самых блестящих дискуссионных ораторов среди московских философов, – пишет Степун, – был Борис Петрович Вышеславцев... Юрист и философ по образованию, артист-эпикурец по утонченному чувству жизни и один из тех широких европейцев, что рождались и вырастали только в России, Борис Петрович развивал свою философскую мысль с тем радостным ощущением ее самодовлеющей жизни, с тем смакованием логических деталей, которые свойственны скорее латинскому, чем русскому, уму. Говоря, он держал свою мысль, словно некий диалектический цветок, в высоко поднятой руке и, сбрасывая лепесток за лепестком, тезис за антитезисом, то и дело в восторге восклицал: “Поймите... оцените...”»³¹.

Дав в своих мемуарах удивительную по своей многомерности и многокрасочности картину культурной жизни предреволюционной Москвы, Степун сам себя вопрошает, не преувеличил ли он значения этой «канунной культуры», особенно если прилагать к ней европейскую мерку. Он трезво сопоставляет ее с культурной жизнью Германии до 1933 г., вспоминает, что почти в каждом более или менее значительном немецком городе были различного рода общества, в которых ему самому довелось прочесть более трехсот докладов, но не колеблется в своей высокой оценке московской духовной жизни.

«Читал я много, – пишет он, – и в венских и берлинских литературных салонах, где собирались образованнейшие и умнейшие люди. Конечно, можно усомниться, не являет ли описанная мною московская жизнь на фоне европейской культуры скорее образ духовной скудости, чем богатства. Мой ответ, да простят мне его мои европейские, главным образом мои немецкие друзья, вполне определен: отнюдь нет. Конечно, русская культурная жизнь была менее разветвленной, чем европейская, но мне кажется, что она в некотором смысле была духовно более напряженной»³².

В недрах Религиозно-философского общества в 1917 году возник «Проект Религиозно-философской академии в Москве»³³. Ввиду того что проект академии возник «во время всеобщего переустройства государственной жизни», он заранее отказывается от задачи полной регламентации преподавательской и исследовательской жизни академии, провозглашая только общие принципы и цели. Было заявлено, что принципом работы академии должна стать не конфессиональная приверженность, а «полная свобода исследования» и «положительное отношение к христианству и именно к православию».

Академия создана не была, да и само общество в середине 1918 года, после конфискации дома и имущества М.К. Морозовой, прекратило свою деятельность. Однако, несмотря на лишения, вызванные Гражданской войной и хозяйственной разрухой, бывшие члены общества еще раз попытались восстановить традицию. Осенью 1919 года по инициативе Н.А. Бердяева в Москве была основана Вольная академия духовной культуры. В академии был прочитан целый ряд курсов: «Философия духовной культуры» (А. Белый); «Философия истории» (Н. Бердяев, позднее, в 1923 году, издавший этот курс в Берлине в виде книги «Смысл истории»); «Греческая религия» (Вяч. Иванов); «Искусство Ренессанса» (П. Муратов); «Ве-

дение в философию» (С. Франк, издавший этот курс в виде книги в Москве в 1922 году и в Берлине в 1923 году); «Этика» (Б. Вышеславцев); «Жизнь и творчество» (Ф. Степун, издавший в 1923 году в Берлине книгу под таким названием); «Этапы мистического пути» (о. Владимир Абрикосов). Н. Бердяев вел также семинар по творчеству Достоевского, результатом чего явилась книга «Мирозерцание Достоевского». В 1920 году, помимо чтения курсов, было организовано чтение докладов, которые охватили широкий круг тем: «Кризис культуры», «Кризис философии», «О христианской свободе», «О сущности христианства», «Идеальная Греция», «Тео-софия и христианство», «О магической природе слова», «Восток, Россия и Запад», «О польском мессианизме», «Духовные основы хозяйства», «Критика историзма», «О преодолении пошлости», «К. Леонтьев», «О “Закате Европы” О. Шпенглера», «В. Соловьев и все-ленское христианство» и многие другие.

Сначала слушателей было немного, но потом зал Высших женских курсов, рассчитанный на 300 мест, уже не мог вместить всех желающих, и некоторые доклады приходилось повторять дважды. Публичные же лекции в зале Политехнического музея собирали более 1000 слушателей. Очень интересная характеристика слушателей и атмосферы, царившей на докладе и лекциях, дана в отчете о деятельности академии, помещенном в сборнике «София» (Берлин, 1923): «Публика, посещавшая Академию, не была обычной публикой, которая приходит на лекции и доклады из любопытства, для развлечения. Это были люди, жадно ищущие, стремящиеся найти новые пути, люди, для которых разрешение вопросов духовных было решением их жизненного пути. Поэтому атмосфера лекций и докладов была исключительной, страстной напряженности»³⁴.

Идя навстречу пожеланиям молодежи, академия организовала весной 1922 года по инициативе Н. Бердяева и С. Франка философско-гуманитарный факультет, работа которого была прервана из-за высылки из России в августе–сентябре 1922 года группы профессоров, в том числе и организаторов этого факультета. Вскоре прекратила деятельность и сама академия.

Высланные из России философы вскоре, 26 ноября 1922 года, основали в Берлине Религиозно-философскую академию, московский же период жизни Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева вместе с его истоками и попытками возрождения можно считать на этом завершившимся.

В связи со сказанным на ум невольно приходит сравнение. Почвенный слой планеты Земля составляет порядка одной десяти-миллионной части ее радиуса, и если снять эту тончайшую пленку, то Земля уже будет не носителем удивительно разнообразной биологической жизни (может быть, единственной во всей вселенной), не колыбелью человеческой цивилизации, а булыжником, летящим в космосе. Точно так же и человечество, утратив по тем или иным причинам тончайший культурный слой, состоящий из творцов хрупких художественных и философских аппаратов, помогающих увидеть или расслышать смысл человеческой жизни, чтобы народы могли жить в свете этого смысла, – утратив этот слой, человечество способно «выпасть» из истории в зооподобное состояние. Нарращивание плодоносного культурного слоя является очевидной и насущной задачей нашего общества. От надежности его зависит, будем ли мы гарантированы от ужасов самопожирания общества, которые у всех на памяти.

Повторю еще раз: история Института философии РАН имеет богатую предысторию, богатую традицию философских инициатив. И мы ни в коем случае не должны от этой традиции отмежеваться, не должны становиться Иванами, не помнящими родства.

Примечания

- 1 Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т.1. СПб., 1991. С. 51.
- 2 Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С. 23.
- 3 Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954. С. 399–400.
- 4 Трубецкой Евгений, князь. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск, 2000. С. 171.
- 5 Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003. М., 2004. С. 158.
- 6 Там же. С. 149.
- 7 Там же. С. 145–146.
- 8 Там же. С. 152.
- 9 Платон. Сочинения: В 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 347.
- 10 Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2003. С. 146.
- 11 Там же. С. 155.
- 12 Трубецкой Евгений, князь. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 88.

-
- 13 Там же. С. 84.
 - 14 *Флоренский Павел*, священник. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 352–353.
 - 15 Там же. С. 353.
 - 16 *Трубецкой Евгений*. Указ. соч. С. 87.
 - 17 Там же. С. 88.
 - 18 Письма Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1911. Т. 3. С. 259–260.
 - 19 Там же. С. 260.
 - 20 *Радлов Э.Л.* Голос из невидимых стран // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 190.
 - 21 Предпринятая ранее попытка Л.Е. Оболенского издать с 1880 года философский журнал «Мысль» не увенчалась успехом, так как ему пришлось фактически одному заполнять страницы этого журнала, который не пользовался успехом. Точно так же не удалась попытка А.А. Козлова издавать «Философский трехмесячник» в 1885 году. Этот журнал также оказался журналом одного автора.
 - 22 Позднее оно получило название «Общество памяти С.Н. Трубецкого».
 - 23 Последний успел лишь написать и напечатать в издательстве Свято-Троицкой Сергиевой лавры брошюру «Данные к жизнеописанию архимандрита Серапиона (Машкина)» – отдельный оттиск статьи, помещенной в «Богословском вестнике» за февраль–март 1917 г.
 - 24 С уставом общества и целым рядом повесток его заседаний меня ознакомили члены семьи П.А.Флоренского, за что приношу им глубокую благодарность.
 - 25 *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 77.
 - 26 Там же. С. 77–78.
 - 27 ГБЛ. Ф. 265. Кн. 191. Ед. хр. 4. Л. 10 об.
 - 28 Там же. Кн. 134. Ед. хр. 2. Л. 29 об.
 - 29 См.: *Арсеньев Н.С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 60.
 - 30 Там же. С. 64.
 - 31 *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 261.
 - 32 Там же. С. 263.
 - 33 ГБЛ. Ф. 171. Кн. 16. Ед. хр. 9. Л. 1–5.
 - 34 София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии/ Под ред. Н.А.Бердяева. Берлин, 1923. С. 136.
-

С.Н. Корсаков

Реконструкция исторического здания *

Мы расскажем об эпопее с реконструкцией здания по Волхонке, 14, в результате которой оно стало таким, каким мы его знаем сегодня. Общая ситуация с этим зданием в тот период и мотивы принятия решения о надстройке весьма интересны и поучительны. Они говорят нам и о состоянии, в котором находилось здание при вселении туда Комакадемии с ее подразделениями, и о всегда остававшемся незначительным статусе философии и гуманитарных наук в глазах высшего чиновничества, и о той огромной работе, которую проделали тогдашние руководители Дома на Волхонке. Сегодня это в том числе история современного Института философии РАН.

8 мая 1925 года Совет народных комиссаров РСФСР постановил помещение в доме № 14 по Волхонке передать Коммунистической академии¹.

В здании до этого располагался Лесной институт, который переводился в Ленинград. В июле 1925 года управляющий делами Комакадемии С.И. Мелентьев составил план расквартирования Комакадемии в новом здании, где предусматривалось закончить размещение по обоим этажам Президиума, Управления делами, Институтами и секций, издательства, а также Курсов марксизма к 1 сентября 1925 года.

3 августа 1925 года комиссия в составе Г.И. Обрезкова и В.С. Ягужинского от Лесного института и представлявших Комакадемию ее управделами С.И. Мелентьева, управляющего домами по Волхонке, 14. И.С. Косырева и завхоза Комакадемии А.И. Калинина,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00611а.

а также архитектора С.И. Родионова произвела приемку и передачу владений № 14 по Волхонке со всею площадью земли и находящимися на ней строениями: двухэтажного дворца с антресолями и подвалом и прилегавших ко дворцу строений, подробно поименованных в составленном акте.

В каком же состоянии нашла комиссия здания по Волхонке, 14? Все означенные строения оказались крайне запущены, частью полуразрушены и требовали немедленного капитального ремонта. Комиссия сделала вывод, что если ремонт не будет произведен немедленно, то зданиям грозит неминуемая гибель. Вывод подтверждали также акты Главнауки и губернского инженера.

Управделами Комакадемии С.И. Мелентьев пригласил из Главнауки для руководства ремонтными работами архитектора С.И. Родионова. Последний курировал составление чертежей, смет расходов, наблюдал за исполнением работ. По его предложению была создана ремонтно-строительная комиссия, в которую кроме Родионова вошли Косарев, Калинин и Некрасов. С.И. Мелентьев предоставил С.И. Родионову всю полноту полномочий в решении строительных вопросов с тем, чтобы максимально ускорить приведение помещений в надлежащий вид. В двухэтажном дворце были произведены ремонт и настилка новых полов с переменою в нескольких местах балок, восстановление штукатурки и окраска масляной и клеевой краской стен и потолков, постановка новых оконных переплетов с остеклением, новых дверей, ремонт и перекладка голландских печей. Совершенно заново были восстановлены канализация и водопровод с установкой всех необходимых санитарных приборов. Под надзором Главнауки во дворце была произведена реставрация живописи, скульптуры и искусственного мрамора, реставрация и ремонт фасадов здания. Были восстановлены скульптурные и архитектурные профили, установлены колонны из нового белого камня. Кроме того, было проведено устройство козырьков над входами, окраска фасадов клеевой краской, покрытие крыши новым оцинкованным железом, устройство водосточных труб и ремонт стропил.

Все работы выполнялись Управлением делами Комакадемии хозяйственным способом из сумм, находившихся в распоряжении Управления делами Комакадемии: 19 тыс. руб. позаимствованных из средств, выделяемых на научные исследования, 11 тыс. руб., полученных в качестве арендной платы за сдаваемые квартиры, и 102 тыс. руб., отпущенных Наркоматом финансов на ремонтно-

строительные работы, – итого 132 тыс. руб. Из этой суммы израсходована была 91 733 руб., причем затраты производились и на ремонт прилегающих зданий. По предварительной смете стоимость работ была определена в 183 425 руб. В действительности же на сумму в 91 733 руб. было выполнено гораздо больше работ по сравнению с предварительной сметой.

Работы были закончены быстро и успешно. 14 ноября 1925 года здание принимала комиссия Комакадемии в составе ученого секретаря Комакадемии Р.И. Малецкого, ученого секретаря Института мирового хозяйства и мировой политики М.И. Спектатора, члена дирекции Института советского строительства Г.С. Михайлова и архитектора А.Ф. Кротова. Комиссия нашла, что все работы произведены удовлетворительно и из материалов надлежащего качества. Отмечены были отдельные дефекты: пятна в некоторых местах на окраске стен, дверных проемов и отчасти потолков, что стало результатом спешного проведения работ. Окраска была проведена по сырой штукатурке и невысохшим кирпичным стенам, промокшим ранее из-за неисправности крыши. Имелась также небольшая усушка столярных изделий, вызванная отсутствием на рынке сухого столярного леса. Комиссия констатировала своевременность, хозяйственность и экономичность всех произведенных работ, носивших крайне срочный характер.

Теперь предстояло разместить в отремонтированном помещении учреждения Комакадемии, что оказалось потруднее ремонта здания. Институты и секции в Комакадемии было уже много, и их число постоянно возрастало. И это не считая приданных ей Курсов марксизма и других учреждений. Еще 21 сентября 1925 года бюро Президиума Комакадемии создало комиссию по распределению помещений во главе с членом бюро Е.Б. Пашуканисом. Однако и к 31 октября 1925 года эта комиссия не пришла к согласованному решению. Вопрос осложнялся и тем, что не во всех помещениях был закончен ремонт. 14 ноября 1925 года бюро Президиума Комакадемии обязало С.И. Мелентьева закончить все работы в срок, что и было сделано.

28 ноября 1925 года, рассмотрев итоги работы комиссии по приему здания по Волхонке, 14, бюро Президиума Комакадемии, учитывая прекрасное и срочное выполнение задач, возложенных на ремонтно-строительную комиссию, а также то, что ее члены отказались от отпусков, чтобы в срок обеспечить возобновление занятий Комакадемии в новом здании, предоставило всем членам

строительной комиссии месячный отпуск и вознаграждение в размере двух месячных окладов, а С.И. Мелентьеву – трех.

Масштабы работы Комакадемии возрасали. Она стала все-союзным центром исследований в области общественных наук. 24 октября 1925 года бюро президиума Комакадемии одобрило составленный председателем Президиума Комакадемии М.Н. Покровским проект о передаче Комакадемии из ведения ВЦИК РСФСР в ведение ЦИК СССР. 23 июня 1926 года соответствующее решение было оформлено постановлением Секретариата ВЦИК РСФСР. 8 августа 1926 года здание Комакадемии по Волхонке приняло на баланс Хозяйственное управление ЦИК СССР. 10 августа 1926 года Секретариат ЦИК СССР принял решение о включении в список подведомственных ему владений домов № 14 и 15 по Волхонке и постановил оставить их в ведении Комакадемии как в административном, так и в финансово-хозяйственном отношении. Постановление ЦИК СССР подписал его секретарь А.С. Енукидзе.

Комакадемия обживалась на новом месте. В смету расходов Комакадемии на 1926–1927 бюджетный год, утвержденную 26 июня 1926 года на бюро Президиума Комакадемии, были включены разбивка сквера, прокладка дорожек и устройство клумб, посадка новых деревьев на прилегающей к Волхонке, 14 территории. На эти цели выделялась 1000 руб. На устройство электрического освещения и проводку внутренней телефонной связи – 10 260 руб.

В 1926 году впервые была выдвинута идея о существенном расширении занимаемого Комакадемией помещения. Первоначально речь шла не о реконструкции здания по Волхонке, 14, а о строительстве нового здания в закрепленном за Комакадемией квартале на территории общей площадью 4465 квадратных саженей. На заседании бюро Президиума Комакадемии 26 июня 1926 года обсуждался вопрос о постройке нового здания Комакадемии с библиотекой, книгохранилищем, читальными залами, аудиторией и научными кабинетами, с общежитием для научных сотрудников. Общая сумма постройки определялась в 7 410 000 руб. на 1926–1927 годы. 4 декабря 1926 года управляющий делами Комакадемии С.И. Мелентьев представил план строительства с очередями постройки общей стоимостью в 6 960 000 руб. и предложил заявить перед соответствующими органами ходатайство о закреплении за Комакадемией для этих целей квартала: Волхонка 14, Волхонка, 16, Малый Знаменский переулок, 3.

От столь грандиозных планов пришлось, конечно, отказаться. Вместо строительства нового здания было решено надстроить два этажа в доме по Волхонке, 14. История хода этого строительства поучительна, так как прекрасно отображает традиционно российские обыкновения и реалии, связанные с очередностью работ, соблюдением их сроков и пр.

14 января 1928 года Президиум Комакадемии обсуждал доклад нового управляющего делами Комакадемии Н.Л. Ники. Он поставил вопрос о серьезной реконструкции здания по Волхонке, д. 14. Н.Л. Ника отметил, что, поскольку «здание было приспособлено для одного самодура-помещика», оно пока что отнюдь не подходит для учебного заведения. «За исключением десяти комнат с красивыми потолками, если мы возьмем антресоли, если мы возьмем низ, то ясно, что там не только заниматься нельзя, там даже сидеть негде»². Из имеющихся 6965 кв. м фактически может быть использовано лишь 3940 кв. м. Библиотека Комакадемии, продолжил Ника, занимает помещение квартирной системы, не предназначенное для нужд библиотеки. Библиотека имеет 2400 кв. м., а потребность ее – 7200 кв. м. Комиссия во главе с директором Библиотеки им. Ленина В.И. Невским, обследовавшая положение библиотеки Комакадемии, отметила невозможность нормальных занятий в ней: на 1 кв. м площади хранения приходится 500 библиотечных названий, в переуплотненном помещении приходится работать свыше 100 чел. Помещения для заседаний и лекций, как такового – нет. Есть лишь одна аудитория, всего 154 кв. м. с одним выходом, что опасно в пожарном отношении. Но она не могла вместить всех слушателей, которые приходили на организовывавшиеся в Комакадемии диспуты и на публичные доклады. Необходимо же как минимум две аудитории площадью 1100 кв. м. Много места занимали курсы марксизма, также располагавшиеся в здании и не бывшие формально подразделением Комакадемии. Число их слушателей возросло с 58 человек в 1922 году до 200 человек в 1928 году. В результате научным сотрудникам Комакадемии заниматься было просто негде. На 90 сотрудников во всем здании имелось лишь 10 комнат, где можно было работать. Печи пришли в полную негодность и не в состоянии были обеспечить теплом здание. В холодное время даже Президиуму Комакадемии невозможно было заниматься, а в сильные морозы почти 60 % сотрудников заболело. В самом здании имелись трещины, и оно требовало капитального ремонта. Имелся целый ряд актов различных комиссий:

санитарной, охраны труда, месткома и др. – о ненормальности сложившегося положения. «Конечно, говорить о приспособленности здания для научной работы не приходится», – констатировал Н.Л. Ника. Он перечислил и другие проблемы. Сложным и актуальным был вопрос о наделении приемлемой жилплощадью сотрудников: ни в библиотеке, ни дома в дневное время нормально заниматься научной работой нельзя, в результате «многие сотрудники начинают бежать от нас, и бегут весьма сильно». В здании работают учреждения, не относящиеся к Комакадемии. Структуры же Комакадемии не сконцентрированы в самом здании, а разбросаны по различным строениям на территории, что требует дополнительных расходов на административно-хозяйственные нужды и штатных единиц персонала.

«Состояние наших зданий и нашего обслуживания находится настолько в скверном положении, что значительную часть средств придется истребовать дополнительно и потратить на то, чтобы те дыры, которые у нас образовались, подлатать», – утверждал Н.Л. Ника³. Идея состояла в том, что если приступить к капитальному ремонту, то самый ремонт нужно приспособить для разрешения накопившихся организационно-технических проблем Комакадемии. Управделами Комакадемии предлагал переустройство помещения путем возведения двух дополнительных этажей. Он сообщил, что предварительный осмотр состояния фундамента и стен свидетельствует в пользу этой возможности. Что же касается трещин и перемычек, то все равно крышу надо перестраивать и, приступив к этому, можно сразу же начинать надстройку новых этажей.

Н.Л. Ника продемонстрировал членам Президиума Комакадемии чертеж проекта нового вида здания, в котором уже можно было бы разместить все секции и институты Комакадемии. На переделку здания и устройство парового отопления вместо печей, по его расчетам, необходимо запрашивать 370 тыс. руб. Курсы марксизма из дома по Волхонке, 14 нужно перевести в другое место, что также требует затрат. Нужно выстроить отдельное здание специально для библиотеки. Кроме того, необходимо запрашивать средства и на внутреннее обустройство основного здания. «У нас до сих пор меблировка весьма скверная и разношерстная. На трех научных сотрудников приходится один стол, и если мы до сих пор обходимся, то только потому, что они здесь не занимаются. Но если бы они пришли сюда заниматься, то картина была бы плачевная». С учетом всех этих обстоятельств, попытожил Н.Л. Ника, необхо-

димо запрашивать всего 609 тыс. руб. и брать банковский кредит сроком на 60 лет.

В ходе обсуждения руководитель исторической секции Н.М. Лукин выразил сомнение в реалистичности предлагаемого проекта и в возможности получить запрашиваемую сумму. Руководитель секции естественных и точных наук О.Ю. Шмидт, напротив, заявил, что проект надстройки здания – самый дешевый и реалистичный, скромный в финансовом отношении, продуманный в деталях. Его необходимо реализовывать, так как аудиторий, в которых можно было бы собираться, по существу, нет.

Председатель Президиума Комакадемии М.Н. Покровский, поддержав предложенный проект, обратил внимание на то, что вскоре исполнится десятилетний юбилей Комакадемии и это обстоятельство следовало бы использовать при ходатайстве о выделении средств в директивные инстанции – ЦК и ЦКК ВКП(б).

Руководитель секции научной методологии Л.Н. Крицман, согласившись с тем, что проект содержит минимальные и насущные требования, рекомендовал добавить при представлении ходатайства в вышестоящие инстанции, что запрашиваемая сумма не разрешает всех трудностей работы Комакадемии. Он обратил внимание, что по сравнению с аналогичными научными учреждениями – Институтом Маркса и Энгельса, Институтом Ленина, Академией наук СССР и др. Комакадемия пребывает в наихудших условиях. Прочие учреждения уже обзавелись собственными зданиями и хорошим оборудованием. В этом, добавим от себя, не было, наверное, ничего удивительного. Срабатывал прагматический принцип, остаточный подход. Польза естественнонаучных структур АН СССР в глазах тех чиновников, кто занимался ассигнованием средств, была в целом ясна. То же касалось и чисто идеологических учреждений, таких, как ИМЭ и ИЛ. Гуманитарным наукам и философии, сосредоточенным в Комакадемии, приходилось довольствоваться тем, что было предоставлено, и мириться со многими неудобствами помещений на Волхонке.

Руководитель правоведческой секции Комакадемии Е.Б. Пашуканис остроумно заметил, что существование Комакадемии опровергает исторический материализм, поскольку ее материальный базис совершенно не развивается, а развивается одна идеологическая надстройка. «В самом деле, как мы живем – неприлично существовать, – продолжил он. – Когда приехал сюда один немецкий профессор, мой давний знакомый по Мюнхену, он буквально

изругал меня: куда вы меня привели, такая теснота и грязь». Немецкий профессор перед тем побывал в Институте Маркса и Энгельса, и ему было с чем сравнивать. Е.Б. Пашуканис призвал бороться за реализацию предложенного проекта: «Если нам откажут, это ничего не значит. Но если не будем сами об этом говорить, мы в конце концов задохнемся в этой тесноте и загубим нашу библиотеку».

Руководитель курсов марксизма Г.М. Кржижановский напомнил о вынесенном еще 5 ноября 1927 года постановлении Президиума Комакадемии об организационном отделении Курсов марксизма и предоставлении им помещения на Петровке и предложил приступить к его осуществлению. Заместитель председателя Президиума Комакадемии В.П. Милютин посетовал на печальный опыт обращения в Моссовет за ассигнованиями на нужды Комакадемии. На библиотеку выделено было 15 тыс. руб., а 375 тыс. руб. – срезали. Поэтому обращаться надо не в Моссовет, а сразу в директивные органы. Кроме того, это решение не удастся провести в текущем бюджетном году. На это руководитель философской секции А.М. Деборин резонно заметил, что, хотя в бюджет этого года уже невозможно ничего внести, через Моссовет можно получить ссуду и приступить к работам, обеспечив за собою попутно в директивных инстанциях обещание, что в бюджет 1928–1929 годов будет внесена оговоренная сумма.

По итогам обсуждения М.Н. Покровский сформулировал решение Президиума Комакадемии. В документе констатировалось, что материальное положение Коммунистической академии в здании по Волхонке, 14 совершенно неудовлетворительно и значительно хуже, чем у аналогичных учреждений. Было признано, что без предоставления средств на достройку этажей невозможно проводить плановые работы и дальше развивать Комакадемию как научно-исследовательский центр. Курсы марксизма признавалось необходимым выделить в самостоятельное в административном отношении учреждение, освободив соответствующие помещения на Волхонке, 14, и вообще освободить дом по Волхонке, 14 от всех посторонних жильцов и добиться также освобождения прилегающих строений (включая здание гостиницы «Европейская») для использования под нужды Комакадемии. Далее в постановлении говорилось о практических мерах: произвести надстройку двух этажей главного дома на Волхонке, 14, расширить и приспособить это основное здание к потребностям научного учреждения, сделав его пригодным для научной работы, существующие части здания пере-

строить, приобрести для здания оборудование, необходимое для научной работы. Предполагалось также выстроить отдельное здание для библиотеки. Постановление завершалось пунктом о том, чтобы войти в соответствующие директивные органы для принятия распоряжений о срочном проведении указанных мероприятий, об отпуске необходимых средств на их осуществление и о том, чтобы добиться ассигнования средств на постройку здания библиотеки Комакадемии.

К вопросу о реконструкции здания Президиум Комакадемии вернулся 10 марта 1928 года в ходе обсуждения доклада Г.К. Дерман о состоянии библиотеки Комакадемии. Заведующая библиотекой Г.К. Дерман, а затем член философской секции М.Л. Левин нарисовали удручающую картину: места для работы читателям нет совершенно, возрастающие запросы на книги удовлетворяют почти нет возможности; если положение не изменится в ближайшее время, значительную часть книг придется заштабелировать. Нужно новое специализированное здание для библиотеки. Управделами Комакадемии Н.Л. Ника добавил, что в библиотеке нужно сменить всю проводку, во избежание санкций со стороны Мосгэс. Однако выделенные на это 500 руб. были явно недостаточной суммой и потому истрачены на другие хозяйственные нужды.

Члены Президиума предлагали различные варианты выхода из ситуации: построить книгохранилище, разместить часть книг в настенных шкафах в помещениях секций и пр. (хотя такие шкафы еще нужно было изготовить). Было ясно, что все это либо нереализуемые меры, либо паллиативы. В.П. Милютин вновь выразил сомнение в возможности получить от государства деньги на нужды ремонта Дома на Волхонке. Председатель Президиума Комакадемии М.Н. Покровский отреагировал на это очень остро, сказав, что в таком случае придется ставить вопрос о закрытии самой Комакадемии. Поддавшись эмоциям, М.Н. Покровский решил отказаться от ранее принятого решения и заявил, что проект Н.Л. Ники о надстройке двух этажей – химера и надо хвататься за синицу в руках, то есть ограничить запрос в директивные органы лишь суммой, необходимой для строительства здания библиотеки и проведения парового отопления.

Н.Л. Ника, однако, сумел убедить Президиум в правильности предлагаемого им пути. «Нам придется надстроить два этажа», – сказал он. Там, где мы сидим, продолжал Н.Л. Ника, в этом здании у нас почти все перемычки дали трещины, в стенах колодцы,

бывшие камины, насквозь прогнили. Поднимать крышу и разбирать перемычки гораздо дороже, чем надстроить два этажа. Кроме того, заметил он, если даже паровое отопление поставим, все равно в пальто будем сидеть. Нужно стены местами переделать, подштукатурить, некоторые камни заменить, перемычки заменить. При надстройке почти не понадобятся рабочие по дереву, и можно будет ограничиться в основном наймом каменщиков. «Я считаю, что дешевле будет надстроить два этажа», – настаивал Н.Л. Ника, аргументируя целесообразность и реалистичность проекта. Он добавил, что, даже если из здания выедут курсы марксизма, освободится лишь 13 комнат. Но уже сейчас имеется шесть заявок на помещения для кабинетов, необходимых членам Президиума и некоторым ответственным работникам, и еще нужно 18 комнат для секций. «Кроме того, – закончил Н.Л. Ника свое выступление, – у нас зал никуда не годится. Здесь, в зале, красивый потолок, но можно ли там доклады ставить?» Во-первых, аудитория небольшая. Во-вторых, зал проходной, что весьма мешает, когда идет обсуждение серьезного доклада. В-третьих, все это небезопасно в отношении пожарной охраны.

История бывает удивительно современной. В наше время обитатели и посетители Дома на Волхонке могут любоваться красивым потолком в Красном зале, и продолжают испытывать дискомфорт во время серьезного обсуждения из-за проходящих через зал коллег, и не всегда могут найти, где присесть, в случае какого-нибудь аншлага.

5 мая 1928 года бюро Президиума Комакадемии обсуждало вопрос о создании комиссии по рассмотрению плана надстройки здания по Волхонке, 14. Докладчик, Е.Б. Пашуканис, сообщил, что инженер Кротов составил черновой набросок надстройки двух этажей, к которому сам Пашуканис сделал ряд замечаний. Теперь он просил Президиум утвердить комиссию, которая бы рассмотрела этот проект досконально и приняла соответствующее решение. В состав комиссии он предложил себя, Кротова и Нику, а также представителей наиболее нуждающихся в помещениях учреждений Комакадемии. Он также поставил вопрос «о привлечении каких-либо дополнительных архитектурных сил кроме Кротова» и выделении на эти цели дополнительных средств.

Е.Б. Пашуканис доложил также, что комиссией проведено обследование фундамента здания и выяснена возможность надстройки. Предварительные эскизы к надстройке двух этажей об-

следовались техническим бюро Моссовета, после чего эти проекты, выработанные в основных чертах, были утверждены губернским инженером. Распланировка помещений предлагалась такой: 1-й этаж – издательство, управление делами, ряд секций; 2-й этаж – Президиум и секретариат, большая аудитория, выставка; 3-й и 4-й этажи – институты и секции.

Нужно пояснить современному читателю, что два будущих этажа именуется в документах 3-м и 4-м. Таковы они и в действительности, если посмотреть на здание с улицы. Да и внутри ведь фактически 3-го этажа как такового нет. Но поскольку надстройка велась над уже существовавшим зданием, которое имело антресоли, то для обитателей дома по Волхонке, 14 два верхних этажа оказываются 4-м и 5-м. Поэтому те этажи, которые в обиходе сотрудники Института философии именуют 4-м и 5-м, мы будем в дальнейшем называть так, как они фигурируют в документах 1920-х годов, то есть 3-м и 4-м.

14 июня 1928 года бюро Президиума Комакадемии вновь обсуждало планы строительства. Н.Л. Ника доложил, что наркомат финансов отпустил по кредитам 500 000 руб. вместо запрашивавшихся 640 000 руб. Затем Ника показал членам бюро Президиума чертежи. Он сказал далее, что при надстройке новых этажей между ними и старыми будут от антресолей оставлены окошечки для верхнего освещения. Эти окошечки можно наблюдать сегодня, взглянув на фасад здания. Таким образом, делал вывод Ника, фасад не меняется с надстройкой двух этажей. Однако Главнаука и Мособлоно запрещают снимать со здания герб, но в этом случае помещения новых этажей будут частично закрыты и затемнены. Ника предложил проигнорировать эти требования. В части внутренней перестройки здания много работы предстоит с лестницами, поскольку губернский инженер настаивает на том, чтобы лестницы были с двух концов здания. Одну придется расширять, другую, узкую, строить заново. На туалеты будет необходимо выделить одну из больших комнат. Планировалось их сделать на втором этаже, на чем настаивал и губернский инженер, но, сказал Ника, очевидно удастся устроить их внизу. Проект конференц-зала, составленный «Ленинграддревтрестом», техническую комиссию не удовлетворил. Была задумка строить конференц-зал на самом верху, но поскольку требования технической инспекции в смысле размера лестниц очень велики, решено построить зал на втором этаже. Таким образом, зал будет расположен по фасаду и будет иметь вид довольно приличный, рас-

считанный на 800–900 человек. Под зал частично уходят второй этаж и антресоли. В помещении бывшей домово́й церкви можно устроить выставку. По узкой лестнице расположить курительную комнату. Красный зал использовать впредь для небольших заседаний, но заставить его не одними стульями, а длинными столами, разместив стулья вокруг них. Президиум и секретариат Ника предлагал пока оставить на прежнем месте, то есть в двух больших аудиториях с противоположной стороны от Красного зала. Обычный выход из здания предполагалось сделать со стороны помещения издательства, то есть там, где редакционно-издательский отдел находится и теперь. Парадный – с противоположной стороны: он сегодня является основным входом на Волхонку, 14. На третьем этаже Ника предлагал расположить ряд институтов и секций. Здесь будет новых 22 комнаты. Их неудобство в том, что комнаты слишком глубокие, и если их часто дробить перегородками, то вместо комнат получатся узкие коридоры. На четвертом этаже будет 25 комнат, где можно разместить еще секции и управление делами. С учетом перестройки первого этажа всего будет 47 новых комнат. Ника просил утвердить план постройки, чтобы можно было приступить к работам.

Бюро Президиума Комакадемии утвердило план перестройки здания по Волхонке, 14. Было решено ответить отказом на требование Мособлоно о сохранении герба на фасаде с тем, чтобы в остальном фасад остался без изменений. Срок окончания работ по надстройке двух этажей был определен на начало ноября, и управлению делами было поручено вести строительные работы с таким расчетом, чтобы к началу октября существующие два этажа уже могли быть использованы Комакадемией. Комиссия под председательством Пашуканиса должна была к 15 сентября составить проект распределения помещений в новом здании между учреждениями Комакадемии.

Обсуждение вопроса о плане размещении учреждений Комакадемии в здании по Волхонке, 14 и тогдашние споры по этому поводу сегодня представляют меньший интерес, чем эпопея со строительством здания. В конечном счете все эти учреждения либо переехали со временем в новые отдельные здания, либо были ликвидированы, и на Волхонке, 14 остался только Институт философии. До реконструкции здания имелось тридцать семь комнат, из них реально использовались для научной работы шестнадцать, причем десять из этих шестнадцати были с низкими потолками. Теперь же имелось 86 комнат.

В нижних этажах планировалось разместить Институты с большими собраниями книг. Здесь были также вестибюль, гардероб, комната коммутаторов и в пристройке над паровым отоплением – буфет. Третья часть второго этажа отошла под новый конференц-зал. Комнату для Президиума было в итоге решено занять под Институты, а для Президиума отвести зал на верхнем этаже. Помещение бывшей церкви отводилось под местком и комнату отдыха для сотрудников. Против такого нецелевого использования этого помещения решительно возражал Милютин. Но Ника ответил, что если доклады в Комакадемии будут, как и прежде, собирать сотни слушателей, то всей этой массе просто негде будет циркулировать по узкому коридору второго этажа. Покровский засомневался и обратил внимание на то, что комната эта, где ныне располагается Отдел комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, представляет собой тупик. Но Пашуканис разъяснил ему, что после реконструкции здесь будет выход на вторую лестницу. Покровский задал вопрос о том, когда будет готов лифт. Ника ответил, что сейчас нет нужных материалов и лифт будет готов через пять месяцев.

В отношении третьего и четвертого этажей споры естественно вызвало то, сколько и каких комнат достанется тому или иному учреждению. Каждый отстаивал свои интересы. Борьба за помещения была острой. Для Института философии на третьем этаже планировалось четыре комнаты⁴, но одну из них решили передать Институту истории. Когда для того же института предложили забрать комнату и у Секции литературы и искусства, ее глава В.М. Фриче возмутился: где же будет работать редакция «Литературной энциклопедии» – на улице, что ли? Вся та часть верхнего этажа, под которой располагался новый большой конференц-зал, где сегодня находится бухгалтерия и ряд других помещений Института философии РАН, отводилась для управления делами и финансово-хозяйственного отдела Комакадемии. С площадки лифта посетитель верхнего этажа направо попадал в управление делами, а налево – в зал Президиума, ныне зал заседаний ученого совета Института философии РАН и комнаты тех членов Президиума, которые не имели отдельных помещений как главы институтов и секций. Интересно, что сегодня распределение подразделений Института философии в целом соответствует тому, которое произведено восемьдесят лет назад.

20 апреля 1929 года бюро Президиума Комакадемии заслушало доклад Ники о скульптурных работах в здании по Волхон-

ке, 14. Было решено скульптурных украшений не делать, большой конференц-зал оставить таким, как есть, окрасив его в спокойный тон, и вывесить в нем портреты скончавшихся членов Коммунистической академии. Поэтому сегодня большой конференц-зал на Волхонке, 14 отличается от Красного зала отсутствием лепных украшений. Было также решено договориться с «Ленинграддревтрестом» о постройке для зала Президиума книжных шкафов, предварительно запросив чертежи.

Вновь реконструированное здание требовало текущего ремонта. В смете расходов Комакадемии на 1931 году на эти цели была запланирована значительная сумма. В рамках этой суммы было необходимо: сменить на крыше негодные и пробитые листы железа новым оцинкованным железом, запаять швы и свищи на крыше, сменить дымогарные трубы на газовые, сделать в ряде помещений новые полы – и бетонные, и с плиточным покрытием, настлать по полам линолеум на мастике, сделать основание из кирпичного щебня с разравниванием под рейку для тротуаров и дорожек, перестлать старое асфальтовое покрытие тротуаров с добавлением 50 % новых материалов, сделать новое асфальтовое покрытие наружных тротуаров и дорожек и др. На каждую из позиций выделялась оговоренная в смете сумма. Естественно, что в смете Института философии на 1931 год в графе «новое строительство» стоял прочерк, так как Институт философии был лишь одним из институтов Комакадемии, помещавшихся в здании, и оплата ремонтных работ производилась Комакадемией как единым учреждением. Тем не менее в смете Института философии на 1931 год в позиции «капитальный ремонт» значится 10 000 руб. Предусмотренные ремонтные работы в здании по Волхонке, 14 выполнялись.

Несомненный интерес вызывает то, как была налажена работа Комакадемии во вновь отремонтированном здании. 7 февраля 1931 года на Волхонке, 14 прошло совещание, на котором были приняты «Дополнительные правила внутреннего распорядка». Приведем некоторые из этих правил.

- Пропуск в здание сотрудников и аспирантов допускается как при входе, так и при выходе по предъявлении удостоверения личности, выданного Комакадемией. Посетители проходят по особым разовым пропускам, которые должны выдаваться контролером, находящимся при входе в здание. При получении пропуска посетитель оставляет на вахте документ, удостоверяющий его личность.

По выходе на разовом пропуске должна стоять отметка лица, к которому посетитель направляется.

- Посещение кабинетов в пальто, галошах и дорожных плащах не допускается. Дежурная уборщица на этаже (две смены) следит за чистотой на этаже и за посетителями. Если у уборщицы возникает подозрение, она вправе потребовать у посетителя пропуск и в случае отсутствия такового предложить ему покинуть здание.

- Уборщица следит за своевременным тушением света, имея список заседаний, запланированных на этаже на данное время. В случае заседания, не внесенного в список, она ставит в известность дежурного коменданта. Обо всех конференциях и совещаниях, а также о публичных докладах, на которых предполагается большое число посетителей, следует ставить в известность общий отдел не менее чем за 15 дней. За своевременное тушение света в кабинетах несут ответственность лица, там работающие.

- Ключи от кабинетов хранятся по этажам на контрольной доске, за которую отвечает уборщица данного этажа, и выдаются только лицам, ответственным за кабинет. Прочим – в экстренных случаях на основании записки от соответствующего должностного лица. Кабинеты, предназначенные под заседания, открываются самой дежурной уборщицей.

- Езда на лифте разрешается лицам, идущим по делам службы на два верхних этажа. В первую очередь едут сотрудники и аспиранты, а все остальные – во вторую очередь. Ответственность за лифт возлагается на лифтера.

- Курение в кабинетах не разрешается, для чего отводятся определенные места по всем этажам. Все нарушающие это правило несут ответственность.

Некоторые положения этого документа наверняка покажутся знакомыми и нынешним обитателям Дома на Волхонке, например насчет курения.

После того как была закончена реконструкция здания по Волхонке, 14, руководители Комакадемии не избавились, к сожалению, от проблемы размещения в здании все новых и новых научно-исследовательских учреждений. Поэтому вскоре вернулись к проекту создания научного городка на территории квартала: Волхонка 14, Волхонка, 16, Малый Знаменский переулок, З. С.И. Мелентьев, выдвинувший эту идею еще в 1926 году, вновь предложил план постройки академического квартала – Дворца науки – с размещением здесь всех учреждений Комакадемии, не-

которые из которых вынуждены были пребывать в разных концах Москвы, так как Волхонка, 14 не могла их всех вместить. План был рассчитан на двадцать лет и предполагал снос старых зданий и постройку целого ряда новых, современных. План постройки академического квартала был представлен в Моссовет с просьбой принять его за основу, а строения по Волхонке, 14, Волхонке, 16 и Малому Знаменскому переулку, 3 закрепить с этой целью за Комакадемией. Однако руководство Комакадемии добилося только того, что Президиум ВЦИК РСФСР вновь постановил 30 октября 1929 года считать дом по Волхонке, 14 закрепленным за Комакадемией со всеми вытекающими отсюда правами. Руководство Комакадемии осталось при своих.

В начале 1930-х годов на протяжении нескольких лет Комакадемией ставился вопрос о постройке отдельного здания для библиотеки. Составлялись сметы, готовились проекты. То, какие усилия предпринимались для его решения, можно было бы проследить по архивным документам. Но это излишне, поскольку из этого замысла ничего не вышло. Конечно, если бы такое здание было построено, на Волхонке, 14 освободились бы большие помещения на втором этаже. Однако все осталось так, как есть и сейчас.

Попытки расширить площади, занимаемые Комакадемией, предпринимались и позже. Но ни одна из них не увенчалась успехом. В 1931 году Президиум Комакадемии подал ходатайство о предоставлении земельного участка по Крымской набережной под постройку зданий для институтов. 26 января 1931 года Президиум Мособлисполкома принял решение отказать Комакадемии в связи с тем, что эта территория отведена для строительства Дворца молодежи. Московский Дворец молодежи и поныне располагается рядом со станцией метро «Фрунзенская».

Вопрос с помещениями решился не путем расширения владений Комакадемии, а путем получения отдельными ее институтами собственных зданий. Процесс этот продолжился и после 1936 года, когда здание по Волхонке, 14 стало помещением гуманитарных институтов АН СССР. Это были те же самые институты, но после слияния Комакадемии и АН СССР они числились теперь за АН СССР. Постепенно все академические учреждения разъехались с Волхонки, 14, и в здании остался только Институт философии. Но и Институт философии, в свою очередь, развивался и укрупнялся, росло число научных сотрудников, увеличивалась номенклатура научных подразделений института.

Вопрос о территориальном расширении Института философии возникал всякий раз в связи с очередной интенсификацией философских исследований в стране. В конце 1940-х годов новый импульс развитию Института философии АН СССР придало назначение на должность директора академика Г.Ф.Александрова. Ознакомившись с положением дел в Институте, он выдвинул обширную программу его дальнейшего развития, включавшую создание новых секторов, резкое увеличение числа научных сотрудников (старших с 32-х до 70-ти, младших с 26-ти до 70-ти) и аспирантов, активное привлечение к работе в Институте на началах совместительства ведущих философов столицы и провинции (15 человек). На одно только внешнее совместительство он запрашивал в денежном исчислении того времени 60 тысяч рублей. Естественно встал вопрос о помещениях.

Академик Г.Ф.Александров писал президенту АН СССР С.И.Вавилову: «Для значительного расширения научной работы Институт не располагает ни помещением, ни необходимыми средствами. Имеющееся помещение в доме 14 по улице Волхонка и в минимальной степени не обеспечивает потребности Института даже при имеющемся небольшом количестве научных сотрудников»⁵. Изложив свои предложения по дальнейшему развертыванию работ Института, Г.Ф.Александров делал вывод: «Расширение масштабов работы Института философии и значительное увеличение состава научных сотрудников, аспирантов и докторантов делает совершенно неотложным дополнительное предоставление Институту соответствующего помещения. Прошу Вас возбудить ходатайство о передаче Институту дома № 10 по ул. Кропоткина, который ранее принадлежал Институту красной профессуры и Институту философии и сейчас занят Славянским комитетом, или какого-либо другого помещения, в котором можно было бы вести научную работу сотрудников и аспирантов». Излишне говорить, что все эти предложения о территориальном расширении Института философии за счет прилегающих зданий «не прошли».

На протяжении 80 лет существования Института философии помещение по Волхонке 14 не было удовлетворительным по объему своих площадей. Периодически руководителями Института перед вышестоящими органами ставился вопрос о дополнительном придании Институту прилегающих к Волхонке 14 помещений. Вопрос этот никогда так и не получил своего разрешения. Однако благодаря умелой организации работы Институт извлекал максимум из

имеющихся возможностей. За истекшие 80 лет Институт вжился в свой родной Дом на Волхонке и вне его нормально развиваться не может. В этом доме витает дух тех людей, что создавали современный облик нашей философии начиная со второй половины 1920-х годов.

Примечания

- 1 Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.
 - 2 Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 174. Л. 9.
 - 3 Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 174. Л. 15.
 - 4 Позже Институт философии располагался на верхнем этаже здания.
 - 5 Архив РАН. Ф. 684. Оп. 2. Д. 29. Л. 6.
-
-

II

Из истории Института философии

С.Н. Корсаков

Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме*

Нигилистическое отношение к философии после революции; возникновение первых исследовательских структур в области философии

Возникновение Института философии в нашей стране не было одномоментным актом. Институт имел длительную предысторию, включавшую функционирование нескольких исследовательских учреждений. Их пути переплетались между собой, а многие сотрудники работали сразу в нескольких из них.

В 1918 году было основано первое после революции 1917 года научное учреждение по общественным наукам – Социалистическая академия. С 1924 года она называлась Коммунистической академией. Коммунистическая академия включала ряд институтов и секций, но специальной секции по философии образовано вначале не было.

Это было время «антифилософского нигилизма»¹, когда многим казалось, что философия как особая наука отжила свой век, а марксизм трактовался лишь как теория общественного развития. В первое пятилетие после революции 1917 года доминировало мнение, что философия должна уйти в прошлое вместе со всей «буржуазной» культурой. Философские журналы были закрыты, крупнейшие философы-идеалисты – высланы из страны. В высших учебных заведениях отсутствовали философские кафедры, вместо учебных курсов по философии читались курсы исторического материализма. Со страниц теоретических журналов «Под знаменем

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00611а.

марксизма», «Вестник Коммунистической академии» и других высказывались нигилистические оценки философии и ее будущего (А.А. Богданов, И.А. Боричевский, Э.С. Енчмен, М.Н. Лядов, С.К. Минин), фактически возрождавшие отрицание философии в первом позитивизме. Наиболее ярким выражением этих настроений стал лозунг С.К. Минина «Философию – за борт!»².

В этих условиях развернулась борьба за право философии на существование. А.М. Деборин и его сторонники (Г.К. Баммель, С.Л. Гоникман, В.А. Тер-Ваганян, А.Я. Троицкий) защищали статус философии как самостоятельной науки, подчеркивали наличие философской составной части в марксизме и последовательно проводили мысль о том, что адекватно понять это учение можно лишь овладев философской культурой, освоив богатство мировой философской мысли. Создание Института философии поэтому не было случайностью или же чисто административным решением. Это стало завершением длительной борьбы А.М. Деборина и его последователей за «реабилитацию» философии как самостоятельной науки.

В первой половине 1920-х годов в СССР право на существование могла иметь только «научная» философия, никак не связанная с идеалистическим прошлым. В 1921 году при факультете общественных наук Московского университета был образован Институт научной философии. В 1924 году этот Институт был включен в Российскую ассоциацию научных институтов общественных наук. Директорами ИНФ МГУ – РАНИОН были Г.Г. Шпет (1921 – 1923), В.И. Невский (1923 – 1924), А.М. Деборин (с 1924)³. В Институте работали Л.И. Аксельрод, Я.А. Берман, А.А. Богданов, В.Н. Ивановский, А.В. Кубицкий, П.С. Попов и др.

В 1920 году был создан Институт научной методологии. Его задачей была разработка методов исследования для всех наук. В Институте научной методологии работали О.Ю. Шмидт, Н.Н. Лузин, Е.С. Варга, С.Г. Струмилин и др. В 1923 году Институт был ликвидирован, и в 1924 году на его основе в составе Коммунистической академии была создана секция научной методологии⁴ во главе с Л.Н. Крицманом. Внутри секции научной методологии стала функционировать группа научной философии во главе с С.С. Кривцовым, в основном занимавшаяся социологическими проблемами. Руководящим влиянием в Комакадемии по части философии пользовался А.М. Деборин, бывший членом Президиума Комакадемии. Он сыграл важную роль в преодолении господствовавших

в первые послереволюционные годы нигилистических настроений в отношении к философии, в преобразовании группы научной философии сначала в философскую секцию, а затем в Институт философии Комакадемии.

Институт философии в Комакадемии был организован в 1928–1929 годах путем объединения Философской секции Комакадемии, созданной в 1927 году А.М. Дебориным, и Института научной философии МГУ – РАНИОН. Создание Института философии, как ныне установлено по архивным данным, было оформлено постановлением ЦИК СССР от 12 апреля 1929 года. Эта дата может считаться днем образования института и отмечается как юбилейная.

Создание философской секции Комакадемии

Впервые вопрос о создании специальной философской секции в составе Коммунистической академии был поставлен в июне 1926 года при подведении итогов работы Комакадемии за 1925–1926 годы. 18 сентября 1926 года на заседании бюро Президиума Коммунистической академии было принято решение организовать комиссию по созданию философской секции в составе А.М. Деборина, А.К. Тимирязева и заместителя председателя Президиума Комакадемии экономиста В.П. Милютина. Инициатива в постановке этого вопроса исходила от А.М. Деборина. В условиях имевшего место тогда острого идейного конфликта между группой «диалектиков» А.М. Деборина и «механистами», видным лидером которых был А.К. Тимирязев, такой состав комиссии был явно нерабочим. А.К. Тимирязев фактически устранился от участия в создании секции, заявив: «Я могу написать статью, но не работать в трех секциях одновременно»⁵. Это было правдой; А.К. Тимирязев действительно одновременно руководил либо участвовал в работе нескольких научных структур и учреждений и жаловался на то, что организационная работа отнимает у него время от занятий наукой. Кроме того, А.К. Тимирязев, очевидно, не надеялся, что сможет оказывать влияние на процесс создания и работы секции.

Таким образом, вся деятельность по созданию философской секции была сосредоточена в руках А.М. Деборина и его сторонников. Он стал тем человеком, который задумал, организовал и возглавил со временем то исследовательское учреждение, которое вот уже 80 лет существует на Волхонке, 14 как Институт философии.

Мы не имеем здесь возможности разбирать суть разногласий «диалектиков» и «механистов»⁶ и будем касаться этих сюжетов в той мере, в какой они связаны с историей Института философии как таковой.

1927 год – год создания прообраза Института философии – философской секции Коммунистической академии. Один из ближайших приверженцев А.М. Деборина, научный сотрудник философской группы секции научной методологии К.К. Милонов подготовил проект Положения о философской секции и докладную записку об ее организации в Президиум Коммунистической академии, изложив то видение задач и перспектив работы секции, которое было дано А.М. Дебориным. А.М. Деборин отредактировал эти тексты и вместе с К.К. Милоновым подписал их 27 января 1927 года.

В докладной записке намечалась организационная структура и кадровый состав будущей философской секции. Прежде чем говорить о них, нужно пояснить принципы организационного устройства научных учреждений того времени. Люди, работавшие в составе секции или института, подразделялись на членов и научных сотрудников. В свою очередь, первая группа подразделялась на действительных членов и членов-корреспондентов, вторая – на старших и младших научных сотрудников. Руководила учреждением коллегия из председателя, ученого секретаря и нескольких действительных членов. Действительные члены избирались. Ими могли быть признанные ученые, известные своими работами. Основная их задача заключалась в том, чтобы ставить на обсуждение секции доклад с фундаментальной разработкой какой-либо теоретической проблемы. Ученый либо же технический секретари секции должны были заранее собирать с действительных членов заявки на темы докладов и сведения об ориентировочном времени их прочтения. Заседания, на которых обсуждались доклады, могли быть либо закрытыми, только для членов секции, либо открытые, публичные. В последнем случае давалось объявление о заседании, на которое приглашались все желающие. Во время заседания мог выступить содокладчик по теме, происходили прения, докладчик выступал с заключительным словом. Материалы некоторых заседаний публиковались в журналах «Вестнике Коммунистической академии» и «Под знаменем марксизма». Членами-корреспондентами секции или института были в буквальном смысле люди, проживавшие не в Москве, а в других городах – крупных центрах науки и образо-

Волхонка, 14 в 1931 г.
Вид с южной стороны

вания. Старшими научными сотрудниками становились ученые, постоянно работавшие в составе секции над какой-нибудь определенной актуальной темой; темы утверждались руководством секции и Президиумом Комакадемии. Младшие научные сотрудники выполняли научно-вспомогательные функции, связанные с вопросами подбора литературы, библиографией, переводами и пр. В рамках секции или института по значимости на первом месте стояли действительные члены, затем старшие научные сотрудники, члены-корреспонденты и младшие научные сотрудники. Причем в отличие, скажем, от 1950–1970-х годов степень значимости должности была прямо пропорциональна количественному составу лиц, ее занимающих. В Институте философии, например, длительное время действительных членов было свыше тридцати, а младший научный сотрудник – всего один.

Во временное бюро философской секции намечались А.М. Деборин (председатель), К.К. Милонов (ученый секретарь), Л.Н. Крицман. Оговаривалось, что председатель, то бишь, А.М. Деборин, «осуществляет общее идейное руководство работой секции». Кроме названных лиц, действительными членами секции должны были стать А.Я. Троицкий, Я.Э. Стэн, Н.А. Карев, И.К. Луппол, А.А. Максимов⁷, Б.М. Гессен, В.П. Егоршин, И.И. Агол, М.Л. Левин, М.И. Яблонский, В.Н. Слепков, В.Ф. Асмус, П.С. Виноградская, Г.К. Баммель, Р.М. Выдра, С.С. Кривцов. Кто были эти люди? В большинстве своем это выпускники первых наборов Института красной профессуры, организованного в 1921 году. Они были учениками А.М. Деборина, руководившего кафедрой философии ИКП⁸. А.М. Деборин сумел подобрать в ИКП очень талантливых людей, которые необыкновенно быстро сделали самостоятельными исследователями, зарекомендовавшими себя научной продукцией. Ко второй половине 1920-х годов это были уже яркие философы, оригинально разрабатывавшие целый ряд серьезных проблем. Разумеется, это были разные люди, во многих отношениях неравноценные; правда, судьба у большинства из них оказалась общей.

Большинство членов секции были активными сторонниками А.М. Деборина, остальные – людьми, до времени лояльными к формирующемуся философскому руководству. Сторонников «механистов» среди членов секции не было. Секция должна была включать также научных сотрудников, которые переходили в нее из бывшей общеполитической группы секции научной методологии: С.Я. Бобинского, И.Я. Вайнштейна, Ф.Е. Тележникова. К ним

предполагали добавить Г.Ф. Дмитриева, оставленного для работы в Комакадемии в качестве преподавателя для слушателей ИКП. Научные сотрудники должны были продолжить разработку тех тем, которыми они занимались в секции научной методологии: С.Я. Бобинский – «Примат машины в развитии производительных сил», И.Я. Вайнштейн – «Проблема теоретической экономии у механистов», Ф.Е. Тележников – «Причинность с точки зрения диалектического материализма». Г.Ф. Дмитриев приглашался для разработки темы «Основные типы философских построений с точки зрения диалектического материализма (Введение в философию диалектического материализма)», которая была признана «весьма своевременной». Кроме того, К.К. Милонов, также работавший научным сотрудником секции методологии, собирался продолжать занятия по теме «Диалектика Маркса в “Капитале”».

Проект Положения о секции определял, что она должна объединять тех, кто стоит на позициях диалектического материализма и разрабатывает современные проблемы философии диалектического материализма на основе конкретных данных общественных и естественных наук и важнейшие, с точки зрения диалектического материализма, проблемы истории философии. К целям секции также относились: распространение идей диалектического материализма среди обществоведов и естественников – как теоретиков, так и практиков; установление тесных связей между теоретической и практической работой в научных исследованиях; популяризация взглядов Маркса и Ленина на философию как методологию знания и действия; «борьба с буржуазными извращениями в философии (идеализм, мистицизм, “ученая” поповщина) и ревизионистскими течениями “внутри марксизма” (австромарксизм, каутскианство, механистическое мировоззрение, фрейдизм)». В задачи секции входили: научно-исследовательская работа; издание оригинальных и переводных сочинений; организация докладов и дискуссий: как «закрытых» – в кругу членов секции, так и «открытых» – с привлечением широкой публики; изучение вопросов усвоения философии учащимися вузов; установка связи с научно-исследовательскими учреждениями и отдельными лицами, ведущими соответствующую научную работу⁹.

29 января 1927 года представленные документы об организации философской секции обсуждал Президиум Комакадемии¹⁰. В.П. Милютин, который докладывал этот вопрос, мотивировал создание секции тем, что ввиду борьбы течений и наличия тех

колебаний, которые теперь имеют место в нашей стране в области философии, необходимо наладить систематическую работу по философским исследованиям. К.К. Милонов дал справку по кадрово-организационным вопросам, сообщив, что Л.Н. Крицман снял свою кандидатуру в состав бюро секции и что философская группа научных сотрудников секции научной методологии, работавшая во главе с С.С. Кривцовым, будет передана формирующейся философской секции, а С.Я. Бобинский и Ф.Е. Тележников по совместительству продолжают под руководством С.С. Кривцова работу в секции научной методологии над теоретическими проблемами социологии. Е.Б. Пашуканис выразил сомнение, есть ли смысл теперь в существовании секции научной методологии, работа которой будет перекрещиваться, с одной стороны, с секцией естественных и точных наук, а с другой – с философской секцией. Е.А. Преображенский заметил, что методологии без приложения к конкретным наукам быть не может и секция научной методоло-

Волхонка, 14 – вход в здание с восточной стороны.
1931 г.

гии после выделения самостоятельной философской секции должна заниматься некоторыми интернаучными проблемами. Председатель Президиума Комакадемии М.Н. Покровский предложил утвердить Положение о секции и ее состав и отметил, что у секции научной методологии совершенно определенные объекты и самостоятельная задача. Задача «продвижения» диалектики в области естественных наук и отчасти в области общественных наук, которую решает секция научной методологии, не перекрывается задачами секции естественных и точных наук, в которой отнюдь не все сотрудники стоят на позициях диалектики и ограничиваются общенаучной методологической базой. Создаваемая же философская секция будет заниматься вопросами общего мировоззрения, а не специфическими приложениями диалектики к области естественных или общественных наук.

Был утвержден кадровый состав секции. В бюро секции вошли А.М. Деборин (заведующий), К.К. Милонов (ученый секретарь), И.К. Луппол, Я.Э. Стэн, А.Я. Троицкий. На первом заседании бюро были образованы подсекции: диалектического материализма, исторического материализма, философии естествознания.

А.М. Деборин и К.К. Милонов редактировали философский отдел «Вестника Коммунистической академии».

Организационная победа «диалектиков» над «механистами» была закреплена изменениями в редколлегии журнала «Под знаменем марксизма». В 1927 году была сформирована новая редколлегия этого центрального философского журнала, включавшая А.М. Деборина, А.А. Максимова, Я.Э. Стэна и А.Я. Троицкого. При распределении обязанностей между членами редколлегии А.М. Деборин взял на себя актуальные проблемы философии и диалектического материализма, исторического материализма, современной философии. Я.Э. Стэну были поручены темы о Ленине и ленинизме, историческом материализме, теоретической экономии, теории советского хозяйства, диалектики естествознания. А.Я. Троицкому – исторический материализм, психология, история социализма, культура и искусство, библиография, переписка с читателями, сообщения и заметки. А.А. Максимов занимался диалектикой естествознания¹¹.

На заседании Президиума Комакадемии 19 февраля 1927 года А.М. Деборин изложил основные тезисы проекта Положения о философской секции¹². Положение было утверждено. Возник вопрос о том, кто из членов Президиума Комакадемии хотел бы работать

в секции. Выразили желание экономист Е.А. Преображенский, историк Д.Б. Рязанов, математик О.Ю. Шмидт, а также А.К. Тимирязев. В число членов секции Е.Б. Пашуканис порекомендовал включить И.П. Разумовского, а В.П. Милютин – П.Ф. Сапожникова и Л.И. Аксельрод.

Обсуждалась организационно-техническая сторона работы секции. По смете на канцелярские расходы секции было отпущено 400 рублей, на которые приобретались шкаф и стол. Управление делами Комакадемии не спешило снабжать секцию, и В.П. Милютин пообещал изыскать ресурсы. Острой была проблема комнаты, которую должны были выделить, как только из здания выедут курсы марксизма.

А.М. Деборин настойчиво потребовал выписывать для секции литературу, прежде всего сочинения классиков и периодику, вообще текущую философскую литературу на всех языках и зарубежные книжные новинки. Но на это нужны были деньги. Е.А. Преображенский отметил жалкое положение с философской литературой в библиотеке Комакадемии: нет полного собрания сочинений Гегеля, полных комплектов многотомных изданий. Он предложил комплектовать создаваемый философский кабинет библиотеки за счет дублетов из Института Маркса и Энгельса. Директор этого Института, Д.Б. Рязанов, охарактеризовал положение с укомплектованностью библиотеки своего Института: на хранении 15 000 книг, лучший в Европе подбор литературы по истории философии. Он сказал, что готов пойти на некоторое перераспределение, сосредоточивая текущую литературу в Комакадемии, а историческую – в ИМЭ. При этом, однако, Д.Б. Рязанов считал необходимым снизить планку требований секции: выписывать не все зарубежные философские журналы, а только известные

Г.Г. Шпет
Выдающийся философ-феноменолог, создатель Института научной философии

И.К. Лур'ял
Академик АН СССР, заведующий секцией истории философии Института философии в 1929–1931 гг.

Б.М. Гессен
Член-корр. АН СССР, член коллегии ИФ в 1929–1931 гг.

в научном мире, номенклатуру их ограничить английскими, французскими, американскими и немецкими журналами, предварительно выяснить, сколько в среднем выходит книг по философии и не заказывать дорогие первые издания. Было решено подобрать для секции философскую литературу, имеющуюся в библиотеке Комакадемии, и передать ей все дубликаты из Института Маркса и Энгельса.

Еще интереснее обсуждение планов работы, из которого хорошо видно, как А.М. Деборин мыслил перспективы секции. Он наметил сделать ее центром объединения философских марксистских сил, главным образом молодых, не только для Москвы, но и для провинции. Он сообщил, что получает обращения из Киева, Казани, Ленинграда, Саратова и других городов, с предложениями создавать ячейки секции на местах.

И далее, А.М. Деборин развернул перед членами Президиума стратегию развития философских научно-исследовательских структур: «Имеется ряд учреждений, которые ведут параллельную философскую работу, и в этих учреждениях сидят одни и те же лица. Перед нами стоит вопрос об объединении этой работы, и мне представляется, что желательнее было бы объединить эту работу в Коммунистической академии. Я веду, например, Институт научной философии РАНИОН, где одновременно проводится и учебная и научно-исследовательская работа. Есть еще кабинет философии при Институте Маркса и Энгельса. Везде руководитель – Деборин». Совершенно очевидно, что создание секции было для А.М. Деборина промежуточной мерой в создании единого Института философии. Секция только что образована, а А.М. Деборин уже ставит вопрос о слиянии секции и Института научной философии РАНИОН.

В.Ф. Асмус
Профессор, действительный
член Института философии
в 1929–1931 гг.

А.К. Тимирязев
Профессор, действительный
член Института философии
в 1929–1931 гг.

В.Н. Сарабянов
Профессор, один из лидеров
«механистов».

В числе важнейших задач секции А.М. Деборин назвал издание философских первоисточников. Первоисточники классиков марксизма издает ИМЭ. Но работа по изданию философских классиков пока не поставлена: «К сожалению, Платона не выпускают; прекратили как раз на “Государстве”, то есть на том сочинении, которое является чрезвычайно важным со всех точек зрения»¹³. Философская секция должна приступить к широкой историко-философской работе, изданию философских классиков. Основное внимание, разумеется, было уделено классикам материализма, многие сочинения которых невозможно было издать в России до революции. Под редакцией А.М. Деборина выходили серии «Библиотека атеизма» и «Библиотека материализма», в которых были изданы К.А. Гельвеций, Т. Гоббс, П.А. Гольбах, Д. Дидро, Ж.-О. Ламетри, Ж. Мелье, Дж. Толанд, Л.А. Фейербах. А.М. Деборин сообщил Президиуму Комакадемии, что этой частью работы секции будут заниматься И.К. Луппол и В.Ф. Асмус (из Киева). Очевидно, А.М. Деборину принадлежала инициатива в переезде В.Ф. Асмуса в Москву как нужного специалиста по истории философии.

Второе важнейшее направление работы секции, согласно А.М. Деборину, – разработка материалистической диалектики и критика «механистической» концепции. Крайне характерно то, в каком ракурсе предполагал он решать эту задачу: через «разработку диалектики “Капитала”, потому что с марксистской точки зрения она – только в “Капитале”, внутреннее методологическое построение “Капитала”, что составляет большую работу и что, в значительной степени, является книгою за семью печатями для большинства марксистов еще по сей день. Иначе не было бы у нас целого ряда течений, которые мы наблюдаем сейчас». Это чрезвычайно глубокое и тонкое замечание, которое свидетельствует о вер-

Я.Э. Стэн
Действительный член
Института философии
в 1929–1930 гг.

Н.И. Бухарин
Действительный член
Института философии
в 1929–1937 гг.

И.В. Сталин
Выступал на Волхонке, 14
в 1929 г.

ном понимании А.М. Дебориным материалистической диалектики и потребностей ее развития как метода. В этом смысле он был прав, квалифицируя взгляды «механистов» как позитивистские, немарксистские. Напрашивается поразительная аналогия между задачами, которые ставил перед соратниками-марксистами А.М. Деборин, и развившимся в 1950–1960-е годы движением исследования диалектики «Капитала», которое связано с именами А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова, В.А. Вазюлина и др. И тогда философская суть марксизма продолжала оставаться для многих такой же «тайной за семью печатями», как и в 1920-е годы, и исследователи слышали от ревнителей материалистической чистоты те же обвинения в «гегельянщине» и «идеализме». Исследования диалектики «Капитала» 1950–1960-х годов были наиболее ярким проявлением трудного возрождения творческой философской мысли и стали своеобразным советским вариантом неомарксизма. Во многом они были новаторскими по сравнению с западными аналогами. Но документы показывают, что ренессанс творческого диалектического марксизма мог состояться на отечественной почве значительно раньше. Соратники А.М. Деборина были людьми убежденными, теоретически подготовленными и талантливыми. Все это могло бы состояться, если бы процесс не был насильственно прерван, а философы физически уничтожены.

Работа философской секции Коммунистической академии продолжалась около двух лет. За это время число действительных членов секции пополнилось М.М. Фурщиком. Членом секции стал также С.Я. Бобинский, старшим научным сотрудником в октябре 1927 года стал Д.Ю. Квитко, специалист по современным направлениям англо-американской философии; в качестве младшего научного сотрудника был принят аспирант Института научной

С.Я. Белецкий

Профессор, секретарь партбюро Института философии в 1936–1943 гг., инициатор философской дискуссии 1947 г.

Георг Лукач

Выдающийся венгерский философ, в 1920–1945 гг. жил в Москве, работал в Институте философии.

С.И. Вавилов

Академик АН СССР, организатор и первый заведующий сектором философии естествознания Института философии в 1943–1945 гг.

философии РАНИОН Б.М. Стычкин, который в ноябре 1928 года был заменен В.К. Брушлинским. Техническим секретарем секции работала З.М. Конусова¹⁴. В ее обязанности входило вести делопроизводство и переписку. В частности, она рассылала членам секции запросы о том, на какую тему и когда те могут сделать доклад в секции.

11 марта 1927 года состоялось официальное открытие философской секции. Во вступительной речи зам. председателя Президиума Комакадемии В.П. Милютин «указал на важность философского фронта в современных условиях и отметил основные задачи секции по борьбе с извращениями марксизма». Затем был заслушан трехчасовой доклад А.М. Деборина о философии Спинозы, посвященный 250-летию со дня рождения мыслителя. Сообщив ряд новых материалов о Спинозе, А.М. Деборин подробно очертил основы его философского мировоззрения и расценил его как предшественника материализма Маркса и Энгельса¹⁵. Доклад А.М. Деборина был открытым для слушателей, которых собралось 286 человек. «Открытые» доклады привлекали внимание аспирантов РАНИОН, студентов второго МГУ, а также преподавателей вузов.

Юбилею Спинозы было посвящено еще два доклада, прочитанных в секции. 1 апреля 1927 года А.М. Тальгеймер выступил с открытым докладом (на немецком языке) на тему «Соотношение классов и классовая борьба в Нидерландах при жизни Спинозы» перед 104 слушателями. Доклад Г.Ф. Дмитриева «Спиноза и механистическое миропонимание» был прочитан на закрытом заседании 19 мая 1927 года.¹⁶ Интерес «диалектиков» к философии Спинозы легко объясним. Дело, конечно, не в юбилейной дате, а в том, что сторонники А.М. Деборина видели в ней, при соответствующей марксистской интерпретации, мощное оружие против механистов.

По сохранившимся протоколам можно проследить, чем занимались работники секции. Научные сотрудники, которые, большей частью, перешли из секции научной методологии, завершали прежние темы и принимались за новые. На заседании 12 апреля 1927 года научные сотрудники доложили о результатах своих работ. К.К. Милонов, подготовив работу о диалектике Маркса в «Капитале» переключился на актуальную в борьбе с механистами тему «Ленин и механистическое миропонимание». Ф.Е. Тележников занимается проблемой причинности и сделал 21 апреля в секции научной методологии доклад о социологическом учении Э. Дюрк-

гейма. И.Я. Вайнштейн, заканчивает работу «Ленин и Гегель» и занимается вопросами о взглядах механистов в политэкономии, о логике бесконечного. С.Я. Бобинский – темой о противоречивости общих понятий, в частности о категории противоречивости у Аристотеля. Г.Ф. Дмитриев занимается темой об основных типах философских построений. Принято решение издать работу М.А. Дынника «Диалектика Гераклита Эфесского».

К десятилетию Октябрьской революции наметили подготовить юбилейный сборник и издать библиографический указатель философской литературы за десять лет. Было решено просить киевского профессора Я.С. Розанова взять на себя составление этого указателя. Можно без преувеличения сказать, что проделанная Я.С. Розановым библиографическая работа представляет собой настоящий подвиг перед отечественной философией, совершенно не оцененный в историко-философской литературе. Сохранилась переписка между Я.С. Розановым и техническим секретарем секции З.М. Коносовой, из которой явствует, как в муках рождался этот фундаментальный труд. Не имея возможности останавливаться здесь на подробностях, скажем главное – без библиографических указателей Я.С. Розанова по истории отечественной философии первых трех десятилетий XX века невозможно серьезное изучение становления советской философии.

Во второй половине 1927 года главным в работе секции было организационное обустройство, распределение сил по подсекциям, привлечение новых сотрудников. Выявился интерес к работе секции со стороны учреждений и отдельных лиц; в секцию обращались за научной информацией, материалами, присылали на отзыв отдельные работы (причем не только из Москвы). Например, уже 16 марта 1927 года бюро кафедр общественных наук Московского института инженеров транспорта просило об абонементе для постоянного участия в открытых заседаниях секции, чтобы улучшить научно-исследовательскую работу и занятия с аспирантами в области научной методологии, и выразило готовность оплачивать связанные с этим расходы¹⁷.

Приступили к выделению в библиотеке Комакадемии научного кабинета, литература для которого пока что комплектовалась за счет дубликатов из библиотеки Института Маркса и Энгельса.

На заседании 28 сентября 1927 года А.М. Деборин и К.К. Милонов выступили с сообщением о налаживании связей секции с кафедрой марксизма Всеукраинской АН. Было признано весь-

Красный зал: интерьер. 1931 г.

ма желательным установить тесные связи секции с иногородними учреждениями соответствующего профиля, включая обмен информацией и частичную передачу выполнения плана работ секции в провинциальные учреждения. В первую очередь имелись в виду научные учреждения Киева, Харькова, Ленинграда и Казани. Присоединение к секции Комиссии по изучению религиозной идеологии признано нежелательным (это повело бы к ломке формирующейся структуры секции). Принято решение издать подготовленную Я.С. Розановым философскую библиографию.

На том же заседании были распределены темы научных работ между действительными членами секции по основным направлениям: общепhilosophическому, теории диалектики, исторического материализма, философии естествознания, критики ревизионизма. Темы распределились следующим образом: А.М. Деборин «Основы материалистической диалектики», К.К. Милонов «Против механистического миропонимания», А.Я. Троицкий «Диалектика у Ленина и Плеханова», Я.Э. Стэн «Критика механистических взглядов Ж. Леба», В.Ф. Асмус «Формальная и диалектическая логика». Н.А. Карев должен был заняться философскими взглядами Ленина, И.П. Разумовский – вопросами этики, А.А. Максимов – проблемой закона, М.Л. Левин – проблемой деятельности в биологии, Б.М. Гессен – случайностью и необходимостью в физике, И.К. Луппол – современным ревизионизмом, а Г.К. Баммель – подвести итоги философского развития в стране за 10 лет.

Был заслушан ряд закрытых докладов. 20 октября 1927 года состоялся доклад Г.Ф. Дмитриева «Идеализм и материализм», 27 октября – прения по докладу, а 3 ноября – окончание прений и заключительное слово докладчика. 8 декабря 1927 года В.Ф. Асмус выступал с докладом «Диалектика в системе Декарта», а 15 декабря – Г.Ф. Дмитриев с содокладом. 12 января 1928 года И.Я. Вайнштейн выступал по теме «Пролетарская революция и логика бесконечности», 26 января – И.П. Разумовский делал доклад «Новая работа Маркса о Гегеле», о рукописи «К критике гегелевской философии права», которая была только что впервые опубликована.

Для сплочения коллектива и налаживания научно-исследовательской работы было решено приступить к созданию «Философского словаря». Предложение об этом секция внесла в Президиум Комакадемии. Президиум утвердил организационную комиссию «Философского словаря» в составе А.М. Деборина, Я.Э. Стэна, А.Я. Троицкого, Н.А. Карева, В.Ф. Асмуса, М.Л. Левина,

И.П. Разумовского, И.К. Луппола, К.К. Милонова. Позже этот замысел трансформировался в идею создания «Философской энциклопедии».

Обзоры для ЦК ВКП(б) как инструмент философской борьбы

На заседании философской секции 1 ноября 1927 года К.К. Милонов сетовал на то, что действительные члены секции слабо связаны между собой, плохо посещают секционные заседания и не проявляют активности в выполнении заданий Отдела печати ЦК ВКП(б). В число этих заданий входило составление обзоров об итогах философских дискуссий, о философской литературе, выпущенной частными издательствами, и антимарксистской философской литературе. Например, В.Ф. Асмусу 4 ноября поручили делать для ЦК обзор антимарксистской философской литературы. Обзор философской продукции частных и кооперативных издательств за 1927 год действительно был составлен, но фамилия автора в документе отсутствует. Это мог сделать, скорее всего, сам К.К. Милонов.

Трудно сказать, от кого исходила инициатива в постановке указанных партийных заданий. Имело место определенное совпадение интересов. Как партийное руководство, так и группа А.М. Деборина стремились к полному идеологическому контролю за философской издательской продукцией. В условиях НЭПа это было не просто сделать: функционировали частные издательства, философы-идеалисты могли выпускать свои книги за счет средств автора. На проверенных марксистов поэтому возлагалась обязанность отслеживать явные «идеологические диверсии», чтобы удары по идейным противникам могли наноситься целенаправленно. Вместе с тем у А.М. Деборина и его соратников был свой, специфический интерес, связанный не только с борьбой против идеалистов, но и против тех, кто иначе, чем они, понимали марксизм. В посылаемых в ЦК ВКП(б) обзорах философских дискуссий можно было представить своих философских противников-марксистов как ревизионистов, которые должны быть разгромлены не только идейно, но и организационно. Нужно сказать, что подобная деятельность привлекала далеко не всех сторонников А.М. Деборина. Тому, кто серьезно изучал фунда-

ментальные теоретические проблемы, не с руки было заниматься «информированием» ЦК. А вот К.К. Милонов, проявивший себя в основном в организационной работе, на ниве критики идейных противников деборинской группы активно писал в ЦК и побуждал других к тому же. По форме его обзоры были информационными записками, по сути – попыткой использовать политические рычаги в борьбе с оппонентами. Вне зависимости от того, кого считать более правым в дискуссии по существу, «диалектиков» или «механистов» – а дискуссия, несмотря на идеологизированную оболочку, была действительно философской, серьезной, и подняты были проблемы, в чем-то нерешенные и до сих пор, подобное «информирование» не может вызвать ничего, кроме неприятия. Правда, справедливости ради следует заметить, что у тех, кто спустя ряд лет будет громить самих деборинцев, форма сольется с сутью и журнальную статью, докладную записку и донос в НКВД будет уже невозможно отличить друг от друга.

Итак, вот каким выглядел тенденциозный «Обзор итогов философских дискуссий», направленный К.К. Милоновым в Отдел печати ЦК ВКП(б) в июне 1927 года¹⁸. «Споры о марксистской диалектике, – писал К.К. Милонов, – вызвали разделение русских марксистов на два враждующих и непримиримых лагеря». После столь безнадежной оценки, исключающей возможность позитивной совместной работы русских марксистов, большая часть письма посвящена обличению «механистов». Перечислив наиболее активных «механистов» (И.И. Скворцов-Степанов, Л.И. Аксельрод, А.К. Тимирязев, С.С. Перов, Г.Г. Боссэ, И.Е. Орлов, А.З. Цейтлин, А.И. Варьяш, С.Ф. Васильев), составитель докладной записки перешел к более волнующему его вопросу: о возможности механистов публично выражать свои взгляды. С радостью констатируя, что «регулярно выпускаемого журнала это направление не имеет», К.К. Милонов указал на то, что «механисты» пользуются неперiodическими сборниками Государственного НИИ имени К.А. Тимирязева «Диалектика в природе», выпускаемыми вологодским издательством «Северный печатник». Книги И.И. Скворцова-Степанова публиковал Госиздат, а С.Ф. Васильева – издательство «Прибой», но несмотря на такой криминал, на основе этих фактов, конечно, «нельзя судить о всей философской продукции этих издательств». «Однако, до последнего времени механисты имели возможность более или менее широко использовать трибуну журнала «Под знаменем марксизма», поскольку до начала 1927 г. составля-

ли большинство в редколлегии (И.И. Скворцов-Степанов, А.К. Тимирязев, М.Н. Покровский против А.М. Деборина и Н.А. Карева).

«Редакция журнала «Вестник Коммунистической академии», состоящая из ответственных товарищей, – писал далее К.К. Милонов, – фактически не имеет возможности руководить журналом, что обеспечивало механистам достаточно большое количество печатных листов». Весь пафос К.К. Милонова направлен на то, чтобы ЦК ВКП(б) посредством административных мер «навел порядок» в издательствах и журналах, где «кто-то кое-где у нас порой», продолжал предоставлять «механистам» печатные листы.

Чем же так опасна, по мнению К.К. Милонова, эта ветвь русских марксистов? Не вдаваясь в философские тонкости, К.К. Милонов сразу переходит к главному: «“Заслужой” механистического направления является то, что оно сгруппировало вокруг себя многие антимарксистские силы». В чем же это выразилось? Оказывается, «в 1926 году на чествовании 25-летней научной деятельности Л.И. Аксельрод в Государственной академии художественных наук выступал известный идеалист Г.Г. Шпет и говорил, что его почти ничто не отделяет от марксиста Аксельрод-Ортодокса. На этом же чествовании раздавались голоса о необходимости допустить “свободу критики”, которые в 1927 году раздавались и на съезде Союза научных работников». Действительно, между Аксельрод и Шпетом, вместе работавшими в Институте научной философии РАНИОН, существовало взаимопонимание¹⁹, которое вряд ли бы возникло у Шпета с «диалектиками». Но Милонов ставит все с ног на голову – по сути, обвиняет Аксельрод в переходе на идеалистические позиции, которым «свободы критики» предоставлять никак нельзя. Досталось от К.К. Милонова и ученым, «примкнувшим к механистам». Один из них, известный физиолог А.Ф. Самойлов, выступивший с механистической интерпретацией философии биологии, «открыто критикует Энгельса». Другой – С.Ю. Семковский как старый меньшевик и двоюродный брат Л.Д. Троцкого был по определению уязвим. К.К. Милонов пишет, что С.Ю. Семковский, «обвинявший всех занимающихся философией марксизма схоластиками, и оставшийся, как был прежде, позитивистом, выпускает в настоящее время первый номер журнала «Прапор марксизму», где в одной из статей критикует Плеханова». По системе взглядов деборинцев, то было страшным преступлением.

Вышедший в 1927 году второй сборник статей «механистов» «Диалектика в природе», по мнению К.К. Милонова, свидетельству-

ет о «расколе» среди «механистов». Авторы сборника – С.Ф. Васильев, И.М. Великанов, Л.М. Рубановский, Ф.М. Перельман «признают значение философии, отмежевались от абсолютного отрицания философии И.И. Скворцовым-Степановым, хотя и не отмежевываются от самих И.И. Скворцова-Степанова и А.К. Тимирязева. Под влиянием критики механисты увидели необходимость признать диалектику. В ряде статей второго сборника “Диалектика в природе” говорится о необходимости изучения Гегеля. Но, по сути дела, они остались на почве своих старых взглядов».

К.К. Милонов сообщает и об «обмене любезностями» между И.И. Скворцовым-Степановым и контролировавшимся деборинцами Обществом воинствующих материалистов (ОВМ). 7 января 1927 года Общество приняло резолюцию, выдержанную в духе позиции деборинцев²⁰. В ответном открытом письме И.И. Скворцов-Степанов заявил, что ОВМ «ревизует ленинизм»²¹. Президиум ОВМ в «Ответе тов. И.И. Скворцову» вернул это обвинение и отметил, что «механистическое направление имеет еще возможность зацепляться за некоторые, для всех вполне выясненные теоретические проблемы»²².

«Борьбу с механистами как с очередной формой ревизионизма, – писал К.К. Милонов, – вела и ведет “школа Деборина”, т.е. марксисты-диалектики, работающие под руководством А.М. Деборина. Группа эта сплотила вокруг себя сравнительно большой круг молодежи, главным образом членов партии, и даже беспартийной профессуры, близкой Советской власти». Интересна оценка персонального состава ядра этой группы – в полном смысле слова «из первых рук». К.К. Милонов дает следующее перечисление: А.М. Деборин, И.К. Луппол, А.Я. Троицкий, Я.Э. Стэн, П.Ф. Сапожников, Н.А. Карев, И.Я. Вайнштейн, К.К. Милонов. «К ним примыкают в качестве ближайших сотрудников: В.Ф. Асмус, Я.С. Розанов, Г.К. Баммель».

«До последнего времени группа выступала как единое целое. Однако в связи с внутривнутрипартийным уклоном (“новая оппозиция”) в рядах этой группы уже не замечается прежнего единства, хотя по философской линии выдерживается, в общем и целом, единый фронт». Это интересное замечание. Вопрос о политических взглядах соратников А.М. Деборина требует специального исследования. Карев и Сапожников были впоследствии репрессированы как бухаринцы, другие «диалектики» симпатизировали взглядам «левой» оппозиции, тот же Стэн, хотя и выступал против троцкистов,

придерживался достаточно радикальных воззрений. Так или иначе, многие лидеры «диалектиков» были людьми политизированными и активно участвовавшими в политике, а некоторые играли видную роль в партии. Были и аполитичные люди, подобно В.Ф. Асмусу. А.М. Деборин, с его меньшевистским прошлым, был достаточно осторожен в выражении политических симпатий.

Помимо освещения «разборок» с «механистами» К.К. Милонов выполнил в направленном в ЦК ВКП(б) обзоре и свою прямую обязанность – информировать о философской литературе идеалистов. Он пишет: «Текущий год дал образцы частичного возрождения идеализма: А.Ф. Лосев, «Античный космос и современная наука» (издание автора), с чисто геллертерскими примечаниями, ссылками, обзорами. Появление этой книги сигнализирует известную опасность: оживление в рядах интеллигенции мистических настроений. Автор якобы хочет показать историческое развитие диалектики, но фактически всюду проповедует самый открытый мистицизм». В качестве антимарксистских изданий К.К. Милонов назвал также изданный за счет авторов сборник «Пути реализма», в котором участвовал П.С. Попов, и книгу Б. Рудаева «На путях к материализму XX века».

В декабре 1927 года К.К. Милонов направил в Отдел печати ЦК ВКП(б) вторую записку об итогах философских дискуссий за 1927 год²³. В записке К.К. Милонов прямо квалифицировал воззрения И.И. Скворцова-Степанова и других механистов, которые «приравняли философию к конечным выводам естественных наук» и «превращали диалектику в систему механистических взглядов» как ревизионизм: «В группировке механистов мы имеем дело с самым доподлинным ревизионизмом, а не только с “законным оттенком” в рядах марксистов, как думают некоторые». Поневоле вспоминается ставшая символом трагического времени сакраментальная фраза рапповца В.М. Киршона о А.Ф. Лосеве «За такие оттенки надо ставить к стенке», и поставленного, спустя немного времени, к стенке по политическому доносу тех, что тем же способом погубили и деборинцев.

К.К. Милонову бросить «механистам» идеологическое обвинение в том, что они представляют собой «советскую форму ревизионизма», было тем удобнее, что относительно недавно была опубликована рукопись Ф. Энгельса «Диалектика природы», многие положения которой не соответствовали взглядам «механистов». К.К. Милонов подвел под свое обвинение не только теоретиче-

скую, но и историческую базу, возведя учение механистов ко взглядам А.А. Богданова и других философских оппонентов В.И. Ленина в рядах русской социал-демократии и найдя в них «врожденные элементы богдановщины». Основания утверждать факт подобной идейной преемственности действительно имелись. И в воззрениях А.А. Богданова, и в воззрениях механистов, несмотря на все их заверения в приверженности диалектическому материализму, присутствовала сильная позитивистская струя. «Богдановщина, воспринимавшаяся многими как наиболее правильное выражение марксизма, – пишет К.К. Милонов, – была главнейшим ревизионистским направлением в русской марксистской философии. Из обломков богдановщины растут и персонально, и теоретически те искажения марксизма, против которых должны объявить войну марксисты-диалектики».

Несмотря на эти в целом справедливые утверждения, записка К.К. Милонова далека от научной объективности и представляет собой набор идеологических обвинений, жестокие приемы которых впоследствии будут обращены против самих деборинцев. Когда читаешь, как К.К. Милонов, прозрачно намекая на И.И. Скворцова-Степанова, пишет, что «механисты», «прикрытые авторитетом некоторых видных членов партии, собрали вокруг себя многое из того, что не было физически уничтожено революцией», вспоминаешь о трагической иронии истории. В стремлении расправиться с оппонентами, деборинцы, прямо по пословице, «вырыли» себе яму. Не поможет им впоследствии и партийный авторитет некоторых видных участников направления, и почти все они будут признаны подлежащими физическому уничтожению как враги марксизма и революции.

К.К. Милонов выдвинул целый ряд идеологических аргументов, направленных на дискредитацию «механистов»: он обнаружил «идеализм» в марксистских взглядах «блокирующегося» с «механистами» А.И. Варьяша, далее – к «механистам» «примыкают» представители «самой грубой, неприкрытой буржуазной теории – фрейдизма». Использует он и такой эффективный в идеологизированном обществе прием дискредитации, как действительная, либо мнимая солидарность отечественных и особенно зарубежных «врагов» с оппонентами, которых подвергают критике. К.К. Милонов пытается доказать совпадение взглядов «механистов» с позициями теоретиков западной социал-демократии и даже митрополита А.И. Введенского, причем делает это не на основе

первоисточников, а ссылаясь на авторитет соответствующих мест из работ А.М. Деборина.

Но этим арсенал приемов дискредитации не ограничивается. И К.К. Милонов высказывает прямое политическое обвинение «механистов» в «троцкизме»: «Механистская группа философски обосновывает то, что политически выражается в наших условиях в виде троцкизма. Как было доказано еще Н.И. Бухариным, троцкизм характеризуется формально-логическим, механистическим методом. А докладчик ЦК т. Сталин на XV партконференции посоветовал оппозиции получше изучать диалектику». В 1927 г. использовать эту идеологическую «дубину» в чисто философском споре значило хорошо чувствовать тенденции развития общественного сознания. Повернись все иначе, и за этими обвинениями последовали бы административно-уголовные меры. Вскоре осудить философскую работу, обнаружив по любому поводу в ее тексте «троцкизм», станет обычным делом. И «троцкизм» найдут как раз у деборинцев. Они сами накликали на себя беду, стремясь привлечь внимание партийного руководства и использовать его «административный ресурс» в философской борьбе. К.К. Милонову казалось недостаточным наличие в руках деборинского философского руководства «ряда решающих организаций и печатных органов (философская секция Коммунистической академии, Институт красной профессуры, Институт научной философии РАНИОН и журналы “Под знаменем марксизма”, “Вестник Коммунистической академии”, “Революция и культура”)». Он убежден, что «с задачей марксисты-философы смогут справиться лишь при наличии большего, чем прежде, внимания со стороны партии и ее органов к этому участку борьбы и строительства». Когда же «партия и ее органы», разобравшись с другими «участками борьбы и строительства», обратились к философии, было покончено с атмосферой относительно свободных дискуссий, а инициаторы обращения, марксисты-философы, были физически уничтожены. Марксистская философия превратилась в служанку идеологии, «вульгату», совокупность ритуальных формул.

Завершая свой «обзор», К.К. Милонов пишет, что «надеется на новом этапе борьбы на быстро растущий кадр марксистско-ленинских сил», не подозревая, что именно «кадр» этих «сил» «свалит» самих деборинцев. Деборинцам не хватило в выдвижении своих обвинений именно того, что было принято называть «политической заостренностью». Они еще применяли политиче-

ские обвинительные формулы в борьбе со своими философскими противниками, вместо того, чтобы обращать их против всякого, на кого укажет сверху «хозяин». В этом различие между деборинским философским руководством и сменившим его философским руководством из числа пресловутого «кадра» во главе с М.Б. Митиным. Первые поступали подчас, без сомнения, недостойно, но пока еще оставались в рамках научно-философского спора.

Ответственность А.М. Деборина состоит в том, что он не пресекал, смотрел сквозь пальцы, а то и брал под защиту тех своих приверженцев, кто использовал этически неприемлемые методы идейной борьбы: грубые эпитеты, ругань и измышления, административное подавление оппонентов. Но вот парадокс, который, впрочем, легко объясним. Именно те из деборинцев, кто, стремясь выслужиться, применял недостойные методы полемики (В.П. Егоршин, А.А. Максимов, К.К. Милонов, Б.М. Стычкин), быстро сориентировались и еще до заседания Президиума Комакадемии в октябре 1930 года предали своего учителя и оказались в первых рядах его хулителей. Главным для них стало – служить новой силе.

Записки К.К. Милонова в ЦК ВКП(б) содержат восторженно-преувеличенные эпитеты по адресу А.М. Деборина как ведущего советского философа, защитника ортодоксального марксизма, работы его Милонов цитирует наравне с классиками марксизма. На октябрьском заседании Президиума Комакадемии в 1930 году выступление Милонова по своей разнузданности превзошло выступление Митина. Он бросал Деборину такие политические обвинения, на которые даже Митин еще не мог позволить себе пойти. Он заявил, что речь Деборина на этом заседании была «антипартийной речью», что Деборин и те «его ближайшие ученики, включившиеся в так называемое философское руководство», «судя по всему, хотят продолжать делать большие ошибки», что они ничем не отличаются «от злых врагов марксизма, ленинизма и коммунистической партии»²⁴. Милонов вновь выступил в роли политического доносчика, только теперь обратил ее против своих товарищей по деборинскому философскому руководству. Ведь «оно стало думать, что философия в СССР существует как некая самостоятельная сущность, как то, что не имеет над собой никакого глаза, как то, что может развиваться независимо от тех задач, которые стоят перед партией». Милонов прямо транслирует измышления по адресу Деборина, идущие от Сталина, будто Деборин хочет быть в СССР

заместителем Маркса и Энгельса, пытается «поучать партийное руководство тому, как надо было бы вести себя с точки зрения “философии”». В надежде встроиться в новое философское руководство, Милонов объявляет немарксистскими те работы Деборина, которые два года назад объявлял эталоном марксизма, – ведь *теперь* Деборин «борется против правильной линии» и дает «совершенно неправильную установку». Он считает нужным «указать этим товарищам, что философия в настоящий момент играет роль партийного оружия», «и партийные органы теперь будут иметь под своим наблюдением философский фронт, что вне этого глаза, вне этого постоянного контроля дальнейшее плодотворное развитие философии диалектического материализма, конечно, происходить не может»²⁵. Предав Деборина, Милонов, надо признать, остался верен своей роли информатора партийных органов.

Крайне характерно, что в «момент истины» при разгроме дебординцев в лагере разоблачителей оказались именно те бывшие представители этой школы, кто в свое время особо отличился на ниве административного зажима неугодных философских взглядов.

Подведение «диалектиками» итогов развития философии в СССР за десять послереволюционных лет

Публичной презентацией философской секции Комакадемии как нового центра философской жизни стало состоявшееся 24 ноября 1927 года торжественное собрание секции, посвященное десятилетию революции, в котором участвовало 123 человека. Доклады сделали А.М. Деборин, И.К. Луппол и Г.К. Баммель²⁶. Это заседание было призвано подвести итоги десятилетнего развития советской философии таким образом, чтобы утвердить победу «диалектиков» не только как ведущего, но и истинно марксистского философского направления в СССР. Все три доклада весьма показательны для характеристики состояния философской жизни страны и задач, которые ставились философами секции и будущего Института философии.

Говоря о развитии философии в СССР за десять лет, А.М. Деборин сопоставил отношение к философии в первые годы после революции и ныне: от антифилософского нигилизма, от отрицания философии в марксизме, к налаживанию систематических фило-

софских исследований и подготовке кадров по философии. В этом была, несомненно, большая заслуга А.М. Деборина и его соратников. За эти годы им пришлось преодолевать целый ряд «атак» на философию и на теоретическое мышление вообще (в числе их А.М. Деборин назвал «богдановщину», Пролеткульт, «мининщину», «енчменизм», отрицание идеологии, имея в виду взгляды А.А. Богданова, С.К. Минина, Э.С. Енчмена, В.В. Адоратского и др.). Докладчик обнаружил несомненную преемственную связь между данными антифилософскими выступлениями и «механистическим» движением, принижавшим значение философской методологии. Между тем необходимо проникновение диалектико-материалистического метода в естествознание, что оплодотворяло бы теорию отдельных дисциплин, вызывало бы их взаимодействие и оказывало бы обратное влияние на развитие диалектического материализма.

И.К. Луппол выделил три этапа в десятилетнем периоде развития философской мысли в СССР (1917–1921; 1921–1923; с 1923). В 1917–1921 годах не было возможности плодотворной работы в области философии; то были годы «вооруженной защиты прав на изучение и дальнейшее развитие диалектического материализма». Занимались в основном переизданием классической марксистской литературы – Маркса, Энгельса, Плеханова – и приобщением широких масс к освоению диалектического материализма. «Начисто должна была быть сметена, и иначе не могло и быть, та философия, которая укоренилась у нас в стенах духовных академий, должна была быть ликвидирована, должна была быть сметена та философия, то философское направление, которое почему-то выдавалось за национально-русское и которое представляло собою религиозно-философскую мистику соловьевской школы, которая в последнее время блокировалась с западноевропейским интуитивизмом». Сожалеть об участии этой философии у марксистов, которых систематически преследовали за их философские взгляды при царском режиме, журналы закрывали, а книги запрещали, не было никаких оснований. Задача устранения идеалистической философии облегчалась тем, что «читатели и почитатели идеалистической философии» добровольно либо вынужденно эмигрировали. Оживление в лагере идеалистов было связано лишь с созданием Вольного философского общества. Тогда же были созданы журнал «Под знаменем марксизма», Институт научной философии МГУ, философское отделение в Институте красной профессуры.

С конца 1921 года, считает И.К. Луппол, «материалистическая философия делает довольно быстрые и довольно крупные успехи», что было связано «с необычайно упорной работой марксистов и необычайным энтузиазмом учащейся молодежи». И.К. Луппол говорил об этом по собственному опыту; именно в это время он начал учиться на философском отделении ИКП, выпустившем под руководством А.М. Деборина целую плеяду ярких философов. И.К. Луппол сказал и о другом важном деле, к которому имел прямое отношение – издании классиков материализма. «До 1905 года на русском языке материалисты появлялись как чрезвычайно редкий «цветок», чрезвычайно редкое явление. После 1905 года в этом отношении кое-что изменилось, но сделано было далеко не все. Первый долг материалистов Советского Союза заключался в том, чтобы дать русским читателям классиков-материалистов. Те новые кадры, которые пришли после Октябрьской революции к философии, в силу своего возраста, в силу других обстоятельств объективно должны были пойти на выучку к истории своего мировоззрения. Никто не может называть себя материалистом, если он не знает истории своего мировоззрения». И.К. Луппол сам стал основным работником, который по поручению А.М. Деборина вел большую исследовательскую работу по изданию классиков материализма, прежде всего французских материалистов. Во Франции он работал с философскими первоисточниками по истории материализма. Им были подготовлены к изданию и с его предисловием вышли переводы «Карманного богословского словаря» П.А. Гольбаха и «Солдата-безбожника» секретаря П.А. Гольбаха Ж.А. Нежона, составлены библиографические списки к издававшимся сочинениям П.А. Гольбаха, Д. Дидро, Ж.-О. Ламетри.

Вся эта работа, в совокупности, позволила преодолеть существовавший антифилософский нигилизм и представление о том, «что марксизм есть социальная философия, по преимуществу, социальная философия». Действительно, в первой половине 1920-х годов нередким явлением были самостоятельные учебные курсы исторического материализма, отождествлявшиеся с философией марксизма в целом. И.К. Луппол справедливо характеризует такой подход: «Это ведь ничто иное, как предрассудки». И, однако, потребовалось почти десятилетие, чтобы прийти к пониманию, что диалектический материализм осмысливает как естественные, так и социальные явления и представляет собой методологию как естественных, так и общественных наук. Только на этой основе возмож-

на философская помощь естествоиспытателям, что, в свою очередь, требует материалистической разработки диалектики и изучения ее «прообраза в лице диалектики Гегеля». Именно по этому вопросу наметились разногласия среди философов-марксистов, расколовшихся на эмпириков и диалектиков. «Эмпиризм, вообще, враждебен теоретическому мышлению», – отмечает И.К. Луппол. Если ранее эмпиристские подходы отрицали философию, как таковую, то теперь их острота направлено против диалектики.

Борьба за диалектику составляет, по оценке И.К. Луппола, сущность текущего этапа развития философии в СССР, начавшегося с 1923 года. Появлением в 1923 году работы А.М. Деборина «Маркс и Гегель» И.К. Луппол датировал начало третьего периода. «Именно с этого времени и начинается то, что нельзя назвать иначе, как форменной борьбой за Гегеля. Ликвидаторы философии отступили», но обнаружился раскол между марксистами-«диалектиками», и материалистами-эмпириками, к которым присоединились материалисты-естественники, составив альтернативное, «механистическое» направление. «К этому периоду относятся чрезвычайно остроумные и злые словечки, вроде “гегелиачество”, “гегелианская схоластика” и т.д., которыми награждала одна группа другую». «Механисты», по мнению И.К. Луппола, обнаружили довольно узкое понимание диалектики, говорили, что развитие естествознания делает ненужной диалектику, что диалектическое понимание природы и есть, собственно, ее механистическое понимание. «Принципиально рассудили этот спор» сами классики марксизма: летом 1925 года была опубликована «Диалектика природы» Ф. Энгельса, а затем «К вопросу о диалектике» В.И. Ленина, которые не оставили сомнений относительно позиций основоположников по данному вопросу. «Но это не означало окончания спора – дискуссия продолжалась». Весной 1926 года прошла насыщенная дискуссия в Институте научной философии РАНИОН. Необычайно бурно в научной периодике обсуждались историко-философские темы: о Канте, о Спинозе, о методологии истории философии как самостоятельной отрасли знания. Во всей этой философской борьбе вопрос о диалектике был линией разделения. И.К. Луппол констатировал, что именно А.М. Деборин указал на диалектику как на осевой пункт теоретической борьбы и направлял соответствующим образом философский процесс: «Нужно сегодня, здесь, когда мы подводим итоги, сказать, совершенно объективно и беспристрастно, что понимание философских задач нашей эпохи обна-

ружено т. Дебориным. Вся тенденция его, как педагогической, так и научно-литературной деятельности, заключалась именно в подчеркивании основ материалистической диалектики, а это должно было привести и приводило к анализу, материалистической переработке Гегеля».

Г.К. Баммель остановился в своем докладе на очередных проблемах развития материалистической диалектики, как они представлялись с позиций деборинской школы. К ним он отнес разработку диалектики не только как метода, но и как теории, проблему конкретности понятий, применение диалектики к природе.

Он отметил, что, если считать диалектику только методом, а не теорией, будет происходить отрыв диалектики от теории познания, а формы мышления будут рассматриваться не как порождение содержания, но как нечто внешнее, чуждое или равнодушное к содержанию. Ориентиром для него, таким образом, служило ленинское положение о единстве диалектики, логики и теории познания. «Ме-

Сотрудники Института
на рабочих местах. 1931 г.

ханисты» же, будучи позитивистами-эмпириками, «прикрываясь» тем, что диалектика – метод, недооценивали теорию диалектики и «самостоятельную разработку ее характеризовали как схоластику». «Нам пришлось, – говорил Г.К. Баммель, – отмежеваться, во-первых, от формально-логического понимания соотношения противоположностей как двух различных видов понятий, объединенных под одним родовым понятием, во-вторых, от понимания противоречия как соотношения двух понятий, получающих то или другое значение в зависимости от того отношения, в котором находится субъект». «Задачей ортодоксальных марксистов», стало, по Г.К. Баммелю, отмежеваться от грубо-позитивистских, эмпиристских толкований противоречия, дать их критику и показать в качестве «живого нерва» диалектическое единство противоположностей. На этой основе «мы столкнулись с проблемой самодвижения, с особой силой подчеркнутой у Ленина, с проблемой имманентного возникновения различий, ибо если единство противоположностей состоит в том, что они даны не равнодушно друг другу, а даны в имманентном отношении друг к другу, даны в единстве, тождестве различий, то это ставит в иной форме и проблему движения». Свои рассуждения Г.К. Баммель проиллюстрировал современными дискуссиями в логике, математике, физике (о движении тела, которое одновременно находится и не находится в одном и том же месте, о математической теории тождества, о единстве прерывности и непрерывности пространства и пр.). Заявленная им позиция, по существу, такая же, как у Э.В. Ильенкова в дискуссии о диалектическом противоречии, когда тот подвергает критике такое «разрешение» противоречия, при котором противоположности сочетаются, как взятые то в одном, то в другом отношении²⁷.

Второй сюжет, рассмотренный в докладе Г.К. Баммеля, это категории конкретного, абстрактного, общего, проблема реальности общих понятий и пр. «Механистическая мысль неизбежно должна была разбиться в этом круге вопросов», поскольку смотрит на общее, как на продукт обобщения. На примере понятия абстрактного труда Г.К. Баммель показывает, что категории нельзя получить путем родо-видового обобщения посредством вычленения «общих признаков». Подобное субъективистское понимание общего, понимание «наших понятий как чего-то формального и не имеющегося в природе вещей», оставляло бы «лазейку в сторону идеализма». «Общее всему не является только продуктом нашей способности обобщения. Эта проблема важна не только для формальной логики,

но и для диалектики, для диалектической логики. В теории суждения общее увязывается с единичным и особенным не логической связью, а реальной связью с действительностью. Общее дано в особенном как единичное, и наоборот, единичное может быть дано в особенном как общее. Общее понятие есть понятие конкретное. Всякое понятие конкретно». Поражает практически дословное совпадение того, что говорил Г.К. Баммель в 1927 году, с тем, что писал Э.В. Ильенков о всеобщем, что в диалектике оно должно быть понято конкретно, и «выражается отнюдь не в абстрактно-общем для них признаке», но как принцип закономерной связи элементов в составе целого, живого единства, различного внутри себя на моменты, находящиеся друг к другу в отношении тождества противоположностей. Потому конкретно-всеобщее содержит в себе все богатство особенного и единичного и в своем развертывании вполне может обнаруживаться в несходстве и противоположности единичного, а понятие выражает такое реальное, которое, будучи особенным, в то же время оказывается всеобщим²⁸. Слова Г.К. Баммеля: «У нас говорили общими фразами о диалектической логике, от этих общих фраз следовало бы уже перейти к конкретной разработке этих проблем», – кажутся будто сказанными в 1970-е годы. Мы вновь получаем подтверждение сделанного выше предположения о том, к каким результатам, несомненно, привело бы философское развитие в стране при ведущей роли дебординской школы, если бы процесс не был насильственно прерван практически в самом начале. Нашей философии пришлось в 1950 – 1970-е годы с усилием преодолевать тяжкий груз четвертьвекового господства сталинизма, и тем не менее «мертвый» держал «живого» достаточно крепко, диалектическая логика иссякла, так и не возродившись, а преобладание получили позитивистские подходы.

Третий блок проблем, рассмотренный Г.К. Баммелем, – применение диалектики к познанию природы: вопросы пределов сведения высших форм к низшим, качества, узлов и скачков, причинности и целесообразности, случайности и необходимости. Удивительно точен у Г.К. Баммеля сам подход – ради чего разрабатывать эти проблемы? «Разработка этих проблем на основе понимания диалектики как науки должна была подвести фундамент под все естествознание и помочь естествовникам сознательно применять метод диалектики в тех случаях, когда он требуется самой природой вещей». К такому пониманию «союза философии и естествознания», спустя годы господства лысенковщины и прочих погромно-идеологических кам-

паний, вновь с большим трудом пришли уже в 1960-е годы²⁹. Непросто пройти между Сциллой высокомерного предписывания науке философских истин и Харибдой изгнания диалектики из научных исследований как «бесполезной» в условиях лаборатории. Вторая опасность и занимала Г.К. Баммеля, благо она имела реальных носителей – «механистов». «Когда ортодоксальные марксисты требовали практической разработки диалектики, – говорил Г.К. Баммель, подразумеваемая под ортодоксальными марксистами деборинцев, – механисты развили бешеную кампанию – практическая разработка диалектики выросла в глазах механистов в идеалистическое чудовище, в чудовище метафизики, от которой они всячески предостерегали». Г.К. Баммель подверг критике «беспомощность механистической мысли» по конкретным вопросам методологии естествознания, в частности, относительно скачков и узлов в диалектике развития, отверг выдвигавшиеся «механистами» обвинения против деборинцев в витализме, и пр. Г.К. Баммель, как и И.К. Луппол, также не преминул произнести здравицу по адресу А.М. Деборина: «И здесь нам нужно сказать, что правильная постановка этих проблем, правильное разрешение всех этих вопросов было дано именно тов. Дебориным, в целом ряде его работ, не имеющих, казалось бы, никакого отношения к проблеме, все это было сделано попутно, от случая к случаю, в ходе критики и борьбе с механистами».

Специфику «диалектиков» как школы нельзя понять, если не учитывать, что быть представителем этой школы означало быть учеником А.М. Деборина. А.М. Деборин занимал в школе совершенно особое положение непререкаемого учителя. Поэтому торжественное заседание философской секции Коммунистической академии, задуманное как торжество школы, не могло не стать, вместе с тем, и в первую голову, торжеством лично А.М. Деборина. Помимо отдельных апологетических пассажей в докладах И.К. Луппола и Г.К. Баммеля со специальным приветствием по адресу А.М. Деборина от имени третьего набора аспирантов Института научной философии РАНИОН выступил П.А. Шария. Приветствие П.А. Шария от имени старых учеников А.М. Деборина, занимавшихся у него с 1921 года, подхватил ведущий собрание И.К. Луппол, отметив «ту огромную роль и в области научной литературы, и в области педагогики, и в области научных исследований, которую играет т. Деборин у нас в течение десяти лет». А.М. Деборин отвечал на приветствия с необходимой в таких случаях скромностью и вместе с тем принимал их как должное. Он

был, несомненно, счастлив откликом, который его слово и идеи имели у научной молодежи, и сказал об этом: «Молодые товарищи более восприимчивы, более отзывчивы, и вот та радость, которую я могу выразить сегодня, это есть единственно радость моего общения с этими молодыми товарищами, которые являются нашей сменой и которые должны продолжить то дело, которое было сделано нашими учителями», разумея под учителями, без сомнения, Г.В. Плеханова. Ситуация эта будто нарочно поставлена, чтоб продемонстрировать трагическую иронию истории. Пройдет два года, и чувствование сменится поношением, среди основных обвинений А.М. Деборину будут предъявлять «преувеличение роли» Г.В. Плеханова в истории философии, многие ближайшие его ученики, тот же И.К. Луппол, не проявят особой стойкости в защите идей школы, а П.А. Шария, став заведующим кафедрой философии Тбилисского университета, а затем начальником секретариата наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия, вряд ли захочет вспомнить произнесенные им в 1927 году слова благодарности по адресу лидера «меньшевистствующих идеалистов».

Своеобразным ответом «механистов» на утверждения «диалектиков» о своей победе в философской дискуссии стал открытый диспут на тему «Коренные вопросы диалектического материализма», который «механисты» организовали 19 декабря 1927 года в помещении театра В.Э. Мейерхольда. От «механистов» в диспуте участвовали главные силы: Л.И. Аксельрод, А.К. Тимирязев, С.С. Перов, А.И. Варьяш, В.Н. Сарабьянов. «Диалектики» не хотели придавать в глазах общественности большого значения этому событию, но и проигнорировать его не могли. Их школа не была представлена на диспуте «звездами первой величины», за исключением, пожалуй, Н.А. Карева. Кроме него участвовали также Г.Ф. Дмитриев, С.Г. Левит и И.П. Подволоцкий³⁰. Диспут вызвал большой интерес общественности и затянулся за полночь. Однако в информационном обзоре о диспуте, опубликованном в журнале «Под знаменем марксизма», фактически оказалась представленной только позиция деборинцев. Н.А. Карев, бывший членом редколлегии «Под знаменем марксизма», прямо заявил, что журнал не собирается отдавать свои страницы пропаганде ревизионизма. И.И. Яхот был совершенно прав, когда в своем исследовании по истории философских дискуссий в СССР 1920 – 1930-х годах заметил по этому поводу, что подобное лишение оппонентов возможности изложить свою позицию в печати скоро больно ударит по самим «диалектикам»³¹.

Организационная подготовка создания Института философии в Комакадемии; проект «Философской энциклопедии» как программа работы Института

1928 год был годом формирования самостоятельного Института философии, то есть того учреждения, 80-летие которого мы отмечаем. Процесс этот был постепенным, поэтапным, противоречивым, как это всегда бывает при объединении и ликвидации организационных структур. Инициатива исходила от А.М. Деборина, который к тому времени оказался руководителем всех научных учреждений по философии. Учреждения дублировали друг друга, и распыление сил не давало возможности развернуть крупномасштабные исследования. Кроме того, создание общепризнанного, полноправного Института философии во главе с А.М. Дебориным означало полную победу его группы в философских дискуссиях. В Институте научной философии РАНИОН определенные позиции и влияние

Президиум Комакадемии. 1929 г.
Крайний слева – А.М. Деборин

сохраняли «механисты», прежде всего Л.И. Аксельрод и А.К. Тимирязев, долгие годы работавший в Московском университете. При объединении силы «механистов» растворялись бы в большем по численности учреждении. Главное же – новому институту нужно было придать государственный статус. Ассоциация вузовских научно-исследовательских институтов – РАНИОН – для этого не годилась. Для этого пригодным был лишь вариант создания новой структуры в рамках Коммунистической академии, числившейся при ЦИК СССР. Новый институт объединял, таким образом, все существующие структурные образования по философии и становился ведущим философским центром в СССР.

14 января 1928 года А.М. Деборин сделал отчетный доклад о годичной работе философской секции на заседании Президиума Комакадемии. Постановлением Президиума Комакадемии работа секции была признана удовлетворительной «как в смысле общего направления, так и в смысле подбора сотрудников»³².

В мае 1928 года состоялось совещание по вопросу об организации при Коммунистической академии Института философии³³. Доклад сделал А.М. Деборин. Он мотивировал необходимость научно-исследовательской работы в области философии в Комакадемии тем, что на данный момент в философской секции Комакадемии и в Институте научной философии РАНИОН, как правило, работают одни и те же сотрудники, темы исследований совпадают, а координации проводимых исследований нет. Кроме того, перед обоими учреждениями стоит одна и та же коллективная задача – подготовка намеченного к изданию при Комакадемии «Философского словаря». В принятой на совещании резолюции указывалось, что создаваемый в Комакадемии Институт философии будет центром научно-исследовательской работы в области философии, исторического материализма и диалектики естествознания.

18 мая 1928 года было принято постановление Президиума Коммунистической академии о создании Института философии и образована Комиссия по организации Института в составе Е.Б. Пашуканиса (от Комакадемии), В.М. Фриче (от РАНИОН), А.М. Деборина. Комиссия пришла к выводу о целесообразности сосредоточить всю научно-исследовательскую работу по философии в создаваемом Институте философии Комакадемии, а за Институтом научной философии РАНИОН оставить лишь подготовку аспирантов. Директором Института философии Коммуни-

стической академии назначался А.М. Деборин, ученым секретарем И.П. Подволоцкий.

Сотрудниками философской секции Комакадемии были подготовлены документы по структуре и планам научно-исследовательских работ Института философии, которые были утверждены Комиссией. В правление Института были намечены В.В. Адоратский, А.М. Деборин, Б.М. Гессен, Н.А. Карев, С.С. Кривцов, И.К. Луппол, И.П. Подволоцкий, Я.Э. Стэн. Было решено сформировать в составе Института пять секций: диалектического материализма, исторического материализма, истории философии, современной философии, диалектики естествознания.

В качестве одной из основных работ Института философии намечалась подготовка «Философской энциклопедии» с тем, чтобы удовлетворить ставшую все более настоятельной потребность в систематизации философских знаний. Был разработан план энциклопедии. Первый том должен был быть посвящен диалектическому материализму и включать такие темы, как теория познания, критика идеализма, «критика формальной логики и индуктивной логики», исследование развития логических форм мысли и системы категорий материалистической диалектики. Данный перечень говорит сам за себя и вполне точно характеризует философские позиции деборинской школы. Можно лишь заметить, что развернувшиеся в нашей стране в 1950 – 1970-е годы исследования в области диалектической логики и сформулированные в философской литературе тех лет воззрения «гносеологов» на предмет и задачи диалектического материализма, были не чем иным, как своеобразным возрождением традиций, идущих от деборинской школы и затоптанных в годы сталинистского догматизма. «Критика формальной и индуктивной логик», разумеется, выглядит как нонсенс, вызванный радикализмом, вполне естественным для только формирующегося философского направления. Хотя справедливости ради можно вспомнить, что как раз к формальной логике в те же годы сталинизма судьба оказалась более благосклонной.

Второй том «Философской энциклопедии», согласно составленному плану, должен был быть посвящен истории философии. Третий том – современной философии. Он должен был включать в себя как результаты систематических исследований, так и критику основных направлений западной философской мысли: неокантианства, неогегельянства, эмпириокритицизма, прагматизма, интуитивизма, гуссерлианства, позитивизма, реализма, а также

философских основ социал-демократии, исследование современной марксистской философии на Западе и истории русской философии. Четвертый том охватывал вопросы исторического материализма, научного коммунизма, критики ревизионизма и основных систем буржуазной социологии. В пятом томе, посвященном диалектике естествознания, предполагалось дать философский анализ математики, наук о неорганической природе и биологии, проследить эволюцию основных понятий этих наук, взаимодействие между основными дисциплинами в них, исследовать возникновение и развитие научных воззрений в связи с развитием философии, и обратное их влияние на философию, современные направления в науках, значение и границы приложения принципов конкретных наук. Так мыслилась общая логическая структура энциклопедии. При этом допускалась возможность того, что в виде издания энциклопедия технически составит семь-восемь томов. Срок ее подготовки – три-четыре года. В более поздних планах последовательность томов несколько изменялась.

6 ноября 1928 года под руководством А.М. Деборина прошло заседание Комиссии по слиянию философской секции Комакадемии и Института научной философии РАНИОН, в котором участвовали Н.А. Карев, З.М. Конусова, И.П. Подволоцкий, В.К. Сережников и представители Института научной философии РАНИОН³⁴. А.М. Деборин проинформировал собравшихся о положительном решении данного вопроса в ЦК ВКП(б). Штатные единицы и сметные суммы Института научной философии РАНИОН должны были перейти формирующемуся Институту философии Коммунистической академии. Была утверждена штатная структура будущего Института: действительные члены, старшие научные сотрудники, члены-корреспонденты, младшие научные сотрудники. Научные сотрудники могли быть как штатными, так и нештатными.

По существу, слияние двух научных учреждений проходило как поглощение Института научной философии РАНИОН философской секцией Комакадемии. 23 ноября 1928 года вопрос о слиянии Института научной философии РАНИОН с философской секцией Комакадемии обсуждал Президиум РАНИОН. Президиум РАНИОН согласился с объединением, но без передачи Комакадемии средств по научным и издательским расходам.

Бюро Президиума Комакадемии 1 декабря 1928 года потребовало от РАНИОН проводить процесс объединения в полном объ-

еме³⁵. Одновременно бюро Президиума Комакадемии утвердило решение о создании в течение пяти лет «Философской энциклопедии». Работа по созданию энциклопедии была задумана с размахом и активно развернулась под руководством А.М. Деборина. Но после разгрома деборинского философского руководства эта задача была оставлена. Да и люди, которые пришли к руководству отечественной философии спустя два года, в конце 1930 года по уровню своей теоретической грамотности, философской культуры и масштабу мышления были просто неспособны «поднять» такую работу.

Первый состав Института философии и его научно-исследовательская работа

1 декабря 1928 года на заседании Президиума Комакадемии состоялись выборы действительных членов Института философии³⁶. Прошли 33 кандидатуры из предложенного списка: А.И. Авраамов, И.И. Агол, В.В. Адоратский, Л.И. Аксельрод, В.Ф. Асмус, Г.К. Баммель, Н.И. Бухарин, А.И. Варьяш, Б.М. Гессен, А.М. Деборин, Н.А. Карев, К.Н. Корнилов, С.С. Кривцов, А.В. Кубицкий, М.Л. Левин, И.К. Луппол, А.А. Максимов, В.Н. Максимовский, К.К. Милонов, В.И. Невский, И.П. Подволоцкий, В.М. Познер, И.П. Разумовский, В.В. Рудаш, Д.Б. Рязанов, В.К. Сережников, А.К. Столяров, Я.Э. Стэн, А.М. Тальгеймер, А.К. Тимирязев, А.Д. Удальцов, В.М. Фриче, О.Ю. Шмидт. Не были избраны Я.А. Берман, П.С. Виноградская, Г.Ф. Дмитриев, М.А. Дынник, И.Д. Сапир, В.Н. Слепков, Ф.Е. Тележников, Ю.В. Франкфурт, М.М. Фурщик, А.А. Ческис, М.И. Яблонский, в большинстве своем – молодые тогда философы, из которых Г.Ф. Дмитриев и А.А. Ческис вскоре были доизбраны в состав действительных членов Института. 15 декабря 1928 года действительным членом Института философии стал также председатель Президиума Комакадемии М.Н. Покровский. Позже действительным членом Института был избран П.Н. Лепешинский. Преобладающее большинство среди действительных членов нового Института составили действительные члены философской секции Комакадемии, к которым добавилось несколько видных ученых Института научной философии РАНИОН.

Старшими научными сотрудниками Института были утверждены: И.Я. Вайнштейн, П.С. Виноградская, Т.Б. Гейликман, М.А. Дын-

ник, Л.Я. Зивельчинская, Д.Ю. Квитко, С.П. Коршунов, В.М. Познер, В.Н. Ральцевич, А.И. Рубин, И.Д. Сапир, В.Н. Слепков, Ф.Е. Тележников, Ю.Ф. Франкфурт, М.М. Фурщик, Б.С. Чернышев.

Членами-корреспондентами Института были избраны: от Ленинграда – С.Л. Гоникман, Г.С. Тымянский, Е.Ф. Гирчак, от Харькова – Р.С. Левик, В.А. Юринец, от Киева – Я.С. Розанов, от Свердловска – Н.Н. Бобровников, от Ростова-на-Дону – А.Ф. Вишнеvский, В.П. Егоршин, от Воронежа – П.Ф. Сапожников.

Младшим научным сотрудником остался в единственном числе В.К. Брушлинский.

Коллегия Института была утверждена в следующем составе: А.М. Деборин (директор), И.П. Подволоцкий (ученый секретарь), Б.М. Гессен, Н.А. Карев, С.С. Кривцов, И.К. Луппол, Я.Э. Стэн. Не прошли предлагавшиеся в состав коллегии кандидатуры М.Л. Левина и В.В. Рудаша.

В принятой организационной структуре Института просматривается четкий план научной работы и общее видение основных направлений и задач развития философии в стране. Структура Института была выстроена таким образом, чтобы подразделения были одновременно основой для подготовки томов «Философской энциклопедии». Каждому тому соответствовала секция Института.

В бюро секций входили:

- по секции диалектического материализма: Н.А. Карев (заведующий), И.П. Подволоцкий (заместитель), А.М. Деборин. Таким же был состав редакции диалектического материализма «Философской энциклопедии», с тем, само собой разумеющимся отличием, что первым в списке шел А.М. Деборин;
- по секции исторического материализма: С.С. Кривцов (заведующий), И.П. Разумовский (заместитель), В.Н. Максимовский, В.В. Адоратский. Те же лица, только без В.В. Адоратского, составляли соответствующую редакцию «Философской энциклопедии»;
- по секции истории философии: И.К. Луппол (заведующий), В.В. Рудаш (заместитель), А.М. Деборин, Н.А. Карев, В.К. Сержников. Ничем не отличался и состав историко-философской редакции энциклопедии;
- по секции современной философии: Я.Э. Стэн (заведующий), В.Ф. Асмус (заместитель), Г.К. Баммель. Такой же была и редакция четвертого тома энциклопедии;
- по секции диалектики естествознания: М.Л. Левин (заведую-

ций), Б.М. Гессен (заместитель), А.А. Максимов. В составе редакции пятого тома энциклопедии первым шел Б.М. Гессен.

24 декабря 1928 года состоялось первое заседание коллегии Института, в котором кроме членов коллегии также участвовали В.Ф. Асмус, В.К. Брушлинский, Д.Ю. Квитко, З.М. Конусова, М.Л. Левин, И.П. Разумовский³⁷. Было решено прикрепить сотрудников к секциям и в каждой секции поставить для обсуждения доклад. На январь были намечены доклады М.М. Фурщика «Каутский и диалектический материализм», П.С. Виноградской «Анахарсис Клоотс как философ и социолог», А.А. Максимова «Методология измерения и принцип относительности», И.Я. Вайнштейна «Теоретическая экономия как философская проблема».

На том же заседании В.К. Брушлинскому было поручено организовать Философский кабинет Библиотеки Коммунистической академии, в котором сосредоточить наличную философскую литературу. Была признана необходимость увеличения ассигнований на закупку литературы для Института философии и принятия мер по закупкам как русских, так и зарубежных изданий.

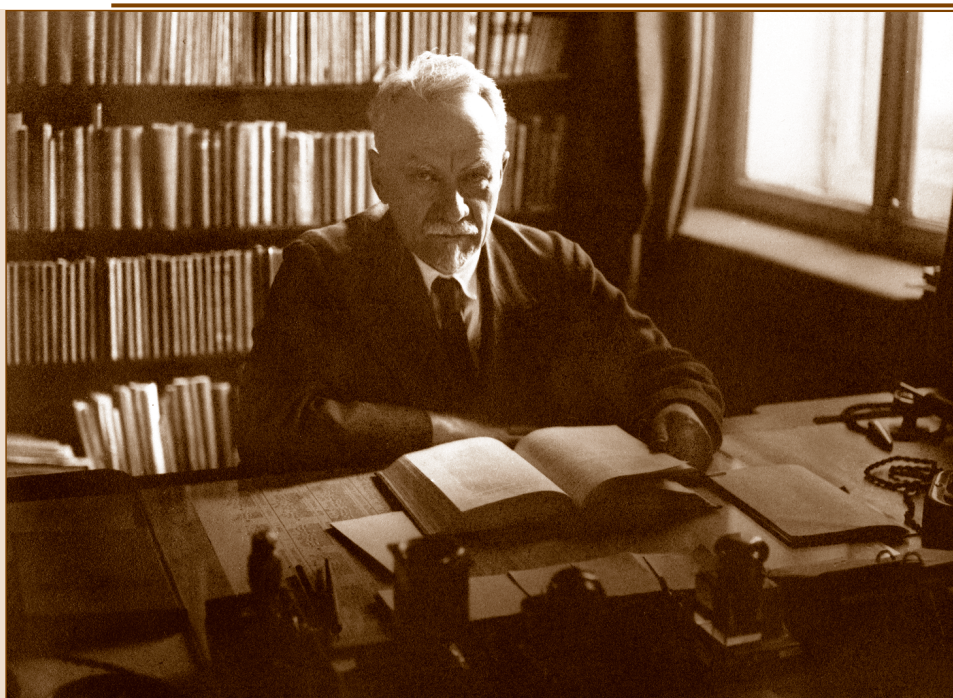
1929 год – год полной победы дебординской школы. Работа Института философии набирала обороты.

На заседании правления Института 19 марта 1929 года С.С. Кривцов доложил о работе секции исторического материализма по подготовке «Философской энциклопедии». Обсуждался вопрос о смете расходов на аспирантуру. На должность старшего научного сотрудника был принят Т.Б. Гейликман³⁸.

Был утвержден план издания классиков философии, который включал избранные сочинения Дж. Бруно, Ф. Бэкона, Г.В. Лейбница, переписку Р. Декарта, Б. Спинозы, «Метафизику», «Физику» и логические трактаты Аристотеля, «Всеобщую историю и теорию неба» и «докритические» работы И. Канта. Издательская деятельность Института, таким образом, вышла за рамки «Библиотеки материализма», и приданный работе над философским наследием импульс способствовал публикации в 1930-е годы на русском языке ряда классических философских произведений, в подготовке которых участвовали действующие и бывшие сотрудники Института. В 1929 году с предисловием А.М. Деборина вышел в свет первый том «Сочинений» Гегеля, «Краткий трактат» Спинозы в переводе и со вступительной статьей Г.С. Тымянского и был переведен под редакцией А.И. Рубина и издан «Краткий трактат о боге, человеке и его блаженстве» Спинозы. «Переписка» Спинозы в переводе

В.К. Брушлинского была издана в 1932 году. Полный русский перевод «Метафизики» Аристотеля был осуществлен и опубликован А.В. Кубицким в 1934 году, в 1939 году им же был издан перевод «Категорий». Со вступительными статьями или под редакцией В.Г. Вандека (Тер-Григорьяна) и В.И. Тимоско были изданы выполненные специалистами переводы «О природе вещей» Лукреция (1933), «О назначении ученого» Фихте (1935), «О бесконечности, Вселенной и мирах» Бруно (1936), «Физики» Аристотеля (1936). «Новые опыты о человеческом разумении» Лейбница публиковались в отрывках в журнале «Под знаменем марксизма» в 1935 и 1936 годах, и полностью были опубликованы в 1936 году в переводе П.С. Юшкевича и с предисловием Б.Э. Быховского.

На том же заседании правления Института были утверждены очередные доклады в секциях. По секции диалектического материализма намечались доклады К.К. Милонова «Диалектика Маркса в “Капитале”», А.И. Аврамова «Диалектический материализм

Директор Института философии
академик АН СССР В.В. Адоратский
в своем рабочем кабинете

в учении Фейербаха и Чернышевского», по секции исторического материализма – И.П. Разумовского «Марксизм и этика», по секции истории философии – В.В. Рудаша «К вопросу о происхождении греческой философии», В.Т. Дитякина «Основные линии философского развития в эпоху Возрождения», по секции современной философии – Г.К. Баммеля «Исторический материализм и феноменология», В.М. Познера «Неопозитивизм Ф. Франка», по секции диалектики естествознания – И.И. Агола «Проблема целесообразности в органическом мире», а также диспут на тему «Производительные силы». Доклад И.П. Разумовского и диспут предполагалось провести в открытом режиме, остальные – в закрытом.

С 8 по 13 апреля 1929 года в Москве в Коммунистической академии прошла Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений, в которой приняли участие делегаты из многих регионов страны³⁹. Основные доклады сделали А.М. Деборин и О.Ю. Шмидт. В резолюциях конференции «механистическое» направление было квалифицировано как «самый доподлинный ревизионизм», который «рядится в марксистские одежды». «Ведя по существу борьбу против философии марксизма-ленинизма, не понимая основ материалистической диалектики, и подменяя на деле революционно-материалистическую диалектику вульгарным эволюционизмом, а материализм – позитивизмом, объективно препятствуя проникновению методологии диалектического материализма в область естествознания и т. д. – это течение представляет собой явный отход от марксистско-ленинских философских позиций». Таким образом, ортодоксальный статус марксизма деборинцев получил официальную санкцию. Вместе с тем, резолюция не содержала каких-то организационных мер по адресу «механистов», говорилось лишь о необходимости «продолжать систематическую критику и разоблачение ошибок механистического направления». В качестве важнейшей задачи в резолюции была названа «дальнейшая разработка теории диалектики и углубленное проведение метода диалектического материализма как в области общественных наук, так и в области естествознания».

Разгром деборинского философского руководства

1930 год стал последним годом первого периода существования Института философии. Против деборинского философского

руководства начали наступление «молодые силы» выпускников философского отделения Института красной профессуры во главе с М.Б. Митиным. Они стремились политизировать философию, превратить ее в инструмент идеологического воздействия и обслуживания текущих политических задач власти. Деборинская линия на разработку фундаментальных теоретических и историко-философских проблем, которая проводилась в Институте философии, не могла не пасть жертвой новой идеологической кампании по «борьбе на два фронта» в философии: не только против «механистов», но и против «диалектиков».

Первый бой существующего и будущего, рвавшегося к власти философского руководства прошел на совместном заседании партийных фракций Института философии Коммунистической академии и московской организации Общества воинствующих материалистов-диалектиков, проходившем 20–24 апреля 1930 года. В своем заключительном слове на совещании А.М. Деборин отметил, что новая группа стремится к власти и дискредитирует философское руководство⁴⁰. М.Б. Митин и его сторонники развернули наступление на деборинцев в печати, заручившись поддержкой в ЦК ВКП(б).

7 июня 1930 года в «Правде» была опубликована знаменитая «статья трех», М.Б. Митина, В.Н. Ральцевича и П.Ф. Юдина, в которой выдвигались политические обвинения по адресу деборинцев, упреки в отставании философии «от задач социалистического строительства». Последние ответили статьей в журнале «Под знаменем марксизма»⁴¹, подписанной всеми их видными представителями: А.М. Дебориным, И.К. Лупполом, Я.Э. Стэнном, Н.А. Каревым, И.П. Подволоцким, Б.М. Гессеном, М.Л. Левиным, И.И. Аголом, С.Г. Левитом, Ф.Е. Тележниковым, в которой была дана содержательная защита проводившейся ими линии на разработку теоретических проблем материалистической диалектики и философии естествознания, на отстаивание специфики философии, против смешения философии и политики. Однако оппоненты деборинцев вели полемику в совершенно ином ключе, указывая на «ошибки троцкистского характера», предъявляя обвинение в отрыве философии от политики и требуя «большевизации на философском фронте». Против деборинцев велось наступление со страниц газеты «Правда» и журнала «Большевик», а журнал «Под знаменем марксизма» временно перестал выходить. «Деятельность деборинской группы была расценена как формалистический уклон»⁴².

К августу 1930 года на основе решения ЦК ВКП(б) была закончена реорганизация философского отделения ИКП в самостоятельный ИКП философии и естествознания, и группа М.Б. Митина поставила под свой контроль партийное бюро ИКПФиЕ.

17–20 октября 1930 года положение «на философском фронте» обсуждал Президиум Комакадемии⁴³. К обвинениям деборинцев в «формализме» добавились новые, более серьезные обвинения: в принижении роли В.И. Ленина в философии, в завышенной оценке Г.В. Плеханова, в отсутствии «большевистской партийности» в работе философского руководства. А.М. Деборину припомнили его антибольшевистские высказывания тех времен, когда он был меньшевиком. Это была уже не философская дискуссия, а политический разгром. А.М. Деборин был вынужден признать свое поражение, однако «инстинктивно защищал свою теоретическую позицию», пытаясь «сохранить достоинство, уступая партийному давлению»⁴⁴. Были приняты первые организационные меры против деборинцев. 23 ноября 1930 года Я.Э. Стэн и Н.А. Кареев были исключены из состава Правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков.

9 декабря 1930 года с победителями в «дискуссии» – членами бюро ячейки ВКП(б) Института красной профессуры философии и естествознания – встретился И.В. Сталин. Он дал указание окончательно разгромить деборинское философское руководство и увязать эту критику с идеологической борьбой против оппозиции⁴⁵. Теоретическое обвинение в отношении деборинцев было перекалвалифицировано с «формализма» на «меньшевистствующий идеализм», приобретая тем самым политическую окраску. Эта формулировка, вполне отражающая примитивность мышления ее автора, была закреплена принятым 25 января 1931 года постановлением ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”»⁴⁶, которое подвело итог «дискуссии».

Авторы, специально исследовавшие вопрос о теоретических воззрениях деборинцев в связи с выдвинутыми против них обвинениями, раскрыли лживость этих обвинений. Как пишет Н.Б. Коршунов, «имела место целенаправленная фальсификация взглядов “диалектиков”, и в первую очередь самого А.М. Деборина, преследовавшая далеко идущие цели»⁴⁷. И.И. Яхот прекрасно показал, что М.Б. Митин и иже с ним «игнорировали убедительные факты и не снимали обвинения», поскольку истинной их целью было «раздувание культа личности Сталина»⁴⁸.

В результате Институт философии был, по существу, разгромлен, А.М. Деборин и его сторонники, а также «механисты» были удалены из него, а сам Институт был слит с Институтом красной профессуры философии. В 1932 году Институт философии был воссоздан как самостоятельное научно-исследовательское подразделение Комакадемии, но прежним он стать уже не мог⁴⁹.

Состояние Института после идеологического погрома

Философ – опасная профессия. Два условия питают ее развитие: независимая критическая мысль и собственное достоинство личности. Они дарят философу счастье постижения мира и в то же время предуготовливают ему драматическую судьбу. Не было в истории такой власти, которая бы по природе своей могла терпеть свободу критической мысли, и не было такого общества, которое прощало бы личности принципиальность и достоинство. Быть философом означает ставить под вопрос сами основания бытия человека в мире, плыть в океане мысли и дела самому, без поддержки спасательных средств, опираясь на собственный разум и нравственное чувство. Все другие сферы культуры так или иначе укореняют человека в бытии: наука открывает тайны Вселенной, искусство дарит наслаждение, религия оставляет надежду на заботу со стороны высших сил, а техника и магия предоставляют возможность переустроить мир так, как это удобно человеку. И лишь философия выбивает человека из колеи привычных представлений, заставляет думать самостоятельно. А жить в доме, где взяты под сомнение не отделка или обстановка, но фундамент – неуютно. Философ обречен на поиск новых вариантов осмысления мира и обустройства в нем человека, и должен, как говорил Ламетри, зная это по собственному опыту, «писать с благородной смелостью, или же ему придется пресмыкаться подобно тем, которые не являются философами»⁵⁰. Потому неизбежны как его столкновения с властью, так и неприятие его со стороны тех ограниченных людей, кому философом быть не дано. Поэтому и преследования, и гибель философов за свои убеждения не представляют собой ничего исключительного, а оказываются почти нормой и встречаются во все эпохи, и тирания демократической системы отличается не меньшей неумолимостью, чем у деспотического правления. Зенон Элейского истолок в ступе тиран, а Сократ был

приговорен к смерти голосами присяжных-сограждан. Философ всегда на подозрении.

Но бывают времена, когда конфликт философа и власти, философа и общества не остается каким-то единичным случаем, но становится характерной чертой эпохи, выражает ее суть, и тогда судьба обрушивается не на какого-то одного символического героя, вроде Бозэция, Бруно или Радищева, но на философов вообще. Массовые репрессии в отношении философов становятся судорожной попыткой власти успокоить возбужденное чувство самосохранения. Домициан казнил либо выслал из Рима и Италии всех, кто занимался философией и преподавал ее, ибо популярный тогда стоицизм укреплял в людях нравственную независимость и требовал от правителя ответственности перед обществом. Цинь Шихуанди приказал сжечь гуманитарную литературу из частных собраний, закопать живыми либо выслать в приграничные районы сотни философов-конфуцианцев, так как считал, что их идеи о приоритете этических способов регуляции общественной жизни над административными, могут стимулировать неповиновение. Внутреннее, идейно мотивированное непризнание несправедливой власти и сообщаемая этой идейностью стойкость куда опаснее прямого политического протеста, поскольку способны дать мировоззренческую санкцию всякому такому протесту.

В этом ряду следует рассматривать и то, что произошло с философией и философами в 1930-е годы в нашей стране. Царская власть преследовала материалистическую философию, советская – идеалистическую. Однако ни та ни другая, преследуя философов, как правило, не покушалась на существование философии в культуре, на уничтожение ее специфики. Но для сталинского режима настоящий философ – как человек по определению самостоятельно мыслящий и нравственно стойкий – не мог быть терпим. Почти все, кто пришел в философию в 1920-е годы и оставил в ней след своих дум и исканий, стали потенциальными смертниками. Немногим из них удалось остаться верным себе перед лицом неминуемой гибели, но и большинство из тех, кто старался выжить ценой отказа от себя, ждала та же печальная судьба. Они оказались, по словам Сталина, в роли «навоза», который «надо разворошить, перекопать», их нужно было «бить по всем направлениям, и там, где не били»⁵¹. И их били, превратили в «навоз» и закопали. Но горше всего было для них то, что уничтожали их во славу той самой марксистской философии, которой они были преданы и из которой, выхолостив

творческое содержание, деспотическая власть оставила лишь мертвящие формулы, пригодные для обоснования своего господства.

Говорить о философии в 1930-е годы значит прежде всего говорить о трагических судьбах философов в условиях политических репрессий. Философская жизнь деградировала неимоверно, и это хорошо видно по тому состоянию, в котором находился в то время Институт философии. После разгрома «диалектиков», сопровождавшегося последним ударом и по «механистам», Институт уже не мог поддерживать прежнее качество развития. Ряд сотрудников был арестован, некоторые были высланы, некоторые уехали работать в провинцию сами, остальные были уволены. Н.А. Карев, П.Ф. Сапожников, В.Н. Слепков сидели в тюрьме, Я.Э. Стэн находился в ссылке, Г.К. Баммель, И.П. Подволоцкий, А.И. Рубин преподавали в провинции, В.Ф. Асмус, уволенный и из Института философии, и из МГУ, «вел научно-исследовательскую работу по договорам с Соцэкгизом». Не было людей, которые могли бы выполнять задачи, поставленные при создании Института философии.

Директором Института философии Комакадемии, а после включения в 1936 году учреждений Комакадемии в состав АН СССР директором Института философии АН СССР был В.В. Адоратский. Одновременно он занимал куда более значительный пост директора Института Маркса, Энгельса, Ленина и был, кроме того, пожилым и больным человеком. Поэтому, как свидетельствует Л.А. Коган, хотя В.В. Адоратский и «числился директором», «я его ни разу не видел»⁵². Первым заместителем директора, фактически принимавшим решения, был М.Б. Митин, который «был малодоступен для простых смертных»⁵³. Вторым заместителем был М.Д. Каммари, ученым секретарем Института – Ф.В. Константинов. Таким образом, руководство Институтom находилось полностью в руках группы победителей в «дискуссии» «за большевизацию на философском фронте». Это были люди, только что окончившие Институт красной профессуры и не блиставшие ни знаниями, ни талантами. Главным их достоинством была личная преданность Сталину и готовность проводить в философской сфере любые партийные решения. Среди сотрудников Института полностью отсутствовала та генерация марксистов, которая выросла на философских спорах начала века и которая так ярко проявила себя в 1920-е годы, как на стороне «диалектиков», так и на стороне «механистов». Согласно составленной в 1934 году справке, в числе сотрудников не было ни одного с партстажем до 1917 года, семнад-

цать человек вступили в партию в 1917–1921 годах, пять – начиная с 1922 года⁵⁴. Показательно, что в этом статистическом обзоре не посчитан старый большевик В.В. Адоратский, что говорит о чисто формальном характере его руководства Институтом. Секретарем парторганизации Института был знаменитый З.Я. Белецкий, который впоследствии будет держать в страхе всех академиков от философии – и из группы М.Б. Митина, и из группы Г.Ф. Александра.

По-прежнему одной из основных форм научной работы сотрудников Института были доклады перед коллегами по актуальным вопросам философии. В сравнении с темами докладов, которые готовили сотрудники Института в первый, деборинский период его существования, весьма показательны темы, разрабатывавшиеся сотрудниками Института теперь. Приведем их: М.Д. Каммари – «Сталин как материалист-диалектик» и «Политика и экономика в переходный период», Ф.В. Константинов – «Экономические основы уничтожения классов», П.С. Черемных – «Ликвидация кулачества как класса», Е.Ф. Муравьев – «Преодоление религии в колхозной деревне», И.Г. Каплан – «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Комментарии, как говорится, излишни. Более или менее философскими можно признать лишь темы В.К. Брушлинского «Проблема познания внешнего мира в современной философии», Т.Д. Павлова (П. Досева) «Теория отражения», а также В.М. Познера «Борьба материализма и идеализма в XVII–XVIII вв.», М.Ф. Якобсон о Декарте и Г.П. Адамяна по историческому материализму.

Совершенно изменилась, по сравнению с первым, деборинским, периодом структура Института. В Институте не осталось ни секции диалектического материализма, ни секции исторического материализма, ни секции истории философии, ни секции современной философии. Этому можно было бы порадоваться, если бы не знать, в какой ситуации оказался Институт после поголовного разгрома его прежних кадров. Разумеется, ни о каком выпуске «Философской энциклопедии» в этих условиях речь уже идти не могла. Институт вынужден был ограничиться решением насущных задач по философскому обоснованию очередных извивов политики партии.

Секция диалектики естествознания сохранилась под названием секции естествознания. Произошло это случайно, потому что среди прежних сотрудников А.М. Деборина нашелся «специалист»

по этим вопросам, почуявший изменение политической конъюнктуры и вовремя переметнувшийся на сторону будущих победителей – А.А. Максимов, напечатавший в августе 1930 года в «Правде» письмо с разоблачениями по адресу А.М. Деборина. В историко-научной литературе давно сказано о его низком естественнонаучном профессионализме и предпринимавшихся им усилиях остановить прогресс физического знания, и прежде всего квантовой механики в СССР⁵⁵. Нужно признать, что он сделал правильный жизненный выбор. В прежнем составе Института, где было много талантливых людей, занимавшихся философией естествознания (в частности, философией физики – Б.М. Гессен⁵⁶), А.А. Максимов неизбежно оставался бы на вторых ролях. Но и теперь он был способен лишь на изыскания политических ошибок и разоблачение «физического идеализма» в работах советских ученых.

В научном отношении активнее был более талантливый и более знающий, но занимавший такие же философские позиции Э.Я. Кольман, член Президиума Комакадемии, отвечавший за вопросы философии естествознания, а позже, с 1939 года, – заведующий сектором диалектического материализма Института философии АН СССР. Э.Я. Кольман – сложная и противоречивая фигура, заслуживающая специального исследования. В целом его роль в философском развитии 1930-х годов была негативной. Он усиленно занимался большевизацией науки и поиском «вредителей» среди естественников. В этом смысле для характеристики положения дел с философией науки в 1930-е годы, показателен выпущенный в 1933 году сборник «Марксизм и естествознание». Здесь впервые С.А. Яновской были опубликованы «Математические рукописи» Маркса, помещена статья бывшего «механиста», академика Всеукраинской АН С.Ю. Семковского и письмо будущего нобелевского лауреата Г.Дж. Меллера, в том же году приглашенного Н.И. Вавиловым работать в Институт генетики АН СССР. Но центральное место в сборнике занимает статья Э.Я. Кольмана о «положении на философском фронте». Э.Я. Кольман поет гимн корифею всех наук т. Сталину, «в лице которого мы имеем не только гениального политического вождя партии и международного рабочего движения, но имеем величайшего теоретика, величайшего мыслителя»⁵⁷. Э.Я. Кольман обнаружил «ряд открытых идеалистических выступлений» у выдающихся ученых-естественников: В.И. Вернадского, Я.И. Френкеля. Разоблачению «идеализма» в работах советских физиков были посвящены и многие его статьи.

Но главное, что занимало Э.Я. Кольмана, это ход выполнения постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма»: «Прошло два года после решения ЦК нашей партии, осудившего группу Деборина, Стэна, Карева и др. как меньшевистствующе-идеалистическую. Спрашивается: как они за эти два года перестроились? К сожалению, приходится констатировать, что т. Деборин ограничился, по существу, формальным заявлением о своих ошибках через год после постановления ЦК... Меньшевистствующий идеалист Стэн, который заявлял о своем несогласии с партийной линией по философским вопросам, стал участником контрреволюционной группы Рютина и Слепкова. Это показывает, что в обстановке классовой борьбы меньшевистствующий идеализм, являющийся в основном теоретической базой всех левацких уклонов, логически доведенный до конца, становится просто контрреволюционным меньшевизмом»⁵⁸. Это типичный пример абсурдной риторики тех лет.

Не преминул Э.Я. Кольман коснуться враждебных проявлений в той сфере философии естествознания, которой он впрямую не занимался – философии биологии: «Недавно вышло новое издание книжки т. Агола “Витализм и марксизм”. Несмотря на то что т. Агол в предисловии крепко “кроет” меньшевистствующий идеализм, сама книга пополняет прежние ошибки, раскритикованные в философской дискуссии, новыми ошибками, идущими в том же направлении»⁵⁹. Здесь нет необходимости говорить о философской борьбе в советской биологии, история чего подробно разобрана в литературе⁶⁰. Отметим лишь, что после разгрома деборинской школы Институт философии лишился ученых, многие из которых не понаслышке знали состояние мировой науки и могли разрабатывать философские проблемы биологии на уровне современных требований: И.И. Агола, М.Л. Левина, С.Г. Левита, В.Н. Слепкова, Я.М. Урановского. Все они впоследствии были уничтожены, а на их место пришли М.Б. Митин, И.И. Презент, З.Я. Белецкий, Г.В. Платонов, занявшиеся философским оправданием лысенковщины. Можно выделить два основных обвинения, с позиций которых велся «обстрел» настоящей марксистской философии естествознания: отрыв науки от практики и забвение партийности науки. Обвинения эти были взаимосвязаны. Истинная наука объявлялась оторванной от практических нужд страны лженаукой, а причина отрыва усматривалась в игнорировании классовости и большевистской партийности науки. В результате открывалась широкая

дорога для действительной лженауки. Как пишет об этом Э.И. Колчинский: «Анализ философских аспектов того или иного обобщения в биологии заменялся навешиванием ярлыков, беспардонным вмешательством в решение конкретных проблем биологии. Союз философии марксизма и естествознания отныне трактовался не как содружество равноправных партнеров, а как идейная и методологическая гегемония примитивно понимаемого диалектического материализма»⁶¹. Нет ничего удивительного в том, что под удар попали неклассические научные дисциплины: в физике – квантовая механика, а в биологии – генетика. Они идеально подходили для того, чтобы можно было вылепить образ ученых, оторванных от непосредственной практики социалистического строительства, борьбы за подъем урожайности и пр., и бросить этим ученым обвинение в «идеализме». Объективная трагическая ирония заключалась, однако, в том, что эти дисциплины были не только «материалистичны», так как изучали то, что реально существует в природе, но были

Научная конференция. Красный зал,
1931 г.

практичнее и полезнее для народного хозяйства, чем спекулятивные лженаучные «учения», претендовавшие занять их место.

Что касается конкретных обвинений, выдвигавшихся в адрес «механистов» и «меньшевиствующих идеалистов», то они строились на передержках и прямой фальсификации воззрений критикуемых. Делать это было тем легче, что сама ссылка в печати на работы лиц, объявленных «врагами народа», не допускалась. Например, В.П. Тугаринов, начинающий тогда философ, в 1937 году был снят с работы и исключен из партии за то, что «в одной из своих работ, написанной в 1934 году и неопубликованной, процитировал в порядке разоблачения врагов народа»⁶². А.М. Деборин или Л.И. Аксельрод, правда, не были объявлены «врагами народа», но «борцы на два фронта в философии» не затрудняли себя корректностью цитирования. Более того, перенеся на философию законы внутривластной борьбы, они выдвинули чрезвычайно удобный для огульных обвинений тезис о «смыкании» «меньшевиствующего идеализма» с «механицизмом»⁶³. Вот замечательный образчик подобной «диалектики»: «Группа философов во главе с Дебориным, отрывая теорию от практики, философию от политики, совершенно игнорировала задачи по разработке вопросов исторического материализма, а если и касалась их, то трактовала в троцкистском или правооппортунистическом, меньшевистско-идеалистическом или механистическом понимании»⁶⁴. В результате обреченному на уничтожение человеку можно было предъявлять любые, даже взаимоисключающие обвинения, совершенно не заботясь об их соответствии действительности. Положение с критикой философских противников в публикациях 1930-х годов верно охарактеризовано З.А. Каменским: «С самого начала 1930-х годов обязательной нормой всякого теоретического выступления была критика “механистов” и “меньшевиствующих идеалистов”, раскритикованных Сталиным и постановлением ЦК ВКП(б) от 1931 года. Критика эта была, по преимуществу, зряшной. Подвергали критике и тех и других “чехом”. Критикуемым приписывали либо грехи, в которых они не были повинны, либо взгляды, которые в равной мере были присущи самим же критикующим»⁶⁵.

Второй секцией «обновленного» Института философии была антирелигиозная. Она вела свое начало от Комиссии по изучению религиозной идеологии, созданной в Комакадемии М.А. Рейснером. А.М. Деборин противился включению этого подразделения Комакадемии в состав Института философии, считая, что задачи

его являются неспецифическими для Института. Теперь это была секция Института. Ее сотрудники занимались вопросами происхождения, истории и теории религии и атеизма, изучали религиозное сектанство, социальные корни религии в СССР и методику антирелигиозной пропаганды. Темы эти, однако, были опасны и чреватые неожиданными политическими поворотами. Заведующий секцией и одновременно доцент МГУ и заместитель председателя Центрального совета Союза воинствующих безбожников, А.Т. Лукачевский был в 1937 году обвинен в протаскивании враждебной идеологии и небольшевистском подходе к антирелигиозной пропаганде, арестован и расстрелян⁶⁶.

Третьей секцией Института была секция литературы и языка. Ею заведовал П.Ф. Юдин, отвечавший в новом философском руководстве за вопросы культуры и литературы. Он принимал участие в организации Союза советских писателей и редактировал журнал «Литературный критик». Поскольку сам он не был в состоянии профессионально заниматься вопросами литературы, эстетики, философии культуры и языка, в секции Института и в редакции журнала «Литературный критик», возглавлявшейся М.М. Розенталем, сконцентрировались талантливые и пишущие люди, хорошо знавшие русскую и зарубежную художественную литературу: Г.О. Лукач, М.А. Лифшиц, В.Р. Гриб, И.А. Сац, Е.Ф. Усиевич. Они составили так называемое «течение», подвергшееся разгрому в 1940 году при закрытии журнала «Литературный критик».

В Институте проходили юбилейные сессии. В 1933 году прошла сессия, посвященная 50-летию со дня смерти К. Маркса, а в 1938 году – 120-летию со дня его рождения. В 1934 году состоялась сессия, посвященная 25-летию, а в 1939 году – 30-летию выхода книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Работники Института участвовали также в научных сессиях, проводимых совместно с другими учреждениями АН СССР, а именно – к 150-летию Великой Французской революции и к 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса.

Сессию Института, посвященную 25-летию «Материализма и эмпириокритицизма» открыл В.В. Адоратский. На сессии выступили с докладами А.Ф. Иоффе и С.И. Вавилов. А.Ф. Иоффе предостерег от отождествления физических теорий с их философскими интерпретациями и высказался против попыток философской дискредитации теории относительности и квантовой механики. С.И. Вавилов обратил внимание на необходимость совершенство-

вания понятийного аппарата для освоения содержания квантовой механики. М.Б. Митин выразил надежду, что совершенствование физической измерительной техники позволит преодолеть принцип неопределенности Гейзенберга. С.Ю. Семковский говорил об актуальности развитых В.И. Лениным представлений о структуре материи.

В сборнике статей «25 лет “Материализма и эмпириокритицизма”», подготовленном Институтом философии, были помещены довольно формальная юбилейная статья В.В. Адоратского с дежурной здравицей по адресу Сталина, и более интересно написанная, но и более догматичная статья Э.Я. Кольмана. Остальные статьи были посвящены отдельным аспектам темы: Т.Д. Павлов (П. Досев) писал о теории отражения, И.К. Луппол об историко-философских вопросах, Е.П. Ситковский о роли в критике махизма В.И. Ленина и Г.В. Плеханова, Г.П. Адамян о вопросах исторического материализма, В.П. Егоршин о современном естествознании, В.М. Познер о реакции на «Материализм и эмпириокритицизм» в западной философии, Я.С. Розанов составил ценную библиографию вопроса. В.П. Егоршин сделал в статье замечания физикам М.П. Бронштейну и И.Е. Тамму, ибо «напрасно некоторые советские авторы берут квантовую механику под свою “философскую” защиту»⁶⁷. Е.П. Ситковский осудил дебординцев Н.А. Карева и В.А. Юринца за то, что те осуществляли т.н. имманентную критику идеалистической философии, вместо того, чтобы давать ей классовую оценку.

19 февраля 1936 года в большом зале Академии наук состоялось заседание, посвященное пятилетию Постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», в котором участвовали философский актив Москвы, сотрудники и подписчики журнала, преподаватели вузов, слушатели ИКП. Прибыли делегации философов Украины и Ленинграда. Заседание открыл В.В. Адоратский. С установочной речью выступил заведующий Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Таль, который вскоре был репрессирован. Затем с большим докладом выступил М.Б. Митин, говоривший о той «решающей роли, которую играют выступления и указания товарища Сталина в развитии нашей философской мысли», о том как были «разгромлены меньшевистско-идеалистические взгляды»⁶⁸. Не забыл Митин и о том, «какое огромное значение» для «разработки марксистской философии» имеет книга «тов. Берия». Доклад Митина настолько переполнен лизоблюдскими перепевами по адресу гениального философа Сталина, что непредвзятому чи-

тателю совершенно понятной становилась вся лживость утверждений о том, будто, борясь с «деборинщиной» сталинцы отстаивают место Ленина в истории марксистской философии. Высказался Митин и по поводу работы, проделанной деборинским составом Института философии. Он обвинил этих философов, проделавших огромную работу по публикации философских первоисточников в «некритическом издании переводов буржуазных учебников по истории философии, искажении меньшевистствующими идеалистами подлинных исторических образов классиков философии, превращении Бэкона, Спинозы, Дидро, Фейербаха чуть ли не полностью в диалектических материалистов, отождествлении идеалистической диалектики Гегеля с материалистической диалектикой Маркса». В заслугу новому философскому руководству Митин поставил борьбу «против реакционных, идеалистических выводов из новейших открытий в физике, в частности, в связи с новым пониманием причинности». Между прочим, Митин сообщил, что в Институте начинается работа над созданием трехтомной «Истории философии» с привлечением большого коллектива авторов. Таким образом, идея подготовить известную т.н. «серую лошадь» относится к 1936 году, если не раньше. Сказал Митин и об учебнике «Диалектический и исторический материализм».

Учебник «под редакцией М.Б. Митина»

У фактически руководившего Институтом М.Б. Митина не было конкретной темы исследований. Он осуществлял «общее руководство» написанием учебника «Диалектический и исторический материализм». В 1933 году вышла первая часть учебника – по диалектическому материализму, в 1934 году вторая – по историческому материализму; в редактировании последней участвовал также И.П. Разумовский.

Создание стандартного учебника диамата было своего рода партийным заданием новому философскому руководству и «обновленному» Институту философии. Были полностью отвергнуты все планы создания Институтом «Философской энциклопедии», вся проведенная деборинским философским руководством большая работа была выброшена в «корзину». Подобные самооценки в научном отношении задачи сталинское руководство не интересовали. Философия была сведена к жалкой идеологической «по-

хлебке», а от Института философии требовалось изготовить некий контрольный экземпляр, стандарт, пригодный для массового употребления. Важнейшей стороной этой задачи была пропитка всех тем курса философии формулами о величии самого гениального философа всех времен и народов. С этих позиций необходимо было привести к единообразию учебные занятия по философии в стране. Под грифом Института учебник и был издан.

Не приходится говорить о его теоретическом уровне, он не мог не быть низким, особенно если учесть задачи, которые авторский коллектив заявил в «Предисловии»: «ликвидацию разрыва, созданного механистами и меньшевистствующими идеалистами, между теорией и практикой», «освещение роли философии в борьбе за генеральную линию партии на два фронта – с правым и «левым» оппортунизмом и контрреволюционным троцкизмом, с механицизмом и меньшевистствующим идеализмом как философской основой уклонов от генеральной линии партии», «выявление и освещение того нового, что вносит марксизм-ленинизм в лице Ленина и Сталина в общую сокровищницу философии марксизма»⁶⁹.

Достаточно сказать, что формальная логика рассматривалась в учебнике как результат малоподвижных форм общественной жизни, таких, как феодальный строй, и в качестве обоснования метафизического воззрения на мир, которое «используют в своих классовых интересах ученые лакеи буржуазии». «Включать формальную логику в качестве момента в диалектическую логику так же нелепо, как объявлять алхимию моментом химии, астрологию моментом астрономии», – утверждали авторы учебника⁷⁰. За изучение формальной логики досталось «идеалисту Асмусу, пригретому меньшевистствующими идеалистами», который тем самым «помогает механистам и меньшевистствующим идеалистам обосновывать метафизику оппортунизма и контрреволюционного троцкизма»⁷¹.

Ровно треть учебника была отведена не вопросам философской теории, а «борьбе на два фронта в философии». Стилистика здесь совершенно разнузданная. Типичным является передергивание высказываний оппонентов. Например, чисто фактического порядка фраза А.М. Деборина о том, что В.И. Ленин не успел написать специальной работы по материалистической диалектике, расценивается как отрицание вклада В.И. Ленина в философию⁷², в чем деборинцев в действительности нельзя было упрекнуть. Авторы учебника последовательно выискивают совершенно искусственную связь между «механистами» и бухаринской оппозицией, между

«диалектиками» и троцкистской оппозицией, прекрасно осознавая значение и возможные последствия подобных обвинений. Деборинское философское руководство осуждалось именно за то, что оно в ходе философской дискуссии не давало оценку механицизму как философской основе правого оппортунизма в политике. Лишь «партийная организация ИКП философии и естествознания» правильно поняла указания т. Сталина, сумела развернуть дискуссию с деборинской группой и правильно определить основные линии разногласий⁷³. Авторам учебника надо было найти «меньшевизм» и «идеализм» у деборинцев, и авторы находят. А.М. Деборина же, «по существу проводящего социал-фашистские установки», они поучают, цитируя... глубокомысленные высказывания Л.М. Кагановича⁷⁴.

Неумеренные восхваления Сталина как величайшего теоретика стали с начала 1930-х годов обязательными для философских статей. Основной смысл разгрома деборинской школы и состоял в том, чтобы вознести Сталина на философский пьедестал. Трагедия деборинцев была предопределена как непреклонным стремлением Сталина быть признанным в качестве «лучшего и верного ленинца», «Ленина сегодня», что означало в том числе быть признанным в качестве теоретика и мыслителя, так и тем, что «даже к середине 1920-х годов мало кто в России догадывался о желании Сталина стать выдающимся и признанным теоретиком»⁷⁵. В.В. Адоратский и группа М.Б. Митина не только поняли это раньше других, но и публично в печати провозгласили Сталина крупнейшим теоретиком. Поэтому им и было доверено руководство Институтом философии. Мог ли Сталин терпеть положение, при котором о А.М. Деборине в официальном документе АН СССР писали, что он «является в наши дни крупнейшим представителем философской школы диалектического материализма, не только в СССР, но и во всем мире» и «разрабатывает проблематику и содержание этой философии в строго последовательном, ортодоксальном духе»⁷⁶. Поэтому также был поднят и вопрос о «философских ошибках» Г.В. Плеханова, учеником которого был А.М. Деборин. Вышибая Г.В. Плеханова и А.М. Деборина из числа признанных марксистских теоретиков, Сталин становился в ряд прямо за Марксом, Энгельсом и Лениным. Услужливо «разработан» вопрос о «философских ошибках» Г.В. Плеханова и в учебнике под редакцией М.Б. Митина. Но, как это хорошо показал И.И. Яхот, противопоставление митинцами Г.В. Плеханова В.И. Ленину и провозглашение «ленинского эта-

па» в философии было лишь инструментом возвеличения Сталина и фактического принижения Ленина. Хорошо это видно и в учебнике. В параграфе «Ленинизм – новая и высшая ступень в развитии марксизма» нет ни одной ссылки на произведения Ленина, а из сделанных авторами шести ссылок все шесть приходится на работы Сталина.

Завершается учебник параграфом «Тов. Сталин и материалистическая диалектика», в котором нет недостатка на эпитеты в превосходных степенях. Но даже М.Б. Митину было сложно «притянуть» высказывания Сталина к уровню величайшего философа. Поэтому, когда приходилось «дать два-три образца диалектики т. Сталина, которая дала и дает возможность большевикам брать самые неприступные крепости», то оказывалось, что, «только владея в совершенстве методом материалистической диалектики, методом подлинно конкретного анализа сложной конкретной действительности, только умея по-ленински применять важнейшие законы диалектики, законы качества, количества, меры, закон единства противоположностей», Сталин смог показать... «разницу, которая имеется между классовой борьбой в деревне вне колхоза и элементами классовой борьбы в колхозе»⁷⁷.

Трудно сказать, в какой мере были искренни люди, писавшие подобные вещи в учебнике. О «трагедии авторов тех лет» хорошо сказал З.А. Каменский: «Они были обязаны превозносить все ленинские, а вскоре и сталинские произведения, совершенно независимо от реального их содержания. К этому их обязывали и указания ЦК ВКП(б) и “лично товарища Сталина”, данные в 1931 году, и партийные материалы, опиравшиеся на эти указания. Их научная совесть должна была уступать место политической установке. Ученый был вынужден либо стать марксистско-ленинским догматиком, либо умолкнуть»⁷⁸.

Однако среди авторов, несомненно, были люди, не только верившие в то, что писали, но и готовые отстаивать эти «истины» с большей энергией, чем циники из новых философских лидеров. Поэтому нельзя признать удивительным то, что больше половины авторов учебника (Г.П. Адамян, Б.И. Базилевский, В.Г. Вандек (Тер-Григорьян), Ф.А. Горохов, А.А. Маегов, С.С. Пичугин, Е.П. Ситковский, И.Г. Таццилин) были вскоре репрессированы. В этом – другой аспект трагедии философов того времени. В опубликованном в 1981 году библиографическом справочнике «Марк Борисович Митин» фамилии почти всех его репрессированных соавторов попросту опущены.

Кроме того, каким бы «зубодробительным» ни был учебник, написанный в 1933 году, эскалация общественной истерии развивалась в такой степени, что спустя три года в текстах, написанных исключительно ради борьбы со всяческими уклонами от сталинизированного варианта марксизма, можно было уже обнаружить следы самих этих уклонов. Цензор Главлита в Соцэкгизе А.И. Сухно писал в феврале 1936 года Сталину о непригодности учебника под редакцией Митина для тех, кому он предназначался – для студентов комвузов. Цензором учебник был заподозрен в идеологическом развращении партийной молодежи. «Институт философии, – писал А.И. Сухно Сталину, – не мог не знать, что учебник *по политическому* своему существу в ряде мест превратился в *вредное* пособие, пестрит *либеральной* критикой Троцкого и “*товарища* Зиновьева”». «Приходишь к выводу, что руководство Коммунистической академии ничему не научилось у Вас, товарищ Сталин», – констатировал А.И. Сухно⁷⁹.

М.Б. Митин не был бы собой, если бы не почувствовал, может быть еще раньше цензора, что учебник перестал быть пригодным для идеологического обслуживания власти. Выступая в феврале 1936 года на заседании, посвященном пятилетию Постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», Митин заявил, что нужно новое издание учебника, поскольку первое хотя и пронизано «воинствующей партийностью» и «явилось непосредственным результатом той борьбы, которая была проведена на философском фронте по выкорчевыванию меньшевистствующего идеализма и механицизма», тем не менее «имеет целый ряд крупных недостатков» и «не удовлетворяет нашим современным требованиям». К ним он отнес «немало небрежных формулировок», «непропорционально большое место для критики авторов, не имеющих серьезного значения», «скверный стиль»⁸⁰.

Трагическая борьба Яна Стэна

Помимо официальной жизни в стенах Института философии у советской философии 1930-х годов было и иное, потустороннее измерение – скорбный путь бывших сотрудников Института, попавших в сталинские застенки. Обо всех этих судьбах рассказать невозможно, да и не всегда есть достаточный материал для рассказа. В конце книги мы приводим список репрессированных сотруд-

ников Института. Надо полагать, он неполон. Но о некоторых человеческих трагедиях советских философов мы можем рассказать подробнее, в большинстве случаев – впервые и на основе архивных документов. Они поучительны. Это часть правды истории нашей философии, и ее надо знать, в том числе и чтобы отдать дань памяти оклеветанным и безвинно погибшим людям⁸¹.

Причины гибели этих людей одновременно различны и однотипны. Можно выделить два пути на Голгофу, которые часто перекрещивались между собой. Для большинства погибших исходным толчком драмы было недоброжелательство сослуживцев. «Просто так не арестовывали. Нужна была основа – донос»⁸². Для тех же, кто был широко известен в науке и в партии, главной причиной становилось неосторожное высказывание по адресу Сталина. Так погибли Я.Э. Стэн, В.А. Тер-Ваганян, В.И. Невский и др. Высказанное критическое мнение о Сталине как политике или теоретике легко трансформировалось в обвинения в антипартийной деятельности либо в отступлении от марксизма. В 1920-е годы мнение о том, что Сталин не является «человеком настолько выдающимся, чтобы стать звездой первой величины на революционном горизонте России» и что «теория – не его стихия», было достаточно распространенным⁸³. Между тем Сталина «сжигала» потребность в признании именно в этом качестве. Как показал в своей прекрасной психологической биографии Сталина Р. Такер, «оборотной стороной преувеличенного самомнения Сталина была его острая чувствительность ко всему, что он считал неуважением и попыткой бросить на него тень. Люди, отказывавшиеся подтвердить правильность его самооценки, вызывали неприязнь, гнев и желание отомстить, добиться над ними превосходства»⁸⁴. Документы хорошо показывают, что в отношении достаточно значимых фигур «философского фронта» кара за «ревизионизм» следовала вскоре после того, как они по какому-то поводу давали пренебрежительную оценку Сталину или позволили подозревать себя в этом. Предъявление этим людям идеологических обвинений в том или ином «отступлении» от марксизма имело характер оформления репрессии и ни в какой связи не находилось с их реальными теоретическими воззрениями. Послабление в их судьбе следовало вскоре за тем, как они «раскаивались» в содеянном и начинали превозносить Сталина как вождя и теоретика марксизма. Но послабление было всегда временным, и трагический путь человека заканчивался гибелью. Для мстительной натуры Сталина было необходимо, чтобы недавний враг сначала унизил себя самобиче-

ваниями и превознесением «гениального теоретика марксизма», и только после этого он подлежал уничтожению.

Поистине символической стала легендарная фигура Я.Э. Стэна, самого яркого и известного из учеников А.М. Деборина, одного из основателей, члена правления и заведующего секцией современной философии Института философии. Между тем о судьбе Я.Э. Стэна на основе подлинных документов того времени пока еще не было рассказано.

Несмотря на молодость, Я.Э. Стэн очень быстро выдвинулся и как политик, и как философ. В 1925 году он был избран членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б)⁸⁵. В том же году, как принято считать, он был рекомендован Сталину для занятий гегелевской диалектикой. Очевидно, это общение позволило Я.Э. Стэну многое понять. А.Я. Зись писал, что Я.Э. Стэн «в узком кругу отзывался не очень лестно о способностях к философскому мышлению своего ученика»⁸⁶. Трудно судить о характере встреч Стэна со Сталиным и их последствиях для сталинских сочинений. Но общую ситуацию правильно, надо полагать, воссоздал А.И. Колганов: «Пытаясь ознакомить Генсека с историей классической философии, с началами диалектического метода, Стэн был неприятно поражен пренебрежительным отношением Сталина к философской культуре, прямолинейностью и схематизмом сталинской логики, его откровенной неприязнью к диалектическому стилю мышления»⁸⁷. Видимо, имела место органическая несовместимость настоящего ученого и убежденного марксиста-диалектика, каким был Стэн, и малокультурного прагматика Сталина. Как вспоминала А.М. Ларина-Бухарина, Я.Э. Стэн «отличался независимым характером; на Сталина смотрел всегда сверху вниз, с высоты своего интеллекта, за что расплатился ранее многих. В гордом облике этого латыша с выразительным умным лицом, сократовским лбом и кошной светлых волос было что-то величественное»⁸⁸.

Во второй половине 1928 года – первой половине 1929 года Я.Э. Стэн разочаровался в той политике, которая проводилась сталинским руководством, из-за неумения ЦК справиться с экономическими трудностями, свертывания внутрипартийной демократии и исключительного усиления личной власти Сталина. Бывший ученик вызывал у него презрение, и Стэн был слишком искренним и интеллектуально уверенным в себе, чтобы скрывать свои чувства. Он посмел публично поправить Сталина по теоретическому вопросу. Стэн прервал Сталина, делавшего доклад на Пленуме ЦК

и ЦКК ВКП(б) 22 апреля 1929 года, и заявил, что, обвиняя Бухарина с помощью цитаты из Ленина, Сталин искажает смысл цитаты. Теоретическая совесть ученого не позволила Стэну промолчать после самодовольных слов Сталина «Кажется, ясно, в чем тут дело и в какую лужу угодил Бухарин!». Сталина в политической борьбе истина волновала меньше всего, и он отвел замечание Стэна. Но Стэн стал настаивать на верном понимании ленинского высказывания⁸⁹. С этого момента начинается открытое личное и политическое противостояние Стэна сталинской политике. В нем было настолько сильно чувство собственного достоинства, что опасения поставить себя под удар не удерживали его, если речь шла об истине, о той философии, в которую он верил. Он поэтому не мог принять во внимание, что «любое заявление или умолчание, которое казалось Сталину направленным против него (то есть все, что не соответствовало образу гениального Сталина), вызывало его гнев и желание отомстить». «Достаточно было вступить со Сталиным

В кулуарах научной конференции

в спор, касающийся какой-либо теоретической проблемы или определенного этапа в истории партии, и продолжать настаивать на своем после того, как Сталин признал эту точку зрения неправильной, – пишет Р. Такер, – и он сразу же чувствовал, что ставится под сомнение его образ выдающегося марксистского мыслителя, и мстительность его проявлялась в полной мере»⁹⁰.

Я.Э. Стэн делился своими критическими мыслями с другими молодыми партийными работниками, сдружившимися во время работы в комсомоле – В.В. Ломинадзе, Л.А. Шацкиным, Н.П. Чаплиным, Т. Костровым. Результатом переоценки представлений о курсе, которым шла страна, стали статьи Л.А. Шацкина и Я.Э. Стэна, помещенные летом 1929 года в «Комсомольской правде», которую редактировал Т. Костров. Это был как раз момент установления полной гегемонии Сталина в политической жизни страны и начало прославления его как величайшего теоретика марксизма в статьях В.В. Адоратского и других авторов. В статье Стэна фамилия Сталина не упоминалась, но содержание статьи, написанной с присущими Стэну ясностью мысли и литературным блеском, было совершенно недвусмысленным.

Формально статья была посвящена необходимости улучшения теоретического воспитания комсомольцев. Но то, как подошел к этому вопросу Я.Э. Стэн, наглядно демонстрировало расхождение его позиции настоящего марксиста с духом времени. Я.Э. Стэн требовал от комсомольских работников самостоятельного освоения всего того содержания человеческой интеллектуальной культуры, на почве которого сформировался марксизм. Марксистом, писал Я.Э. Стэн, можно стать, «только проникнув в историческую лабораторию возникновения марксизма и самому как бы вкратце пробежать путь, пройденный Марксом»⁹¹. Человеку вообще свойственно мерить других по себе. Я.Э. Стэн говорил истинную правду, но достаточно представить себе образ типичного активиста тех лет, чтобы понять, что слова Стэна могли восприниматься такими людьми лишь как зазнайство и издевательство чего в действительности в этих словах, разумеется, не было и грана. Просто здесь несоизмеримы были уровни таланта, требовательности к себе.

Но Я.Э. Стэн говорил о необходимости серьезных теоретических занятий для тех, кто называет себя марксистами, не из педантизма. Он чувствовал, в каком направлении развивается идеологическая жизнь страны, что людей хотят превратить в марионеток, бездумно повторяющих обязательные формулы, называя их фило-

софией марксизма, что это вынет из этой философии живую душу и в итоге постепенно начисто источит веру в великое дело, и не хотел такой перспективы. Он прекрасно понимал, что «без самостоятельного и глубокого изучения вопросов теории, мы не выработаем ни одного ясного понятия и не заложим прочной основы для наших политических убеждений», что нужно «на собственном опыте прорабатывать серьезно все вопросы и таким путем убеждаться в правильности генеральной линии нашей партии; только такая убежденность, приобретенная на собственном опыте, путем самостоятельного продумывания всех основных вопросов может иметь все и ударную силу в практической деятельности»⁹². Словно прозревая то состояние, в котором окажутся и политическая, и идеологическая работа, Стэн писал: «Без этого условия практическая деятельность превращается в “службу”, в чиновничье отношение к социалистическому строительству», «выродится в деляческое служение минутным интересам»⁹³.

Сталину, победившему политических оппонентов благодаря закулисным интригам, не нужны были убежденные, самостоятельно думающие люди, которые сознательно участвуют в идейной борьбе. «Тот, кто превращает политику в игру в жмурки, способствует тому, чтобы она утратила революционное содержание, – писал Я.Э. Стэн. – Надо все время оттачивать и воспитывать наш коллективный теоретический разум и не допускать, чтобы он покрывался ржавчиной и плесенью. Малейшие признаки его “поглупения” должны вызывать в нас возмущение и толкать к решительному противодействию»⁹⁴. И Я.Э. Стэн указывает на причину «поглупения», которой «надо объявить беспощадную войну»: «подмена теоретического мышления хрестоматиями и “настольными книгами”, в которых одни и те же цитаты с неуловимой быстротой переселяются из одной главы в другую, покорно выполняя указанную им роль»⁹⁵. Иллюстрацией подобного «изучения» марксизма были в те годы работы В.В. Адоратского, составлявшего хрестоматии и цитатники из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Его подход к делу соответствовал требованиям времени, и не удивительно, что именно он возглавил Институт философии после изгнания оттуда А.М. Деборина, Я.Э. Стэна и других «диалектиков».

В момент, когда Сталина начали провозглашать выдающимся мыслителем и революционером, «Лениным сегодня», а его высказывания считать истиной в последней инстанции, не подлежащей сомнению, Я.Э. Стэн «черным по белому» пишет: «После Ленина

у нас не осталось людей, совмещающих в себе в таком диалектическом единстве теоретический и “практический” разум. Этот существенный пробел может заполнить только коллективная теоретическая мысль. Не надо допускать, чтобы теоретическая мысль впадала в состояние неудовлетворенности и подвергалась процессу “ожирения”». И, словно для того, чтобы у внимательного читателя не осталось сомнений, кого он имеет в виду, Стэн продолжает: «Надо выжечь “дух самомнения” у некоторых наших практиков⁹⁶, презрительно третирующих теорию, и в этом самомнении не замечающих, что рост теоретической головы их организма непропорционально отстает от роста конечностей и хватательных органов»⁹⁷. Это был сознательный смелый и публичный протест против всего сталинского курса.

Меры против возмутителей спокойствия последовали незамедлительно. Сталин сразу же по прочтении номера «Комсомольской правды», в самый день его выхода, 29 июля, наметил программу репрессий в отношении Стэна и его единомышленников. Г.В. Жирков цитирует в книге по истории цензуры, написанные И.В. Сталиным 29 июля 1929 г. письмо в редакцию «Комсомольской правды» и заметки для заседания Политбюро ЦК ВКП(б)⁹⁸. В письме Сталин дал выход своему гневу. Возражая против публикации статьи Стэна, он утверждает, что ее помещение «либо глупость редакции “Комсомольской правды”, либо прямой вызов Центральному комитету партии». Он подвергает содержание статьи Я.Э. Стэна резкой критике: «Называть подчинение комсомольцев (а значит, и членов партии) генеральной линии партии “службизмом”, как это делает Стэн, – значит призывать к пересмотру генеральной линии партии, к расшатке железной дисциплины партии, к превращению партии в дискуссионный клуб». Г.В. Жирков замечает, что, по степени экспрессивности, «такого отзыва, где бы так были сконцентрированы основные грехи, с которыми боролся и будет бороться Сталин, трудно еще найти», и справедливо предполагает, что, «возможно, это было связано с личными мотивами, так как Сталин слушал лекции Я.Э. Стэна, читавшего курс специально для него». Сталин априори квалифицирует статьи Шацкина и Стэна как выступление новой оппозиционной группы в партии: «Так именно начинала у нас свое антипартийное дело всякая оппозиционная группа. С этого начал свою “работу” Троцкий. От этой же печки танцевал Зиновьев. Этот же путь избрал себе Бухарин. На этот путь становится и группа Шацкина – Авербаха – Стэна – Ломинадзе, требуя (по сути дела)

свободы пересмотра генеральной линии партии, свободы ослабления партдисциплины, свободы превращения партии в дискуссионный клуб». Ярлык на инакомыслящих наклеен: кто критикует Сталина, хотя бы и не называя имен, тот оппозиционер, а кто оппозиционер – то контрреволюционер и враг партии и народа. Сталин считает, что изобретенная им «группа» стремится превратить «Комсомольскую правду» – «если уже не превратила» – в свой боевой орган, а «Молодую гвардию» в свой теоретический журнал; «пора положить конец этому безобразию. Пора призвать к порядку и обуздать эту группу». Далее следует перечень организационных мер: «1) Немедля пересмотреть состав редакции «Комсомольской правды» и «Молодой гвардии», поставив во главе их партийно-выдержанных товарищей, 2) Раскритиковать идеологические шатания группы Шацкина – Стэна – Авербаха – Ломинадзе, ... 4) Показать, что слепковцы и шацкинцы – два сапога – пара». В последнем пункте речь идет о А.Н. Слепкове и других учениках Н.И. Бухарина, представителях «правой» оппозиции. Сталин фактически намечает последующую линию репрессий против «охвостья» своих противников, объединяя в один блок и «левых» и «правых».

Политбюро ЦК ВКП(б) предложило Бюро ЦК ВЛКСМ обсудить меры по укреплению редакции «Комсомольской правды». Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление, осуждавшее статьи Шацкина и Стэна. С их осуждением выступили «Правда» и «Комсомольская правда». 8 августа 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило резолюцию ЦК ВЛКСМ о «Комсомольской правде» и рекомендовало редакциям «Правды» и «Большевика» выступить с анализом ошибок Шацкина и Стэна. 15 августа 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило новую редакционную коллегию «Комсомольской правды».

4 октября 1929 года вопрос о статье Я.Э. Стэна рассматривало бюро парторганизации Института красной профессуры под руководством Л.З. Мехлиса, известного помощника Сталина. Слова из статьи Стэна о «разрыве между теоретическим и “практическим” разумом» были квалифицированы как «выражение сомнения и недоверия к партийному руководству» и «искажение действительного состояния теоретической работы партии». Неприемлемым был признан призыв Стэна к комсомольцам заниматься теоретической работой, так как «комсомольцы могут овладевать марксистско-ленинской теорией лишь под руководством партии». Требование самостоятельно проработать и на собственном опыте убеждать-

ся в правильности линии партии было осуждено как «пропаганда недоверия к генеральной линии партии», а предостережение об опасности превращения партийной работы в чиновничью службу – «повторением троцкистской клеветы на руководящие кадры». Проработчиков особенно интересовали контакты Стэна с молодыми слушателями ИКП, с которыми он делился или мог делиться своими взглядами. Статья Стэна была признана «политической ошибкой». Стэн «не признал в своем выступлении своих ошибок и взял под защиту выступления Ломинадзе и Шацкина, осужденные ЦК ВКП(б)». 28 октября 1929 года Стэн был вызван к Сталину⁹⁹. Только под мощным давлением он был вынужден выступить 12 ноября 1929 г. в «Правде» и дезавуировать свою статью.

Контакты Я.Э. Стэна с В.В. Ломинадзе, Л.А. Шацкиным и их единомышленниками стали теперь затруднительны. Нельзя точно сказать, с какого момента они прекратились. Я.Э. Стэн утверждал впоследствии, что это произошло до того, как В.В. Ломинадзе, Л.А. Шацкин и другие объединились с кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), Председателем Совнаркома РСФСР С.И. Сырцовым во фракционную группу. Группа эта, после ее раскрытия, была названа «право-левацким блоком», поскольку С.И. Сырцов придерживался бухаринских, то есть «правых» взглядов, а недавние комсомольские работники – левых, близких к троцкистским. В то, что Стэн не участвовал в этой тайной оппозиционной деятельности, можно верить, поскольку есть свидетельства, что он разошелся с участниками «блока» по совершенно другим причинам. Из письма литературного критика Л.Л. Авербаха – одного из привлеченных к партийной ответственности участников блока – на имя председателя Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе от 26 октября 1930 года видно, что Ломинадзе, Шацкин и другие вели резкие споры со Стэном, которые привели к прекращению организованных встреч. «В частности, со Стэном шли столкновения из-за отношения к т. Сталину – тут, например, тов. Ломинадзе всегда спорил резко со Стэном, протестуя против выпадов по адресу тов. Сталина, которого Ломинадзе оценивал чрезвычайно высоко». Был Я.Э. Стэн и против блока с правыми оппозиционерами в партии, а его друзья были готовы на это пойти. Единства позиций, таким образом, не было. Друзья Стэна, видимо, на что-то надеялись, хотели повлиять на политику Сталина; Стэн же в действиях политического характера разочаровался, имея весьма пренебрежительное мнение о Сталине.

Во второй половине октября 1930 года «группа Сырцова – Ломинадзе» была раскрыта. В печати началась травля ее участников, в числе которых назывался Стэн. Я.Э. Стэну припомнили его прежние выступления. В редакционной статье «Правды» от 11 ноября 1930 года говорилось: «Высокомерно и пренебрежительно к партийным кадрам относится Стэн, декларирующий вслед за Троцким, что ценность имеет лишь тот партиец, который “берет революционные формулы с боем”», «декларирующий, что подлинный коммунист – это тот, кто способен... сомневаться в генеральной линии партии»¹⁰⁰. Отточие, видимо, было призвано передать всю «чуждость» мысли Я.Э. Стэна о необходимости самостоятельных размышлений.

Бюро партийной ячейки Института Маркса и Энгельса, где Я.Э. Стэн и А.М. Деборин работали (по совместительству с Институтом философии) заместителями директора, потребовало 6 ноября 1930 года от Я.Э. Стэна выступить на партсобраниях и в печати с осуждением «право-левацкого блока». Я.Э. Стэн этого требования не выполнил. После этого «Правда» поместила разоблачительную статью о Я.Э. Стэне членов бюро партийной ячейки Института Маркса и Энгельса.

Теперь судьба Я.Э. Стэна зависела от того, «пойдет» ли он при разборе дела о фракционной группе, как говорится, «свидетелем или соучастником». Я.Э. Стэн искренне полагал, что если он во фракционной работе «группы» не участвовал, то его нельзя в этом и обвинять. 26 ноября 1930 года он подал секретарю Партколлегии ЦКК ВКП(б) Е.М. Ярославскому заявление с требованием разобрать его дело и снять с него необоснованные публичные обвинения¹⁰¹.

Но в ЦКК ВКП(б) поступило заявление не только от Я.Э. Стэна. Давление на Я.Э. Стэна велось по всем направлениям. Культурно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) 21 ноября 1930 года вынес постановление перевести Я.Э. Стэна работать из Москвы на Урал. Я.Э. Стэн отказался, представив медицинские документы о заболеваниях своих и жены. Культпропотдел ЦК 23 декабря 1930 года обратился в ЦКК ВКП(б) с требованием привлечь Я.Э. Стэна к партийной ответственности за неподчинение.

Я.Э. Стэна прорабатывали на заседаниях бюро партийной ячейки Института Маркса и Энгельса. На заседание 22 ноября 1930 года Я.Э. Стэн не явился, ссылаясь на болезнь. Я.Э. Стэна заочно обвинили в том, что он не кается в печати и что он «не явился на послед-

нее партсобрание, на котором обсуждались ошибки философского руководства, к которому принадлежал Стэн». Я.Э. Стэну пригрозили исключением из партии. На заседание 8 декабря 1930 года Я.Э. Стэн пришел. Он категорически отверг обвинения в участии во фракционной деятельности: «Для меня блок Ломинадзе и Шацкина с Сырцовым, правыми, абсолютная неожиданность». Отказ осудить в печати «право-левацкий блок» Я.Э. Стэн мотивировал тем, что не мог выступить со статьей в «Правде», которая уже назвала его «двурушником». Вопрос о его партийной чести должен быть сначала решен по существу в ЦКК ВКП(б). Когда Я.Э. Стэна спросили: «Кто виноват, твоя “тактика молчания” или “Правда” в создавшемся вокруг твоего имени партийном мнении?», Стэн ответил: «“Правда”». Вопрос о Стэне бюро ячейки опять разбирали 10 декабря 1930 года. От Стэна требовали признаний, утверждали, что он «недоговаривает», не подтвердил искренность своих слов публичным раскаянием и имел связи со слушателями Института красной профессуры, недовольными руководством. Я.Э. Стэн вновь отверг все эти обвинения. Он добавил, что чувствовал недоверие, нетоварищеское отношение к себе, и в такой психологической атмосфере вообще избегал политических разговоров. 15 декабря 1930 года бюро партийной ячейки ИМЭ вынесло решение, официально осуждавшее Я.Э. Стэна, и передало материал в ЦКК ВКП(б).

Наступил момент, когда все зависело от решения партийных контрольных органов – Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и ее Партийной коллегии, рассматривавшей персональные дела коммунистов. И тут партконтролеру ЦКК ВКП(б) К.П. Сомсу, занимавшемуся делом Стэна, поступила следующая записочка:

«Тов. Сомсу. Сообщаю о своем разговоре, который был у меня в августе или в сентябре, после летних отпусков с т. Резником¹⁰², до раскрытия двурушнического блока. На мой вопрос о том, где он провел свой отпуск, Резник сообщил следующее: “Отпуск я провел в Гаграх вместе со Стэном и Ломинадзе, вместе путешествовали по горам, уходили на несколько дней” и т.д. и т.п. Кстати, этот разговор мне вспомнился, когда я читал второе “покаянное” заявление Ломинадзе, в котором он сообщает, что почти совершенно не встречался в течение 1930 года с Резником. 29 XII 1930 г. Митин»¹⁰³.

Напомним, что конец 1930 года – время острейшей борьбы за контроль над советской философией вообще и Институтом философии в частности, борьбы на уничтожение деборинской группы. В октябре 1930 года на заседании Президиума Коммунистической

академии деборинское философское руководство было подвергнуто разгромной критике со стороны М.Б. Митина и его приверженцев. Одним из тех немногих, кто на этом заседании отстаивал подлинные интересы развития философской науки в стране, предостерегал от забвения специфики философии, от ее вульгаризации и политизации, был Я.Э. Стэн – тогда еще член дирекции Института философии. «Обсуждение теоретических вопросов сводят к политическому шельмованию, – говорил он. – Как раз те, кто больше всего кричит о партийности философии, искажают ленинское понимание партийности философии. Вульгарно-практическое сознание некоторых товарищей хочет казаться весьма революционным, когда оно заявляет, что существуют только политика и политические проблемы»¹⁰⁴. Он показал, что так называемая «большевизация на философском фронте» есть тот же самый, хорошо известный антифилософский нигилизм начала 1920-х годов, борьба с которым была одной из важнейших задач деборинской школы. С присущим ему афористическим блеском Я.Э. Стэн заявил: «Можно говорить о политике в области философии, но нельзя рассматривать философию как частную форму политики»¹⁰⁵. Он протестовал против недопустимых приемов полемики, против предъявления политических обвинений: «Совершенно недопустимым является такое положение вещей, что, когда мы обсуждаем философские вопросы, нас ставят в неравное положение и заявляют, что вы невыдержанные большевики, а мы выдержанные большевики и поэтому давайте нам в споре все привилегии»¹⁰⁶. Отвергая выдвинутые против деборинцев лживые обвинения, Я.Э. Стэн показал их неминуемую логику, предсказав тем самым свою судьбу и судьбу своих товарищей: «Если вы в самом деле уверены в тех обвинениях, которые вы нам предъявляете, – что мы оторвались от партии, что мы есть троцкизм, – то надо нас без всякого промедления казнить»¹⁰⁷.

После выступления Я.Э. Стэна на него набросились митингцы и дирижировавший ими по заданию Сталина секретарь Партколлекции ЦКК ВКП(б) Е.М. Ярославский. Их речи, отражавшие штампованное мышление, разительно отличались от выступления Стэна низким теоретическим уровнем, убогим языком и желанием выслужиться перед вождем. «Встреченный аплодисментами» Е.М. Ярославский под смех аудитории ерничал, что в журнале «Под знаменем марксизма» «т. Деборин играет роль зам-Энгельса, а т. Стэн – зам-Маркса». Он сказал, что их основная ошибка, правильно подмеченная «молодыми товарищами» из ИКП, заключается в том, что де-

боринцы до сих пор не перешли к выполнению указаний Сталина. Когда читаешь выступления его «молодых товарищей» – митинцев, невольно вспоминается Шариков, восклицавший по поводу использования гегелевско-марксовской терминологии: «Нет чтобы по-простому!» М.Д. Каммари, например, начал свою речь с недовольства тем, что «тов. Стэн, как известно, обыкновенно выступает в “планетарном масштабе”, выражается очень громкими, напыщенными фразами вместо общепринятых марксистско-ленинских понятий». Однако примитивность мышления не мешала, а, напротив, помогала работе политического и житейского нюха «молодых товарищей». М.Д. Каммари точно указал на ту главную ошибку, «всю теоретическую и политическую глубину которой» Стэн «до сих пор не осознал». «Ведь т. Стэн был причастен к “левым” ошибкам, утверждая, что партия недооценивает роли теории, что у партии растет хватательный орган за счет головы и т.д. Если бы мы были “Иванами непомнящими”, которые не умеют связать некоторых фактов, то ясно, что мы были бы очень плохими коммунистами. Разве тт. Стэн, Карев, Деборин не повторяют здесь, по существу, эти старые обвинения»¹⁰⁸. «Некоторые факты», больно ударившие недавно по самолюбию Сталина, его клеветы помнили очень хорошо и учитывали в своей борьбе, направленной на уничтожение настоящих философов.

М.Б. Митин и его соратники планомерно теснили деборинцев и захватывали власть в тех организационных структурах, где прежде безраздельно царили деборинцы. Для исхода этой борьбы принципиально важным было, кем сочтут Стэна официальные органы: осознавшим свои ошибки инакомыслящим либо же нераскаявшимся фракционером. Но, чтобы произошло последнее, нужны были доказательства контактов Стэна с оппозиционерами уже после образования «право-левацкого блока». Удар декабрьской записочкой М.Б. Митина был нанесен исключительно вовремя, точно в нужном месте, и был таким, что, получив его, уже нельзя было подняться. Самый яркий лидер деборинцев мгновенно превращался из марксиста во врага партии. Причем М.Б. Митин вроде бы никого ни в чем не обвиняет, ничего не утверждает, пишет неофициальную записочку как бы между прочим про «и т.д. и т.п.». Что же касается содержания письма, то сам Стэн категорически отрицал, что встречи летом 1930 года на Кавказе носили фракционный и вообще политический характер, что он участвовал там в каких-либо совещаниях оппозиционеров.

28 января 1931 года дело Я.Э. Стэна рассматривалось на заседании Партколлегии ЦКК ВКП(б). Были вновь перечислены все возведенные на Я.Э. Стэна обвинения, к которым прибавилось и такое: «Наконец, т. Стэн в вопросах философской дискуссии занимал самую крайнюю линию защиты старого философского руководства, являясь одним из видных членов последнего. Вообще т. Стэн – философ, но и в философии он сердобольничал по отношению к троцкизму, и притом совсем не случайно. В партийной линии он целиком отражает свою философскую позицию». Словам Стэна не поверили, обвинив в том, что он нигде публично не выступал с обличениями оппозиционеров. Критика «Правды» была признана правильной, поскольку она «раскрывает одну из тех “левацких” фигур, которая пользовалась значительным влиянием на идеологические кадры на философском фронте». В довершение удара по Стэну были зачитаны срочно собранные показания, в которых ставился под сомнение партийный стаж Стэна с 1914 года.

8 февраля 1931 года Центральная контрольная комиссия ВКП(б) признала Я.Э. Стэна виновным в том, что он не выступил в печати с осуждением своих бывших единомышленников. 2 июля 1932 года Партколлегия ЦКК ВКП(б) приняла решение вести отсчет партийного стажа Я.Э. Стэна не с 1914 года, а с 1917 года.

Я.Э. Стэна лишили возможности работать по специальности. Он был уволен из Института философии Комакадемии, Института Маркса и Энгельса, Института красной профессуры философии и естествознания. В 1931–1932 годах он заведовал сектором в Институте энергетики.

В этих условиях, оказавшись под прессом публичного осуждения, Я.Э. Стэн неизбежно сближался с такими же политическими «прокаженными», как он сам. Сходное положение, в котором оказалось эти люди, интенсифицировало общение между ними, но не сняло политических разногласий. Последнее обстоятельство следует учитывать, в противном случае можно сделать ошибочные выводы. Так, А.И. Колганов утверждает, что Я.Э. Стэн «внес свои дополнения» в документы антисталинской платформы группы М.Н. Рютина¹⁰⁹. Однако, в данном случае, как это ни парадоксально, это утверждение, несмотря на его благие цели, оказывается воспроизведением того обвинения, которое предъявлялось Я.Э. Стэну в ОГПУ. Следствие, с целью подвести его под обвинительный приговор, утверждало, будто он «непосредственно влиял на содержа-

ние самих документов своими замечаниями». Как бы мы сейчас ни оценивали высоко смелость политических документов «Союза марксистов-ленинцев», Я.Э. Стэн не мог принимать участия в их редактировании, поскольку не разделял «правых», бухаринских воззрений, лежавших в их основе. Весной 1932 года М.Н. Рютин во время разговора с Я.Э. Стэном сообщил, что готовит некий теоретический документ, и изложил ряд его положений. В августе 1932 года Я.Э. Стэн получил для ознакомления документы «Союза марксистов-ленинцев» и обсуждал их с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым. Но не более того. Об этой политической платформе в беседе с А.Н. Слепковым и другими молодыми «бухаринцами» Я.Э. Стэн высказался резко отрицательно.

В сентябре 1932 года «Союз марксистов-ленинцев» был раскрыт. Начались аресты. 26 сентября 1932 года Я.Э. Стэна вызвали в ЦКК ВКП(б). Секретарь Партколлегии ЦКК Е.М. Ярославский допытывался о содержании документов «Союза». Я.Э. Стэн отговаривался забывчивостью и был сразу же арестован ОГПУ, где его вынудили дать более подробные показания. 9 октября 1932 года постановлением Президиума ЦКК ВКП(б) Я.Э. Стэн был на основании сообщения начальника секретно-политического отдела ОГПУ исключен из партии с правом через год, «в зависимости от поведения», возбудить ходатайство о восстановлении в партии. 11 октября 1932 года постановлением внесудебного органа – Коллегии ОГПУ – Я.Э. Стэн был приговорен к ссылке на два года и выслан в Акмолинск¹¹⁰.

За свою недолгую жизнь Я.Э. Стэн сидел в царской тюрьме, был приговорен к смерти военно-полевым судом белых, находился в заключении в тюрьме ОГПУ. Но самым страшным оказалась жизнь ссыльного в провинциальном городишке и столкновение с реалиями отечественной действительности. Я.Э. Стэну, привыкшему к широким масштабам деятельности, была невыносима ограниченная обывательская среда, для которой он был лишь бесправным отщепенцем. Я.Э. Стэн настойчиво пытался получить пропагандистскую или педагогическую работу. Местные партийные начальники, увидев, что просьбы Я.Э. Стэна на эту тему оставались без ответа, стали относиться к нему холодно. Наконец, ему была предоставлена должность экономиста в свиноводческом тресте. Здесь он столкнулся с типичной преступной бесхозяйственностью и откровенным воровством. Его предложения организовать меры по снижению падежа скота были восприняты с раздражен-

ным недоумением. Попастъ с жалобой в кабинет директора треста оказалось для бывшего члена ЦКК задачей трудноразрешимой. Я.Э. Стэн передал в местную рабоче-крестьянскую инспекцию объективную информацию о положении дел в тресте для наркомата совхозов. Борьба Я.Э. Стэна за правду закончилась тем, что его выгнали из треста «по сокращению штатов». Много месяцев он бродил без работы и оказался на грани голода, испытывая при этом и физически нестерпимые моральные муки. Он чувствовал, что погибает.

8 мая 1933 года Я.Э. Стэн написал отчаянное письмо в ЦКК ВКП(б) о своем невыносимом положении, осуждая прежние свои «ошибки», прося вызвать в Москву для пересмотра дела и восстановить его в партии по истечении отведенного в решении ЦКК годовичного срока. Не получив ответа, находясь в лихорадочно возбужденном состоянии, Я.Э. Стэн, восстанавливает по памяти посланное письмо и отправляет его вновь. В этом новом письме он, видимо вполне поняв истинную причину своих злоключений, наконец написал о «ленинской теоретической проницательности, стратегическом искусстве и железной большевистской воле т. Сталина». Е.М. Ярославский, ознакомив с письмом Я.Э. Рудзутака и М.Ф. Шкирятова, переправил копию письма И.В. Сталину. Но сказанного Стэном оказывалось еще недостаточно, и Москва молчала. 11 августа 1933 года Я.Э. Стэн пишет еще одно письмо в ЦК и ЦКК ВКП(б), в котором утверждает, что «с отвращением отвращается от контрреволюционной болтовни о “казарменном” режиме в партии, о бонапартистском диктаторстве Сталина» и что «отрыв моей теоретической работы от актуальных задач социалистического строительства и породил те ошибки меньшевистствующего идеализма, которые вполне справедливо разоблачил т. Сталин». Но даже за этими словами, которые Стэн произносит, что называется, «под дулом пистолета» в надежде спастись, проступает его истинное отношение. Он пишет, что, несмотря на заявления оппозиции, исторический опыт показал, что «верным учеником Ленина оказался тов. Сталин». Фрейдистская оговорка «оказался» как бы выдает его настоящие мысли – получается: не был, а оказался, а если и был, то раньше это было не заметно. Никогда бы так не написал циник и карьерист, но стать таковым Стэну было не дано, это противоречило самой его природе настоящего ученого и идейного человека. Тем не менее в такие тонкости никто вдаваться не стал. Важно было выжать из поверженного врага покаяние. Все места

в письме Стэна, где говорилось о Сталине, были подчеркнуты красным карандашом, что делалось, когда отбирали ключевые моменты для осуждения либо оправдания. Именно характер высказываний о Сталине, а не признание осужденным идеологических и политических ошибок интересовал следователей из ЦКК.

На сей раз сделанное «покаяние» было наконец-то признано достаточным. Я.Э. Стэна вызвали в Москву, где он ожидал решения своей участи. 21 января 1934 года Я.Э. Рудзутак, Е.М. Ярославский и М.Ф. Шкирятов доложили И.В. Сталину о признании Я.Э. Стэном своих «преступлений» и выразили мнение, что его можно восстановить в партии. Их письмо вернулось с пометкой «Т. Сталин не возражает». Я.Э. Стэн вернулся работать на Волхонку, 14, только не в Институт философии, а в располагавшееся там же издательство «Советская энциклопедия», в котором стал заведовать контрольной редакцией, а затем был научным сотрудником. Одновременно он преподавал историю новой философии в МИФЛИ. В эти недолгие годы помимо статей для энциклопедии Я.Э. Стэн закончил ранее начатые рукописи «“Фауст” Гете и “Феноменология духа” Гегеля», «“Феноменология духа” Гегеля в свете материалистического понимания истории»¹¹¹, «Диалектика “Капитала” К. Маркса». Рукописи Я.Э. Стэна были изъяты затем при последнем его аресте и погибли. В Центральном архиве ФСБ РФ их обнаружить не удалось. Достаточно прочитать их названия, чтобы увидеть, как глубоко Я.Э. Стэн понимал ключевые задачи изучения истории человеческого мышления и какую непоправимую утрату понесла с гибелью этих рукописей философия.

В редакции Большой советской энциклопедии был разыгран последний акт жизненной трагедии Я.Э. Стэна. 9 апреля 1935 года в ходе партсобрании коммунистов БСЭ и ГИЗа докладчику был задан вопрос, почему партия так долго терпела в своих рядах оппозиционеров. Докладчик благоразумно промолчал и сошел с трибуны. В зале повисла пауза. И тут слово для разъяснения вопроса взял Я.Э. Стэн. Почему он так поступил? Его столько раз в жизни травили за молчание при обсуждении и осуждении оппозиционеров на партсобраниях, что он мог всерьез опасаться очередного витка преследований. Но ход последующих событий подсказывает печальный вывод: для Стэна к трагическому концу по-своему вели оба пути, и молчание, и выступление. Потому, что он не мог быть политическим лицемером и заниматься идеологической казустикой и интригами. Он обладал умом ученого, который исходит

из фактов и каждый раз увлекается построением теоретического обобщения, чтоб проникнуть в сущность происходящего.

И Я.Э. Стэн совершил подряд два «страшных преступления». Он стал отвечать на поставленный вопрос с наивностью истинного ученого, то есть, исходя из действительных исторических фактов, пытаясь теоретически объяснить их. Он не стал отрицать тех очевидных фактов, что оппозиционеры, признанные теперь «шпионами, предателями и убийцами», сами были недавно вождями партии, а произошедшие изменения попытался объяснить, выстроив собственную теоретическую схему политической эволюции страны: пока было сильное давление извне, шла вооруженная интервенция, внутривнутрипартийные разногласия не принимали острой формы; позже на первый план выдвинулись внутривнутриполитические и народнохозяйственные задачи, и конфликты по поводу путей развития страны привели к расколу.

Политикан с чутьем, подобный М.Б. Митину, никогда не поступил бы так. Чтобы остаться в подобной ситуации идеологически правоверным, нужно было сознательно пойти на ложные и абсурдные утверждения. Нужно было, игнорируя факты, заявить, что партия во все периоды истории одинаково решительно боролась с «оппозиционерами», то есть с теми, кого за таковых признали только теперь, а сам вопрос объявить провокацией и попыткой подорвать престиж партии. Как правильно отмечал В.З. Роговин, до открытых «Московских процессов» 1936–1938 годов «главным средством искоренения “троцкизма” были партийные чистки, на которых “троцкистами” называли не только недовольных положением в стране рабочих, но и всех ученых и публицистов, добросовестно приводивших исторические факты и цитаты, противоречащие официальной лжи. В результате духовная атмосфера страны насквозь пропиталась отравой обмана, фальши и прямых идеологических и исторических подлогов»¹¹². Я.Э. Стэн так и не смог перенять эту иррациональность мышления идеологизированного и насквозь лицемерного общества.

Обрадованные тем, что Я.Э. Стэн «подставил» себя, члены парткома БСЭ и ГИЗа организовали 15 апреля 1935 года партсобрание для его осуждения. Показательно, что никто из них не позаботился найти истинного виновника происшествия и выяснить, кто же задал пресловутый вопрос. Волновало одно – как заклеить Я.Э. Стэна и избавиться от него. Ему не дали возможность ознакомиться со стенограммой партсобрания, чтобы подготовиться к защите. Сам

Я.Э. Стэн не доверял составленной стенограмме, считая, что в ней могут быть неточности. В начале обсуждения его персонального дела он утверждал, что мог допустить отдельные неправильные формулировки, но никак не собирался «протаскивать контрреволюционную троцкистскую контрабанду». Он стремился лишь пояснить качественный «скачек в диалектическом процессе исторического развития» страны и партии. На Я.Э. Стэна набросились все, включая и докладчика предыдущего партсобрания, персонально ответственного за сложившуюся ситуацию, при которой «отпор на политическую провокацию» не был дан. Происходил классический идеологических шабаш по модели «Я романа не читал, но решительно осуждаю его автора»: «Я не слышал выступления т. Стэна, но стенограмма меня удивила. В устах коммуниста, имевшего в прошлом ошибки, необходима особая точность формулировок...»; «Я не был на собрании 9 апреля, но сегодняшнее выступление т. Стэна совершенно неудовлетворительно...» и пр. Особенно раздражала коллег предпринятая Я.Э. Стэном попытка без хлестких политических формул теоретически осмыслить политические изменения в стране. Разумное объяснение воспринималось как «оправдание» оппозиции: «В своем выступлении т. Стэн пытался подводить философскую базу, чем еще больше запутал вопрос»; «Получается, что партия была в блоке с троцкизмом и не видела его контрреволюционной сущности...» и пр. Сказывалась несовместимость философа и ограниченно и политизированно мыслящих людей.

Я.Э. Стэн в ходе собрания наконец-то понял, в чем его обвиняют: «Я считаю, что моя основная ошибка в том, что я не понял политического смысла поставленного вопроса. Я почувствовал, что на этот вопрос надо ответить серьезно, так как на него никто не ответил. Я слишком занялся теоретическим комбинаторством вместо того, чтобы дать четкий политический ответ». Партийная дама из руководства ГИЗа, ведшая собрание, обвинила членов парткома в том, что те «запоздали с постановкой этого вопроса», хотя времени с предыдущего собрания прошло меньше недели. Партком допустил «антипартийное, небольшевистское выступление», «не раскритиковал, не раскрыл троцкистское утверждение» и пр. Я.Э. Стэну за «политическую ошибку троцкистского характера» был объявлен строгий выговор с предупреждением.

22 апреля 1935 года Сокольнический райком ВКП(б) г. Москвы решение парткома БСЭ и ГИЗа отменил. На Я.Э. Стэна были «навешаны» дополнительные надуманные обвинения, на основании

которых был сделан вывод, что Я.Э. Стэн «допустил определенные рецидивы троцкизма и не изжил еще полностью своего троцкистского прошлого». «За антипартийную, троцкистскую клевету» райком исключил Я.Э. Стэна из партии.

25 апреля 1935 года Я.Э. Стэн написал заявление в Партийную коллегию КПК по Московской области. Он утверждал, что некоторые «моменты в записи моей речи или пропущены или до неузнаваемости искажены. Запись мною не исправлялась, я ее получил после долгих хлопот только 22 апреля». По поводу ряда возведенных на него необоснованных обвинений Я.Э. Стэн заметил: «Я воздерживаюсь от характеристики такого рода аргументации». Понимая, что без этого не обойтись, он написал о признании своих ошибок и о «непреходящих исторических заслугах» и «величии стратегического гения» Сталина. Касаясь под конец письма своего оппозиционного прошлого, Я.Э. Стэн написал: «Я не в состоянии бывшее сделать небывшим».

25 мая 1935 года персональное дело Я.Э. Стэна рассматривала Партколлегия КПК по Московской области. Партколлегия подтвердила обвинение Я.Э. Стэна в том, что он «не вскрыл заключающийся в этом вопросе антипартийный смысл, не разоблачил содержащуюся в нем контрреволюционную клевету». Партколлегия поучала: «Важнейшей задачей Стэна было вскрыть и разоблачить неправильность самой постановки вопроса. Далее следовало заметить неправильную постановку вопроса правильной и уже потом перейти к его рассмотрению по существу». «Все выступление Стэна носило чрезвычайно абстрактный, отвлеченный характер. Ни словом не обмолвился он о том, как партия боролась с его собственными ошибками». «В результате выступление Стэна превратилось вместо опровержения в фактическую защиту контрреволюционной и злостной клеветы». Все же Партколлегия КПК по Московской области вернулась к прежней мере наказания – строгому выговору. У Я.Э. Стэна оставался еще год жизни на свободе.

Завгуста 1936 года Я.Э. Стэн был арестован. 10 августа 1936 года Железнодорожный райком ВКП(б) г. Москвы исключил Я.Э. Стэна из партии «как неразоружившегося троцкиста». Составляя 19 сентября 1936 года справку по обвинению Я.Э. Стэна, майор госбезопасности написал, что якобы Я.Э. Стэн как один из руководителей «левацкой» группы вошел в подпольный «центр объединенного троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», что он был «одним из инициаторов создания блока на основе признания

террора единственным методом борьбы с ВКП(б)». Это означало расстрельную статью. 22 сентября 1936 года Партколлегия Комиссии партийного контроля ВКП(б) заочно исключила Я.Э. Стэна из партии «как контрреволюционера». 27 февраля 1937 года фамилия Я.Э. Стэна была включена в составленный в НКВД расстрельный список, утвержденный Сталиным и членами Политбюро ЦК ВКП(б). Почему-то решение о смертном приговоре в отношении Я.Э. Стэна не было вовремя исполнено, и его фамилия попала в новый список, утвержденный 14 июня 1937 года¹¹³.

19 июня 1937 года Я.Э. Стэн был приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в том, что он «под руководством объединенного центра вел работу по созданию боевой террористической группы, подготавливавшей совершение террористических актов над руководителями ВКП(б) и членами Советского правительства». В суде Я.Э. Стэн утверждал, что «знал о террористической тактике троцкистов» и до 1932 года возглавлял террористическую группу, но после ареста и осуждения в 1932 году отошел от антисоветской деятельности. Подобный самооговор можно объяснить только одним: циничной игрой следователей с подследственным. Очевидно, Я.Э. Стэн вынужден был пойти на признательные показания, рассчитывая на известное правило юриспруденции: не может быть два наказания за одно преступление. Но подобные правила для следователей НКВД имели значение лишь как средство психологического давления. Им нужно было выжать признательные показания. Заодно обвинение 1932 года было искажено в нужном следствию духе: в 1932 году никакой речи о терроре не шло. 20 июня 1937 года Я.Э. Стэн был расстрелян.

Посмертная реабилитация Я.Э. Стэна, начавшись в 1956 году по инициативе его вдовы В.Л. Стэн, затянулась на более чем тридцать лет, но это уже другая история. Из тех, кто был виновен в его гибели, возмездие, хотя бы в слабой форме, настигло М.Б. Митина, лишившегося в 1967 году поста главного редактора журнала «Вопросы философии» из-за совершенного им и вскрывшегося плагиата написанной Я.Э. Стэном статьи «Философия» для 57-го тома первого издания БСЭ¹¹⁴. Ситуация с персональным делом М.Б. Митина подробно освещена в литературе¹¹⁵. Действительно, даже без собранных в 1967 году фактических доказательств, достаточно взглянуть на эту статью, раскинувшуюся на более чем 50 страниц убогистого шрифта, чтобы понять, что М.Б. Митин никоим образом не обладал необходимыми для ее написания знания-

ми и философской культурой. Присвоив статью, М.Б. Митин добавил лишь пару абзацев, в которых «клеимился» ее истинный автор. Нелишним будет процитировать их для характеристики и времени, и нравственного облика действовавших в нем лиц: «Беспощадным резцом марксистского анализа Сталин вскрыл в 1930 году буржуазно-меньшевистскую природу попыток ревизии марксистской философии со стороны деборинской группы. Он определил эту ревизию марксистской философии как меньшевистствующий идеализм. Время, протекшее после 1930 года, показало, насколько прозорливо и глубоко была разоблачена Сталиным природа этой ревизии марксистской философии. В лице своих руководителей и “идеологов” (Карева, Стэна) и подавляющего большинства своих приверженцев меньшевистствующий идеализм оказался прямой агентурой троцкизма и зиновьевщины на философском фронте, идеологическим прикрытием антипартийной и антисоветской террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды»¹¹⁶. В этих словах заключено не только оправдание свершившихся репрессий, но и санкционирована широкая программа по физическому уничтожению советских философов, по дискредитации и изъятию из оборота их произведений и идей.

Не убоявшийся партийных инквизиторов

Среди философов 1920–1930 годов обращает на себя внимание мужественная фигура В.И. Невского, который до А.М. Деборина был директором Института научной философии РАНИОН, а затем – действительным членом Института философии Комкадемии.

В справочных изданиях В.И. Невский квалифицируется как историк, но сам он считал себя прежде всего философом. О признании его в этом качестве в те годы говорит тот факт, что первое послереволюционное прижизненное издание «Материализма и эмпириокритицизма» В.И. Ленина вышло в 1920 году, а в 1923, 1925 и 1928 годах переиздавалось с послесловием В.И. Невского. Это было санкционировано самим В.И. Лениным. Философские публикации В.И. Невского были посвящены в основном мировоззренческим проблемам философии естествознания¹¹⁷. Он был нетерпим в отношении любых проявлений философского идеализма, но, как пишет П.В. Алексеев, «его критика ряда крупных естествоиспытателя

телей того времени, занимавших немарксистские позиции, была в основном дружественной, нацеленной на привлечение их к совместной работе с философами-марксистами»¹¹⁸.

У В.И. Невского была богатая революционная биография: организация революционного кружка на естественном факультете Московского университета и первый арест в 1899 году, знакомство в 1904 году с В.И. Лениным, 11 арестов, несколько лет заключения в тюрьмах и военный суд, несколько ссылок, из которых бежал, участие в I конференции и IV съезде РСДРП, избрание в члены Русского бюро ЦК в 1912 году и кандидатом в члены ЦК в 1913 году, участие в руководстве «Правдой». При этом он сумел окончить Харьковский университет, при котором затем был оставлен и работал ассистентом, вел лабораторию и читал лекции по физике¹¹⁹. В 1917 году он был одним из организаторов Красной гвардии, членом Военно-революционного комитета и участвовал в дни революции в захвате железнодорожных вокзалов и штаба Петроградского военного округа¹²⁰. В 1918–1919 годах он был наркомом путей сообщения и членом Реввоенсовета РСФСР, а затем зав. отделом ЦК РКП(б) по работе в деревне.

В 1921 году он возглавил Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, в 1923 году Институт научной философии РАНИОН, в 1924 году «Ленинку», одновременно ведя в Комакадемии исследовательскую и преподавательскую работу в Институте философии, а затем в ИКП по истории революционного движения¹²¹. Именно благодаря его усилиям была проведена реорганизация библиотеки и началось строительство ее нового здания¹²².

Жизнь его была по канонам времени вполне героической, и в этом отношении он не только не уступал Сталину, но и превосходил его. Он не участвовал ни в левой, ни в правой оппозиции, отказался в свое время поддержать Л.Д. Троцкого, который приезжал к нему в «Ленинку» со всей своей свитой. Но В.И. Невский был старым большевиком и переделать себя не мог. То, что произошло с В.И. Невским, в точности подпадает под вариант, описанный Р. Такером: «Имели место случаи, когда старые революционеры относились к Сталину свысока, но не потому, что они играли активную роль в оппозициях, а из-за того, что не могли серьезно рассматривать его в роли ведущего лидера большевиков или теоретика марксизма» и «не разделяли точку зрения Сталина о самом себе»¹²³.

Он был человеком принципиальным, с сильным характером, человеком непосредственным и прямым, не укладывавшимся

в привычные и отмеренные рамки. Когда в 1929 году В.И. Невский узнал, что принято решение о сносе Чудова и Вознесенского монастырей в Московском Кремле, он написал резкое письмо Сталину, протестуя против «разрушения величайшего исторического памятника». Он писал: «Не думаю, чтобы французский пролетариат, взявши власть, стоял бы за разрушение Notre Dame de Paris или Лувра... Правительство Николая Палкина некогда ради возведения нелепого дворца, портящего Кремль, разрушило дивную постройку XVII в.; неужели наше Рабоче-крестьянское правительство сделает нечто подобное, вдвинувши казармы нового стиля в обстановку XVI и XVII века?»¹²⁴ Можно себе представить, что испытывал Сталин, читая подобные сравнения.

Когда в 1930 году по «академическому делу» были арестованы десятки русских ученых, в том числе сотрудников «Ленинки», В.И. Невский публично, на партийных собраниях говорил о невиновности арестованных, «подрывая авторитет ОГПУ». 29 мая 1933 года он передал на имя М.И. Калинина ходатайства об освобождении от ссыльного С.В. Бахрушина и матери Л.В. Черепнина, а в сопроводительном письме просил М.И. Калинина вернуть из ссылки С.В. Бахрушина и Л.В. Черепнина. Чрезвычайно характерно для В.И. Невского, что в рукописном подлиннике письма причины ссылки этих видных русских историков он объяснял тем, что они «честно и откровенно признались в том, что они думали, и что не подписали признания в преступлении, коего они не совершали». И лишь в официально отправленной бумаге он был вынужден заменить эту фразу на «они уже давно поняли свои ошибки и честно осознали свои заблуждения»¹²⁵.

В 1935 году В.И. Невский был арестован¹²⁶. На него показал один из его учеников, с которым В.И. Невский порвал отношения, узнав о его недостойном поступке. Когда этот человек был арестован по обвинению в оппозиционной деятельности, он оговорил своих более талантливых и порядочных братьев и учителя, заявив, что, собираясь, они «критиковали политику партии и правительства и прямо дискредитировали т. Сталина». Органами НКВД были арестованы любимые ученики В.И. Невского и в Москве и в Саратове, а на него самого стали «собирать материал». В частности, секретарь Фрунзенского райкома партии вызывал для бесед сотрудников «Ленинки». Выяснилось, что В.И. Невский говорил о себе как о большевике «первого поколения», а о некоторых членах Политбюро ЦК ВКП(б) как о большевиках «четвертого поколения».

О Сталине же он высказывался так: «Вы, молодежь, превозносите Сталина, а я, вступивший с ним одновременно в партию, не могу к нему так относиться, я отношусь к нему как к равному. Сталин только выполняет то, к чему пришел Ленин, – самостоятельного у него нет». Кроме того, В.И. Невский «говорил о необходимости свободы мнений и свободы критики». Ученики на допросах показали, что в разговорах с В.И. Невским «положение на научном фронте определялось нами как “зажим”, и в связи с этим обычно критически говорилось о роли тов. Сталина как вождя на теоретическом фронте»; «при этом наиболее резким по форме выражения своих взглядов и оценок был Невский». В целом показания эти были выполнены как «под копирку» и изложены типичным для составителей протоколов слогом и формулировками. К совокупности «преступлений» добавилось то, что В.И. Невский предложил ходатайствовать за оставление на работе женщины, у которой арестовали мужа, и что ряд сотрудников «Ленинки» служили по совместительству в германском и австрийском посольствах.

Этого оказалось достаточно, чтобы предъявить В.И. Невскому обвинение в оппозиционных настроениях и антипартийной работе. 6 февраля 1935 года его вызвали на допрос в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов и Е.М. Ярославский. В.И. Невский держал себя в этой ситуации с необыкновенным мужеством и благородством. Его стали спрашивать, считает ли он, что его «оттерли» от руководящих постов люди, которых он считает более молодыми товарищами. В.И. Невский парировал М.Ф. Шкирятову: «Сталин и Молотов – одних со мной лет, да и вы тоже». Затем у него стали добиваться признания о «расхождениях с партией», неопределенно ссылаясь на высказывания его учеников. Реальных фактов у партийных «инквизиторов» не было, и им приходилось «ходить вокруг да около», пытаясь выудить что-нибудь у самого В.И. Невского. В.И. Невский счел для себя унижительным оправдываться: «Я всегда верой и правдой служил партии, не участвовал ни в какой оппозиции. Позорно мне защищаться. Вы можете со мной сделать все что угодно. От своих убеждений я не отступлюсь. Мне 58 лет, чего мне бояться: исключите из партии – мне будет очень тяжело, я не знаю, что я тогда сделаю; в тюрьму заключите, жизни лишите, ну, значит, партия выше меня, считает необходимым так сделать. Но мое субъективное сознание останется тем же – я ни в чем не повинен перед партией». Допрашивавшие стали тогда «цепляться» за слова: В.И. Невский сказал, что у него в основном нет

расхождений с линией партии – стали допытываться, нет ли расхождений «не в основном». «Товарищ Шкирятов, – сказал В.И. Невский, – Вы хотите меня заставить сознаться в том, что я не делал». Ученикам своим он дал превосходные характеристики.

Видя, что не могут добиться от В.И. Невского признаний, М.Ф. Шкирятов и Е.М. Ярославский запаслись полученными в НКВД показаниями его учеников, вызвали его через день, 8 февраля 1935 года на допрос и зачитали ему эти показания. При этом его иезуитски спрашивали, продолжает ли он придерживаться прежнего мнения о своих учениках. В.И. Невский повел себя неожиданно для допрашивавших. Он отверг предъявленные показания как лживые, а данную прежде оценку талантов и преданности режиму учеников не изменил. Когда М.Ф. Шкирятов в недоумении спросил его: «Вы дали прекрасную характеристику своим ученикам. Когда вам начинают зачитывать их показания, вы говорите, что это ложь. Как это объяснить?», В.И. Невский ответил: «Ничем не могу объяснить, кроме как страхом наказания. Мы доверяем документам. Документы пишутся людьми. Люди во всяких обстоятельствах говорят разное. Люди становятся в тюрьме предателями, провокаторами. Вы же прекрасно это знаете по царской тюрьме». М.Ф. Шкирятов был неприятно шокирован этим заявлением и попытался одернуть В.И. Невского: «Наша тюрьма и наша власть, совсем другое, и незачем ее ровнять с прошлой тюрьмой».

Партийным «инквизиторам» все же удалось спровоцировать В.И. Невского на необходимое для них неосторожное высказывание, которое можно было, исказив смысл, выдать за «признание вины». Когда от него в очередной раз потребовали сознаться, В.И. Невский в сердцах заявил: «Что вы хотите от меня? Чтобы я сознался в том, в чем я не виноват? Я разделяю основные положения программы партии, для меня могут быть неясны некоторые вопросы, но бороться с партией, пропагандировать антипартийные установки я не стану. Для тех, кто это делает, есть два пути: Зиновьев 20 тыс. раз каялся и снова принимался за то же, или – борьба настоящая. Я метода зиновьевцев не придерживаюсь. Если бы я хотел бороться с партией, я бы избрал второй путь». В этом, как и во всем поведении В.И. Невского, сказывался старый большевик. В завершение разговора от В.И. Невского потребовали вспомнить и написать, где и когда он выступал в поддержку линии партии. В.И. Невский ответил с бесстрашной иронией, которая отличает в подобной ситуации людей с высоко развитым чувством собствен-

ного достоинства: «Если вы меня сегодня ночью не арестуете, я постараюсь найти вам даты и адреса».

13 февраля 1935 года М.Ф. Шкирятов написал Н.И. Ежову и Л.М. Кагановичу, что к В.И. Невскому надо применить репрессивные меры, мотивируя это его искаженными высказываниями на допросе в КПК и «показаниями» арестованных учеников. 15 февраля 1935 года В.И. Невский был исключен из партии, 19 февраля арестован, 5 мая приговорен внесудебным органом – Особым совещанием при НКВД к пяти годам заключения в ИТЛ и заключен в Суздальский политизолятор, в который был превращен один из монастырей древнего города – Спасо-Евфимиевский.

В этот период, когда наркомом внутренних дел еще оставался Г.Г. Ягода, сам бывший старым большевиком, сохранялись традиции особых условий содержания политзаключенных, которым позволялось переписываться, читать газеты, брать книги из тюремной библиотеки и получать их по почте от родственников. В.И. Невский постоянно просил родственников присылать ему книги по естествознанию и философии. Получив только что вышедшую книгу «Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности», он написал родным по поводу предисловия к этой книге, в котором в традициях того времени прославлялся Сталин: «Ни историей, ни политэкономией, ни даже актуальной философией здесь заниматься нельзя, т. к. нет главного – иностранных журналов, чем я располагал на воле. Будь они здесь, я написал бы большую работу об упадке западноевропейской философии в области естествознания (досталось бы и нашим отечественным “философам”, какой бы масти они ни были, в особенности невеждам, пишущим “философические” примечания к классикам естествознания и таким философам, как Демокрит). Видел я эту книгу и был поражен невежеством писавшего большую статью и примечания. Припутал даже нашего гениального учителя, да так, что прямо совестно»¹²⁷. Согласно воспоминаниям сокамерника, В.И. Невский нещадно ругал Сталина.

Осенью 1936 года В.И. Невского вновь привезли в Москву. Его готовили к процессу Бухарина и Рыкова. Из других арестованных выбрали показания о том, что он руководил террористической группой правой оппозиции. Но В.И. Невского не удавалось сломить; он не признавал своей вины и упорно отрицал свою причастность к этой группе. Краеугольного камня сталинской юридической системы – признательных показаний – не было. Тогда следователь пошел на изощренную подлость, которая, однако, должна была сработать

и действительно сработала в отношении старого большевика – сыграл на воспитанной десятилетиями абсолютной преданности партии. 24 октября 1936 года В.И. Невский дал признательные показания, поскольку следователь убедил его, что это необходимо во имя высших интересов партии для осуждения Бухарина и Рыкова. Подобный поступок не должен удивлять. Даже на открытых «Московских процессах» некоторые из действительно твердокаменных большевиков «признавались» в мифических преступлениях не столько под влиянием пыток, сколько считая, что хотя бы так они могут послужить своей стране. «Они завоевали Советскую власть, боролись за нее долгие годы и теперь надеялись на сохранение хоть каких-то ее завоеваний, – писал об этом сложном психологическом комплексе В.З. Роговин. – Эта сверхличная цель стояла для них выше сохранения своей личной чести и человеческого достоинства»¹²⁸.

Поняв свою ошибку, В.И. Невский 19 февраля 1937 года написал на имя наркома внутренних дел СССР заявление, в котором отказался от данных показаний. Но это заявление следователь не приобщил к делу, и оно было подшито в дело лишь спустя 17 лет в процессе реабилитации В.И. Невского. На суде В.И. Невский отказался от показаний, данных на предварительном следствии и объяснил причины их появления. Но это не имело для «суда» никакого значения. 25 мая 1937 года он был приговорен к расстрелу и на следующий день расстрелян. 1 июня 1955 года он был реабилитирован, а 16 июня 1955 г. восстановлен в партии¹²⁹.

Не сломленный сибирским застенком

Известно, что в годы сталинских репрессий погибли практически все «диалектики», дебординцы. К числу их относится и один из талантливейших учеников А.М. Деборина И.Я. Вайнштейн. Он был старшим научным сотрудником сначала в философской группе секции научной методологии Коммунистической академии, а затем – в Институте философии; после выхода его монографии о диалектике как методе он был избран действительным членом Института философии. После разгона дебординского состава Института он заведовал кафедрой диалектического материализма в МАИ. В 1935 году квалификационная комиссия Института философии приняла единогласное решение о присуждении И.Я. Вайнштейну степени доктора философских наук без защиты

диссертации, но решение вопроса в ВАКе было приостановлено из-за последовавшего ареста И.Я. Вайнштейна. О его трагической судьбе подробно рассказал в своих публикациях его сын, С.И. Вайнштейн.

В конце июля 1936 года И.Я. Вайнштейн уехал отдыхать в санаторий в Крым. Он должен был вернуться 20 августа, но ни тогда, ни в сентябре он не вернулся, семья ничего не знала о его судьбе. Жена И.Я. Вайнштейна, Ф.И. Коробова (Литвин), посылала запросы в Крым, справлялась на работе мужа в МАИ и, наконец, в приемной НКВД узнала, что И.Я. Вайнштейн 28 августа 1936 года арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. При обыске у него на квартире была изъята только что законченная рукопись его работы, объемом около 800 машинописных страниц, которую И.Я. Вайнштейн считал важнейшим трудом своей жизни. Рукопись погибла в результате ареста.

С.И. Вайнштейн, на основании знакомства с уголовным делом отца, находящимся на хранении в ЦА ФСБ (№ Р-7591), пишет, что «первоначальные обвинения были основаны на доносах, якобы он имел “близкую связь с Дебориным, Стэнном, Каревым, Лупполом”, характеризовал политическую кампанию в стране, которая “развернулась после опубликования письма тов. Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” как Варфоломеевскую ночь, утверждал, что “при нынешнем руководстве ВКП(б) научная мысль оскудевает, развитие ее тормозят, не дают работать”»¹³⁰.

Жена И.Я. Вайнштейна продала все, что еще можно было продать, носила передачи в Бутырскую тюрьму; потом их перестали принимать. Она вспоминала: «Я решила пойти к М.Б. Митину – одному из руководителей Института философии, который, как я была убеждена, сможет чем-то помочь, посоветовать, как быть. Я вошла с надеждой в светлую комнату дирекции Института философии и обратилась к восседавшему там Митину. Узнав, что я жена репрессированного Вайнштейна, он с нескрываемо злым и холодным выражением лица сказал: «Без несомненной вины у нас никого не арестовывают. Я ничем не могу помочь». И, посмотрев на часы, встал, давая понять, что ему некогда. Я возразила, что он ведь много лет знает Вайнштейна, что тот всегда был марксистом-ленинцем. Резко оборвав меня, Митин буквально закричал, чтобы я немедленно, сию секунду покинула его кабинет, иначе он вызовет милицию и меня уведут куда следует... Не имея сил сдержаться рыдания, я вышла»¹³¹.

Несмотря на более чем семимесячное следствие, в ходе которого И.Я. Вайнштейна принуждали признать себя виновным в принадлежности к «контрреволюционной троцкистской террористической организации», это обвинение он полностью отрицал и в процессе следствия, и на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР¹³². В очных ставках с теми, чьими показаниями он изобличался, И.Я. Вайнштейну было отказано. 9 апреля 1937 года он был приговорен к восьми годам заключения с конфискацией имущества и этапирован в тюрьму г. Мариинска Западно-Сибирского края.

В мае 1937 года И.Я. Вайнштейну удалось переправить жене письмо: «Дорогая Фрида, наконец есть возможность написать тебе. Большое спасибо за передачи в Бутырской тюрьме. Пиши немедленно, как сын, как с квартирой, как мои рукописи. Не знаю, за что я должен быть в разлуке с вами, ведь я никогда не был троцкистом, не был террористом, не был шпионом. Осудили меня как террориста и шпиона на восемь лет тюремного заключения. Ведь меня все знают, ты меня знаешь. Пусть Севонька знает, что его папа ни в чем не виноват, что всю жизнь он отдал науке, что всегда был честен и предан партии. Обнимаю, целую. Израиль»¹³³.

Как вспоминает С.И. Вайнштейн, «затем было еще несколько коротких писем. А в декабре 1937 года в конверте с адресом, написанным незнакомой рукой, мы получили довольно подробное письмо отца. Он писал, что был арестован в конце августа 1936 года. Следователь сразу же начал всеми дозволенными и особенно недозволенными средствами принуждать его к признанию в том, чего никогда не было, – в троцкизме, терроризме, вредительстве и шпионаже. Отец писал, что семь месяцев – до самых последних сил своих – он отстаивал свою честь коммуниста, боролся за правду. Но нечеловеческие истязания, не прекращавшиеся ни днем, ни ночью, сломили его. Потом состоялся безобразно скорый и неправый суд Военной коллегии, на котором он заявил о своей невиновности, но его даже не выслушали, осудили и отправили по этапу в Мариинск. Просил мать обратиться к Сталину о пересмотре его дела, особенно просил сохранить рукопись его последнего, неопубликованного труда»¹³⁴.

Ф.И. Коробова написала письмо Сталину, в котором рассказала о том, что произошло с И.Я. Вайнштейном, о его трудном пути самоучки, революционера, о его участии в Гражданской войне, о его бескорыстной научной работе, о вере в победу коммунизма, и очень просила о пересмотре дела. В письмо она вложила труды И.Я. Вайн-

штейна, в том числе книгу «Гегель, Маркс, Ленин», и его последнее письмо из заключения. Это была роковая ошибка: разглашение на воле того, что происходит за колючей проволокой ГУЛАГа, было по тем временам страшным преступлением, за которым следовала смертная кара. Ф.И. Коробова всю жизнь мучилась сознанием того, что стала невольной виновницей гибели мужа.

Но на трагический исход жизни И.Я. Вайнштейна оказало влияние не только это. Повторное обвинение И.Я. Вайнштейна было основано на доносах, в которых говорилось, будто он утверждал, что в тюрьме среди заключенных большинство репрессированных, среди которых много рабочих и крестьян, невинны – и это в государстве, провозгласившем рабоче-крестьянскую власть; а также о недовольстве населения сталинской политикой, которая в дальнейшем приведет к крушению Советского Союза. Сказался характер И.Я. Вайнштейна, давший ему силы не признать себя виновным при допросах на Лубянке. И в сибирском застенке он не прекратил борьбу, не смирился. В справке начальника тюрьмы, на основании которой была осуществлена внесудебная расправа над И.Я. Вайнштейном, говорилось, что он «восхвалял врагов народа, нарушал правила тюремного режима и оскорблял надзирательский состав»¹³⁵. 16 января 1938 года тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю И.Я. Вайнштейн был приговорен к расстрелу и 19 января 1938 года расстрелян¹³⁶. У его семьи отобрали квартиру, оставшиеся в ней рукописи погибли.

В 1957 году вдова И.Я. Вайнштейна добилась его реабилитации. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила 26 марта 1957 года приговор 1937 года, а 2 апреля 1957 года приговор 1938 года в отношении И.Я. Вайнштейна. В ходе проверки выяснилось, что в деле того подследственного, на основе показаний которого И.Я. Вайнштейн был арестован в 1936 году, нет этих самых показаний, которые ему цитировались и предъявлялись в обоснование обвинения. Что касается второго, смертного, приговора, то тут, кроме голословной справки начальника тюрьмы, вообще не было никаких объективных доказательств вины. Видимо, упорство И.Я. Вайнштейна, которого нельзя было заставить лжесвидетельствовать против себя, вынудило как московских, так и мариинских следователей идти на фальсификацию.

Репрессии в отношении сотрудников Института философии продолжались и в годы Великой Отечественной войны. В 1943 году был арестован бывший старший научный сотрудник Института Г.Г. Андреев. Г.Г. Андреев окончил МИФЛИ и аспирантуру и накануне начала войны защитил кандидатскую диссертацию по философии П.Л. Лаврова. В 1941 году он пошел добровольцем на фронт, затем в 1942 году был демобилизован, работал в Институте философии и одновременно был деканом философского факультета МГУ¹³⁷. В феврале 1943 года Г.Г. Андреев был направлен на дипломатическую работу в Лондон, а в ноябре 1943 года вызван в Москву и арестован¹³⁸.

Прибыв в декабре 1943 года в Москву и явившись в наркомат иностранных дел, Г.Г. Андреев с удивлением узнал, что никакого указания о его вызове НКВДское начальство не давало, но ему порекомендовали явиться на прием к В.Г. Деканозову. Г.Г. Андреев явился в приемную Деканозова, ставленника Берии в наркомате иностранных дел. Из кабинета Деканозова вышел работник НКВД и попросил пройти в здание НКВД для беседы «минут на 30–40». Г.Г. Андреев был приведен во внутреннюю тюрьму НКВД и там арестован. Через 12–14 часов после ареста он был вызван на допрос. Обвинение ему предъявлено не было. Г.Г. Андреев заявил, что не совершал никаких преступлений, и потребовал передать вопрос в КПК при ЦК ВКП(б)¹³⁹. В ответ он услышал лишь грубые окрики. Затем в течение двух недель шли допросы, назначение которых было – вымотать физические и нравственные силы и «убедить» в бесполезности отстаивать свою невиновность, в решенности предстоящего осуждения. Первые десять суток его постоянно лишали сна. Все вопросы следствия в этот период сводились к тому, когда он познакомился с доцентом МГУ М.Г. Седовым, сколько раз с ним встречался и что М.Г. Седов говорил о секретаре ЦК ВЛКСМ О. Мишаковой. Так стала проясняться причина ареста.

С О. Мишаковой Г.Г. Андреев никогда не встречался, а вот М.Г. Седов имел с ней дело, когда работал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. О. Мишакова – характернейшая личность того времени. На ее совести гибель многих комсомольцев, включая генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Косарева. Она работала инструктором ЦК ВЛКСМ и была направлена в качестве представителя ЦК ВЛКСМ на областную

комсомольскую конференцию в Чебоксары. Здесь она добилась исключения из комсомола секретарей обкома ВЛКСМ и занялась разоблачением «врагов народа». Бюро ЦК ВЛКСМ 15 марта 1938 года осудило деятельность Мишаковой, в результате которой «люди честные, преданные партии, зачислялись в разряд политически сомнительных, а то и пособников врагов народа»¹⁴⁰, и сняло ее с должности. Но решение это не было выполнено. Мишакова заручилась мощной поддержкой Берии. В августе 1938 года формулировка решения была исправлена на «по личной просьбе с предоставлением отпуска». Однако Мишакову это уже не удовлетворяло. 7 октября 1938 года она написала письмо Сталину, в котором «оклеветала многих партийных и советских работников, называя их врагами народа, а себя представила пострадавшей за борьбу с ними»¹⁴¹. 13 ноября 1938 года бюро ЦК ВЛКСМ было вынуждено восстановить Мишакову на работе «как неправильно освобожденную». А 19–22 ноября 1938 года прошел пленум ЦК ВЛКСМ с участием Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б), на котором А.В. Косарева и еще четырех секретарей ЦК ВЛКСМ сняли с должности за «бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ, и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело тов. Мишаковой)»¹⁴². Косарев был вскоре арестован и расстрелян, а Мишакова стала секретарем ЦК ВЛКСМ.

Тогда-то с ней пришлось работать М.Г. Седову¹⁴³. Седов не мог смириться с той атмосферой, которую создавала в ЦК ВЛКСМ Мишакова: постоянная подозрительность, оскорбления работников, использование чужого труда при подготовке статей. Обращение в бюро ЦК ВЛКСМ обернулось для Седова снятием с должности. Тогда он поставил вопрос о Мишаковой в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Во время беседы с Седовым в марте 1940 года руководитель Управления, будущий директор Института философии Г.Ф. Александров сказал Седову, что ему известно ненормальное положение в отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, но, поскольку все это связано лично с О. Мишаковой, он решать вопрос не берется и предлагает Седову написать заявление в ЦК ВКП(б). После этого, в апреле 1940 года, Седов был вызван к секретарям ЦК А.А. Андрееву и Г.М. Маленкову, которые устроили ему жестокую выволочку, обвинив в клевете и охаивании лучшего комсомольского руководителя. Седов был исключен Комитетом партийного контроля из партии и уволен из ЦК ВЛКСМ. Он пере-

шел работать в МГУ. Спустя год Седов представил в КПК блестящие характеристики от секретаря партбюро Д.А. Кутасова и заведующего кафедрой И.И. Минца. Но началась война, Седов ушел в народное ополчение. КПК принял решение рассмотреть вопрос о партийности Седова после предоставления им отзыва военкома воинской части. Демобилизовавшись в январе 1942 года, после решения об отзыве с фронта лиц, имеющих ученую степень, Седов передал в КПК столь же блестящие характеристики от парторга роты и военкома части. Но, видимо, влияние Мишаковой было столь сильно, что КПК отказал Седову под надуманным предлогом, что им представлены партийно-политические, но не боевые характеристики. Седов продолжил работать в МГУ и работал, по сохранившимся отзывам, очень хорошо, его любили и уважали студенты, ценили за оригинальность и яркость мысли коллеги. Новое его обращение в КПК нечем было бы парировать, а восстановление его в партии было бы признанием правоты его обвинений по адресу Мишаковой.

Мишакова не могла с этим смириться и прибегла к средствам иного рода. Она решила уничтожить обидчика. Но по канонам того времени арест, так сказать, «с гарантией» должен был быть мотивирован участием человека в какой-либо «контрреволюционной группе», на «сборищах» которой как минимум «велись антисоветские разговоры». При желании такой группой могла оказаться любая компания сослуживцев, собравшихся дома в нерабочее время за рюмкой или стаканом чая. Так под удар попали все, кто заходил к М.Г. Седову и имел с ним какое-нибудь личное общение. 26 августа 1943 года органы НКВД арестовали М.Г. Седова. Были арестованы также заведующий отделением заочного обучения МГУ М.Ф. Иванов, и еще два человека – П.Г. Абрамовский и А.И. Ведищев. Следователи стали добиваться от них признательных показаний в антисоветских разговорах. Г.Г. Андреев был арестован последним, так как находился за границей.

Через две недели после ареста Г.Г. Андрееву предъявили формальное обвинение, но мотивировки его названы не были, да их и не могло быть. «Скажите мне, в чем состоит моя вина, какие именно я совершил проступки, за что арестован и нахожусь в тюрьме?» – спрашивал он и слышал в ответ матерную брань, окрики и угрозы. Следствие на ходу стряпало обвинение, принуждало подтвердить и подписать сфальсифицированные показания. Все усилия следователя были направлены на то, чтобы путем крючкотвор-

ства, подтасовок, вымогательств, угроз, вынудить признать факт существования «контрреволюционной группы Седова». Во время очных ставок протокол велся строго по указаниям следователя, он говорил, что из показаний записывать, а что нет, сам же диктовал «скорректированные» формулировки ответов допрашиваемых. За время пребывания в тюрьме с Г.Г. Андреевым случилось два сердечных приступа, и на последние допросы его буквально волокли за руки. Следователям НКВД нужно было в любом случае добиться признательных показаний, и они были мастера на всякие уловки по этой части. Наконец следователь поставил перед Г.Г. Андреевым «альтернативу»: или признаться в своей виновности, или дать показания на другого участника «группы»: «А не то заставим сделать и то и другое». Г.Г. Андреев ответил: «Я вижу, участь моя предрешена, на себя писать неправду, это дело касается меня одного, и я признаюсь виновным, но на других клеветать не буду». В возможности написать жалобу ему было отказано. 1 марта 1944 года участникам группы вынесло приговор Особое совещание НКВД. М.Г. Седов был приговорен к десяти годам заключения, Г.Г. Андреев к восьми, остальные тоже были осуждены. Г.Г. Андреев отбывал наказание в Воркутлаге и Печлаге.

В 1955 году все проходившие по делу «группы Седова» были реабилитированы. Как было сказано в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР: «Седов был выведен как организатор антисоветской группы, Андреев и др. – как участники этой группы, а совместные их выпивки как антисоветские сборища».

Г.Г. Андрееву, после нескольких настойчивых обращений, направленных в КПК при ЦК КПСС, удалось вернуться в Москву и возобновить преподавательскую работу в МГУ¹⁴⁴.

* * *

Мы осветили только некоторые страницы основанной на документах истории репрессий в отношении советских философов-марксистов, сотрудников Института философии. История эта пока что не написана, и мы делаем здесь лишь первые, но нравственно необходимые шаги. Как верно отмечал А.Я. Зись, говоря «о репрессивной политике, жертвами которой были и наши товарищи по философскому “цеху”, об утратах, отзывающихся человеческой болью», нужно «называть имена забытые, а было их много. И каждое из них заслуживает упоминания. Мартиролог этот не должен быть предан

забвению. И в этом не только долг перед памятью ушедших поколений, но и свидетельство течения интеллектуальной жизни».

В конце книги приводится впервые составленный список репрессированных сотрудников Института философии. Под «сотрудниками» понимаются как штатные, так и внештатные сотрудники, совместители, а также те аспиранты Института и слушатели ИКП философии, которые были привлечены к работе в составе исследовательских «бригад» Института. Включены также сотрудники Института философии Ленинградского отделения Комакадемии – Ленинградского отделения Института философии АН СССР, поскольку эти учреждения в административном отношении подчинялись московскому Институту.

В список не вошли репрессированные сотрудники других научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений (Институт красной профессуры философии, Московский и Ленинградский институты истории, философии и литературы, философские факультеты Московского и Ленинградского государственных университетов, Институты философии АН союзных республик, журнал «Под знаменем марксизма» и др.). А их было немало. К числу жертв следует отнести также «механистов», формально к философам не относившихся (И.М. Великанов, Л.М. Рубановский, С.Ю. Семковский).

Список подготовлен на основании данных фонда Комитета партийного контроля при ЦК КПСС в Российском государственном архиве социально-политической истории, Центрального архива ФСБ РФ, Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Государственного архива административных органов Свердловской области, Центра инженерно-технического обеспечения Управления по конвоированию Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Коми, биографических справочников Всероссийского общества «Мемориал», справочника П.В. Алексеева «Философы России XIX–XX веков» и других источников.

В список включены как те, кто был репрессирован во время своей работы в Институте, так и те, кто подвергся репрессиям позже, уже не работая в Институте. Данное различие специально не оговаривается; занимаемая должность в Институте указывается безотносительно ко времени репрессии.

В перечень входят только те лица, чья работа в Институте подтверждена архивными документами (списками сотрудников)

и в отношении которых на данный момент удалось точно установить меры репрессии. Но даже и при таких строгих критериях отбора список, без сомнения, неполон. Судьба ряда сотрудников остается пока не выясненной нами (А.И. Авраамов, А.С. Айзенберг, Т.Б. Гейликман, С.С. Кривцов, Э.Г. Лурье, И.П. Разумовский, А.К. Топорков, Ю.В. Франкфурт, А.А. Ческис и др.).

Примечания

- 1 Термин Л.А. Когана – несколько тавтологичен, но верно отражает суть дела.
- 2 См.: *Коган Л.А.* Глава шестая // История философии в СССР. Т. 5. Кн. 1. М., 1985.
- 3 Подробнее см.: *Коган Л.А.* Непрочитанная страница // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 102.
- 4 *Иванова Л.В.* Первые советские научные центры в Москве // Памятники Отечества. 1987. № 2. С. 66.
- 5 Архив Российской академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 350. Оп. 1. Д. 52. Л. 31.
- 6 Подробнее см.: *Алексеев П.В.* «Диалектики» и «механисты» // Русская философия. М., 1995. С. 139–140.
- 7 В этот период А.А. Максимов примыкал к побеждавшей в философских дискуссиях деборинской школе.
- 8 Подробнее о первом выпуске ИКП см.: *Коган Л.А.* На подступах к советской философии // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 114–120.
- 9 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 1.
- 10 Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 89.
- 11 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1806. Т. 2.
- 12 Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 91.
- 13 Речь идет о незавершенном пятнадцатитомном собрании сочинений Платона, выходявшем в 1920-е гг.
- 14 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 7.
- 15 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 7.
- 16 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 5.
- 17 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 7. Л. 3.
- 18 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 7. Л. 12–17.
- 19 *Коган Л.А.* Непрочитанная страница // Вопросы философии. 1995. № 10.
- 20 Под знаменем марксизма. 1926. № 12.
- 21 Под знаменем марксизма. 1927. № 2–3.
- 22 Под знаменем марксизма. 1927. № 4.
- 23 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 2.
- 24 Вестник Коммунистической академии. 1930. № 40–41. С. 62.

- 25 Там же. С. 63.
- 26 Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 129.
- 27 Диалектическое противоречие. М., 1979.
- 28 Некоторые проблемы диалектики. Вып. VII. М., 1973.
- 29 *Ильин А.Я., Фролов И.Т.* Ленинские принципы философского исследования научного познания // Вопросы философии. 1970. № 4. С. 87–97.
- 30 Под знаменем марксизма. 1928. № 9–10. Объявление о диспуте см.: Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 2.
- 31 *Яхот И.И.* Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 64.
- 32 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 3.
- 33 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 9.
- 34 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 14.
- 35 Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 163.
- 36 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 3. Д. 10.
- 37 Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 11.
- 38 Вопросы философии. 2002. № 5. С. 137.
- 39 Современные проблемы философии марксизма. М., 1929; *Яхот И.И.* Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 65–66.
- 40 Под знаменем марксизма. 1930. № 6.
- 41 Под знаменем марксизма. 1930. № 5.
- 42 *Яхот И.И.* Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 83.
- 43 Разногласия на философском фронте. М.; Л., 1931.
- 44 *Яхот И.И.* Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 87.
- 45 *Квасов Г.Г.* Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 10. М., 1992. С. 193–195.
- 46 Правда. 1931. 26 янв.
- 47 *Коршунов Н.Б.* Подавление инакомыслия и философская полемика в СССР в начале 1930-х гг. // Философские науки. 2000. № 4. С. 84.
- 48 *Яхот И.И.* Подавление философии в СССР // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 72–83.
- 49 Русская философия. М., 1995. С. 185.
- 50 *Ламетри Ж. О.* Сочинения. М., 1983. С. 451.
- 51 *Квасов Г.Г.* Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина. С. 193–195.
- 52 *Коган Л.А.* Из биографии Дома на Волхонке // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 27.
- 53 Там же.
- 54 Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 962. Л. 26; Ф. 355. Оп. 3. Д. 24.

- 55 *Делокаров К.Х.* Методологические проблемы квантовой механики в советской философской науке. М., 1982. С. 326–330; *Сонин А.С.* «Физический идеализм». М., 1994. С. 27–32; *Овчинников Н.Ф.* Выступление на заседании «круглого стола» на тему «Б.М. Кедров: путь жизни и вектор мысли» // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 45–46.
- 56 *Делокаров К.Х.* Б.М. Гессен и философские проблемы естествознания // Вестник АН СССР. 1978. № 12. С. 75–84.
- 57 Марксизм и естествознание. М., 1933. С. 77.
- 58 Там же. С. 68, 69.
- 59 Там же. С. 69.
- 60 *Фролов И.Т.* Генетика и диалектика. М., 1968.
- 61 Репрессированная наука. Л., 1991. С. 58–59.
- 62 *Корсаков С.Н.* Кафедра философии Тверского государственного университета: история в биографиях. Тверь, 2005. С. 63.
- 63 Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1933. С. 299.
- 64 Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1933. С. 297.
- 65 *Каменский З.А.* История философии как наука в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 154.
- 66 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 56 777; Ф. 589. Оп. 3. Д. 11 013.
- 67 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». М., 1934. С. 159.
- 68 Отчет о заседании, посвященном пятилетию Постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» // Под знаменем марксизма. 1936. № 2–3. С. 168.
- 69 Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1933. С. 5.
- 70 Там же. С. 224.
- 71 Там же.
- 72 Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1933. С. 282.
- 73 Там же. С. 247–248.
- 74 Там же. С. 296.
- 75 *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. М., 1990. С. 433.
- 76 Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 г. Л., 1930. С. 33.
- 77 Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. Диалектический материализм. М., 1933. С. 350.
- 78 *Каменский З.А.* История философии как наука в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 148.
- 79 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15 785. Л. 161.

- 80 Под знаменем марксизма. 1936. № 2–3. С. 173.
- 81 Наша признательность – сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории Л.А. Лыковой, Е.П. Караваевой, А.А. Ощепковой и др. Благодарим также В.Г. Макарова, любезно предоставившего информацию из архивных источников.
- 82 *Трущенко Н.В.* Косарев. М., 1988. С. 384.
- 83 *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. С. 387, 434.
- 84 Там же. С. 399, 400.
- 85 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 138 210.
- 86 *Зись А.Я.* У истоков журнала «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 45.
- 87 *Колганов А.И.* И не сдается мысль // Правда. 1989. 11 марта.
- 88 *Ларина-Бухарина А.М.* Незабываемое. М., 2002. С. 144.
- 89 *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 72.
- 90 *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. С. 401.
- 91 Комсомольская правда. 1929. 26 июля.
- 92 Там же.
- 93 Там же.
- 94 Там же.
- 95 Там же.
- 96 Этим словом часто обозначал себя Сталин: «Мы практики...». См.: *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1947. Т. 4. С. 317; *Лельчук В.С.* Послесловие // Такер Р. Сталин. Путь к власти. М., 1990. С. 451. Практицизм, фетишизация практики стали, как известно, одной из основных причин расцвета при Сталине псевдонауки и псевдофилософии.
- 97 Комсомольская правда. 1929. 26 июля.
- 98 *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
- 99 На приеме у Сталина. М., 2008.
- 100 Против клеветы на партийные кадры // Правда. 1930. 11 нояб.
- 101 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1806.
- 102 В.Д. Резник – один из последних учеников А.М. Деборина. М. Кун в книге «Бухарин: его друзья и враги» (М., 1992. С. 323) ошибочно утверждает, что В.Д. Резник выдал Сталину блок Сырцова–Ломинадзе. В действительности это сделал Б. Резников. См., например: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. М., 1996. С. 231.
- 103 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1806. Т. 2. Л. 49–49–об.
- 104 Вестник Коммунистической академии. 1931. № 1. С. 108–109.
- 105 Там же. С. 110.
- 106 Там же. С. 117.

- 107 Там же. С. 116.
- 108 Там же. С. 131.
- 109 *Колганов А.И.* И не сдается мысль // *Правда*. 1989. 11 марта.
- 110 Впоследствии, 9 октября 1937 г., начальник секретно-политического отдела ОГПУ – НКВД СССР, руководивший следствием, сам был расстрелян.
- 111 А.И. Колганов приводит другую формулировку названия: «“Феноменология духа” Гегеля в свете учения “Капитала” Маркса». Но мы опираемся здесь на автобиографию Я.Э. Стэна из: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 138 210.
- 112 *Роговин В.З.* 1937. М., 1996. С. 143.
- 113 *Кривонос Ю.И.* Ученые в сталинских списках // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2002. № 2.
- 114 Мы не касаемся здесь вопроса об авторстве репрессированных впоследствии А.В. Щеглова и В.К. Серезникова.
- 115 *Зись А.Я.* У истоков журнала «Вопросы философии» // *Вопросы философии*. 1997. № 7. С. 45; *Садовский В.Н.* «Вопросы философии» в шестидесятые годы // *Вопросы философии*. 1997. № 8. С. 43–44; *Митрохин Л.Н.* «Докладная записка»-74 // Там же. С. 51–52; *Соловьев Э.Ю.* Позвольте объявиться // Там же. С. 69.
- 116 Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1936. Т. 57. С. 498.
- 117 *Невский В.И.* Современное естествознание и материализм Маркса и Энгельса // *Под знаменем марксизма*. 1923. № 2–3. С. 133–152; Он же. Марксизм и естествознание // Там же. 1923. № 11–12. С. 200–213; Он же. Новая книга о Дидро // *Воинствующий материалист*. 1924. № 1. С. 20–32; Он же. Хорошие работы естественников и нехорошие выводы из них // *Воинствующий материалист*. 1925. № 3. С. 19–30.
- 118 *Алексеев П.В.* Философы России XIX–XX столетий. М., 2002. С. 672.
- 119 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 9747.
- 120 Реввоенсовет Республики. М., 1991. С. 259.
- 121 *Чесноков В.И.* Борьба В.И. Невского за марксизм // *Вопросы философии*. 1965. № 9. С. 132–140; *Клушин В.И.* Роль В.И. Невского в марксистском истолковании истории (1918–1925 гг.) // *Философские науки*. 1970. № 1. С. 130–137.
- 122 *Белоусова Г.А., Коваль Л.М.* Мастера русской историографии: Владимир Иванович Невский (1876–1937) // *Исторический архив*. 2008. № 1. С. 101–116.
- 123 *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. С. 400.
- 124 *Белоусова Г.А.* «В общественной жизни свобода – главная основа успешного развития». Из переписки В.И. Невского. 1925–1934 гг. // *Исторический архив*. 2007. № 2. С. 10–11.
- 125 *Зеленов М.В.* В.И. Невский и «Академическое дело» // *Исторический архив*. 1995. № 3. С. 203.
- 126 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 10 015.
- 127 *Белоусова Г.А., Чернобаев А.А.* «Я свою жизнь прожил честно». Письма В.И. Не-

вского к дочери Марии из Суздальского политизолятора. 1935–1936 гг. // Исторический архив. 2008. № 1. С. 122.

- 128 *Роговин В.З.* 1937. С. 172.
- 129 Следователь, ведший его дело, был осужден 28 января 1940 г. за применение незаконных методов следствия и фальсификацию уголовных дел.
- 130 *Вайнштейн С.И.* Вайнштейн Израиль Яковлевич // Алексеев П.В. *Философы России XIX–XX столетий.* М., 2002. С. 161.
- 131 *Вайнштейн С.И.* Судьба моего отца // *Вопросы философии.* 1989. № 3. С. 161.
- 132 *Вайнштейн С.И.* Вайнштейн Израиль Яковлевич. С. 161.
- 133 *Вайнштейн С.И.* Судьба моего отца. С. 161.
- 134 Там же.
- 135 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 2226.
- 136 *Вайнштейн С.И.* Вайнштейн Израиль Яковлевич. С. 161.
- 137 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 86 845.
- 138 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 14 842.
- 139 Г.Г. Андреев, находясь в тюрьме, не знал, что КПК заочно исключил его из партии как арестованного органами НКВД.
- 140 Александр Косарев. *Сборник воспоминаний.* М., 2003. С. 124.
- 141 *Трущенко Н.В.* Косарев. С. 387.
- 142 Исторический архив. 1993. № 5. С. 77.
- 143 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 14 135.
- 144 30 октября 1954 г. генерал НКВД, курировавший дело «группы Седова» был расстрелян за свои преступления.
-
-

Трудные послевоенные годы *

Основной вопрос советской философии – вопрос о власти. Конечно, это историографическое «открытие» не дает ни малейших оснований для пренебрежительного отношения к удивительному интеллектуально-идеологическому монстру, прожившему совсем немного – лет шестьдесят. И будет очень жаль, если за фигурами умолчания либо показной ненависти, бытующими в современном историко-философском чистописании, уже никто не сумеет распознать предельное духовное напряжение, которое претерпевала Идея в своем советском инобытии. Образцовые формулировки очерка «О диалектическом и историческом материализме» филигранны и напряженны – попробуй-ка сфальшивить или хотя бы расслабиться, философствуя, когда отвечать за мысль приходится судьбой. Сочинителю, привыкшему радостно гоняться за своими свободными мыслями, трудно понять, как тогдашние профессора философии умудрялись подчинять сознание бытию. Это великое послушание нужно было философии вовсе не для тривиального унисона, а для того, чтобы достичь изошренного энгармонического звучания – его слышит тот, кто слышит. Ни одна из философских доктрин не испытывала подобного напряжения от встречи с профанным «низом».

К началу 40-х годов советская философия приобрела завершенную, систематизированную форму. Уже стала забываться неприятная история с «философским руководством» А.М. Деборина, попытавшегося в конце 1920-х годов диктовать красной профессуре прописи марксистской диалектики. Власть над философией, осно-

ванная исключительно на виртуозном умении цитировать «Науку логики», оказалась весьма эфемерной. Единственный оставшийся в живых «меньшевиствующий идеалист», Деборин, вероятно, так и не смог понять, почему плохо разбиравшиеся в Гегеле «молодые товарищи» из партбюро Института красной профессуры, М.Б. Митин и П.Ф. Юдин, решили основной вопрос философии в свою пользу всерьез и надолго: почти десять лет в этой области науки можно было наблюдать лишь тихие персональные перемещения: кто-то исчезал, а кто-то жил премудрым пескарем либо на авось. В 1938—1939 годах в философии стали происходить шевеления: под эгидой Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) стала создаваться система всеобщего обучения интеллигенции диалектическому и историческому материализму, возродился философский факультет Московского института истории, философии и литературы (МИИФЛИ); Институт философии АН СССР принял за многолетнюю «Историю философии», среди звезд первой величины зажглась «сверхновая» – доцент Г.Ф. Александров. До 1938 года он преподавал в МИИФЛИ историю философии, затем перешел в аппарат Коминтерна, а оттуда в Управление пропаганды.

Основной вопрос философии стал опять актуализироваться и был решен весной 1944 года в форме постановления ЦК ВКП(б) о третьем томе «Истории философии», который был запрещен как содержащий грубые ошибки в оценке немецкой классической философии. За этим явным постановлением стояло еще одно, секретное постановление о состоянии философской науки. Западные исследователи и сегодня немало удивлены эпизоду с третьим томом, свидетельствующему, по их мнению, об огромном значении, которое партия придавала философской мысли Гегеля. Тогда же был обсужден и шестой том, посвященный русской философии. Реже вспоминают, что Б.Э. Быховского выгнали из Института философии, умер от инфаркта Б.С. Чернышев, а В.Ф. Асмус был обвинен в крупных ошибках. Историки философии попали под огонь, направленный на Митина и Юдина. После их снятия с руководящих должностей «главным философом» страны стал академик Александров, сделавший стремительную карьеру в период, когда в высший эшелон партийно-идеологической элиты пришли люди А.А. Жданова. Интеллектуал, написавший немало научных трудов по истории философии, Александров почему-то не догадывался, что путь вверх и путь вниз – один и тот же. Он расставил на ключевые посты своих людей (М.Т. Иовчук – заместитель начальника Управле-

ния пропаганды, В.И. Светлов – директор Института философии, В.С. Кружков – директор Института Маркса, Энгельса, Ленина, П.Н. Федосеев – главный редактор «Большевика») и, вероятно, считал, что основной вопрос философии в принципе решен, задача заключается лишь в его дальнейшей доработке. До 1947 года все было относительно спокойно, но рано или поздно, как говорится, на каждого Вольфа находится свой Юм. Уже тогда в тихой московской квартире на Сретенке один из профессоров писал первый вариант ужасного доноса на академика. Таков абрис событий, предшествовавших знаменитой философской дискуссии 1947 года.

После войны, когда стало очевидным «отставание теоретической работы по общественным наукам»¹, наметились существенные изменения в расстановке сил и тематике исследований. Новая элита, занявшая высокие номенклатурные кресла в результате очередной ротации, должна была обозначить свое существование активными мероприятиями. Немножко пахло жареным. Одно из многообещающих изменений в тематическом репертуаре философских исследований было связано с ростом интереса к русской общественной мысли и усилением «патриотической» тенденции в марксистско-ленинской теории. Эта тенденция возникла по меньшей мере в 1938 году – именно тогда в план Института философии был включен злосчастный «русский» том «Истории философии»², который был осужден в 1944 году, так и не увидев света. Осенью 1946 года в советской философии произошло знаменательное событие: в только что открытой Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) состоялась защита докторской диссертации М.Т. Иовчука, которая называлась «Из истории русской материалистической философии XVIII–XIX веков»³. Обстоятельства этой защиты не вполне ясны. На заседание ученого совета могли попасть только те, кто имел пропуск в здание Академии или специальное приглашение. Сама диссертация была недоступной, и попытки исследователей установить место ее нахождения оказались безрезультатными. Это, конечно, не означает, что диссертации не было вообще. Скорее всего, автор принял меры, чтобы оградить свою работу от пристрастных читателей уже в конце 1940-х годов, когда в ЦК приходили сообщения о его служебных злоупотреблениях как заместителя начальника Управления пропаганды и затем секретаря ЦК Компартии Белоруссии по пропаганде. В середине 1950-х годов диссертацию безуспешно пытались почитать молодые философы Э.В. Ильенков, Ю.Ф. Карякин, Е.Г. Плимак и Л.А. Филиппов, которые вели ак-

тивную борьбу против З.Я. Белецкого, И.Я. Щипанова и М.Т. Иовчука на философском факультете МГУ⁴. Не касаясь вопроса о научном уровне диссертационного исследования М.Т. Иовчука, можно уверенно утверждать, что он сумел предугадать последующие эволюции внутривосточного курса, декларируя идею «самобытности» материалистической традиции в русской философии.

В 1947 году предполагалось созвать Всесоюзное философское совещание⁵, где, по всей вероятности, наряду с вопросами истории западноевропейской и русской философии готовилось обсуждение перспектив логики, психологии и социологии, новых идей в философии естествознания. Сектор философии естествознания, созданный по инициативе Б.М. Кедрова, ставил целью осуществить новую концепцию философской работы, включив в нее известных физиков, химиков, биологов. Правда, оставались большие сомнения в том, какова роль философов в междисциплинарном синклите⁶. Впоследствии, когда начался новый виток борьбы с «физическим идеализмом», сотрудничество философов с естествоиспытателями стало весьма проблематичным. Немного преувеличивая, можно сказать, что философское отделение всегда воспринималось в Академии наук как политотдел и вызывало опасения у специалистов. Но тогда, после войны, философы жили предощущением кардинальных изменений. Значительным достижением советской общественной науки обещала стать новая Программа ВКП(б), проект которой был подготовлен П.Н. Федосеевым, М.Б. Митиным, Д.Т. Шепиловым⁷. Однако ситуация оказалась более сложной и непрогнозируемой, чем можно было ожидать. Для перестройки философии был избран испытанный способ проведения дискуссии, и под критику попал как раз тот, кто по должности сам был обязан давать руководящие критические указания, — Г.Ф. Александров.

После присуждения Г.Ф. Александрову Сталинской премии за учебник «История западноевропейской философии», вышедший в 1946 году вторым, дополненным изданием, и избрания его действительным членом Академии наук, казалось бы, ничто не предвещало грозы. Во всяком случае, в ноябре 1946 года обстановка на философском фронте, в том числе в кабинете Александрова, была вполне спокойной. В записных книжках редактора «Правды» П.Н. Поспелова имеется запись от 26 ноября 1946 года, сделанная, вероятно, во время телефонного разговора с высокопоставленным собеседником и с его слов: «Работа Г.Ф. Александрова по марксистской философии стоит на весьма высоком научно-исследовательском уровне»⁸.

Скорее всего, речь шла о присуждении Александрову Сталинской премии. Личные успехи начальника, вероятно, создавали настроение благодушия у философов. Постановления о репертуаре драматических театров, о кинофильме «Большая жизнь», о ленинградских литературных журналах воспринимались философами несколько отстраненно. Институт философии находился под личным надзором Александрова и чувствовал себя в относительной безопасности даже в январе 1947 года, когда ЦК ВКП(б) поручил подвергнуть критике учебник по истории западноевропейской философии.

Мы имеем возможность установить если не причину, то «первоначок», приведший в действие механизм дискуссии о книге Александрова. 18 ноября 1946 года профессор З.Я. Белецкий (тот самый, который в 1944 году «заложил» третий том «Истории философии») опять обратился с письмом к И.В. Сталину, где не только критиковалось содержание учебника, но и предъявлялись серьезные обвинения самому Александрову. Белецкий писал, что сейчас, после войны, существует точка зрения, что решение ЦК по третьему тому «Истории философии» было конъюнктурным и «теперь следует все поставить на прежнее место»⁹. Возрождение историко-философского объективизма автор письма связывал с книгой Александрова, преимущество которой по сравнению с другими историями философии (имелись в виду труды Гефдингга и Виндельбанда) только в том, что «в ней приводятся цитаты из классиков марксизма-ленинизма»¹⁰. Позиция Белецкого была жесткой и последовательной. Он отвергал философию как науку о «чистом познании, чистой истине, благе, добре и т. д.—...философия при таком представлении изображается как самостоятельный процесс, где формируются общие законы мира и познания», а история философии «начинает излагаться... как чистая филиация идей... Такое изложение истории философии доставляет автору наслаждение. Он погружается в сферу чистой мысли и конструирует там мир»¹¹. «Марксистский подход,— пишет Белецкий,— требует умения понять (философскую фразу.— *Авт.*) как идеологию определенного общества, класса, государства... Только при таком изложении история философии приобретает смысл и перестает быть сборником философских терминов, она предстает как наука партийная»¹².

Белецкий обвинил Александрова в том, что тот переиздал «с какими-то» улучшениями свою книгу 1939 года, не учитывая ре-

шения ЦК о третьем томе. Но главное обвинение сводится к академичности в трактовке истории философии, тогда как «идейно-политическая сторона этой философии автора не интересует»¹³. Идеино-политическое воззрение на историю философии отчетливо представлено в письме Белецкого Сталину. Требовалась немалая решительность и, возможно, большевистская принципиальность, чтобы выступить против руководящих работников «философского фронта», которые одновременно возглавляли Управление пропаганды ЦК и пользовались покровительством вождей. «У них в руках и печать, и академии, и пр. и пр.»,— писал Белецкий¹⁴. В итоге «совершенно непригодные диссертации оказались утвержденными только потому, что речь шла о работниках Управления пропаганды» (автор письма назвал диссертацию Иовчука); когда началась кампания выборов в Академию наук, «руководство Управления пропаганды пожелало в полном составе войти в состав академиков»¹⁵. Письмо завершалось уверением, что устранить недостатки в работе без личной помощи Сталина невозможно.

Если отвлечься от раздумий об аморальности доноительства, то правоту Белецкого не признать нельзя. «Красный террорист» советской философии, он часто изображается злобным и невежественным обскурантом. О Белецком ходят анекдоты, за достоверность которых трудно поручиться. Рассказывают: когда профессора спросили, что есть истина, он, распахнув окно аудитории и указав на Кремль, воскликнул: «Вот она – истина!» По существу, Белецкий виноват лишь в том, что вел линию марксистского теоретического дискурса дальше, чем остальные интеллектуалы, не лукавил и не останавливался перед необходимостью вступить в борьбу с сильными мира сего. Через некоторое время Белецкого подвергли жестокой травле на философском факультете МГУ. «Старые» философы не могли простить ему писем Сталину, а «молодые» – невиданной ортодоксии, хотя некоторые его ученики были увлечены бескомпромиссной принципиальностью профессора. До самой смерти Белецкого его имя было сопряжено с идеей борьбы за чистоту марксизма против коллег по философскому цеху.

Темой январского обсуждения 1947 года стали замечания Сталина «о существенных, крупных недостатках и ошибках в освещении истории философии». Эти замечания не были нигде опубликованы, точно не формулировались, а «доводились» до аудитории посвященными в них лицами, которые ссылались на «одну из бесед Сталина».

О содержании сталинских замечаний мы можем судить по «доксографам». Первый из них – свидетельство М. Джиласа, в то время одного из югославских коммунистических вождей, который был вхож в высшие круги советского руководства и даже присутствовал на одной из неформальных встреч на даче у Сталина, когда разговор коснулся книги Александрова. Обстановка была доверительной (в рамках допустимого), все были свои: кроме Джиласа – Маленков, Берия, Жданов и Вознесенский. Предписывалось угадать температуру воздуха за окном и затем выпить столько рюмок водки, сколько градусов составляло отклонение «субъективного» значения переменной от истинного. Джилас ошибся всего на один градус и свидетельствует, что в непринужденном разговоре собравшиеся (в том числе Сталин) оценивали книгу Александрова как догматическую, поверхностную и банальную¹⁶. Свидетельство Джиласа отражает, скорее всего, реальное мнение Сталина и его окружения об «Истории западноевропейской философии». Джилас и сам был неплохо знаком с книгой, которую под его руководством вскоре перевели на словенский язык и исправили десятки недочетов в тексте. По крайней мере, можно считать установленным, что книгу читали на самом верху и мнение о ней сложилось умеренно отрицательное. Иное дело – «указания» Сталина. Они принадлежат области идеологического мифотворчества и вполне могут не отражать реального мнения вождя о книге. «Указания» раскрываются во втором источнике – стенограмме обсуждения книги, в тех ее фрагментах, где содержатся ссылки на Сталина. Некоторые выступления включают нечто похожее на аннотацию «указаний»¹⁷, но относиться к ним следует весьма осторожно.

Есть и третий источник, в котором особо акцентируются «замечания товарища Сталина». В.С. Кружков и Г.С. Васецкий готовили проект записки на имя Сталина и сообщение об итогах обсуждения книги в журнале «Большевик». Имеется несколько вариантов текста, один из которых построен на разъяснении сталинских «замечаний»: «Основные недостатки книги... идут по линии объективистского изложения философских систем прошлого. Книга не написана тем боевым языком, как это требуется для марксистской книги по истории философии... В книге недостаточно точно и удовлетворительно вскрывается историческая, классовая основа и причины возникновения различных философских систем...»¹⁸ Далее следует ссылка на указание товарища Сталина о причинах возникновения древнегреческой философии – они заключались

не в раздробленности общественно-политического устройства Греции, а в становлении рабовладельческого общества¹⁹.

Следующее замечание повторяет известный с 1944 года тезис о философии Гегеля как аристократической реакции на французскую революцию²⁰. «В книге не выявлено принципиальное различие между философскими учениями мыслителей-одиночек и марксистско-ленинской философией как мировоззрением и знаменем пролетарских масс»²¹ – это замечание приводится в разных источниках. И наконец, формулируется отношение к фразе Ленина в работе «К вопросу о диалектике» по поводу «кругов в философии». Сталин полагает, что «нет оснований... фрагментарное замечание Ленина превращать в особое учение»²². «Круги в философии» в дальнейшем ставились в вину и Кедрову.

Задача дискуссии формулировалась в терминах предъявления к учебнику повышенных требований²³, следовательно, изначально существовала установка на мягкий исход дела. Обсуждение проходило три дня в большом зале Института философии на Волхонке без особой идеологической ажитации. Зал был набит до предела, только сотрудников ЦК ВКП(б) было 68 человек²⁴. В президиуме в генеральском мундире сидел А.Н.Поскребышев. В общем, обсуждение не предвещало никаких серьезных последствий ни для автора книги, пока находившегося на вершине философской пирамиды, ни для сообщества советских философов. Аудитория хорошо сознавала рамки допустимого в критических демаршах, хотя не обошлось и без эксцессов.

Критика книги в духе «указаний товарища Сталина» не вполне соответствует тем оценкам, о которых сообщал Джилас. В этом нет ничего удивительного: публичные обсуждения всегда подчинены жестким схемам идеологической эристики, безразличным к тому, что критикуется. О догматизме и банальности «Истории западноевропейской философии» не было сказано ни слова. Дискуссия разворачивалась в плане противопоставления ленинского принципа партийности объективизму, бесстрастной академической оценке философского наследия. Возвращаясь к причинам (в той мере, в какой мы можем говорить о причинах в истолковании событий) недовольства Александровым и его книгой со стороны высших политических инстанций, следует отдавать отчет в том, что они не сводились ни к догматизму и поверхностности, ни к буржуазному объективизму и академичности. Все это метафоры, требующие расшифровки и угадывания их действительного содер-

жания. Дело в том, что «стиль, язык книги не проникнут боевым марксистским духом»²⁵. Эта инвектива попадает прямо в цель: не ошибки важны, а «дух». «Дух» же прекрасно улавливался всеми, кто имел философско-политическое чутье. Опытный О.В. Трахтенберг назвал александровскую работу «книжной» книгой»²⁶ – превосходный диагноз. И все-таки представленную в ней версию истории западноевропейской философии трудно назвать академической. Вина Александра, скорее всего, состояла в том, что он обнаружил себя не столько политиком-партийцем, сколько доцентом марксистской философии. Самым лучшим для него, вероятно, было бы не привлекать к себе особого внимания сильных мира сего, но начальник Управления пропаганды переоценил свою роль в иерархии, и ему решили показать его настоящее место.

Некоторые факты свидетельствуют, что предварительная разработка «александровского дела» велась в конце декабря 1946 года. Не исключено, что готовился ответ Сталина на «письмо простого советского человека» с разъяснением историко-философских вопросов, но эта версия не была принята и от нее остались легендарные «замечания». Иногда они фигурировали как «указания ЦК ВКП(б)». Ход событий можно со значительной степенью достоверности реконструировать следующим образом.

В Институте философии постоянно обретался некий инженер П.В. Михалевич – «представитель десятков тысяч читателей философских книг»²⁷ – и терроризировал своими философскими идеями и критическими замечаниями начальство и сотрудников. Такие субъекты в коридорах Института философии никогда не переводились. В один прекрасный день – 15 декабря 1946 года – указанный инженер Михалевич обратился с письмом к товарищу Сталину, где сообщил о серьезных недостатках учебника по истории философии. Почти каждый абзац этого сумбурного полуграмотного письма начинался со слов: «Надо было показать...»²⁸ Отзыв о книге заканчивался недвусмысленным акцентом на национальный характер русской философии, историческую прогрессивную роль русской общественной мысли, затем следовало многозначительное указание «на отсутствие талмудизма, присущего людям могущим со свежей головой, со стороны разобраться в существе вопроса»²⁹. В отличие от руководителей института, Центральный Комитет отнесся к сигналу Михалевича по-партийному. Письмо читали «большие товарищи»³⁰, с автором беседовали на Старой площади и в конце концов ему дали возможность выступить на дискуссии от имени

народа. Михалевич не только разнес Александрова, но и предложил разделаться аналогичным образом с С.Л. Рубинштейном (вероятно, «талмудист» Рубинштейн провинился в том, что, будучи заместителем директора института, без должного энтузиазма воспринял философские мысли представителя народа).

Критические замечания к учебнику, прозвучавшие в ходе дискуссии, в основном соответствовали «указаниям» Сталина. В.С. Кружков, ссылаясь на «указания», говорил о партийности философии, о том, что домарксистская философия – это философия мыслителей-одиночек, об объективизме языка книги, боевом духе марксизма. Остальные замечания привязаны к тексту учебника и не вносят в дело каких-либо принципиально новых моментов. По словам Г.Ф. Александрова, Сталин обратил его внимание на отличие марксистской философии от прежних философских систем, как систем мыслителей-одиночек, которые не могли стать знаменем миллионов³¹. Свидетельство М.Т. Иовчука звучит так: «Товарищ Сталин подверг критике книгу тов. Александрова по истории западноевропейской философии за книжный, абстрактный, небоевой подход к решению историко-философских проблем»³². Б.М. Кедров в конце 80-х годов назвал некоторые замечания Сталина абсолютно правильными, а «объявление гегелевской философии аристократической реакцией на французский материализм и французскую буржуазную революцию конца XVIII века» глубоко ошибочным³³. Это свидетельство, по всей вероятности, относится к более раннему эпизоду – критике третьего тома «Истории философии» в 1944 году. В целом имеющиеся факты не создают уверенности, что сталинские замечания – не миф.

На дискуссии Г.Ф. Александров избрал тактику признания и выявления причин собственных ошибок, но так и не смог преодолеть в себе доцента. В его речи не было недостатка в идеологических заклинаниях, интонация же оставалась «объективистской» и «академической». Академизм здесь был представлен ровно настолько, насколько это было возможно для советского философского начальника, но те компоненты, которые предназначались для выражения «боевого духа марксизма», отчетливо отделялись от философского материала – он упорствовал и не хотел смешиваться с этим «духом». Если здесь уместно слово «менталитет», то в менталитете Александрова умник никак не мог перестроиться в идеолога, хотя изо всех сил стремился это сделать. После беседы со Сталиным у Александрова возникла надежда на благополучный

исход дискуссии – во всяком случае, беседа имела отеческий характер. «Когда в беседе с товарищем Сталиным я сказал, что поработаю над книгой год, может быть больше, товарищ Сталин мне сказал – не торопитесь, может быть, и не один, может быть, два года надо будет поработать, – свидетельствует Александров. – Когда я спросил товарища Сталина – надо ли работать над этой книгой, выйдет ли у меня, справлюсь ли я, он мне сказал: не торопитесь, выйдет»³⁴. Впоследствии вопрос о доработке отпал. 5 августа 1947 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о выпуске коллективной книги «История философии». Ее надо было написать за полтора года³⁵.

На дискуссии мнения о книге разделились. М.Б.Митин и П.Ф.Юдин (их способность чувствовать требования «партийности» всегда была непревзойденной) заняли по отношению к недочетам автора непримиримую позицию, но в идеологических обвинениях за рамки допустимого не вышли. Митин оценил книгу как «провал» в философской работе, хотя все знали о его письме в комиссию по Сталинским премиям, где он перевозносил работу Александрова до небес³⁶. Копия письма Митина была направлена в ЦК ВКП(б) вместе с резюме его выступления – так Институт философии попытался сообщить партии о беспринципности академика. З.Я.Белецкий, повторяя основные положения своего письма Сталину (о письме никто не знал, или делали вид, что не знали), обвинял Александрова в идеализме и аналогичных прегрешениях. В проекте записки для Сталина, обобщающей итоги дискуссии, его выступление названо демагогическим. Более того, Белецкого пытались поймать на буржуазном объективизме, придравшись к его отказу критиковать Фалеса. «За что мы будем критиковать Фалеса? – спрашивал Белецкий. – За что мы будем критиковать Дидро? За то, что не был диалектиком. Да ведь он и не мог быть диалектиком. Он был представителем своего времени, опирался на знания своего времени, отражал интересы своего времени»³⁷.

Ведущей фигурой среди защитников Александрова был П.Н.Поспелов. Он посвятил свое выступление разбору отдельных положений книги, стремясь показать, что не все в ней так плохо. Вот тут-то опытный Юдин, делавший карандашные заметки по ходу дискуссии, записал поразительную по точности проникновения в замысел спектакля фразу: «Такие защитники только ухудшают дело. Они – лишены верного чутья, а руководствуются другими соображениями»³⁸. Среди защитников Александрова были так-

же Б.М.Кедров, И.Н.Новинский, М.П.Баскин, П.Е.Вышинский, М.А.Дынник и другие. Некоторые из них, не имея возможности выступить, изложили свое мнение в письменном виде. Разумеется, никто, даже авторы рецензий, опубликованных в центральных журналах в 1946 году³⁹, не настаивал, что обсуждается «выдающийся труд по истории западноевропейской философии». В целом, январское обсуждение учебника вышло за рамки историко-философских проблем и обнаружило серьезные коллизии в философском сообществе. К этому времени «группы интересов» вполне определились и среди московских обществоведов (прежде всего в Институте философии и на философском факультете Московского университета) шла тихая, но безжалостная война. Далеко не все полемические демарши могут быть выведены из логики групповой борьбы. В марксистской философии всегда было изрядно представлено и романтическое подвижничество. Оно вынуждало своих adeptов воспринимать административно-политический диктат как внешний и поддающийся исправлению.

Вероятно, некоторые философы знали, что критика Александрова – жанр опасный. В 1939 году Е.П.Ситковский, «красный профессор» и видный политработник Красной Армии, написал рецензию на книгу Г.Ф.Александрова⁴⁰ – курс лекций, прочитанный в Московском университете марксизма-ленинизма и МИИФЛИ. В этой рецензии вскрывались недостатки книги. Ситковский показал рукописный текст своему учителю профессору И.К.Лупполу (вскоре расстрелянному). Луппол, как свидетельствует Ситковский, сообщил ему простую вещь: «Сегодня в газете напечатано, что на ваше место в ЦК партии назначен Александров, и будет неправильно политически, если вы напечатаете эту рецензию. Не давайте ее, не лезьте в драку». Совет учителя оказался своевременным. Желание публиковать рецензию отпало. Однако Ситковский допустил серьезную ошибку, впрочем весьма типичную для большевистских романтиков того времени. Он посоветовался с Ф.В.Константиновым, работавшим тогда в редакции «Правды». Константинов сказал: «Так большевики не поступают, это аморально. Дай эту рецензию мне, я никому ее не покажу, ни к кому она от меня не уйдет. Мне она нужна для ориентации»⁴¹. Ситковский дал Константинову рецензию для ориентации, и события стали разворачиваться в нежелательном направлении. «Федя (Ф.В.Константинов.— Авт.) отправил мою рецензию Александрову... – свидетельствует Ситковский.— Тут я первый раз подумал о том, что, конечно, придется мне

сидеть за эту рецензию. Началась борьба, которая приняла тогда очень неприятные формы»⁴². Никакими другими сведениями об этой борьбе мы не располагаем, но, скорее всего, вопрос о рецензии уже потерял остроту, когда Ситковского неожиданно откомандировали на фронт, а там арестовали и отправили «к Абакумову»⁴³. Следует заметить, что вряд ли неопубликованная рецензия имела прямое отношение к аресту Ситковского. Вероятно, он как работник Главполитуправления РККА попал в довольно многочисленную группу генералов и офицеров, арестованных в 1943 году. Но в любом случае сам факт его борьбы с Александровым и последующего ареста был известен многим из тех, кто участвовал в критике александровского учебника в 1947 году (Ситковский тогда был в лагере).

Спокойное течение январской дискуссии было нарушено З.А. Каменским, который не очень много рассуждал об ошибках Александрова, но зато резко и отчетливо поставил вопрос о свободе философского исследования. Каменский заявил о засилье бюрократизма и протекционизма в руководстве наукой и поставил под сомнение профессиональные способности начальства⁴⁴. Впоследствии, когда пришло время сведения счетов, ему отомстили за этот выпад. В дискуссии принял заочное участие член ЦК, начальник Совинформбюро С.А. Лозовский. Он прислал текст своего выступления, где нанес удар заместителю Александрова М.Т. Иовчуку. «Когда я прочитал о том, что Иовчук сразу получил докторскую степень, причем до опубликования книги стал членом-корреспондентом Академии наук, меня очень заинтересовали габариты этого вундеркинда, который сразу же перескочил несколько стадий, обязательных для каждого научного сотрудника,— писал Лозовский.— Но, оказывается, дело просто. Заместители хвалят начальника, начальник хвалит и продвигает своих заместителей»⁴⁵. Так исподволь нашли общий язык будущие «космополиты».

Б.М. Кедров, защищая Александрова, выступил против М.Б. Митина. Сознательный антагонист митинского стиля в науке, пришедший в философию с опытом ученого-естествоиспытателя, Б.М. Кедров определил этот стиль следующим образом: «Дождись, пока твои ошибки повторит другой, и тогда смело, принципиально, бесстрашно критикуй свои собственные ошибки, повторенные другим, но не называй при этом свою фамилию»⁴⁶.

Январская дискуссия завершилась с «ничейным» результатом. В документе, направленном в ЦК ВКП(б), присутствовали

как критические, так и положительные оценки книги. Пространно перелагались сталинские указания, которые должны были помочь Александрову «исправить имеющиеся недостатки и учесть все полезные замечания в дальнейшей работе над учебником»⁴⁷. Это предположение оказалось неоправданным.

Январская дискуссия по книге Г.Ф.Александрова «История западноевропейской философии» осталась незавершенной. Было решено нанести более мощный удар по злосчастному учебнику, и причины этой эскалации остаются не совсем понятными. Александров был и оставался последовательным проводником линии А.А.Жданова – во всяком случае, нет никаких сведений о противоположном, если не считать появившихся после дискуссии публикаций в западных газетах о самоотверженном философе, бросившем вызов партийной диктатуре: «Вашингтон пост» (20 августа 1948 года) назвала Александрова «самым выдающимся советским философом». Решение повторить обсуждение было принято Сталиным исходя из каких-то тактических соображений. Новой дискуссией было поручено руководить самому члену Политбюро ЦК ВКП(б) А.А.Жданову. Решение это оказалось для философов шокирующим. 14 мая 1947 года директор Института философии Г.С.Васецкий сообщил новость ученому совету. На вопросы ошеломленных коллег он смог ответить лишь то, что в подготовке решения работники института участия не принимали⁴⁸.

Дискуссии планировалось придать общесоюзный масштаб, и Управление пропаганды затребовало списки советских философов с указанием должности, ученой степени и звания. Такие сведения в институте были, поскольку ранее велась подготовка к Всесоюзному философскому совещанию. Примечательно, что в начале марта Васецкий обсуждал вопрос о философском совещании в ЦК ВКП(б), и тогда о новой проработке Александрова не упоминалось⁴⁹. Всего набралось около 160 философов – доцентов, старших научных сотрудников, кандидатов и докторов наук⁵⁰. Значительная часть этого контингента находилась на партийной работе. Какими критериями руководствовались при составлении списка – сказать трудно. По данным проведенного через год единовременного учета преподавателей общественных наук, в стране было 4836 преподавателей общественных наук, в том числе профессоров – 125 человек и 44 доктора наук⁵¹. Разумеется, элиту советских философов составляли сотрудники Института философии. Практически все они присутствовали на дискуссии вместе

с представителями научных учреждений Ленинграда, Киева, Минска и других городов страны.

Открывая дискуссию, А.А.Жданов сразу же заявил о необходимости вскрытия серьезных недостатков не только в учебнике Александра, но и в положении дел на философском фронте. Попутно надо заметить, что в сочинениях эпохи перестройки и либерализации принято оценивать выступления А.А. Жданова как догматические, поверхностные и обскурантистские. Если дистанцироваться от оценок, то нельзя не признать яркость и точность его формулировок, свободу рассуждения и уверенность в оперировании материалом. Это проявляется даже в опубликованной стенограмме дискуссии. Участники обсуждения, которых трудно упрекнуть в симпатиях к «ждановщине», тоже подтверждают данное обстоятельство. «Речь Жданова произвела на участников дискуссии сильное впечатление, — пишет З.А. Каменский. — На фоне по преимуществу догматических выступлений ее участников она выгодно отличалась имманентностью хода рассуждения, претензией на крупномасштабные обобщения и глобальные формулировки, как бы выводящие методологию историко-философского исследования на новый и высокий уровень». При этом Каменский существенным образом корректирует свою оценку: «Первое впечатление было поверхностным и растаяло, как только появилась возможность... проанализировать текст в напечатанном виде»⁵².

Обсуждение книги происходило уже не в конференц-зале Института философии, как это было в январе, а в ЦК ВКП(б) — симптом сам по себе многозначительный. Кроме Жданова на дискуссии присутствовали секретари ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов и М.А. Суслов. Обвиняемый опять признавал ошибки и каялся в объективизме, а попытки некоторых философов привести оправдательные аргументы выглядели уже совершенно наивными и беспомощными. Вообще, в полемике присутствовал отчетливый компонент недоразумения. Партия добивалась от философов вовсе не того, что они ожидали: не работы, а преданности. Интеллектуалы же проявляли принципиальность, не зная, как эту преданность выразить. В результате складывались ситуации курьезные и одновременно драматические. Например, в центре внимания диспутантов оказался М.П. Баскин, чье имя упоминалось на дискуссии столь же часто, сколь имена Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и критикуемого Александра. Профессор М.П. Баскин развивал тогда социологическое направление в советской философии и был тесно

связан с Г.Ф. Александровым еще со времени их совместной работы на философском факультете ИФЛИ⁵³. Совершенно непонятно, зачем Баскину, изрядно скомпрометированному своими рецензиями на учебник, нужно было дразнить гусей и активно вмешиваться в обсуждение ситуации на философском фронте. Он мог бы промолчать, как это сделал П.Н. Федосеев (заместитель Александрова и главный редактор журнала «Большевик»), или вести себя скромнее. Наоборот, Баскин выступил с резким требованием свободы философского творчества. «Если мы пишем статью оригинальную, с определенным выражением мысли автора, выходящей за пределы установленных редакцией шаблонных норм,— сказал Баскин,— такая статья или не принимается, или еще чаще так редактируется, что все индивидуальное уничтожается, и, таким образом, все статьи выглядят одинаково»⁵⁴.

Такого рода ламентации были сопоставимы с гласом вопиющего в пустыне – дискуссия предназначалась вовсе не для того, чтобы преодолеть «шаблонные нормы». Если принять оценку Ждановым философии как «тихой заводи», где идут споры о том, насколько мышление может отстать от бытия, чтобы не обнаружить своей отсталости, то дискуссия стала водоворотом, взбаламутившим «философскую заводь». Вылезли наружу тайная вражда, зависть, подозрения. В стенограмме дискуссии исчерпывающе представлен диапазон философской аргументации. Как свидетельствует Б.М. Кедров, в опубликованном тексте отсутствуют какие-либо исправления, связанные с конъюнктурными соображениями. Сталин приказал, чтобы дискуссия была совершенно свободной и каждый мог говорить все, что считает нужным. Кедров пишет, что добился у Сталина разрешения на два исключения: он снял из текста речи А.К. Тимирязева «клеветнические выпады» против А.И. Иоффе, В.А. Фока, С.И. Вавилова и других физиков, а также полностью устранил из стенограммы выступление Аджемьяна, который предлагал взять в союзники диалектического материализма православие в целях борьбы с Ватиканом⁵⁵. Документы, хранящиеся в бывшем Центральном партийном архиве, содержат подтверждения, что без санкции Сталина в стенограмму не вносилось исправлений. 26 июля – ровно через месяц после окончания дискуссии – Б.М. Кедров написал письмо Жданову, где просил разрешения изъять из номера выступления Аджемьяна, Бердника и Тимирязева. «Дискуссия» послужила тов. Аджемьяну лишь поводом для того, чтобы пропагандировать в корне враждебные нам взгляды», – писал Ке-

дров⁵⁶. Бердник отклонялся им как душевнобольной, а речь Тимирязева Кедров назвал сплошным поклепом на передовых советских физиков⁵⁷. Жданов не смог взять на себя решение данного вопроса и в письме к Сталину от 28 июля предложил речь Аджемяна не публиковать, как «враждебную марксизму-ленинизму галиматью», из речи Бердника устранить преувеличения и вредные выпады, а из речи Тимирязева убрать огульные обвинения против советских физиков⁵⁸. Так что свобода обмена мнениями в данном случае сверху не ограничивалась. В эти июньские дни 1947 года в доме на Волхонке сложилась ситуация, во многом предопределившая направленность и исход политических преследований полутора годами позже.

Сам факт дискуссии на столь высоком уровне означал, что вопрос об Александрове и его учебнике если не решен, то похоронен. Дело было уже не в учебнике. Возникали новые взрывоопасные проблемы. В частности, стало явным противостояние З.В. Смирновой, З.А. Каменского и М.З. Селектора, с одной стороны, и М.Т. Иовчука, И.Я. Щипанова и Г.С. Васецкого, с другой, – противостояние, связанное, на первый взгляд, с оценкой влияния западной философии на русскую общественную мысль и оригинальности русской философской традиции в целом. Эта линия кажется второстепенной на фоне обсуждения «объективистских» ошибок Александрова, однако, по сути, эти ошибки и сам учебник были уже в июне делом пройденным. Как часто бывает в истории, маленькое облачко быстро растет и превращается в грозовую тучу.

В. Смирнова, возглавлявшая группу истории русской философии в Институте философии, выступила против «перегибания палки» в обосновании самобытности русской философской традиции и дипломатично призвала «отказаться от излишней боязни связывать русскую философскую мысль с западноевропейской на том основании, что якобы само признание этой связи должно привести нас к выводу о несамостоятельности и неоригинальности русской мысли»⁵⁹. Кроме того, не называя имен, Смирнова достаточно резко осудила тактику, использованную Иовчуком и Васецким в «Очерках по истории русского материализма XVIII–XIX веков»⁶⁰, – линия философской традиции строилась в книге таким образом, что каждый хронологически более поздний мыслитель оказывался непосредственным преемником раннего. Результатом было карикатурное смешение библейского родословия с ленинской концепцией трех поколений революционной демократии: «Ломоносов по-

родил Радищева», а «Радищев породил (или разбудил) Герцена». В выступлении Смирновой рецепт большевистской истории философии был раскрыт в его бесхитростной сути как целенаправленная подгонка под заранее известный вывод: «берем всех русских философов-материалистов, располагаем их в хронологическом порядке и развитие материалистических воззрений каждого из них характеризуем влиянием соответствующего числа предыдущих».

Выступление Смирновой касалось не столько отдельных лиц, сколько более общей и принципиальной проблемы сохранения профессиональной добросовестности в историко-философской работе. Угроза ощущалась вполне отчетливо. Превращение истории русской философии в идеологически опекаемую и политически ангажированную область науки, произошедшее после принятия решения ЦК ВКП(б) по третьему тому «Истории философии» в мае 1944 года, привело в действие те же механизмы размывания структуры научной деятельности и этоса академической науки, которые проявились в экономической, философской, биологической и исторической «дискуссиях». Один из таких механизмов – перемещение в обеспеченную политической и идеологической поддержкой область исследований молодых искателей карьерных шансов, перемещение в ситуации, когда обычный – достаточно длительный – цикл академической социализации разрушен, а вертикальная мобильность чрезвычайно высока. Именно такая ситуация сложилась в результате «выбывания» специалистов после систематических чисток и разоблачений.

Этот механизм перерождения науки наиболее доходчиво описала Смирнова: «За последние три года мне пришлось столкнуться с нашей работой по истории философии...

Очень часто наши молодые товарищи начинают заниматься историей русской философской мысли не потому, что это им интересно, не потому, что это имеет большое научное значение, а потому, что это им представляется наиболее легким и простым делом. Эти товарищи часто подходят к истории русской мысли очень просто. Что нужно знать для этого? Языков знать не нужно, западно-европейскую философию знать не нужно, даже русскую литературу, с которой так тесно была связана русская философская мысль, знать не нужно»⁶¹.

Выступление М.Т.Иовчука, в то время секретаря ЦК Компартии Белоруссии по идеологии, сочетает агрессивные нападки на Смирнову с полноценной риторикой последующей кампании

против «космополитов». Характеризуя «неправильные взгляды» Смирновой и ей подобных, он перебрасывает мост от только что начавшейся на XI пленуме Союза советских писателей травли «космополитов от литературоведения» к проблемам русской философии: «Подвергнутые в последнее время критике в печати теории Нусинова, Эйхенбаума, отдельные лекции и диссертации свидетельствуют о том, что низкопоклонство перед Западом пустило известные корни среди некоторой части интеллигенции... В этой связи я думаю, что т. Смирнова не совсем по адресу направляет товарищей, занимающихся русской философией, когда заявляет, что мы мало говорим о западноевропейских влияниях и слишком часто намираем на самостоятельность русской философской мысли. Нам еще предстоит до конца развенчать, окончательно похоронить легенду о полной зависимости русской мысли от заграницы»⁶².

Здесь впервые проявляется то, что на первый взгляд кажется дьявольской хитростью Иовчука – «оппозиционеры» изначально наделены видовым признаком «низкопоклонства», по которому будут безошибочно распознаваться жертвы грядущей антикосмополитической чистки. В действительности же никакой inferнальной пронизательности от Иовчука не требовалось. Он всего лишь воспользовался случайным (с точки зрения участников философской драмы) и неслучайным (в логике идеологической эволюции сталинизма) совпадением. Официальная идеология, изначально содержащая в себе импульс национал-большевизма, в период войны и последовавшего за поражением Германии геополитического противостояния бывших союзников стала отчетливо демонстрировать имперские и охранительно-изоляционистские установки. Идеи российской имперской «государственности» и «русского характера» как устоев державы одинаково успешно использовались и для укрепления разболтавшегося в сумятице войны ценностного каркаса «внутренней» идеологической доктрины, и для герметизации общественного сознания от заносимой из освобожденной Европы идеи «духовного и политического союза демократических государств» – так, в частности, формулировал эту идею постоянно разоблачаемый советской прессой британский министр иностранных дел Э. Бевин⁶³, стремившийся предотвратить дальнейшую экспансию сталинизма, – и для развертывания консолидирующей народ новой чистки, направленной на этот раз против «ненационально» мыслящей интеллигенции. Все эти идеологические инновации были достаточно очевидны еще осенью 1946 года.

К маю же 1947 года, в разгар преследований «компаративистов-антипатриотов-низкопоклонцев» в литературоведении и на фоне начавшейся еще в 1944 году систематической пропаганды патриотических идей самобытности и превосходства русской науки и культуры, М.Т.Иовчук оказался в исключительно благоприятной ситуации. Спор об этике профессиональной работы и элементарной добросовестности автоматически транспонировался в тему идеологической благонадежности. Намерения и стиль работы Иовчука совпадали по направлению с господствовавшей идеологической тенденцией, а его оппоненты действительно (хотя нельзя с уверенностью сказать, что сознательно) противостояли этой тенденции в такой стратегически важной области, как история русской философии.

Следует заметить, что Иовчук в описываемых событиях 1947 года проявил определенный провидческий дар, смело связав уже устоявшуюся доктрину национальной самобытности с еще не вполне оформившейся идеологемой противостояния «враждебным проискам космополитов». Окончательное оформление этой идеологемы относится к первой половине 1948 года, когда газетные терминологические клише «раболепие» и «низкопоклонство перед Западом» были вытеснены «безродным космополитизмом» и диалектически с ним связанным «буржуазным национализмом»⁶⁴. В тексте выступления Иовчука на июньской дискуссии соответствующий пассаж выделен курсивом: «В литературе по истории философской и экономической мысли, в трудах по истории русской литературы долгое время усиленно пропагандировались *идущие от буржуазных космополитов теории, будто русская философская мысль – плод исключительно западноевропейских влияний, результат перенесения на русскую почву различных теорий Запада*»⁶⁵.

Пропаганда русской самобытности еще до окончания войны являлась абсолютным и неоспоримым идеологическим императивом. Достаточно было истории с «Историей русской философии». В России говорят: обжегся на молоке – дует на воду. После инцидента 1944 года упомянутая проблема обсуждалась постоянно. Например, в марте 1945 года на заседании сектора истории философии специально рассматривался вопрос о русской самобытности в философии. Доклад делала Э.В. Смирнова, вероятно не придававшая особого значения оригинальности русской философской мысли. Еще тогда профессор О.В. Трахтенберг – человек мудрый и опытный – говорил о необходимости включить в книгу по истории рус-

ской философии раздел по допетровскому и доомоновскому периодам. «Этим пересекаются клеветнические теории относительно импортного происхождения русской культуры и русской философии. Они базировались на том, когда появляется русская философская мысль, она появляется в конце 18 века как продукт импорта. Это надо пресечь. ... Мы даем это слишком поздно, мы даем с конца XV века. Лучше было бы дать маленький очерк и более ранних ступеней. Экономисты дают историю русской экономической мысли, они говорят, что у них начинается чуть ли не с XI века. Желательно и у нас несколько раньше начать это дело. Утверждение этой идеи о древности, о самостоятельности русской мысли является для нас необходимым»⁶⁶. Профессорские предостережения бывшего кадета были восприняты недостаточно буквально.

Самое необычное и даже сенсационное выступление на июньской дискуссии принадлежит З.А. Каменскому. Было бы естественно предположить, что именно Каменский – один из крупных специалистов по истории русской философии – даст детальную и квалифицированную критику взглядов Иовчука на роль традиции в русской философии. Однако Каменский предпочел ненадолго отложить эту задачу и обратился к «вопросам научно-организационного свойства»⁶⁷.

Первый объект его атаки – «бюрократические и протекционистские пороки в организации нашей научной работы в системе публикации научных трудов по общественным наукам»⁶⁸. Видимо, поверив в искренность ждановских призывов к принципиальной критике существующих недостатков «на философском фронте», Каменский распространил свою критику на партийно-философское руководство и перешел к опасным обобщениям: «Эти пороки – одна из форм той групповщины, которая, как мы теперь установили, отмечала руководство философской наукой... Правом более или менее беспрепятственной публикации пользуются у нас лишь руководящие товарищи»⁶⁹. Смысл этого замечания становится яснее, если учесть, что к тому времени в рабочем столе Каменского лежали сотни страниц неопубликованных научных трудов. Следующая ступень обвинений не оставляла Каменскому никаких шансов на научную карьеру: «Наши руководящие товарищи... не являлись и не являются в большинстве своем одновременно и крупнейшими деятелями науки. Они, в сущности, больше лица административные, чем ученые. За время существования в Академии наук Институт философии возглавляли по очереди, если я не ошибаюсь, четы-

ре директора: тт. Митин, Юдин, Светлов, Васецкий. Но назовите хотя бы одну из их работ, которая открывала бы новую страницу в философской науке»⁷⁰.

Каменский не старался скрыть свои подлинные намерения и, как будто его влекла судьба героя античной трагедии, привел в наидание ошеломленным богам философского Олимпа примеры «действительно авторитетных директоров» академических институтов: В.Ф. Шишмарева (его уже преследовали как «формалиста» и «низкопоклонца» – ученика А.Н. Веселовского) и Е.С. Варгу (через год этот постоянно критикуемый академик станет еще и жертвой борьбы с космополитизмом). Каменский потребовал для каждого научного работника действительного, а не формального права критиковать ошибки «руководящих философов», не забыв при этом назвать поименно тех, кого он имел в виду: «Скажем, т. Александра по истории западноевропейской философии, тт. Иовчука, Васецкого или Кружкова по истории русской философии»⁷¹.

Критическую позицию Каменского по отношению к философскому руководству разделяли и некоторые другие участники дискуссии. Все они выступали от себя лично и не пытались объединить свои усилия. Я.А. Мильнер, занимавшийся тогда подготовкой новой версии злосчастного третьего тома «Истории философии», высказался так: «Стоит человеку занять начальнический пост, пусть этот начальнический пост будет только пост директора Института философии, как он мгновенно обращается в обладателя этой абсолютной марксистской истины»⁷².

Действительно, вопрос об истине, точнее о праве распоряжаться абсолютной истиной, был основным вопросом марксистской философии начиная, пожалуй, с полемики между Плехановым и Богдановым. На дискуссии 1947 года речь шла, по сути, о том, кто будет главным философом страны. Звезда Александрова угасла, а новой кандидатуры в поле зрения ЦК не было. Все знаменитые советские философы так или иначе погрязли в идеологических и человеческих прегрешениях. Мильнер имел многие основания обвинить начальство в семейственности, келейности, монополизме и «равнодушии к истинным задачам науки»⁷³.

Неудивительно, что, став директором института, Александров предпринял решительные шаги, чтобы добиться перевода Мильнера на другую работу. Письменные обращения Александрова в ЦК ВКЦ(б), Президиум Академии наук свидетельствуют о том, что он придавал большое значение устранению «неподходящих» работ-

ников и переводу в институт «подходящих». Большую часть кандидатур для перевода из Института философии на другую работу случайно или неслучайно составили евреи⁷⁴. Что касается Мильнера, то его выступление на дискуссии впоследствии обеспечило ему место в рядах «безродных космополитов»⁷⁵, хотя он не только не примыкал к Каменскому в вопросе о самобытности русской философии, но вообще об этом не высказывался.

Впрочем, и сам Каменский в своем выступлении на дискуссии не затрагивал русскую тему. Он стремился защитить «истинный академизм» в философии и детально развивал затронутые в выступлении Смирновой проблемы профессиональной добросовестности, относительной автономии философии от агитационно-пропагандистской деятельности. Разумеется, принцип партийности не мог быть поставлен под сомнение – целью оставалась «большевистская философия». Отчаянная атака молодого историка русской философии на административно-политическую иерархию по прошествии 44 лет объясняется им весьма сдержанно, «может быть, с элементами компрометирующими». «Мы думали тогда, – говорит З.А. Каменский, – что теперь разрешено критиковать высшее начальство и Александров отдан нам на растерзание. А может быть, здесь проявилась отцовская традиция» (смеется)⁷⁶.

И все-таки дело заключается не столько в силе критического порыва, сколько в его модусе и, если угодно, тональности. У многих участников дискуссии, прежде всего у тех, кто не имел слишком большого опыта в философии, критический порыв не был лишен светлого и радостного чувства, возникающего при приближении к истине. Дискуссия воспринималась как ступень очищения на пути к марксистскому научному идеалу.

Таковым, несомненно, было поведение Каменского, который уже после дискуссии обратился к Жданову за разъяснением сложных вопросов историко-философской методологии. В его письме, во-первых, представлены возражения по поводу трактовки предмета истории философии как борьбы материалистического мировоззрения с идеалистическим. Во-вторых, Жданову был задан вопрос, как следует понимать сформулированный им марксистский тезис, что «развитие философской мысли в конечном счете определяется материальными условиями жизни общества». Ответа от верховного идеолога автор письма не получил. Через несколько лет, когда мучительно обсуждался макет новой «Истории философии», Каменский, уже уволенный с работы за «космополитизм», обратился

с письмом к самому Сталину, где предлагал определение предмета истории философии как инварианта – более совершенное, чем ждановское. Ответа не последовало⁷⁷.

С точки зрения долговременных политических тенденций разгром «группы» Смирновой, Каменского, Селектора был предопределен, но тогда, в июне 1947 года, они надеялись, что едины с партией в осуждении Иовчука. Помимо группы историков русской философии в «космополиты» впоследствии попали Б.М. Кедров, М.М. Розенталь, И.А. Кривелев, Я.А. Мильнер и др. Их выступления на дискуссии были достаточно резкими (за исключением речи Розенталя), но причины их обвинений – иные. Совершенно невозможно проследить механизм распределения позиций в философском сообществе, и некоторым удавалось уходить от удара с минимальными потерями и затем восстанавливать преимущество.

Третий раунд – «Вопросы философии»

К концу лета 1947 года в советской философии начался период быстрых институциональных перемен, последствия которых мало кто мог предвидеть. В июле 1947 года Г.Ф. Александров предложил на рассмотрение Сталина и Жданова комплекс мер «по разработке вопросов марксистской философии». Видимо, все еще надеясь сохранить свои позиции начальника Управления пропаганды, он предложил заменить руководство Института философии – поставить во главе его П.А. Шария – тогда секретаря ЦК Компартии Грузии по идеологии – либо Б.М. Кедрова. Логика данного предложения Александра остается непонятной. Грузинский философ Шария был человеком Берия, и предлагать его кандидатуру Жданову было непредусмотрительно. Так, во всяком случае, кажется на первый взгляд. Кедров же был человеком Жданова. В этой же записке Александров весьма низко оценил профессиональный уровень сотрудников Института философии, в том числе тех, кто еще недавно писал хвалебные рецензии о его учебнике, – Васецкого и Баскина он назвал малоспособными людьми⁷⁸. На Старой площади искали нового руководителя института и не могли найти. В июле в проекте постановления Секретариата ЦК фигурировала кандидатура М.Т. Иовчука⁷⁹. Через несколько дней, 17 июля, письменное согласие руководить институтом, «чтобы вытащить этот участок идеологической работы», дал П.Ф. Юдин⁸⁰. Эту версию трудно

прокомментировать, поскольку тем самым перечеркивались бы все «достижения» 1944 года. Ясно только, что кандидатура Юдина продвигалась вопреки Александрову. 9 августа к Жданову обратился директор Института философии Г.С. Васецкий с предложением мер по исправлению ситуации. Положение дел в институте он назвал безотрадным⁸¹ и считал целесообразным пригласить на работу новых людей⁸². Вероятно, Васецкий не предполагал, что ему осталось числиться в должности директора считанные дни.

Обсуждение книги Александрова философской общественностью показывает, что учебник действительно воспринимался как интеллектуалистский, либеральный и даже «демократический». На заседании ученого совета философского факультета МГУ в октябре 1947 года Т.И. Ойзерман сказал, что «тов. Александров излагал историю философии как историю знаний»⁸³. Еще более важным представляется свидетельство другого участника обсуждения – Я.Л. Боргачева: «В 1939 г., когда Александров работал в Коминтерне и приступал к написанию своей книги, он давал нам задания выбрать у философов-мыслителей весь материал, который характеризует демократическую сторону их учения. Все, что имелося реакционного в их учении, осталось без внимания»⁸⁴. Автор «Истории западноевропейской философии» приобрел репутацию свободомыслящего интеллектуала и в зарубежной печати. Газета «Динойе цайтунг», издаваемая в Берлине американской военной администрацией, 22 сентября 1947 года опубликовала редакционную статью «Советская философия». В ней отмечалось, что Александров «осмелился следовать выработанной за тысячелетия обязанности научного разыскания истины... Однако этим своим действием профессор Александров сам себе произнес приговор». Вообще, начальник Управления пропаганды заслужил в глазах американцев имидж «одинокого и мужественного человека». Содержание статьи было незамедлительно доведено до руководства ЦК ВКП(б)⁸⁵, что не способствовало укреплению позиций мыслителя. В партийные организации было направлено закрытое письмо, где освещались итоги дискуссии, а начальник Управления пропаганды был снят с должности и назначен директором Института философии.

Как верно указывает Ф. Коплстон, «хотя книга была подвергнута на конференции критике со стороны А.А. Жданова, это не помешало назначению Александрова руководителем Института философии вскоре после совещания»⁸⁶. В сентябре на совещании сотрудников Управления пропаганды Александрову пришлось еще

раз выслушать немало жестких критических замечаний о своей работе уже как идеологического руководителя.

С осени 1947 года позиционный конфликт в философском обществе продолжал нарастать в виде «развертывания критики и самокритики». Центральным вопросом борьбы на философском фронте был объявлен вопрос о большевистской партийности⁸⁷, а историко-философская проблематика была подчинена задачам исторического материализма⁸⁸. ЦК ВКП(б) поручил писать новую книгу по истории философии «коллективу» под руководством Г.Ф. Александрова, М.А. Дынника, М.Т. Иовчука, Б.М. Кедрова, М.А. Леонова, М.Б. Митина, О.В. Трахтенберга и др. З.В. Смирнова и З.А. Каменский в числе авторов не значились.

Следующим шагом в эскалации конфликта стало опубликование во втором номере «Вопросов философии» за 1947 год статьи З.А. Каменского «К вопросу о традиции в русской материалистической философии XVIII—XIX веков». Ссылаясь на ждановскую дискуссию, Каменский предложил проанализировать исторические и теоретические ошибки, содержащиеся в работах Иовчука. Здесь уже прямо говорилось о том, что в ходе дискуссии Смирнова «именно и в первую очередь... имела в виду тов. Иовчука, когда она говорила о научно необоснованной схеме преемственности материалистических идей в русской философии, ибо именно он является одним из первых авторов и наиболее горячих защитников этой схемы. Да и сам тов. Иовчук выдал себя на дискуссии, сразу же вступив в полемику с тов. Смирновой»⁸⁹. Проследив (не без сарказма) эволюцию взглядов Иовчука – от довоенной брошюры о Белинском, где роль теоретических истоков мировоззрения Белинского выполняли французское Просвещение и немецкая классическая философия, до «Очерков истории русского материализма», где делался противоположный вывод о преимущественном влиянии «русской передовой мысли», – Каменский обратился к изощренному академическому анализу дефиниций. Установив, что отрицание непрерывности вовсе не означает отрицания самобытности, что оригинальность зависит от вклада мыслителя, а не от источника, а само слово «традиция» поддается по меньшей мере двум толкованиям⁹⁰, Каменский наметил некоторую возможность компромисса науки и идеологии, при котором предельно широкое толкование самобытности и традиции оставляло пространство и для добросовестной работы историка, и для патриотических декламаций. Однако в конце статьи он снова вернулся к материалам дискуссии,

напомнив об убийственном аргументе Селектора и даже несколько расширив его: если жестко следовать схеме преемственности, то нужно рассматривать не только секвенцию «Ломоносов—Радищев—Чернышевский», но и «Чернышевский – Плеханов—Ленин». Если так, то Иовчуку никуда не деться от вывода о «двух теоретических источниках ленинизма» – вывода безусловно ревизионистского и, более того, неосторожно сформулированного им в статье 1945 года (о которой говорил на дискуссии Селектор). Статья Каменского была опубликована журналом в «Отделе дискуссий», и отклики на нее, помещенные в следующем номере журнала, имели весьма острый характер. Вероятно, Б.М. Кедров и И.А. Крывелев, хорошо сознавая рискованность выступления Каменского против Иовчука, решили подстраховаться «разными точками зрения» и тем самым продемонстрировать незаинтересованность руководства журнала в исходе полемики. И.Б. Астахов, В.Ц. Гоффеншефер и Я.З. Черняк, в разной мере соглашаясь с аргументами Каменского, считали обоснованной критику взглядов Иовчука⁹¹. Весьма своеобразная позиция была выражена в письме «Группы философов» (анонимном), где критиковались и Каменский, и Иовчук⁹².

Зная последующие события, можно предположить, что дело могло бы и не принять столь крутого оборота, не превратись новый журнал в форум для дискуссий, когда под дискуссиями подразумевался обмен обвинениями, отражающий в большинстве случаев столкновение борющихся группировок. Журнал был изначально обречен на то, чтобы стать эпицентром борьбы в философском сообществе и отчасти органом партийного контроля за философскими рассуждениями. Главный редактор, Б.М. Кедров, чувствовал себя довольно уверенно, заручившись поддержкой А.А. Жданова, и первые номера «Вопросов философии» отличались нетривиальностью и стремлением противопоставить либеральный интеллектуализм идеологическим клише. На самом деле ситуация была более сложной, чем это казалось ее участникам, которые не могли полностью знать происходящего в кабинетах ЦК ВКП(б).

Свидетельство Б.М. Кедрова, что идея издавать философский журнал возникла у него во время дискуссии по книге Александра в июне 1947 года, требует уточнения. Первое известное нам официальное упоминание о журнале датируется 22 февраля 1946 года, когда директор Института философии, В.И. Светлов, написал по этому вопросу докладную записку Г.Ф. Александрову, а 26 февраля В.И. Светлов и С.И. Вавилов обратились к А.А. Жданову

с официальным ходатайством о создании журнала «Вопросы философии». Несомненно, этот вопрос согласовывался на высоком уровне раньше письменного обращения. Скорее всего, журнал был обещан философам к всесоюзному совещанию, которое планировалось в 1947 году. Помимо необходимости творческих философских дискуссий в документе о создании журнала акцентировалась задача осуществлять идеологическое влияние на «научные кадры» Югославии, Болгарии, Чехословакии, Польши⁹³. В качестве ответственного редактора тогда фигурировал М.Т.Иовчук⁹⁴. Впрочем, в проекте постановления Секретариата ЦК ВКП(б) на должность ответственного редактора предлагается уже Г.С. Васецкий (он стал директором Института философии в апреле 1946 года, а до этого руководил Госполитиздатом). Б.М. Кедров предлагался тогда лишь заместителем ответственного редактора⁹⁵. Во всяком случае, нет оснований полагать, что Кедров пользовался каким-то особым покровительством Жданова и журнал создавался в знак личного доверия секретаря ЦК ВКП(б) к Кедрову. Хотя работа по подготовке первых номеров велась в конце 1946 года, решение вопроса о журнале не форсировалось. Ситуация с назначением руководителя журнала выглядела довольно запутанной даже 17 июля 1947 года – этот день стал днем кардинальных решений по поводу «Вопросов философии». Александров представил проект постановления ЦК о журнале, где на должность главного редактора предлагалась кандидатура М. А. Леонова. Это означало бы консервацию неопределенности, но, видимо, произошло недоразумение. М.А. Леонов написал заявление Жданову, где категорически отказался от должности главного редактора по причине глухоты. «Хотя и пользуюсь слуховым аппаратом, – писал он, – все же половин(у) того, что говорят, я не улавливаю»⁹⁶. Леонов хорошо отдавал себе отчет в том, что не сможет ни вести заседания, ни даже говорить по телефону. Вместо себя он предложил кандидатуры Розенталя и Резникова. Но и этот вариант оказался неприемлемым. Ясно только, что, создавая философский журнал, идеологическое руководство до самого последнего момента не могло определиться в вопросе о главном редакторе. Судя по всему, Жданов не хотел отдавать журнал ни «александровцам», ни «митинцам» и искал человека, не замешанного в групповой борьбе. В этот же удивительный день 17 июля на имя Жданова поступило еще одно, весьма нетривиальное, обращение, где сотрудник Института философии Я.А. Мильнер изложил грандиозную программу будущего журнала. Двадцать третий, заключи-

тельный пункт заявления Мильнера гласил: «В качестве главного редактора журнала предлагаю себя»⁹⁷. Почему-то именно 17 июля в срочном порядке решались вопросы кадровых перестановок в руководстве философской наукой. Письменное согласие руководить институтом дал П.Ф. Юдин⁹⁸. Как уже говорилось, он обещал «вытащить этот участок идеологической работы». Александров предлагал на должность директора Иовчука⁹⁹. Вопрос о директорской должности так и остался неясным до осени, а главным редактором решили назначить Кедрова. Кедров пишет, что в середине или во второй половине июля Жданов вызвал его к себе и сообщил, что имел предварительное указание Сталина не давать согласия на создание философского журнала, но после окончания дискуссии он «информировал Сталина о том, что философы проявили сильное желание иметь свой особый журнал; на это Сталин, по словам Жданова, ответил ему, что если они так уж хотят иметь свой журнал, то надо им это разрешить, но напомнить, что отвечать придется им самим, причем своими собственными головами»¹⁰⁰. Разумеется, никто из философов не собирался класть голову за журнал, но редакция во главе с Б.М. Кедровым и И.А. Кривелевым хорошо чувствовала враждебное отношение со стороны «Литературной газеты», которую использовал в своих целях М.Б. Митин. Бывший член редколлегии журнала «Под знаменем марксизма» А.А. Максимов ждал, когда «Вопросы философии» допустят политическую ошибку, чтобы нанести удар. Донос на Кедрова от Максимова поступил Жданову уже в феврале 1948 года, когда второй номер уже вышел (а фактически первый номер, который был составлен редакцией). Максимов доводил до сведения ЦК, что главный редактор искажает ждановскую линию в передовой статье «О наших задачах». Новый начальник Отдела пропаганды Д.Т. Шепилов и Ю.А. Жданов предложили оставить заявление Максимова без внимания, хорошо понимая его тенденциозность¹⁰¹.

Другая область напряженности сформировалась исподволь – таким образом, что прогнозировать опасность с этой стороны было невозможно. Речь идет о «мичуринской биологии». К Кедрову, по его свидетельству, раза два заходил Лысенко и, ссылаясь на личное письмо Сталина, требовал от журнала поддержки. Главный редактор предпочел осложнить отношения с Лысенко и предоставить полосу «вейсманисту-морганисту», директору Института эволюционной морфологии АН СССР И.И. Шмальгаузену. Второй номер «Вопросов философии» выглядел вызывающе. Когда рукопись

понесли на просмотр в ЦК ВКП(б), номер был приостановлен, но Жданов сказал редактору: «Не бойтесь, мы вас в обиду не дадим и крепко поддержим»¹⁰². Вряд ли поддержка журнала входила в число первостепенных интересов Жданова, но, скорее всего, он постарался бы воспрепятствовать развернувшейся вскоре оголтелой травле философов.

31 августа 1948 года А.А. Жданов умер при не вполне ясных обстоятельствах. Официальное заключение о сердечной недостаточности как причине смерти подвергается сомнению, поскольку до августа никаких симптомов заболевания не проявлялось. Данные патологоанатомического обследования не опубликованы. Есть версия, что Жданов, как наиболее вероятный преемник Сталина, был отравлен Берия с разрешения вождя. Прямых подтверждений этой версии не имеется, а к косвенным относится противостояние Жданова, с одной стороны, и Берия с Маленковым – с другой. Вне сомнения, Жданов покровительствовал философскому интеллектуализму и его личную образованность вряд ли стоит недооценивать. Высказывая такую мысль, М. Джилас добавляет, что он был «циником интеллектуального пошиба, но тем отвратительнее все это выглядело, поскольку за интеллектуализмом можно было безошибочно почувствовать властителя, который был «великодушен» к людям высокой духовности и сочинителям»¹⁰³. Как бы ни оценивать роль Жданова, невозможно отрицать, что его линия была умеренно либеральной, и после того, как главным идеологом стал Г.М. Маленков, великодушия к сочинителям проявлять было некому.

Позиции Кедрова со смертью Жданова пошатнулись. Однако главный редактор «Вопросов философии» не понял изменившихся обстоятельств или проявил непростительную политическую близорукость. Вероятно, он рассчитывал на поддержку заведующего сектором науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданова, который готовил кандидатскую диссертацию о философском значении понятия гомологии в химии под руководством Кедрова. Ситуация была сложнее, чем полагал Кедров. 26 декабря 1947 года Д.Т. Шепилов и Ю.А. Жданов направили секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, А.А. Кузнецову и Г.М. Попову докладную записку «О положении на философском фронте». Они констатировали отсутствие изменений за полгода, прошедшие после дискуссии. Неудовлетворительные оценки были даны, в частности, журналу «Вопросы философии». По словам Шепилова и Жданова, «редакция в лучшем случае топчется на месте, пересказывая и комментируя известные положе-

ния, в худшем – делает шаг назад», сводя счеты с прежним философским руководством – Дебориным, Митиным, Юдиным. «Это сведение счетов, в котором нет ни грана принципиальной критики по существу тех или иных взглядов, дается под видом исторического анализа развития советской философии»¹⁰⁴. Серьезные претензии высказывались и в адрес Института философии, план которого «носит рекламный, широковещательный характер... и обречен на провал»¹⁰⁵. Очевидно, данное суждение относилось к Александрову, руководившему институтом уже четвертый месяц. Аналогичные оценки высказывались и об Академии общественных наук. Однако серьезных организационных выводов не последовало.

Рассчитывая на доселе благоприятную форту и поддержку ЦК, имея репутацию «западника», игнорирующего борьбу за русский приоритет в науке и, более того, открыто утверждавшего идею «всемирного братства ученых», Кедров развернул в журнале сразу две дискуссии: по статье Каменского о преемственности и традиции в русской философии и по статье М.А. Маркова о природе физического измерения явлений микромира. Здесь необходимо заметить, что версия Лорена Грехэма, что «фактором, определившим конечное неодобрение статьи Маркова, стала дискуссия, несомненно, устроенная партией с целью заменить Б.М. Кедрова на посту главного редактора «Вопросов философии»¹⁰⁶, не соответствует реальному положению дел. Партия не организовывала в журнале никаких дискуссий. Известно, и на это указывает сам Грехэм, что началом дискуссии стала статья А.А. Максимова в «Литературной газете»¹⁰⁷. У этой дискуссии имеется и тайная предыстория. Именно Максимов рекомендовал опубликовать статью Маркова в «Вопросах философии» и даже рекомендовал наивному физика, не подозревавшему о философских тонкостях, внести в текст заведомо опасные формулировки. Его целью было поставить под удар Кедрова. После опубликования статьи Максимов выступил в «Литературной газете» с сокрушительной критикой. В ЦК ВКП(б) было хорошо известно о «проделке» Максимова из письма М.А. Маркова¹⁰⁸. Несомненно, в осуществлении этой хитроумной операции принимал участие и М.Б. Митин, у которого были свои мотивы для идеологической компрометации Кедрова. Когда на собрании философов (через год), посвященном борьбе с безродными космополитами, предъявят счет и Митину, в этот счет войдет обвинение в том, что он боролся не столько с космополитизмом, сколько с Кедровым, пользуясь своим положением члена редколлегии литератур-

ного еженедельника¹⁰⁹. С меньшей степенью уверенности можно утверждать, что Митин едва ли был заинтересован в замене Кедрова на Чеснокова, который вскоре стал одним из последовательных его критиков.

К осени 1948 года Кедров смог убедиться, что у него немало серьезных противников, а рассчитывать на покровительство С.И. Вавилова и Ю.А. Жданова не приходится. Шел разгром противников «мичуринской биологии» и «физических идеалистов», внутри философского сообщества зрело ожидание крупных столкновений. Конечно, личным недоброжелателям Кедрова – от идеолога Митина до страстного защитника материализма в физике Максимова – пришлось считаться с его возможностями, пока он сохранял позиции главного редактора. Однако его имя находилось в центре внимания: едва ли не половина стенограмм заседаний ученого совета Института философии за 1947–1948 годы посвящена шумным разборам кедровских книг и статей (в том числе редакционных материалов в «Вопросах философии»). 23 сентября 1948 года Кедров написал письмо Сталину. Письмо не дошло до вождя, но его читал Маленков и распорядился обсудить на заседании Секретариата. Речь идет об опрометчивой фразе в книге Кедрова «Энгельс и естествознание», начинающейся со слов: «Не считая вопросы приоритета существенными для истории науки...», из-за которой автора постоянно ругали в печати. Кедров признает ошибку, но считает, что «Литературная газета» стала «всячески раздувать ее, стремясь вообразить ее как некоторую концепцию, которую я, будто бы, отстаиваю. Мне были предъявлены тягчайшие обвинения в космополитизме, в ревизии ленинизма, в отрицании роли национального приоритета русских и советских ученых... В итоге вместо деловой принципиальной критики получилось политическое шельмование...»¹¹⁰. Письмо Кедрова в ЦК не смогло предотвратить разгрома редакции. В начале 1949 года, в разгар антикосмополитической кампании, критика сосредоточилась на «порочной системе взглядов Кедрова». 12 мая 1949 года в докладной записке Маленкову на стороне Ермилова (а следовательно, Митина) против Кедрова выступил Д.И. Чесноков. Он утверждал, что «Литературная газета» стоит на правильных позициях¹¹¹. Этот эпизод свидетельствует о сложности комбинаций, которые был вынужден планировать преемник Кедрова на посту главного редактора. Во время антикосмополитических преследований в январе–апреле 1949 года значительная часть ударов была направлена на ответственного секретаря

«Вопросов философии» И.А. Кривелева, которому, как еврею, пришлось выполнять функцию громоотвода. Его обвиняли не столько в собственных ошибках, сколько в «злонамеренном искажении журнальной политики» и «протаскивании» в журнал статей «своих авторов» (конечно, имелись в виду космополиты – враги простодушных русских философов).

Таким образом, к осени 1948 года сложилась ситуация, чем-то похожая на философский погром 1930 года: одна группа объединяла профессионалов, виртуозно владевших научной аргументацией, другая же состояла преимущественно из «критиков», явно уступавших в интеллектуальных возможностях своим образованным оппонентам. Зато они владели тактикой классовой борьбы в аудиториях и в коридорах власти. Поэтому противостояние имело асимметричный характер, и вся умная риторика оказывалась нерелевантной. Данное обстоятельство в немалой степени предопределило исход конфликта в научном сообществе: в очередной раз победила глупость.

Примечательны беспечность и невнимательность интеллектуалов к внутривластной обстановке. В отличие от «партийцев» здесь они проявили себя полными дилетантами. Пропаганда разоблачала раболепие и низкопоклонство перед Западом. В ознаменование Дня Победы 9 мая 1947 года «Культура и жизнь» посвятила этим сюжетам почти весь номер. К тому времени в «отрицательной фактуре» мелькали имена литературоведов Б. Эйхенбаума и И. Нусинова, писателей Е. Шереметевой и Е. Ланна, литературных критиков Ю. Юзовского, А. Гурвича и других¹¹². Список «антипатриотов» пополнялся катастрофически быстро, а философы, вероятно, полагали, что эти события касаются исключительно литературы и искусства. Глядя на опасность извне, всегда хочется думать, что уж нас-то она не коснется. Можно было обратить внимание хотя бы на то, что не позднее середины июня 1948 года в Академии наук (в частности, в Институте государства и права) выполнялись директивы ЦК ВКП(б) по увольнению евреев¹¹³. В Институте философии угроза антиеврейских преследований была осознана только осенью 1948 года, когда Академию наук трясло от собраний по «всестороннему анализу» итогов августовской сессии ВАСХНИЛ.

У тех, кто считает себя интеллектуалом, есть странная склонность переоценивать социальную значимость своих, иногда незаурядных умственных способностей. При этом здравый смысл и то,

что принято называть «сметливостью», оттесняются на периферию сознания. Интеллектуал становится беззащитен, как токующий глухарь. Исторические судьбы русской интеллигенции коренятся отчасти в этой ее склонности. В 1948 году, когда сохранять иллюзии было уже очень трудно, философы во всеуслышание заявили о своей вере в необходимость профессионализма. В июне Б.М. Кедров подписал к печати третий (общим счетом) номер «Вопросов философии». Он открывался резким выпадом против догматизма и повторения общих марксистских истин. Одна из формулировок передовой статьи, написанной, скорее всего, Кедровым, заслуживает того, чтобы обратить на нее особое внимание. «Наша философия,— говорится в статье,— наука вполне конкретная. Ее задача, как указывал Энгельс,— объединение результатов положительных наук при помощи диалектического метода». Отсюда вывод, что «тот, кто считается у нас философом, должен знать не только самый инструмент, которым он пользуется, но хотя бы одну специальную область знания (математику, физику, биологию, историю, политическую экономию, право и т. д.), которую он, как философ, должен пронизать марксистским методом»¹¹⁴. «Вот и появляются философы, которые либо только и делают, что пережевывают вызубренные ими цитаты и положения, либо, пытаясь браться за новые вопросы, ограничиваются бессодержательными, нередко ошибочными разговорами и схемами по поводу этих новых вопросов». Мало того, имея в виду вполне конкретных лиц, журнал предложил допускать к философии только тех, кто окончил «хотя бы один факультет по специальности». Кедровская атака завершилась прямым выпадом против Белецкого: «Он не только сам не работает творчески, но и заводит студентов в дебри схоластических споров»¹¹⁵. Разумеется, дело было не в Белецком. Критиковать его можно было безопасно. В том же номере журнала будущий «космополит» М.З. Селектор опубликовал разгромный отклик на философское открытие Белецкого, что истина имеет материальную природу¹¹⁶. Инвективы адресовались «идеологам»: Митину, Иовчуку, Щипанову, Юдину и другим. Так конфликт между «умниками» и «идеологами» стал неотвратимым.

Осенью 1948 года вопрос о разгоне редакции «Вопросов философии» был решен окончательно. 28 октября Митин, вероятно не без предварительного согласования, направил Маленкову подробный отзыв о работе журнала. В отзыве было сказано, что «журнал не справляется с поставленными задачами. Редакция журна-

ла топчется на месте... допускает грубейшие антимарксистские ошибки»¹¹⁷. Кедров обвинялся в недопустимом, развязном отношении к философскому наследию Ленина и других прегрешениях. Надо заметить, что формулировки митингового письма перешли в докладную записку Шепилова и Ю.А. Жданова «О положении в философской науке». Практически все опубликованные в журнале статьи получили отрицательную оценку Митина. Ц.А. Степанян обвинялся им в обывательском, потребительском отношении к коммунизму, статьи М.А. Маркова, И.И. Шмальгаузена, З.А. Каменского, И.А. Крывелева квалифицировались как антимарксистские и враждебные¹¹⁸. В тот же день с доносом в ЦК на редакцию обратился А.А. Максимов. Он жаловался, что его статьи не публикуют, и разоблачал идеализм Маркова¹¹⁹. Вероятно, Маленков к тому времени дал санкцию на снятие с должности Кедрова. В ноябре на совещании философских работников под председательством Александрова признавались «грубые ошибки» журнала и было решено «укрепить» редакцию¹²⁰. 7 декабря в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) состоялось совещание с работниками журнала «Вопросы философии». Вел совещание секретарь ЦК А.А. Кузнецов, который сразу же заявил, что институт и редакция не смогли выдержать партийную линию. Основные претензии адресовались Кедрову и Крывелеву. «Серьезные теоретические ошибки» отмечались в статьях Ц.А. Степаняна, Г.Е. Глезермана, Г.Ф. Александрова, И.А. Крывелева, М.А. Маркова, И.И. Шмальгаузена, З.А. Каменского и других¹²¹. Кедров, Крывелев и некоторые члены редколлегии вынуждены были покинуть журнал. Грязь летела уже вдогонку.

12 марта 1949 года написал донос в ЦК инженер Аристов – вероятно, самодеятельный философ, – его основная мысль заключалась в следующем: «Уже разоблачен возглавлявший журнал хамелеон-космополит Б. Кедров, уже нет там Кедрова, но Кедровы, кедровщина продолжает здравствовать при поддержке ближайших соседей-гейвишей из института философии» (Гейвиш – консультант, рецензировавший отклоненную редакцией статью Аристова «О необходимости немедленного пересмотра понятия масса». – *Авт.*)¹²².

Таким образом, короткое противостояние «умников» и «идеологов» закончилось поражением «умников», хотя нельзя с уверенностью сказать, что победили «идеологи». Если учесть, что подобного рода позиционные конфликты разного масштаба и раз-

ной степени напряженности происходили внутри марксистского сообщества постоянно, легко предположить, чья сторона возьмет верх. И это ясно, несмотря на то, что и ум, и умение убеждать, и вера в правоту своего дела, и даже связи обеспечивают явное преимущество интеллектуалам. Вероятно, в 1929 году дебординцы только посмеялись бы над пророчеством, что их всемогущее «философское руководство» будет уничтожено какими-то Митиным, Юдиным и Ральцевичем – не читавшими Гегеля недоучками. Так и в 1948 году: кедровцы вели себя жестко, предпочитали действовать в атакующем стиле и, зная о поддержке сильных мира сего, верили в победу. Исход позиционного конфликта в данном случае определяется невидимым перевесом, поскольку использовались асимметричные средства борьбы. Обвинения в профессиональной некомпетентности оказываются несопоставимыми с обвинениями в идеологической неблагонадежности. «Умники» как будто существуют только для того, чтобы быть битыми. Может быть, в этом проявляется русская самобытность?..

Борьба с «безродным космополитизмом» началась осенью 1948 года. Первым из философов ярлык «космополита» получил З.А. Каменский при обсуждении его статьи о русской философской традиции. Эта работа получила широкую известность в литературных и философских кругах: обсуждалась на академических семинарах и в Союзе писателей. До определенного времени критика не выходила за рамки научной полемики, если не считать точку зрения анонимной «группы философов», увязавших «недооценку» М.З. Селектором и Каменским роли идей русских революционных демократов в происхождении ленинизма с «безродным космополитизмом»¹²³. Многочисленные отклики на статью Каменского, опубликованные «Вопросами философии» в июне 1948 года, на первый взгляд демонстрировали широкий диапазон мнений, однако в итоге решающей оказалась позиция, выраженная Грековой: «Статья Каменского, как и высказывание тов. Селектора на философской дискуссии, исходит из позиций космополитизма, а не советского патриотизма»¹²⁴. Скорее всего, редакция постаралась смягчить такого рода обвинения. В действительности дело обстояло намного хуже. Приближалась осень и с ней – преследования интеллигенции практически во всех областях культуры и науки. Идеологическая кампания развертывалась под знаком борьбы с «безродным космополитизмом». Возглавил ее Г.М. Маленков, хотя в исторической публицистике этот период часто

называют «ждановщиной», не учитывая, что А.А. Жданова тогда уже не было.

Искоренение «космополитизма» в философской науке имело свои особенности. Вообще антикосмополитические преследования в Академии наук и в Московском университете можно рассматривать как развитие мероприятий осени 1948 года, посвященных итогам августовской сессии ВАСХНИЛ. В институтах Академии наук СССР и высших учебных заведениях шло разоблачение «вейсманистов-морганистов», заседания ученых советов были посвящены «беспощадной борьбе с пережитками буржуазной идеологии»¹²⁵. Несомненно, Академия оказывала сопротивление, боролся и Московский университет. Стоит заметить, что на ленинградской сессии Академии наук СССР в январе 1949 года, посвященной истории отечественной науки, приоритет русских ученых отстаивался всеми возможными и невозможными способами, однако истерии по поводу «происков безродных космополитов» не наблюдалось. Академии лишь пришлось исключить несколько своих иностранных членов и членов-корреспондентов «за деятельность, направленную во вред Союзу ССР»¹²⁶. Исключили тех, кто протестовал против преследований генетиков и не признавал новой лысенковской биологии.

23 и 28 февраля 1949 года в повестке дня ученого совета Института философии АН СССР значился вопрос «Об ошибочных взглядах Б.М. Кедрова». Вопрос рассматривался в русле разоблачения безыдейности и аполитизма, угодничества и низкопоклонства, безродного космополитизма и других проявлений буржуазной идеологии. Судя по всему, директор института, Г.Ф. Александров, решил направить антикосмополитическую атаку персонально против Кедрова, пользуясь тем, что его только что сняли с должности редактора журнала «Вопросы философии». Конечно, речь шла не только о Кедрове. В решении ученого совета указывалось, что «отдельные группы советской интеллигенции, зараженные буржуазными предрассудками... оказывают ожесточенное сопротивление этому идеологическому наступлению большевистской партии», а «безродные космополиты объективно являются агентурой классовых врагов социализма»¹²⁷. Это обвинение имело очень серьезный характер и предполагало арест Кедрова как врага народа. Однако нигде в печати данная формулировка не приводится. Кедрову была прямо инкриминирована роль «рупора» и выразителя «безродного космополитизма». Здесь требуется некоторый комментарий в связи

с используемыми идеологическими тропами. Быть «рупором» означало лишь транслировать враждебные идеи, за которые сам «рупор» в силу наивности и политической близорукости ответить не мог. Агентурой классовых врагов он был «объективно», т. е. не осознавая, в каких целях его используют. Поэтому здесь мы имеем дело со смягчающими обстоятельствами, которые дают обвиняемому шанс осознать подлинные причины своего падения и разоблачить себя.

Главным «космополитом» в философии оказался З.А. Каменский¹²⁸. Все основания для этого содержались в его полемике с М.Т. Иовчуком по поводу традиции в русской материалистической философии. Сам Иовчук не занимался разбором взглядов Каменского, зато один из последних ударов по «космополиту» нанес протеже Иовчука И.Я. Щипанов, посвятивший этому вопросу обширную статью¹²⁹.

Доклад Г.Ф. Александрова на заседании ученого совета 23 февраля 1949 года был выполнен по всем правилам политической травли. Если Кедров обвинялся лишь в грубых политических ошибках, то по отношению к Каменскому применялись ярлыки, не оставляющие сомнений в исходе дела: «презренный космополит», «холоуи зарубежных космополитов», «враг марксизма». Кедров действительно был виноват в том, что считал вопрос о приоритете не имеющим научного значения. Он признался в этом и в письме Сталину, и публично, хотя имелся в виду только Лавуазье. Вина Каменского была иного порядка. Во-первых, он был евреем, во-вторых, за ним никто не стоял. И в-третьих, он, вероятно, был самым настоящим интеллектуалом-космополитом, т. е. верил в истину саму по себе, независимо от каких бы то ни было интересов. Не случайно Александров припомнил его слова на дискуссии 1947 года: «Если рядовой исполнитель приходит к выводам, несводимым к тем или иным утвержденным формулам, цитатам из классиков, то можно заранее сказать: у такой работы мало шансов появиться в печати»¹³⁰.

Роль Александрова в общем понятна – он делал все то, что полагалось делать директору института. Более целенаправленной, продуманной и эффективной кажется линия М.Б. Митина. Он обладал удивительной способностью ничего не говорить «от себя», с величайшей изощренностью обнаруживал политические ошибки в, казалось бы, безобидных формулировках и вместе с тем прекрасно чувствовал пределы допустимого в обвинениях. В отношении Кедрова Митин не пошел дальше указания на последовательность его космополитических взглядов и увлечение «схоластической ло-

гистикой». Трудно сказать, под чьей защитой находился Кедров, но то, что за ним стояли сильные люди, — несомненно. Среди них — президент Академии С.И. Вавилов, отчасти завсектором науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданов и, возможно, крупные ученые, имевшие «оборонный иммунитет» против чрезмерных идеологических нападок. «Чтобы спасти Кедрова как ученого, мы должны беспощадно его критиковать, иначе не добьемся перелома», — говорил Ц.А. Степанян, уже тогда опытный диалектик¹³¹.

Кедров полностью признал свои ошибки. «Моя неверная позиция неизбежно должна была превратиться в рупор для отсталых слоев в нашем обществе, — сказал он. — С чувством глубочайшей вины перед партией признаюсь в этом, осуждаю свои ошибочные взгляды, отказываюсь от них». Причины своих ошибок Кедров усмотрел в глубоко засевших в его сознании пережитках прошлого, рецидивах буржуазного мировоззрения и, главное, в своей склонности к логизированию¹³².

Менее чем через неделю стала наблюдаться резкая эскалация обвинений, за которыми должны были последовать репрессии. В докладе на состоявшемся 2 марта в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) объединенном заседании философских кафедр Александров заявил, что буржуазный национализм и космополитизм — это «две различные маски одной и той же идеологии». Он разгромил буржуазных идеологов космополитизма — от Бертрана Рассела до Уильяма Чемберлена — и переключил внимание аудитории на внутренних врагов-космополитов, которые от космополитических идей перешли к вредительской практике и «стали либо диверсантами, либо шпионами, либо участниками контрреволюционных подпольных организаций». Далее Александров сопоставил взгляды «космополитов от философии» со взглядами «веховца» Гершензона и обвинил в «ненависти к русскому народу» Селектора, который в Институте философии на одном из собраний договорился до того, что «видите ли, раньше говорили у нас почему-то о решающей силе рабочего класса, а теперь почему-то говорят о главной роли русского народа»¹³³.

Ярким образцом космополитизма были названы работы В.Ф. Асмуса. П.В. Таванец обвинил профессора в том, что, излагая формальную логику, тот «игнорирует совершенно работы русских материалистов-философов», а работы русского логика Каринского представляет так, «как будто это писал какой-то идиот». «И вообще, — говорил Таванец, — “Логика” Асмуса от начала до конца — про-

паганда идеализма, образец несовершенства в работе и «эклектичская похлебка идей»¹³⁴. Вина Асмуса заключалась также в том, что он перевел и издал на русском языке книгу французского логика Ш. Серрюса «Опыт исследования значения логики».

Подозрения в космополитизме пали и на логика-правоведа М.С. Строговича, который, по словам Таванца, «проводит мысль о том, что законы, формы мышления – это правила, которым мы должны следовать». Строгович «оказался более ловким (чем Асмус. — *Авт.*), и он хорошо замаскировал свою вражескую работу и долгое время работал как неразоблаченный космополит. Если мы Асмуса довольно скоро разоблачили как беспартийного идеалиста, космополита, то Строговича мы долго не могли разоблачить и тем более не могли разоблачить его как врага, буржуазного космополита», — кликушествовал на собрании Таванец¹³⁵. Вероятно, по причине всеобщей космополитической природы логики под удар попали практически все известные специалисты в этой области.

Завотделом аспирантуры Института философии Федорова призвала разгромить космополитизм не только идейно, но и организационно, поскольку «некоторые космополиты начинают выступать с критикой космополитизма для того, чтобы прикрыться этим самим и сохраниться в рядах работников идеологического фронта». Таковым, в частности, оказался «махровый космополит», «еврейский националист» и «ярый русофоб» И.А. Кривелев. «Когда его ослиные уши были показаны и стали очевидны для всей нашей организации, Кривелев начинает писать статью о борьбе с космополитизмом в журнале “Вопросы философии”»¹³⁶. В аналогичной ловке Федорова обвинила и Ойзермана, произнесшего погромную речь против космополитизма. Особое возмущение ораторов, выступавших от имени общественности, вызвало то обстоятельство, что космополиты пытаются представить себя талантливыми и гениальными. «У нас в институте, — говорила Федорова, — был такой аспирант, но и не только аспирант, но карьерист, прохвост Баблер (так в оригинале! — *Авт.*). Он и его сподручные пустили легенду по институту, что это очень талантливый аспирант, что его надо во что бы то ни стало двигать обязательно в науку. Но, когда копнешь этот талант, то оказывается, что за этим талантом скрывается махровый космополит».

Подведение итогов борьбы с «космополитизмом» состоялось в конце марта – начале апреля на заседании Отделения истории и философии Академии наук. От имени Института философии вы-

ступал Д.И. Чесноков – заместитель директора и редактор журнала. Он доложил о мерах, принятых по отношению к Каменскому, Кривелеву, Селектору, Кедрову и другим «космополитам».

Итоги открытого партийного собрания по искоренению космополитизма в Институте философии получили более отчетливое и прямолинейное освещение в докладной записке Сталину, озаглавленной «О мерах ликвидации космополитизма в философии». Документ датируется 21 марта 1949 года и подписан директором института Александровым, заместителем директора, главным редактором журнала Д.И. Чесноковым и секретарем партийного бюро Ф.В. Константиновым. Здесь обращает на себя внимание некоторое изменение в квалификации вины «космополитов», в частности Кедрова. Несмотря на то, что в процессе разбирательства и дознания было установлено лишь его попустительство космополитам, руководство института включило его первым в список «лиц, которые в течение ряда лет вели антипатриотическую работу, распространяя космополитическое мировоззрение». Далее следовали имена Быховского (который с 1944 года в Институте философии не работал), Каменского, Селектора, Рубинштейна, Библера, Кривелева, Войтинской, Мильнера, Лифшица, а также врагов народа Гольдентрихта и Козлова. Розенталю, Митину и Белецкому инкриминировались «серьезные ошибки антипатриотического характера». И через несколько страниц деятельность Белецкого квалифицируется уже более серьезно: «Проф. Белецкий, сам занимающий космополитические позиции, тормозит разгром космополитизма на философском факультете, опираясь на тенденциозно подобранные кадры преимущественно еврейской национальности»¹³⁷.

Пожалуй, в этих нескольких строках выражено то главное, что объединяло двух непримиримых врагов, подписавших обращение к Сталину, – Александрова и Чеснокова. Их объединяла вражда к профессору Белецкому, который практически в одиночку держал в напряжении философское сообщество по меньшей мере с 1943 года. Поскольку попытка причислить его к группе космополитов была предпринята, следует заметить, что Белецкий находился во враждебных отношениях почти со всеми «настоящими космополитами», а Кедрова считал таким же антимарксистом, как Александрова и Чеснокова. Поэтому Белецкого можно назвать «космополитом особого рода». Дело его продолжалось еще долгое время после того, как к лету 1949 года антикосмополитическая кампания угасла.

- 1 *Иовчук М.Т.* Создадим новые книги по общественным наукам // Культура и жизнь. 1946. 28 июня.
- 2 Архив Российской академии наук. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 55. Л. 18, 19. Далее: АРАН.
- 3 В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Защита докторской диссертации по истории русской философии // Культура и жизнь. 1946. 20 нояб.
- 4 *Плимак Е.Г.* «Ждановщина» и вопросы изучения русской общественной мысли и философии // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. VI. Изживая «ждановщину». М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1991. С. 41.
- 5 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 230. Л. 36–37.
- 6 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 177. Л. 58.
- 7 Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 159. Далее: РЦХИДНИ.
- 8 Ф. 629. Оп. 1. Д. 94. Л. 262.
- 9 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 454. Л. 80.
- 10 Там же. Л. 81.
- 11 Там же. Л. 82.
- 12 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 454. Л. 83.
- 13 Там же. Л. 84.
- 14 Там же. Л. 89.
- 15 Там же. Л. 90.
- 16 *Djilas M.* Conversations with Stalin. N. Y., 1962. P. 158.
- 17 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 233. Л. 87.
- 18 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 478. Л. 54–55.
- 19 Там же. Л. 56.
- 20 Там же. Л. 57.
- 21 Там же. Л. 58.
- 22 Там же. Л. 61.
- 23 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 233. Л. 2.
- 24 Там же. Л. 140.
- 25 Там же. Л. 22.
- 26 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 234. Л. 24.
- 27 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 235. Л. 40.
- 28 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 478. Л. 2–5.
- 29 Там же. Л. 4 об.
- 30 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 235. Л. 43.
- 31 Там же. Л. 123.
- 32 Там же. Л. 15.

- 33 *Кедров Б.М.* Как создавался наш журнал // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 93.
- 34 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 235. Л. 123.
- 35 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 617. Л. 73.
- 36 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 478. Л. 24–25.
- 37 Там же. Л. 114.
- 38 АРАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 48. Л. 85.
- 39 *Баскин М.П.* Выдающийся труд по истории западноевропейской философии // Вестник Академии наук СССР. 1946. № 10. С. 121–123; *Баскин М.П.* Рец. на кн.: *Александров Г.Ф.* История западноевропейской философии // Советская книга. 1946. № 5. С. 65–69; *Вышинский П.Е.* Научный труд по истории философии // Большевик. 1946. № 13–14. С. 65–79.
- 40 *Александров Г.Ф.* Очерк истории новой философии на Западе. М.: Советская наука, 1939.
- 41 *Ситковский Е.* «Работать собственной головой...» // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. VI. Изживая «ждановщину». М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1991. С. 5.
- 42 Там же. С. 5–6.
- 43 «К Абакумову» – означало арест органами госбезопасности.– Прим. ред.
- 44 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 234. Л. 150.
- 45 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 491. Л. 52.
- 46 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 234. Л. 24.
- 47 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 235. Л. 157.
- 48 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 230. Л. 121.
- 49 Там же. Л. 36, 93.
- 50 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 222. Л. 6–8, 10–14, 18.
- 51 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 64. Л. 49.
- 52 *Каменский З.А.* Философская дискуссия 1947 года (преимущественно по личным воспоминаниям) // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. VI. Изживая «ждановщину». М.: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1991. С. 14.
- 53 Более подробно научная деятельность М.П. Баскина в данный период рассмотрена в статье: *Батыгин Г.С.* Советская социология на закате сталинской эры // Вестник Академии наук СССР. 1991. № 10. С. 90–107.
- 54 Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947 г. Стенографический отчет // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 160.
- 55 *Кедров Б.М.* Как создавался наш журнал // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 96–97.
- 56 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 37 (вторая часть дела).
- 57 Там же.
- 58 Там же. Л. 41 (вторая часть дела).

- 59 Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова... // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 111–112.
- 60 *Иовчук М.Т., Васецкий О.С.* Очерки по истории русского материализма XVIII–XIX веков. М., 1942.
- 61 Там же. С. 113.
- 62 Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова... С. 217.
- 63 Britain and the first Cold War/Ed. by A. Deighton. London: Macmillan, 1990. P. 74.
- 64 *Pinkus B.* The Jews of the Soviet Union. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. P. 153.
- 65 Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова... С. 217.
- 66 Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1922. Оп. 1. Д. 184. Л. 11.
- 67 Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова... С. 376.
- 68 Там же. С. 375.
- 69 Там же. С. 376.
- 70 Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова... С. 376–377.
- 71 Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова... С. 377.
- 72 Там же. С. 404.
- 73 Там же. С. 405.
- 74 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 161. Л. 15.
- 75 За большевистскую партийность в философии // Вопросы философии. 1948. № 3. С. 7.
- 76 Интервью с З.А. Каменским. Август 1991. Собрание фонограмм Г. С. Батыгина. Отец З.А. Каменского, профессиональный революционер и видный деятель партии большевиков. А.З. Каменский, будучи в начале 20-х годов замнаркомом по делам национальностей, выступил на X съезде РКП(б) против ленинской резолюции «О единстве партии» в составе группы «децистов». В 1938 году репрессирован.
- 77 *Каменский З.А.* Философская дискуссия 1947 года (преимущественно по личным воспоминаниям // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. VI. Изживая «ждановщину». М.: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1991. С. 21–23.
- 78 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 3.
- 79 Там же. Л. 25.
- 80 Там же. Л. 28.
- 81 Там же. Л. 43 (вторая часть дела).
- 82 Там же. Л. 46 (вторая часть дела).
- 83 Архив Московского университета. Ф. 13. Оп. 2. Д. 6. Л. 17.
- 84 Там же. Л. 19.
- 85 РЦХИДНИ. Оп. 125. Д. 492. Л. 58–61.
- 86 *Copleston F.* Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyaev. Notre Dame, Indiana: Search Press, 1986. P. 329.

- 87 Наши задачи // Вопросы философии. 1947. № 2. С. 10.
- 88 Там же. С. 13.
- 89 Каменский Я.А. К вопросу о традиции в русской материалистической философии XVIII–XIX веков // Вопросы философии. 1947. № 2. С. 222.
- 90 Там же. С. 229–231.
- 91 Отклики на статью З.А. Каменского. И.Б. Астахов, В.Ц. Гоффеншефер, Я.З. Черняк // Вопросы философии. 1948. № 1.
- 92 Группа философов. Русская философия и диалектический материализм // Вопросы философии. 1948. № 1.
- 93 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 404. Л. 79.
- 94 Там же. Л. 80.
- 95 Там же. Л. 84.
- 96 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 23, 24.
- 97 Там же. Л. 34.
- 98 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 28.
- 99 Там же. Л. 25.
- 100 Кедров Б.М. Как создавался наш журнал // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 95.
- 101 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 617. Л. 171–176, 178.
- 102 Кедров Б. М. Как создавался наш журнал // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 102.
- 103 *Djilas M. Conversations with Stalin. New York: Brace and World, Inc., 1962. P. 149.*
- 104 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 79–80.
- 105 Там же. Л. 84.
- 106 Грехэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. С. 324.
- 107 Максимов А. Об одном философском кентавре // Лит. газета. 1948. 10 апр.
- 108 РЦХИДНИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 96. Л. 162.
- 109 АРАН. Ф. 514. Оп. 5. Д. 4. Л. 23.
- 110 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 13. Л. 63–65.
- 111 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 13. Л. 75.
- 112 Необоримая сила советского патриотизма // Культура и жизнь. 1947. 9 мая.
- 113 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 33. Л. 1.
- 114 За творческую разработку марксистской философии // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 8.
- 115 Там же. С. 9.
- 116 Селектор М.З. Об одном извращении в преподавании марксистско-ленинской философии // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 348–350.
- 117 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 34. Л. 5.
- 118 Там же. Л. 12–21.

- 119 Там же. Л. 25–25 об.
- 120 Там же. Л. 44.
- 121 РЦХИНДИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 96. Л. 152– 157.
- 122 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 34. Л. 65– 66.
- 123 Группа философов: Русская философия и диалектический материализм // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 195–202.
- 124 Советская философская общественность о втором номере журнала // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 369.
- 125 В отделе истории и философии Академии наук СССР: К итогам расшир. заседаний ученых советов // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1949. Т. VI. С. 97.
- 126 Сессия Академии наук СССР // Правда. 1949. 8, 9, 13 янв.
- 127 Архив Российской академии наук. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 342. Л. 34. Далее: АРАН.
- 128 Против буржуазной идеологии космополитизма // Вопросы философии. 1948. № 2. С. 17.
- 129 *Щипанов И.Я.* Против буржуазного объективизма и космополитизма // Там же. С. 227.
- 130 АРАН Ф. 1922. Оп. 1. Д. 342. Л. 44.
- 131 Там же. Л. 113.
- 132 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 342. Л. 162–163, 165.
- 133 Там же. Ф. 684. Оп. 1. Д. 428. Л. 6, 17, 22.
- 134 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 331. Л. 10, 11, 13.
- 135 Там же. Л. 14, 16.
- 136 АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 331. Л. 22, 23.
- 137 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 132. Д. 160. Л. 51.
-
-

Заметки к юбилею

В 2009 году Институт философии Российской Академии наук отмечает 80-летний юбилей. Его история – это во многом история нашей философии советского и постсоветского времени с ее трагедиями и взлетами.

Институт вырос из философской секции Коммунистической академии и из созданного в 1923 году Г.Г. Шпетом Института научной философии. В нем в 1920–1930-е годы работали такие известные философы, как А.М. Деборин, Л.И. Аксельрод, Н.А. Карев, И.К. Луппол, Я.Э. Стэн. Членами Института были влиятельные политические деятели: Н.И. Бухарин, В.В. Адоратский, В.И. Невский и др. В 1930-е и 1940-е годы научным сотрудником Института был выдающийся философ Д. Лукач; здесь же он защитил докторскую диссертацию, посвященную молодму Гегелю. Партийные инстанции рассматривали Институт философии как одно из основных идеологических учреждений страны. Они пытались подчинить учение Маркса государственно-политическим целям, превратить его в идеологию, в частности, для этого требовалось выхолостить философское содержание марксизма, упростить его, превратить в набор идеологических штампов. К счастью, они никогда не могли в этом полностью преуспеть, ибо этому сопротивлялась сама творческая природа философии.

Официальная философия сталинского периода в научном отношении была совершенно бесплодной, а философская жизнь – крайне примитивной, до такой степени примитивной, что лидирующее положение в ней зачастую занимали малограмотные люди.

Но, как говорится, зло абсолютным не бывает. Дело в том, что упрощенная, догматизированная философия предназначалась для всеобщего усвоения. А для этого требовались целенаправленная работа, призванная обосновать, что марксистско-ленинская философия является вершиной человеческой мысли, и особая инфраструктура для того, чтобы внедрять ее в умы людей.

Началась работа по переосмыслению в свете марксизма истории мировой философии в богатом разнообразии имен и проблем, разработке новой версии русской философии с выискиванием в ней прогрессивных идей, элементов материализма и диалектики.

Даже в самые мрачные годы в Институте шла продуктивная исследовательская работа, в которой участвовали известные специалисты. Были подготовлены и в 1940–1944 годы выпущены 3 тома «Истории философии», которая не устарела даже сегодня (она была прозвана студентами «серой лошадью» – «серой» из-за цвета обложки, «лошадью» из-за того, что всегда вывозила на экзаменах). В 1947 году, после знаменитой «философской дискуссии» как орган Института возник журнал «Вопросы философии», в первых номерах которого его первый главный редактор, Б.М. Кедров, опубликовал статьи (М.А. Маркова, И.И. Шмальгаузена, З.А. Каменского и др.), вполне актуальные и сейчас, правда, именно за это он был немедленно снят партийными инстанциями со своего поста.

С конца 1950-х начала 1960-х годов Институт философии становится центром новых философских идей и движений в нашей стране, возрождения отечественной философии, ее возвращения в мировую философию. Этому способствовали определенные обстоятельства.

Начиная с 1960-х годов, со времен хрущевской «оттепели», появилась целая генерация философов (тогда это были еще молодые люди), которые всерьез отнеслись к идее научного и гуманистического прочтения ряда мыслей К. Маркса. Опора на научное знание казалась им в тех условиях единственно возможным и надежным способом изменения той социальной действительности, которая их не удовлетворяла. Философия была понята ими как теория и методология познания, точнее, как теория и методология научного познания.

Разная интерпретация теории познания, так же как разное истолкование философско-методологических идей К. Маркса, сразу же определили возникновение различных научных школ, вступивших в творческое соревнование друг с другом. Их лидерами

на первых порах были Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев – тогда молодые преподаватели философского факультета МГУ. В 1955 году философский факультет университета подвергся идеологическому разгрому после работы специальной комиссии ЦК КПСС именно по причине распространения среди молодежи «ревизионистских» идей этих лидеров. После этого Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев переселились в Институт философии: заниматься научными исследованиями им было позволено, но вот распространять свои идеи путем преподавания не разрешалось. В связи с работами Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева в нашу философию вошел целый ряд проблем, которые начали интенсивно обсуждаться: строение теоретического знания, проблематика абстрактного и конкретного, понимание мышления как исторически развивающейся деятельности и др. (при этом критикой эмпиризма и разработкой исторического подхода к познанию наши философы стали заниматься раньше, чем это было сделано в западной философии и методологии науки).

Из этих школ выделились другие. Идеи Э.В. Ильенкова повлияли на Г.С. Батищева, который затем разработал собственную оригинальную философско-антропологическую концепцию, в ее рамках он развивал проблематику овнешнения, отчуждения, глубинного общения. Семинар, активно работавший в Институте фи-

А.А. Зиновьев

Э.В. Ильенков

лософии под его руководством около двух десятков лет, установил тесные контакты с рядом культурологов и педагогов.

Учеником Э.В. Ильенкова был и Н.Н. Трубников, который начал изучение экзистенциальной тематики. Его работы, посвященные проблеме времени человеческого бытия, смысла жизни, были одними из первых исследований такого рода в нашей литературе послереволюционного времени.

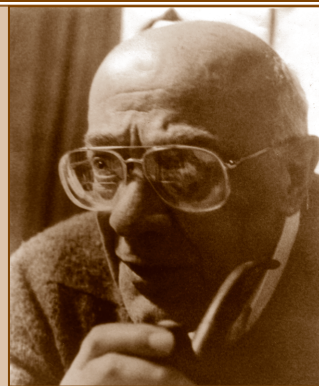
Философско-антропологической и этической тематикой занимался О.Г. Дробницкий, который был одним из пионеров разработки теории ценностей.

А.А. Зиновьев оказал серьезное влияние на переориентацию логических исследований в нашей стране. Именно в это время Институт становится центром по разработке философских проблем символической логики, новых логических направлений. Эта ориентация была поддержана П.В. Таванцом, а затем развита В.А. Смирновым, который начиная с 1980-х годов возглавил сектор логики и создал оригинальную логическую школу, работы которой известны сегодня во всем мире. Наши логики установили весьма плодотворные связи с отечественными математиками.

В это время в Институте начинается основательная разработка проблем теории познания, методологии науки, в частности, такими

Б.А. Грушин

М.К. Мамардашвили

философами, как Д.П. Горский, В.С. Тюхтин и др. (проблемы взаимоотношений теории и эмпирии, идеализации и формализации, объяснения и описания и др.). С начала 1960-х годов отечественные специалисты в области логики, методологии науки и теории познания стали регулярно проводить Всесоюзные конференции по логике и методологии науки, на которых встречались и активно взаимодействовали философы и специалисты в области частных наук из самых разных регионов Советского Союза (особенно тесные связи в этой области сотрудники Института установили с философами Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Эстонии, Литвы). Эти конференции были местом сопоставления разных подходов, дискуссии представителей разных школ, рождения новых идей.

Начиная с 1960-х годов в Институте интенсивно разрабатывалась проблематика философии естествознания. Возникло большое направление с многообразной и разветвленной тематикой (проблема причинности в современной науке, принцип соответствия, принцип дополнительности, принцип наблюдаемости, принцип редукции, проблема глобального эволюционизма и др.). Эта работа, которую возглавляли И.В. Кузнецов, М.Э. Омеляновский, Р.С. Карпинская, Н.Ф. Овчинников и др., велась в тесном взаимодействии с выдающимися специалистами в области физики,

И.Т. Фролов

Б.Н. Ельцин

Выступал перед сотрудниками
Института философии в 1989 г.

космологии, биологии и других наук (с такими, в частности, как В. А. Фок, В.А. Амбарцумян, Н.П. Дубинин и др.).

Институт философии выступает как один из главных организаторов Всесоюзных совещаний по философским проблемам естествознания – они стали регулярно проводиться после 1959 года и оказали исключительное воздействие на осмысление философско-методологических проблем, возникающих в связи с развитием современной науки.

В это время начинается новый этап в творческом развитии ряда выдающихся отечественных философов старшего поколения. С.Л. Рубинштейн, работавший в это время в Институте в качестве заведующего сектором философских проблем психологии, был не только одним из наших крупнейших психологов, но также исключительно интересным философом, при этом его философская концепция лежала в основе его психологических идей. В 1960-е годы С.Л. Рубинштейн создает оригинальную философско-антропологическую теорию, исходящую из анализа онтологии человеческого сознания. Б.М. Кедров, работавший в Институте в 1960-е годы в качестве заведующего сектором, предпринимает цикл методологических исследований, исходящих из исторического подхода к анализу научного познания. В течение ряда лет в Институте работал М.А. Лифшиц – один из крупнейших специалистов в области эстетики, оказавший влияние на развитие советской литературы.

Изучение истории философии поднялось на новый уровень. Был предпринят цикл серьезных исследований в области западноевропейской философии, в которых принимали участие, в частности, В.Ф. Асмус и М.А. Дынник. Методологические проблемы историко-философских исследований разрабатывались Т.И. Ойзерманом, З.А. Каменским. Историко-философская наука обогатилась трудами по античной, средневековой философии, философии эпохи Возрождения, Нового и Новейшего времени. Исследовались различные направления современной западной философии – феноменология, экзистенциализм, неотоцизм, философская антропология, критический рационализм, прагматизм, неопозитивизм, герменевтика, структурализм и др. Появились серьезные исследования формирования и развития взглядов К. Маркса, отдельные труды по истории русской философии. В самостоятельное направление складывается изучение истории философии в странах Востока. Ведется активная исследовательская работа в области философии культуры, эстетики, появляются труды в области этики.

Институт принимал активное участие в издании классиков мировой философской мысли. Особо следует выделить инициативу и деятельность Института по созданию библиотеки «Философское наследие», которая на сегодняшний день включает уже более 130 томов. Сам факт издания массовыми тиражами (от 35 до 100 тысяч) классиков мировой философии, но в особенности высокий академический уровень изданий стали существенным фактором, способствовавшим расширению философского кругозора общества, повышению культуры философского мышления и образования. Институт в течение многих лет издает еще одну книжную серию классических текстов – «Памятники философской мысли».

Именно в Институте философии в 1960–1970-е годы возникли исследовательские группы, которые стали впоследствии ядром самостоятельных академических Институты психологии и социологии.

Очень важным было в это время взаимодействие Института с журналом «Вопросы философии», особенно в 1960-е и 1970-е годы, когда главным редактором журнала был И. Т. Фролов, а его заместителем М. К. Мамардашвили. Журнал в эти годы стал как бы своеобразным местом притяжения для многих наших интеллектуалов, при этом не только философов. С журналом активно сотрудничали

П. В. Копнин, Р. Рихта, И. Т. Фролов,
Ю. С. Мелешенко, Б. М. Кедров. 1970 г.

такие наши выдающиеся ученые, как Н.Н. Семенов, П.Л. Капица, М.А. Марков, В.А. Энгельгард, Д.К. Беляев и др. В нем наряду с собственно философскими проблемами обсуждались также вопросы, которые касались взаимоотношений философии и естествознания, проблем культуры, образования, истории, были связаны с главными мировоззренческими исканиями того времени.

Вместе с тем развитие философии проходило в это время в непростых условиях. Если в области теории познания, философии и методологии науки, логики, в некоторых разделах философской антропологии, а также в ряде областей истории философии удалось не только выдвинуть ряд новых идей, но даже создать действующие научные школы, то в области социальной философии (она, как особенно тесно связанная с политикой, всегда подвергалась жесткому идеологическому контролю) сделать это было гораздо сложнее. Это не значит, что попытки такого рода не предпринимались. Институт искал возможности сотрудничать с А.Ф. Лосевым. В 1960–1970-е годы в Институте начал интересную работу семинар по философским вопросам исторического знания под руководством А.В. Гулыги. Семинар соединил нетривиально мыслящих философов, а также историков и некоторых других обществоведов. Однако спустя некоторое время по указанию партийных инстанций он был закрыт. Та же участь постигла и начинания по новому прочтению и переоценке учения об общественно-экономической формации. В середине 1970-х годов сектор исторического материализма, объединивший к этому времени ряд интересных философов, пытавшихся не догматически исследовать проблемы социальной философии и философии истории, был разогнан, многие его сотрудники, в том числе и заведующий сектором В.Ж. Келле, были вынуждены покинуть Институт.

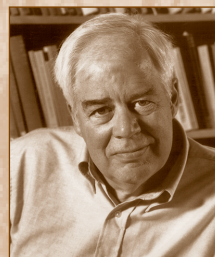
Некоторые области философского знания, привлекающие сегодня повышенное внимание, такие, например, как политическая философия, вообще не могли существовать в то время. Русская религиозная философия, являющаяся неотъемлемой частью нашей культуры, практически была под запретом. Работы русских философов-идеалистов не переиздавались. О них нельзя было писать серьезные исследования. Развитие нашей философской мысли шло практически в изоляции от развития современной мировой философии. Конечно, изоляция не была абсолютной: переводилось немало работ современных западных авторов, особенно по проблемам логики и методологии науки, наши философы регулярно уча-

Ж.-П. Сартр

Ю. Хабермас

Р. Рорти

Т.С. Кун

Я. Хинтика

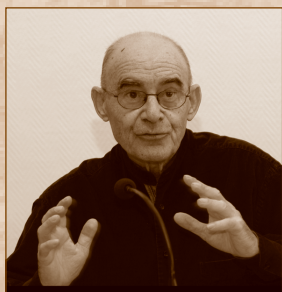
*Ф. Кессиди,
бывший сотрудник
ИФ РАН*

П. Рикер

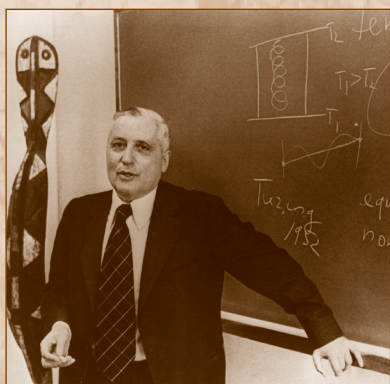
Д. Ваттимо. ИФ РАН, 2006

Ж.-Л. Нанси

*Открытие публичного диспута Ж.-Л. Нанси и В.А. Подороги
«Сакральное в современном обществе»*

И. Пригожин

Ж. Деррида и Е.В. Петровская

Э. Агацци

И. Кучуради

У. Макбрайд

ствовали в конгрессах по философии науки, однако постоянного рабочего взаимодействия с западными коллегами, особенно теми, кто разрабатывал фундаментальные вопросы метафизики, философской антропологии, социальной и политической философии, не было.

Практически все выдающиеся философы, работавшие в те годы в Институте, постоянно подвергались идеологическим проработкам, им не всегда легко было публиковать свои работы. Наиболее показательной в этом отношении является судьба выдающегося нашего логика, впоследствии также социолога и писателя А.А. Зиновьева, который за критику советского режима в опубликованной им на Западе книге «Зияющие высоты» был изгнан из Института, а затем и из страны. Трудности испытывали также авторы, которые не выступали столь открыто. Так, например, крупнейшая философская работа С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» была напечатана только после смерти автора, да и то неполностью. Важнейшую работу Г.С. Батищева «Диалектика творчества» не решились публиковать, и она была депонирована в ИНИОН. Многие свои работы Г.С. Батищев даже и не предлагал для опубликования, зная, что они будут отвергнуты. Институт философии не рекомендовал к печати одну из самых интересных работ Э.В. Ильенкова, «Проблема идеального», как идеологически вредную (работа вышла в свет только после смерти автора). Главная работа Н.Н. Трубникова «Время человеческого бытия» в течение 7 лет лежала в издательстве.

Партийные инстанции по-прежнему рассматривали Институт прежде всего как идеологическое учреждение. Философское творчество разрешалось лишь в определенных пределах и областях, наиболее далеких от политики. Да и там работать было далеко не безопасно. Так, например, попытки разогнать сектор теории познания предпринимались еще в 1970-е годы. Главным в работе Института, с точки зрения властей, было идеологическое обеспечение политики партии – в виде разработки вопросов научного коммунизма, подготовки учебников, излагавших официальную версию философии диалектического и исторического материализма, и т.д. Широкая публика судила о нашей философии прежде всего по этим учебникам, которые отбивали вкус к настоящей философской мысли у тех, кто их читал. Наши крупнейшие философы были известны лишь в узких кругах интеллигенции (хотя в это время у них установились хорошие контакты с рядом

психологов, педагогов, историков, социологов, математиков, естествоиспытателей).

Два выдающихся человека, волею судеб ставшие на короткий срок директорами Института, пытались изменить характер его деятельности – сделать творчество главным в его работе. Это были П.В. Копнин (директор Института в 1968–1971 годы) и Б.М. Кедров (директор в 1973–1974-е годы). Каждый из них был не только ярким философом, но и замечательным администратором. Оба серьезно повлияли на то, что делалось в Институте. Но оба потерпели поражение в своих далеко идущих реформаторских начинаниях. П.В. Копнин скончался в возрасте 49 лет, будучи затравленным бдительными идеологами, усмотревшими крамолу в его планах. Б.М. Кедров вынужден был уйти с поста директора уже через год под давлением партийных инстанций, назначивших специальную комиссию по проверке его деятельности.

На рубеже 90-х годов XX века, уже в годы перестройки, но в особенности после августа 1991 года, в рамках Института под руководством директоров Н.И. Лапина (1985–1988) и В.С. Степина (1988–2005) сложилась новая и в целом благоприятная ситуация для развития философии. Решающим фактором, способствовавшим этому, явилась отмена монополии марксистского мировоззрения.

Делегация Института философии на Штутгартском гегелевском конгрессе 30 июня 1981 г. Среди участников В.А. Лекторский, Н.В. Мотрошилова, Т.И. Ойзерман

ния, централизованного государственного контроля за идеологией. Философия стала тем, чем ей и надлежит быть, – свободным интеллектуальным занятием, критерии истинности которого заключаются в нем самом и вырабатываются в рамках академического сообщества.

Если суммировать очевидные, эмпирически фиксируемые изменения в деятельности Института философии РАН за последние 15–20 лет, которые являются показательными для философского процесса в стране в целом, они состоят в следующем.

Необычайно возросли и творческая активность, и продуктивность философов. Количество названий публикуемых Институтом произведений возросло в десятки раз, и философская литература по раскупаемости стоит на одном из первых мест. Журнал «Вопросы философии» по тиражу лидирует среди двухсот пятидесяти журналов, издаваемых Российской академией наук.

Расширилась тематика исследований, начали заново складываться исследовательские области, которые ранее находились под подозрением, – политическая философия, философия религии, прикладная этика (этика ненасилия, биоэтика). В настоящее время практически нет такой области философского знания, которая не исследовалась бы в Институте.

Всемирный философский конгресс в Москве 1993 г.
Выступает Э. Агацци. В президиуме – М.С. Горбачев
(второй слева), И.Т. Фролов, В.Н. Кудрявцев,
В.С. Степин.

Разнообразными стали отстаиваемые авторами философские позиции. Философы, не связанные уже внешними требованиями маркировать свои взгляды марксистской риторикой, оказались исключительно восприимчивы к школам, идеям и методам, которые культивируются современной, прежде всего западноевропейской, философией, и были представлены в ее истории. Что касается марксистской философии, то она продолжает существовать как одна из школ, наряду с другими. Трудно сказать, какая из философских традиций и школ является в Институте доминирующей. К современной ситуации в исследовании философской проблематики в рамках Института вполне подходят известные строчки Александра Блока:

*Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений.*

Были ликвидированы своего рода лакуны в изучении и исследовании философии, обусловленные сугубо идеологическими причинами, – это относится к византийской философии, религиозной философии европейского Средневековья, к тем школам и авторам современной западной философии, которые были маркированы в качестве критиков коммунистического строя. Но, пожалуй, самым большим белым пятном на карте официальной советской идеологии была русская религиозная философия XX века, которую нельзя было не то что исследовать, но нельзя было даже критиковать. Возвращение русской философии из вынужденной эмиграции было энергичным и, можно сказать, триумфальным: за сравнительно короткий срок были изданы сочинения Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, С.Л. Франка и многих других авторов (только в одной книжной серии «Из истории отечественной философской мысли», издающейся в качестве приложения к журналу «Вопросы философии», вышло более 50 томов), началось изучение их трудов, а одновременно и широкое увлечение ими, выходящее за рамки профессиональных интересов. В результате изменились как облик русской философии, так и ее удельный вес в совокупности философских дисциплин в России.

Начала осуществляться реальная интеграция науки и образования. Сотрудниками Института подготовлены учебники и учебные пособия по истории философии, этике, эстетике, логике, вос-

точной философии, культурологии и другим конкретным областям философского знания. Большим самостоятельным проектом стала подготовка серии аспирантских учебников и учебных пособий по философии науки и истории отдельных наук. При Институте и на базе его интеллектуальной инфраструктуры уже около 15 лет успешно работают философский и политологический факультеты Государственного университета гуманитарных наук. Возродилась аспирантура Института.

Получают развитие и повышается удельный вес в общем составе философской литературы специальные исследования, связанные с новыми переводами и научными комментариями классических текстов, двуязычные издания, а также аналитических трудов, в которых философские обобщения строятся на строгой эмпирической базе филологической и исторической критики источников (работы В.П. Гайденко, А.В. Лебедева, В.В. Петрова, А.В. Смирнова, М.А. Солоповой, А.А. Столярова, Ю.А. Шичалина и др.).

Данная тенденция обозначает новый, профессионально более высокий и научно более строгий, уровень философских исследований.

На наш взгляд, отечественная философия в целом – и Институт философии как центральное философское учреждение страны сыграл здесь особую роль – ликвидировала отставания, ограничения и деформации, которые проистекали из господствовавшей в стране административно-командной системы. В настоящее время она находится в поиске новых оснований своего развития, более точного определения своего места в мировом философском процессе. Существенным фактом и важным позитивным уроком отечественной философии последних двадцати лет является то, что принципиальные изменения в ней произошли без внешнего давления, без «пароходов» и «чисток», в рамках логики и инерции самой философии. Отказ от монополии марксизма произошел без деградации в антимарксизм и запретов на профессию, освоение русской религиозной философии – без отказа от философских достижений советского периода.

Анализ философской литературы, изданной за последние 15–20 лет сотрудниками Института, с точки зрения ее авторского состава, тематики, концептуальных решений свидетельствует о высокой степени преемственности в развитии отечественной философии. Эти годы являются в своей основе продолжением, развитием, дополнением и обогащением того лучшего, что было сделано

в 1960–1980-е годы. Философская жизнь в Институте сегодня настолько интенсивна и разнообразна, что нет возможности в краткой статье описать ее тематическое богатство, новые идеи и точки роста. Достаточно сказать, что число ежегодно печатаемых книг сотрудников Института выходит за сотню: так, в 2007 году было издано 128 оригинальных книг, томов философской классики, более 1000 статей.

Отметим для примера несколько проблем, в исследовании которых, на наш взгляд, сотрудники Института достигли определенных результатов: дана интерпретация рациональности знания и познания как историко-культурного феномена, описаны ее различные типы и формы (В.А. Лекторский, П.П. Гайденок, В.С. Швырев, М.А. Розов); разрабатывается тематика социальной (И.Т. Касавин) и эволюционной (И.П. Меркулов) эпистемологии, возникли новые подходы в этике (А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян) и биоэтике (Б.Г. Юдин), в философии религии (Л.Н. Митрохин), плодотворно развиваются отечественные традиции исследования философии гуманитарного знания, разработан метод антропологического анализа художественной литературы (В.А. Подорога); самостоятельным направлением стала философская компаративистика, в рамках которой осуществляется сравнительный анализ различных фило-

Конференция по сравнительной философии.
2008 г.

софских традиций в решении основополагающих мировоззренческих проблем (Н.В. Мотрошилова, А.В. Смирнов, М.Т. Степанянц и др.); одной из тематических и концептуальных доминант является проблема диалога культур – диалог культур рассматривается и как основополагающая категория для понимания природы философского мышления, и как историческая перспектива в эпоху глобализации (В.П. Визгин, В.М. Межуев); разработана оригинальная концепция взаимодополнительности морали и права (Э.Ю. Соловьев); исследован утопизм как специфический феномен Нового времени (Т.И. Ойзерман); появились капитальные историко-философские труды, посвященные исихазму (С.С. Хоружий), стоицизму (А.В. Столяров), европейскому Средневековью (С.С. Неретина), философии Витгенштейна (В.В. Биbihин); православной эстетике Византии и Древней Руси (В.В. Бычков), истории русской философии (М.Н. Громов, В.В. Мильков), индийской философии (В.Г. Лысенко, В.К. Шохин), ведутся продуктивные исследования в области философии образования (А.П. Огурцов, Н.С. Юлина), политической философии (Б.Г. Капустин, К.М. Долгов). Хотим еще раз подчеркнуть: этот перечень не претендует на полноту, охватывает лишь незначительную часть того, чем заняты и каких результатов достигли философы, работающие в Институте в последнее двадцатилетие.

Ученый совет Института философии РАН

Невозможность охватить все ценное, что было сделано научными сотрудниками института, составляет основную трудность обзорной статьи о работе Института и вместе с тем это наиболее характерный показатель масштабов и уровня того, что сделано.

Исключительное значение имеет издание в русских переводах классических философских текстов. За последнее время сотрудники Института осуществили впервые на русском языке издание сочинений Плотина, Абельяра, И.Г.Фихте, Л.Витгенштейна, Г.Марселя, П.Рикера, Ю.Хабермаса, М.Хайдеггера и других. Совместно с немецкими философами впервые осуществлено двуязычное издание собрания сочинений И.Канта. Нужно сказать, что работа по изданию классической философской литературы создает качественно новую ситуацию в нашей философии в целом, ибо задает высокий эталон философствования.

В Институте была осуществлена работа, значение которой для нашей философии и культуры в целом трудно переоценить: издание 4-томной «Новой философской энциклопедии». Энциклопедия – отчет, своего рода визитная карточка отечественных философов в начале нового тысячелетия. Она включает свыше 5000 терминов и имен, обобщает опыт нашей философии, дает взвешенную систематизацию достижений мировой философской мысли.

«Новая философская энциклопедия» в лице членов ее научно-редакционного совета была отмечена Государственной премией в области науки и техники за 2003 год. Работа по обобщенному анализу достижений философской мысли была продолжена подготовкой специализированных энциклопедических изданий по этике, античной философии, индийской философии, эпистемологии и философии науки.

Институт философии – это уникальное, единственное в своем роде философско-научное учреждение. Здесь в рамках одного трудового коллектива (юридического лица) собраны исследователи по всем основным предметно выделенным областям философского знания. Они распределены по 28 научным подразделениям, сведенным в шесть направлений (отделов): эпистемологии и логики; философии науки; социальной и политической философии; аксиологии и философской антропологии; методологических проблем изучения человека; истории философии. Высшей инстанцией, регулирующей направления, тематику исследований, а также оценивающей качество и результативность, является Ученый совет в составе 30–40 человек, избираемый научными сотрудниками через процедуру тайного голосования и обновляемый раз в пять лет. В содержательном плане научные сотрудники и подразделения, Институт в целом обладают исключительно высокой степенью самостоятельности, можно сказать: автономны.

Жизнь в научных подразделениях организована таким образом, что индивидуальная работа сотрудников (в библиотеках, архивах, за домашним письменным столом) дополняется еженедельными совместными обсуждениями. Одновременно осуществляется разнообразное общение между различными научными подразделениями. Достаточно сказать, что в Институте действуют более 30 постоянных теоретических семинаров; ежегодно проходят сотни различных научных форумов (симпозиумов, «круглых столов», чтений и т. п.), в том числе 2–3 большие международные конференции (конгрессы), издается 7 ежегодников, 6 журналов. При этом следует учесть, что каждый исследователь как сам по себе, так и через свое научное подразделение и Институт в целом включен в сеть разнообразных научных связей с отечественными и зарубежными коллегами.

В ходе таких целенаправленных усилий и разнообразных общений, имеющих своим предметом философское познание, создается интеллектуально насыщенная и одновременно конкурентная

среда, которая задает режим постоянного умственного напряжения и творческого поиска.

Эта среда, сама атмосфера, возникающая вокруг разнообразных речей и действий в связи с философией, составляет самое важное и ценное в Институте философии. Хорошо известно, что философия представляет собой сугубо индивидуальное творчество, едва ли не столь же индивидуальное, как поэзия, изобразительное искусство, музыка. Однако столь же несомненным, хотя и слабо артикулируемым является следующий факт: философы не возникают случайно и в одиночку. Они появляются кластерами, группами. Софисты, Сократ и сократические школы в Афинах V–IV веков до н.э., немецкий классический идеализм в конце XVIII – начале XIX века в Германии – самые яркие примеры. Если говорить о нашей стране, то можно сослаться на религиозную философию Серебряного века и философов-шестидесятников XX века. Поэтому так важно беречь традиции, школы, культивировать философские споры, события философской жизни (юбилеи, обсуждения книг, защиты диссертаций, конкурсы и т.п.), поддерживать атмосферу, пронизанную духом философии. Институту философии РАН на протяжении последних 50 лет с разной степенью успешности, но тем не менее, в целом удавалось это делать. Научные подразделения Института назывались по-разному (сейчас в основном они именуются секторами), было короткое время, когда они назывались лабораториями. На самом деле сам Институт в целом является своеобразной лабораторией философской мысли. И в этом заключается его основная миссия и основная задача.

С.Н. Корсаков

Во главе Института философии¹

Краткие биографические очерки
о директорах Института философии
РАН*

Абрам Моисеевич ДЕБОРИН (ИОФФЕ).

Директор в 1928–1931 годах

Абрам Моисеевич Деборин (настоящая фамилия Иоффе) – выдающийся философ-марксист, основатель Института философии. Родился 7 (19) июня 1881 года в м. Упино Шилальского района Литвы, в тогдашней Ковенской губернии в бедной еврейской семье. Отец его был маскилом (просветителем), работал резником. В девятилетнем возрасте А.М. Иоффе поступил в приходское училище в м. Тауроген. В 1894 году переехал с родителями в Ковно и поступил в еврейское казенное училище, которое окончил в 1897 году. Одновременно обучался слесарно-кузнечному и токарному ремеслу в ремесленных классах училища и несколько лет работал в слесарной мастерской. Вступив в самостоятельную трудовую жизнь, зарабатывал уроками на свое скромное существование. По бедности и вследствие еврейского происхождения не мог попасть учиться в гимназию. Ему пришлось усиленно заниматься самообразованием и самостоятельно готовиться к сдаче экзамена на аттестат зрелости.

В 1902 году вступил в РСДРП. Вел революционный кружок среди рабочих ковенского района Слобода, выступая с позиций социал-демократа-«искровца». В конце 1903 года А.М. Деборин

уехал за границу. В период раскола РСДРП примкнул к большевикам. Некоторое время жил в Берлине, посещал лекции в университете в качестве вольнослушателя. Самостоятельно занимался философией, историей, политэкономией. Он овладел немецким, французским, английским языками, всего же, в большей или меньшей степени, знал восемь языков – классических и живых. Университетские профессора (Г. Шмоллер и др.) производили на него отрицательное впечатление из-за их националистических, монархических и антимарксистских взглядов. В Берлине имелась довольно большая русская студенческая колония. Многие русские студенты были социал-демократами. В ответ на антимарксистские выпады реакционных профессоров они выражали на лекции свои симпатии Марксу и Бебелю топанием (как это было принято в университете). А.М. Деборин изучал марксистскую литературу, познакомился с немецким социал-демократическим движением, посещая митинги и рабочие собрания. В частности, он присутствовал на партийном социал-демократическом собрании в Берлине, где впервые слышал А. Бебеля.

Осенью 1904 года А.М. Деборин был выслан в Швейцарию. Выдержав специальный экзамен (на «матуру») для поступления в университет, А.М. Деборин был принят на философский факультет Бернского университета, который окончил в 1908 году. Одним из основных мотивов пребывания в Швейцарии для А.М. Деборина была возможность познакомиться с Г.В. Плехановым. Он встретился с ним и стал одним из самых преданных его учеников.

Серьезная работа над самообразованием вскоре дала А.М. Деборину возможность выступить в качестве литератора-марксиста. Литературную деятельность А.М. Деборин начал в конце 1904 года помещением статьи в одной провинциальной легальной марксистской газете. Выступал с докладами и статьями в марксистской печати и был активным участником философских споров, защищая диалектический материализм от всевозможных его критиков. Напечатал ряд философских статей в марксистских журналах и сборниках, а также в теоретическом органе СДПГ «Die Neue Zeit» (с 1905 г.). В 1906 году он напечатал в «Die Neue Zeit» ряд статей, в том числе по поводу книги К. Каутского «Этическое и материалистическое понимание истории».

В 1907–1908 годах А.М. Деборин написал первую свою большую философскую работу – «Введение в философию диалектического материализма». Он привез рукопись из Берна Г.В. Плеха-

нову в Женеву. Г.В. Плеханов внимательно читал и редактировал ее, предпринимал усилия по изданию, обращался с этим вопросом в журнал «Современный мир», к Ю.О.Мартову, В.Д.Бонч-Бруевичу. Отказ журнала «Современный мир» поместить статьи А.М.Деборина, подготовленные на основе глав рукописи, привел даже к временному острому конфликту Г.В. Плеханова с редакцией журнала. В.И. Ленин знал о работе А.М.Деборина над книгой «Введение в философию диалектического материализма». В 1909 году в одном из сборников было опубликовано извлечение из рукописи А.М.Деборина в виде отдельной статьи. Широко известны критические заметки В.И.Ленина по поводу этой статьи А.М.Деборина, напечатанные впоследствии в «Философских тетрадях». На издание книги А.М.Деборина был наложен цензурный запрет. Вследствие этого издать капитальный труд А.М.Деборина удалось полностью только в 1916 году. Он вышел с предисловием Г.В. Плеханова.

В связи с началом Первой мировой войны А.М. Деборин переехал в 1915 году из Варшавы в Петроград, работал в качестве уполномоченного Еврейского комитета помощи жертвам войны. Работал в этом Комитете, переименованном в 1917 году в Еврейский комитет помощи жертвам войны и контрреволюции, до 1920 года. Стоял на позициях меньшевиков-интернационалистов и на этой почве политически разошелся с Г.В. Плехановым, который был оборонцем. Г.В. Плеханов не мог простить А.М. Деборину его отношения к войне, которое он квалифицировал как «изменническое».

Февральская революция 1917 года застала А.М. Деборина в Харькове, откуда он вскоре переехал в Полтаву, где одно время состоял заместителем председателя губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов и заместителем председателя Военно-революционного комитета, созданного Исполкомом Совета после корниловского мятежа. В сентябре 1917 года участвовал в «Демократическом совещании» в качестве делегата от Полтавского Совета. После Октябрьской революции порвал с меньшевиками.

В 1920 году А.М. Деборин по личному разрешению В.И. Ленина получил широкие возможности для научной и преподавательской деятельности. Он начал преподавать в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, на курсах марксизма. С 1921 года заведовал кабинетом философии, а затем работал заместителем директора в Институте Маркса и Энгельса. С 1922 года заведовал философским отделением и состоял членом Правления в Институте красной профессуры. В 1930–1931 годах был директором Ин-

ститута красной профессуры философии и естествознания. Был редактором научно-популярной библиотеки для партактива.

С 1922 года А.М. Деборин был членом редколлегии журнала «Под знаменем марксизма». При организации журнала состоялась его встреча с В.И. Лениным, в ходе которой обсуждались вопросы будущей работы журнала и создания Общества воинствующих материалистов. А.М. Деборин был в числе членов-учредителей ОВМ, созданного в 1924 году. С 1923 года А.М. Деборин в качестве ответственного редактора возглавил журнал «Под знаменем марксизма».

С 1922 года А.М. Деборин был членом Коммунистической академии, ее Президиума, членом редколлегии «Вестника Коммунистической академии». С 1926 года руководил отделом философии Большой советской энциклопедии, состоял членом Экспертной комиссии по присуждению Премий имени В.И. Ленина в области науки. Был членом Главного ученого совета Наркомата просвещения РСФСР. 23 сентября 1924 года постановлением Президиума РАНИОН А.М. Деборин был утвержден директором Института научной философии. Был членом Президиума РАНИОН. Все эти должности А.М. Деборин совмещал «по нарастающей», становясь формальным и фактическим лидером советской философии. В 1927 году он организовал в Коммунистической академии философскую секцию, а в 1928 году Институт философии на основе объединения секции с Институтом научной философии РАНИОН.

Одна из важнейших заслуг А.М. Деборина в этот период состоит в том, что он решительно противостоял философскому нигилизму не только своими теоретическими выступлениями, но и своей практической организаторской деятельностью утверждая необходимость философии. В результате отношение к философии во второй половине 1920-х годов разительно изменилось по сравнению с послереволюционными годами. Из опального занятия, из «пережитка» эксплуататорского прошлого, который надо было «выбросить за борт», философия превратилась в одну из приоритетных наук. Венцом этих изменений и стала организация Института философии во главе с А.М. Дебориным.

Столь же важно и то, что А.М. Деборин защитил достоинство философии не в одиночку. Он сумел выпестовать целую плеяду молодых талантов, которые со страстью отстаивали великую науку. Эти люди создали целый ряд трудов по теории диалектики и истории философии, сохраняющих значение и сегодня. Программным

направлением разработки диалектики было для Деборина и деборинцев изучение логики «Капитала» Маркса. Дебориним была образована в Институте философии специальная группа для исследования этих вопросов.

А.М. Деборин привлек своих учеников к благородной деятельности по изданию философской классики, в результате чего в 1920-е годы было переведено и опубликовано много трудов выдающихся философов прошлого. Им было инициировано издание серий «Библиотека материализма» и «Библиотека атеизма», в которых вышли сочинения Т. Гоббса, Дж. Толанда, Ж.-О. Ламетри, Д. Дидро, К.А. Гельвеция, П.А. Гольбаха, Л.А. Фейербаха и др., начато издание собрания сочинений Гегеля на русском языке. Сочинения А.М. Деборина неоднократно издавались за рубежом: в Германии, Австрии, Японии, Китае, США, Греции и других странах.

В апреле 1929 года А.М. Деборин сделал основной доклад на Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. В резолюциях Конференции была закреплена победа группы А.М. Деборина в философской дискуссии. Ее последующее низвержение было предопределено тем положением признанного теоретика марксистской философии и лидера советского диалектического материализма, в котором находился в «год великого перелома» А.М. Деборин. В декабре 1929 года А.М. Деборину было предложено написать к юбилею Сталина статью в «Правду» о Сталине как о философе. А.М. Деборин отказался не из каких-то политических соображений, но по чисто рациональным мотивам. Он сказал, что такую статью мог бы написать о Ленине, у которого были философские работы, но Сталин – политик, а не философ. С этого момента судьба Деборина и деборинской школы была предрешена.

В январе 1931 г. было принято известное Постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», в котором философская школа Деборина была квалифицирована измышленным Сталиным безграмотным и абсурдным словосочетанием «меньшевистствующий идеализм». А.М. Деборин лишился всех должностей, которые занимал.

Сталин, решая судьбу А.М. Деборина, сказал: «Пусть работает в Академии, но чтобы не печатался по философским вопросам». Так А.М. Деборин был лишен возможности заниматься главным делом своей жизни и был вынужден писать свои работы «в стол». Он стал «невыездным».

А.М. Деборин внес определенный вклад в организацию историко-научных исследований в стране. В 1930–1932 годах А.М. Деборин был членом бюро, а с 1931 года заместителем председателя Комиссии по истории знаний АН СССР. В 1932–1938 годах – заместитель директора Института истории науки и техники АН СССР. В этих структурах А.М. Деборин работал совместно с Н.И. Бухариным, с которым у него были доверительные отношения, несмотря на разногласия по философским вопросам. Н.И. Бухарин называл Деборина «мой рэбе» – учитель, наставник, – и считал важным советоваться с ним в сложных вопросах. В Институте истории науки и техники и в Президиуме АН СССР А.М. Деборин курировал издательскую деятельность. Под его редакцией вышел сборник «Леонард Эйлер» (1935), он редактировал издание «Архива истории науки и техники». С ноября 1935 года по январь 1942 года А.М. Деборин был академиком-секретарем Отделения общественных наук АН СССР (в 1935–1939 годах одновременно – членом Президиума АН СССР).

С 1937 года А.М. Деборин был заместителем председателя, в мае 1950-го – феврале 1955 года членом бюро, с февраля 1962 года членом Редакционно-издательского совета АН СССР. В годы работы в Редакционно-издательском совете А.М. Дебориным были отредактированы издания материалов сессий АН СССР. Причем его редакторство было не формальным, а реальным – «от доски до доски». Длительное время он был заместителем главного редактора журнала «Вестник АН СССР», ответственным редактором сборников «Вопросы истории доклассового общества» (1936), «Сто лет со дня смерти А.С. Пушкина» (1938), «Гёте» (1939), «Культура Испании» (1940), «Галилео Галилей» (1943).

А.М. Деборин был ответственным за эвакуацию Президиума АН СССР в 1941 году. Он последним оставил здание Президиума и отправился в эвакуацию в Казань. В 1941–1943 годах, находясь в эвакуации в Казани, он возглавлял Бюро научно-технической пропаганды, занимавшееся чтением лекций среди населения города.

С 1943 года А.М. Деборин заведовал сектором новейшей истории в Институте истории АН СССР. Под его редакцией вышел в 1948 году том «Трудов по Новой и Новейшей истории». В разгар «борьбы с космополитизмом» этот сборник, как и работы сотрудников сектора И.М. Майского, Б.Е. Штейна, А.М. Некрича, были объявлены «порочными», а А.М. Деборин в июне 1949 года снят с должности и переведен в старшие научные сотрудники.

В октябре 1956 года, уже после XX съезда КПСС, А.М. Деборина восстановили в правах члена ученого совета Института истории и ввели в состав ученого совета Института философии АН СССР. А.М. Деборину было разрешено издать сборник своих работ, для которого он, после того как ему не разрешили назвать сборник «В защиту диалектического материализма», избрал явно полемическое название «Философия и политика». Но его работы, отражающие философскую борьбу конца 1920-х – начала 1930-х годов не было возможности включить в сборник.

23 июня 1961 года на заседании ученого совета Института истории АН СССР состоялось чествование АН. Деборина в связи с его 80-летием. От Института философии АН СССР выступил М.А. Дынник, единственный из сотрудников первого, «деборинского», состава Института, кто не был репрессирован и продолжал работать в Институте философии.

Последнее десятилетие своей жизни А.М. Деборин посвятил созданию обширного труда по истории философской и общественно-политической мысли человечества, в котором на большом историко-философском материале стремился показать закономерность возникновения коллективистских, коммунистических, марксистских идей. Он намеревался, в частности, дать характеристику первых работ Маркса, в особенности его теории отчуждения, и раскрыть социализм как процесс восстановления целостного человека. Труд этот не был закончен и существует лишь в виде двух опубликованных томов по истории политической мысли Нового и Новейшего времени. Но в Архиве РАН в личном деле А.М. Деборина сохранились развернутые планы-проспекты книги.

Умер Абрам Моисеевич Деборин 8 марта 1963 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

**Владимир Викторович
АДОРАТСКИЙ.**

Директор в 1931–1939 годах

Владимир Викторович Адоратский родился 7 (19) августа 1878 года в Казани в семье служащего гражданского департамента судебной палаты. В январе 1890 года В.В. Адоратский поступил во 2-ю

Казанскую гимназию. В гимназические годы самостоятельно пришел к материалистическим и атеистическим воззрениям, порвал с религией, несмотря на сильную религиозность семьи, особенно матери, и священнический сан братьев отца. Он читал книги Дарвина, Геккеля, Фейербаха. В кружке гимназистов изучал философию. В последних классах гимназии познакомился с нелегальной литературой. Окончив в 1897 году гимназию, он поступил на математический факультете Казанского университета, но в 1898 году перевелся на юридический факультет. Увлекался математикой, театром, музыкой, хорошо пел. Всю жизнь усиленно изучал языки. В 1900 году впервые прочел «Манифест Коммунистической партии», увлекся его идеями, начал изучать «Капитал». Стал оказывать содействие социал-демократической организации в Казани. На его имя была организована явка, он хранил нелегальную литературу, печатал ее на гектографе. Окончив в июле 1903 года университет, В.В. Адоратский был оставлен при кафедре русского государственного права «на свой счет».

В декабре 1903 года В.В. Адоратский поехал за границу для знакомства с нелегальной русской и социал-демократической немецкой научной и политической литературой. Ознакомившись с протоколами II съезда РСДРП, он определился в своей партийной принадлежности как большевик. Жил сначала в Берлине, затем с апреля 1904 года в Женеве. В марте 1904 года впервые услышал выступление В.И. Ленина на одном из собраний, посещал занятия кружка по изучению Устава партии, которые вел В.И. Ленин. Вернувшись в мае 1904 года в Казань нагруженным надежно спрятанной нелегальной литературой, В.В. Адоратский стал членом Казанского комитета РСДРП и руководил группой пропагандистов комитета.

В феврале 1905 года В.В. Адоратский выехал за границу. В марте – апреле 1905 года жил в Берлине. Лично познакомился с В.И. Лениным. Общение с В.И. Лениным, его личность, произвели на В.В. Адоратского неизгладимое впечатление, сохранившееся на всю жизнь.

В Казани В.В. Адоратский продолжил деятельность в качестве ответственного пропагандиста Казанского комитета РСДРП. В мае 1905 года выступил с рефератом «Об историческом материализме».

В.В. Адоратский усиленно занялся теоретической работой, изучал основы диалектического метода. С августа 1907 года начал заниматься вопросом о государстве. В итоге нескольких лет занятий он подготовил книгу о проблеме государства, в которой он «старался преодолеть буржуазное идеологическое понимание государства».

Работа В.В. Адоратского была первой в русской марксистской литературе, специально посвященной вопросу о государстве и праве.

Вернувшись в Россию после Первой мировой войны В.В. Адоратский получил направление на работу в наркомат просвещения РСФСР, и с сентября 1918 года заведовал архивом Николая Романова. Назначение сопровождалось также и запиской Я.М. Свердлова о том, чтобы к В.В. Адоратскому относились с полным доверием. В.В. Адоратский занимался разбором архива последнего царя. Вскоре к этому архиву добавился также и архив бывшего министерства иностранных дел. Одновременно с апреля 1919 года В.В. Адоратский состоял профессором факультета общественных наук МГУ, читал лекции в Академии народного образования.

С сентября 1920 года он был управляющим Государственным архивом Октябрьской революции РСФСР. В декабре 1920 года он был назначен членом коллегии и заместителем заведующего Главным архивным управлением при наркомате просвещения РСФСР. С мая 1927 года был заместителем заведующего Центральным архивным управлением РСФСР при ЦИК, возглавлял его научно-организационную, проверочную и научно-техническую комиссию. Прodelал большую работу по комплектованию государственных архивохранилищ документами по истории Октябрьской революции и революционного движения в России. В марте 1922 года доложил на Оргбюро ЦК ВКП(б) о проделанной работе по сбору и обобщению материалов по истории революции.

В августе 1920 года В.И. Ленин поручил В.В. Адоратскому подготовить сокращенное русское издание переписки Маркса и Энгельса, разрешив в этих целях пользоваться своей библиотекой и предоставив собственный конспект четырехтомного немецкого издания этой переписки со своими заметками, неоднократно интересовался ходом работы, обсуждая с В.В. Адоратским ее детали. В.В. Адоратский выполнил поручение В.И. Ленина, выпустив со своим предисловием избранные письма Маркса и Энгельса. Он успел в декабре 1922 года показать уже больному В.И. Ленину корректурные листы книги.

С октября 1920 года по совместительству с архивной работой В.В. Адоратский преподавал в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова. С 1922 года по сентябрь 1925 года состоял профессором кафедры исторического материализма, с сентября 1925 года профессором кафедры истории ВКП(б) этнологического факультета, с апреля 1930 года заведовал кафедрой ленинизма

в МГУ. Преподавал на курсах марксизма, в Институте красной профессуры. В 1922 – 1923 годах читал курс исторического материализма в Московском межевом институте. Проводил коллоквиумы и семинары по историческому материализму, истории социализма, истории классовой борьбы, по теории государства и права.

В мае 1928 года после слияния Истпарта и Института Ленина В.В. Адоратский был назначен заместителем директора Института Ленина и заведовал здесь кабинетом по разработке научной биографии В.И. Ленина. В марте 1930 года В.В. Адоратский был назначен директором историко-партийного Института красной профессуры. В связи с этим в сентябре 1930 года он оставил работу в Центрархиве.

С 1923 года В.В. Адоратский был действительным членом Института научной философии МГУ – РАНИОН. После объединения в 1928 году этого Института с философской секцией Комакадемии, В.В. Адоратский был избран действительным членом Института философии Коммунистической академии. В апреле 1929 года на 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений выступил с докладом о философских работах В.И. Ленина. В феврале 1930 года выступал с докладом на Всесоюзном совещании преподавателей истории ВКП(б) и ленинизма. Когда 17 февраля 1930 года правление Института философии приняло решение сформировать в рамках институтских секций группы, В.В. Адоратский был утвержден заведующим группой классов и классовой борьбы секции исторического материализма. В ноябре 1930 года, после изменений в структуре Института, вызванных поражением деборинского философского руководства, он стал заведовать группой диалектики стратегии и политики ленинизма секции диалектического материализма.

Наиболее известной философской работой В.В. Адоратского осталась его статья о проблеме идеологии в марксизме. В.В. Адоратский прекрасно знал тексты Маркса, в частности положение о «превращенных формах», об идеологическом искажении классовых интересов в тех или иных надстроечных институтах. Формулируя положение «марксизм – враг идеологии», В.В. Адоратский выражал классическую позицию марксизма. Как известно, с опровержения идеологии как ложного сознания, собственно, и началось размежевание между марксизмом как научной социальной теорией и иными социальными учениями, представавшими в виде идеологических конструкций, вольно или невольно оправдывавших

и извращавших социальную действительность. Афористичным выражением этой позиции для В.В. Адоратского стало высказывание Маркса «юридически – значит фальшиво». На эту мысль Маркса обратил внимание В.И. Ленин в беседе с В.В. Адоратским в 1911 году по поводу его рукописи о государстве. Так что написанную В.В. Адоратским спустя десять лет статью нужно признать философским обобщением его длительных размышлений о роли и функциях государственных, правовых и политических институтов в эксплуататорском обществе и об идеологической aberrации этой роли. Выступая в сфере идеологии от имени всех членов общества, на деле эти институты защищают интересы привилегированных классов. Исходя из этих посылок, В.В. Адоратский полагал, что наступило время преодоления идеологии, включая такую ее форму, как философская, и замены идеологического мышления научно-практическим.

В.В. Адоратский был одним из первых философов, кто начал превозносить Сталина как «теоретика ленинизма и вождя мирового пролетариата». Он принял предложение восславить Сталина как великого философа в «Известиях» в декабре 1929 года к 50-летию со дня рождения Сталина. Этот шаг предопределил его последующее возвышение и статус формального главы советской философии.

В научном плане В.В. Адоратский был знатоком текстов Маркса, Энгельса, Ленина и занимался в основном составлением хрестоматий из произведений основоположников марксизма, к которым уже давно был добавлен Ленин, а теперь и Сталин. На какую-то самостоятельную разработку философских проблем он не претендовал. Кроме того, В.В. Адоратский был старым большевиком с большим дореволюционным стажем. Иными словами, он оказался идеальной кандидатурой для должности директора Института философии, после того как в 1931 году с этого поста был изгнан А.М. Деборин, а главной задачей советской философии была провозглашена разработка «ленинского этапа», в том виде, как это тогда понималось. Сменил В.В. Адоратский А.М. Деборина и в философской редакции Большой советской энциклопедии; вошел в состав редколлегии журнала «Под знаменем марксизма».

Вместе с тем, надо отметить, что, выступая в октябре 1930 года на заседании Президиума Комакадемии, где было подвергнуто разгрому деборинское философское руководство, В.В. Адоратский

был достаточно сдержан и академичен в своих критических замечаниях по адресу А.М. Деборина, чего не скажешь о других «борцах» за «большевизацию на философском фронте».

В Институте философии В.В. Адоратский больше выполнял представительские функции, выступал с докладами на юбилейных сессиях: в связи с 25-летием «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина (1932), 50-летием со дня смерти Маркса (1933), 120-летием со дня рождения Маркса (1938), входил в состав делегации на Международный Гегелевский конгресс (1931). Реально Институтом философии руководил М.Б. Митин, бывший заместителем директора.

В марте – апреле 1936 года В.В. Адоратский в качестве главы делегации вместе с Н.И. Бухариным и А.Я. Аросевым совершил поездку в Европу (Берлин, Вена, Амстердам, Копенгаген, Париж) с целью приобретения архива Маркса и Энгельса, принадлежавшего австро-германской социал-демократии. Перед выездом из СССР был 7 февраля 1936 года проинструктирован И.В. Сталиным. Делегация вела переговоры с О. Бауэром, Ф. Адлером и выступившими в качестве посредников русскими меньшевиками-эмигрантами Ф.И. Даном и Б.И. Николаевским. Переговоры, проходившие после ознакомления с архивными документами в парижской гостинице «Лютеция», зашли в тупик, так как стороны не сошлись в цене. Приобрести архив не удалось, был куплен лишь медальон с портретом и локоном Маркса.

В июле 1938 года Сталин встретился с Митиным и Юдиным для консультаций по подготовке главы «О диалектическом и историческом материализме» Краткого курса «Истории ВКП(б)». В ходе беседы Сталин выразил свое недовольство работой Института Маркса, Энгельса, Ленина и, в частности, тем, что Институт в приложении к работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» перепечатал рецензию Л.И. Аксельрод, как это делалось на протяжении двадцати лет. Вскоре обе директорские должности В.В. Адоратского были распределены между Митиным и Юдиным.

С 20 января 1939 года, оставив директорские должности, В.В. Адоратский работал ответственным редактором Института Маркса, Энгельса, Ленина. Руководил изданием хронологических выписок Маркса, экономических рукописей Маркса 1857–1858 годов. Занимался подготовкой второго издания двухтомника сочинений Маркса. Работа В.В. Адоратского над оригинальными текстами классиков марксизма была тем более эффективной, что он

владел немецким и английским языками, читал на французском, итальянском, испанском. Время вынужденного пребывания в Германии в годы Первой мировой войны он использовал для дополнительного усовершенствования в языках.

В Алма-Ате в годы войны в эвакуации находился Институт философии АН СССР. В.В. Адоратского зачислили сотрудником, в результате чего его материальное положение значительно улучшилось. Реальный составитель готовившейся в Институте «Истории философии» Б.Э. Быховский предложил В.В. Адоратскому написать главы о Марксе и Энгельсе для IV тома «Истории философии». В.В. Адоратский подготовил эти главы и передал их в Институт, но, как известно, издание так называемой «серой лошади» было приостановлено на третьем томе, после выхода постановления ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 года.

Работая в Алма-Ате, В.В. Адоратский выступал с публичными лекциями и докладами. В мае 1943 года в связи со 125-летием со дня рождения Маркса он выступил в юридическом институте, в Доме Красной Армии, для партийного актива. Доклад «О методе научной работы Маркса» В.В. Адоратский прочитал в июне 1943 года на конференции архивных работников Казахстана, а в августе 1943 года – для партийного актива.

В октябре 1943 года В.В. Адоратский вернулся из эвакуации в Москву и вновь поступил на работу в ИМЭЛ. Однако он сохранил связь и с Институтом философии. В.В. Адоратский значился в числе членов ученого совета Института философии АН СССР, утвержденного 8 февраля 1944 года постановлением Президиума АН СССР.

Умер Владимир Викторович Адоратский 5 июня 1945 года. Похоронен в Москве на Донском кладбище. Именем В.В. Адоратского названа улица в Казани.

Павел Федорович ЮДИН

Директор в 1939–1944 годах

Павел Федорович Юдин родился 26 августа (7 сентября) 1899 года в с. Апраксино Сергачского уезда (Больше-Болдинского района) Нижегородской губернии (об-

ласти) в бедной крестьянской семье; отец с 1906 по 1928 год был рабочим.

С девятилетнего возраста работал по найму. Окончив сельскую школу, в 1912 году уехал в Нижний Новгород, где был сначала учеником, с 1914 года – токарем по металлу на металлическом заводе Нижегородского биржевого общества, с 1917 года – в Нижегородских ремонтных паровозных мастерских в Канавине. В октябре 1918 года вступил в РКП(б). В апреле 1919 года добровольцем ушел на фронт. Служил на Урале (Пермь, Екатеринбург) в 1-м Уральском стрелковом полку, затем в 521-м стрелковом полку 57-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях против войск Колчака. Прошел путь от политрука до комиссара полка и начальника организационной части – заместителя начальника политотдела дивизии.

В ноябре 1921 года поступил и в 1924 году окончил Петроградский комвуз. В 1924–1927 годах П.Ф. Юдин был редактором губернской газеты, заведующим агитационно-пропагандистским отделом губкома ВКП(б) в Новгороде; принимал участие в борьбе против троцкистской оппозиции. В 1927–1931 годах П.Ф. Юдин учился на философском отделении Института красной профессуры. С 1928 года занимался педагогической работой в вузах Москвы.

П.Ф. Юдин стал одним из главных организаторов разгрома дебординского философского руководства и травли дебординцев. Он был соавтором «статьи трех» в «Правде» с которой началась эта погромная идеологическая кампания. 9 декабря 1930 года он участвовал в знаменитой встрече со Сталиным членов бюро партийной организации ИКП. После изгнания дебординцев с руководящих постов в научно-идеологических учреждениях, П.Ф. Юдин стал в 1931 году заведующим отделом философии Института Маркса, Энгельса, Ленина. В 1932–1938 годах П.Ф. Юдин работал директором и профессором Института красной профессуры философии.

С февраля 1935 года П.Ф. Юдин заведовал секцией литературы и языка Института философии. В 1933 году был утвержден ВАК в ученном звании профессора; в 1936 году ему присуждена ученая степень доктора философских наук без защиты диссертации.

П.Ф. Юдин принимал участие в организации Союза советских писателей, в августе 1933 года – сентябре 1934 года работал ответственным секретарем оргкомитета Первого Всесоюзного съезда писателей, был председателем комиссии по приему в члены ССП;

на съезде был избран членом Президиума Правления ССП. Редактировал сборник «Писатели XVII партсъезду». Работа в оргкомитете ССП была личным поручением Сталина. 25 февраля 1934 года П.Ф. Юдин был вызван к Сталину и обсуждал с ним эти вопросы в течение более двух часов². В своей работе П.Ф. Юдин добивался того, чтобы в деятельности оргкомитета и ССП доминировала партийная группа, предreshавшая все вопросы. Приемы, с помощью которых П.Ф. Юдин проводил «политику партии» в области литературы, вызывала отторжение у главы советских писателей А.М. Горького. 2 августа 1934 года в период подготовки Первого всесоюзного съезда писателей, Горький писал Сталину: «Юдин и Мехлис – люди одной линии. Идеология этой линии неизвестна мне, а практика сводится к организации группы, которая хочет командовать Союзом писателей. Группа эта – имея «волю к власти» и опираясь на центральный орган партии, конечно, способна командовать, но, по моему мнению, не имеет права на действительное и необходимое идеологическое руководство литературой, не имеет вследствие слабой интеллектуальной силы этой группы, а также вследствие ее крайней малограмотности в отношении к прошлому и настоящему литературы... Мое отношение к Юдину принимает характер все более отрицательный. Мне противна его мужицкая хитрость, беспринципность, его двоедушие и трусость» (Два письма Сталину / публикация В.С. Барахова // Литературная газета. 1993. 10 марта).

С сентября 1934 по 1937 год П.Ф. Юдин работал заместителем заведующего Культурно-пропагандистским отделом, Отделом печати ЦК ВКП(б). Состоял членом редколлегии журналов «Под знаменем марксизма», «Большевик». Был организатором и главным редактором журнала «Литературный критик» до его закрытия в 1940 году. С 1930 года избирался членом Фрунзенского райкома, с 1934 года членом Московского горкома ВКП(б).

П.Ф. Юдин активно участвовал в идеологическом обосновании сталинских репрессий. 20 января 1937 года он выступил в «Правде» против ведущего советского правоведа Е.Б. Пашуканиса: взгляды последнего об отмирании государства и права при социализме соответствовали классическому марксизму, но именно поэтому вступили в противоречие со сталинскими установками об укреплении государства в условиях «обострения классово-борьбы по мере продвижения к социализму». Пашуканис был арестован и расстрелян. Известны разоблачительные выступления П.Ф. Юдина про-

тив литераторов Л.Л. Авербаха, В.М. Киршона, Бруно Ясенского³, позже расстрелянных. С 1937 по 1946 год П.Ф. Юдин был директором Объединения государственных издательств РСФСР.

28 января 1939 года П.Ф. Юдин был избран членом-корреспондентом АН СССР. 4 мая 1939 года П.Ф. Юдин решением Президиума АН СССР был назначен директором Института философии АН СССР. Сотрудники, работавшие при нем, вспоминают, что он при общении с подчиненными вел себя человечнее М.Б. Митина (фактически возглавлявшего Институт в годы формального директорства В.В. Адоратского). Как пишет Л.А. Коган, «в отличие от своего железобетонного предшественника он был более пластичен в отношениях с подчиненными, внимателен, нетороплив, благожелателен к молодежи». По воспоминаниям Б.Г. Сафронова Юдин был обаятелен, мог пошутить и умел нравиться.

В предвоенные годы число сотрудников Института значительно увеличилось за счет выпускников ИКПФ и МИФЛИ. В секторе истории философии готовилась многотомная «История философии» («серая лошадь»). Сектор истории атеизма пополнился за счет включения его состав научно-исследовательского отдела Ленинградского Музея истории религии и атеизма. С 1938 года при Институте организована аспирантура. С 1939 года на Институт была возложена подготовка по философии аспирантов всех научных учреждений АН СССР, в связи с чем организована кафедра философии и воссоздана учебная часть. В 1940 году открыта докторантура.

П.Ф. Юдин выступал с докладами на научных сессиях: в 1938 году с докладом «“Материализм и эмпириокритицизм” В.И. Ленина – документ борьбы с врагами и ликвидаторами марксизма» на научной сессии Института, в декабре 1939 года с докладом «Социализм и коммунизм» на сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвященной 60-летию со дня рождения И.В. Сталина.

5 февраля 1941 года П.Ф. Юдин провел на Волхонке, 14 торжественное заседание коллектива Института философии АН СССР и редакции журнала «Под знаменем марксизма» совместно с теоретическим и пропагандистским активом, посвященное 10-летию постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма». На заседании присутствовало около 600 человек пропагандистов и лекторов, преподавателей и аспирантов вузов, журналистов и научных работников⁴. Заседание открыл М.Б. Митин, который прямо

сказал, что известное постановление представляло собой краткую запись того, что было незадолго перед тем указано Сталиным в беседе с членами бюро партячейки ИКПФЕ. Митин педалировал то обстоятельство, что вся работа философского руководства строится на основе «замечательных указаний, которые получили непосредственно от товарища Сталина». П.Ф. Юдин выступил затем с докладом «Значение борьбы партии против механицизма и меньшевистствующего идеализма». Он развивал ту же мысль, что «борьба против механистов и меньшевистствующих идеалистов происходила под непосредственным руководством Центрального Комитета партии». Юдин также вспомнил об «исторической» беседе членов партячейки ИКПФЕ со Сталиным, и назвал данную им формулировку «меньшевистствующий идеализм» «действительно точным научным определением».

О теоретическом уровне доклада Юдина свидетельствует его манера критики работ Деборина. Беря из них цитаты, где дается высокая оценка логики Гегеля, Юдин восклицал, что это – «полнейшая ревизия марксистской философии». Между тем, при критике механистов Юдин просто воспроизводил аргументы деборинцев, так как собственных у него не было. Но при этом, в духе времени, «меньшевистствующие идеалисты» обвинялись им в том, что они были «активными участниками антисоветских организаций троцкистских террористов и шпионов». Однако символично, что на том же заседании в лице третьего докладчика, Г.Ф. Александрова, обозначился конец полномочию группы Митина–Юдина в советской философии. Теперь уже Г.Ф. Александров был лицом, приближенным к вождю, и транслировал философам полученные непосредственно от него установки. Среди новых установок были все более занимавшее Сталина «подчеркивание исторического значения развития национального самосознания русского народа», борьба с «космополитическими взглядами». Г.Ф. Александров мог позволить себе покритиковать Институт и его руководство за «отставание теоретической работы от практики социалистического строительства», то есть за то, в чем с подачи Сталина Митин и Юдин десять лет назад обвиняли деборинцев. В заключение собрание приняло «приветствие товарищу Сталину».

В июле 1940 года П.Ф. Юдин был утвержден председателем Совета по научной пропаганде АН СССР, в июне 1942 года – заместителем академика-секретаря Отделения философии и права АН СССР.

Директорская карьера П.Ф. Юдина в Институте философии закончилась после известного письма З.Я. Белецкого И.В. Сталину о третьем томе т. н. «серой лошади» – издававшейся Институтом «Истории философии». Белецкий усмотрел в издании идеологические ошибки, а Сталин с ним согласился. Ситуацией воспользовалась группа Г.Ф. Александрова. Несмотря на то, что Г.Ф. Александров сам был членом редколлегии «Истории философии», ему удалось направить огонь критики на прошедших в феврале – марте 1944 года совещаниях в ЦК ВКП(б) по адресу М.Б. Митина и П.Ф. Юдина. Между прочим, в ходе этих совещаний Г.М. Маленков с удивлением узнал от З.Я. Белецкого, что П.Ф. Юдин стал членом-корреспондентом АН СССР, не защитив не только докторской, но и кандидатской диссертации. Правда, сам З.Я. Белецкий достиг профессорского звания, также не обременяя себя написанием диссертаций.

1 мая 1944 года было принято постановление ЦК ВКП(б) о третьем томе «Истории философии», которое было опубликовано во всех журналах, подведомственных Управлению пропаганды и агитации ЦК, возглавлявшемуся Г.Ф. Александровым. 8 мая 1944 года П.Ф. Юдин был освобожден от должности директора Института философии АН СССР с формулировкой «учитывая, что Институт философии работает неудовлетворительно». После Всесоюзной философской дискуссии 1947 года П.Ф. Юдин вновь предлагал свою кандидатуру в директора Института философии, но предложение не было принято.

В 1943–1947 годах П.Ф. Юдин заведовал кафедрой марксизма-ленинизма МГУ. В 1946 году Сталин вспомнил о нем и назначил его главным редактором газеты «Труд». Сталин был доволен постановкой дела в «Труде» и выдвинул Юдина на более ответственную работу.

В 1947–1953 годах П.Ф. Юдин был шефом-редактором газеты Информационного бюро коммунистических и рабочих партий «За прочный мир, за народную демократию» в Бухаресте. Он неоднократно принимал участие в различных съездах, конференциях, выезжал в командировки в Германию, Болгарию, Венгрию, Румынию, Чехословакию, Югославию, Италию. По работе шесть раз был на приеме у Сталина: в 1948 году (16 марта, 8 и 28 июня) и в 1950 году (22 февраля, 24 апреля, 30 мая).

В 1950 – 1952 годах П.Ф. Юдин находился в специальной командировке в Китае. И.В. Сталин возлагал на него миссию идеоло-

гической корректировки политического курса Мао Цзэдуна. В частности, ему полагалось «корректное и тактичное» редактирование «Избранных произведений» Мао Цзэдуна. В свой первый период пребывания в Китае П.Ф. Юдин сделал более 500 замечаний к работам Мао Цзэдуна, но все они носили частный характер. Серьезных отступлений от марксизма-ленинизма П.Ф. Юдин в сочинениях Мао Цзэдуна не обнаружил, о чем доложил И.В. Сталину. На деле, как вспоминал Н.Т. Федоренко, «многие замечания Юдина либо не были приняты, либо изложены в иной редакции» Комиссией КПК по изданию трудов Мао Цзэдуна. Сам же П.Ф. Юдин считал, что «блестяще выполнил научный долг». 20 октября 1952 года он доложил о выполнении поручения Сталину. Вождь остался доволен.

С апреля 1953 года П.Ф. Юдин был политическим советником при председателе Советской контрольной комиссии в Германии, затем – заместителем Верховного комиссара СССР в Германии.

С декабря 1953 года по октябрь 1959 года П.Ф. Юдин работал послом в Китае. В сентябре – октябре 1954 года входил в состав Правительственной делегации СССР во главе с Н.С. Хрущевым, принимавшей участие в праздновании пятой годовщины со дня провозглашения КНР.

11 сентября 1953 года ученый совет Института философии АН СССР выдвинул кандидатуру П.Ф. Юдина в действительные члены АН СССР (выступали Г.Ф. Александров, П.Т. Белов). Аналогичные решения были приняты учеными советами философского факультета МГУ (11 сентября 1953 года) и Института экономики АН СССР (18 сентября 1953 года).

23 октября 1953 года П.Ф. Юдин был избран академиком АН СССР. В сентябре 1960 года его кандидатура выдвигалась на должность директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, но не была утверждена. С февраля 1961 года по июль 1963 года П.Ф. Юдин был членом Президиума АН СССР. Он отвечал за работу Редакционно-издательского совета АН СССР, издание академических серий и осуществление связи с ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. В связи с этим он до сентября 1963 года был также членом президиума ЦК этого профсоюза. С июля 1963 года по май 1967 года он был членом бюро Отделения философии и права АН СССР.

П.Ф. Юдин был профессором Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), Мо-

сковского государственного института культуры, Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина.

В июле 1960-го – феврале 1961 года П.Ф. Юдин был старшим научным сотрудником Института философии АН СССР. С июля 1963 года до конца жизни он заведовал в Институте философии АН СССР сектором общих проблем истории и теории культуры. Был председателем Научного совета АН СССР по истории мировой культуры. Принимал участие в работе VI Всемирного социологического конгресса во Франции (1966).

П.Ф. Юдин был делегатом XVII, XIX, XX, XXI, съездов партии, на XIX и XX съездах избирался членом ЦК КПСС. В 1952–1953 годах кандидат в члены Президиума ЦК КПСС.

П.Ф. Юдин избирался вице-президентом Международного союза журналистов. Неоднократно публиковался в «Правде», «Литературной газете», «Советской России». В 1946–1953 годах работал главным редактором журнала «Советская книга».

П.Ф. Юдин был ответственным редактором «Литературного наследия» Г.В. Плеханова (совместно с М.Т. Иовчуком и Р.М. Плехановой), «Краткого философского словаря» (совместно с М.М. Розенталем; автор ряда статей), справочника «Страны мира» (совместно с Ф.Н. Петровым, М.М. Жирмунским). С 1951 года по март 1960 года был членом редакции БСЭ.

После смерти П.Ф. Юдина было принято решение издать его сочинения в академической серии «Избранные труды». О том, что из этого вышло, есть воспоминания С.Ф. Одуева: «Был такой академик П.Ф. Юдин. А я был тогда заместителем директора Института философии. Президиум Академии наук вынес решение издать собрание его сочинений в четырех томах. Поскольку я был замом, мне и поручили это сделать. Была организована большая группа людей, мы долго с этим возились. Через полгода нас спросили: “Ну, как?” Мы говорим: “Четыре не выйдет, может быть два?” – “Давайте делать два”. Еще полгода прошло, говорим: “Два не выйдет, может, один?” Начали работать дальше и потом пришли к выводу, что ни одной строчки публиковать нельзя».

Умер Павел Федорович Юдин 10 апреля 1968 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Василий Иосифович СВЕТЛОВ

Директор в 1944–1946 годах

Василий Иосифович Светлов родился 6 (19) августа 1899 года в Москве. Мать его была кухаркой, он считался незаконнорожденным.

С малых лет приходилось зарабатывать на жизнь. С 1914 года он работал упаковщиком оптовой обувной фирмы Старкова: упаковывал в ящики обувь и отправлял на вокзал в багаж. В 1918 году фирма была национализирована, жить в столице было голодно, и В.И. Светлов переехал на родину матери в с. Щелканово Калужской губернии, где прожить было легче. Здесь он стал секретарем волостного комитета бедноты, а после ликвидации комбедов работал в 1918–1919 годах заведующим организационным отделом в Щелкановском райпродкоме, занимался сбором продразверстки. В 1919 году был призван в Красную Армию в 3-й запасной кавалерийский дивизион, располагавшийся в Твери, где служил красноармейцем и учителем грамоты в красноармейской школе. Здесь он заболел тифом и был отпущен в отпуск в Щелканово. Затем проходил службу в Калуге красноармейцем и учителем грамоты в караульном батальоне 29-го полка; одно время был в отпуске по болезни. В 1921 году был демобилизован и стал заведовать волостным отделом народного образования в Щелканове, затем с 1922 года заведовал школами и работал учителем в сельских школах в д. Троица, д. Малые Лозы, с. Знаменка Калужской губернии. В 1926–1927 годах преподавал обществоведение в школе II ступени в г. Юхнов. В 1927–1930 годах В.И. Светлов учился в Москве на историческом отделении Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. С 1930 года он преподавал историю и философию на курсах высшего и старшего начальствующего состава Центральной школы ОГПУ, где работал до 1933 года. В 1932–1936 годах В.И. Светлов учился в Институте красной профессуры философии и был заместителем директора вечернего ИКП. Одновременно в 1932–1934 годах работал доцентом кафедры диалектического материализма Московского авиационного института, в 1934–1935 годах заведовал кафедрой диалектического материализма Военно-инженерной академии.

С октября 1935 года В.И. Светлов работал в Институте философии младшим, потом – старшим научным сотрудником, затем был также ученым секретарем Института философии. В 1939–1941 годах он был ученым секретарем Института Маркса, Энгельса, Ленина. Одновременно, в 1936 – 1940 годах был доцентом, затем и. о. профессора кафедры диалектического материализма МИФЛИ. В 1939 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Брак и семья при капитализме и социализме» и получил ученое звание профессора.

В.И. Светлов принадлежал к группе Г.Ф. Александрова в советском философском руководстве и работал в возглавлявшихся Г.Ф. Александровым структурах. С октября 1939 года он преподавал в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). С 1942 года работал в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б): сначала членом группы пропагандистов, затем заведующим сектором, заместителем заведующего отделом пропаганды. Его пропагандистские материалы публиковались в газетах «Бакинский рабочий», «Кабардинская правда», «Ленинское знамя» (Петрозаводск), «Красный маяк» (Нижний Амур), «Туркменская искра», «Актюбинская правда», «Красное знамя» (Приморский край) и др.

В.И. Светлов активно участвовал в критике М.Б. Митина и П.Ф. Юдина в ходе обсуждения вопроса о третьем томе «Истории философии». В своем выступлении на совещаниях в ЦК ВКП(б) в феврале – марте 1944 года он критиковал руководство Института философии за «отрыв от жизни». У Сталина действительно было пренебрежительное отношение к «гегельянщине», даже перешедшая в марксизм гегелевская терминология вызывала его раздражение. Что же касается «поворота в сторону русского патриотизма», то он был начат Сталиным задолго до войны в связи с проведением им линии на усиление ксенофобских настроений в духовной жизни общества.

После принятия постановления ЦК ВКП(б) о третьем томе «Истории философии» В.И. Светлов был назначен в мае 1944 года директором Института философии АН СССР. В 1945 году В.И. Светлов сделал доклад о философии Лукреция на юбилейной сессии АН СССР. В 1946 году был выдвинут в члены-корреспонденты АН СССР учеными советами философского факультета МГУ (31 мая 1946 года) и Института философии АН СССР (4 июня 1946 года), но не был избран.

С апреля 1946 года В.И. Светлов работал заместителем министра высшего образования СССР. Он курировал гуманитарные

науки и преподавание марксизма-ленинизма в вузах. Одновременно, с февраля 1947 года по 1948 год он заведовал кафедрой истории западноевропейской философии философского факультета МГУ, с октября 1946-го по сентябрь 1954 года был профессором кафедры истории философии Академии общественных наук при ЦК КПСС. Читал публичные лекции. В сентябре 1945 года – июле 1949 года был членом редколлегии журнала «Большевик». С апреля 1947 года – по апрель 1953 года – член ВАК.

В сентябре 1951 года В.И. Светлов был освобожден от должности заместителя министра в связи с ухудшением состояния здоровья и находился в распоряжении Президиума АН СССР.

В 1952 году В.И. Светлов защитил в МГУ докторскую диссертацию на тему «Мировоззрение Лукреция». Поэма Лукреция «О природе вещей» рассматривалась в диссертации как целостное произведение философского материализма и энциклопедия знаний Античности. Лукреций показан в диссертации не только как ученик Эпикура; его философия квалифицируется как высшая ступень античного материализма и наивной диалектики, а сам он – как создатель последовательной рационалистической системы натурфилософии. С 1953 года В.И. Светлов работал заместителем директора Института истории искусств АН СССР.

Умер Василий Иосифович Светлов 11 августа 1955 года. Похоронен в Москве на Введенском кладбище.

Григорий Степанович ВАСЕЦКИЙ

Директор в 1946–1947 годах

Григорий Степанович Васецкий родился 10 (23) января 1904 года в с. Ефремовка Мелитопольского уезда Таврической губернии (ныне Акимовского района Запорожской области) в крестьянской семье.

С апреля 1916 года он работал в крестьянском хозяйстве родителей. В декабре 1920 года поступил и в августе 1923 года окончил сельскохозяйственную школу. С августа 1923 года работал бригадиром совхоза «Зеленый Яр» Криворожского округа Екатеринославской губернии. В сентябре 1924 года Г.С. Васецкий поступил и в июле 1927 года окончил Херсонский институт народного об-

разования имени Н.К.Крупской, после чего с августа 1927 года работал в том же институте преподавателем. С сентября 1929 года преподавал в Белгородском педагогическом техникуме. С сентября 1930 года был доцентом Московской сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева. В 1939 году Г.С.Васецкий защитил на философском факультете МИФЛИ кандидатскую диссертацию и получил ученое звание профессора. Впоследствии ему была присуждена ученая степень доктора философских наук.

Г.С.Васецкий принадлежал в советском философском руководстве к группе академика Г.Ф.Александрова. С декабря 1939 года он заведовал отделом консультаций журнала «Большевик». С июня 1940 года работал заместителем заведующего кафедрой в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), которой руководил Г.Ф.Александров. С октября 1941 года заведовал отделом подготовки кадров в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). С апреля 1942 года был главным редактором Государственного издательства политической литературы. С 1946 года Г.С.Васецкий – профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1946 году Г.С.Васецкий баллотировался в члены-корреспонденты АН СССР, но не был избран.

С апреля 1946 года Г.С.Васецкий работал директором Института философии АН СССР. У Г.С.Васецкого имелись планы по улучшению работы Института. А.Д.Косичев свидетельствует, что Г.С.Васецкий намеревал привлечь в Институт философов, выживших после идеологических «бурь» 1920–1930 годов: академика А.М.Деборина, бывшего декана философского факультета ЛГУ М.В.Серебрякова, одного из лидеров «механистов» В.Н.Сарабьянова, известного ленинградского философа Б.А.Фингерта, профессора С.А.Яновскую. Но эти намерения так и остались втуне. Прочно в своей должности Г.С.Васецкий себя не чувствовал.

В январе 1947 года в Институте философии по решению Секретариата ЦК ВКП(б) состоялось первое обсуждение книги Г.Ф.Александрова «История западноевропейской философии», прошедшее благожелательно для автора книги. После этого в июне 1947 года была организована новая, имевшая статус Всесоюзной дискуссия по книге Г.Ф.Александрова, прошедшая с обвинительным уклоном.

Г.С.Васецкому пришлось, в традициях тех лет, выступить с самокритикой. Г.С.Васецкий писал, что в Институте философии приступили к подготовке книг и пособий по марксистско-ленинской

философии, проведению творческих дискуссий, проведению научных сессий. В октябре 1947 года Г.С. Васецкий уступил пост директора Института философии АН СССР Г.Ф. Александрову, переведенному в Институт из ЦК ВКП(б), и продолжал работать в Институте старшим научным сотрудником.

В марте 1950 года Г.С. Васецкий перешел на философский факультет МГУ профессором кафедры истории русской философии. Лекции его не были ни выразительными, ни особенно частыми. По воспоминаниям Е.Г. Плимака, бывшего аспирантом этой кафедры, лекции И.Я. Щипанова, М.Т. Иовчука, Г.С. Васецкого отличал невероятно убогий теоретический уровень. Знание мировой философии, включение в нее русской, считалось ненужным, все зарубежные связи русских философов (особенно в период борьбы с так называемым «космополитизмом») просто замалчивались. Зачеркивалась вся русская идеалистическая философия, ставившая глубокие мировоззренческие проблемы, о философских взглядах Достоевского, Льва Толстого, Вл. Соловьева, кроме клички «поповщина», не говорилось ничего.

Г.С. Васецкий верно служил советской политической системе. Но идеологическая жизнь эпохи позднего сталинизма обладала той степенью кафкианской иррациональности, при которой человек мог быть обвинен и вынужден был оправдываться в «преступлении», которое не только не совершал, но и смысл которого был непостижим. В 1952 году над ним неожиданно разразилась политическая «гроза».

В 1940-е годы под грифом Института Маркса, Энгельса, Ленина, директором которого тогда был М.Б. Митин, вышло несколько изданий книги известного бальзамировщика тела Ленина Б.И. Збарского «Мавзолей Ленина». И вдруг некто обнаружил в книге идеологическую диверсию. Оказывается, фотохудожником книги «с вражескими целями» на одной из фотографий прощания с В.И. Лениным «лицо человека, стоящего в почетном карауле, подретушировано, чем достигается сходство этого человека с врагом народа Троцким». При этом сам Троцкий на похоронах Ленина не присутствовал!

Г.С. Васецкому, работавшему в свое время главным редактором Госполитиздата, пришлось 10 марта 1952 года писать объяснительную. Г.С. Васецкий ссылаясь на то, что текст книги утверждался Институтом Маркса, Энгельса, Ленина, прошел без замечаний Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), и Госполитиздат просто принял выпуск книги к исполнению. Г.С. Васецкий оправ-

дывался, что «не заметил» «враждебной фотографии». Так бредовая фантазия превращалась в реальный факт и начинала затягивать в «омут» живых людей.

14 марта 1952 года постановление по этому «вопросу» принял Секретариат ЦК ВКП(б). В постановлении говорилось, что книга «в корне порочна, содержит грубейшие ошибки политического характера. Роль товарища Сталина И.В. как ближайшего соратника Ленина совершенно не показана. Приводятся такие подробности о вскрытии и сохранении тела В.И. Ленина, а также о работе комиссии по похоронам, которые освещать в печати не следовало бы». Постановление определяло ответственность М.Б. Митина и Г.С. Васецкого. Первый «выдал Збарскому документы из ЦПА ИМЭЛ и не проявил заботы о том, чтобы они были возвращены», а второй несет «ответственность за грубые политические ошибки в содержании брошюры, а также за помещение в ней фальсифицированной фотографии, на которой имеется его виза». 18 апреля 1952 года М.Б. Митин и Г.С. Васецкий вызвали на заседание Бюро КПК при ЦК ВКП(б), в ходе которого готовилось решение КПК по «делу».

В подготовительных материалах КПК М.Б. Митину вменялась в вину «политическая близорукость». Но из решения КПК от 6 мая 1952 года его фамилия «чудесным образом» исчезла. Видимо, в очередной раз сказалось личное покровительство вождя. Из ответственных чиновников «отдуваться» за всех пришлось одному Г.С. Васецкому, которому объявили выговор с занесением в учетную карточку. Решение КПК было отменено 2 июля 1954 года, когда пик «антикосмополитической» кампании стал достоянием истории.

1952 год вообще был «невезучим» для Г.С. Васецкого. На него «обрушился» еще один выговор, объявленный 9 апреля 1952 года парткомом МГУ и утвержденный в декабре 1952 года Краснопресненским райкомом КПСС. В октябре 1951 года Г.С. Васецкий во время заграничной командировки в Польшу, где он читал лекции, заключил «без разрешения соответствующих органов» договоры на издание на польском языке своих научных трудов, ранее вышедших в Советском Союзе, и получение гонорара. Не всем понравилась подобная успешность. По возвращении из командировки «партком получил сигнал о неправильном поведении т. Васецкого», что и закончилось выговором. С современных позиций вся эта история выглядит так же дико и нелепо, как и предыдущая. Но это – правда порядков и нравов тех лет. 26 марта 1954 года ректорат и партком МГУ, а 10 апреля 1954 года сам Г.С. Васецкий обратились

с просьбой о снятии партвзыскания. Оно было отменено 26 апреля 1954 года Краснопресненским райкомом КПСС.

С сентября 1960-го – по сентябрь 1970 года Г.С. Васецкий заведовал кафедрой истории марксистско-ленинской философии философского факультета МГУ, а затем продолжал работать на ней профессором, а с февраля 1976 года профессором-консультантом.

Умер Григорий Степанович Васецкий в июле 1983 г.

**Георгий Федорович
АЛЕКСАНДРОВ**

Директор в 1947–1954 годах

Георгий Федорович Александров родился 22 марта (4 апреля) 1908 года в Петрограде в семье рабочего-монтера.

В годы Гражданской войны остался сиротой. В 1922–1924 годах он был воспитанником детского дома и трудовой колонии в г. Борисоглебске Воронежской губернии. В 1924–1926 годах работал в Борисоглебске в слесарных мастерских, находился на комсомольской работе. В 1926–1928 годах в Тамбове был курсантом губернской совпартшколы II ступени и секретарем ячейки ВЛКСМ. В 1928–1930 годах заведовал окружным кабинетом партийной работы в Борисоглебске.

В 1930–1932 годах Г.Ф. Александров был студентом, в 1932–1935 годах аспирантом МИФЛИ. В 1935 году получил ученое звание доцента и ученую степень кандидата философских наук. С 1930 года Г.Ф. Александров преподавал диалектический материализм в Московском энергетическом институте, Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, в МИФЛИ. В 1936–1938 годах Г.Ф. Александров работал заместителем директора по научной работе и заведующим кафедрой истории философии МИФЛИ; был ответственным редактором «Трудов Московского института философии, литературы и истории». 15 мая 1939 года Г.Ф. Александров защитил в МИФЛИ докторскую диссертацию на тему «Философские и социально-политические взгляды Аристотеля». В 1939 году ему было присвоено ученое звание профессора и присуждена ученая степень доктора философских наук. В 1940 году вышла его монография, посвященная Аристотелю.

По воспоминаниям его бывших студентов, Г.Ф. Александров занимался преподавательской работой с большим воодушевлением. Его лекции были яркими. Он стремился побудить слушателей к самостоятельным размышлениям. На семинарских занятиях он постоянно обращался к первоисточникам, внимательно разбирал со студентами каждый серьезный теоретический вопрос, ставил перед студентами вопросы, имеющие проблемный характер.

С 1938 года началось стремительное восхождение Г.Ф. Александрова по карьерной политической лестнице; он стал заведовать редакционно-издательским отделом Исполкома Коминтерна. С января 1939 года он работал заместителем заведующего, а в 1939–1940 годах заведовал Отделом пропаганды ЦК ВКП(б) и был заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а затем стал его начальником. В 1939 году Г.Ф. Александров был избран депутатом Моссовета.

В 1939–1946 годах был директором ВПШ при ЦК ВКП(б), где читал курс диалектического и исторического материализма. С 1946 года заведовал кафедрой в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б).

В течение ряда лет Г.Ф. Александров был главным редактором журналов «В помощь марксистско-ленинскому образованию», «Пропагандист», газеты «Культура и жизнь», в 1940–1949 годах был членом редколлегии журнала «Большевик». Под его редакцией выходил словарь политических терминов.

В годы Великой Отечественной войны Г.Ф. Александров был членом Советского Информбюро. Он проделал большую работу по подготовке и размещению в средствах массовой информации пропагандистских материалов, направленных против врага, неоднократно выступал перед агитаторами армии и флота. Говорил он свободно, остроумно, не пользовался конспектом.

В 1946 году Г.Ф. Александров стал академиком АН СССР.

В 1947 году по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» были проведены дискуссии, ход и обстоятельства которых подробно освещены в литературе. После дискуссии Г.Ф. Александров в письме от 11 июля 1947 года на имя И.В. Сталина и А.А. Жданова признавал свои «ошибки» и предлагал меры по «активизации работы в области философии», в частности, кадровые перестановки в Институте философии АН СССР. В сентябре 1947 года Г.Ф. Александров потерял свой пост начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). 30 октября 1947

года Г.Ф. Александров был назначен директором Института философии АН СССР. По критериям партийной иерархии это стало серьезным понижением. Он принялся активно «выкорчевывать» «космополитизм» в Институте, в результате чего ряд сотрудников и аспирантов Института были уволены и исключены из партии, либо отделались строгим выговором и понижением в должности.

Положение его было неустойчивым, противники в ЦК ВКП(б) сильны. В 1949 года ЦК ВКП(б) направил комиссию под руководством работника ЦК Соболева для обследования деятельности Института философии. По воспоминаниям А.Д. Косичева, бывшего члена комиссии, было составлено сдержанно-критическое заключение, отмечен ряд недостатков (слабое руководство аспирантами, недостаточная специализация тематики диссертаций). Был сделан вывод, что Г.Ф. Александров как директор не имеет концепции развития Института. Однако, каких-либо последствий это заключение комиссии не имело.

Во исполнение решений Всесоюзной дискуссии, Г.Ф. Александров нацелил весь Институт на создание новой «Истории философии». В «Вопросах философии» был опубликован ее проспект-макет. Он вышел также отдельным изданием. Но довести до практического результата это дело Г.Ф. Александрову не пришлось. В 1954 году под редакцией Г.Ф. Александрова был выпущен вполне догматический том «Диалектический материализм».

По совместительству с руководством Институте философии Г.Ф. Александров 26 октября 1953 года был утвержден Общим собранием АН СССР академиком-секретарем Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР. 16 марта 1954 года Г.Ф. Александров был назначен министром культуры СССР. В связи с этим 2 апреля 1954 года он был освобожден от должностей директора Института и академика-секретаря Отделения с оставлением членом Президиума АН СССР. В сентябре – октябре 1954 года входил в состав Правительственной делегации СССР во главе с Н.С. Хрущевым, принимавшей участие в праздновании пятой годовщины со дня провозглашения КНР.

22 марта 1955 года было опубликовано постановление Президиума Верховного Совета СССР о снятии Г.Ф. Александрова с должности министра культуры СССР с формулировкой «как не обеспечившего руководства». 1 апреля 1955 года он был выведен из состава ученого совета Института философии АН СССР и из состава членов главной редакции академической «Всемирной истории».

Несколько месяцев Г.Ф. Александров находился в «подвешенном» состоянии, а затем был «сослан» в Белоруссию. С 30 сентября 1955 года он работал в Институте философии АН БССР научным сотрудником, и только в 1959 году поднялся до должности заведующего сектором. В этой сложной ситуации Г.Ф. Александров сумел не потерять себя как ученый, создав ряд работ по столь неисследованной теме, как социологические учения Древнего Востока. В 1961 году состоялось обсуждение его монографии на эту тему в Институте государства и права АН СССР.

Умер Георгий Федорович Александров 21 июля 1961 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

**Петр Николаевич
ФЕДОСЕЕВ**

Директор в 1955–1962 годах

Петр Николаевич Федосеев родился 9 (22) августа 1908 года в с. Старинском Пильнинского района Нижегородской области в крестьянской семье.

В сентябре 1927 года он поступил на социально-экономическое отделение Нижегородского педагогического института. Окончив институт в сентябре 1930 года, П.Н. Федосеев преподавал диалектический и исторический материализм в Нижегородском медицинском институте, а с сентября 1932 года – в Северо-Кавказском комвузе и Институте сооружений в Ростове-на-Дону. В сентябре 1933 года он поступил и в сентябре 1936 года окончил аспирантуру МИФЛИ, одновременно ведя преподавательскую работу.

С сентября 1936 года П.Н. Федосеев работал в Институте философии АН СССР научным сотрудником, с ноября 1938 года ученым секретарем, с мая 1940 года заместителем директора. 29 октября 1940 года он защитил диссертацию «Марксизм-ленинизм о религии и ее преодолении», на основании чего ему 8 февраля 1941 года решением ВАК была присуждена ученая степень доктора философских наук и ученое звание профессора.

В 1941–1947 годах П.Н. Федосеев работал под руководством Г.Ф. Александрова в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), сначала заместителем заведующего Отделом пропаганды,

в 1942 году заведующим этим отделом, в 1942–1944 годах по совместительству был заместителем начальника Управления пропаганды и агитации, с 1944 года он первый заместитель начальника Управления пропаганды и агитации и заведующий Отделом печати ЦК ВКП(б). С сентября 1947 года П.Н. Федосеев был главным редактором журнала «Большевик».

П.Н. Федосеев входил в группу Г.Ф. Александрова в советском философском руководстве, что обеспечило ему 4 декабря 1946 года избрание в члены-корреспонденты АН СССР.

В 1949 году П.Н. Федосеев был снят с должности главного редактора журнала «Большевик».

Неприятности П.Н. Федосеева на этом не закончились. Он попытался реабилитировать себя в статьях, посвященных новому «классическому произведению» И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Комментируя очередной извив партийной идеологии, П.Н. Федосеев обосновывал идею об объективном характере экономических законов социалистического общества. Вскоре после выхода этих публикаций М.А. Суслов по заданию И.В. Сталина поместил в «Правде» 14 декабря 1952 года статью о том, как «т. Федосеев» исправляет свои «ошибки». В статье «Правды» говорилось, что «журнал “Большевик” в бытность главным редактором т. Федосеева на протяжении нескольких лет не только не разоблачал субъективистские концепции в области политической экономии социализма, но и предоставлял свои страницы для пропаганды этих неправильных взглядов. И теперь М.А. Суслов, а на деле – И.В. Сталин, риторически вопрошал по поводу последних статей П.Н. Федосеева: «Искренне ли, с внутренним ли убеждением или формально излагаются им ныне правильные марксистские положения, не хитрит ли автор?» Чтобы унижить П.Н. Федосеева, был предпринят беспрецедентный шаг. «Ввиду странной забывчивости, проявленной т. Федосеевым об этих ошибках» в статье М.А. Суслова было опубликовано для всеобщего сведения Постановление ЦК трехлетней давности об освобождении П.Н. Федосеева от должности главного редактора журнала «Большевик».

Выволочка со стороны И.В. Сталина навсегда оставила зарубку в сознании П.Н. Федосеева. Он считал себя несправедливо обвиненным, но не мог публично заявить об этом. Лишь в годы перестройки он позволил себе дезавуировать обвинения пятидесятилетней давности. Выступая в 1986 году на Всесоюзной кон-

ференции заведующих кафедр общественных наук, П.Н. Федосеев вспоминал: «Узость и однобокость в понимании объективных законов общественного развития проявились не сегодня. С конца сороковых и начала пятидесятих годов получило распространение и довольно сильно укрепилось мнение, что объективные закономерности общественного развития действуют так же, как и законы природы, сами по себе, автоматически. Научные труды, в которых отмечалась активная роль планирования и управления, роль субъективного фактора в осуществлении объективных законов, подвергались довольно резкому осуждению».

С января 1950 года по 1953 год П.Н. Федосеев работал инспектором ЦК КПСС. В 1946–1952 годах П.Н. Федосеев заведовал кафедрой диалектического и исторического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС. С февраля 1954-го – по апрель 1955 года был главным редактором журнала «Партийная жизнь».

По совместительству с работой в партийных органах П.Н. Федосеев с 1947 года по апрель 1949 года был старшим научным сотрудником Института философии АН СССР.

С апреля 1955 года П.Н. Федосеев был директором Института философии АН СССР. 10 июня 1960 года он был избран академиком АН СССР. П.Н. Федосеев был организатором Первого (1959) и Второго (1970) Всесоюзных совещаний по философским вопросам современного естествознания. В августе 1955 года – мае 1959 года член редколлегии журнала «Вопросы философии».

Работу в Институте философии П.Н. Федосеев совмещал с работой в Отделении экономических, философских и правовых наук АН СССР: с августа 1955 года – член бюро Отделения, с апреля 1959 года и.о. академика-секретаря, с июня 1960 года – академик-секретарь Отделения. В 1955–1957 годах член экспертной комиссии по премиям Президиума АН СССР, в 1959–1962 годах член Президиума Редакционно-издательского совета АН СССР. В 1961–1967 годах П.Н. Федосеев был членом Научного совета АН СССР по закономерностям развития социализма и перехода к коммунизму, в ноябре 1961-го – феврале 1980 года – председателем Бюро Научного совета АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники.

В июне 1962 года П.Н. Федосеев был избран вице-президентом АН СССР, совмещая эту работу с должностью академика-секретаря Отделения философии и права АН СССР. Одновремен-

но он был председателем Библиотечного совета по общественным наукам АН СССР (июль 1963 – 1967 год), заместителем председателя Редакционно-издательского совета АН СССР (1963–1967 годы).

В мае 1967 года – декабре 1973 года П.Н. Федосеев был директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, оставаясь членом Президиума АН СССР. В июне 1968 года – мае 1974 года член редколлегии журнала «Вопросы философии». С мая 1971 года П.Н. Федосеев вновь работал вице-президентом АН СССР

П.Н. Федосеев был членом (август 1956 года – август 1979 года) и заместителем председателя (с февраля 1981 года) Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете министров СССР, председателем правления Общества советско-венгерской дружбы.

Умер Петр Николаевич Федосеев 18 октября 1990 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Федор Васильевич КОНСТАНТИНОВ

Директор в 1962–1968 годах

Федор Васильевич Константинов родился 8 (21) февраля 1901 года в с. Новоселки Собакинской волости Арзамасского уезда Нижегородской губернии в многодетной крестьянской середняцкой семье.

Окончил церковно-приходскую сельскую школу. С двенадцати лет на зиму уходил на заработки в г. Арзамас, где служил «мальчишкой» в магазине. Одно лето работал ремонтным рабочим на железной дороге. Октябрьская революция застала его в родном селе.

В начале 1918 года возвратился с фронта после демобилизации царской армии его брат Алексей, настроенный по большевистски. Под его влиянием Ф.В. Константинов проникся большевистскими идеями. В июне 1918 года он вместе с братом и другими односельчанами организовал комитет бедноты. Тогда же в селе была создана коммунистическая ячейка, в которую он вступил. Большинство членов ячейки, в том числе и Ф.В. Константинов, вступили в июле 1918 года добровольцами в Красную Армию. Ф.В. Константинова сначала направили на подавление

вспыхнувших кулацких восстаний, а затем он стал работать в Арзамасской прифронтовой ЧК.

В январе 1919 года Ф.В. Константинов был назначен в Нижний Новгород политруком батальона в войска особого отдела ВЧК Восточного фронта. В августе 1919 года он был командирован в Москву на курсы работников особых отделов Красной Армии, откуда был направлен на фронт, принимал участие в боях с белоказаками генерала Мамонтова. В июне 1920 года добровольцем направлен на Южный фронт на борьбу с врангелевщиной, и с августа 1920 года служил красноармейцем, затем сотрудником особого отдела, сотрудником регистрационного отдела полевого штаба 13-й армии. После разгрома Врангеля Ф.В. Константинов был направлен на борьбу с махновщиной в Запорожье.

В январе 1921 года Ф.В. Константинов был демобилизован и утвержден заведующим учетно-распределительным отделом Запорожского губкома партии. В сентябре 1921 года получил направление на учебу и в октябре 1921 года приехал в Петроград, где до июня 1924 года учился в лекторской группе Петроградского комвуза. Окончив комвуз, получил направление в Иркутск на должность заместителя заведующего агитационно-пропагандистским отделом Иркутского губкома. С августа 1926 года заведовал окружной совпартшколой в Иркутске и был заведующим организационным отделом окружкома ВКП(б), членом президиума окружной контрольной комиссии ВКП(б).

В августе 1927 года Ф.В. Константинов был командирован на подготовительное отделение Института красной профессуры, а затем с 1929 года учился на философском отделении ИКП, которое окончил в июле 1932 года.

Вместе с М.Б. Митиным и П.Ф. Юдиным Ф.В. Константинов активно участвовал в разгроме деборинского философского руководства, Принимал участие во встрече членов бюро партийной организации ИКП со Сталиным. После изгнания деборинцев из всех научно-идеологических учреждений в январе – декабре 1932 годов работал научным сотрудником Института Маркса, Энгельса, Ленина, с января 1933 года старшим научным сотрудником Института философии, а с апреля 1933 года по декабрь 1935 года был ученым секретарем Института философии. В 1932–1938 годах преподавал в философском, аграрном и экономическом ИКП; в аграрном ИКП заведовал кафедрой. В своих публикациях он активно разоблачал отступников от генеральной линии партии на философском фрон-

те; многие из этих людей были позже репрессированы. 15 октября 1935 года Ф.В. Константинов был утвержден в звании и. о. профессора, а 29 октября 1935 года ему была присуждена ученая степень кандидата философских наук без защиты диссертации. В январе 1936-го – августе 1938 года Ф.В. Константинов состоял действительным членом Института философии АН СССР. С января 1936 года Ф.В. Константинов был ответственным редактором журнала «Книга и пролетарская революция», а с сентября 1937 года в газете «Правда» заведовал сектором теоретических статей отдела пропаганды, а затем отделом критики и библиографии. 2 декабря 1938 года ученым советом Института философии АН СССР кандидатура Ф.В. Константинова была выдвинута в члены-корреспонденты АН СССР, но на выборах 20 января 1939 года – не прошла.

С началом Великой Отечественной войны Ф.В. Константинов в июне 1941 года был взят на работу в лекторскую группу Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), работал в особой группе Совинформбюро. В августе 1942 добровольно вступил в Красную Армию и служил агитатором Главного политуправления РККА. Выезжал на Брянский, Южный фронты. В течение трех месяцев был под Сталинградом, участвовал в боях. С августа 1943 года служил начальником отдела штаба 84-го стрелкового корпуса на Белорусском, затем Прибалтийском фронтах. Участвовал в боях под Витебском, Ригой.

В июне 1945 года Ф.В. Константинов вернулся на работу в Институт философии АН СССР, где с января 1948 года по февраль 1951 года заведовал сектором исторического материализма, а с февраля 1950 года был заместителем директора Института. 19 марта 1949 года ему было присвоено ученое звание профессора. В августе 1951 года освобожден от должности заместителя директора «в связи с необходимостью сосредоточиться на подготовке второго издания книги “Исторический материализм”» и переведен в старшие научные сотрудники, каковым оставался до 1953 года. Будучи с 1947 года по январь 1950 года секретарем парторганизации Института философии АН СССР, Ф.В. Константинов активно занимался борьбой с «космополитами». 23 июня 1953 года в Институте философии АН СССР состоялась защита докторской диссертации Ф.В. Константинова. 11 июля 1953 года он был утвержден ВАК в ученой степени доктора философских наук. 23 октября 1953 года Ф.В. Константинов был избран членом-корреспондентом АН СССР. С 1947 года Ф.В. Константинов был

членом редколлегии и заведующим отделом исторического материализма, с 19 декабря 1952 года по 5 ноября 1954 года – главным редактором, в 1954–1955 годах членом редколлегии журнала «Вопросы философии».

С ноября 1954-го по ноябрь 1955 года Ф.В. Константинов работал ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС. С ноября 1955 года по август 1958 года Ф.В. Константинов заведовал Отделом пропаганды и агитации (с 1956 года – по союзным республикам) ЦК КПСС. С 1955 года был членом редколлегии, а с мая 1958 года по апрель 1962 года – главным редактором журнала «Коммунист».

С мая 1960 года Ф.В. Константинов состоял членом ученого совета Института философии АН СССР. С 27 апреля 1962 года по 15 марта 1968 года Ф.В. Константинов был директором Института философии АН СССР. В 1962 году его кандидатура была выдвинута в действительные члены АН СССР, прошла ряд инстанций, но в ЦК КПСС было решено, что академиком должен стать находившийся в милости у Н.С. Хрущева Л.Ф. Ильичев. В октябре 1962 года Ф.В. Константинов был вынужден снять свою кандидатуру в пользу Л.Ф. Ильичева. На следующих выборах, 26 июня 1964 года, Ф.В. Константинов был наконец избран академиком АН СССР.

С октября 1962 года Ф.В. Константинов был членом бюро, с мая 1967 года по ноябрь 1975 академиком-секретарем, в июне 1976 года – ноябре 1990 года членом бюро Отделения философии и права АН СССР. В июне 1968 года – мае 1974 года он был членом редколлегии журнала «Вопросы философии».

В ноябре 1975 года Ф.В. Константинов вернулся в Институт философии АН СССР на должность старшего научного сотрудника, с июня 1986 года был ведущим научным сотрудником Института философии. С декабря 1989 года находился на пенсии.

Ф.В. Константинов был руководителем авторских коллективов учебников «Исторический материализм», «Основы марксистской философии», «Основы марксистско-ленинской философии». Эти учебники неоднократно переводились за рубежом (Болгария, Венгрия, ГДР, Румыния, Чехословакия, Куба, Мексика и др.). Ф.В. Константинов в 1951 году был утвержден членом Научного совета издательства «Советская энциклопедия», а в 1953 года членом главной редакции Большой советской энциклопедии. В 1960–1970 годах Ф.В. Константинов – главный редактор «Философской энциклопедии».

Умер Федор Васильевич Константинов 8 декабря 1991 года. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

**Павел Васильевич
КОПНИН**

Директор в 1968–1971 годах

Выдающемуся ученому и замечательному человеку Павлу Васильевичу Копнину недолго довелось возглавлять Институт философии АН СССР, но он оставил о себе добрую память.

Павел Васильевич Копнин родился 27 января 1922 года в с. Гжель Раменского района Московской области в крестьянской семье.

По окончании средней школы он в 1939 году поступил на философский факультет МИФЛИ, где слушал лекции Б.С. Чернышева о «Науке логики» Гегеля. В 1941 году был призван в армию, служил солдатом в 46-м запасном строительном батальоне МВО, затем в 26-м запасном зенитно-артиллерийском полку. С 1943 года П.В. Копнин – курсант Высшего военно-инженерного строительного училища. В 1944 году экстерном окончил с отличием философский факультет МГУ. Демобилизовавшись из армии, поступил в аспирантуру Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. После защиты диссертации в январе 1947 года П.В. Копнин преподавал логику в Московском городском педагогическом институте им. В.П. Потемкина и работал старшим научным сотрудником в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б).

В сентябре 1947 года П.В. Копнин был направлен в Томск на работу заведующим кафедрой Томского государственного университета. В Томске П.В. Копнин организовал периодическое издание трудов по философии, проведение научных конференций, студенческий философский кружок. П.В. Копнин исследовал вопросы соотношения формальной логики и диалектики, специальные вопросы формальной логики, логические воззрения Н.А. Васильева.

В 1953 году П.В. Копнин поступил в докторантуру Института философии АН СССР и в 1955 году защитил докторскую диссертацию на тему «Формы мышления и их роль в познании». С 1955 года П.В. Копнин заведовал кафедрой философии АН СССР,

с 1956 года – сектором диалектического материализма АН СССР. П.В. Копнин расширил круг исследуемой проблематики, создав ряд работ по теории познания (о гипотезе, эксперименте и пр.), о роли философии в научном познании, о единстве диалектики, логики и теории познания. Он стал основоположником направления логики, методологии научного познания в отечественной философии.

С 1958 года П.В. Копнин работал в Киеве, сначала заведующим кафедрой философии политехнического института, а с декабря 1958 года – кафедрой диалектического и исторического материализма государственного университета. В 1958 году ему было присвоено ученое звание профессора.

С 1962 года П.В. Копнин – директор Института философии АН УССР, одновременно с 1965 года заведовал отделом логики Института. В 1965 году П.В. Копнин был избран членом-корреспондентом, в 1967 году – академиком АН УССР. С 1962 года П.В. Копнин был членом редколлегии «Философской энциклопедии». С 1963 года он – член редколлегии журнала «Вопросы философии».

В этот период вышли из печати основные философские работы П.В. Копнина. П.В. Копнин показал в своих трудах по методологии научного познания, что современная наука выдвигает принципиально новые проблемы, требующие философского осмысления (теоретизация науки, утрата наглядности, возрастание в познании роли понятий, направленных не на сам объект, а на знание о нем и пр.), что сама наука развивается диалектически и каждая научная дисциплина все больше становится по мере своего развития прикладной логикой, превращается в основном в метод диалектического движения познания, что натурфилософский подход к науке себя полностью исчерпал и попытки спекулятивным путем решать конкретно-научные проблемы ни к чему, кроме конфуза, привести не могут. П.В. Копниным исследовано соотношение теории и эксперимента в познании, категориальная структура познания, виды, формы и методы современного научного мышления.

П.В. Копнин стал организатором Всесоюзных симпозиумов по логике, методологии и философии науки. Он стал инициатором разработки философского наследия Киево-Могилянской академии. Как пишут П.Ф. Йолон, Б.А. Парахонский и М.В. Попович, «он обладал редкой способностью объединять усилия мыслящих исследователей самого различного научного профиля для разработки самых актуальных философских проблем, он постоянно генерировал новые научные идеи, ставил острые философские вопросы и предлагал направ-

ления их решения. Как директор он умел быстро и оперативно решать ключевые вопросы, четко распределять ответственность между различными звеньями руководства, не вмешиваясь в их работу, сочетал демократизм с высокой требовательностью к подчиненным».

В П.В.Копнине сочетались профессионализм, новаторство, высокая философская культура, принципиальность. Как вспоминает В.Г.Табачников, глубина и масштабность «творческого гения П.В.Копнина не были сугубо профессиональным обретением, они переплетались с его человечностью, а также с гражданственностью. Примерам последней несть числа, однако важнейшим для потомков оказалось, наверно, то, что этот человек наглядно убеждал интеллектуалов в малоперспективности боязни “власть имущих”. Привлекал сам стиль его философствования. Это – диалог, диалог даже тогда, когда ученый ни с кем непосредственно не полемизирует. Он постоянно вопрошал слушателя, читателя, самого себя».

С 15 марта 1968 года П.В. Копнин был директором Института философии АН СССР. С 1969 года он – член редколлегии журнала «Вестник Академии наук СССР». В 1970 году П.В. Копнин был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Как директор Института философии АН СССР П.В.Копнин по-новому подошел к определению статуса философии в советском обществе. В его статьях проводилась мысль о том, что философия весьма опосредованно связана с политикой и не может просто идеологически обслуживать очередные «лозунги дня». П.В.Копнин исходил из того, что советская марксистская философия признает идеологические ориентиры как условие своей работы, но цели политики трансформируются как проблемы философии, и за ней остается право на борьбу мнений, на поиск, когда результаты не известны заранее; философия не дает рецептов политике, а ставит, в свою очередь, проблемы перед ней. П.В.Копнин решительно выступал против попыток вернуть советскую философию к состоянию, в котором она пребывала до середины 1950-х годов, и нацеливал философскую общественность на содержательную разработку и обсуждение проблем логики и методологии научного познания, философско-социологических проблем НТР, других проблем, имеющих комплексный характер. Он стремился к тому, чтобы советская философия могла сказать свое собственное слово по этим проблемам, никого не охаявая, но и не заимствуя механически западные подходы и терминологию. П.В.Копнин все больше сосредоточивал свое внимание на проблемах

специфической роли философии в культуре и вопросах философской антропологии.

Принципиальная линия П.В. Копнина не могла не вызвать ответной реакции у философских руководителей старого типа. В марте 1970 года в Отделении философии и права АН СССР было под председательством Ф.В. Константинова проведено разное обсуждение книги П.В. Копнина «Философские идеи В.И. Ленина и логика». Тон задавал выступивший с основным докладом М.Б. Митин. Увенчанные регалиями догматики обвиняли П.В. Копнина в том, что он пытался дополнить определение предмета философии как науки о наиболее общих законах природы, общества и мышления положением о человеке как тотальности, в абстрактном гуманизме, в том, что он отвергал «диалектику природы» как натурфилософскую спекуляцию и утверждал, что философия в качестве своего предмета имеет не объективную реальность, а совокупность тех знаний, которые выработаны другими науками.

П.В. Копнин принимал участие в работе Всемирных философских конгрессов, многих международных симпозиумов и конференций, читал лекции в ГДР, на Кубе, в Югославии, Дании, США. В 1963 году был избран членом Исполкома Международной федерации философских обществ.

Умер Павел Васильевич Копнин 27 июня 1971 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

**Бонифатий Михайлович
КЕДРОВ**

Директор в 1973–1974 годах

Бонифатий Михайлович Кедров родился 27 ноября (10 декабря) 1903 года в Ярославле в семье профессионального революционера. От отца воспринял он и интерес к философии, приверженность материалистической диалектике.

В 1912 году Б.М. Кедров сдал экстерном экзамен за 3-й подготовительный класс лосиноостровской гимназии под Москвой. С 1912 года жил с семьей в эмиграции в Швейцарии, учился в народных школах – в немецкой в Берне, во французской в Лозанне. В 1913 году в Берне познакомился с В.И. Лениным. В 1916 году

Б.М. Кедров вернулся с семьей из эмиграции в Россию. В 1917 году сдал экстерном экзамен за 4-й класс гимназии в Омске, где его отец занимался налаживанием связей между большевистскими организациями сибирских городов.

В марте 1918 года Б.М. Кедров начал работать техническим помощником ответственного секретаря «Правды» М.А. Ульяновой. В мае – ноябре 1919 года вместе с отцом Б.М. Кедров в качестве помощника военного следователя особого отдела ВЧК был в поездках на Южном и Западном фронтах, принимал участие в организации проверки документов в прифронтовой полосе и задержании подозрительных лиц. С ноября 1919 года был сотрудником специального поезда ВЧК и Всероссийской комиссии по борьбе с сыпным тифом на Восточном фронте, участвовал в организации санитарных пунктов, дезинфекций, медпунктов и пр. С февраля 1920 года учился в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова. В августе 1920 года добровольцем ушел на Польский фронт, служил политруком, затем военкомом отдельной роты связи 70-й бригады 24-й Железной дивизии 12-й армии, был избран секретарем ячейки РКП(б) штаба бригады. Принимал участие в боях с польскими войсками.

В августе 1922 года Б.М. Кедров поступил на химическое отделение физико-математического факультета МГУ, в 1929 году преобразованное в химический факультет. Специализировался по химической термодинамике и органической химии. Окончил МГУ в 1930 году. В 1930–1931 годах исполнял обязанности директора Химического института МГУ. С 1931 года Б.М. Кедров был слушателем Института красной профессуры философии и естествознания. С 1932 года – аспирант Института общей и неорганической химии АН СССР; одновременно в 1933–1934 годах заместитель директора издательства «Химтеорет» (Ленинград), в 1934–1935 годах руководитель семинаров по истории и методологии химии для аспирантов-химиков АН СССР. В 1935 году защитил кандидатскую диссертацию по химии на тему «О парадоксе Гиббса».

В 1939 году было принято решение об организации философской подготовки аспирантов всех научных учреждений АН СССР, в Институте философии создана учебная часть и организована кафедра философии. Для аспирантов были организованы лекционные курсы, семинарские занятия, для докторантов организованы специальные консультации. В Институте философии была также организована работа по философской подготовке научных работников институтов АН СССР. К чтению лекций по философии и к

руководству семинарами для аспирантов и научных сотрудников были привлечены квалифицированные кадры. Б.М. Кедров был назначен заведующим кафедрой истории естествознания при Управлении по подготовке научных кадров АН СССР и в качестве и.о. профессора отдела аспирантуры АН СССР вел занятия по истории и философии химии с аспирантами и докторантами АН СССР. С 1940 года Б.М. Кедров работал старшим научным сотрудником Института философии АН СССР.

6 июля 1941 года Б.М. Кедров вступил добровольцем в ряды Красной Армии; служил на Западном фронте командиром орудия, химинструктором, начальником химической службы полка, старшим инструктором политотдела дивизии. В феврале 1942 года в бою под Юхновом был ранен осколком мины в ногу. По выходе из госпиталя был назначен старшим преподавателем и начальником социально-экономического цикла Московских военных финансовых курсов, с 1944 года был внештатным лектором политуправления Московского военного округа.

В мае 1945 году был демобилизован по болезни и направлен на работу в Институт философии АН СССР, где был старшим научным сотрудником, заведующим сектором философских вопросов естествознания, заместителем директора. Одновременно в 1946–1958 годах являлся профессором кафедры диалектического и исторического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1946 году защитил докторскую диссертацию по философии на тему «Атомистика Дальтона и ее философское значение». В 1947 году избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР. В 1947–1965 годах был членом редколлегии «Истории философии» в 6 томах.

Б.М. Кедров был инициатором создания журнала «Вопросы философии» и 19 июля 1947 года стал его первым главным редактором. История первых лет журнала, когда он редактировался Б.М. Кедровым, попытка создать настоящий академический исследовательский журнал и разгром «кедровской» редколлегии подробно описаны в литературе. Ожесточенной критике были подвергнуты новаторские статьи Б.М. Кедрова, М.А. Маркова, И.И. Шмальгаузена, З.А. Каменского. Еще до выхода номера с этими статьями в докладной записке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) журнал обвинялся в игнорировании таких «коренных проблем философской работы, как партийность в философии, значение критики и самокритики в советском обществе». Д.И. Чес-

ноков, В.Ф. Берестнев, Ф.В. Константинов осудили работу журнала на общем собрании сотрудников Института философии АН СССР 8 сентября 1948 года и совместном заседании дирекции и парткома Института и редакции журнала 17 ноября 1948 года Б.М. Кедрова систематически травил в газетах «Культура и жизнь», «Литературная газета», журналах «Большевик», «Вестник высшей школы». В составленной начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.Т. Шепиловым записке о работе журнала Б.М. Кедрову инкриминировались «грубые антимарксистские ошибки», и 3 марта 1949 года он был освобожден от обязанностей главного редактора как «не справившийся с работой», но оставлен членом редколлегии, каковым оставался до самой смерти.

23 и 28 февраля 1949 года на специальном заседании ученого совета Института философии АН СССР обсуждались «ошибочные взгляды» Б.М. Кедрова по философским вопросам естествознания. Главным криминалом оказались слова из книги Б.М. Кедрова «Энгельс и естествознание» о том, что он «не считает вопросы приоритета существенными для истории науки», а национальность ученого является «посторонним науке соображением». Стилистика выступлений была в духе времени до неприличия грубой. На Б.М. Кедрова обрушились Г.Ф. Александров, М.Б. Митин, Ц.А. Степанян, А.А. Максимов, Д.И. Чесноков, Ф.В. Константинов. Б.М. Кедрова обвинили даже в том, что он в течение 1946–1948 годов выпустил пять книг по проблемам философии естествознания. Начальственные критики сами на такую научную продуктивность были в принципе не способны.

Мы располагаем свидетельством И.Т. Фролова, тогда – первокурсника философского факультета МГУ, о том, как держал себя Б.М. Кедров в ходе этого погромного «обсуждения». Он сел в зале неподалеку от симпатичного человека, который оказался Б.М. Кедровым. «Мне сразу стало его жалко, потому что это были уж очень грубые высказывания в его адрес», – вспоминал И.Т. Фролов. «Я был совсем молодой человек, и мне все происходящее показалось просто изуверством. Я был потрясен тем, что увидел. Мне казалось, наука – чистое и высокое занятие. Увидел я совсем другое. Но главное, что поразило, – сам Бонифатий Михайлович. Какое-то веселое мужество, с которым он держался». «Я наблюдал за ним, за тем, как он реагировал на все резкие высказывания, которые направлялись против него, как он себя держал. А держал себя Бонифатий Михайлович с большим достоинством, иногда даже улыбался, недвус-

мысленно показывая свое отношение ко всему этому». В принятой резолюции говорилось, «что ошибки т. Кедрова превратились в порочную систему взглядов, враждебных марксизму-ленинизму. Учитывая это, ученый совет Института философии АН СССР считает несовместимой позицию т. Б.М. Кедрова с пребыванием его в качестве члена ученого совета».

16 марта 1949 года состоялось партийное собрание Института философии АН СССР, на котором рассматривалось персональное дело Б.М. Кедрова. Собрание приняло решение: «За систематическую проповедь враждебных марксизму-ленинизму космополитических и буржуазно-объективистских взглядов, наносящих большой вред работе партии по коммунистическому патриотическому воспитанию советской интеллигенции, партийное собрание объявило тов. Кедрову строгий выговор с занесением в личное дело. Собрание предупредило тов. Кедрова, что дальнейшая его работа на теоретическом фронте в интересах партии настоятельно требует всесторонней и беспощадной критики своих ошибок, решительной ликвидации характерного для него аполитизма и игнорирования принципа большевистской партийности».

В 1949–1952 годах Б.М. Кедров работал старшим научным редактором Главной редакции Большой советской энциклопедии. Он занялся разбором архива Д.И. Менделеева, в 1952 году был назначен членом Комиссии по разработке научного наследия и издания его трудов Д.И. Менделеева АН СССР. Он проделал огромную работу по изучению и изданию научного наследия Д.И. Менделеева и дал науковедческую реконструкцию открытия закона периодической системы элементов в книге «День одного великого открытия».

В 1955–1958 годах Б.М. Кедров – старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР. В 1955 – 1965 годах он был членом Главной редакции «Всемирной истории», в 1957–1960 годах – членом редколлегии журнала «Вестник истории мировой культуры», с 1977 года – председателем Комиссии по разработке научного наследия К.Э. Циолковского АН СССР.

С 1958 года Б.М. Кедров заведовал сектором диалектического материализма, с 1960 года работал старшим научным сотрудником Института философии АН СССР. В 1960 году он был избран членом-корреспондентом АН СССР. С 1961 года он был заместителем председателя Научного совета АН СССР по философским вопросам современного естествознания, а в 1972–1981 годах чле-

ном Научного совета АН СССР по социально-экономическим и идеологическим проблемам НТР. В 1960–1970 годах был членом редколлегии «Философской энциклопедии». В 1962–1976 годах – членом бюро, а с 1967 года заместителем академика-секретаря Отделения философии и права АН СССР. В 1962–1973 годах – член редколлегии серии «Диалектический материализм и современное естествознание» издательства «Мысль».

В 1962–1974 годах Б.М. Кедров был директором Института истории естествознания и техники АН СССР. В 1966 году был избран академиком АН СССР. С 1962 года Б.М. Кедров был членом Редакционно-издательского совета АН СССР. В 1962–1981 годах был членом Научного совета АН СССР по кибернетике. С 1971 года – профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1962 года возглавлял Советское национальное объединение по истории и философии науки. Б.М. Кедров как редактор-составитель книги «Фридрих Энгельс о диалектике естество-знания» (1973) проделал большую текстологическую работу по изучению произведений Ф. Энгельса по философским проблемам естествознания.

В 1973 году Б.М. Кедров был назначен директором Института философии АН СССР. Работавший в этот период заместителем директора Л.Н. Митрохин вспоминал: «Бонифатий Михайлович детально продумал программу улучшения работы Института, и он круто, по-хозяйски, взялся за дело: как человек “большевистской закалки”, он ежедневно появлялся в своем кабинете, последовательно и даже дотошно вникая во все мелочи (что вообще было его характерной чертой). Его назначение на пост директора Института философии вызвало крайне негативную реакцию в стане догматиков. В ЦК КПСС полетели доносы с перечислением “непартийных” действий Кедрова и его сторонников. Вскоре была создана грозная комиссия по проверке Института». Образчик подобного «письма» в ЦК КПСС от М.Б. Митина по поводу назначения Б.М. Кедрова директором Института приводит Ю.И. Кривоносов. По свидетельству В.Ж. Келле, «в руководстве партийной организации Института философии оказалась группа деятелей, плясавших под дудку секретаря МГК КПСС по идеологии В.Н. Ягодкина. Он в это время делал партийную карьеру на борьбе с теми, кто не соблюдал “идеологической дисциплины”. Ягодкин знал о каждом шаге Кедрова из обильно предоставляемой партийным бюро Института философии информации и разного рода доносов. Все

это было использовано для предъявления Бонифатию Михайловичу всевозможных обвинений».

В феврале 1974 года Б.М. Кедров был освобожден от должности директора Института философии АН СССР и вернулся в Институт истории естествознания и техники АН СССР заведующим сектором «История науки и логика».

С 1973 года Б.М. Кедров был главным редактором журнала «Общественные науки за рубежом. Серия 8. Науковедение», с 1976 года Членом Научного совета АН СССР по истории мировой культуры. С 1978 года он возглавлял редколлегию серии «Памятники философской мысли». С 1981 года был профессором Московского университета.

В кратком биографическом очерке невозможно дать характеристику научных идей и работ Б.М. Кедрова. Ограничимся перечислением основных направлений его творческой деятельности: термодинамика и физическая статистика; химия, история и философия химии; философские вопросы естествознания; теория материалистической диалектики; вопросы логики и методологии науки; философские проблемы НТР; изучение научного наследия Маркса, Энгельса, Ленина; науковедческие и философские исследования открытия периодического закона химических элементов Д.И. Менделеева, дешифровка, комментирование и издание рукописей из архива Д.И. Менделеева; теоретические проблемы истории естествознания; проблема классификации наук; психология научного творчества; популяризация философии.

В 1963 году Б.М. Кедров был избран членом-корреспондентом, а в 1966 году действительным членом Международной академии истории науки, в 1965–1970 годах был членом редколлегии журнала «Archives internationales d'histoire des sciences». В 1965 году был избран иностранным членом Сербской академии наук и искусств. В 1972 году избран членом Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (ГДР). В 1972 году избран иностранным членом Болгарской академии наук. В 1973 году избран почетным членом Венгерской академии наук. В 1979 году избран почетным членом Чехословацкого общества историков науки и техники.

Умер Бонифатий Михайлович Кедров 10 сентября 1985 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

**Борис Сергеевич
УКРАИНЦЕВ**

Директор в 1974–1983 годах

Борис Сергеевич Украинцев родился 28 сентября 1917 года в Тбилиси в семье преподавателя реального училища.

В 1940 году окончил Грузинский индустриальный институт и был направлен на работу на завод в г. Запорожье в качестве инженера-конструктора. В 1941 году вместе с заводом эвакуирован в Омск. В октябре – марте 1948 года работал секретарем по пропаганде и агитации Запорожского горкома ЛКСМУ, затем – обкома ЛКСМУ. В 1948–1952 годах – лектор, руководитель лекторской группы Запорожского обкома КП(б) Украины.

В 1952 году окончил заочное отделение ВПШ при ЦК ВКП(б), в 1955 году – Академию общественных наук при ЦК ВКП(б) и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Диалектика содержания и формы».

В 1955–1958 годах работал инструктором Отдела пропаганды и агитации по союзным республикам ЦК КПСС. В 1958–1959 годах заместитель заведующего отделом философии редакции журнала «Проблемы мира и социализма». В 1959 – 1961 годах заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии». В 1963–1965 годах заведующий сектором в Отделе пропаганды, затем в идеологическом Отделе ЦК КПСС.

21 апреля 1964 года Б.С. Украинцев защитил в Институте философии АН СССР докторскую диссертацию на тему «Особенности действия закона единства и борьбы противоположностей при перерастании социализма в коммунизм».

С 1965 года Б.С. Украинцев работал старшим научным сотрудником Института философии АН СССР, одновременно в 1967–1969 годах и.о. профессора кафедры философии естественных факультетов МГУ. Был первым вице-президентом Философского общества СССР.

Б.С. Украинцев известен как специалист в области философских проблем кибернетики. Он исследовал отражение как всеобщее свойство материи, связь процессов отражения с процессами управления и информации. Рассматривал процессы отражения как естественную основу процессов информации. Ввел понятие

элементарного отображения. В качестве объективных критериев прогресса рассматривал повышение степени адекватности и рост активности отражения. Анализировал понятия «информационная связь», «информационная причинность», «управление», «программа», исследовал возможности кибернетики в рационализации умственной деятельности.

Является автором трудов: «Отображение в неживой природе» (1969), «Особенности самоуправляемых систем» (1970) и др.

С 1972 года Б.С. Украинцев – заведующий сектором философских вопросов кибернетики и заместитель директора Института философии АН СССР.

В 1974–1983 годах Б.С. Украинцев был директором Института философии АН СССР.

Умер Борис Сергеевич Украинцев 6 апреля 1992 года⁵.

Георгий Лукич СМИРНОВ

Директор в 1983–1985 годах

Георгий Лукич Смирнов родился 14 ноября 1922 года в Волгоградской области на хуторе Антонов (Антоно-Шестаков) Октябрьского района, расположенном на правом берегу реки

Аксай-Есауловский – одного из левых притоков Дона в казачьей старовойсковской семье.

Г.Л. Смирнов – единственный из директоров Института философии, оставивший книгу воспоминаний обо всей своей жизни, которая представляет собой ценный источник для его биографии. С детских лет у него было плохое зрение. Но он увлекся чтением и читал много и страстно, особенно книги о Гражданской войне, индустриализации и коллективизации. За успехи в учебе его наградили книгой Н.А. Островского «Как закалялась сталь». Книга произвела на Г.Л. Смирнова «оглушительное» впечатление, он читал и перечитывал ее без конца, брал ее с собой, куда бы ни заносила жизнь. Его привлекли сила воли, мужественный характер героев, захотевших практически перестроить жизнь к лучшему.

В октябре 1941 года принимал участие в строительстве противотанкового рва на внешнем обводе Сталинградских оборонитель-

ных сооружений. В период немецкого наступления на Сталинград в июле 1942 года Г.Л. Смирнов был оставлен для подпольной работы в качестве секретаря подпольного райкома комсомола и в августе 1942 года перешел на нелегальное положение. После освобождения Котельникова Г.Л. Смирнову было поручено водрузить над городом красный флаг. Он временно возглавил руководство районной комсомольской организацией, проводил работу по восстановлению школ, городского хозяйства, налаживанию работы в госпиталях, организации разминирования. С февраля 1942 года работал вторым, с марта 1944 года – первым секретарем райкома ВЛКСМ.

В августе 1948 года Г.Л. Смирнов был направлен на учебу в Саратовскую межобластную двухгодичную партшколу. Во время учебы сформировалось тяготение к философскому мышлению и критическое отношение к догматическому преподаванию философии. В 1950 году он окончил партшколу с отличием и с августа 1950 года работал инструктором отдела пропаганды, затем лектором Сталинградского обкома ВКП(б), часто выступал в областной печати. Еще в 1949 году Г.Л. Смирнов экстерном начал сдавать экзамены на историческом факультете Саратовского пединститута. Теперь он перевелся на заочное отделение исторического факультета Сталинградского пединститута, который окончил летом 1952 года.

В феврале 1953 года Г.Л. Смирнов получил рекомендацию обкома КПСС к поступлению в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, сдал экзамены и в августе 1953 года прошел по конкурсу в аспирантуру кафедры диалектического и исторического материализма. При работе над диссертацией Г.Л. Смирнов обратился к теме обмена деятельностью в процессе производства и обобщал товарный характер советской экономики.

Еще до защиты Г.Л. Смирновым кандидатской диссертации, директор Института философии АН СССР П.Н. Федосеев приглашал его поступить в Институт старшим научным сотрудником. Но после окончания аспирантуры в августе 1957 года Г.Л. Смирнов был направлен лектором в Отдел пропаганды и агитации по союзным республикам ЦК КПСС. объездил с лекциями всю страну. В декабре 1961 года Г.Л. Смирнов был включен в состав рабочей группы под руководством П.Н. Федосеева по разработке проекта новой Конституции СССР, прекратившей свою деятельность после отставки Н.С. Хрущева.

В июле 1962 года Г.Л. Смирнов перешел в журнал «Коммунист» в качестве члена редколлегии – редактора по отделу философии. Организовывал на страницах журнала обсуждения выходящих учебников по общественным наукам. Исследовал проблемы социологии рабочего класса в СССР. В августе 1965 года Г.Л. Смирнов вернулся в Отдел пропаганды ЦК КПСС на должность руководителя лекторской группы. В сентябре 1966 года в Отделе была создана группа консультантов, и ее возглавил Г.Л. Смирнов. Перед ним была поставлена задача разработки теоретических и политических документов к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, 50-летию образования СССР. Стремился применять социально-философский подход и усилить аналитичность в идеологических документах КПСС.

Г.Л. Смирнов разрабатывал основания и методы социальной типологии личности и комплексного характера воспитания человека. Завершением исследований стала докторская диссертация «Формирование социалистического типа личности», защищенная 11 января 1971 года в ученом совете Академии общественных наук при ЦК КПСС. 2 февраля 1972 года Г.Л. Смирнов был утвержден в ученом звании профессора.

Главной теоретической работой Г.Л. Смирнова была книга «Советский человек», выдержавшая три издания. Книга была издана в Болгарии, ГДР, Польше, Монголии, Венгрии, Чехословакии.

В 1981 г. вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев предложил Г.Л. Смирнову перейти на работу в Институт философии директором. Г.Л. Смирнов дал предварительное согласие. 29 декабря 1981 года был избран членом-корреспондентом АН СССР. С марта 1982 года Г.Л. Смирнов был членом бюро Научного совета АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники, с января 1983 года – членом Совета АН СССР по международному сотрудничеству в области общественных наук.

С 23 июня 1983 года по 21 ноября 1985 года Г.Л. Смирнов работал директором Института философии АН СССР. К моменту своего назначения Г.Л. Смирнов уже давно тесно сотрудничал с отделом научного коммунизма и сектором философских проблем культуры Института, публиковался в институтских изданиях. Став директором, он активизировал изучение философских вопросов состояния и развития общественного сознания. В апреле 1984 года была проведена теоретическая конференция по этой теме. В Институте

был создан отдел философских проблем общественного сознания во главе с Л.П. Буевой. Г.Л. Смирнов стремился привлечь на работу в Институт известных философов. По его приглашению в Институте стали работать Н.И. Лапин, В.И. Купцов, П.С. Гуревич, Ф.Т. Михайлов и др. В октябре 1983 года – июле 1986 года Г.Л. Смирнов был членом редколлегии журнала «Вопросы философии».

Г.Л. Смирнов активно участвовал в развитии международных научно-философских связей. В августе 1983 года он был руководителем советской делегации на XVII Всемирном философском конгрессе в Монреале, представил на Конгресс доклад «Духовная культура и формирование личности при социализме», выступил на Конгрессе с речью на тему «Маркс и реальный социализм».

Оценивая свою работу в качестве директора Института, Г.Л. Смирнов вспоминал, что ему трудно было «сплотить коллектив, расколотый с давних времен идейной враждой, национальными предрассудками, психологической несовместимостью», что «плодотворной работе все еще мешало внутреннее противостояние различных групп и группировок»⁶.

М.С. Горбачев, еще будучи секретарем ЦК КПСС, неоднократно привлекал Г.Л. Смирнова к подготовке идеологических документов. В ноябре 1985 года М.С. Горбачев пригласил Г.Л. Смирнова стать помощником Генерального секретаря ЦК КПСС по идеологическим вопросам. Как помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, Г.Л. Смирнов проводил большую организационную работу, участвовал в подготовке документов, текстов выступлений Генерального секретаря ЦК КПСС. Принимал участие в подготовке материалов к XXVII съезду КПСС, готовил раздел о социальной политике.

По болезни Г.Л. Смирнов был вынужден оставить напряженную работу в ЦК КПСС и в январе 1987 года перешел на должность директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (с 7 марта 1991 года – Института истории и теории социализма ЦК КПСС). Он стремился обновить исследовательскую и издательскую деятельность Института. Г.Л. Смирнов руководил авторскими коллективами учебника «Очерк теории социализма» (1990), коллективной монографии «Ленинская концепция социализма» (1990). Был научным консультантом многосерийного документального фильма «В.И. Ленин. Страницы жизни».

23 декабря 1987 года Г.Л. Смирнов был избран академиком АН СССР. В марте 1984 года – январе 1997 года состоял членом бюро Отделения философии, социологии, психологии и права РАН.

Г.Л. Смирнов продолжал заниматься развитием международного сотрудничества. Был председателем Общества советско-венгерской дружбы, членом Советской комиссии по оказанию содействия ООН. В апреле 1987 года участвовал в организованном в Москве совместно с Институтом Грамши симпозиуме «Антонио Грамши – выдающийся теоретик-марксист». С мая 1987 года был сопредседателем Совместной комиссии ученых СССР и Польши по истории отношений между двумя странами. Посещал Польшу; совместно с польскими историками изучал проблему Катыни. Осенью 1988 года встречался с известным американским историком С. Коэном.

Г.Л. Смирнов стремился отстаивать социалистическую направленность реформ, в том виде, как он ее понимал. Его представления о перестройке постепенно разошлись со взглядами М.С. Горбачева. В 1990 году Г.Л. Смирнов не был избран на XXVIII съезде КПСС в состав ЦК. В мае 1991 года Г.Л. Смирнов был освобожден от обязанностей директора Института истории и теории социализма ЦК КПСС с оставлением советником дирекции. С января 1992 года Г.Л. Смирнов был главным научным сотрудником Центра теорий социального развития и культуры Российского независимого института социальных и национальных проблем.

Умер Георгий Лукич Смирнов 29 ноября 1999 года.

**Николай Иванович
ЛАПИН**

Директор в 1985–1988 годах

Родился 20 мая 1931 года в Москве. Закончил с золотой медалью среднюю школу. В 1949 году поступил на философский факультет МГУ. Получив диплом с отличием, в 1954 году поступил в аспирантуру по кафедре истории зарубежной философии. После ее окончания, с 1957 года работал в редакции журнала «Вопросы философии» редактором, заместителем заведующего отделом. В 1962 году приглашен в Соцэргиз, который вскоре стал издательством «Мысль», чтобы создать редакцию литературы по истории философии; вскоре редакция начала издание серий «Философское наследие» и «Мыслители прошлого». С 1965 года по настоящее время ра-

ботает в институтах «большой» Академии наук: сначала в Институте философии, затем в Институте конкретных социальных исследований, Институте проблем управления, ВНИИ системных исследований, с 1984 года вернулся в Институт философии. В этих институтах был старшим научным сотрудником, заведующим сектором (лабораторией) и отделом, заместителем директора и директором института. В настоящее время является главным научным сотрудником, руководителем Центра социокультурных изменений и Отдела аксиологии и философской антропологии Института философии РАН.

Кандидатскую диссертацию по теме «Начало перехода Маркса к материализму» защитил в Академии общественных наук при ЦК КПСС (1960). Ее продолжением стала докторская диссертация «Начальные этапы формирования взглядов К.Маркса в цельное научное мировоззрение», защита которой состоялась в Институте философии (1968). За монографию «Молодой Маркс», вошедшую в цикл работ «Исследование формирования и развития философского учения К.Маркса», вместе с Т.И. Ойзерманом и В.П. Кузьминым удостоен Государственной премии СССР (1983). Избран членом-корреспондентом АН СССР по специальности «философия и социология» (1987).

Своими учителями считает академиков Теодора Ильича Ойзермана (история философии марксизма) и Джермена Михайловича Гвишиани (социология организаций, системный подход). Из базовой классики обязан Карлу Марксу. Из русских мыслителей большой интерес вызвали работы П.Л. Лаврова и В.О. Ключевского. Из социологической классики 30–70-х годов XX века глубокое впечатление на Н.И. Лапина произвели работы Толкотта Парсонса и Питирима Сорокина.

За 40 с лишним лет работы в этих областях внес определенный вклад в развитие следующих направлений:

- «реконструкция начальных этапов формирования взглядов К. Маркса»: исследование содержания и структуры важнейших его рукописей 1843–1844 годов, позволившее выявить ряд ошибок при их публикации и обнаружить отчасти спонтанное, не вполне сознававшееся самим Марксом движение к новому мировоззрению, – результаты опубликованы в монографиях «Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса» (1962), «Молодой Маркс» (1968);
- «социология организаций»: руководил исследовательским проектом ИКСИ АН СССР «Социальная организация предприятия:

соотношение планируемых и спонтанных процессов» (1968–1973), результаты опубликовал, в соавторстве, в монографиях: «Руководитель коллектива» (1974), «Теория и практика социального планирования» (1975), «Социальное проектирование» (1982), «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов» (2005);

- «социология инноваций»: руководил пионерным проектом ВНИИ системных исследований АН СССР «Нововведения в организациях: социологические проблемы» (1978–1984), проектом стран-членов СЭВ «Социальные аспекты развития и применения микропроцессорной техники» (1982–1985), проектом РФФИ «Социальная информатика: основания, методы, перспективы» (1996–1998), результаты опубликованы в одноименной монографии (2002, 2-е изд. 2006), – эти исследования заложили основы отечественной социологии инноваций;

- «динамика ценностей населения в российском обществе»: с 1989 года руководитель всероссийским мониторингом «Наши ценности и интересы сегодня», результаты опубликованы в трудах «Кризисный социум: наше общество в трех измерениях» (1994), «Динамика ценностей населения реформируемой России» (1996), «Пути России: социокультурные трансформации» (2000);

- «тенденции социокультурной эволюции России и ее регионов»: с 2005 года осуществляет руководство одноименной программой, в рамках которой разработана типовая методика «Социокультурный портрет региона», она используется в 20 субъектах Российской Федерации, результаты опубликованы в цикле книг и сборников материалов ежегодных научно-практических конференций (2006–2008);

- «антропосоциетальный подход в социальной философии и социологии»: новый интегральный подход к изучению общества как единства человека, культуры и социальности, результаты опубликованы в книге «Общая социология» (2006).

Опубликовал свыше 300 работ общим объемом более 350 п.л., в том числе более 10 монографий и учебных пособий. Ряд работ переведен на английский, немецкий, французский, китайский и другие языки. Руководил подготовкой свыше 20 коллективных трудов.

Учебный комплекс «Общая социология» занял 1-е место на конкурсе Российского общества социологов (2007), вышло 2-е издание базового учебника этого комплекса.

В 1966 году Н.И. Лапин отошел от историко-философских исследований и обратился к изучению эмпирической реальности: поступил в Сектор новых форм труда и быта Института философии, в 1968 году принял участие в создании Института конкретных социологических исследований. Провел первое эмпирическое исследование «Роль поощрений и наказаний в первичном производственном коллективе» – на Подольском заводе швейных машин (бывший завод «Зингер»), вместе с двумя аспирантами провел около 500 часовых интервью, включая социометрию. Затем стал руководителем генерального проекта ИКСИ «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов».

Под давлением амбициозного секретаря МГК КПСС В.Н. Ягодкина в 1973 году этот проект был административно прекращен новым директором ИКСИ М.Н. Руткевичем, а его материалы сданы в архив под грифом «для служебного пользования»: мол, в нем сильно влияние буржуазной концепции Парсонса.

После вынужденного ухода из ИКСИ в июле 1973 года принят в Институт проблем управления АН СССР. Здесь начал формироваться интерес к проблемам глобального развития и инноваций в организациях. Этот интерес реализовался во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований (ВНИИСИ) ГКНТ и АН СССР, который создал Д.М. Гвишиани в середине 1976 года как институт нового типа, ориентированный на междисциплинарные исследования комплексных проблем.

По мере развертывания исследовательских проектов удалось создать во ВНИИСИ влиятельный Отдел философских и социологических проблем системных исследований. Авторитетным изданием не только Отдела, но и всего Института стал ежегодник «Системные исследования».

В 1983 году директором Института философии стал член-корреспондент АН СССР Г.Л. Смирнов, который весной 1984 года предложил стать его заместителем. В 1986 году Г.Л. Смирнов был приглашен М.С. Горбачевым в качестве помощника, а Н.И. Лапин был назначен исполняющим обязанности, затем директором Института. Самым значимым делом в этом качестве можно считать работу по подготовке концепции развития философских исследований в стране, которая переросла в проблемно-поисковый семинар (1987). Его участники – Г.С. Батищев, Б.А. Грушин, Э.Ю. Соловьев, В.И. Купцов, В.А. Лекторский, Е.А. Мамчур, В.М. Межуев, Ф.Т. Ми-

хайлов, А.Л. Никифоров, В.Г. Федотова, В.П. Филатов, В.С. Швырев и другие – стремились разобраться в состоянии нашей философской мысли, в целом философского сознания нашего общества. Впоследствии были опубликованы дискуссии в виде сборника «Философское сознание: драматизм обновления» (1991).

Именно в это время Н.И. Лапин сумел помочь институционализации социологии как научной и учебной дисциплины. Вместо косметических модификаций, рекомендованных Отделом науки ЦК, он предложил ввести в перечень две новые области знания: «социологические науки» и «политические науки», с дифференциацией каждой области на несколько специальностей. В контексте развернувшейся в стране идеологической плюрализации комиссия ВАК приняла положительное решение. С 1989 года в СССР стали присуждать ученые степени по социологическим и политическим наукам. Это помогло открытию в том же году социологических (затем и политологических) факультетов в Московском, Ленинградском и других университетах, общему повышению статуса социологии и политологии в стране.

Избран действительным членом Академии социальных наук (1994), Международной академии организационных и управленческих наук (1994), Международной академии информационных процессов и технологий (1995).

С момента основания (1970) член, затем вице-президент исследовательского комитета по социологии организаций Международной социологической ассоциации. Социологический факультет МГУ удостоил его премии имени Питирима Сорокина (2006), Институт социологии РАН присудил звание почетного доктора (2008)⁷.

**Вячеслав Семенович
СТЕПИН**

Директор в 1988–2005 годах

Вячеслав Семенович Степин родился 19 августа 1934 года в поселке Навля Брянской области.

В 1951 году поступил на отделение философии исторического факультета Белорусского государственного университета. В университетские годы он активно занимался самообразованием, восполняя пробеле-

лы догматизированных учебных программ, изучал первоисточники классиков философской мысли. Тогда же сформировался его интерес к проблемам философии науки, и он интенсивно изучал физику, посещал занятия на физическом факультете университета. Окончив отделение философии истфака в 1956 году, В.С. Степин поступил в аспирантуру кафедры философии, где занялся исследованием позитивизма Венского кружка. Не решив в этот период для себя задачи определения исходных принципов критического анализа позитивистской методологии, не стал защищать диссертацию по окончании аспирантуры и перешел на преподавательскую работу.

С 1959 года В.С. Степин преподавал на кафедре философии Белорусского политехнического института. Он читал курсы диалектического материализма, математической логики, эстетики, теории искусства. Для успешного чтения последнего курса прошел стажировку по теории архитектурной композиции в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище имени В.И. Мухомовой. Расширение поля научных занятий подвело его к идее взаимовлияния мировоззренческих образов в различных сферах науки и искусства, что позволило по-новому подойти к проблеме критического анализа позитивизма. Другой важной темой, развивавшейся В.С. Степиным, стала идея о деятельностной, практической природе познавательного процесса. Он пришел к выводу, что принципиальное «изгнание» позитивизмом метафизики из науки создавало весьма ограниченную идеализацию науки, исключая ее из социокультурного контекста исторически развивающейся человеческой практики. На этой основе В.С. Степину удалось как объяснить успехи позитивистской методологии в выявлении наличной структуры научного знания, его уровней, терминологического аппарата, взаимосвязи форм познания (наблюдение – факт – интерпретация), так и показать пределы возможностей этой методологии, ее неспособность раскрыть механизмы возникновения и развития научного знания, его функционирования в системе культуры, эволюции понятий и принципов науки, взаимодействия наук и включения полученных результатов в культуру. Эти идеи были изложены в книге «Современный позитивизм и частные науки» и кандидатской диссертации «Общеметодологические проблемы научного познания и современный позитивизм».

В дальнейшем В.С. Степин поставил перед собой цель выявить принципы возникновения, развития научного знания, формирования его структуры. Основным объектом исследования стали для

него тексты классиков естествознания, взятые в их исторической последовательности, а методом – исторические реконструкции тех или иных фрагментов эмпирической истории науки. Подобный подход позволял философу науки осуществлять постоянную проверку выдвигаемых методологических идей и одновременно давать историко-логическое объяснение переходам от одной стадии становления естественнонаучной теории – к другой.

В 1970-е годы В.С. Степин продолжал работать над проблемой структуры научной теории, активно обсуждая новые идеи с коллегами из других городов страны на семинарах Института философии АН СССР, симпозиумах, проводимых Институтом истории естествознания и техники АН СССР в Звенигороде, на научных конференциях в других научных центрах страны. Развивая свою концепцию дальше, В.С. Степин поставил перед собой задачу провести необходимые историко-научные реконструкции с тем, чтобы сравнить механизмы генезиса и построения теории в классической и неклассической науке (на материале истории квантовой электродинамики). Решению этой задачи была посвящена докторская диссертация В.С. Степина «Проблема структуры и генезиса физической теории», защищенная в 1975 году и опубликованная с небольшими редакционными правками в виде книги «Становление научной теории» .

В 1974 году В.С. Степин перешел работать на кафедру философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета. В 1979 году ему было присвоено ученое звание профессора. С 1981 года В.С. Степин заведовал этой кафедрой. Им были подготовлено много докторов и кандидатов наук. Идеи В.С. Степина оказали на их исследования определяющее влияние.

В 1987 году В.С. Степин был приглашен в Москву на должность директора Института истории естествознания и техники АН СССР. В декабре 1987 года его избрали членом-корреспондентом АН СССР. В.С. Степин наладил работу ИИЕТ АН СССР, были начаты интересные проекты. Но вскоре ему поступило предложение возглавить Институт философии АН СССР. В.С. Степин не хотел уходить из ИИЕТ, так как Институт философии в те годы был учреждением, находящимся под жестким идеологическим контролем. Вместе с тем он давно сотрудничал с Институтом философии АН СССР, неоднократно участвовал в научных конференциях совместно с философами Института, опубликовал более десятка статей в институтских сборниках. С 1988 года В.С. Степин работал

директором Института философии РАН. В 1994 году был избран академиком РАН.

В Институте сложился хороший коллектив и резко возросла его научная продукция. В советский период Институт выпускал около 30 книг в год, объемы листажы были ограниченными, многие философы годами работали «в стол». А уже в начале 1990 годов число выпускаемых Институтом книг увеличилось до 100, а потом – до 120 книг в год. Большую популярность имели готовившиеся сотрудниками Института публикаторские серии, и среди них серия «Из истории отечественной философской мысли», председателем редколлегии которой был В.С.Степин. В серии впервые за многие десятилетия были изданы труды Н.А.Бердяева, П.А.Флоренского, С.Н.Булгакова, Г.Г.Шпета и многих других русских мыслителей Серебряного века. В.С.Степин возглавлял и редколлегию серии, в которой вышли труды многих крупных философов советского периода: «Философы России XX века». Он – председатель институтской публикаторской серии «Философская классика: впервые на русском». Была достигнута издательская независимость Института – по инициативе В.С.Степина в Институте было создано свое издательство, и из около 120 книг, выпускаемых сотрудниками Института в год, 30–35 – это книги своего, институтского издательства.

Произошедшие в стране перемены вызвали необходимость массовой переподготовки преподавателей философии. В 1992 году в Институте по инициативе и при активном участии В.С.Степина был в соответствии с постановлением Правительства РФ создан Российский центр гуманитарного образования. В РЦГО в связи с переходом на новые образовательные стандарты и учебные программы прошли переподготовку заведующие кафедр гуманитарных наук российских вузов. В связи с выполнением поставленной перед ним задачи РЦГО был в 1994 году преобразован в Государственный университет гуманитарных наук. В ГУГН было образовано два факультета – философский и политологический, начат прием студентов. Был создан цикл подготовки специалистов, в рамках которого студенты, окончившие ГУГН поступают в аспирантуру ИФ РАН, а затем приходят работать в Институт. Среди молодых сотрудников Института – выпускники ГУГН.

В 1994 году по инициативе В.С.Степина был организован Русско-Германский колледж на базе Университета г. Карлсруэ (ФРГ). В период директорства В.С.Степина резко возросла ин-

тенсивность международных контактов Института. Осуществлялся ряд крупных научно-исследовательских проектов совместно с учеными США. В.С. Степин выступал в качестве соруководителя с российской стороны в проекте «Судьбы демократии в XXI веке». Совместно с Бостонским университетом развивался проект «Падэя», посвященный философским проблемам образования. В «Boston studies in the philosophy of science» были опубликованы материалы ряда конференций по истории науки, проведенных сотрудниками Института совместно с греческими коллегами, в которых участвовали также философы из США, Англии и др. Реализовывалось соглашение с Университетами Париж-10 и Париж-8 по проекту «Судьбы цивилизации и анализ социальных изменений на переломе двух столетий». Институт философии взял на себя ответственность за гуманитарную составляющую подготовки специалистов-физиков для работы в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН) в Женеве.

С середины 1980-х годов проблемное поле исследований В.С. Степина значительно расширилось, включив в себя проблемы социокультурной детерминации развития научного знания, типов рациональности и типов цивилизационного развития. Новые существенные результаты были получены В.С. Степиным на стыке философии науки, философской антропологии и философии культуры. Они нашли отражение в книгах «Философская антропология и философия науки», «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации», совместно с Л.Ф. Кузнецовой («Теоретическое знание»). Книга «Теоретическое знание» в 2004 году была переведена на испанский язык и вышла в издательстве Мадридского университета, а в 2005 году была выпущена в виде 326-го тома престижной международной серии «Studies in epistemology, logic, methodology and philosophy of science».

С 1990 года В.С. Степин заведует кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ. Читает несколько учебных курсов в МГУ, ГУГН, руководит философским факультетом ГУГН. Он один из авторов учебника «Введение в философию». С 1999 года В.С. Степин – президент Российского философского общества. В.С. Степин был председателем научно-редакционного совета «Новой философской энциклопедии» (2000–2001) и вместе с другими членами научно-редакционного совета удостоен Государственной премии РФ (2004). С 2005 года В.С. Степин руководит Секцией общественных наук РАН.

В.С. Степин – иностранный член НАН Беларуси (1995), иностранный член НАН Украины (1999), почетный профессор МГУ (1999), почетный доктор Новгородского государственного университета (1999), почетный доктор Ростовского государственного университета (2002), почетный член Международной академии науки, образования и передачи технологий (ФРГ, 1994), почетный доктор университета в г. Карлсруэ, (ФРГ, 1999), действительный член Международного института философии в Париже (2001), почетный профессор Академии общественных наук КНР. Награжден медалью Института философии РАН (2009).

**Абдусалам Абдулкеримович
ГУСЕЙНОВ**

Директор с 2006 года

Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов родился 8 марта 1939 года в ауле Алкадар Касумкентского (ныне Сулейман-Стальского) района Дагестана. Он был третьим ребенком в семье учителя. Отец –

Абдулкерим Гусейнович – получил духовное образование, но после установления советской власти работал учителем начальной школы. Всю жизнь прожил в родной деревне. Умер в 1979 году в возрасте 95 лет. Мать – Рабият Вердиевна – образования не имела, была домохозяйкой, родила 8 детей, трое из которых умерли в младенчестве, остальные создали свои собственные семьи. Умерла в июле 1997 года в возрасте 100 лет.

Алкадар – небольшой (около 80 дворов) предгорный аул. В нем не было электричества, газа, радио, автомобильной дороги. Жизнь протекала замкнуто и изолированно. Посторонний человек был большой редкостью. В 1957 году аул подключился к удобствам современной цивилизации.

В 1946–1956 годах А.А. Гусейнов учился в русской средней школе в поселке Избербаш, отдаленном от родительского дома на 150 км. Поступив в школу, начал овладевать русским языком, которого до этого не знал и который стал со временем вторым родным языком. Первые шесть школьных лет жил в семье дяди (брата отца), Имама Гусейнова, последние четыре года – в школе-интернате. В 1955 году в качестве поощрения за хорошую учебу

в составе группы дагестанских школьников побывал в Москве во время летних каникул. Посетил Мавзолей Ленина – Сталина.

В 1956–1961 годах – студент философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Слушал лекции и работал в семинарах профессоров Е.К. Войшвилло, П.Я. Гальперина, Т.И. Ойзермана, В.В. Соколова и др. Во время учебы дважды (в 1957 и 1958 годах) побывал в составе студенческих бригад на сельскохозяйственных работах на целинных землях в Казахстане. Награжден медалью «За освоение целинных земель». В 1961 году – первая публикация: подготовленный в соавторстве с Г.В. Солгаловым (ближайшим другом студенческих лет) обзор студенческой научной конференции.

В 1961–1964 годах аспирант философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидатскую диссертацию писал под руководством профессора А.Г. Спиркина. В 1964 году вступил в члены КПСС, пребывание в которой прекратилось в результате ее самороспуска в 1991 году. В 1964 году опубликована первая научная статья «Проблема происхождения нравственности (на материале развития института кровной мести)». В октябре 1964 года защитил кандидатскую диссертацию на тему «Условия происхождения нравственности». Сформулировал гипотезу о стадийном происхождении нравственности, взяв за критерий обособление индивида от родоплеменной общности в качестве самостоятельной личности.

В 1965–1970 годах работал преподавателем (ассистентом, доцентом) кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова. Читал полные курсы и вел семинарские занятия по диалектическому и историческому материализму на факультете журналистики. В 1967 году опубликована книга «Молодежи об общественном прогрессе» в издательстве «Молодая гвардия».

В 1970–1971 годах проходил научную стажировку в Университете им. А. и В. Гумбольдтов в Берлине. Овладел немецким языком. С февраля 2003 года начал изучать английский язык, в 2007 году побывал в научной командировке в Великобритании.

В 1970–1987 годах А.А. Гусейнов – преподаватель (доцент, профессор) кафедры этики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Читал общий и специальные курсы по истории этики. В 1972 году опубликована статья «“Золотое правило” нравственности», которая положила начало позитивному осмыслению этого феномена как выражающего специфику нравственности

и являющегося основой общечеловеческой морали. В 1977 году защитил докторскую диссертацию на тему «Социальная природа нравственности».

В 1978 году впервые принял участие в работе созываемых раз в пять лет Всемирных философских конгрессов (Дюссельдорф, ФРГ). После этого принимал участие в работе еще четырех конгрессов, на двух из которых выступал с пленарными докладами.

В 1979 году опубликована написанная в живой форме диалога книга о нравственности «“Золотое правило” нравственности». Книга переиздавалась в 1982 и 1988 годах, переведена на ряд языков и способствовала популяризации золотого правила нравственности в обществе.

В 1978–1980 годах работал в качестве приглашенного профессора в Университете им. А. и В. Гумбольдтов в Берлине. Читал курс истории этики.

В 1985 году опубликована книга «Введение в этику» в издательстве МГУ, представляющая собой историко-этическое введение в этику. Исходя из единства теоретического содержания и нормативных целей этики, предложил свою систематизацию историко-этического процесса, в которой античная этика предстает по преимуществу как учение о добродетелях, средневековая этика – как учение о благах, а этика Нового времени представляет собой различные опыты теоретического синтеза двух фундаментальных характеристик морали: произвольности и общезначимости.

В 1985–1986 годах работал в качестве приглашенного профессора в Карловом университете в Праге. Читал курс истории этики. В 1986 году опубликована статья «Мораль» в коллективном труде под редакцией В.И. Толстых «Общественное сознание и его формы».

С 1987 года работа в Институте философии: заведующий сектором этики, затем руководитель Центра этических исследований (1987–1994), заведующий отделом социальной философии и философской антропологии (1989–1994), заместитель директора (1994–2005), директор (с 2006).

В 1987 году опубликована написанная в соавторстве с немецким профессором Г. Иррлитцем книга «Краткая история этики» в издательстве «Мысль» (переведена на китайский и сербский языки).

Является инициатором многих общественных и издательских проектов, в частности издания «Евдемовой этики» Аристотеля

в серии «Философская классика: впервые на русском» (М.: ИФ РАН, 2005, 448 с. Перевод Т.В. Васильевой, Т.А. Миллер, М.А. Солоповой). В 1988 году по инициативе и под редакцией А.А. Гусейнова началось издание альманаха-ежегодника «Этическая мысль». Вышло три выпуска (1988, 1990, 1991). Издание ежегодника возобновилось с 2001 года в Институте философии РАН. С 1991 года является председателем редколлегии серии «Библиотека этической мысли».

В конце 1980-х годов возглавил новое направление исследовательской работы – этику ненасилия. Показал, что насилие и ненасилие следует интерпретировать не только как альтернативные варианты, но и как исторически последовательные стадии в борьбе за социальную справедливость. А.А. Гусейнов интерпретирует ненасилие как такую конкретизацию принципа любви, которая блокирует возможности его морализующей фальсификации. В цикле статей конкретизировал понятие «моральной демагогии». Инициатор создания научно-просветительского центра «Этика ненасилия». В 1996 году награжден дипломом ЮНЕСКО с вручением медали Махатмы Ганди «За выдающийся вклад в развитие толерантности и ненасилия».

В 1995 году опубликована книга «Великие моралисты» в издательстве «Республика». В ней предложена оригинальная интерпретация важнейших этико-нормативных программ как различных версий решения одной и той же проблемы единства добродетели и счастья.

С 1996 года заведует кафедрой этики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1998 году опубликован написанный совместно с Р.Г. Апресяном регулярно переиздаваемый учебник «Этика» в издательстве «Гардарика».

30 июня 1999 года в аэропорту «Шереметьево» встречал вернувшегося из вынужденного многолетнего пребывания за границей философа-логика, социолога и писателя А.А. Зиновьева.

В 2001 году опубликована статья «Сослагательное наклонение морали», в которой предложена этическая теория, призванная соединить абсолютность нравственного закона с неповторимостью (единственностью) каждого морального поступка. Основные положения этой теории состоят в следующем: специфика морали связана с модальностью сослагательного наклонения; моральные мотивы имеют своим предметом не содержание поступка, а его возможность и образуют особый (вторичный, контрольный) уровень

мотивации; безусловность морали приобретает практическую ответственность в форме запретов.

Был заместителем председателя научно-редакционного совета «Новой философской энциклопедии» в 4-х томах, вместе с другими членами совета был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники (2004). Один из инициаторов создания энциклопедического словаря «Этика» (2001).

В 1997 году избран членом-корреспондентом, в 2003 году действительным членом Российской академии наук. Председатель секции этики и член Президиума Российского философского общества.

В 2003 году опубликована книга «Античная этика» в издательстве «Гардарика», в которой становление философской этики рассматривается в контексте этического (морального) пафоса самой философии.

Примечания

- 1 Автор благодарит за помощь в предоставлении биографических сведений сотрудников Российского государственного архива социально-политической истории и Архива Российской академии наук.
- 2 Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 3. С. 122.
- 3 Юдин П.Ф. Почему РАПП надо было ликвидировать // Правда. 1937. 23 апр.
- 4 К 10-летию постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» // Под знаменем марксизма. 1941. № 2. С. 141–155.
- 5 Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. М., 2002. С. 999–1000.
- 6 Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 159, 156.
- 7 Научная автобиография Н.И. Лапина.

III

Воспоминания

Л.А. Коган

Из биографии Дома на Волхонке

Так уж вышло, что основная часть моей жизни связана с Институтом философии. Он стал для меня Большим Домом.

Закончив в 1937 году аспирантуру философского факультета МИФЛИ, я был принят в Институт старшим научным сотрудником. Институт философии только еще начинал тогда складываться как учреждение Академии наук СССР. До 1936 года он входил в состав Коммунистической академии. Весь его маленький научный коллектив размещался в двух комнатах. Директором числился В.В. Адоратский – старый большевик, тесно сотрудничавший с Лениным, – я его ни разу не видел. Заместителем его был М.Б. Митин – влиятельный партийный идеолог, он был мало доступен для простых смертных. По всем текущим вопросам мы общались с ученым секретарем А.В. Щегловым. Он никогда не унывал и не заносился, был доброжелателен. К сожалению, его судьба сложилась трагично. Через пару лет он был послан на руководящую работу в Наркоминдел, но вскоре арестован и много лет провел в ГУЛАГе. После реабилитации заведовал кафедрами философии в Свердловске и Кишиневе.

«Остепененных» сотрудников было вначале мало; профессоров – больше, чем кандидатов. Кандидатская степень ценилась высоко, отсвечивая непривычным академизмом. Лишь к началу 1940 годов Институт получил право присуждения кандидатской и докторской степеней. Первые докторские диссертации защищали у нас В.Ф. Асмус и Б.Э. Быховский. Это происходило в большом

конференц-зале при значительном скоплении публики и воспринималось как событие общекультурного, общесоюзного масштаба. Помню в числе выступавших на одной из защит старого грузинского философа Ш.И. Нуцубидзе, обращавшегося к диссертанту как к собрату по науке с репликами в ходе дискуссии. Оппоненты возражали против толкования картезианства как дальнейшего развития учения Бэкона; рационализм Декарта, считали они, не следующая ступень в развитии эмпирического индуктивизма, а параллельно складывавшееся направление, оппозиционное ему. Касаясь Бэкона, Луппол утверждал: «Это же совсем другое по структуре, по существу, по типу мировоззрение, нежели то, что было у Декарта. Если мы ограничим поле нашего анализа вопросами метода, мы имеем право говорить о рационализме и эмпиризме. Как же рационалист Декарт является продолжателем эмпирика Бэкона? Не понимаю. Декарт – это совсем другая линия». Сходную позицию отстаивал Ситковский. Ученый совет признал достоинства обеих диссертаций, Асмусу и Быховскому была единогласно присвоена степень доктора. В тот же период состоялась первая в нашем Институте защита кандидатских диссертаций: Г.Е. Глезерманом – «О научном предвидении», В.С. Пауковой – «Противоположность между умственным и физическим трудом и пути ее уничтожения», Б.Г. Сафроновым – «Атеизм Писарева». Так начало развертываться это важное направление в деятельности Института философии.

Старшее поколение научных сотрудников представляли в то время питомцы Института красной профессуры: В.Ф. Берестнев, Ф.А. Горохов, М.М. Григорян, В.М. Познер. К старшим по возрасту и опыту нашим коллегам относились также В.К. Брушлинский, Б.Э. Быховский, В.Р. Гриб, Б.М. Кедров, В.Н. Колбановский, А.А. Макаровский, П.А. Канарин, И.А. Крывелев. Более молодое поколение представляли М.А. Егоров (пришедший одновременно со мной из МИФЛИ), А.Я. Зись, З.А. Каменский, М.Х. Каспарьян, Г.А. Курсанов, З.В. Смирнова, А.П. Хахулин. Молодые были беспартийны, держались скромно.

В 1939 году Митина назначили директором ИМЭЛ, с ним ушел и зав. сектором истории философии Познер. Наш Институт возглавил П.Ф. Юдин – человек той же партийно-номенклатурной закалки, но иного характера, в отличие от своего железобетонного предшественника он был более пластичен в отношениях с подчиненными, внимателен, нетороплив, благожелателен к молодежи.

III. Воспоминания

С приходом Быховского в сектор истории философии в качестве нового руководителя там закипела работа. Мы с Егоровым были вовлечены в подготовку первой в Советском Союзе фундаментальной «Истории философии» наряду с такими маститыми учеными, как сподвижница Плеханова Л.И. Аксельрод, Ф.В. Асмус, М.А. Дынник, Ш.И. Нуцубидзе, О.В. Трахтенберг, Б.С. Чернышев. Правда, нас не ознакомили с проспектом издания, его структурой; не знали мы и кто еще в нем участвует. Видимо, это тогда не считалось обязательным, а может быть, как говорится, руки у начальства не дошли. Быховский нам доверял, мы ему тоже. Он излучал энергию, напористо полемизировал и не боялся брать на себя всю полноту ответственности (при том, что в редколлегии этого издания были также Г.Ф. Александров, М.Б. Митин, П.Ф. Юдин). Время для написания наших глав было отведено ограниченное, но мы очень старались. Егоров в срок сдал свой обширный раздел о французском материализме XVIII века, я представил разделы о Вольтере, Руссо, Мабли, Морелли (для II тома, 1940) и о Сен-Симоне (для III тома, 1943 – он вышел, когда мы были на фронте).

Первые годы моего пребывания в Институте омрачались бездомностью: я вынужден был снимать углы в разных концах города. Но в 1939 году, благодаря поддержке Института, получил комнату в перенаселенной коммунальной квартире. В следующем году был утвержден докторантом с указанием срока защиты в 1943 году.

Но вот началась война. Все радикально изменилось. Первые сообщения о ней вызвали нечто вроде шока. Это не значит, что мы вообще не были морально, психологически подготовлены к такому повороту событий. Рядовые люди в отличие от Сталина (который противоречиво сочетал в себе странное, чтобы не сказать иррациональное доверие к Гитлеру с намерением его «переиграть») видели, что война неотвратимо надвигается, становится неизбежной, вопрос лишь в сроках – чуть раньше или позже. Было и другое: сознание беспрецедентного по своим масштабам и опасности поворота истории, резкой смены ее парадигм, социально-тектонического потрясения. Прежняя жизнь кончилась, начиналось что-то новое, неведомое. Жизнь и смерть вступили в фазу прямого всемирного противостояния, противоборства. Был тут, как ни странно или парадоксально это, может быть, звучит, и момент некоторого просветления, более четкого уяснения обстановки: черное снова становилось черным, а белое – белым. Сталинские договоры 1939 года с Гитлером, демагогические рассуждения наших «вождей» о со-

гласии и дружбе с нацистским режимом (который мы продолжали страстно ненавидеть) дезориентировали многих, затуманивали сознание, смещали все критерии. Это было тягостно, унижительно, невыносимо. Теперь же, несмотря на весь ужас происшедшего (и даже в связи с ним, в свете фашистского нашествия), все становилось в этом отношении на свои места, четко определялась грань между добром и злом, стало совершенно ясно, кто является нашим злейшим врагом, с кем надо бороться до конца, до победы.

Через две недели после начала войны в нашем Институте была объявлена запись добровольцев в Народное ополчение, и в начале июля 1941 года мы, группа сотрудников, не раздумывая попрощались на некоторое время с философией, ушли воевать. Нужно ли говорить, что никто из нас, близоруких очкариков, не имел военной подготовки, не держал в руках оружия. За несколько дней до своей военизации мы с Авнером Зисем отправились на арбатский рынок покупать заплечные вещевые мешки – в порядке самооснащения. Мы еще были не обмундированы, не вооружены, чувствовали по-штатски. Никто не знал, что такое ополчение и как вписывается это реликтовое понятие (идущее от 1812 года и более давних времен) в современную механизированную войну. Техники явно не хватало, в подмосковном лесу нас обучали стрельбе из орудия, используя в качестве модели два положенных крест-накрест бревна. Когда там же нескольких наших сотрудников (включая меня) отбирали в истребительный батальон, а затем, построив всех отобранных в боевой порядок, стали говорить что-то не совсем понятное про оказанное нам доверие, мне казалось, что нас собираются забросить в тыл противника. Мы были готовы ко всему, но уверены лишь в одном – в грядущей победе. Помню, как в один из тех дней иронично-грустный умница Макаровский говорил о родине, народе и нас словами Некрасова: «Вынесет все – и широкую, ясную/ Грудью дорогу проложит себе,/ Жаль только жить в эту пору прекрасную/ Уж не придется ни мне, ни тебе». В тот момент эти слова звучали особенно пронзительно.

До поздней осени 1941 года я был рядовым, вооруженным старой винтовкой образца Первой мировой войны, а с 20-го ноября получил впервые офицерское звание и был направлен в 1-ю Ударную армию, формирувавшуюся на одном из главных направлений Западного фронта. В ее составе участвовал в разгроме немцев под Москвой и далее прошел вместе с ней весь ее боевой путь до конца войны. Но моя связь с армией на этом не кончилась. После войны

хотел сразу же вернуться в Институт, однако по приказу Главного политуправления армии был послан в военную академию – сначала в г. Калинин, потом (с 1946 года) в Академию имени Фрунзе, где преподавал философию в течение десяти лет. Лишь в 1956 году мне удалось демобилизоваться и продолжить свою работу в Институте философии.

Это было не просто после столь длительного перерыва. Большую помощь в адаптации к новым условиям оказал мне работавший в Институте мой давний товарищ по аспирантуре А.Н. Маслин – человек ясного ума и доброй воли. Основу институтской стратегии составляли коллективные труды. К ним я и был подключен – как автор и ученый секретарь пятитомной «Истории философии», а потом, после защиты в 1964 году докторской диссертации – в качестве автора и члена редколлегии шеститомной «Истории философии в СССР». Эти многотомные и многолетние монстры съедали почти все наше время и отнимали силы, требуя огромной организационной и редакторской работы (встречи с авторами, обсуждение и правка рукописей, мои выезды на Украину, в Белоруссию и т.д.). Чрезмерная поглощенность коллективными изданиями отвлекала нас от собственных замыслов и противоречила природе философии, ее личностно-иницирующему началу, ее изначальной устремленности к свободному выбору и персональной ответственности автора за свои идеи. Случались и неожиданные задания. П.Н. Федосеев, например, будучи директором, поручил мне (вскоре после возвращения в Институт) подготовить текст для выступления вице-президента Академии Островитянова на юбилейном вечере, посвященном Плеханову, помочь, так сказать, старшему товарищу. Я представил этот материал и был потом свидетелем того, как он был зачитан слово в слово, а затем опубликован, естественно, не за моей подписью. Другой директор, Ф.В. Константинов, хорошо ко мне относившийся, попросил меня однажды подготовить к одному из партийных съездов развернутое обоснование недопустимости нового культа личности. Обстановка, складывавшаяся в стране, делала этот вопрос весьма актуальным. Материал был представлен, его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Но это отдельные штрихи. Главное в другом. Работа в Институте являлась прекрасной теоретической и практически-человеческой школой. Столкновение различных мнений, поиски взаимоприемлемого решения, рассмотрение историко-философского процесса с самых разных, нередко неожиданных сторон помогало совершен-

ствовать свои методологические и коммуникативные навыки, шлифовать мозги. Многому можно было поучиться у своих товарищей, в том числе и более молодых. Не могу не отметить в связи с этим, что на моих глазах в секторе истории философии в СССР (позднее – истории русской философии) сформировались такие видные ученые, интересные творческие индивидуальности, как Н.Ф. Уткина, В.Ф. Пустарнаков и др. Руководивший подготовкой «Истории философии в СССР» В.Е. Евграфов, хотя и прошел в полной мере аппаратную выучку, не был закоренелым догматиком, знал цену исследовательскому труду, умел прислушиваться к чужому мнению. Следует сказать доброе слово и о директорах Института, с которыми мне пришлось не раз общаться, – ярко талантливых Б.М. Кедрове и П.В. Копнине, напрочь лишенных какого-либо высокомерия, по-настоящему демократичных, доступных, отзывчивых.

Я упомянул лишь о нескольких пришедших на память моментах, касающихся прошлых лет. Путь, пройденный советской философией, нельзя рассматривать только в плане истории учреждения или даже истории идей в обычном, традиционном смысле этих слов. Все было куда сложнее и трагичнее. Наш Институт был в известной мере философским нервом страны и отражал состояние всего общественно-государственного организма в целом. Если философия является концентрированным выражением духа своего времени, его концептуальным ядром, передним краем идеологической борьбы, а в наши дни, как сказал поэт, «их воздух пахнет смертью», то отсюда следует, что писать историю советской философии (вернее, философию советской эпохи – в ней были разные тенденции, нюансы, обертоны) – это значит воспроизводить драму скованного, страждущего, ищущего человеческого сознания. За идеями стоят живые люди с их судьбами, переживаниями, надеждами. К этому надо добавить, что многострадальная история нашей философии последних десятилетий – это не абстрактная филиация чьих-то идей, а наше собственное прошлое, биография наших умов и характеров. Достойное осмысление этого прошлого требует не только объективности, но и широты понимания, сопереживания, человечности. Будет ли когда-нибудь написана эта история? Хочется думать, что да.

А.Н. Гулыга

Ярмарка умов и талантов

Впервые я пришел в этот дом летом 1947 года. Офицер советской военной администрации в Германии, я проводил отпуск в Москве. Понимал, что мне не вечно быть «оккупантом», и хотел продолжить свое образование. У меня был диплом философа, но подвизаться дальше в этой области желания не было: очень уж жалким было ее состояние у нас в те годы, да и мои знания были весьма плачевными. Мне хотелось приобщиться к какой-либо конкретной области гуманитарного знания. Я выбрал историю.

Институт истории помещался на втором этаже дома на Волхонке. На первом находилось издательство АН СССР, на третьем – Институт экономики, на четвертом – Институт философии, Институт славяноведения, редакция журнала «Вопросы философии». Жили тесно; роскошный красный зал на втором этаже был разделен на несколько пеналов, в которых разместились службы Института истории – отдел кадров, бухгалтерия и т.д.

Летом 1948 года я уже сдавал вступительные экзамены в Институт истории. Принимал их академик И. Майский, бывший посол СССР в Англии. Говорили, что Сталин велел спросить Майского, что он хочет получить при отставке с дипломатической службы. Майский захотел стать членом-корреспондентом АН СССР. Сталин милостиво сказал: «Пусть будет академиком». На экзаменах Майский сидел как статуя Будды, невозмутимо слушал соискательские бормотания, не вмешивался и поглядывал с интересом в сторону соискательниц. Помимо специальности при поступлении надле-

жало сразу сдать кандидатский минимум по иностранному языку и философии. Экзамен по философии принимал М.А.Лифшиц, лекции которого я слушал в ИФЛИ. Отвечал я довольно бойко. Узнав, что я окончил философский факультет, Михаил Александрович предложил мне поступить в аспирантуру Института философии. Я сказал, что еще не созрел для этого. «Когда созреете, приходите – помогу».

Ни поступление в аспирантуру, ни защита диссертации не помогли мне уйти из армии. Только после смерти Сталина, когда началось массовое сокращение вооруженных сил, мне удалось снять погоны. Тут у меня возникла мысль вернуться к первоначальной своей профессии – к философии. Два года я работал доцентом в Высшей торговой школе, а летом 1955 года, когда появилась моя первая философская статья, «Происхождение позитивизма», мне предложили перейти на работу в журнал «Вопросы философии». Вскоре меня приняли на работу в Институт философии в сектор диалектического материализма. Потом я перешел в сектор истории философии, затем – в сектор исторического материализма, затем – в сектор критики современной буржуазной философии, затем – в сектор эстетики и, наконец, в сектор философской антропологии, где пребываю поныне. Таким образом, передо мной открылся почти весь спектр работы Института философии.

...Первоначально я стыдился философского диплома, постепенно начал гордиться им. Власти предрержащие в ту пору видели в философии опору идеологии, поэтому настаивали на партийности философии, понимая под этим прежде всего ретивое служение догмам КПСС. Но философии даже в тех условиях удавалось сохранять и развивать культурную традицию, если не отечественную, то по крайней мере мировую.

Поэтому начальство с опаской, а читатели с интересом принимали работы, посвященные истории философии и современным зарубежным мыслителям, которых полагалось критиковать. Но в этой критике был определенный «подтекст», который позволял получить представление о сути дела. Один из директоров Института неожиданно сделал для себя «открытие», что его сотрудники пишут «эзоповым» языком, и горячо призывал их отказаться от этого пагубного пристрастия.

У кормила Института мне довелось видеть девять директоров. Это были: академик Петр Николаевич Федосеев (с 1955 по 1962), академик Федор Васильевич Константинов (с 1962 по 1968), член-

корр. АН СССР Павел Васильевич Копнин (с 1968 по 1971), профессор Степан Федорович Одуев (и.о. директора с 1971 по 1973), академик Бонифатий Михайлович Кедров (с 1973 по 1974), профессор Борис Сергеевич Украинцев (с 1974 по 1983), член-корр. АН СССР Георгий Лукич Смирнов (с 1983 по 1985), член-корр. АН СССР Николай Иванович Лапин (с 1985 по 1988), академик Вячеслав Семенович Степин (с 1988 года).

В армии меня приучили относиться с почтением к начальству, выполнять любые приказы. Но озорная природа моя побуждала критически смотреть на окружающее. Я никогда не считал, что справедлив кем-то выведенный закон, согласно которому научное значение работника обратно пропорционально его должности и званию, т. е. от академика меньше всего пользы, а больше всего от МНС БС (младший научный сотрудник без степени). Мне встречались бестолковые младшие научные сотрудники и необычайно продуктивные и образованные академики, у которых я не уставал учиться.

...Юрий Мефодиевич Бородай – человек, которому я обязан многим. До того как прийти в наш институт, он работал в издательстве «Высшая школа». Здесь ему довелось быть редактором первого тома «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосева, книги, которую отказалось печатать издательство «Искусство».

Другим человеком, повлиявшим на мое развитие, был Зураб Какабадзе. Он родился, жил и умер в Грузии. В Москву приезжал только по делам. Главные его работы написаны на русском языке. Он писал по-русски и замечательные стихи, исполненные философских раздумий, обращенные к его любимой жене, обаятельной Натии, урожденной княжне Амириджиби. Себя он называл мужиком, но был дворянином духа.

Я познакомился с Зурабом в Тбилиси в 1965 году на конференции по проблеме ценностей. Грузины были ревностными сторонниками аксиологии. Московская делегация (за редкими исключениями) выступала против теории ценностей, полагая, что всеполнота знания исключает необходимость какого-либо другого отношения к предмету, кроме познавательного-практического. Почему так получилось? Мне показалось, что причину я понял во время первого тбилисского застолья. Это продуманный и хорошо организованный ритуал. Чем он завершается? Тостом за тамаду, думал я. И когда этот тост был провозглашен, решил, что все кончено, можно уходить. «Подождите, – сказал Зураб. – Сейчас будет

самое главное». Последний бокал был поднят «За все святое». Это меня поразило. В Москве в свое время был взорван храм Христа Спасителя, но нельзя представить себе, чтобы грузины взорвали храм Джвари. Ныне в наших глазах Грузия дискредитировала себя кровавой внутренней распрей, войной в Осетии и Абхазии. Но проблема ценностей от этого не пострадала. Хочется думать, что никакая злая сила не может вытоптать побеги добра. Покойный Зураб в моих глазах – олицетворение лучших сторон грузинской культуры. Конференция в Тбилиси (и Зураб Какабадзе персонально) укрепили меня в убеждении, что в философии господствует не только ум, но и «сердце». Такое убеждение открыло потом путь к пониманию философского значения Достоевского. («Сердце» – это социально значимое переживание.)

Но сначала нас сблизил общий интерес к творчеству Кафки. Зураб переводил Кафку на грузинский, я – на русский. В Кафке мы видели прежде всего социального критика, нас возмущали советские литературоведы, изображавшие Кафку безнадежным индивидуалистом, чуть ли не помешанным. «Беспросветный эгоцентризм» (выражение Зураба) он терпеть не мог. Широту своей природы он показал в первые же дни знакомства. У меня дома было полное собрание сочинений Кафки, кроме одного тома. У Зураба был как раз этот том, и он, не задумываясь, подарил его мне. Мы сразу стали друзьями. А после одного солидного возлияния и побратались, исполнив весь необходимый, по его мнению, ритуал. Это было замечательное время взаимного доверия и уважения. Мне подарили книгу С.И. Данелии о философии Грибоедова, лучшую из того, что написано о «Горе от ума». Грузинские друзья, бывая в Москве, обязательно меня посещали. Моя дочь – лингвистка, начала изучать грузинский язык. Культурное братство двух народов казалось нерушимым...

Зураб был автором умной работы о Гуссерле и книги о проблеме человека. Достоинством философа он считал способность выражаться живо и доступно, с пиететом называл такого философа «просветителем». Примером здесь для него был его учитель профессор К.С. Бакрадзе, которого мы знали: он часто приезжал в Москву и читал лекции аспирантам и сотрудникам Института философии. Противоположностью «просветителя», по мнению Зураба, является носитель философской заумы, «хранитель тайны». Таким представлялся ему мало известный тогда у нас Мераб Мамардашвили.

III. Воспоминания

Мамардашвили я знал со времени работы в журнале «Вопросы философии». Он принес мне рецензию на книгу Жана Ипполита о Гегеле и Марксе. Текст рецензии говорил о литературных и теоретических способностях автора. Не помню, была ли напечатана его рецензия, но я познакомил Мераба с руководством журнала и предложил взять его на работу в редакцию. После защиты диссертации Мамардашвили стал работать в журнале «Вопросы философии». Мераб поражал своей начитанностью, знанием иностранных языков, выигрышно представляя советскую философию перед западными коллегами. Он всегда импозантно выглядел, говорил с большим воодушевлением, умел произвести хорошее впечатление на аудиторию, прежде всего на прекрасный пол...

Когда я пришел в Институт, я был адептом Гердера. Верил немецкому автору, уверявшему, что философская теория Гегеля есть лишь переложенная на язык метафизики историческая концепция Гердера, что гердеровская «Каллигона» полностью ниспровергает эстетику Канта. Я показал свою рукопись о Гердере известному германисту академику В.М. Жирмунскому. Он одобрил текст и посоветовал защищать его в качестве докторской диссертации, согласившись выступить оппонентом. На защиту он, правда, не приехал (из Ленинграда), но прислал подробный разбор моей работы. Ученый совет единогласно присудил мне искомую степень. Так я стал доктором философии, по-прежнему сомневаясь в своей научной зрелости, ощущая себя вечным учеником. Я, как и раньше, старательно искал новые знания и новые подходы к ним.

Институт философии – ярмарка умов и талантов. Я назвал только некоторые имена, далее назову другие. Ни в одном зарубежном университете, ни в одном гуманитарном исследовательском центре (мне известны те, что в Германии) я не встречал такой плеяды оригинальных талантов, как на Волхонке. Они проявляли себя вопреки всем препонам господствующего догматизма. Вот почему меня возмущает пренебрежительное отношение к нашему недавнему философу прошлому как к некоей мусорной свалке...

Вскоре после защиты докторской диссертации меня вызвал к себе Иван Дмитриевич Андреев, секретарь партийного бюро, и предложил общественную работу – стать главным редактором стенной газеты Института «Советский философ». Не раздумывая, я согласился. Наша стенная газета пользовалась большой известностью. Это был подлинный рупор общественного мнения не только Института. Там сотрудичали высокого класса специалисты. Нашу

стенную газету приходили читать сотрудники из других академических институтов, преподаватели и студенты философского факультета. Ее знали и за пределами нашей страны. По словам польского профессора Адама Шаффа, это был «лучший философский орган социалистического лагеря». В стенной газете было впервые сказано, что автором философского раздела «Краткого курса истории ВКП(б)» был не Сталин, а Я. Стэн. Когда главным редактором журнала «Вопросы философии» был назначен академик М. Митин, стенгазета опубликовала образчик его печатной продукции – разносную рецензию Митина на книгу уважаемого всеми В.Ф. Асмуса «Маркс и буржуазный историзм» («Правда» в 1930 годы), где Асмус был назван пустозвоном и антимарксистом.

Сам Иван Дмитриевич не мог пожаловаться на отсутствие внимания со стороны стенгазеты. Он был изображен однажды в виде подгулявшего молодца с гармонью в руках, который распевает диалектико-материалистические частушки:

*Шел домой по переулку,
Треснули по темени.
Мир в пространстве существует,
А также во времени.*

«Надо навести порядок в редакции стенной газеты, – поучал меня Иван Дмитриевич. – Все изменить, вплоть до названия. Подумайте над новым заголовком». У меня уже мелькнуло в голове что-то вроде «Красный мудрец», но я промолчал, зная, как переменчиво бывает настроение начальства. Особенно если оно учитывает все веяния, идущие сверху. И действительно, на следующий день Иван Дмитриевич был уже не столь суров и сказал мне: «Пусть все останется по-прежнему, надо только улучшить качество публикуемых материалов». С тем я и пришел в редакцию газеты. «Все остается по-прежнему, – заявил я. – Надо только улучшить качество публикуемых материалов. Ребята! Я обещаю вам, что через полгода вас будут не ругать, а хвалить, может быть, даже выдадут премию».

Дело было под Новый год. Новогодний номер был готов. Я не внес никаких изменений в подготовленные материалы, попросил только поставить порядковый номер 97. В день Советской Армии, 23 февраля, вышел номер 98, а к марту появился номер 99. Когда вышел 99-й номер, я пошел в партийное бюро и сказал: «Конечно, в стенгазете много еще недостатков, которые надо преодолевать, но

нельзя пройти мимо предстоящего юбилея. Следующий номер – сотый, это своеобразный итоговый номер, и необходимо отметить это событие достойным образом». Иван Дмитриевич со мной согласился. И когда вышел сотый номер, в Институте был вывешен приказ с благодарностями членам редколлегии, и нам даже выдали ценные подарки. Я и сегодня пользуюсь врученным Андреевым кожаным бумажником. В общем, все были довольны.

Главным украшением нашей газеты были, конечно, карикатуры. Рисовали их мастера, которые вполне могли бы прославить себя как высокого класса рисовальщики-карикатуристы. Это прежде всего Александр Зиновьев. У меня и по сей день хранится изображение академика «Чего изволите» – ушки торчком, нос крючком, сам изогнулся в сервильном припадке.

Александр Зиновьев поступил в ИФЛИ в 1939 году, но студентом я его не помнил. Нас снова познакомили после войны. Представили его как «гносеолога». Так называли себя молодые философы, считавшие, что задача их науки состоит в изучении процесса познания. Мне это импонировало. Но Зиновьев уходил все дальше в область формальной логики, которая всегда мне оставалась чуждой. Он стал бесспорным авторитетом в своей области, имел многих учеников, которые его почитали. К беде своей он стал пить. Живой и остроумный в компании, окруженный вниманием всех девиц Института, видевших в нем завидную партию, он становился невыносим после первых же выпитых рюмок и не мог успокоиться, пока не уничтожил все наличное спиртное. Он приходил в Институт в неприглядном виде и казался потерянным человеком. Жизнь его изменилась после женитьбы на Олечке, молоденькой, жизнерадостной и хорошенькой сотруднице нашего Института. Родилась дочка Полина, он стал примерным семьянином, на глазах обрел равновесие. Мы жили рядом и бывали друг у друга в гостях.

Но никто из нас тогда не догадывался о литературных дарованиях Зиновьева. Даже тогда, когда он принес мне на тайное хранение толстенную, тщательно запечатанную папку, я понимал, что это нелегалщина, но не подозревал, что в ней содержатся плоды его пера. Через некоторое время он эту папку у меня взял, и вскоре за рубежом появилась его книга «Зияющие высоты», сатира на всю нашу жизнь и Институт философии в первую очередь. Книга надела много шума.

Другой яркой фигурой в Институте был Эвальд Ильенков, также блистательный рисовальщик нашей стенгазеты. Особенно

удавалась ему карикатура на члена-корреспондента М.Т. Иовчука, Даже не будучи сотрудником Института, последний вмешивался во все его дела, всюду видел отклонения от марксизма, требовал расправ, всюду громил буржуазную идеологию, с трудом выговаривая слово «экзистенциализм». Эвальду достаточно было нарисовать две окружности – одну побольше, другую поменьше – туловище и голову, и все узнавали в рисунке грозу Института, фамилию которого иногда транскрибировали в газете как и.о. Вчук, подразумевая при этом еще более страшные времена, когда грядет не и.о. (исполняющий обязанности), а настоящий Вчук (он же – Налечук, Рас-топчук и Проглочук).

Другим постоянным объектом нападок Ильенкова был Александр Субботин, «Киса», как звал его Ильенков, считавший, что Субботин напоминает героя «Двенадцати стульев» Воробьянинова. «Киса» в его глазах был эталоном непродуктивности. На одной карикатуре Эвальда «Киса» был изображен в дамском будуаре, где ему не удалось отличиться. Пытаясь оправдаться и утешить себя, «Киса» говорит: «Зато меня выбрали профоргом». Это было до моего прихода в стенгазету. В дальнейшем я сдерживал агрессивный пыл Ильенкова. Субботин писал хорошие стихи, великолепно знал английскую культуру, издавал Ф. Бэкона, писал о МанDEVиле.

Ильенков, как и Зиновьев, принадлежал к числу «гносеологов», но развивался совершенно в ином направлении, мне более близком. Ильенков был подлинный мэтр диалектики, к голосу которого прислушивалась молодежь. Последователи Ильенкова жили не только в столице. Одно время даже говорили, что центр диалектической логики переместился в Алма-Ату. Там и в Сибири до сих пор публикуются работы, опирающиеся на наследие Ильенкова. Он не жалел времени и сил своих, отдаваясь воспитанию и образованию тех, кого природа жестоко обделила, – слепоглухонемых детей.

Работая над «Наукой логики» Гегеля, я не раз обращался к нему за консультацией, и наши разговоры вспоминаю с искренней благодарностью. Мне довелось быть оппонентом на защите докторской диссертации Эвальда Васильевича Ильенкова. Маленький конференц-зал Института был набит до отказа. Я полностью подержал диссертанта. Мои критические замечания касались не философии, а грамматики. Вопреки Ильенкову я настаивал на том, что «Карнап» следует писать с большой буквы, а слово «логика» –

с маленькой. Речь шла, разумеется, не об опечатках, а о концепции человека, не переносившего позитивизм.

После защиты состоялся банкет в ресторане Театрального общества, где академик Б.М. Кедров выдал остроту, получившую самую высокую оценку у всех присутствовавших ценителей юмора. Он поднял тост за то, чтобы Ильенков никогда не переводил свое имя с немецкого на русский. Иначе вместо «Э-вальд» (Вальд по-немецки – «лес») получится «Э-лес» (сотрудник Института Элес был воплощением пустопорожней болтовни на тему о диалектике; Ильенков, мол, должен помнить о возможности превращения диалектики в софистику). Ильенков не обиделся.

Он был носителем высокой философской культуры. Он не только великолепно знал Гегеля и Маркса, но тонко понимал искусство. Был без ума от Вагнера. Обладал уникальной коллекцией записей всех его опер, иногда приглашал друзей «на Вагнера», включал проигрыватель и вручал текст вагнеровских опер; сам он знал его наизусть.

Мне неизвестны причины, побудившие Эвальда Васильевича уйти из жизни. Ходили слухи, что его довела до самоубийства советская власть. Но известно, что, если в первые годы в Институте начальство его недолюбливало, то затем благоволение властей предрержащих в философии было ему обеспечено. Злые языки уверяли, что неуравновешенность Ильенкова объясняется тем, что, будучи артиллерийским офицером на войне, участвовавшим в штурме Берлина, он больше всего боялся, что огонь его батареи разрушит могилу Гегеля. Мне довелось быть с Эвальдом Васильевичем в Австрии. Я купил тогда немецкое издание книги Оруэлла «1984». Ильенков тоже приобрел эту книгу и очень волновался, что на таможне она у него будет обнаружена. Он перекладывал ее из кармана в карман и успокоился только тогда, когда я предложил ему положить книгу в мой портфель. Оруэлл благополучно прошел через таможню. Впоследствии Ильенков перевел его с немецкого, хотя было известно, что книга имеется и на русском языке.

Третьим карикатуристом в газете был Борис Драгун. Особых философских заслуг у него не было. Он педантично перевел «Философскую пропедевтику» Гегеля. Он больше всех пострадал при начавшихся гонениях на газету. Ему пришлось уйти из Института.

Украшением газеты были сатирические стихи Эриха Соловьева. Удивительно талантливый, он привлек к себе внимание, уже

будучи студентом. После окончания университета его пригласили на работу в журнал «Вопросы философии». Вакансий, правда, не было, и его оформили на должность машинистки. Он писал в журнал передовые статьи и сам же зло пародировал их. Мы все увлекались Гегелем. Верили Лукачу в том, что великий идеалист был на уровне современной ему науки. Соловьев опубликовал дерзкую статью, где показал, что Гегель едва разобрался в политической экономии. С Запада пришел к нам экзистенциализм. Соловьев напечатал две блестящие статьи, раскрывавшие суть этой философии как философии отчаяния и стоического индивидуализма. По заказу издательства «Молодая гвардия» он написал биографию Лютера, в которой основной упор сделал на социальные корни протестантизма и религии вообще.

Затем было увлечение Кантом, его учением о праве и морали, которое давало ответ на знаменитый кантовский вопрос: «На что я смею надеяться?» Кстати, Соловьев нашел адекватный перевод этой кантовской формулы. Раньше переводили: «Was darf ich hoffen?» – «На что МОГУ я надеяться?», и таким образом при этом пропадало различие с первым вопросом: «Что я МОГУ знать?» («Was kann ich wissen?»). Ведь первый вопрос – о ФИЗИЧЕСКОЙ возможности, здесь же речь идет о ДУХОВНОЙ потенции человека. Глагол СМЕТЬ адекватно передает ее.

Стихи Э. Соловьева украшали нашу газету. Увы, они не изданы. Но я помню, с каким восторгом читалось то, что Соловьев публиковал в стенгазете, какой бешеный энтузиазм вызывали его творческие вечера на Волхонке и в Студенческом театре на Моховой, где собиралась не только философская публика, где всех восхищало и актерское мастерство Соловьева. В памяти сохранились лишь жалкие обрывки его стихов. Вот, например, записка с двустихием, присланная мне во время обсуждения в Институте моей книги «Немецкая классическая философия» 17 января 1987 года. Соловьев строго следует классическому образцу и формулирует как бы ответ Канта на упреки Шиллера в его известной эпиграмме, которую Владимир Соловьев перевел следующим образом:

*Ближним охотно служу, но – увы! – имею к ним склонность.
Вот и гложет вопрос: вправду ли нравственен я?
Нет другого пути: стараясь питать к ним презренье
И с отвращеньем в душе, делай, что требует долг!*

Кант, по мысли Эриха Соловьева, мог бы ответить следующим образом:

*Ближним охотно служи и даже будь добр из расчета.
Только не требуй, чтоб я доблестью это считал.*

Передо мной лежит часть ватманского листа стенгазеты под общей шапкой «Почему я не модернист?» Это был своеобразный отклик на статью того же названия М.А.Лифшица, а также и на другую его статью, «В мире эстетики» (журнал «Новый мир»), где Михаил Александрович высмеивал эстетические упражнения Владимира Разумного, нашего сотрудника, плодовитого, но бесплодного. Над Разумным в Институте посмеивались, но его разоблачитель тоже не привлек к себе симпатий своей безапелляционностью, нежеланием проникнуть в суть современного искусства, большевистской нетерпимостью. Говорили, что Лифшиц раздел самого себя. «А когда пожилая дама исполняет стриптиз, это нехорошо не только в этическом, но и в эстетическом отношении». Так высказался один из сотрудников Института истории искусств.

Наши карикатуристы Зиновьев и Ильенков создали портреты обнаженного Разумного в утрированной манере различных авангардистских течений – экспрессионизма, кубизма, дадаизма, голого натурализма и т. д. В некоторых рисунках угадывались одновременно и черты Лифшица.

Рисунки сопровождались остроумнейшими стихами Соловьева, которые были также полны подобными переживаниями смысла. От имени изображенного героя возносилась хвала плоти. В памяти моей сохранились только последние строки.

*Это не сальность,
Это не грубость,
Это здоровая сексуальность
В духе Рубенса.*

Я позвонил Эриху, чтобы узнать, что было вначале, но и он тоже их запомнил. Боюсь, как бы это не случилось и с другими его замечательными стихами, которые являются выразительным памятником эпохи готовящейся переоценки ценностей.

Теперь о сатирической прозе. В основном она рождалась как коллективное творчество всех сотрудников газеты. Назову еще имена С. Эфирова, В. Колбановского, Н. Мотрошилову, Н. Юлину (последняя числилась в 1967 году ответственным редактором и по-

лучила одна за всех партийный выговор). Мы вместе придумали обобщающий образ Митрофана Лукича Полупортянцева. Это необразованный тупица, некий искусственный продукт, что-то вроде булгаковского Шарикова, выпестованного советским активистом Швондером себе на погибель. Образ Полупортянцева широко потом использовался советскими юмористами от философии. Мы встречаем его в книгах Зиновьева. Автор этих строк сочинил нижеследующий отзыв Полупортянцева на диссертацию Балаболкина «О дальнейшем преодолении существенных различий между мужчиной и женщиной». Читателям старшего поколения не надо напоминать, как до тошноты назойливо твердили нам, что социализм стирает существенные различия между умственным и физическим трудом, между городом и деревней; какие нелепые аргументы выдвигались при этом. А вот авторитетное мнение Полупортянцева:

«Диссертация тов. Балаболкина состоит из введения, заключения и списка книг, прочитанных за время пребывания в аспирантуре. Диссертация – большой вклад в нашу науку. Балаболкин выдвигает и показывает, какое принципиальное значение для нашего движения вперед приобретает дальнейшее, полное и окончательное стирание существенных различий между полами в нашем населении. Во-первых, наша промышленность сможет сократить избыточное многообразие выпускаемого ассортимента. Не будет необходимости тратить ценное сырье на производство бюстгалтеров, комбинаций и прочих дорогостоящих шмоток.

Во-вторых, не будет аморалки. Женщина нам станет как друг, товарищ и брат. Инстанции освободятся от разбора персональных дел и смогут больше уделять времени общему руководству.

В-третьих, окончательно будет разблагчена поповско-морганистско-менделевская брехня о неизменной сущности человека. Это будет триумф мичуринской биологии.

В диссертации имеются отдельные недостатки. Нет критики буржуазных извращений по данному вопросу. Названы авторы Кребер [Кребер], Хурьх [Черч], Цамус [Камю], но отпора не дано. Давно пора, засучив рукава, опрокинуть с грохотом религиозный дурман, не допуская при этом оскорбления верующих и необоснованных репрессий. Второе. Стиль диссертации слабый, нуждается в доработке. Автор употребляет выражение «Гордеевы конюшни». На самом деле конюшни были «Авдеевы», а «Гордеев» – узел. Далее – «Долдонов меч». Каждый читавший А.С. Пушкина знает, что меч принадлежал не Долдону, а Дадону. Из диссертации также нуж-

но убрать все встречающиеся в ней матерные выражения (см. стр. 7, 9, 11, 18, 22, 23, 33, 37 и др.). Вывод: Представленная тов. Балаболкиным диссертация по философии отвечает вполне требованиям, предъявляемым к такого рода работам. Диссертант вполне созрел для научной и следовательской работы. Ископаемую степень может себе присвоить.

Доктор философских наук
[М.Л. Полупортянцев]».

Когда меня спрашивают, что безусловно ценного сотворил Институт за годы своего существования, я не задумываясь отвечаю: «Философское наследие». Это монументальная библиотека классиков мировой мудрости с древнейших времен до нашего века. Работа над этими книгами придавала особый смысл нашей деятельности в годы марксистского догматизма, ибо только на почве солидной школы возможно существование профессиональной философии. После крушения официального марксизма эти книги не потеряли своей ценности; работа над изданием классиков продолжается и поныне. Здесь изданы труды Платона, Аристотеля, Юма, Канта, Гегеля, Шеллинга, Вл. Соловьева и других корифеев.

Классиков философии издавали у нас всегда. Но в конце пятидесятых годов решено было создать единую серию, установить общий план, учредить редакционный центр для подготовки выпускаемых книг. Мне было поручено провести подготовительную работу.

Название «Философское наследие» родилось в беседе с академиком Н.И. Конрадом. Во время одной из наших первых встреч с Николаем Иосифовичем я рассказал ему о новой академической серии, которую готовило издательство «Мысль». Конрад обещал свою поддержку. Он называл имена, которые затем составили программу библиотеки «Философского наследия» – от Конфуция до Гуссерля и Бергсона. Заведующий сектором истории философии Института М.Т. Иовчук принял этот план, и мы отправились к вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву. Тот долго и дотошно изучал этот список и в конце концов подписал сопроводительное письмо в ЦК КПСС.

Идеологическим вождем в то время был Л.Ф. Ильичев, ставший незадолго до этого академиком по классу философии. Мы не сомневались в его поддержке. Велико было наше удивление, когда через некоторое время поступил отказ: страна строит коммунизм и нет нужды тратить столько усилий на уход в прошлое. Случись

это при Сталине, подобный ответ означал бы полнейший запрет на изучение истории философии в течение длительного периода. Но теперь возможны были «варианты». Не дожидаясь решения ЦК, издательство создало специальную редакцию по истории философии (заведующий Н.И. Лапин). Было заказано красивое оформление серии. У меня до сих пор хранится макет книги «Древнеиндийская философия». В работе находилось уже несколько томов. Издательство сделало вид, что оно ничего не знает о письме в ЦК, и стало выпускать том за томом.

В 1964 году, после падения Хрущева, к идеологическому руководству пришли другие люди. В журнале «Коммунист» появилась положительная рецензия, «Философское наследие» обрело прочную почву. Я принимал деятельное участие в подготовке томов «Философского наследия»; был составителем и редактором двух первых томов собрания сочинений Канта, обоих двухтомников Гегеля – «Работы разных лет» и «Философия религии», – а также двухтомника Шеллинга.

Н.Ф. Овчинников

Вспоминая прошедшее

Так совпало, что летом 1941 года я закончил физико-математический факультет Свердловского (ныне Уральского) университета и, как известно, тогда же началась война. Шли госэкзамены, и мы, выпускники, погруженные в премудрости теоретической физики, с тревогой следили за поразительными сообщениями газет и радио.

Очнувшись от госэкзаменов, мы ощутили, что война все перемешала в нашей судьбе. Освобожденный от фронта в результате болезни, пережитой в юности (ограниченность подвижности суставов), я после получения диплома работал преподавателем физики в средней школе, расположенной на окраине города в местечке Малый Исток. Вскоре был принят лаборантом на кафедру физики военной Академии им. Жуковского, эвакуированной из Москвы в Свердловск. Это была зима 1941–42 годов, самый тяжкий период войны – немцы под Сталинградом, дошли до Волги, война на нашей земле! Разные люди переживали это тяжелое время по-разному. В моем сознании – и наверное, не только в моем – это пора смятения, безответных вопросов – почему так? – и время молчаливого отчаяния.

В холодном и голодном уральском городе появляются московские институты, потеснив в местных зданиях людей, работавших там. Вблизи Академии им. Жуковского, размещается, как я узнаю, в одном из зданий Уральского политехнического института, Московский университет, переехавший из знойного Ашхабада в морозный Свердловск. Трудно сейчас рационально выразить, что именно, какое чувство или какая мысль привели меня на философ-

ский факультет Московского университета, разместившегося через дорогу от моей работы. Думаю сейчас, что это было то чувство отчаяния, о котором я уже упомянул, чувство безысходности и одиночества, мои друзья и сверстники разлетелись: кто уже на фронте, а кто в военных училищах ускоренно готовятся стать военными специалистами.

Мой приход на философский факультет, как я сейчас представляю себе, был не очень осознанной, импульсивной попыткой спастись от неотступных вопросов, найти на них ответы. Или, сказать по-другому, может быть, это было результатом наивного представления молодого физика о смысле и назначении философии. Обучение в университете невольно убеждало в строгой закономерности природного мира, и, кроме того, повседневное существование в мирное время вынуждало жить в условиях строгих планов и предписаний. И все внезапно рухнуло: тревожные сообщения с фронта и будни тяжкого быта, вызванные войной, перевертывали все прежнее – устойчивость мира и обустроенность жизни оказывались иллюзией. Сознание пыталось ухватиться за сложившиеся наивные представления, будто философия поможет преодолеть мучительные недоумения, негаданно возникшие в ходе событий. Тогда я еще не имел понятия об экзистенциализме, но теперь могу сказать, что в моем случае Кьеркегор оказался совершенно прав: истоки интереса к философии не в стремлении к знанию, к поискам причин и начал, как полагал Аристотель, но в чувстве отчаяния, порою охватывающего всего человека.

Не оставляя работы на кафедре физики, я стал посещать лекции по истории античной философии, которые тогда читал М.А. Дынник. Как я понял тогда, он был в Свердловске единственным специалистом по истории философии и читал лекции на всех курсах философского факультета. Лекции на первом курсе обычно читались поздно вечером, и потому мне не приходилось получать разрешение на их посещение на моей работе. В памяти, как сказал бы современный эстет, сюрреалистическая картина: в промерзшей аудитории сидит в зимнем пальто и в шапке, а порою и укутанный в шаль профессор, а перед ним четыре, пять или редко шесть продрогших и голодных студентов слушают неторопливой и приглушенный голос лектора (не простудить бы голос) – рассказ о милетской школе, о Пармениде, Демокрите, Платоне.

Я был зачислен на философский факультет МГУ с сентября 1942 года, В начале 1943 года удалось сдать экзамены по античной

философии, а на лекции-семинаре Дынника я подготовил и произнес доклад об истоках древнегреческой философской мысли. Вскоре, в марте–апреле 1943 года, заговорили о возвращении университета в Москву. С чувством сожаления я внутренне прощался со своими молодыми сокурсниками. И все же начальный импульс профессионального интереса к философским идеям уже был задан и жил во мне. Понятно, что прямых ответов на мучительные вопросы я не получил, но начинал осознавать, что дело философии, скорее, в организации сознания, в его собранности ради попыток понять смысл вопросов, именно вопросов, а не ответов на них..

Эвакопоезд шел в Москву более недели. Теперь могу сказать, что для меня это была своеобразная эмиграция, словно я приехал в другую страну – Московию. Говорят на понятном мне языке, но все остальное совершенно другое: образ жизни и мыслей, нравы и поведение людей, законы и порядки, идущие от властей. Это не оценочное суждение, но воспоминание о поразившем меня различии. Хотя, конечно, в подобном различии всегда присутствует асимметрия – в данном случае мое восприятие поразившего меня различия было окрашено ощущением полного непонимания переживаний пришельца со стороны некоторых столичных жителей. Всем известна крылатая фраза из фильма: «Счастье – это когда тебя понимают». Иногда в силу непонимания я «терпел крушение», а полночный троллейбус Окуджавы, плывущий по Москве, не спасал. Мое настроение при встрече со столицей может быть образно выражено памятной мне строчкой другого поэта: «Москва меня душила в объятьях кольцом своих бесконечных Садовых».

Философский факультет в Москве уже жил своей жизнью, когда мы там появились. Знакомого по Свердловску декана факультета я уже не встречал. Московским деканом был тогда Дмитрий Кутасов. Соединившись с москвичами, второй курс факультета составил уже человек десять. В конце войны на наш курс пришло еще человека три или четыре из бывшего ИФЛИ, ликвидированного во время войны. Невозможно не упомянуть, хотя бы предельно кратко, о тех, у кого учился на философском факультете, кто запомнился как личность, как символ времени. Упоминание их тем более оправданно, что некоторые из них в разные годы были сотрудниками Института философии. Среди них Валентин Фердинандович Асмус – его скучноватые, но основательные лекции приобщали меня к традициям философской мысли. Орест Владимирович Трахтенберг – в его личности я чувствовал, что он знает

нечто более существенное, чем сиюминутное и преходящее. Помню, зимой 1943–44 годов Алексей Федорович Лосев начал читать нам формальную логику. Однако нам не повезло – его уволили с факультета как идеалиста, так втихую объяснили мне осведомленные студенты. Логикой стал преподавать нам Павел Сергеевич Попов – образец внешнего спокойствия и предельной аккуратности. Как я узнал позднее, он неожиданно для всех покончил с собой – личное трагически переплелось с социальным. Особенно памятны мне лекции и семинары Софьи Александровны Яновской. Она читала курс истории математики. Именно тогда содержание и стиль ее лекций – неторопливое углубление в предмет – привели меня к осознанию, что история науки предмет не просто интересный, но насущно необходимый философу. Она же в 1946–47 учебном году начала читать нам курс символической логики. Но вскоре чтение курса было запрещено – мы вдруг узнали, что Яновская вознамерилась преподавать нам «буржуазную лженауку».

Было бы досадным упущением, если бы я ради краткости текста не упомянул по-своему замечательную личность – Зиновия Яковлевича Белецкого. Он как зав. кафедрой диалектического и исторического материализма (в те годы это была единственная философская кафедра в МГУ) представляется ныне особенным феноменом своего времени. Мое упоминание о «феномене Белецкого» оправдано, полагаю, тем фактом, что, имея диплом врача, Белецкий после окончания знаменитого Института красной профессуры с 1934 по 1943 год был бессменным партсекретарем Института философии АН СССР. Личность руководителя, как правило, кладет неизгладимый отпечаток на стиль учреждения. В данном случае для такого стиля, заданного Белецким и, наверное, не только им, характерна непоколебимая уверенность в абсолютной истинности высказываемого, беспощадность в оценках и непримиримость по отношению к другим мнениям, в чем-то отличным от заданного. Я еще застал влияние этого стиля, проявленное в облике людей, их поведении и характере публичных выступлений. В особенности это наблюдалось при обсуждении каких-либо рукописей или книг. Влияние это сохранялось несмотря на то, что Белецкого сменили более молодые, но по-своему не менее «идейные» руководители, такие, как Г.Ф. Александров, М.Т. Иовчук, Д.И. Чесноков и др.

Странность идеологической ситуации, смысл которой я тогда не мог, да и не пытался уяснить, заключалась, как я ныне могу оценить, в том, что более молодое поколение, равнявшееся к руководству

т. н. «философским фронтом», было профессионально более подготовленным – они обращались к истории философии и по-своему ценили эту историю. В то время как Белецкий полностью отрицал значимость истории философии для уяснения марксистской философии, в особенности это относилось к западной философии (русская философия была для него исключением). Белецкий настаивал на том, что марксистская философия является прямым выражением интересов пролетариата. Все историко-философские идеи, высказанные до Маркса, – это всего лишь мыслительный материал.

К сожалению, сам стиль непримиримой, беспощадной борьбы с «невежественным догматизмом» (такая оценка была дана позиции Белецкого), стиль, воспринятый новым тогда поколением философов у критикуемых ими догматиков, как ныне можно оценить, привел к тому, что у более образованного поколения произошло забвение принципов высокой теоретизации. Это забвение сопровождалось еще и потерей нравственных ориентиров. У меня сложилось представление, что, наверное, это забвение и эти потери завязаны в один неразделимый узел. Все это приводило к тому, что философ начинал некритически ориентироваться на «указания» свыше, теряя из виду независимые содержательные аргументы, невольно игнорируя их. Тем более что такая позиция обеспечивала «выживание». С прискорбием приходится вспомнить, что потеря нравственных ориентиров сказалась и на последующих поколениях.

Я многое не понимал тогда, погруженный в идеологическую круговерть, пытаюсь вырваться из нее и тем самым все более запутываясь в ней. Идеология всегда спекулирует на истине, упрощая и незаметно деформируя ее, приспособлявая к своим заданным целям. Истинное в идеологии проглядывало, пробиваясь сквозь словесный туман, и манило меня. Иногда, как я теперь могу оценить сам себя, хотя и редко, но был пленен идеологемами. А как отделить идеологическое от достоверного? Вопрос риторический – нет общего ответа. Только конкретная ситуация вынуждает к поискам истинного здесь и теперь. То, что очевидно ныне, совсем не было так очевидно тогда.

При всем различии уровней философской культуры и коренных расхождений в оценке и понимании философских принципов, стиль полемики, как я воспринимал тогда этот стиль и как осознаю это ныне, был один и тот же – беспощадность и непримиримость к противнику. Это был стиль не только Белецкого, но и его сравнительно молодых антагонистов, пришедших к руководству Инсти-

тутом философии в конце войны и после нее, когда мне пришлось поступить в аспирантуру Института. Вскоре я ощутил этот стиль, непосредственно наблюдал его действие. Вот как это случилось.

В год моего поступления в аспирантуру в 1947 году вышла книга Б.М. Кедрова «Энгельс и естествознание». Мой интерес к этому исследованию был вполне оправдан, естественен – я ведь только что поступил в сектор «Философия естествознания». У меня сохранился экземпляр книги, на котором отмечена дата покупки – 20 октября 1947 года. Вскоре, где-то в конце года, состоялось ее обсуждение. Ко времени обсуждения я успел прочитать этот весьма объемистый том. Появление философской работы, написанной современным автором, тогда было событием. Для меня ее чтение было первой попыткой усвоения новых для меня, более специальных проблем философии науки.

В здании на Волхонке, 14 большой зал на втором этаже был заполнен. По-видимому, пришли не только философы, но и специалисты в конкретных областях науки. Обсуждение открыл президент Академии Сергей Иванович Вавилов. Я могу припомнить лишь общий настрой его краткого вступительного слова – он призвал к деловому и аргументированному обсуждению книги. Однако последующие ораторы не вняли призыву президента. Их выступления повергли меня в смятение – началась не критика, а поношение автора книги, обвинение во всех идеологических грехах. Я не имел понятия, кто именно выступает – думаю, что не только философы, – я не мог различить ораторов по стилю их выступлений. Мне казалось, что все говорят на один манер, принятыми оборотами идеологических штампов. Подумалось, что я присутствую на заранее организованном избиении, цель которого только в том, чтобы утратить и напугать слушающих – пусть будет неповадно каждому писать какие-либо книги. Это позволено только вождям. Мне представилось тогда, что автору книги оставалось только покаяться и, подняв руки, уйти со сцены под конвоем.

Но вот появился на трибуне виновник происходящего. К моему удивлению, Кедров не выглядел избитым или даже смущенным. Аргументированно и вместе с тем темпераментно, а порою и язвительно по отношению к некоторым его критикам Кедров одно за другим отметал их поношения. Было очевидно превосходство автора книги перед его противниками. Осмысливая теперь происходившее полвека тому назад, я могу сказать, что его возражения критикам невольно осознавались слушателями как убедительные

и обоснованные. Во всяком случае, так все это воспринималось мною тогда и так запомнилось. Чувствовалось, что автор книги профессионально знал предмет – теоретические проблемы науки и ее историю. Вместе с тем, он с таким знанием и пониманием текстов обращался к авторитету классиков марксистской философии, что нападки его хулителей, пытавшихся аргументировать цитатами, оборачивались всего лишь примитивной интерпретацией известных высказываний классиков. Становилось очевидным, что Кедров не просто знает ортодоксальные идеи, но стремится осмыслить их в контексте истории научного знания и современных проблем науки. Это поднимало его над крикливыми критиками.

Конечно, тогда все оценивалось мною скорее непосредственно эмоционально, чем рационально. Только спустя годы я начинал понимать, что Кедров в своей аргументации и в своих возражениях критикам оказывался не столько внутри ортодоксальных концепций, которые он безусловно разделял, сколько он, вместе с тем, и поднимался над этими концепциями. Внешне это представляется парадоксальным. Но для человеческой мысли быть внутри системы воззрений и вместе с тем уметь подниматься над этой системой вполне возможно и даже, по высшему критерию, необходимо. Более того, это фундаментальная способность человеческого разума, в его отличии от рассудочной мысли, подниматься над своим собственными суждениями.

Личность, искренне убежденная в истинности классических философских идей, осознает, что новая эпоха требует новых аргументов, опирающихся на современное знание, а в нашу эпоху прежде всего на научное знание. Антагонисты Кедрова этого, я полагаю, рационально не осознавали, но каким-то внутренним чутьем чувствовали его превосходство в этом отношении. Отсюда, по-видимому, их особенно непримиримая, беспощадная идеологическая критика.

Все услышанное мною эмоционально запомнилось мне потому, что после сцены публичного избиения я услышал человека, который может стать примером личности, привычно живущей в этой странной атмосфере непримиримой драки и все же отстаивающей свои принципы, свои идеи, сохраняющей свои способности к творчеству. Я почувствовал, что при всей пугающей странности нового для меня сообщества философов все же и здесь, в этом сообществе, можно найти островки жизни, пусть трудной, но не исключающей возможности общения и поисков понимания волнующих проблем.

Я увидел, что есть люди, у которых можно чему-то научиться, кто являет собою образцы поведения и кто, несмотря на мрачную атмосферу, которую пришлось почувствовать на обсуждении книги Кедрова, находит свои пути мысли. Сейчас, думая о начале своей работы в аспирантуре сектора, я могу сказать (так я ныне думаю и чувствую), что именно Кедров непреднамеренно придал мне решимости оставаться в философской среде и попытаться осмыслить избранную тему диссертации. Возможно, почувствовал я, что прояснение смысла некоторых интересных для меня физических понятий может иметь более широкое значение.

Так с заочного знакомства с Кедровым на обсуждении его книги начались дни моего пребывания в аспирантуре сектора. Постепенно я начинал привыкать к новым людям, к новому образу мысли. Лавиной накатывались обязанности и негаданные проблемы. Время стужалось – обязательные семинары, подготовка к кандидатским экзаменам, попытки осмыслить избранную тему – понятия массы и энергии в современной физике.

Три года, проведенные в аспирантуре Института философии, а затем и долгое время работы в секторе (после окончания аспирантуры я сразу же был зачислен сотрудником) были для меня временем испытаний моих возможностей, временем удач и провалов, временем прояснения волнующих проблем и время и возвратов к состоянию отчаяния. Философия сама по себе не избавляет от состояния безысходности, но, по словам Боэция, может дать утешение. Мне трудно описывать картину столкновений добра и зла, часто воплощенную в поступках знакомых людей: подробности пережитого уходят из памяти, а сохранившееся может дать одностороннее представление о пережитом и о ситуации тех лет – люди еще живы и каждый может оценить события по-своему. И все же многое помнится, и порою возникают картины прошедшего. Но лучше я попытаюсь вспомнить о людях, с которыми меня сводила жизнь того времени, и прежде всего о тех, кто так или иначе оказал на меня влияние. Тем более что именно люди, с которыми мы общаемся – дружим или расходимся, – определяют наполненность нашего существования, так сказать, придают необходимый колорит картине жизни.

Рассказывая о людях, я невольно вспоминаю технические условия работы. Весь Институт философии занимал пять или шесть комнат на четвертом этаже большого здания, включая комнаты дирекции, бухгалтерии и вспомогательных служб. Сектор «Филосо-

фии естествознания» помещался за одним однотумбовым столом в большой комнате – каждому сектору по столу. Но рядом была библиотека, где можно было получить необходимую книгу. Парадоксально, но факт состоял в том, что теснота помещения создавала возможность непосредственного общения, а это было благом. Я думаю, что человеческое общение – это не просто единственная роскошь, по выражению Экзюпери, но, скорее, хлеб наш насущный. В тесной, заставленной столами комнате я непроизвольно имел возможность встречаться и разговаривать с известным уже тогда психологом С.Л. Рубинштейном, избранным в 1943 году чл.-корр. АН СССР. По господствующим тогда представлениям, психология числилась в ранге естественных наук. В то время в системе большой Академии не было института психологии. Насколько я могу помнить, ко времени моего поступления в аспирантуру, в Институте философии уже был создан сектор психологии, заведующим которого стал Рубинштейн. Но я могу предполагать, что, создавая сектор «Философии естествознания» в конце войны, С.И. Вавилов пригласил в качестве сотрудника сектора Рубинштейна, поскольку, как я уже заметил, психология числилась тогда в разряде естественных наук. И только позднее, возможно к 1946 году, выделился сектор психологии, который имел стол в той же комнате, что и сектор «Философии естествознания». Я не очень вникал в подробности структурных подразделений Института, и потому первоначально у меня создалось впечатление, что психологи являются сотрудниками нашего сектора. Так или иначе, главное было в том, что теснота – нет худа без добра – позволяла мне общаться не только с Рубинштейном, но и с всемирно известной Н.Н. Ладыгиной-Котс, написавшей удивительную книгу «Дитя шимпанзе и дитя человека». Вспоминаю, что в те годы зоопсихология, в которой она была специалистом, находилась под подозрением – не то как недонаука, не то как псевдонаука. Способствуя приему Ладыгиной-Котс в Институт философии, Рубинштейн смог тогда, в 1947 году, до начала всеохватывающей борьбы с космополитизмом, взять зоопсихолога под свое покровительство.

Когда я пришел в сектор, к заведованию только что приступил И.В. Кузнецов. Вавилова в качестве зав. сектора я уже не застал. Иван Васильевич позднее рассказывал мне, что сектор «Философия естествознания» был создан по инициативе С.И. Вавилова. Сергею Ивановичу удалось убедить партийные власти в том, что важнейшее условие успешного развития фундаментальной науки в стра-

не заключается в развертывании основательных исследований по философии науки. Первоначально С.И. Вавилов принял на себя руководство сектором в Институте философии, надо думать, по совместительству с основной работой. У меня нет документальных подтверждений сказанному – но так я запомнил рассказы И.В. Кузнецова о роли Сергея Ивановича Вавилова в организации сектора. Это были последние годы войны – пора больших ожиданий и надежд на возрождение свободной, нормальной творческой жизни, время надежд, которые, несмотря на немислимые тяготы войны, поддерживали людей в нашей тогда не просто нелегкой, но порою до боли невыносимой жизни.

В 1947 году в Институте был большой набор в аспирантуру. Но мне помнится, что в сектор, которым начал руководить И.В. Кузнецов, в том году удалось поступить только мне. Возможно, я кого-то упустил, не запомнил. Спустя года три или четыре и в последующие года появились новые аспиранты. А в год моего поступления я познакомился лишь с Николаем Будрейко, аспирантом Б.М. Кедрова, принятого в аспирантуру годом раньше меня. После войны он проявил настойчивый интерес к философским вопросам химии и, будучи в чине полковника, с трудом добился демобилизации ради поступления в аспирантуру к Кедрову. Помнится, он разрабатывал тему, связанную с периодической системой Менделеева. Волна повышенного интереса к философии науки тогда еще не поднялась. Более того, как мне теперь исторически открылось, заниматься философскими вопросам науки было в те годы непрестижно, если не опасно. Ныне я думаю, что только отстраненность от идеологических баталий и социальных глухих потрясений позволяла наивным смельчакам стремиться к таким занятиям. Специализация или погружение в общие вопросы науки часто закрывают нам возможность всмотреться внимательнее в окружающий социальный мир. И мы не подозреваем, что вошли в область риска быть предметом обвинения в идеологических грехах. Думаю, что Иван Васильевич осознавал всю непростоту работы в секторе, созданном С.И. Вавиловым. Всегда серьезное выражение лица, строгий и тщательно отглаженный костюм, неторопливые и основательно аргументированные суждения – таким помнится мне его облик. Он искренне верил в систему воззрений времени и понимал непростоту происходящего. Ничего лишнего в высказываниях – только относящееся к делу. Он безвременно скончался после инфаркта в конце 1970 года. Ему еще не было шестидесяти...

III. Воспоминания

Кандидатская диссертация все же была написана в срок. Помогли новые друзья – нашли мне спокойное пристанище – этого не забыть. Хотя тут уже я невольно коснулся событий моей частной жизни, от которой здесь приходится отвлекаться. Максимов оставался формально моим научным руководителем. Тогда было значительно меньше формальностей с прохождением защиты. Тем не менее молчаливое согласие руководителя на защиту было получено – бумаги не требовалось. В получении такого согласия помог Кузнецов, который стал фактическим руководителем в разработке темы. В тексте диссертации я никак не сослался на публикации Максимова – ни в отрицательном, ни в положительном смысле. Я выбрал фигуру умолчания. Это не логический, но, скорее, эмоциональный принцип. Хотя в оправдание можно сказать в данном случае, что в опубликованных работах Максимова я не увидел предмета серьезного научного или методологического рассмотрения, связанного с темой диссертации. Однако Кедров усмотрел здесь возможность решительной критики. На защите диссертации Бонифатий Михайлович выступил неофициальным оппонентом. В своем выступлении, как всегда в стиле живого и эмоционального обращения к слушателям, он представил некоторые утверждения Максимова в его публикациях как примитивную схематизацию проблемы, далекую от научного рассмотрения проблем, связанных с темой. И конечно же, он усмотрел в работах Максимова и идеологические пороки. И вместе с тем, в контексте критики Максимова Бонифатий Михайлович резко критиковал мою позицию умолчания. Он говорил о недопустимости проходить мимо ошибочных утверждений своего научного руководителя, утверждений, связанных с темой диссертации. Нападая на мою позицию, Кедров бросил крылатую фразу, которую мне невозможно забыть: напрасно диссертант побоялся критиковать своего научного руководителя, обошел молчанием его порочные воззрения – истина дороже кандидатской степени. В итоге ученый совет единогласно проголосовал за присвоение мне ученой степени. Позднее Кедров объяснил мне, что он сознательно в таком стиле критиковал мою работу, так как, по его мнению, именно такая критика положительно повлияла на результаты голосования. Мне это было трудно понять, но, по-видимому, Кедров хорошо знал и понимал психологические особенности своих коллег.

Мне уже пришлось обратить внимание на то, что сектор, куда я поступил и где долгое время работал, первоначально, по замыслу

С.И. Вавилова, был назван «Философия естествознания». Прошло несколько лет, когда после 1953 года у институтского начальства название сектора стало вызывать подозрение. У меня сохранился аттестат старшего научного сотрудника, подписанный президентом А.Н. Несмеяновым и датированный мартом 1954 г. Замечу, что в те годы не было детального «табеля о рангах», как ныне – младший, старший, ведущий, главный. Звание старшего, после младшего, было предельным «по рангу». В аттестате зафиксирована моя специальность: «Философия естествознания», а не «Философские вопросы естествознания», как это называлось многие годы позднее. Дата аттестата позволяет мне предположить, что изменение названия сектора и соответствующей специализации произошло где-то в середине 1954 года.

Помнится, летом того года Иван Васильевич, зав сектором «Философия естествознания», предложил мне, только что получившему звание старшего научного сотрудника, пойти вместе с ним на заседание дирекции Института. К тому времени Г.Ф. Александров уже оставил пост директора, ушел на «повышение», кажется был назначен министром культуры. Обязанности директора исполнял Цолак Александрович Степанян. В те годы Степанян проявлял себя с особенной активностью как специалист по научному коммунизму. Позднее, когда в этой деятельности он достиг признанных успехов, он был избран чл.-корр. Академии наук, надо полагать, как знаток новой науки. Широкое внедрение курса научного коммунизма в вузах и создание в то время соответствующих кафедр, насколько я помню из разговоров тех лет, с особенной настойчивостью выдвигалось именно Степаняном.

На заседании дирекции в полном ее составе, куда позвал меня Иван Васильевич, директор Института, как выражались тогда, поставил вопрос о ликвидации сектора «Философия естествознания». Аргументы Степаняна, по тем временам, были совершенно неотразимыми. После марта 1953 года на первый план в официальной идеологии стали выдвигаться работы Ленина. А у Ленина в его книге «Материализм и эмпириокритицизм» ясно сказано, что современная физика «идет к единственно верному методу, единственно верной философии естествознания» [Глава V, параграф 8], а именно к диалектическому материализму. Директор, казалось, вполне резонно утверждал: поскольку, согласно Ленину, единственно верной философией естествознания является диалектический материализм, то в структуре Института совершенно излишен сектор

«Философия естествознания». В Институте уже есть сектор диалектического материализма – зачем нам иметь два сектора с одним и тем же предметом исследования. Зачем дублировать работу?

Казалось невозможным найти аргументы в защиту сектора. Но И.В. Кузнецов в ответ на предложение о ликвидации сектора говорил, насколько я могу помнить, профессионально, а главное, идеологически по тем временам настолько убедительно, что заставил членов дирекции усомниться в предложении директора. Иван Васильевич, с понятным в этой ситуации волнением, но сдержанно, как это было для него характерно, убедительно разъяснял руководству Института проблематику сектора. Он стремился довести до сознания присутствующих, что ликвидация сектора и перевод сотрудников в сектор диалектического материализма будет означать не просто организационную перестановку, но ликвидацию определенного и весьма важного направления исследований.

Кузнецов обладал удивительной способностью убеждать высокое начальство, применяя при этом доступный и привычный этому начальству язык. Насколько я могу вспомнить, общий смысл речи Кузнецова на том заседании дирекции был следующим: он убежденно говорил, что тематика сектора вполне отвечает идеям Ленина, ибо книга «Материализм и эмпириокритицизм» дает нам образец конкретного анализа конкретной ситуации, сложившейся в науке в начале XX века. Сектор предназначен заниматься именно таким анализом на материале науки середины XX века. Кузнецов подчеркивал, что книга Ленина призывает нас детально, со знанием дела, разрабатывать философские вопросы современного естествознания. Сотрудники сектора исследуют, например, проблему причинности в квантовой физике, предпринимают анализ понятий массы и энергии, пространства, времени. Для этих исследований требуется основательно знать достижения современной науки.

Аргументы Кузнецова были весьма убедительными, а главное, идеологически обоснованными с точки зрения членов дирекции – аргументы были на уровне их понимания. Вспоминаю, что наступила некоторая пауза в обсуждении – надо было обдумать. Но вот кто-то сказал: Кузнецов говорил тут об отдельных философских вопросах естествознания, так давайте назовем сектор «Философские вопросы естествознания» и оставим сектор с таким названием в структуре Института. Так и решили.

С той поры это название и закрепилось, словно так и было с самого начала. Тогда я не придавал значения изменению названия

сектора – главное сектор сохранился. Наверное, так думал и Иван Васильевич. Но прошли годы, и я теперь вижу, что изменение названия затруднило и, можно сказать, закрыло на долгие годы разработку собственно философии науки. Сектор все эти годы занимался лишь «отдельными» философскими вопросами естествознания. Кузнецов вскоре был вынужден уйти с заведывания сектором. Новое руководство не придавало значение названию сектора, а между тем направление мысли на предмет исследования в его целостности открыло бы сектору путь к более значимым результатам.

Заканчивая краткие воспоминания, я сожалею, что не смог упомянуть многих и многих друзей и близких, без которых не мыслю своего существования и своей работы. Их ум, их устремления, их активность непреднамеренно оказывали на меня воздействие. Все они в моей памяти, и, может быть, мне еще представится возможность подробнее вспомнить о времени, о людях, которые помогли и спасали меня в трудные дни моей жизни. Я надеюсь на их доброту и память. Их молчание, по пословице, знак согласия и верности тому далекому времени – порою невыносимо трудному, но, по молодости, и счастливому.

В.Г. Буров

Субъективные заметки

Я озаглавил свои воспоминания об учебе и работе в Институте философии «Субъективные заметки», ибо буду говорить о событиях, участником которых мне довелось быть, и о людях, с которыми мне довелось встречаться, а подобного рода воспоминания всегда носят личностный, т. е. субъективный характер.

Впервые я оказался в здании, которое в настоящее время занимает Институт философии, летом 1954 года, сразу после окончания китайского отделения Московского института востоковедения. Дело в том, что уже во время учебы у меня появился интерес к китайской философии, но он не мог быть удовлетворен, мне не довелось слушать курс по истории китайской философии, который читал видный советский китаевед Аполлон Александрович Петров, еще до Великой Отечественной войны выпустивший монографию о китайском философе раннего Средневековья – Ван Би (она до сих пор не потеряла научного значения). Незадолго до моего поступления в Институт философии он безвременно ушел из жизни. На здоровье А.А. Петрова несомненно повлиял арест его жены – Аверкиевой, после которого он был снят с поста посла СССР в Китае, естественно, постоянно находился под подозрением. Я собрался поступать в аспирантуру именно Института философии, а не Института востоковедения, поскольку считал, что именно здесь смогу получить хорошее философское образование.

Но в 1954 году я не поступил в аспирантуру, поскольку у меня появилась возможность поехать на работу переводчиком в Китай. Через год повторил свою попытку – несмотря на заманчивое пред-

ложение остаться поработать в Китае – и был принят в аспирантуру Института философии. Я вспоминаю годы учебы в аспирантуре с большой теплотой, хотя, конечно, уровень преподавания в ней был тогда не тот, что в настоящее время. Например, семинары по Канту у нас вел Александр Федорович Окулов, который не был специалистом по данной теме. Но то, что он знал, он старался передать аспирантам. Лекции по истории философии у нас читал Михаил Александрович Дынник. Других преподавателей, откровенно говоря, не помню. Со мной вместе училось несколько человек – тогда набор в аспирантуру был небольшой, – во время учебы произошел трагический случай с одним из наших аспирантов – Ганенко (имя не помню), сыном первого секретаря Астраханского обкома. Он покончил с собой из-за неудачной любви к одной из красивейших молодых женщин Института – Эре Пчелкиной.

После окончания аспирантуры не сразу защитил кандидатскую диссертацию. Дело в том, что, поехав в 1954 году на работу в Китай, я решил посоветоваться относительно темы своей кандидатской диссертации с кем-либо из китайских специалистов. Сам я в этой области, как говорят китайцы, был «вайхан» (профан). Когда приехал на философский факультет Пекинского университета, мне посоветовали обратиться к доценту Жэнь Цзююю. По его совету выбрал тему, связанную с творчеством китайского мыслителя XVII века Ван Чуаньшаня. Как оказалось, этот китайский мыслитель был одним из самых плодовитых в истории китайской философии, многие его произведения представляли собой интерпретацию трудов философов предшествующих веков, что требовало знания идей многих китайских философов – от Конфуция до Ван Янмина. Расширенный вариант моей диссертации был опубликован в издательстве «Наука» в 1976 году.

Моим научным руководителем был Николай Герасимович Сенин, специалист по китайской философии Нового времени. В секторе истории философии, где я был аспирантом, работал также и Ян Хиншун, китаец, с юношеских лет живший в Советском Союзе, автор монографии «Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение». Конечно, с позиций сегодняшнего дня ему можно предъявить претензии в упрощенческом подходе и вульгаризации, но надо учитывать год ее издания – 1950. Достоинство монографии состояло в том, что в ней впервые на русском языке был опубликован перевод «Даодэцзина».

Следуя принципу «сяо» – сыновней почтительности, – который требует не только уважительного отношения к родителям, но

и старшим по возрасту и по положению, не собираюсь описывать тонкости моих взаимоотношений с Н.Г. Сениным и Ян Хиншуном, было все, но тем не менее благодаря им я приобрел вкус к научно-исследовательской работе в области истории китайской философии. Избежать догматического, схоластического понимания самой сути философских проблем мне помогло общение с Дмитрием Павловичем Горским, который, на мой взгляд, был одним из самых серьезных исследователей, работавших в Институте философии. Меня познакомил с ним Николай Георгиевич Комлев, который поступал вместе со мной в аспирантуру, но не был принят. Позднее он закончил аспирантуру филологического факультета МГУ, стал крупным специалистом по общему языкознанию и романо-германской филологии. Дмитрия Павловича Горского считаю своим неформальным наставником. Часто бывал у него дома, он объяснял мне смысл многих положений из философских работ, в которых я, естественно, не был силен, читал мои первые философские «опусы», высказывал по ним свои критические замечания. Полезные советы давал мне также А.Л. Субботин. Много поучительного почерпнул из общения с Э.В. Ильенковым.

В 1950-е годы Институт философии занимал всего лишь один – 5-й этаж, на 4-м находился Институт экономики, а на 1-м и 2-м – Институт истории (когда я еще только поступал в аспирантуру, на фасаде здания помещалась доска о выступлении Сталина на Конференции аграрников в 1929 году). Справа от лифта на 5-м этаже был диван, на котором любил сидеть Э.В. Ильенков и другие неформальные лидеры Института. Около этого дивана часто собиралась молодежь и внимательно слушала рассуждения своих тогдашних кумиров.

Где-то в начале 1960-х годов был создан сектор истории восточной философии (долгое время он находился в одной комнате с сектором истории русской философии), его возглавил Сергей Николаевич Григорян. В заслугу ему можно поставить создание первого в Советском Союзе коллектива профессиональных философов, занимающихся Востоком. Достаточно назвать имена, ставшие известными позднее в нашей стране и за рубежом, – Н.П. Аникеева, Б.С. Ерасова, Ю.Б. Козловского, А.В. Сагадеева, М.Т. Степанянц, Е.А. Фроловой. Особо хочу сказать о моем друге Артуре Владимировиче Сагадееве. Он был блестящим знатоком арабской философии, тонко чувствующим проблематику ислама. К сожалению, по различным объективным и субъективным причинам он не смог реализовать свои потенциальные возможности, тем не менее его

труды, в том числе переводы классических арабских текстов, еще долгие годы будут служить новым поколениям арабистов. Он бескорыстно оказывал помощь молодым философам из республик Советского Союза – Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана и, наконец, самой России. А.В. Сагадеев вообще был разносторонним философом – достаточно вспомнить, что именно ему принадлежат комментарии к «Метафизике» Аристотеля.

И во время учебы, и во время работы в Институте в советское время мне не раз довелось быть свидетелем идеологических кампаний, в ходе которых выдвигались обвинения против отдельных ученых в ревизии марксизма и марксистской философии. До сих пор помню обсуждение в 1970 году книги сектора исторического материализма «Ленинизм и диалектика общественного развития», в которой ряд авторов – В.Ж. Келле, Е.Г. Плимак, Ю.М. Бородай и др. – по-новому поставили вопросы исторического пути советского общества, диалектики объективного и субъективного в социальном развитии. Как говорят китайцы, они «совершили прорыв» (тупо) в теории. При этом грубой, неоправданной критике подверглись не только авторы книги, но и тогдашний директор Института Павел Васильевич Копнин – блестящий ученый, прекрасный руководитель и просто хороший человек. Я думаю, что именно эта критика сыграла немалую роль в том, что через год после обсуждения, в возрасте 49 лет, он ушел из жизни. Помню и другую аналогичную дискуссию по поводу статьи В.В. Соколова, в которой он в косвенной форме поставил под сомнение всего лишь абсолютизацию ленинского принципа партийности истории философии. В ходе этой и подобных «дискуссий» критика зачастую подменялась прямыми политическими обвинениями. Вспоминается анекдотический случай. Известный ревнитель идеологической и политической чистоты М.В. Белов (был такой сотрудник), выступая на одном из партийных собраний, сказал «Бородатые полезли», имея в виду, что некоторые сотрудники стали отращивать бороды. В ответ на это один из этих бородатых (Б. Грушин) справедливо заметил, что бороду носили и К. Маркс и Ф. Энгельс. Конечно, идеологический диктат оказывал отрицательное влияние на научные исследования в Институте, прежде всего это касалось так называемого научного коммунизма. Тем не менее «философия не кончалась», сотрудникам Института удавалось поддерживать высокий уровень своих исследований.

В течение одного года (1982–1983) мне довелось возглавлять существовавший тогда в Институте сектор критики антикоммуниз-

ма (был такой) – после Е.Д. Модржинской, умершей незадолго до этого. Я мало знал ее, поэтому у меня не сложилось определенного мнения о ее научной и политической деятельности. Сектор этот состоял из случайных людей, не обладавших необходимой научной квалификацией. Наиболее колоритной фигурой был Е.С. Евсеев, неадекватно воспринимавший национальную проблематику, попросту говоря, он был юдофобом, кроме того, он любил устраивать провокации, в том числе и на заседаниях сектора. Поэтому, когда Владимир Власович Мшвениерадзе предложил мне перейти в созданный им сектор философских проблем политики, я сразу же согласился. До сих пор с большой теплотой вспоминаю В.В. Мшвениерадзе, крупного ученого и отзывчивого человека. Ему удалось создать коллектив ученых высокой квалификации, достаточно назвать имена И.И. Кравченко, В.А. Подороги, Р.И. Соколовой, позднее в сектор пришли Т.А. Алексеева, Е.В. Осипова, Л.И. Спиридонова. Под его руководством сектор подготовил ряд серьезных трудов, в том числе монографию, посвященную философским проблемам, связанным с властью. После безвременной кончины В.В. Мшвениерадзе, сектор возглавила Т.А. Алексеева, а затем В.Н. Шевченко.

В Институте философии прошла, как принято говорить, вся моя сознательная жизнь. Конечно, не все удалось сделать из того, что было задумано, но все-таки главное осуществлено: кроме шести собственных монографий вышли под моей редакцией два тома «Древнекитайская философия. Эпоха Цинь» и «Древнекитайская философия. Эпоха Хань», «Вьетнамская философия Нового и Новейшего времени», готовится к изданию «Антология монгольской мысли». Работа над изданием переводов требует значительно большего времени и усилий, чем написание авторских монографий, ибо здесь необходимо хорошее знание первоисточников и прежде всего владение языком оригинала. Во всяком случае, изданные под моей редакцией переводы классиков китайской и вьетнамской философии до сих пор входят во все библиографии по истории Китая и китайской философии. К сожалению, продолжения работы, начатой нами – мной, М.Л. Титаренко, Р.В. Вяткиным, Л.С. Переломовым и др. – не видно, ибо переводы классиков философии, особенно восточной – весьма и весьма трудоемкое дело.

Оглядываясь назад, хочу сказать, что не жалею, что стал сотрудником Института философии, мне довелось встретиться здесь со многими интересными людьми, замечательными учеными.

А.Г. Мысливченко

Знаменательные дни

После защиты кандидатской диссертации в Московском областном педагогическом институте в 1958 году я был принят на работу в Институт философии АН СССР. Поскольку тема диссертации была связана с исследованиями истории возникновения и анализом малоизученной в то время философии немецкого экзистенциализма, требовавших знания иностранных языков, я был зачислен в новое подразделение, названное сектором подготовки всемирной «Истории философии».

Предшествовавший опыт создания обобщающих историко-философских исследований в советской науке был весьма ограниченным. Это книга Г.Ф. Александрова «Очерк истории новой философии на Западе» (1939) и «История философии», подготовленная Институтом философии АН СССР, под редакцией Г.Ф. Александрова и др. Первые два тома этого издания были удостоены Государственной премии, а третий том, вышедший в суровые годы войны, подвергся критике в партийной печати. Но ни переработка третьего тома, ни продолжение всего издания так и не осуществились. В целом же трехтомное издание «Истории философии» в качестве учебного пособия до сих пор пользуется успехом у студенчества. Между тем в новой духовной атмосфере, порожденной победой во Второй мировой войне, росла потребность в создании такой всемирной «Истории философии», которая была бы достойна статуса Советского Союза как великой державы.

Первая попытка в этом отношении была сделана в 1951 году, т. е. еще при жизни И.В. Сталина. Речь идет о публикации под гри-

фом Института философии АН СССР макета «Истории философии» (том второй), который целиком был посвящен истории марксистско-ленинской философии и издан для обсуждения. Об этой публикации, изданной тиражом в 850 экземпляров, сейчас мало кто знает. У меня сохранился экземпляр № 78. На нем вместо редколлегии обозначен «авторский коллектив»: Г.Ф. Александров, М.А. Дынник, М.Т. Иовчук, Б.М. Кедров, М.А. Леонов, М.Б. Митин, О.В. Трахтенберг. Видимо, никто из них не рискнул взять на себя роль ответственного редактора. Во времена культа Сталина «высываться» было небезопасно. Это был весьма внушительный по объему труд на 1202 страницах, большинство которых пестрело ссылками на И.В. Сталина (каждый раз с указанием полных инициалов и цитирований его «гениальных» высказываний по любым вопросам). Работа была сверх всякой меры политизированной, догматизированной и в целом производила удручающее впечатление.

Учитывать результаты обсуждения этого макета после смерти Сталина не понадобилось, но задача создания полноценной истории мировой философии продолжала оставаться актуальной. Для выполнения этой задачи в Институте был создан сектор подготовки всемирной «Истории философии», куда я и был зачислен. Многочисленным коллективом (примерно 17–19 человек) руководил Михаил Трифонович Иовчук. Энергичный по характеру, он отличался умением подбирать необходимые кадры, налаживать правильные взаимоотношения с сотрудниками сектора и членами редколлегии. В редколлегию, помимо М.Т. Иовчука, входили М.А. Дынник, Б.М. Кедров, М.Б. Митин, Т.И. Ойзерман, А.Ф. Окулов. Это были видные ученые, обладавшие большим научным и житейским опытом. Я считаю, мне очень повезло, что с самого начала довелось с ними работать как в качестве одного из авторов издания, так и в качестве заместителя заведующего сектором. Учитывая историко-философскую тематику моей научно-исследовательской деятельности в период написания кандидатской диссертации, а также знание иностранных языков, мне было поручено подготовить главы по истории философской мысли в ряде европейских стран, которые ранее, как правило, не были предметом специального изучения. Речь шла о Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, Нидерландах и частично Германии.

Объем работ по подготовке издания все время увеличивался. Необходимо было подобрать квалифицированный авторский состав не только из институтских и внеинститутских специалистов,

но и из многих зарубежных стран, организовать обсуждение поступающих материалов сначала на секторе, затем на редколлегии, многоступенчатое редактирование, перепечатку материалов в машинописном бюро и т. д. Кстати, в отличие от нынешнего положения, в те времена сотрудники имели право сдавать в машбюро свои плановые работы на бесплатную перепечатку. Для того чтобы координировать всю эту подготовительную научную и организационную работу, составлялись специальные графики сроков и этапов прохождения материалов с указанием ответственных. Ясно, что такая напряженка подчас приводила к срыву сроков и неудовольствию ответственных. Не выдержав этого бремени, Б.М.Кедров однажды заявил ко всеобщему удовлетворению ценителей академических свобод: «График – на фиг!»

Вспоминается еще один ставший крылатым афоризм, связанный с особенностями тогдашнего типографского производства. Оттиски с печатного набора, еще не сверстанные в страницы, обычно возвращались в редакцию для исправления ошибок («править гранки»). Если их было слишком много, то типография вынуждена была рассыпать металлический шрифт, что вело к удорожанию производства. Однажды после очередной конъюнктурной правки (в те времена она бывала довольно часто) послышались сетования, что новый набор текстов приведет к большим финансовым затратам. В ответ М.Б.Митин решительно заявил: «Перед лицом политики металл не звенит!»

В результате длительной работы на базе Института философии АН СССР вышли в свет шесть томов «Истории философии» (1957–1965). Впервые в советской и мировой науке была предпринята попытка дать анализ истории философской и социологической мысли не только в традиционно изучаемых крупных странах, но и в малых странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, которые ранее, как правило, оставались вне поля зрения исследователей. Этот труд явился плодом коллективных усилий многих советских философов, специалистов из социалистических и ряда капиталистических стран. Он был переведен в 12 странах. Выход в свет «Истории философии» оживленно обсуждался в печати, в научных учреждениях и учебных заведениях различных городов страны. В рецензиях отмечались не только положительные стороны труда, но и существенные недостатки. Президиум Академии наук в своем решении отметил, что «подготовленный и изданный в 1957–1965 годах Институтом философии АН СССР труд «Исто-

рия философии» в шести томах... несмотря на ряд недостатков, является серьезным достижением философской науки». В 1966 году Комитет по Ленинским премиям опубликовал в центральной печати список работ, допущенных к участию в конкурсе, в котором значился и названный труд. Но М.Т.Иовчук прозорливо советовал конкурсантам – не торопиться сверлить дырочки в лацканах пиджаков... Так оно и вышло, премию не присудили. Причины этого решения мне неизвестны.

Сейчас, по прошествии многих лет, названному труду можно дать более объективную оценку. Это была первая попытка охватить всемирный историко-философский процесс с древнейших времен до 1960 годов XX века. В отличие от трехтомной «Истории философии» и западных европоцентристских концепций, в шеститомном труде представлена и философия стран Востока. Вместе с тем, уровень анализа снижался вследствие расширительного понимания предмета истории философии, раздробленности материалов, проявлений схематизма и упрощенчества в освещении историко-философского процесса. Главы, посвященные анализу западно-европейской философии, по своему профессиональному уровню уступают соответствующим главам в трехтомной «Истории философии». Отсутствовал анализ творчества ряда видных мыслителей Средневековья, Возрождения и Нового времени.

Участие в работе по написанию глав для всемирной «Истории философии» дало мне возможность сконцентрироваться на подготовке отдельной монографии, посвященной истории философской мысли в Швеции, начиная с ее зарождения, этапов развития и до современной эпохи. В процессе работы с первоисточниками шведской философской мысли обнаружилось, что многие из них отсутствовали в наших библиотеках. Поэтому пришлось выписывать их из Стокгольма по международному библиотечному абонементу. Некоторые из заказанных мною книг Шведская королевская библиотека любезно передала в дар Государственной библиотеке СССР. В результате отечественные книжные фонды пополнились собраниями сочинений виднейших представителей шведской философии XVIII – первой половины XIX века: Э.Гейера (в десяти томах), Б.Хойера (в пяти томах) и Т.Турильда (в трех томах). Кстати, названные имена нашли достойное место и в нашей «Новой философской энциклопедии» (2000–2001). Опубликованная в 1972 году книга «Философская мысль в Швеции» явилась первым и пока единственным в отече-

ственной литературе систематическим исследованием истории философии в этой стране.

Осуждение культа Сталина в конце 1950-х годов способствовало ослаблению в Советском Союзе жесткого идеологического контроля. Расширилась тематика философских исследований, возрос интерес к ранее запретным темам, стали более активными связи советских философов с зарубежными коллегами, их участие в международных философских конгрессах. В 1960–1980-х годах происходил постепенный отход ряда творчески ориентированных философов от догматических канонов, формировались школы, условно говоря, гносеологистов, логицистов, сциентистов, антропологистов и др. Унифицированная версия марксистской философии все более уступала место нетрадиционным, более гибким подходам. За рубежом появились различного рода неортодоксальные версии марксизма – неомарксизм, еврокоммунизм, западный марксизм, китайский марксизм и т. д.

В этих условиях росла потребность в систематическом изучении современного состояния и тенденций развития марксистской мысли в зарубежных странах. Ранее она изучалась спорадически, так как не было единого научно-исследовательского организационного центра. Поэтому после завершения задач, возлагавшихся на сектор подготовки всемирной «Истории философии» (1957–1965), на его базе в Институте философии были сформированы сектор современной марксистской мысли социалистических стран и сектор марксистской мысли в капиталистических странах. Вскоре они были объединены в единый сектор современной марксистской философии за рубежом (зав.сектором с 1973 по 1990 год – А.Г. Мысливченко).

В результате предпринятых усилий с начала 1970-х годов впервые в истории советской науки начало развиваться сравнительно новое направление в научных исследованиях – систематическое и всестороннее изучение современного состояния и тенденций развития марксистской философской мысли в зарубежных социалистических и капиталистических странах.

Первым результатом этой деятельности явилось опубликование в Институте философии (1974–1979) серии трудов, охватывающей 10 коллективных и индивидуальных монографий, каждая из которых посвящена анализу марксистской философии в отдельной стране: Болгарии (авторы Е.И. Степанов, В.И. Цыплаков и др.), Венгрии (М.А. Хевеши), ГДР (А.С. Богомолов, Т.Т. Гайдукова), Польше

(П.Ф.Казин, А.П.Ермилов и др.), Румынии (А.Д.Мазылу), Югославии (С.М.Брайович), Англии (В.Н.Подкуйченко), США (И.И.Черкасов), ФРГ (Я.Г.Фогелер, Р.И.Соколова), Канады (И.И.Черкасов). Тем самым была создана библиотечка зарубежной марксистской философии (по странам), которая представляла собой сравнительно полную по тем временам аналитическую информацию о состоянии марксистской мысли в той или иной зарубежной стране.

На базе этих исследований сектор подготовил и опубликовал в 1984 году в издательстве «Наука» фундаментальный коллективный труд «Современная марксистско-ленинская философия в зарубежных странах» (руководитель авторского коллектива – А.Г.Мысливченко). Этот труд представлял собой первое в советской науке обобщающее исследование основных этапов, проблематики и тенденций развития марксистской философии в тогдашних европейских социалистических странах и ряде капиталистических стран Западной Европы и Америки за период после окончания Второй мировой войны до 80-х годов XX века.

В качестве авторов или соавторов названного труда выступили сотрудники сектора: А.Г.Мысливченко (введение и заключение), В.Д.Скаржинская (глава по Чехословакии), С.Н.Обидная (по ГДР), Е.И.Степанов и В.И.Цыплаков (по Болгарии), П.Ф.Казин (по Польше), Е.Ф.Помогаева (по Англии и Канаде), О.В.Илларионов (по Италии), Р.И.Соколова (по ФРГ), И.И.Петров (по Австрии и ФРГ), И.И.Черкасов (по США и Канаде), В.А.Анишин (по Аргентине), В.А.Подорога и Т.А.Сахарова (по Франции). Из других учреждений в авторской работе приняли участие М.Н.Грецкий (МГУ), Я.Г.Фогелер (ИОН при ЦК КПСС), А.Д.Мазылу (АОН при ЦК КПСС), З.Т.Голенкова (ИСИ).

Книга «Современная марксистско-ленинская философия в зарубежных странах» была переведена в Китае (1986) и Чехословакии (1987). Рецензенты отмечали, что важная особенность труда – новизна всего материала. Ни в советской, ни в зарубежной науке подобного рода работ еще не было. Авторы труда сталкивались с трудностями, связанными с необходимостью изучения огромного количества книг и журналов на иностранных языках, необходимостью жесткого отбора из этого массива наиболее важных и наиболее интересных работ, умением разбираться в сложных политических ситуациях, требующих от исследователя высокой научной и политической зрелости, большого политического такта в оценке тех или иных персоналий, книг и т. д.

Важное место в работе сектора занимало развитие сотрудничества с зарубежными философами. Примером такого сотрудничества явилось опубликование книги «Проблемы гуманизма в марксистско-ленинской философии» (1975). В ней приняли участие видные ученые из Болгарии (С. Ангелов, В. Момов), ГДР (М. Бур, М. Клайн), Польши (Т. Ярошевский), Румынии (А. Вальд, А. Тэнасе), Чехословакии (Р. Рихта, И. Филипец, В. Румл). Был организован ряд симпозиумов философов СССР, Болгарии и Румынии. Сотрудники сектора принимали участие в работе двусторонней Комиссии философов СССР и ГДР.

Сектор выступил инициатором и организатором установления научных связей с философами Югославии. В результате впервые и истории взаимоотношений между Институтом философии АН СССР и отделением общественных наук Сербской академии наук и искусств был заключен рабочий план научного сотрудничества между ними по теме «Общее и особенное в развитии философии, науки и современного мира». В соответствии с этим планом в 1985 году в Москве состоялся первый теоретический семинар. В 1986 году в Белграде состоялся второй семинар, на котором обсуждалась тема «Теоретические и методологические проблемы науки о человеке».

В целом опубликованные сотрудниками сектора работы давали читателям оперативную информацию о процессах, происходивших в идейно-философской жизни многих зарубежных стран не только в сфере официального марксизма, но и в различных неортодоксальных его версиях (неомарксизм Франкфуртской школы, фрейдомарксизм, философия праксиса, структуралистское направление и др.). Тем самым читатели в различных странах имели возможность соотносить и сравнивать уровень разработки философских проблем в своей стране с уровнем их разработки в других странах.

В связи с реорганизацией Института философии в 1992 году на базе вышеназванного сектора был создан сектор истории политической философии (зав. сектором И.К. Пантин, с 2006 года – М.М. Федорова).

М.Т. Степанянц

Думая о былом

Юбилейный для Института философии 2009 год – юбилейный и в моей личной биографии: 50 лет с того дня (с 1-го сентября 1959 года), как я стала его сотрудником. Случилось это, можно сказать, случайно, не по моей воле, а, скорее, вопреки моим желаниям и намерениям.

Никогда не думала, что после окончания МГИМО попаду на работу в Институт философии. Предлагали поступить в аспирантуру по трем кафедрам: история Индии, индийская экономика и литература. Но меня тянуло на практическую работу. Возможно, подобное желание возникло под непосредственным воздействием преддипломной четырехмесячной стажировки в Посольстве в Индии. Мальчиков направили на работу в МИД и другие организации, связанные с заграничной работой. А меня, единственную девочку в группе индологов из 15 человек, из-за принадлежности к женскому полу (другие «весомые» причины отсутствовали, так как я была отличницей на протяжении шести лет учебы) в указанные учреждения не взяли. Оставалось принять предложение государственной распределительной комиссии идти на работу в Институт философии.

В конце 1950-х годов Сергей Николаевич Григорян (иранист по образованию) задумал создание сектора по истории восточных философий. В 1958 году в Институт взяли из числа выпускников МГИМО китаиста Эдика Баталова, кореиста Толю Ушкова. В тот же год, что и я, был принят на работу арабист Артур Сагадеев, а в аспирантуру – китаист Владилен Буров. Поскольку сек-

тор еще не был создан (он был учрежден в 1960-м году), собеседование проводила Е.Д. Модржинская, руководившая сектором научной информации. После беседы я пришла в слезах к ректору МГИМО Ф. Рыженко (который, кстати, был моим преподавателем марксизма-ленинизма). Но он сказал мне: «Мара, ты глупая девочка. Институт философии – замечательное учреждение. Поверь, ты поймешь, что тебе на самом деле очень повезло. Если не захочешь оставаться в нем, осенью вернешься, за тобой остаются возможности поступления в аспирантуру, и преподавания в МГИМО». В конце сентября 1959 года – звонок из ректората: «Как твои дела?» Ответ был: «Я счастлива!»

Я попала в философское сообщество в замечательное время! Замечательное, потому что в нем зрели грядущие перемены. Судьба подарила возможность оказаться в среде поистине необыкновенных людей – высокообразованных, талантливых, увлеченных, свободомыслящих. Думается, что, на самом деле, настоящее образование я обрела только в Институте философии.

Философское образование обреталось не столько изучением соответствующей литературы, посещением лекций (самыми замечательными из которых были лекции профессора К.С. Бакрадзе по немецкой философии), но в основном благодаря общению с образованными людьми, главным образом из числа сверстников.

Поначалу я была не то чтобы растерянна, но не столь уверена, сколь привыкла чувствовать себя ранее, будучи студенткой. Лишало уверенности снисходительное, если не высокомерное, отношение со стороны выпускников философского факультета. Дело не только в том, что я не принадлежала к их числу. Главное, пожалуй, состояло в том, что традиционное философское образование, в котором господствовал западноевропейский подход, практически игнорировало Восток. Греция была и прочно оставалась для них единственной «колыбелью» философии. Приход в Институт востоковедов казался многим неуместным, неоправданным с точки зрения высокой философской мысли. Отсюда, с одной стороны, «недоумение» коллег по поводу появления в их среде востоковедов, а с другой – наше собственное ощущение профессиональной беспомощности.

В зале (на 5-м этаже), где размещался сектор научной информации, работало около тридцати молодых людей. Слева от меня (в первом ряду, за столом, упирающимся в стену) сидел Олег Дробницкий, за спиной – Нина Юлина, Вадим Садовский, Тамара Кузь-

мина, пришедшие в Институт в 1958 году В те времена было положено трудиться шесть полных рабочих дней недели. Это было тяжело, утомительно, но зато давало возможность ежедневного общения, прежде всего во время коротких перерывов. Перерывы инициировали обычно курильщики, а курили практически все. Я и в этом смысле была «белой вороной». Но подобный статус меня не очень-то смущал. Стоило «курильщикам» выйти на лестничную площадку 5-го этажа, как я тот час же присоединялась к ним, вдыхая, прямо скажем без удовольствия, папиросный дым, ради возможности услышать умные, ранее неведомые мне речи. Хотя все получали удовольствие от подобного рода «тусовок», однако особенно не злоупотребляли отрывом от важных занятий – сосредоточенного погружения в тексты на иностранных языках, которые были обязаны переводить или реферировать. Помню, как сердила Олега Дробницкого, сидевшего со мной «локоть в локоть», моя излишняя, с его точки зрения, непоседливость. Ему не понять было поначалу моих проблем. Хотя мое владение английским языком (в силу специфики учебного заведения, которое я закончила) было в принципе лучше, чем у многих, если не большинства, сидевших рядом, тем не менее я испытывала большие трудности при переводе, скажем, материалов международного социологического конгресса. Вроде бы все слова были известны, но в связке смысл их был непонятен. Оттого и тяготило затянувшееся сидение за столом. Хотелось встать, выйти из комнаты, передохнуть. Поразительно, что через год, когда пришлось перечитывать сделанные мною же рефераты, эта непонятность исчезла. Сказалось благотворное погружение в философскую среду.

Другой ежедневной формой общения был часовой обеденный перерыв с непременно долгим стоянием в очереди. (Столовая, расположившаяся в двух просторных залах, находилась на первом этаже, в конце коридора, справа от раздевалки.) Очередь открывала новые возможности: не узко секторского, а междисциплинарного общения. Так я смогла познакомиться и подружиться с Андреем Брушлинским, Ксаной Славской (Абульхановой), Игорем Акчуриным, Вадимом Казютинским, Владиком Лекторским, Генрихом Батищевым.

Помимо столовой, поистине центром общения для всех нас был научный кабинет, т. е. библиотека. Книжный фонд Института отличался богатством, разнообразием, наличием редких изданий, включая те, которые приходилось читать в так называемом

спецфонде, доступ в который требовал особого разрешения: «закрытые» книги и журналы выдавались в строгом соответствии с областью индивидуальных занятий. Но, пожалуй, не меньшее значение в объединительной роли «научного кабинета» играл субъективный фактор. Многие годы его заведующей была Вера Орлова – Библиотекарь, поистине с большой буквы, человек образованный, преданный своему делу и вообще Институту, общительный, необыкновенно теплый, отзывчивый. Кстати, именно Веруся, как многие из нас любовно называли ее, была у меня свидетелем на свадьбе.

Особое место в жизни сотрудников, главным образом сектора информации, занимали воскресные лыжные походы. Их постоянными участниками были Олег Дробницкий, Тамара Кузьмина, Вадим Садовский, Нина Юлина, Аза Зыкова, Сильва Кедрова. Позже к нам присоединилась Ира Вдовина с мужем и маленькой дочкой, которую привязывали к санкам и так везли за собой вдоль всего

Сотрудники Института философии в колхозе
Слева направо сидят: Э. Соловьев, Л. Колесникова, А.
Зиновьев, Л. Митрохин, В. Мшвениерадзе, И. Фиалкова.
Начало 1960-х гг.

лыжного маршрута. А маршрут был практически один и тот же: на электричке доезжали до станции «Правда». В привокзальном магазинчике покупали скромный провиант, которым заполняли рюкзаки, а далее более двух часов «бросок» до тети Ньюши. Жила одноногая старушка в избушке на опушке леса. К нашему приходу у нее уже был разогрет большой самовар. Ребята отправлялись рубить дровишки для печки, а женская половина, добыв из подпола картошку, занималась ею – ведь то была самая главная составная нашего пиршества. Чаепитие (Садовский выпивал до 12–14 стаканов чая!) было многочасовым и сопровождалось горячими спорами по философским ну и, конечно же, политическим вопросам. Почему-то особенно запомнилось горячее обсуждение «Бесов» Достоевского. В обратный путь собирались уже затемно, пробирались к станции при лунном свете.

Были и другого рода поездки – ежегодные, зимние, агитбригадные в подшефные колхозы. Такие мероприятия готовились и про-

Агитпоход в подшефные колхозы (1960 г.).

В центре сидят: Э. Соловьев и М. Степанянц;

стоят (справа налево): Л. Митрохин, Э. Гирусов и С. Плотников

водились совместно сотрудниками трех институтов. Напомню, что в те времена в доме на Волхонке, 14 размещались помимо философов, историки (на 2-м этаже) и экономисты (на 3-м). Агитбригады организовывались комитетами комсомола, хотя среди участников были представители старшего поколения, самыми замечательными из которых были, конечно, Эвальд Ильенков и Саша Зиновьев. Мы отправлялись довольно далеко, в заброшенные подмосковные деревни-колхозы, где не было еще телевизоров. Размещались в спортзалах школ, или же нас расселяли по дворам. Нередко спали на полу, застланном сеном, по соседству с курами и другой домашней живностью. В наши задачи входило «просветить» каждую деревню на своем пути лекцией, стенной газетой и концертом самодеятельности.

Концерты самодеятельности включали обычно номера из репертуара ранее проведенных на Волхонке праздничных мероприятий, посвященных красным датам советского календаря. Сегодня изумляюсь собственной наивности, граничащей, кажется, с глупостью: я умудрилась танцевать индийский танец! Этот «коронный» номер я начала исполнять еще в студенческие годы на вечерах самодеятельности в МГИМО. Несколько студенток индийского отделения восточного факультета, насмотревшись популярных в те времена индийских кинофильмов, решили воспроизвести увиденные на экране танцы.

Придя на работу в Институт философии, я решила показать «индийские танцы» на новогоднем концерте. Вечер проходил в зале, где ныне заседает ученый совет. Правда, имелось в нем нечто подобное сцене: возвышение высотой в одну-две ступени, предназначенное для стола президиума собраний или ученых заседаний. Поскольку в зале было тесно, первые ряды стульев располагались почти вплотную к «сцене», и на них восседали самые почтенные сотрудники из числа академиков, членкоров и представителей дирекции. Записать музыку на магнитофон не удалось. Так что танцевала я под собственный аккомпанемент, воспроизводя голосом нечто напоминающее индийские мотивы. Одна из коллег, старшая по возрасту, сотрудница нашего сектора, была шокирована. «Я была лучшего о тебе мнения, – призналась она. – Как ты могла решиться на столь глупый шаг?» Но остальные зрители были довольны, аплодировали. Мой успех воодушевил девушек из института экономики. Они попросили меня приобщить их к своему «мастерству», и вскоре, кажется, то был

вечер, посвященный 8 марта, нас на настоящей сцене в актовом зале на 2-м этаже было уже трое!

Однако вернемся к воспоминаниям о поездках в колхоз. Я продемонстрировала там свои танцы одна, но зато в сопровождении сидевших на той же сцене, скрестив на индийский манер ноги, трех «экономистов». Колхозницы смущенно прикрывали глаза, чтобы не видеть «срамоты» – голых моих пяток, а тем более просматриваемой за сари обнаженной части талии, неизбежной из-за короткой кофточки-чоли, традиционного наряда индеек. Колхозники же мужчины подсмеивались и отпускали, правда не слишком громко, какие-то реплики. Сегодня такая реакция кажется странной, но по тем временам, когда в отдаленных деревнях отсутствовало телевидение, подобного рода «смущение» было естественным.

Я не помню, чтобы Эвальд Васильевич принимал участие в каком-либо виде агитационной программы. Что касается А. Зиновьева, то он, как нетрудно догадаться тем, кто знает историю наших институтских стенных газет, был главным художником-карикатуристом на темы, подсказанные самими колхозниками. Но главное, конечно, было не участие этих двух высоко чтимых молодежью философов в каких-либо походных делах, а их присутствие: для всех было счастьем оказаться рядом с ними, иметь возможность провести вместе несколько дней.

Читателю может показаться странным, почему я выбрала для воспоминаний сюжеты из обыденной жизни Института. Попробую объяснить. Недавно в конце рабочего дня Вячеслав Семенович Степин, заглянув на минутку в наш сектор, провел в нем более часа. Нас было двое, и мы говорили сначала о важных делах сегодняшнего дня, а затем незаметно предались воспоминаниям о прошлом. Оба, как это типично для людей нашего возраста, ностальгировали о временах, которые кажутся нам «золотыми». Дело не только в том, что один за другим из жизни уходят замечательные личности поколения, находившегося на взлете в 1960–1970-е. В конце концов, каждый понимает естественность и неуклонность этого процесса. Утрачивается, уходит в небытие то особенное, что можно, наверно, называть «духом сообщества». Яркие, неповторимые личности, конечно же, были индивидуальны, каждый имел свою позицию, которая зачастую вступала в конфронтацию с мнениями других, и тем не менее не было изолированности, отстраненности друг друга. Напротив, существовала тяга к общению, к творческой полемике,

к взаимодействию, к соучастию в том, что можно в определенном смысле назвать философским «товариществом»!

Неуловимым образом в создании особой атмосферы, необходимой для формирования и поддержания указанного духа, сыграл свою незаменимую роль дом на Волхонке, 14.

IV

Интервью

Т.И. Ойзерман

Ведущее философское учреждение страны

А.В. Черняев: *Теодор Ильич! Вы – поистине «патриарх» нашей философской науки, Ваш жизненный и профессиональный опыт уникален, ибо включает знание «изнутри» всех главных центров подготовки философов и развития философии в нашей стране, – включая МИФЛИ, МГУ, Институт философии, – начиная с 1930-х годов. Наверняка Вы можете поделиться интереснейшими воспоминаниями?*

Т.И. Ойзерман: Да, я помню некоторые эпизоды из самых ранних лет существования Института философии. Как известно, Институт был основан на базе секции философии Коммунистической академии. И мне довелось, будучи еще студентом 1 курса философского факультета ИФЛИ, присутствовать на одном из заседаний этого первого Института философии Комакадемии в 1933 году. Официально собрание было посвящено 25-летию книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», которая вышла в 1908 году. Я потому и пришел туда, что тема меня заинтересовала. Однако фактически повестка дня далеко выходила за рамки этого вопроса, и в целом мероприятие оказалось еще более интересным, чем я мог первоначально предположить. Дело в том, что там присутствовали А.М. Деборин, Л.И. Аксельрод (Ортодокс), Георг Лукач и некоторые другие известные люди. Председательствовал М.Б. Митин, который стал обвинять этих людей в том, что они стоят на позициях буржуазного объективизма, что игнорируют принцип партийности в философии, ленинский этап в философии и т. п. То есть он достаточно бурно излагал то, что было сформули-

ровано еще в постановлении ЦК 1930 года, когда Деборина сняли с поста ответственного редактора журнала «Под знаменем марксизма», многих других снимали с занимаемых постов, кое-кого и посадили. Постановление было результатом того, что М.Б. Митин, П.Ф. Юдин и их товарищи обвинили Деборина в формализме и написали письмо И.В. Сталину о том, что в Комакадемии вместо того, чтобы изучать марксизм, изучают Гегеля. Сталин это письмо прочел, пригласил Митина с Юдиным и сказал, что они правильно подвергли критике Деборина, только недостаточно, потому что тут не просто формализм, а гораздо более вредное явление – «меньшевистствующий идеализм». После этого Митин, Юдин и их люди заняли главные позиции на т.н. «философском фронте» и продолжали «долбать» старых представителей марксистской философии. А те считали за благо непрерывно каяться, признавать свои ошибки – реальные или не очень, – тогда это было лучшим способом сохранить себя. Деборин и Аксельрод остались на свободе и выступали на том собрании, свидетелем которого я был, причем все время каялись. Мне, студенту 1 курса, было тогда малопонятно, почему эти солидные, заслуженные люди так унижаются и при том все время ссылаются на Маркса, на Ленина, на Сталина. По сути дела, Деборин после всего этого из философии ушел и стал заниматься историей: единственная книга, которую он выпустил затем, была книга по истории. А раньше он был главным идеологом, директором Института философии Комакадемии. Деборин был человеком гораздо более образованным, чем Митин и Юдин, хотя уровень оригинальности в его текстах невысокий, фактически это просто популяризация Г.В. Плеханова.

Таким было мое первое знакомство с Институтом философии. В предвоенные годы мне еще не раз доводилось бывать там, но ничего столь запоминающегося в этом уже не было. А после войны началась известная философская дискуссия. К тому времени я уже наконец-то демобилизовался и работал доцентом в Экономическом институте имени Г.В. Плеханова, поскольку в МГУ меня принять отказались, хотя я еще до войны работал старшим преподавателем на философском факультете и как фронтовик мог обратиться в прокуратуру и добиться возвращения на прежнее место работы. Но я не стал настаивать на этом. А в Плехановском институте я работал с большим удовольствием, как бывает после долгого перерыва в любимом деле. Подружился даже с директором Иваном Кузьмичом Верещагиным. Он зашел однажды на мою лекцию и потом

говорил, что, если бы у него было свободное время, он каждый раз посещал бы мои лекции.

А.Ч.: *Для многих наших философов, и не только для них, фронтовая жизнь оказалась важным фактором личностного, мировоззренческого становления. Ведь пребывание на фронте Великой Отечественной, когда Вы строевым офицером дошли до Берлина, – это не только экзистенциальный опыт «пограничной ситуации», но и встреча с культурой других стран, с другими людьми, с другой жизнью, с другими идеями. На философски мыслящего человека все это не могло не оказать воздействия?*

Т.О.: Война реально познакомила нас с тем, как живут люди в капиталистических странах. Пришли мы в Германию, разоренную страну, тем не менее мы видели, что люди живут не бедно, на крестьянских дворах по 2–3 коровы и т.д. Правда, во время войны и непосредственно после нее и там была карточная система и в одни руки выдавали мало продуктов. Другое дело, что, когда советский офицер приходил в магазин и говорил «А мне, пожалуйста, полкило колбасы», – продавщица не могла отказать. Естественно, что мы видели там другую жизнь. Потом, когда нашу армию отправили назад в Россию, меня и еще двух человек, достаточно хорошо знающих немецкий язык, послали в Австрию, где находились наши оккупационные войска. Политуправление Центральной группы войск, в которое я был назначен, находилось под Веной, в маленьком городке Баден, главной достопримечательностью которого были сероводородные источники. Я был назначен лектором, с обязанностью выступать перед населением и убеждать их в превосходстве советской системы. Австрийцы упорно не хотели этого понимать, тем более что наша администрация ввела 8-часовой рабочий день, а у них до этого уже был 7-часовой. Я им, конечно, всячески втолковывал, что ведь это нужно им самим, чтобы быстрее восстановить разрушенное хозяйство, но все это было малоубедительно, и на выборах компартия получила очень мало голосов. Социал-демократы получили побольше, а победу одержала консервативная партия «Фолькштимме», т.е. «Народный голос», которая опиралась на христианско-демократическую программу.

Наблюдая все это, наши солдаты и офицеры, естественно, вспоминали, что говорила советская пропаганда, которая твердила об ужасающей жизни за рубежом. Ведь догма о прогрессирующем обнищании рабочего класса все еще проповедовалась в наших учебниках. А между тем мы видели, что быт рабочих был вполне налажен

по тогдашним понятиям. Причем солдаты были особенно впечатлительны, больше чем мы, офицеры. Многие из них сходились с немцами или с австрийцами и, более того, подавали заявления, что они хотят жениться. Командование в таких случаях всегда принимало очень простое решение: отправить такого солдата назад в СССР.

А.Ч.: *Значит, языковой барьер не был помехой для «языка чувств»?*

Т.О.: У солдат со знанием немецкого языка, конечно, было очень плохо, а что касается офицеров, то они старались по мере сил осваивать хотя бы самые необходимые слова и обороты. Но вообще, когда между молодым человеком и молодой женщиной возникает какая-то связь, они вполне могут обходиться без лишних слов. Один мой товарищ, подполковник Башкин, имел такую связь с молодой австрийской женщиной, которая работала у нас в управлении, была членом коммунистической партии, и он решил на ней жениться. Но тут ее как раз арестовали по обвинению в шпионаже. Я в то время уже успел добиться демобилизации и узнал об этом из рассказа Башкина, когда он приехал в Москву. Его самого не посадили, но исключили из партии, демобилизовали и т. д. К счастью, у этого Башкина было личное знакомство с М.А. Сусловым, потому что он когда-то работал в Краснодарском крае, где Суслов был секретарем крайкома, и имел с ним какие-то контакты. Поэтому он смог каким-то образом попасть в приемную Суслова и добиться аудиенции. А потом получилось так, что ту женщину освободили, потому что было установлено, что она не была шпионкой, хотя год ее продержали в заключении.

Конечно, мы все ожидали, что в СССР наступят новые времена, что кончатся преследования людей – ведь только в моей студенческой группе арестовали четырех студентов, и лишь один из них уцелел. Это Василий Бродов, он потом стал профессором. Из-за него я сам чуть не «погорел». Мы с ним были друзьями, и когда его арестовали, я по глупости сказал кому-то, что не понимаю, за что Ваську арестовали. На меня «настучали», немедленно было собрано комсомольское собрание, и меня исключили из комсомола. Конечно, я ходил как воду опущенный, но вдруг через месяц Ваську выпустили. А меня вызвали в райком комсомола и спросили, признаю ли я свою вину. И мне пришлось сказать, что, конечно, признаю, что я не должен был сомневаться, а то, что его потом выпустили, только показывает, что НКВД всегда действует справедливо, во всем разбирается, как следует. После войны появились ожидания, особенно

среди фронтовиков, что многое должно измениться. Сталин понимал, что начинается какое-то идеологическое брожение, и отсюда вся эта кампания началась: и борьба с космополитами, и против музыкантов, и критика формализма. Эти мероприятия должны были восстановить прежнюю идеологическую атмосферу, хотя, конечно, в полной мере это было уже невозможно.

А.Ч.: *Ведь идеологическая «профилактика» началась еще во время войны и затронула как раз Институт философии, подготовивший учебное пособие по истории философии?*

Т.О.: Да, во время войны было известное постановление ЦК по третьему тому «Истории философии», выпущенному силами Института. А потом, в 1947 году, началась дискуссия по книге академика Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» – автора обвиняли в повторении тех же ошибок, в игнорировании партийных указаний. Александров был моим научным руководителем по кандидатской диссертации, которую я защитил перед самой войной, и у нас с ним сложились довольно хорошие отношения. Конечно, когда он стал работать начальником управления пропаганды и агитации ЦК то я, естественно, не смел обращаться к нему, даже когда вернулся после войны. Но вскоре, после дискуссии 1947 года, он лишился своего высокого поста, был «сослан» на должность директора Института философии и опять стал для меня доступным человеком.

В ходе дискуссии по поводу книги Александрова выявились очень интересные черты. Речь также шла и об Институте философии. Обнаруживалось, что Институт практически не выпускает никаких книг. Только трехтомник «История философии», да и тот ведь был сделан в значительной части не работниками Института, потому что даже если взять главную редакцию, то почти все члены ее не были его сотрудниками: Александров (на тот момент), Б.Э. Быховский, Юдин, Митин, В.Ф. Асмус. Кое-кто, конечно, был – скажем, Л.А. Коган. В связи со всем этим вспоминается выступление З.А. Каменского. Я знал его еще со студенческих лет, потом мы работали вместе в одном секторе в Институте философии. Его выступление на той дискуссии было, пожалуй, единственным по-настоящему честным и достойным. Он говорил следующее: «Наша философская литература чрезвычайно бедна. Нами, рядовыми работниками философской науки, создано больше научных работ, чем напечатано. И только порочные способы организации работы в области философии мешают нам доводить результаты своих ис-

следований до конца и делать их достоянием народа. У многих рядовых научных работников неопубликованных работ гораздо больше, чем напечатанных. Почему же получается подобное положение, что наша философская наука не может нормально развиваться ввиду отсутствия исследовательских работ, а те немногие из них, которые все же созданы, не публикуются? Одной из важнейших причин этого являются бюрократические и протекционистские пороки в организации научной работы. Эти пороки – одна из форм той групповщины, которая, как мы теперь установили, отличала руководство философской наукой, одна из форм зажима критики и творческой инициативы, осуществлявшаяся руководителями философской науки... Возьмите директоров других академических институтов по общественным наукам: академиком Грекова, Варгу, Шишмарева, Мещанинова. Что ни имя – то крупный ученый, символ нового и оригинального в науке, всесоюзной и международной. А у нас в Институте философии ничего подобного. Причина в том, что среди философов отсутствовала критика невзирая на лица. Так уж у нас повелось, что наша критика не есть критика нелицеприятная, строгая, беспристрастная, что работа наших руководящих философов либо не рецензируется совсем, либо расхваливается».

Секретарь ЦК А.А. Жданов поставил вопрос: почему книгу Александра не подвергали критике раньше? Ведь все началось с того, что проф. МГУ З.Я. Белецкий написал письмо Сталину. По этому поводу Каменский говорил: «Представьте себе, что нашелся бы какой-нибудь философ, который бы написал до указания тов. Сталина критическую статью на книгу тов. Александра. Не знаю, согласится ли со мной тов. Федосеев, но я думаю, что он не поместил бы ее в «Большевике». Не одобрил бы ее и не поместил в журнале «Советская книга» и т. Ф.В. Констанстинов. Я думаю, что развитие философской и, в частности, историко-философской науки возможно лишь при условии самой широкой демократизации нашей научной жизни».

Каменскому дорого обошлось это выступление, потому что несколько месяцев спустя его просто уволили. Он устроился работать в редакцию Большой советской энциклопедии и долго там работал, а потом вернулся в Институт философии, и в 1968 г. я его снова застал там. Его выступление было совершенно справедливым, ведь если мы обратимся к библиографии, то увидим, что до конца 1950-х годов Институт философии действительно выпустил всего несколько книг. А между тем там работало довольно много сотрудников.

А.Ч.: *Помните ли Вы Институт философии послевоенных лет?*

Т.О.: Конечно, ведь тогда я там работал несколько лет на полставки. Основной моей работой был философский факультет МГУ, где я с 1947 года исполнял обязанности заведующего кафедрой истории западноевропейской философии. Я уже говорил, что сразу меня на работе в МГУ не восстановили, и я преподавал в Плехановском институте. Однако через некоторое время меня вызвал заместитель министра образования В.И. Светлов и сказал, что он по совместительству заведует кафедрой истории философии в МГУ, но ему не хватает времени на кафедральные дела и он нуждается в заместителе. Предложил мне эту должность. Я ответил, что меня ведь совсем недавно декан Д.А. Кутасов отверг. Он сказал, что на это можно наплевать. Тогда я стал объяснять, что дело не только в этом, ведь мой друг Иван Хренов, заведующий сектором ЦК, ходил при мне к ректору И.С. Галкину, с которым он вместе работал еще в ИФЛИ на истфаке, долго с ним беседовал, просил за меня, но Галкин сказал, что нельзя ничего сделать. Светлов ответил, что Галкину он позвонит по телефону и все решит. Я стал объяснять: то, что мне тогда отказали, на философском факультете все мои знакомые знают, а знакомых у меня было много, и не только среди преподавателей, но и учащихся – таких, как Э.В. Ильенков, Д.П. Горский, А.А. Зиновьев. Короче, говорю, что в такой ситуации Галкин должен сам меня пригласить, прислать письмо. И в итоге я действительно получил такое письмо, пришел с этим письмом в отдел кадров, там у них глаза на лоб полезли от удивления, они сразу стали моими друзьями...

А тут как раз Александров из ЦК был переведен в Институт философии директором, и мне передали, что он просит меня зайти. Я зашел к нему. Он меня стал расспрашивать о жизни, и я рассказал, что работаю и.о. заведующего кафедрой в МГУ. Тогда он сказал, что может предложить мне не «и.о.», а полноценное заведование сектором критики современной буржуазной философии в Институте философии. Но мне из МГУ уходить тогда никак не хотелось: мне нелегко было добиться работы в МГУ, и мне она нравилась. Тогда Александров предложил мне работать у него в Институте философии по совместительству, и я согласился. Это было в начале 1948 года.

Когда я пришел на сектор, там было всего человек пять, женщины, ничем себя не проявившие в профессиональной области.

Иностранных языков не знали, в спецхране никто не работал, а тогда только там можно было изучать зарубежную философскую литературу. Я, конечно, что-то пытался сделать, намечал какие-то работы. Я с ними возился 2 года, но добиться ничего не мог. Никто из них ничего не написал. Обстановка в Институте была такая... Александров не очень внимательно относился к делу. Заместитель его Трошин благоволил к этим дамам. Ругаться я не хотел. Дескать, надо время, чтобы овладеть тематикой и т.д. А для них вообще: что неопозитивизм, что экзистенциализм – больше слова, чем реальные понятия. Через 2 года я понял, что надо уходить. К тому времени я уже защитил докторскую и вполне официально считался и.о. заведующего кафедрой, получал зарплату заведующего. Вскоре Светлов сам предложил мне занять его место, и я решил сосредоточиться на работе в МГУ. Хотя остался на полставки просто научным сотрудником Института философии. А когда Александров ушел оттуда, я тоже вскоре последовал за ним, и году в 1954-м в Институте уже не работал.

А.Ч.: *Е.Д. Модржинская после Вас пришла заведовать сектором критики современной буржуазной философии?*

Т.О.: Она пришла попозже. Сначала был некто Бахитов, слабенький работничек, ничего сделать не мог. А Модржинская появилась после расстрела Берии. Она же раньше работала в КГБ помощником заместителя Берии Гоглидзе.

А.Ч.: *Вы защищали докторскую диссертацию в Институте философии или в МГУ?*

Т.О.: Докторскую защищал в МГУ, но одним из моих оппонентов был директор Института философии Александров. С этим связана целая история. Незадолго перед защитой неугомонный Белецкий прислал Александрову письмо, где угрожал, что если тот выступит на защите в позитивном плане, то Белецкий сообщит «наверх», что Александров поддерживает «меньшевицкую» диссертацию. Поскольку от Белецкого Александров уже однажды пострадал, он действительно испугался, и, сославшись больным, отказался выступать. Взамен декан А.П. Гагарин назначил М.А. Дынника, но меня это не очень устраивало. Я вышел с факультета, подумал, потом взял такси и поехал в Мозженку, где Александров жил на даче, по соседству с дачами Митина и Юдина. Выхожу из машины и вижу, как Георгий Федорович гуляет с двумя собачками по саду. Я поздоровался с ним, он слегка смутился, пригласил меня в дом, поставил бутылку вина «Гурджаани», выпили мы. И говорит: меня из ЦК не-

давно выгнали, сейчас подставлять себя я не могу. А Белецкий – это такая сволочь, может мне сильно испортить жизнь. Я говорю, что все это понимаю, но Вы поймите и меня, мое положение. Мне кажется, есть выход: напишите маленькое письмо декану, что ввиду болезни не можете прочесть диссертацию, но ту небольшую часть, которую прочли, считаете вполне соответствующей требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Александров согласился. Декан Гагарин был ошеломлен и читал это письмо на моей защите буквально как с амвона. Белецкий побледнел, встал и ушел. И в целом защита прошла спокойно, хотя, конечно, и критиковали меня официальные оппоненты. Результат голосования оказался неожиданным – все члены ученого совета проголосовали за присуждение мне докторской степени единогласно.

А.Ч.: В своих воспоминаниях Г.П. Щедровицкий, учившийся на философском факультете МГУ в 1950-е годы, назвал Вас «самым прогрессивным профессором» факультета. Ведь именно Вы взяли работать на свою кафедру молодых Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова, во многом именно благодаря Вам на факультете стали регулярно устраиваться свободные научные дискуссии, началось философское оживление, которое, к сожалению, было вскоре задушено. Пожалуйста, расскажите об этих людях и событиях.

Т.О.: Ильенков после войны вернулся продолжать учебу на философском факультете МГУ. Я был научным руководителем его дипломной работы. Надо сказать, что она была абсолютно неинтересная, посвящалась критике правых социалистов. Почему он решил взять эту заурядную тему, я так и не понял. Но я всегда верил в его способности, и когда Ильенков поступил в аспирантуру, он стал, без всякого сомнения, очень интересным. Прежде всего он меня поразили тем, что при своем не очень-то хорошем знании немецкого языка, великолепно переводил. Сделанный им перевод работы Гегеля «Кто мыслит абстрактно» выполнен великолепно и в литературном, и в смысловом отношении. Его перевод вошел во все последующие издания трудов Гегеля на русском языке. И вообще, он уже в аспирантуре очень увлекся Гегелем, и остальным разделам кандидатского минимума не уделял достаточно внимания. Поэтому на кандидатском экзамене профессора М.А. Дынник, М.П. Баскин и О.В. Трахтенберг (они все работали на моей кафедре и все были на полставки) хотели ему поставить тройку. Я вмешался в это дело, спросил, почему такое решение. Они сказали, что он очень плохо отвечал на вопрос о Н.Г. Чернышевском. Тогда я им стал объяс-

нять разницу между кандидатским экзаменом и студенческим, что здесь надо исходить из интересов аспиранта, из его тематики и по этой тематике его экзаменовать. А Ильенков хотел работать над Гегелем и над диалектикой «Капитала» К. Маркса. Вот об этом его и надо спрашивать. Они покобенились, но все-таки стали спрашивать еще – о Гегеле, о диалектике «Капитала», хотя последняя тема уже выходила за рамки истории философии. Тут Ильенков показал прекрасные знания. И я говорю: вот видите, он знает на «отлично». Они напомнили, что с историей материализма у него плоховато. Сошлись на том, что поставили «четверку».

С Коровиковым было спокойнее. Он был работающий парень, но не блестящий, не яркий. Я бы сказал, что философия как таковая его не очень интересовала, и диссертацию он писал о географическом материализме. Когда Ильенков и Коровиков окончили аспирантуру, я, естественно, оставил их на кафедре. До этого я пригласил М.Ф. Овсянникова, В.В. Соколова, оставил окончивших аспирантуру Ю.К. Мельвиля и И.С. Нарского... То, что Светлов покровительствовал кафедре, давало мне возможность получать вакансии. Так что моя кафедра уже в 1960 годах насчитывала человек 15 преподавателей, причем это все была в основном молодежь. А старые профессора на этом фоне стушевались. Тут я еще В.Ф. Асмуса пригласил с кафедры логики. Его переход не хотели утверждать на партбюро: дескать, логика беспартийна, а история философии – это уже другое дело.

А.Ч.: *В.Ф. Асмус был беспартийный?*

Т.О.: Мало того, его просто считали «буржуазным ученым»! Еще Деборин его критиковал как буржуазного ученого. Получалось, что он даже хуже, «правее», чем «меньшевиствующие идеалисты», словно некий пережиток прошлого. Был такой Черкесов в партбюро, он напомнил, что Асмуса партком не утвердил правофланговым на демонстрации. Я отвечаю: правильно поступил партком, зачем же на пожилого человека такая нагрузка, правофланговым нужно брать молодого, крепкого! В общем, «протащил» я Асмуса, а он работающий был человек, сразу стал читать лекционные курсы, тем более он был на полной ставке, не то, что совместители.

В общем, работа шла хорошо, пока не случился казус. Белецкий, которого я уже упоминал, выступил с тезисом, что философия – это не мировоззрение, а только учение о мышлении. Этому был посвящен специальный доклад на заседании кафедры Белецкого. А деканом тогда был В.С. Молодцов, человек толковый, который Бе-

лецкого не переносил. И Молодцов отправил туда стенографистку. А так как людей на заседании было много, то никто и не заметил, что сидит какая-то женщина и все записывает. Потом стенограмму эту Молодцов, не показывая тем, кто выступал, отправил прямо в ЦК. Там она попала в отдел науки, где тоже Белецкого терпеть не могли, а оттуда – лично к Поспелову, секретарю ЦК по пропаганде. Тот почитал, и у него волосы дыбом встали: как это философия не мировоззрение?! В «Кратком курсе ВКП(б)» черным по белому написано: «философия диалектического материализма – мировоззрение коммунистической партии». В конце концов собрали парт-актив университета, и там «раздолбали» Белецкого. Из МГУ его после этого убрали и отправили в инженерно-экономический институт, где он уже тихо работал до конца своих дней.

Однако и для нашей кафедры этот инцидент оказался весьма непонятным. Дело в том, что Ильенков и Коровиков, исходя из Гегеля и ссылаясь на Тодора Павлова (у которого есть такое место в книге о теории отражения), тоже утверждали, что философия – это прежде всего наука о мышлении. Я сначала пытался найти какой-то компромисс, не слишком сильно им возражал, потому что не хотел обострять отношения. Но когда Белецкого «спихнули», проф. И.Я. Щипанов, заведующий кафедрой истории русской философии, заявляет на ученом совете: вот, мы Белецкого выгнали, а у Ойзермана на кафедре то же самое пропагандируется. Вызвали на совет Ильенкова и Коровикова. Те не стали виниться, а начали отстаивать свою точку зрения. И тогда было принято решение освободиться от них. После этого я позвонил Александрову и говорю: Георгий Федорович, у меня есть талантливый человек, возьмите его к себе. Он спрашивает: действительно талантливый? Я отвечаю: бесспорно, уверяю вас. Он: ну ладно, присылай. Вот так Ильенков попал в Институт философии и стал там работать. Вскоре вышла его книжка на основе диссертации по диалектике в «Капитале» Маркса.

А.Ч.: *Теодор Ильич! Вы уже свыше 40 лет трудитесь в Институте философии и, судя по библиографии Ваших работ, этот период оказался для Вас наиболее продуктивным в творческом плане. Что побудило Вас оставить свое детище – кафедру истории зарубежной философии МГУ и перейти в Институт философии?*

Т.О.: Я проработал в МГУ 21 год, а потом как-то почувствовал, что хватит. Все-таки хотелось больше писать научных трудов. А в МГУ почти все силы уходили на преподавательскую работу, много было работы общественной, ведь я там одно время был се-

кретарем парткома факультета, потом еще членом парткома университета. Постоянные заседания, собрания, обязательные посещения общежитий для бесед со студентами, а студенты абсолютно не хотели этих посещений. И в 1968 году я решил покинуть университет и перейти в Институт философии. Поскольку в тот момент не было вакансии заведующего сектором, я просто пошел работать старшим научным сотрудником к Л.Н. Митрохину в уже знакомый мне сектор критики современной буржуазной философии. Надо сказать, это был уже совершенно другой сектор, там работали новые, молодые люди. Митрохину, конечно, было не совсем удобно, что член-корреспондент Академии наук, которым я уже был к тому времени, работает у него простым научным сотрудником. Но через некоторое время освободилась должность заведующего сектором истории зарубежной философии, и я перешел туда.

А.Ч.: *Когда в 1966 году Вас избрали членом-корреспондентом, в отделении философии и права были преимущественно партийные идеологи и функционеры, иные из которых даже не защищали диссертаций. Вы оказались там едва ли не единственным реальным ученым-философом. Каким образом Вам это удалось?*

Т.О.: Сыграло свою роль то, что ко мне в высшей степени по-доброму относился академик Л.Ф. Ильичев. Мы познакомились с ним, когда я был еще аспирантом и ездил, чтобы подработать, от Центрального дома железнодорожников на крупные узловые станции читать лекции по «Краткому курсу». Тогда платили за каждую лекцию рублей 100, и это меня вполне устраивало. И после одной лекции, которую я прочитал, кажется, в г. Полоцке, кто-то прислал письмо в журнал «Большевик», где сообщалось, что лектор Ойзерман утверждал, что при коммунизме тоже будут противоречия, и все время употреблял слово «душа», как будто бы душа действительно существует. А журналом руководил Ильичев. Он вызвал меня к себе и стал выяснять, что это все означает. Ссылаясь на Ленина, я объяснил, что при коммунизме действительно будут противоречия, но не антагонистические, а борьба старого и нового и т.д. А насчет души я просто рассказывал учение Гераклита, что душа – самый сухой огонь и что когда человек напьется, то душа становится влажной и поэтому человек начинает шататься. Надо же было чем-то развеселить слушателей, а то ведь лекция – скучное дело... Ильичев посмеялся и говорит, что надо написать ответ. Я написал, и ему понравилось, сказал, что вполне складно. А недели через две он пригласил меня работать на должность консультанта в его жур-

нале. Когда я стал работать, вскоре понял, что и самому Ильичеву требуется помощь. Он был феноменальный оратор, а писал с трудом, порою нескладно, так что его тексты приходилось литературно обрабатывать. Так мы с ним подружились, и Ильичев стал главным моим покровителем. Академик П.Ф. Юдин тоже ко мне хорошо относился. Дело в том, что как сталинский стипендиат (единственный сталинский стипендиат по философии среди аспирантов), я защищал кандидатскую диссертацию с великой «помпой». И моими оппонентами были Юдин (тогда еще член-корреспондент), который, как выяснилось, вообще первый раз в жизни выступал оппонентом, проф. М.Т. Иовчук, который тоже вскоре стал членом-корреспондентом. Юдин сказал ученому совету про мою диссертацию: посмотрите, 2 тома, 1100 страниц, надо сразу присуждать докторскую степень! А Иовчук был человек более реалистичный, и он сказал, что надо сначала опубликовать, а потом уже ставить такой вопрос. Публикации тогда помешала война. А с Юдиным с тех пор у нас отношения были самые добрые. Академик Г.Ф. Александров тоже ко мне неплохо относился: жаль, что, когда я избирался в Академию наук, его уже не было в живых, он умер в 53 года от цирроза печени (пьющий был очень сильно).

Когда на факультете обсуждали вопрос, кому баллотироваться от МГУ в члены-корреспонденты по философии, выдвинули не только меня, но еще Д.И. Чеснокова и М.Ф. Овсянникова. Тогда же баллотировался директор Института философии П.В. Копнин, все-го 23 человека претендовало на 2 места. Я, конечно, не мог быть уверен в успехе, хотя Ильичев агитировал за меня. Правда, тогда Ильичев уже был не секретарем ЦК, а заместителем министра иностранных дел, так что его влияние было меньше. Как бы то ни было, мне повезло, и я получил все голоса в первом же туре. А Копнина почему-то долго не хотели избирать, он стал членом-корреспондентом только за год до своей смерти, в 1970-м году Копнин был очень смелый человек, много интересных вопросов ставил.

А.Ч.: Вскоре после смерти П.В. Копнина директором Института философии стал Б.С. Украинцев, при котором наступили времена реакции, подавления свободы научного творчества. Вы были одним из немногих и, бесспорно, наиболее авторитетным из сотрудников Института, открыто выступавших против Украинцева. Расскажите, как это было?

Т.О.: Это было на заседании у заведующего отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникова, где Украинцев делал доклад о работе Ин-

ститута философии, а присутствовали вице-президент Академии наук П.Н. Федосеев, академик-секретарь А.Г. Егоров, академик Ф.В. Константинов, меня пригласили как члена-корреспондента и работника Института. Украинцев сделал доклад, а вопросов никаких ему не задают. Тогда я спрашиваю: а можно задать вопрос? Трапезников отвечает: ну, пожалуйста. А он опекал Украинцева, это был его кадр. Я говорю: скажите, Борис Сергеевич, за время вашей работы в Институте философии – центральном философском учреждении страны, вы знакомились с работой республиканских философских учреждений, посетили, скажем, белорусский Институт философии, украинский Институт философии и т.д.? Он отвечает: нет, у меня не было на это времени. Я продолжаю: многие наши сотрудники ездят в страны народной демократии, там тоже есть философские учреждения, идет обмен опытом, создалась даже комиссия философов социалистических стран и т.д. А вот Вы, Борис Сергеевич, хоть какой-то институт философии в странах народной демократии посетили? Он снова отвечает то же самое. Тогда я говорю: видите, товарищи, по-видимому, неудачная у нас кандидатура директора. К тому же он болел менингитом, а это ведь отражается на умственных способностях. Атмосфера в Институте нездоровая, всем заправляет небольшая группа в составе секретаря парткома, председателя профкома и заместителя директора (мы их называли по первым буквам фамилий МГБ). Они «зарезали» рукопись Ильенкова, «зарезали» книгу Е.П. Никитина – хорошие работы. Еще я рассказал о том, как увольняли В.Ж. Келле. Дело было так. Вызвал меня Украинцев и спросил, хорошо ли я знаю Келле. Я сказал, что неплохо, ведь он тоже в МГУ работал. Тогда Украинцев сказал: вы с ним по-дружески поговорите, пусть уходит из Института. Чтобы тихо, без скандала. Дайте ему понять, что, если он сам не уйдет, мы ему неприятности создадим. Я, естественно, отказался выполнить такое «поручение» и рассказал об этом на заседании у Трапезникова. Тут присутствующие заполошились. Федосеев говорит: да, Келле уволили напрасно. Короче говоря, покритиковали Украинцева. Тут Трапезников попытался исправить положение и задал Украинцеву вопрос: скажите, тов. Украинцев, вот член-корреспондент Ойзерман тут вас резко критиковал. Может быть, у вас с ним отношения какие-то напряженные, может, он на вас чем-то обижен? Украинцеву пришлось ответить, что отношения у нас с ним нормальные, так что вопрос Трапезникова ему не помог. Но все равно Украинцев еще был у нас директором года два, правда, после этого он немножко притих, так что даже при нем я был избран уже в академики, и он не смог этому воспрепятствовать.

А.Ч.: *А Украинцев баллотировался в Академию наук?*

Т.О.: Однажды он выдвигался в члены-корреспонденты, но его кандидатуру отвели. У него ведь и научных трудов-то никаких не было. А докторскую диссертацию он защищал по учебному пособию, написанному в соавторстве с другими людьми, по своей отдельно взятой части. По образованию он вообще был какой-то инженер.

А.Ч.: *Правда ли, что Вы были одним из последних собеседников Э.В. Ильенкова перед его уходом из жизни?*

Т.О.: Ильенков часто бывал у меня в гостях. Незадолго до смерти своей, буквально дней за десять, он пришел ко мне очень опечаленный и сообщил, что, оказывается, Украинцев – друг Л.И. Брежнева и, значит, его диктат в Институте философии – всерьез и надолго. Я ему ответил, что, если бы Украинцев действительно был другом Брежнева, он уже давно сидел бы в кресле секретаря ЦК, или по крайней мере заведующего отделом. Ильенков возражает: ну как же, ведь Брежнев был секретарем обкома партии, а Украинцев у него работал секретарем обкома комсомола. Я ответил: пусть так, но, судя по всему, особой дружбы между ними не сложилось. Ильенков был какой-то заведенный, уж больно его преследовал Украинцев. Чтобы успокоиться, мы с Ильенковым немножко выпили, он охмелел, и я уложил его спать у себя на диване. Утром он ушел, выглядел спокойно. А дней через десять перерезал себе вены. Он, конечно, был очень больной человек, у него был туберкулез, причем активный, также и старший брат у него покончил жизнь самоубийством, в общем – это семейная какая-то была линия.

А.Ч.: *Теодор Ильич! Расскажите, пожалуйста, о ваших дружеских взаимоотношениях с председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным. Прислушивались ли в советские времена власть имущие к точке зрения ученого-философа?*

Т.О.: Все началось в 1956 году, когда я еще работал в МГУ. Ю.К. Мельвиль привел к нам в аспирантуру некоего Гвишиани из Института международных отношений. Это было летом, я в тот момент отсутствовал. Кто такой Гвишиани, я не знал еще года два, потому что из аспирантуры его взяли в армию, и, конечно, в это время на факультете он не появлялся. А жена его была дочерью Косыгина, чего Мельвиль мне не говорил. Это я узнал уже позже, следующим образом. Мы с женой были в цирке и в антракте встретились там с Гвишиани, его женой и ее матерью, Клавдией Андреевной. Потом Гвишиани пришел ко мне и сказал, что не хочет

писать кандидатскую по американскому персонализму – эту тему ему навязывал Мельвиль, как хорошо знающему английский язык. Гвишиани заявил, что вообще не хочет писать по философии. Тогда я спросил: а зачем же вы поступили в нашу аспирантуру? Он ответил, что хочет писать по социологии, а тогда социологией специально нигде не занимались, философская специализация была ближе всего. Я спросил, какая именно проблема его интересует. Он ответил, что хочет писать об американском менеджменте. Я тогда впервые услышал это понятие. Мы стали обсуждать, кто же мог бы стать его научным руководителем по такой теме, и он попросил меня осуществлять над ним руководство. Я возразил, что вообще понятия не имею о том, что такое менеджмент. Тогда он сказал, что принесет мне разные английские и американские книжки, по которым я смогу составить представление. И действительно: он принес мне 5 книжек, я, конечно, все это подряд не читал, но полистал, посмотрел предисловия, введения, заключения и составил некоторое представление о менеджменте – науке управления. Я понял, что это серьезная вещь. Менеджер – это человек, который, в отличие от инженера, управляет не технологическим процессом, а людским составом, поэтому профессиональный менеджер с одинаковым успехом может быть сегодня управляющим на заводе, а завтра – в театре. Года через два Гвишиани написал кандидатскую. Она у нас прошла довольно спокойно, хотя, конечно, это не совсем наша тематика. После защиты Гвишиани пригласил меня к себе домой. А там были Алексей Николаевич и его жена. Мы, естественно, ужинали, пили. Мне подарили бутылку коньяка и бутылку виски, поскольку заметили, что я с удовольствием употребляю этот напиток. А потом они стали меня регулярно приглашать к себе, причем не одного: с женой, а иногда и с детьми. Мы вместе встречали Новый год, другие праздники. Однажды звонит нам Клавдия Андреевна и говорит: может быть, приедете к нам? Я ответил: конечно, с удовольствием, но ведь сегодня нет никакого праздника? Она говорит: встреча с друзьями – это и есть праздник. К нам прислали машину, и мы поехали к ним в гости...

В 1967 году Клавдия Андреевна умерла, а я был в это время в Германии. И вот какой-то человек, очевидно из нашей агентуры, пришел ко мне в гостиницу и сказал: срочно собирайтесь, через полчаса вылетаем в Москву. Я удивился: как это, ведь у меня тут дела, лекции? Он: знаете, это указание сверху. Не надо брать никаких вещей, вы скоро вернетесь обратно. Примчались мы на аэро-

дром, сели в самолет и в Москву. А там уже ждет машина, шофер – человек знакомый, говорит: Алексей Николаевич сказал, чтобы из аэропорта ехать прямо к нему, не заезжая домой. Приехали к нему, вижу, Алексей Николаевич совершенно расстроенный, сели мы и часов до двенадцати ночи пили коньяк – он водку не пил. И он мне долго рассказывал про покойную жену, как они познакомились и т. д. – я это почти все уже знал, но ему надо было как-то выговориться. Оказывается, Клавдии Андреевне я чем-то понравился, она часто про меня вспоминала. Потом Алексей Николаевич попросил меня выступить на ее похоронах. Кроме меня там еще выступал их близкий друг, композитор Арам Хачатурян. С тех пор меня стали называть личным другом Косыгина.

А.Ч.: *Дружба с Косыгиным способствовала Вашей научной карьере?*

Т.О.: Скорее, наоборот. Ведь Косыгин находился в опале. Ни одного партийного работника у него дома никогда не бывало. И работать ему приходилось в неудобных условиях. Скажем, всем секретарям ЦК писать доклады помогали консультанты, а у него этого не было. У него были только помощники, которые являлись оргработниками, никакого доклада написать они не могли. Поэтому, когда иногда он мне показывал черновики своих докладов, это были очень неудобоваримые тексты, и я просто садился и обрабатывал их литературно. Даже странно, что у премьер-министра не было специальных помощников для таких вещей. Косыгин предлагал мне стать его помощником, но я не мог на это согласиться, я же не мог бросить свою собственную работу.

А.Ч.: *Теодор Ильич! Вы лично знакомы со многими выдающимися западными философами. Пожалуйста, расскажите о них.*

Т.О.: Да, я очень многих хорошо знаю, особенно немецких. Я многократно встречался с Ю. Хабермасом. Познакомились мы с ним в 1971 году, когда я был 2 месяца в Западной Германии и из Франкфурта по приглашению поехал в Мюнхен читать там доклад. До этого я беседовал с главой франкфуртской школы М. Хоркхаймером. Он ненадолго приехал из Швейцарии, где тогда жил, а через год он умер. У нас был интересный разговор с Хоркхаймером, и он предложил мне познакомиться еще с кем-нибудь из философов франкфуртской школы, в частности с Хабермасом, который тогда ушел из университета, потому что его студенты оскорбили, и жил как раз под Мюнхеном. В первый же день моего пребывания в Мюнхене мне позвонили, и я услышал какой-то гнусавый голос,

трудно было что-то понять. Спускаюсь вниз и вижу, что там стоит Хабермас – я его сразу узнал, потому что у него нос кривой, видимо в детстве травму получил, а вообще он такой красивый, стройный мужчина. Мы с ним пошли в ресторан, поужинали, разговорились, возник какой-то общий язык. Он меня стал уговаривать принять участие в югославском симпозиуме, который организовывал «Праксис», но для меня тогда это было невозможно, потому что могли заподозрить в ревизионизме. Но мы с Хабермасом потом еще встречались в Германии, на других симпозиумах. Спорили, конечно. Все это было очень мило, поскольку он человек разумный и не обижается, если с ним не согласны. А вот когда уже в середине 1970-х годов я написал статью (по правде говоря, не слишком умную) «Отражение марксизма в мелкобуржуазном сознании», то он, конечно, сильно обиделся. Когда я встретился с ним после этого в Финляндии, он спросил: что же, по-вашему выходит, что я – мелкобуржуазный теоретик? Я ответил: вы же сами считаете себя марксистом, а с марксистской точки зрения именно так нужно классифицировать в данном случае. Он сказал, что считает себя критическим марксистом, а не догматиком.

А.Ч.: *Вы с Хабермасом потом помирились?*

Т.О.: Как сказать... Во всяком случае, я всегда посещал его доклады, когда он приезжал в Москву. Потом, когда у нас на Отделении в Академии наук встал вопрос, кого выдвинуть на избрание из иностранных членов, я предложил Хабермаса и написал ему письмо. Он ответил, что вряд ли в этом нуждается, потому что у него уже и так масса всяких почетных званий. Тогда я просто прислал ему список немцев – иностранных членов нашей Академии, а там все немцы серьезные, лауреаты Нобелевской премии и т. д. – и он сразу прислал свои документы... Еще К. Хюбнера я очень хорошо знаю, обычно мы с ним обмениваемся своими новыми книгами. Г. Функе я хорошо знал. Мы с ним одногодки, оба родились в 1914 году и даже в одном месяце – в мае. Он недавно умер, был профессором в Майнце, председателем кантовского общества. Я его приглашал в Москву, он у нас выступал в Институте философии. Из французов я в основном знал академическую публику, университетскую... П. Рикера я хорошо конечно знал, много раз с ним встречался и приглашал его к нам сюда. С Ж.-П. Сартром мы познакомились, когда он был в Москве, и потом в течение двух лет он мне присылал свой журнал.

В.А. Лекторский

Один из центров нашей культуры

А.В. Черняев: *Владислав Александрович! 2009 год – юбилейный для Института философии, а также для Вас лично, ведь это и год полувекового юбилея Вашей работы здесь (не считая учебы в аспирантуре). Очевидно, Вам есть что вспомнить в этой связи. Расскажите, пожалуйста, как начинался Ваш путь в философию, что повлияло на столь неординарный жизненный выбор?*

В.А. Лекторский: Когда я учился в школе, я вовсе не готовился стать философом. У меня интересы были самые разнообразные. С одной стороны, я любил точные науки, в частности, меня очень интересовала физика. Помню, как классе в 9-м я купил книжку А. Эйнштейна под названием «Эволюция физики» – популярный рассказ о современной физике, о развитии физики, вообще о развитии мысли. Это книжка с определенным философским подтекстом, с философскими рассуждениями. Ее чтение произвело на меня большое впечатление и познакомило с общими философскими сюжетами, связанными с пониманием мира, пространства, времени и т.д., пробудило интерес ко всему этому. Но он не был доминирующим, потому что еще больше я тогда интересовался историей. В нашей московской школе была прекрасная преподавательница истории – жена известного историка академика С.Д. Сказкина. Она блестяще преподавала свой предмет, и я очень им увлекался, читал много книжек по истории, выходящих далеко за рамки школьной программы – например, лекции В.О. Ключевского, тогда уже была такая возможность. И всерьез намеревался поступать на исторический факультет университета. Я даже ходил на день открытых две-

рей в МГУ, там выступали известнейшие наши историки – археолог член-корр. А.В. Арциховский, академик Б.А. Рыбаков, – меня это все страшно заинтересовало. Это было за пару месяцев до окончания 10 класса. А потом что-то перевернулось в моем сознании, и я понял, что именно философия наилучшим образом отвечает на все те вопросы, которые для меня интересны как в области гуманитарных, так и естественных наук. Кстати, в школьные годы я также очень увлекался русской литературой, много читал Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, других философствующих авторов.

Думаю, на мой выбор повлиял и тот факт, что в нашем классе учился и был моим большим другом человек, который потом стал нашим известным философом. Это Генрих Батищев. Мы с Генрихом были знакомы давно, с 4 класса школы. В начале войны я 2 года провел в эвакуации во Владимирской области, там же и в школу ходил. Но научиться там чему-либо было трудно: дров не было, чернила замерзали, книг не хватало, и я попросился обратно в Москву, где оказался в одном классе с Генрихом, отца которого тогда же перевели в столицу из Казани. А отец у него был философом, и Генрих уже давно был «нацелен» на философский факультет МГУ. Я часто бывал у них дома, и отца его знал, и под влиянием общения с Генрихом начал читать философские книжки. Помню, когда он сказал, что нельзя быть образованным человеком, если не читал «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса. Я поскорее принялся за чтение. Читал также Гегеля, других философов – все это еще в школе. В конце концов тоже решил поступать на философский факультет и успешно поступил. Поскольку школу я окончил с золотой медалью, экзаменов я не сдавал, только проходил собеседование. Генрих тоже хорошо учился, тоже окончил школу с медалью, правда с серебряной.

А.Ч.: *Тем не менее его ведь не взяли в МГУ с первого раза?*

В.Л.: Да, не взяли, но не потому, что он чему-то не соответствовал. Дело было в том, что у него отец «проштрафился». Он работал тогда в ЦК, где занимал ответственный пост. А в конце войны было выступление И.В. Сталина, в котором велась речь про «великий русский народ – народ Суворова и Кутузова, Сеченова и Павлова, Ленина и Плеханова». Таким образом, впервые за многие годы Г.В. Плеханов был назван рядом с Лениным. И партийно-идеологические деятели сразу сделали вывод, что к Плеханову стоит отнестись повнимательнее, раз Сталин его так похвалил. А Батищев старший как раз занимался когда-то Плехановым, и ему

дали задание написать статью о Плеханове. Она была опубликована в журнале «Большевик». Какая-то критика там, конечно, присутствовала, но в основном статья была позитивная. Это было году в 1945–1946-м. Сталин тогда регулярно вызывал для докладов заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК Г.Ф. Александрова, будущего академика и директора Института философии. Однажды во время такого визита Сталин спрашивает Александрова: «А кто такой Батищев?» Александров ответил что, мол, Батищев – наш сотрудник, работает в ЦК, в нашем отделе. А Сталин продолжает: нет, вы меня не поняли, мне неясно, он большевик или меньшевик? Такого риторического вопроса было достаточно, чтобы Батищева старшего выгнали из ЦК. Его, к счастью, не посадили, но он оказался в опальном положении. Вот поэтому Генриха и не взяли на философский факультет МГУ. Он вынужден был поступить в Государственный экономический институт, который потом слился с Плехановским. Год он там проучился, а потом все же сумел каким-то образом перевестись в МГУ на философский факультет, где мы уже оказались на разных курсах, хотя, конечно, постоянно общались. А затем он так же, как и я, пришел в Институт философии, где проработал в моем секторе до конца жизни. Своим приходом в философию я во многом обязан влиянию Батищева.

А.Ч.: *Каково было Ваше впечатление от философского факультета МГУ в сталинские годы?*

В.Л.: Сначала факультет меня довольно быстро разочаровал (правда, потом очаровал снова). Все оказалось совсем не таким, как я ожидал, многое было скучно. На дворе стоял 1950 год, только что вышла в свет работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», нам читали по ней специальные лекции... Помню, на первом курсе нам читал лекции по логике В.И. Черкесов, он все разоблачал В.Ф. Асмуса на каждой лекции. Курс философии биологии читал такой Дворянкин, ученик Т.Д. Лысенко... А вся штука-то в том, что я и биологией серьезно интересовался и еще в школе, помимо учебников, прочитал курс истории дарвинизма, изданный до печально известной сессии ВАСХНИЛ, и там достаточно объективно были изложены соответствующие концепции. Поэтому, слушая Дворянкина, я чувствовал, что в его лекциях что-то не так. И в таком духе прошло 2–3 года. Правда, некоторые интересные предметы все-таки были: история философии, курс психологии, который читали наши выдающиеся психологи, работавшие тогда на философском факультете (в составе факультета было отделение психологии).

Когда умер Сталин, возникли новые веяния, и на факультете появились два человека, оказавших на меня сильное влияние. С их деятельностью был связан довольно серьезный поворот в нашей философии. Это Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев. Ильенков тогда только что защитил кандидатскую диссертацию по диалектике в «Капитале» К. Маркса и начал вести у нас спецсеминар. Это было для нас событием, а я даже стал старостой этого спецсеминара. Примерно тогда же появился Зиновьев, у него тоже была диссертация по «Капиталу», но другой совсем подход, другой способ анализа. А в 1954 году Т.И. Ойзерман начал читать нам спецкурс по «Критике чистого разума» И. Канта, где разбирал ее подробно, по параграфам. Для тех лет это было событие. И так постепенно началось настоящее погружение в философию, в ее сюжеты, в ее проблемы.

А.Ч.: *Как известно, 1950-е годы оказались непростыми для философского факультета МГУ, где в это время началась крупная идеологическая чистка, в результате которой многие молодые, талантливые и мыслящие преподаватели вынуждены были покинуть университет. Вы также были заподозрены в симпатии к ереси «гносеологизма», не были приняты в аспирантуру МГУ и, подобно другим пришли в Институт философии, где благодаря своим трудам как раз в области гносеологии достигли известности и признания...*

В.Л.: Философский факультет фактически разгромили в ходе кампании против «гносеологов». <...> Началось с того, что Э.В. Ильенков и В.И. Коровиков написали свои «гносеологические тезисы» о том, что философия есть теория познания, и вынесли это на обсуждение ученого совета в надежде получить какую-то поддержку, а там эти тезисы стали просто громить. Обсуждение было свободное, право слова было у всех, и я выступил в поддержку своего учителя Ильенкова. Я тогда просто не понимал, что это может для меня значить, ведь все протоколировалось и отправлялось на рассмотрение инстанций. В итоге я попал в какие-то «черные списки» и меня не взяли в аспирантуру, хотя учился очень хорошо и имел рекомендацию для поступления в аспирантуру. Поэтому мне пришлось 2 года проработать в Московском экономическом институте – том самом, где недолго учился Батищев. Работу по специальности найти было нелегко, потому что в те годы еще не было всеобщего преподавания философии в вузах (его ввели в конце 50-х гг.), ее преподавали только в институтах, связанных с общественными науками. К преподавательской работе меня не допускали, тогда преподавать философию могли только члены партии, и мне прихо-

дилось выполнять на кафедре чисто техническую работу. Правда, за это время я сдал все кандидатские минимумы. А потом, в 1957 году, все-таки поступил в аспирантуру Института философии, на сектор диалектического материализма, который возглавлял П.В. Копнин, который всегда поддерживал Ильенкова и сочувствовал мне.

А.Ч. *Очевидно, не будет преувеличением сказать, что, после «разгрома» философского факультета МГУ в середине 1950-х, главным центром философского знания в стране становится Институт философии, аккумулировавший лучшие философские кадры?*

В.Л.: Из МГУ изгнали не только Ильенкова, Зиновьева, Коровикова, но еще целый ряд преподавателей. Некоторые вынуждены были вовсе уйти из философии. Коровиков устроился газетным корреспондентом в Индии, где он провел десяток лет, затем в Африке еще столько же. В итоге он стал известным журналистом-международником, заведовал отделом в газете «Правда»... А в Институте философии тогда была более благоприятная атмосфера. Кроме Ильенкова и Зиновьева в Институт тогда пришло много интересной молодежи. Если вспоминать только сотрудников нашего сектора, то это такие имена, как Г.С. Батищев, В.С. Швырев, Н.Н. Трубников... И постепенно в конце 1950-х – в 1960-е годы Институт философии стал подлинным центром философской мысли. Все самые интересные люди тогда работали именно там. Потом, уже к концу 1960-х, еще одним подобным центром стал Институт истории естествознания и техники, когда его директором был Б.М. Кедров, рискнувший взять на работу людей, которые считались опальными, «полуревизионистами», даже исключенных из партии. Таких, как А.П. Огурцов, В.С. Библер, П.П. Гайденко, М.К. Мамардашвили...

А.Ч.: *Владислав Александрович! Вы не только известный ученый-философ, действительный член РАН и РАО, но и опытный организатор науки, один из руководителей Института философии, заведующий отделом эпистемологии и логики. Расскажите, пожалуйста, как складывалась Ваша научная карьера.*

В.Л.: Я никогда не планировал быть каким-то научным начальником, у меня были другие жизненные планы, прежде всего меня привлекала научно-исследовательская работа как таковая. Однако судьба распорядилась иначе. Когда в начале 1960-х директором Института философии был назначен Ф.В. Константинов, заведующим сектором диамата стал М.М. Розенталь. Причем основным местом его работы была Академия общественных наук,

а у нас он был на полставки, поэтому ему нужен был заместитель для ведения всей текущей работы, и на эту должность в 1964 году назначили меня. А в 1968 году, вскоре после прихода на пост директора Института П.В. Копнина, Розенталь предложил мне сменить его во главе сектора диамата, поскольку на полставки ему было трудно вести эту работу. Мое утверждение в должности проходило непросто. Вот лишь один характерный эпизод. В январе 1969 года проходило расширенное совещание в ЦК КПСС, которое проводил тогдашний заведующий отделом науки С.П. Трапезников, человек догматических взглядов. В ту пору как раз начинался «застой», и старая философско-идеологическая «гвардия» почувствовала, что снова настает их час, что можно взять реванш за «оттепель». И вот на этом совещании выступает Е.Д. Модржинская, она давно работала в Институте философии, была воинствующим критиком современной западной философии, которую практически не знала. Модржинская говорит, что в США недавно вышла книжка под редакцией известного антикоммуниста Н. Лобковица (теперь я его знаю лично), где помещена статья Ильенкова «Марксизм и западный мир» – статья ревизионистская, потому что в ней утверждается, что отчуждение имеет место не только при капитализме, но и при социализме, и т.д. На совещании присутствуют многочисленные академики, идеологические начальники, новый директор Института философии Копнин, секретарь партбюро Института В.А. Смирнов – и никто не знает, что отвечать на эти филиппики. Единственным, кто читал статью Ильенкова, оказался я, присутствовавший там от сектора диамата. Я попросил слова и ответил Модржинской, что она ничего не понимает ни в западной философии, ни в марксизме, ибо статья вполне марксистская, защищает марксизм и наши ценности. Трапезников на все это заметил, что, дескать, тов. Лекторский вот защищает Ильенкова – конечно, хорошо друзей защищать, но надо еще разобраться, что тут к чему... Вскоре после этого Копнин рекомендовал меня ученому совету Института философии на должность заведующего сектором диамата. Тогда Модржинская встала и сказала, что Ильенков – ревизионист, а Лекторский еще хуже, потому что защищает ревизиониста, и призвала всех голосовать против меня. Потом, правда, в мою защиту выступили заведующий отделом философии естествознания М.Э. Омеляновский и заведующий сектором логики П.В. Таванец. В конце концов меня избрали заведующим сектором, однако в ходе голосования я все-таки получил 5 голосов «против».

А.Ч.: *Владислав Александрович! Большая часть истории Института философии прошла на Ваших глазах и при Вашем непосредственном участии. Расскажите, как на судьбе Института, его руководства и сотрудников отражались процессы, происходившие в политике и культуре страны в целом.*

В.Л.: Конечно, история института неотделима от истории страны, в которой были разные этапы. Ярким примером такой взаимосвязи служит драматическая судьба П.В. Копнина, который оказался во главе Института в тяжелое время для нашей философии и культуры, на излете «оттепели». Копнин вернулся из Киева, где фактически возродил украинскую философию, создал Институт философии Украины. Теперь он рассчитывал осуществить реформу в Москве, избавиться от догматически мыслящих людей, серьезно обновить проблематику исследований... Почти одновременно, в мае 1968 года, журнал «Вопросы философии» возглавил И.Т. Фролов – тоже человек совершенно новой формации. Чтобы понять, до какой степени, достаточно сравнить его с предшественником – М.Б. Митиным, который являлся типичным сталинским кадром. Фролов пригласил работать в журнал много новых людей, таких, как Мамардашвили; кстати, и мне он предложил войти в редколлегию журнала. Приход таких людей, как Копнин и Фролов, на ключевые должности в нашей философии вселял надежду, что вскоре многое изменится к лучшему.

И вдруг грянули известные события в Чехословакии, в августе 1968 года туда были введены наши войска. На этом фоне началась реакция, и все новые движения в философии, в идеологии стали «зажиматься». Копнин и Фролов стали подвергаться бесконечным нападкам. Когда вышла книжка Копнина «Философские идеи В.И. Ленина и логика», по инициативе академика Ф.В. Константинова было устроено ее обсуждение на заседании Отделения философии и права Академии наук, были приглашены люди со всего СССР, и директора Института философии подвергли разносной критике. Он сам переносил подобные вещи с исключительным мужеством, всегда давал отпор. Но все это привело к тому, что он заболел раком и через три месяца скончался. Копнин пробыл директором нашего Института всего 3 года, ибо рано умер – в 1971 году, в возрасте 49 лет. Я лично Копнину многим обязан: он взял меня в аспирантуру Института, был оппонентом на моей защите, сделал меня заведующим сектором. После смерти Копнина было какое-то безвременье, и 2 года в Институте философии не было директора.

В 1973 году директором был назначен Б.М. Кедров, а уже в 1974-м, менее чем через год, он директором быть перестал. Дело в том, что он тоже стремился обновить философскую жизнь, ослабить позиции догматически мыслящих людей, и за это поплатился, потому что как раз эти люди обладали наибольшим влиянием и связями во власти. Кончилось тем, что была назначена комиссия по проверке Института философии, которая предложила Кедрову уйти. Лично я знал Бонифатия Михайловича очень давно, считаю его также своим учителем и старшим другом; в период его директорства я был в числе людей, наиболее тесно взаимодействовавших с ним. Это был исключительный человек в плане работоспособности, он очень многое сделал и в философии, и в истории науки. Расшифровал открытие Д.И. Менделеева. После вынужденного ухода он вернулся в свой родной Институт истории естествознания и техники.

А в Институте философии с 1974 года директором был Б.С. Украинцев, при котором началась реакция. Перед ним была поставлена задача «навести порядок» в Институте, в частности «прижать» людей, проявлявших себя при Копнине и Кедрове, – т.е. таких, как я. В 1976 году нашим сектором была подготовлена коллективная работа, которую «зарубили» на ученом совете как «немарксистскую». Кроме того, один наш сотрудник эмигрировал в Израиль. Модржинская, которая не могла забыть моего выступления против нее в ЦК по поводу статьи Ильенкова, поставила даже вопрос о необходимости роспуска всего нашего сектора. К счастью, до этого дело все-таки не дошло. Все ограничилось вынесением мне выговора. Сектор не распустили, но реорганизовали: вместо бывшего сектора диамата возникли три новых сектора: диалектической логики, теории отражения и теории познания. Последний сохранил это название до сих пор. Он получил его в 1977 году, и это нас вполне устроило.

А.Ч.: Предметом своих исследований в Институте философии Вы избрали проблемы эпистемологии. Это достаточно специализированная область знания, которую трудно подчинить идеологической конъюнктуре. Насколько Вы и Ваши коллеги чувствовали себя свободными в своем научно-философском творчестве?

В.Л.: Начиная с 1960-х годов, очень многие обратились к изучению вопросов познания и мышления, эта тематика обнаружила свою тесную взаимосвязь с наукой, с естествознанием, с вещами очень важными, но достаточно далекими от идеологии, благодаря чему было больше простора для деятельности. В психологии

было даже два направления, связанных с этим, – школы С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева... Наши ученые-логики установили связи с математиками, в это же время начала интенсивно разрабатываться кибернетика... В общей сложности сделано было немало, предвосхищены даже многие идеи западных коллег. В журнале «Вопросы философии», который тогда находился в одном здании с Институтом, тоже начались интереснейшие обсуждения данной проблематики. Когда Фролов стал главным редактором, он начал приглашать на «круглые столы» крупнейших наших ученых – физиков, биологов, математиков, – таких, как П.Л. Капица, В.А. Энгельгардт, С.Т. Беляев. Важно, что у этих людей появился интерес к философии. Каждые два года проводились всесоюзные конференции по философии и методологии науки в разных городах – Москве, Томске, Новосибирске, Киеве. В философии появились неформальные школы: Э.В. Ильенкова, А.А. Зиновьева, Г.С. Батищева, Г.П. Щедровицкого, они вели свои семинары, имели много учеников. В прежние годы ничего подобного не было, потому что насаждалось единообразие. А период начиная с 1960-х годов можно назвать ренессансом нашей философской мысли, если иметь в виду появление множества творчески мыслящих людей, изобилие интересных идей. Я работаю в Институте философии уже больше полувека и очень рад, что моя судьба сложилась именно так. Не могу жаловаться: у тех, кто хотел, была возможность плодотворно заниматься своим делом, несмотря ни на что. Институт всегда активно взаимодействовал с другими философскими центрами нашей страны и зарубежья, мы проводили общие конференции и встречи для обсуждения различных философских проблем. В нашей стране Институт философии – это ведущая философская организация, большинство интересных философов работали и работают именно здесь.

А.Ч.: *Владислав Александрович! Кто Вам особенно памятен из уже ушедших коллег философов, сотрудников Института философии?*

В.Л.: Моя философская судьба связана со многими людьми. Главным моим учителем был Э.В. Ильенков. Он руководил моей дипломной работой, потом мы работали вместе в секторе, а потом он стал моим близким другом, я звал его по имени, мы общались на «ты». Это была уникальная личность, Философ с большой буквы, безусловно. И как человек он был особенный. Кстати, я давно это понял: мелкий человек не может быть крупным философом, пото-

му что философия – это не только исследование важных проблем, но и образ жизни, способ отношения к миру, отношения к людям. В других науках эта зависимость не столь жесткая: личные качества математика или физика не так уж важны для его деятельности как ученого. А Эвальд был философом, что отражалось на его отношении ко всему: к окружающим людям, к происходящим событиям, даже в эстетических пристрастиях. Когда вы приходили к нему в гости, он любил усадить вас в кресло и включить пластинку с музыкой Р. Вагнера. Эти пластинки он сам привез когда-то из Германии, где встретил конец войны. Сам он мог слушать Вагнера часами. Это не было просто любительство, музыка Вагнера была укоренена в немецкой культуре и философии, и все это глубоко перекликалось с мироощущением Эвальда.

Непростыми были судьбы не только философов, но и их книг. Работа Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса» была отправлена в печать уже в 1957 году. И вдруг из издательства директору Института философии приходит письмо, что у Ильенкова недостаточное количество ссылок на Ленина. Еще к чему-то прицепились, не хотели издавать книжку. И тут вдобавок происходит событие, сильно ударившее по Эвальду. Как раз в это время решением Нобелевского комитета была присуждена премия Б.Л. Пастернаку за роман «Доктор Живаго». Он был недавно издан на итальянском языке, и Нобелевский комитет дал премию за «антисоветский» роман. На самом деле он, конечно, никакой не антисоветский, он просто несоветский. Если угодно, в чем-то даже философский. И в это время Эвальд с прискорбием сообщает, что дал почитать свою рукопись какому-то итальянцу, от которого она попала тому самому издателю пастернаковского «Доктора Живаго», и он уже подготовил набор на итальянском языке... Этот вопрос выносился на партсобрание, кончилось тем, что русский набор работы Ильенкова был рассыпан, ему объявили строгий выговор и заставили написать письмо в Италию с требованием не издавать там его книгу. Кстати, тот итальянский издатель был человек левых взглядов, член компартии. Ильенков после этой истории сильно заболел, даже попал в больницу. А выход в свет его книжки задержался на несколько лет, и Кедрову пришлось специально ездить к вице-президенту АН СССР академику П.Н. Федосееву, чтобы добиться разрешения на издание этой книжки, под личную ответственность, при условии добавления ленинских цитат и т. п. А вторая принципиальная работа Ильенкова – большая ста-

тя «Проблема идеального», при жизни автора так и не была издана. Б.С.Украинцев, директор Института в 1974–1983 годах, сказал мне, что, пока он остается директором, никакие работы Ильенкова в Институте издаваться не будут.

В секторе работали многие интересные люди. Г.С.Батищев в своих интересах двигался от теории познания в сторону философской антропологии, его интересовали проблема человека, человеческой деятельности, диалектики творчества. Жизнь его была непростая. Неоднократно возникала угроза увольнения из Института, были проблемы и с опубликованием текстов. На каком-то этапе своей жизни он пришел к религиозному мировоззрению, и это трудно было скрыть. В связи с этим вспоминается такая история. Году в 1983-м, уже при Ю.В. Андропове, в Институте философии проходила очередная аттестация. Все сотрудники должны были получить положительные характеристики. И вдруг секретарь партбюро сообщает мне, что не может подписать характеристику на Батищева. А через неделю нас вместе с Генрихом вызывают к директору Института Георгию Лукичу Смирнову. Надо сказать, это был хороший директор, человек умный и доброжелательный, несмотря на то что пришел он из отдела идеологии ЦК – там тоже были разные люди. Когда мы с Батищевым вошли, в кабинете уже находился секретарь партбюро. Смирнов начал разговор издали, с вопросов о том, чем Батищев занимается в настоящее время. Тот отвечал, что занимается проблемами общения, деятельности и т.д. Потом директор спросил, есть ли среди знакомых Генриха священнослужители. Тот признался, что есть. «И что же вы с ними обсуждаете?» «Мы обсуждаем мировоззренческие вопросы». – «И с каких же позиций вы это обсуждаете, с позиций материализма или с каких-то других позиций?» В ответ Генрих что-то промывчал неопределенное, и я понял, что имеется в виду его религиозность.

Дело в том, что перед этим он принял православное крещение и получил новое имя – Иоанн, т.к. имени Генрих нет в святцах православной церкви. Конечно, он должен был сам сказать об этом мне, своему другу и заведующему. Тем более что и так все очень быстро было сообщено в дирекцию и в партком Института. Не зря же ведь в церкви при совершении обрядов в то время записывались все паспортные данные людей. Формально это делалось для органов экономического контроля, но в итоге информация попадала «куда надо». Я уже из контекста разговора обо всем этом быстро догадался и понял, к чему идет дело. И вот, после некоторой паузы

зы, Смирнов многозначительно посмотрел на нас и сказал: «Ну что, подпишем характеристику Батищеву или создадим еще одного диссидента?..» В итоге характеристика была подписана. Но все могло сложиться гораздо хуже. Ведь за несколько лет до того уже была подобная история, когда одну женщину, причем не из научных, а из технических работников, в подобной ситуации немедленно уволили. У нее были какие-то сложности с мужем, и кто-то посоветовал ей принять крещение. Кончилось тем, что ее буквально через несколько дней под каким-то предлогом уволили из Института; при этом самое интересное, что муж к ней действительно вернулся...

Нельзя не вспомнить В.С. Швырева. Сначала он занимался логикой, потом обратился к более широкому кругу проблем: методологии, теории познания, философии в более широком плане. Проработал в секторе многие годы. Один из выдающихся ученых-философов второй половины XX века. Также у нас в секторе работал замечательный мыслитель Н.Н. Трубников, который, как и Батищев, к сожалению, рано умер. Он написал книгу «Время человеческого бытия». О проблеме времени у нас немало писали в те годы, но обычно с точки зрения естествознания. А Трубников попытался подойти к этой проблеме именно с философской точки зрения, показать, что время не сводится к физическим процессам. Есть время именно бытия человеческого, время субъективное, время наших переживаний, в этом времени много загадочных, интересных вещей. В те годы его книжка казалась, конечно, необычной, если не «еретической». Ее долго не издавали, она вышла только через 7 лет, уже посмертно. Я уже говорил, что судьбы философских книг, как и их авторов, складывались непросто. Главная книга Батищева, «Диалектика творчества», вышла только теперь, а при жизни автора была лишь депонирована в Институте научной информации по общественным наукам. В Институте философии работал и выдающийся психолог С.Л. Рубинштейн, который даже не претендовал на то, чтобы его работа «Человек и мир» была своевременно издана. Но все равно, несмотря ни на что, мы находили какие-то способы обмениваться идеями. Люди работали, писали свои труды, и читатели у них были, давали друг другу рукописи, излагали свои идеи устно. Например, большинство изданных теперь книг Мамардашвили – это расшифровки магнитофонных записей его многочисленных лекций и выступлений. Сам он подготовил к печати только две свои работы, и долгое время ему было запрещено издаваться. Тогда книжек выходило гораздо меньше, чем сейчас,

зато все, что выходило, мы читали, а теперь как-то некогда стало читать, все бегут куда-то...

А.Ч.: *Возглавляемый Вами журнал «Вопросы философии» по тиражу лидирует среди всех периодических изданий РАН. Однако по сравнению с прошлым тираж «Вопросов философии» снизился, несмотря на то что сам журнал, безусловно, стал гораздо интереснее. Очевидно, это отражает не вполне благоприятную социально-культурную ситуацию в России. Как Вы полагаете, есть ли надежда, что голос философа будет услышан, ведь ему есть, что сказать современному обществу?*

В.Л.: Одна из причин снижения тиража журнала – экономическая, связанная с повышением стоимости подписки. Ведь свыше половины наших подписчиков – это не профессионалы в философии, а просто интересующиеся люди, которые не всегда могут позволить себе оплатить довольно дорогую подписку. Но главная проблема все-таки не в этом, и дело касается отнюдь не только нашего журнала. Одна из главных российских бед сегодня в том, что мы теряем статус страны с высокой интеллектуальной культурой. Россия превращается исключительно в сырьевую державу. Промышленность свернута, экономика специализирована на добывающих отраслях. Мы привыкли жить за счет того, что гоним на Запад нефть и газ, все остальное строится в основном именно вокруг этого. А если свернута промышленность, нет потребности в инновациях, то зачем нужна большая наука? Вот почему и Академия наук долго влачила довольно жалкое существование, ее разработки были практически не востребованы.

То же самое происходит в области культуры: высокая культура вытесняется, все заполоняет массовая культура. Люди поставлены в условия, заставляющие постоянно думать исключительно о том, как заработать денег, для некоторых это вопрос элементарного выживания. В такой ситуации читать книги времени не остается, многим начинает казаться, что это и вовсе не нужно. Даже газеты читать становится некогда, остается только смотреть телевизор, который полностью оболванивает людей. Какая уж тут философия... А ведь Россия – это не только нефтяные скважины, но и традиции высокой духовной культуры, опыт генерации выдающихся научных и философских идей. И все наши достижения в науке, технике, промышленности связаны именно с этим.

Нам часто пытаются внушить, что все объясняется внешними причинами: экономическими, социальными, геополитическими.

Эти факторы никто не может отменить, но современные события в мире, происходящие в нем глобальные конфликты имеют более глубокое, фундаментальное объяснение, связанное с вопросом о жизненном смысле и о ценностях, которые мы разделяем. Основная проблема, стоящая сегодня на повестке дня в мире, – это столкновение разных культур. И вопрос в том, какая система ценностей окажется более перспективной. Идет конфронтация разных пониманий того, что такое человек, каковы его права и обязанности, зачем он живет. Западная цивилизация сталкивается с другими цивилизациями – арабо-мусульманской, дальневосточной, которые иначе понимают эти вещи. Чтобы все не кончилось взаимным уничтожением, мы должны к чему-то прийти, и конечно голос философии здесь очень важен.

А.Ч.: *На базе Института философии успешно существует философский факультет Государственного университета гуманитарных наук (ГУГН), где Вы профессорствуете с момента его основания. Как Вы считаете, насколько полезен опыт образовательной деятельности для института РАН и опыт преподавания – для академического ученого?*

В.Л.: В ГУГН я преподаю много лет, читаю курс «Введения в эпистемологию». Считаю, что философский факультет ГУГН – это очень позитивное явление, в котором происходит соединение исследования с преподаванием. Для ученого, а особенно для философа, очень важно иметь возможность не просто писать некие тексты, но еще и проговаривать свои мысли вслух, делиться ими со слушателями, раскрывать перед ними свою философию. Не зря почти все крупные философы вели преподавание, и большинство вошедших в историю философии книг возникли из лекционных курсов. Опыт преподавания помогает философу научиться излагать сложные вещи просто, научиться самому лучше все понимать, говорю об этом по собственному опыту. Мне преподавание в ГУГН доставляет удовольствие: приятно, когда на твоих глазах формируются молодые специалисты, которые потом идут в аспирантуру, а иногда и приходят работать в наш Институт...

А.Ч.: *Владислав Александрович! В чем, с Вашей точки зрения, состоит научная и культурная миссия Института философии – историческая и современная?*

В.Л.: Институт философии – одно из тех мест, где хранятся высокие традиции нашей российской философии, издаются произведения философского наследия, как зарубежного, так и отече-

ственного. Но важно не только хранение и развитие традиций, но и популяризация философии. К философии сейчас тянутся многие люди. Философия должна обращаться также и к нефилософам, среди которых есть большая потребность в философии – например, у ученых-естествоиспытателей, которые сами часто к нам обращаются. У думающих людей сейчас возникает масса вопросов, которые нуждаются именно в философском осмыслении. Также очень важно доносить философию до политиков, устанавливать связи с политологами. Некоторые из них сами увлечены философией. Например, В.Т.Третьяков участвовал в нашем «Философском поезде» от Владивостока до Москвы. Философия призвана влиять на нашу интеллигенцию, на наших ученых, на политическую элиту. К сожалению, большинство людей, принимающих сейчас важные решения в политике и экономике, живут сегодняшним днем, не задумываются о стратегической перспективе. А если начать об этом задумываться, то без философии не обойтись.

Русская философия всегда играла исключительно важную роль в нашей культуре, и эта роль не должна быть потеряна, но сохранена и усилена. Для меня Институт философии – это не только место моей работы, но и один из центров нашей культуры. Здесь работает немало выдающихся философов – к сожалению, современному обществу они не всегда достаточно известны, потому что о них не пишут в газетах, их не показывают по телевидению. А ведь философам действительно есть что сказать о нашей жизни интересного, важного и нужного. Традиционно философией, кроме самих философов, интересовались ученые, богословы, большие писатели (Ф. Шиллер, В. Гете, Т. Манн, Ф. Достоевский, Л. Толстой и др.) – т.е. люди, живущие на «высотах» культуры. А сейчас философия может быть интересна для многих людей, занятых более простыми вещами, потому что сейчас мы достигли какого-то рубежа в развитии человечества. Непонятно, что всех нас ждет в недалеком будущем. Ведь те технологии, которые сейчас созданы, могут погубить самого человека, и это касается буквально каждого. Я участвую в работе семинара по искусственному интеллекту, работающего в рамках отделения общественных наук РАН, и там активно обсуждаются вопросы будущности человека в условиях информационной цивилизации. На фоне различных экспериментов по «усовершенствованию человека» по новому встает вечный философский вопрос: а что такое человек?

А.Ч.: Что бы Вы хотели пожелать коллективу Института философии в канун институтского юбилея?

В.Л.: Институт находится в хорошем рабочем состоянии. Я хочу пожелать Институту прежде всего не потерять «запала», не расплескать те философские богатства, которые в нем накоплены, а постараться сохранить и приумножить их. А во-вторых, очень важно внедрять философию в культуру, устанавливать более активные контакты с учеными других специальностей, деятелями культуры, духовными лицами. Философия должна идти «в массы», должна «обмирщаться» (по выражению Маркса). К сожалению, многим людям сегодня не до философии, не до науки и не до культуры. Но без этих вещей у нашей страны нет будущего. Ведь Россия – не просто территория, заселенная какими-то случайными людьми. Россия обладает великой историей и богатой культурой, без которой она немыслима, иначе это будет уже не Россия. А развитая культура без самостоятельной философии невозможна. Замечательно, конечно, что мы читаем и переводим западных философов, но важно иметь и развивать свою оригинальную философию. Одна из бед нашей современной философии в том, что вал переводной литературы, доступ к которой раньше был ограничен, теперь иногда мешает нам самостоятельно мыслить. Нельзя довольствоваться переводом, пересказом или подражанием зарубежной философии, надо освоить ее и идти дальше. Я считаю, что наши философы могут это делать. Ведь именно об этом говорит история нашей философии, история нашего Института.

Н.В. Мотрошилова

Уникальное сообщество философов

А.В. Черняев: *Неля Васильевна! 2009 год – юбилейный для Института философии, а также для Вас лично: ведь это и год полувекowego юбилея Вашей работы здесь. Большая часть истории Института прошла на Ваших глазах и при Вашем участии. Какие мысли и воспоминания вызывают у Вас эти даты?*

Н.В. Мотрошилова: Так уж совпало, что 80-летие Института философии – это дата и в моем личном развитии: исполняется 50 лет моей работы на Волхонке, 14. Кроме того, 2009-й – год моего 75-летия. Неплохой повод, чтобы вспомнить, каким было минувшее время, а попутно и опровергнуть некоторые типичные штампы. Сегодня в СМИ, особенно в Интернете (у меня нет ни времени, ни особого желания следить за всем, что там пишут, но мне рассказывают об этом другие), люди, которые не жили в те годы, распространяют стереотипы искаженного их восприятия и строят свои «гробокопательские» версии. Но ведь 80-летний период из истории нашей философии, совпавший со временем существования Института философии, обширный и значительный, почему и нужно скрупулезное, объективное его исследование, что составляет научную, историко-философскую задачу. Почему-то мы не всегда это понимаем. Никто не сомневается: скажем, для постижения немецкой классической философии необходимо хорошо знать тексты, доподлинно выявить исторические обстоятельства того времени. Но разве не то же самое требуется для изучения отечественной философии – очень трудного и противоречивого советского периода, а также и того периода, который мы переживаем сейчас?

А.Ч.: *Существуют ли в современной историко-философской науке отвечающие таким требованиям разработки?*

Н.М.: В настоящее время я заканчиваю работу над книгой, которая называется «Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль (опыт социологии философского познания)». В своей книге я опираюсь на уже существующий массив очень добротных исследований. Например, изданный под редакцией В.А. Лекторского двухтомник «Философия не кончается». Там есть ряд блестящих публикаций. Достаточно упомянуть имена авторов – Г.С. Батыгина, А.П. Огурцова, В.А. Лекторского, В.Н. Садовского, Л.Н. Митрохина. Есть множество воспоминаний, мемуаров, исследований. Я на все это внимательнейшим образом опираюсь, но стремлюсь сделать исследование еще более конкретным. Например, у меня есть такой исследовательский прием (освоенный в разных общественных дисциплинах): case studies, связанные с тщательным обобщающим анализом конкретных примеров. Скажем, возникает необходимость по-новому изучить контекст пятитомной «Философской энциклопедии»: как она создавалась, какие были трудности, каково ее значение сегодня? В итоге, как мне кажется, получается достаточно высокая историческая оценка данного издания: эта энциклопедия для своего времени стала прорывом, плацдармом, фундаментальной основой для развития отечественной философской мысли. Кстати говоря, молодые тогда сотрудники ИФ принимали в «Энциклопедии» очень деятельное и горячее участие.

А.Ч.: *Если не ошибаюсь, эту Вашу работу по социологии философского познания можно рассматривать как продолжение Вашей книги «Наука и ученые в условиях современного капитализма» 1976 года?*

Н.М.: Совершенно верно. С той работой по социологии науки, социологии философского познания нынешняя связана в теоретико-методологическом отношении; но хотелось бы сделать новую книгу шагом вперед. Я вижу свою цель в том, чтобы очень конкретно, опираясь на тексты, на сравнительное историко-философское исследование, показать, что действительно происходило в нашей философии и как это соотносилось с развитием тех или иных тенденций в западной мысли.

А.Ч.: *Ваша коллега Н.С. Юлина пишет о «монологизме» советской философии. Как Вы полагаете, была ли такая проблема?*

Н.М.: В определенной мере Юлина права. Не было тогда настоящего диалога с западной мыслью. В каком-то смысле его нет

и сейчас. Ведь диалог всегда, естественно, двусторонен: это не только когда мы знаем их и о них говорим, но и обратное – когда они знают нас, обращаются к нам, дискутируют с нами. Но даже и в этом отношении были очень яркие исключения. Я их подробно описываю в своей новой книге. В качестве примера вспоминается, скажем, наше сотрудничество – еще в 1970–1980-х годах – с Международным гегелевским объединением. Совместно мы опубликовали 4 книги – одновременно в России и в Западной Германии. В частности, я издала книгу текстов по истории отечественной философии советского периода в 1986 году в издательстве «Зуркамп» – том самом издательстве, которое печатает Ю. Хабермаса и других ведущих философов современности. Две из этих книг – гегелеведческие: в них есть и публикации, и дискуссии виднейших исследователей философии Гегеля из разных стран, в том числе из нашей, которая в ту пору звалась СССР. Уже не монолог! Проблема монологизма, повторяю, существовала, но не была абсолютно фатальной. Ведь так называемый железный занавес всегда был несколько дырявым.

А. Ч.: *Расскажите, каким образом Вы пришли в философию, что повлияло на выбор философского факультета и такого неординарного жизненного поприща?*

Н. М.: Мой собственный путь на философский факультет поначалу определялся совершенно случайными причинами. Один мальчик, с которым мы учились в параллельных школах – тогда ведь девочки и мальчики обучались отдельно, – сообщил мне, что собирается поступать на философский факультет. Признаться, я тогда слабо представляла себе, что есть философия, но меня это заинтриговало. И вот, пошла. Первое время меня одолевали сомнения насчет правильности такого выбора.

А. Ч.: *Сейчас это звучит невероятно!*

Н. М.: Да... Если бы я была более склонна к мистике и ко всяким разговорам о судьбе, я бы, наверное, сказала, что какое-то вмешательство в мою судьбу было. Где-то на 2–3 курсе я почувствовала: философия – это мое призвание. И уже тогда мне стало ясно, что меня больше всего привлекает история философии... Я окончила очень хорошую московскую школу; многие наши педагоги имели еще дореволюционную выучку. Когда же в 1951 году я поступила на философский факультет, меня поразило, насколько слабым и бездарным оказалось там преподавание многих предметов. Тогдашний декан факультета проф. А. П. Гагарин не умел грамотно высказать

ни единого предложения; начиная фразу, он совершенно не представлял, куда он вырулит в конце ее. Когда я впервые услышала его речь, то спросила себя – куда я попала? – настолько это диссонировало с высокой культурой наших школьных преподавателей. Для философского факультета это были не лучшие времена, к тому же – самый пик культа личности Сталина. И тем не менее именно учебе на философском факультете я обязана тем, что философия стала моей судьбой. Ибо там все-таки были и такие выдающиеся педагоги, как В.Ф. Асмус, М.Ф. Овсянников, молодые Э.В. Ильенков и В.И. Коровиков. Признаться, Ильенков был не очень хорошим преподавателем в узко-методологическом понимании; но он жил философией, философски мыслил на наших глазах. Это был захватывающий, судьбоносный пример для нас, его учеников. Кроме того, на старших курсах тогда же учились люди, имена которых говорят сами за себя: М. Мамардашвили, А. Зиновьев, Л. Митрохин, И. Фролов, Г. Щедровицкий, В. Лекторский – всех трудно перечислить. А сокурсники: В. Садовский, В. Швырев, Г. Батищев, В. Межуев – это только некоторые имена; на следующем курсе учились П. Гайденок, Э. Соловьев, О. Дробницкий, Т. Кузьмина и др. На факультете уже была хорошая духовная, именно философская среда. Истинная тайна, почему все эти замечательные люди собрались тогда вместе, что вдруг привело их в философию – сначала в МГУ, а затем и в Институт философии Академии наук, сотрудниками которого стали почти все из перечисленных философов милостью Божьей... И как получилось, что молодое и новое для своего времени сообщество приобрело то особое значение, благодаря которому наша философия не пропала и развивалась очень достойно, в целом ряде отношений достигнув мирового уровня.

А.Ч.: *И как Вы думаете, почему же это смогло произойти?*

Н.М.: Очевидно, это было связано с некоторыми важными социально-историческими тенденциями. Во-первых, в послевоенный период наша страна вступила в научно-техническое соревнование, в условиях которого приобретали особую важность ценности научного познания, объективной истины. К сожалению, эти идеалы никогда не стояли у нас на первом месте. Но после войны они все же заметно выдвинулись на передний план по сравнению с ценностям номенклатурно-партийной преданности, безраздельно господствовавшими прежде – все-таки ядерную бомбу надо было кому-то делать... А это имело значение для всего общества в целом – и для технической, и для гуманитарной интеллигенции. Ска-

залось и то, что культура и наука обладают внутренним единством, что конкретно-научная и гуманитарная культура тоже едины, что философия нужна культуре. Во-вторых, сыграл свою важную роль фронтовой опыт будущих философов. Это, кстати, давний российский феномен, о котором, в частности, писал Д.С. Мережковский на примере декабристов, умонастроение которых изменилось после знакомства с Европой и европейской культурой в ходе военных походов начала XIX века. То же самое произошло с русскими людьми и в середине XX века. Наши фронтовики-философы – Эвальд Ильенков, Александр Зиновьев, Арсений Гулыга, Владислав Келле и многие другие вернулись на родину с иным сознанием. В конце войны Гулыга оказался перед могилой Канта в Кенигсберге – и совсем не случайно впоследствии стал выдающимся кантоведом, крупным специалистом по немецкой классической философии. Был еще и третий фактор. Как показал проведенный мною анализ, лишь незначительная часть (около 3–5 %) пришедших тогда в философию талантливых людей были из Москвы и других центральных городов. В основном они были уроженцами глубинки, маленьких городков и деревень. Но они приехали в Москву с очень хорошей, глубокой и разносторонней подготовкой. Провинция вдохнула молодые свежие силы – с уже изменившимися, обновленными ценностями – в духовную культуру страны. Ведь в городе Гори родился не только Иосиф Сталин; в городе Гори родился и Мераб Мамардашвили. Он окончил тбилисскую школу, и с достойным багажом пришел на философский факультет, где сразу же выказал себя блистательным мыслителем и незаурядной личностью. Некоторые уже на студенческой скамье стали выступать с критикой устаревших подходов – например, занимавшиеся русской философией Ю.Ф. Карякин и Е.Г. Плимак. Вот такая была обстановка.

А.Ч.: *Расскажите, пожалуйста, как Вы попали в Институт философии?*

Н.М.: В 1956 году я окончила МГУ, защитив диплом по феноменологии Э. Гуссерля. Подобный выбор темы сам по себе выглядел экстравагантно – ведь тогда это имя у нас было практически неизвестно. Когда я пришла к В.Ф. Асмусу с просьбой, чтобы он стал научным руководителем моей дипломной работы, и назвала ему тему: 2-й том «Логических исследований» Э. Гуссерля, примерно на 3 минуты воцарилось молчание. Я уже подумала, что он меня сейчас выгонит с такой темой. И вдруг он говорит: я столько лет мечтал, что придет кто-то из студентов и захочет заняться такой темой!

В этих условиях я ведь выбрала тему своей жизни, что относится не только ко мне. Так же П. Гайденко и Э. Соловьев выбрали экзистенциализм, О. Дробницкий – свою проблематику в этике. Менялась сама тематика отечественной философии, и это очень важно.

Когда я окончила МГУ, В.Ф. Асмус и Ю.К. Мельвиль рекомендовали меня в аспирантуру, но в то время вышел указ – брать людей в аспирантуру только со стажем работы. Надо сказать, что довольно непросто и даже проблематично проходило мое последующее поступление в аспирантуру – несмотря на то, что на экзаменах у меня были все «пятерки» и уже имелись печатные работы. Итак, только через 3 года после окончания университета, в 1959 году, я смогла поступить в аспирантуру Института философии и продолжить работу над своей темой. Диссертация была посвящена феноменологии Гуссерля и социологии познания.

А.Ч.: *А что Вы делали в течение 3 лет между учебой в университете и аспирантурой?*

Н.М.: Самое важное дело, которое я тогда сделала, – родила сына... А в философском плане занималась самообразованием, читала литературу по античной философии на русском и на немецком языках; последний к тому времени усвоила уже достаточно, чтобы читать сложнейшие философские тексты.

А.Ч.: *Очевидно, свою прекрасную подготовку по иностранным языкам Вы получили еще в школе или в университете?*

Н.М.: Нет. В основном я благодарна времени учебы в аспирантуре Института философии, где была хорошая возможность изучать языки. И я решила кроме немецкого изучить еще английский и французский. По английскому языку у меня уже была некоторая самостоятельная подготовка, а французский начинала «с нуля», думала: как-нибудь да что-нибудь выучу. Но мне несказанно повезло. Моей учительницей была Наталья Васильевна Мешковская-Светлова – известный автор учебников по французскому языку, совершенно особый человек. Если ты не выполнял какое-то задание, она так переживала, так страдала, что ничего не оставалось, как серьезно учить язык. В результате за эти три семестра я научилась читать не только специальную литературу, но даже художественную, и теперь «для души» могу читать в оригинале Стендаля, Мопассана, Симону де Бовуар, Сартра и т. д. Аспирантура Института философии вообще была интереснейшим и плодотворнейшим временем. Преподавание вели такие люди, как Константин Спиридонович Бакрадзе, которого считаю одним из своих учителей. Он

много рассказывал о своем пребывании у Гуссерля, у Риккорта – была у него такая страница жизни в 1920-е годы...

Я закончила аспирантуру в 1963 году, в 1964 году защитила диссертацию. И после этого началась моя трудовая деятельность в Институте философии, которая продолжается и сейчас.

А.Ч.: *Хочется от всей души пожелать Вам столь же успешного продолжения Вашей научно-творческой деятельности! Кстати, Вы ведь не сразу оказались в отделе истории философии?*

Н.М.: Да. Сначала я оказалась в секторе диалектического материализма (диамата). Прямо скажу, это соответствовало моему желанию, потому что в секторе диамата тогда работал Ильенков и трудилось еще несколько очень интересных философов. Название «Сектор диалектического материализма» было чисто формальным. Некоторые сотрудники, правда, были «диаматчиками» и хотели ими быть. Но для других там было обширное поле работы над теорией познания, причем велась наиболее творческая философская работа из всего того, что делалось в институте. Вспоминаю, что для «Философской энциклопедии» мне поручили написать статью «Идеальное». Я ее написала и показала Ильенкову – у нас в то время было с ним очень тесное сотрудничество. Эвальд Васильевич мою статью очень мягко и деликатно раскритиковал. И я поняла, что он сам увлечен этой темой и что у него давно есть концепция идеального. И тогда я приняла решение отказаться от написания этой статьи в пользу Ильенкова (хотя он и не сразу на такое мое решение согласился). В итоге «Идеальное» для «Философской энциклопедии» написал Ильенков – и то была одна из лучших, по мнению многих, его работ. Такова была атмосфера жизни Института: постоянное взаимодействие, нелюбезное обсуждение. Ведь мы все – и сотрудники, и аспиранты – постоянно ходили в институт, причем без всякого принуждения, и не только в присутственные дни, а практически ежедневно. Философские проблемы обсуждались даже за обедом. В институте была прекрасная столовая, мы шли туда все вместе, сдвигали столы и продолжали свое общение. Это был своеобразный ритуал. И институтская библиотека была для того времени очень хорошая.

Правда, не только Ильенков, и не только такие, как он, работали в Институте философии. Едва ли не большую часть сотрудников в начале 60-х составляли люди «старой закалки», догматические марксисты-ленинцы, которые ничего другого не могли и не знали. Однако так произошло, что к концу 1960-х – началу 1970-х

уже не эти люди определяли то главное, что происходило в Институте. Сложилась структура, которую я называю неофициальным сообществом. Такой феномен время от времени возникает в культуре. Для нашего неофициального сообщества главными принципами были не идеологические, а исследовательские критерии. И это главное, чему меня научил Институт философии, – то, что выработалось у нас, в частности у меня, в молодости и с тех пор никогда не изменялось.

А.Ч.: *Неля Васильевна! А с какими трудностями Вам как сотруднику Института философии приходилось сталкиваться?*

Н.М.: Трудности в Институте философии были немалые, и они отражали сложные процессы, происходившие в стране. Особенно трудной, как ни странно, была вторая половина 70-х годов, когда руководить Институтом пришел человек, который, по сути дела, стремился уничтожить все то, что в неофициальном сообществе понимали под философией, – по фамилии Украинцев. Он был инженером по образованию, затем работал в ЦК КПСС, там защитил докторскую по брошюре (написанной в соавторстве еще с двумя людьми), которая называлась «Переход количественных изменений в качественные при социализме». Потом его решили из ЦК убрать – и не нашли другого применения, как дать ему возглавить Институт философии АН. И он 8 лет, как ржавый гвоздь, здесь торчал; многим людям он испортил жизнь, заставил уйти из Института, а кого-то и из жизни. Я считаю, что именно при нем здесь произошло то, что вынудило Ильенкова прервать свою жизнь. Украинцев пришел в Институт в 1974 году, а вторая половина 1970-х совпала в нашей стране с реваншем сталинизма, который возник не случайно – он поддерживался московской партийной организацией, в частности, человеком по фамилии Ягодкин, который был в МГК секретарем, руководил духовной сферой. Он пришел из университета, хорошо знал ситуацию в науке и культуре, которую считал крамольной, неблагонадежной. У него был очень «конкретный» стиль руководства: он знал по именам буквально всех, кого считал нужным убирать из науки или преследовать. Главными врагами он считал именно таких людей, какими были члены нашего неофициального сообщества. Начались настоящие гонения, которые в ИФ АН сказались на судьбе многих людей (например, мне не давали издавать книгу о Гегеле, 8 раз вычеркивали ее из всех планов). Были и другие преследования, повседневные придирки. И я уже серьезно думала покинуть Институт. Но этого мне не позво-

лил сделать мой муж, Юрий Замошкин. И еще я с благодарностью вспоминаю совет Валентина Толстых, который говорил: я пережил уже 6 или 7 директоров, и этого тоже переживу, и ты переживешь. Так оно и получилось. В 1983 году Украинцева как ветром сдуло предперестроечной волной.

Тем не менее, несмотря на все трудности, шаг за шагом обстановка оздоравливалась и крепло влияние упомянутого неофициального сообщества. Со временем оно утвердилось и институционально. Примером может служить «сектор современной буржуазной философии». Некогда это подразделение возглавляла дама по фамилии Модржинская, которая до прихода в наш Институт была начальником референтуры у Берия (вот какие «кадры» присылали в академические учреждения!). Когда-то она была разведчицей, знала языки, и ее пристроили возглавлять этот сектор. А в секторе в то время работали: Митрохин, Дробницкий, Юлина, Кузьмина, Степанянц, Баталов. То есть это был потрясающий сектор по своему научному потенциалу. Кстати, я должна была обсуждать там свою первую книгу – «Принципы и противоречия феноменологической философии», которая вышла в 1967 году. Но прежде, чем ее опубликовать, я должна была получить одобрение в Институте. Я сдала рукопись, естественно, в этот сектор. На обсуждении Модржинская категорически заявила: я эту книгу не пропущу ни за что, потому что она антимарксистская. Потом начинают выступать другие сотрудники, которые все в один голос говорят, что книгу следует опубликовать. И что было делать Модржинской? Она уже ничего не могла сотворить, ибо соотношение сил изменилось. Через некоторое время даже Федор Васильевич Константинов, который тогда был директором нашего Института – сложный, противоречивый человек, марксист до мозга костей, – понял, что Модржинская не может руководить таким сектором, и назначил на эту должность Митрохина. Кстати, хотя я не думаю, что моя книга действительно была антимарксистская, после публикации меня спрашивали: Неля Васильевна, а как вы получили разрешение на то, чтобы не привести в своей книге ни одной цитаты из классиков марксизма-ленинизма? Конечно, там были марксистские оговорки, некий орнамент марксистских рассуждений, но ни одной цитаты из «классиков» в самом деле не было. Сама удивляюсь, как это мне тогда удалось. Книга публиковалась в издательстве «Высшая школа», и там редактором был Ю.М. Бородай, он нас и пригласил туда – все тех же коллег из неофициального сообщества.

А.Ч.: *А кто еще входил в этот круг единомышленников?*

Н.М.: Трудно всех здесь перечислить, хотя, конечно, можно и нужно воспроизвести подобный список. Надо идти по специализациям. Возьмем философию науки. В Институте философии АН учились, а потом работали такие специалисты, как Л. Баженов, Ю. Сачков, И. Акчурина, В. Казютинский (последний учился со мной вместе в аспирантуре). Про философию науки надо сказать особо: ведь туда пришли молодые люди из разных отраслей естествознания, из точных наук. Они были математиками, физиками, химиками, астрономами и т. д., но твердо знали, что им надо стать профессионалами в философии. К философии и философам они относились с глубоким внутренним уважением.

А.Ч.: *Можно сказать, что в лице этих людей произошло преодоление известного противостояния «физиков и лириков»?*

Н.М.: Да, да. Надо добавить также, что мы общались и дружили с действующими физиками. Например, я была от философии консультантом в философско-методологическом семинаре Института ядерной физики имени И.В. Курчатова. Там участвовали ученые-физики, и они мне сказали: пожалуйста, у нас говорите свободно. А ведь мы и без такого напоминания умели говорить свободно – на наших конференциях, обсуждениях и т. д., для нас это уже не было чем-то особенным. С тех пор у нас сложились прекрасные дружеские отношения (я до сих пор время от времени встречаюсь с теми самыми физиками, которые сейчас стали очень известными академиками).

А.Ч.: *Неля Васильевна! Расскажите, пожалуйста, еще о том, как развивалось неофициальное сообщество в Институте философии.*

Н.М.: Как бы странно это ни показалось, такое сообщество создавалось в секторе исторического материализма (истмата), куда меня пригласил работать Владислав Жанович Келле. Замечательный человек, он был, конечно, убежденный марксист. Келле – удивительная личность, человек, который всегда был настроен на новаторство, на творчество. Он меня пригласил на должность старшего научного сотрудника (в секторе диамата тогда такой вакансии не было, и я согласилась). Келле собрал прекрасную команду: Е. Плимак, Н. Новиков (замечательный мой однокурсник, который занимался социологией и социальной философией, потом он эмигрировал в Германию), Э. Соловьев, Ю. Бородай, А. Гулыга... Я тогда занималась социологией науки, для меня это было продолжением

работы над социологией познания. В силу ранее сказанного: когда говорят, что в советское время Институт философии был исключительно оплотом застойного марксизма, я могу засвидетельствовать: это ложь, удобный кому-то штамп. В Институте было напряженное противостояние свободного, творческого познания и марксистского догматизма, который с какого-то времени, причем довольно раннего, уже не преобладал, не доминировал. Но борьба постоянно шла. И сектору Келле досталось особенно сильно. По нему «долбанули», когда к ленинскому юбилею Келле и Плимак решили издать книгу о Ленине (думаю, не самую лучшую в творчестве этих философов, у которых были подлинно глубокие и интересные работы). В ней они пытались раскрыть прогрессивную, гуманистическую сторону ленинского наследия, в чем, конечно, была большая натяжка, и я лично этому предприятию изначально не сочувствовала. К тому же, «покусившись» на такую тему, авторы внедрялись на «чужую территорию»: ведь тогда считалось, что право писать о Ленине еще надо было заслужить. За что и поплатились сполна. Как написал по этому поводу наш замечательный поэт Э. Соловьев, удар пришелся «прямо по темени, по юбилейному прямо труду».

Однако реальной причиной послужило другое обстоятельство. Дело в том, что как раз тогда началось диссидентство, начались отъезды за рубеж. Из нашего сектора уехал в Канаду прекрасный социальный философ Михаил Виткин. И что тогда началось! Ведь согласно тогдашней партийной логике, за все отвечать должен был начальник – и значит, отдуваться пришлось Келле. Украинцев решил разогнать сектор истмата в том виде, каким он был под руководством Келле и с нашим «крамольным» участием. Но нет худа без добра: часть сотрудников Украинцев решил «сослать» в отдел истории философии, за что я лично ему благодарна. Ведь я уже давно тяготела к социально-философским исследованиям именно в историко-философском аспекте. В отдел истории философии, который возглавлял Т.И. Ойзерман, мы пришли втроем: Соловьев, Гулыга и я. Правда, Гулыга вскоре ушел, он вообще не мог долго «сидеть на одном месте», а мы с Соловьевым остались. В 1987 году Теодор Ильич предложил мне сменить его на посту руководителя отдела, что и состоялось. Таким образом, я имею опыт работы в разных секторах, отделах Института философии и уверена, что этот опыт послужил мне только на пользу.

А.Ч.: Вы – историк философии с мировым именем, руководитель отдела истории философии ИФ РАН с большим опытом рабо-

ты в данной специальности. Существует распространенное мнение, что в советское время историко-философский жанр оказался своеобразной «нишей», обеспечивавшей наибольшую свободу творчества в области философии вообще, находившейся под жестким идеологическим прессингом. В какой-то мере сказать что-то свое было легче всего путем обращения к классикам, к их истолкованию. Насколько такое представление соответствует действительности, каковы были реалии историко-философской работы?

Н.М.: Что касается «ниш», то ими стали те части философской работы, которые были наиболее конкретно профессионализированы. Это прежде всего философия науки, логика и история философии – области философского знания, более-менее (хотя далеко не полностью) независимые от идеологии и защищенные от некомпетентного вмешательства. Правда, на практике это отнюдь не всегда было так (почему, например, Э. Соловьев не разделяет суждение об истории философии как такой «нише»). Ведь если вспомнить партийные погромы и разгромы в философии, то их объектом зачастую становилась именно история философии – как было, скажем, со знаменитым третьим томом коллективного учебника (в просторечии именуемого «серой лошадьё») или с трудами Г.Ф. Александра. Но во всех этих случаях история философии становилась объектом нападков достаточно случайно: третий том стали критиковать в связи с началом войны – дескать, там недостаточно показана реакционная сущность немецкой классической философии. Александра тоже громили не как историка философии, а чтобы свести с ним личные счеты, спихнуть с идеологического «олимпа». Также и в логике постоянно были «громы и молнии», так что даже логическая проблематика не была вполне свободной от идеологического прессинга. Как иначе объяснить, почему у нас многие логики были «невъездными», да и какие идеологические ошибки они могли совершить? Ни одна область не была вполне свободной, так что если и были «ниши», то весьма относительные. Но все же контролировать историю философии было совсем не просто. Чтобы вторгаться в эту область, надо было обладать профессионализмом: знать языки, исторический контекст, первоисточники. Поэтому даже советское время оказалось по-своему плодотворным для историко-философской работы; многие книги тех лет можно и теперь переиздавать без всяких изменений. В связи с этим можно назвать десятки имен исследователей, которые всем известны: они занимались Античностью, Средневековьем, Декартом, Кантом, Гегелем... Многие

наиболее выдающиеся философы советского времени – это именно специалисты в истории философии: Асмус, Лосев, Мамардашвили, Библер, Ильенков и очень многие другие.

А.Ч.: *Неля Васильевна, каково, по Вашему мнению, место истории философии в системе философских наук?*

Н.М.: Сейчас нередко можно услышать, как некоторые «геростраты от философии» говорят, будто изучение истории философии вредно, ибо оно якобы сковывает воображение, мешает генерировать новые идеи, и т. п. Есть еще мнение, согласно которому история философии нужна, но что это чисто учебная, вспомогательная подготовка, не более того. Я же придерживаюсь той точки зрения, согласно которой *история философии – это и есть сама философия*, в которой время осуществило свой отбор и поставило знак философского качества. Ведь что для нас, скажем, идеи Канта: это лишь факт истории философии или факт философии как таковой, теоретического анализа познания, мира ценностей, этики, философии права и т. д.? Притом познания, не утрачивающего своей актуальности? Ответ, полагаю, ясен. Сейчас известный немецкий философ Ю. Хабермас занимается делами Евросоюза, и как вы думаете, кто его главный «собеседник»? Кант! Кант не только предсказал глобальное объединение, но и «предугадал» направления дискуссий, которые будут сопровождать этот процесс. В частности, дискуссий о том, будет ли Евросоюз единым государством или союзом государств. В этом вопросе Хабермас спорит с Кантом, как если бы кенигсбергский мыслитель был его современным оппонентом...

А.Ч.: *Ваши историко-философские труды всегда воспринимались как слово не только о прошлом, но и о настоящем, в них неизменно выражается социальная, гражданская позиция автора. Что Вы думаете о нынешней социально-культурной ситуации, прежде всего в России, когда философия и философы оказались в некоей общественной изоляции, а в роли «учителей жизни» выступают журналисты и звезды шоу-бизнеса? Голос философа почти не слышен в публичном пространстве, он маргинализован. Неужели современная ситуация убивает у людей всякую потребность в философии?*

Н.М.: Верное наблюдение, меня эта проблема тоже очень беспокоит. И здесь мы не в лучшую сторону отличаемся от Запада, где сегодня такие философы, как уже упомянутый Хабермас, находятся в центре общественного внимания, буквально не имеют отбоя от предложений выступить по телевидению, в журналах,

в ежедневных газетах – люди действительно хотят услышать, что же скажет философ. Некоторые люди считают, что наши российские философы не способны выступать на таком же уровне. Но я давно работаю в философии и точно знаю, что и у нас есть люди, которым есть что сказать соотечественникам и предложить современному обществу...

А.Ч.: *И что же именно следовало бы сказать?*

Н.М.: У каждого, конечно, свои темы и подходы. Лично я уже давно «болею» проблематикой, которая отразилась в моей недавней книге «Цивилизация и варварство в современную эпоху». Считаю, что нужно существенно скорректировать весь разговор, политический и социальный, который ведется и на уровне государственном, и на уровне политико-политологическом, с точки зрения осмысления того, что такое современная цивилизация, каковы ее требования, ее противоречия. Чтобы понять, по каким вообще критериям можно судить о тех или иных мероприятиях, например, о национальных проектах. К сожалению, тенденция такова, что все ограничится подсчетом: сколько потратили денег, сколько и куда завезли компьютеров и т. д. Это, конечно, очень важно, но критерий должен быть более строгий: каково реальное качество жизни людей, можно их жизнь назвать цивилизованной или нет. Боятся они жить в этой местности, в своей стране или нет, с какими мыслями они смотрят в будущее, что происходит с молодежью, и т. д. С этой точки зрения я предлагаю разработать – при помощи философской методологии, на основе философской теории цивилизации – концепцию цивилизационных коэффициентов, которая позволила бы оценивать эффективность реформ и проектов. К сожалению, у нас пока вообще не выработался такой социальный механизм, который заставляет общество прислушиваться к философским размышлениям и выводам. Правда, и на Западе в диалоге общественности с философами тоже есть серьезные проблемы. Если цивилизация, провозглашающая себя научно-технической, реально ценит «человека знания» – даже в ранге лауреата Нобелевской премии – несопоставимо ниже, чем футболиста или популярную певицу, это не может не вселять тревогу насчет фундаментальных ценностей этой цивилизации, притом действительных, а не декларируемых.

А.Ч.: *Вернемся к истории и жизни Института философии. В свое время усилиями сотрудников Института регулярно готовилась яркая и оригинальная стенгазета – со стихами, карикатурами, сатирическими статьями. К счастью, несколько экземпляров*

стенгазеты разных лет сохранилось до сих пор. По некоторым сведениям, Вы также принимали участие в создании институтской стенгазеты. Каков был ваш вклад? Чем была стенгазета в жизни института?

Н.М.: Да, я очень дорожу этой частью моей судьбы. Хотя с моей стороны это вряд ли был «вклад». Просто молодых тогда сотрудников редколлегия любила привлекать к своей деятельности. Вот так там оказались и Н. Юлина, и я. Опять-таки, существовала не дарованная кем-то, а реально отвоеванная свобода, в силу которой можно было делать такую «скандальную» – с официальной точки зрения – стенгазету. В ее создании участвовали необычайно одаренные художники: Борис Драгун (портретист), Зиновьев (карикатурист), Ильенков (шаржист, мастер композиции) и фантастически одаренный поэт Э. Соловьев. Я очень хорошо помню такой момент в работе редколлегии. Как и полагалось в структуре марксистско-ленинской философии, у нас был сектор атеизма, деятельность которого постоянно служила предметом насмешек, причем не всегда добродушных. И вот в газете рисуют 3-х или 4-х сотрудников этого сектора атеизма с узнаваемыми, но уже шаржированными лицами. Эту работу обычно делал Зиновьев. Тут приходит Ильенков и с ходу начинает смеяться – но не над уже готовым шаржем, а над тем, что он придумал. И вот он облачает нарисованную компанию в одну рясу, чем-то там подпоясывает, подрисовывает ноги. Женя Никитин все это раскрашивает, и картинка готова. Вот так спонтанно совершалось коллективное творчество. Были тогда в Институте люди, которые ужасно боялись выхода в свет каждого номера газеты. Они добились того, что редколлегию вызвали «на ковер» в Ленинский райком партии, и газету запретили.

А.Ч.: *Что есть Институт философии с Вашей точки зрения, в чем состоит его историческое значение, его современная научная и культурная миссия?*

Н.М.: Я очень люблю Институт философии. Пока я жива, я ни за что не дам Институт в обиду. Главное: в очень сложных, противоречивых и даже опасных исторических условиях в Институте философии возникла, а потом сохранялась и развивалась творческая, результативная философская мысль. Все достижения отечественной философии советского периода возникали через огромные трудности. Впрочем, так развивалась философия во всех странах и во все времена. Люди за всю историю хорошо научились упрекать, ругать философию и философов – за «заумь», непрактичность, непонят-

ность, еще за многое другое. Но пока не научились хотя бы слушать философов при их жизни, уважать их. А чтобы способствовать развитию философии, помогать философам, поддерживать их при их жизни – такого мир, наверное, не дождется... В России с этим всегда было особенно туго. Надо ли напоминать факты? Разве слушали В. Соловьева, Б. Чичерина, П. Новгородцева, И. Ильина? И не лучших ли мыслителей России увозил на Запад печально известный «философский пароход»? А что сделали с Г. Шпетом? И происшедшее в советское время – увы, продолжение традиции, которая, как рок, тяготеет над Россией: в стране с остервенением уничтожают, унижают, распластывают людей духа, знания, таланта, совести... А судьба Мамардашвили?

Парадокс, однако, в том, что все названные и неназванные личности все же состоялись как философы, несмотря ни на какие притеснения. Все равно даже в самые мрачные годы была своя свобода. Теперь, конечно, свободы от притеснений больше. А для философии и философов свобода – «альфа и омега» всего творчества. Скажу о последних, постперестроечных годах. Это время тоже было и остается непростым. Сейчас в Институте философии работает по меньшей мере несколько десятков философов мирового класса. Только недоразумением можно объяснить новый парадокс: теперь, когда наша философия достигла самого благоприятного и продуктивного этапа своего развития, она оказалась менее, чем когда-либо, востребованной и оцененной. Между тем в 1990-е годы, когда не было ни денег, ни нормальной возможности публиковаться, в Институте было сделано и все-таки опубликовано много прекрасных работ. И сейчас Институт философии РАН находится в очень хорошей интеллектуальной форме. Можно с уверенностью сказать: наш Институт уже прочно вписан в мировую структуру философского знания, и у нас есть очень много доказательств этого.

А.Ч.: *Недя Васильевна! Что бы Вы хотели пожелать коллективу Института философии в преддверии институтского юбилея?*

Н.М.: Старшему поколению – прожить дольше и быть в это время в творческом подъеме, завершить какие-то планы – я по себе знаю, что и планов много, и заделов много. Среднему поколению, которое у нас тоже очень хорошее (очень яркие люди этого поколения – такие, как Р. Апресян, В. Подорога, А. Руткевич, А. Смирнов, В. Шохин – довольно много можно назвать имен), я желаю прийти к ключевым позициям в Институте, в философии вообще, что уже достаточно успешно происходит. С творческой работой, с между-

народной известностью у них все в порядке. Ну и наконец: очень хотелось бы видеть в Институте философии самое молодое поколение. Хотелось бы, чтобы больше способной молодежи приходило к нам сразу со студенческой и аспирантской скамьи. Сейчас, к сожалению, этот процесс очень затруднен: дело постоянно наталкивается на отсутствие ставок, на сокращение штатов в РАН. Самому Институту хочется пожелать сохранить свой дом.

Еще я хотела бы пожелать даже не Институту, а влиятельным людям нашей культуры, чтобы они осознали: такое учреждение, как Институт философии РАН, – в мире уникально, другого такого нет. Ведь случается, что почтенные люди из отечественной культуры хотят реализовать свои цели, по существу «опрокидывая» Институт философии и желая стереть с лица земли историческое, восьмидесятилетнее место его существования. Им я хотела бы сказать следующее. Много поездив по миру, особенно по Европе, я не видела подобного института: ни в одном учреждении мира не сосредоточен такой многосторонний комплекс философских исследований. Это уникальное учреждение, и не беречь его и не поддерживать – было бы очень большим культурно-историческим промахом.

Иногда приходится слышать еще вот какие примерно вопросы. Что людей с мировыми именами и редкими знаниями держало и держит в Институте, в бедной Академии наук – в наше время, когда есть высокооплачиваемые университеты, коммерческие вузы? Почему они не воспользовались разными возможностями, которые (в принципе) им доступны (например, остаться где-то за рубежом, куда устремились какие-то наши коллеги)? Не знаю, как для кого, но для меня за огромный срок почти в 50 лет не было подобных вопросов: я хотела и хочу жить в России, работать в Институте философии. Здесь не только инерция и память, но достаточно трезвый расчет, который, кажется, себя оправдал: Институт философии учил и учит тому, как обрести, сохранить философский профессионализм, человеческое достоинство, верность ценностям свободного творчества и соревновательную коллегиальную солидарность с российскими интеллигентами высокого класса.

Н.С. Юлина

Окидывая взглядом прошлое

А.В. Черняев: *Нина Степановна! Грядущий 2009 год будет юбилейным для Института философии, а Вас лично можно поздравить с юбилеем уже в нынешнем году: полвека работы в Институте – совсем не мало. Большая часть истории института прошла при Вашем участии и на ваших глазах. С каким умонастроением Вы вспоминаете прошлое Института?*

Н.С. Юлина: В последнее время появились публикации, авторы которых представили свои рефлексии о философии советского периода и истории Института философии, в частности В.В. Соколов, Е.Г. Плимак, Л.Н. Митрохин, В.Н. Садовский и др. Их достоинство в том, что они даны через призму личного опыта. Моя ретроспекция тоже личная и во многом субъективная. Я попыталась взглянуть на прошлое глазами привыкшего к обзорной работе историка философии, стремящегося в мозаике фактов выделить какие-то «знаковые» события, которые будущему историку, возможно, в чем-то окажутся полезными в воссоздании объективной картины отечественной философии второй половины XX века.

А.Ч.: *Расскажите, каким образом Вы пришли в философию, что повлияло на выбор философского факультета и такой нестандартной профессии?*

Н.Ю.: На философский факультет МГУ я попала случайно, по легкомыслию и «обманно» (по негласным правилам того времени). В 1945 году по окончании московской школы пошла сдавать документы на филологический факультет МГУ (на Моховой, 9), но там было душно, не понравились низкие потолки и девчоночий состав

абитуриентов. Спустилась на этаж ниже, где помещался философский факультет, потолки там были повыше, да и мужчин побольше (многие были инвалидами войны и зачислялись без конкурса). Обстановка меня устроила. Хотя, возможно, философия все же сыграла некоторую роль в выборе моей профессии. Во время войны (я все время была в Москве) ребята нашего дома обычно осматривали окрестности в поисках топлива для печек (холод мучил нас отчаянно, а в школе замерзали чернила). Как-то на помойке я нашла потрепанную книгу. Это был сборник статей «За поворот на философском фронте» (1931), в котором представлены дискуссии так называемых меньшевистствующих идеалистов и механистов. (Он до сих пор хранится у меня.) Я мало что поняла, но мне понравились и обсуждаемые проблемы, и живой дискуссионный стиль, отличавшийся от скучного стиля школьных учебников. Эти эмоции, наверное, остались где-то в памяти. Теперь скажу, почему поступила на факультет «обманно». В представленных в приемную комиссию документах я написала, что мой отец, Юлин Степан Семенович, умер. На самом деле он был расстрелян в 1938 году по пресловутой статье 58 (10). Я знала, что детям «врагов народа» не рекомендовалось претендовать на престижный вуз, но думала, что мою уловку с биографией не заметят. Заметили, но не сразу (слава богу, тогда не было компьютеров). Когда к 1947–1948 годам тогдашняя машина по надзору за чистотой кадров завершила проверку документов студентов МГУ и факультеты начали прочесывать на предмет исключения детей «врагов народа», меня спас А.С. Ковальчук, который тогда был секретарем факультетской партийной организации. Наказание за обман было легким – меня лишили положения старосты группы.

От студенческой учебы на философском факультете остались мрачные воспоминания (светлое пятно в них – поездки в колхоз). Это было время очень жестких идеологических баталий по вопросам, философская ценность которых была нулевой, но они создавали нешуточную напряженность, поскольку противоборствующие стороны пускали в ход сильное оружие – оно называлось «отступление от марксизма», «ревизия марксизма» и, что еще страшнее, «отступление от линии партии». На общих комсомольских собраниях разбирались амурные дела студентов, после чего на душе становилось гадко. Обстановка, когда шаг влево или вправо чреват наказаниями, мне не нравилась, и я решила перейти на более спокойный биологический факультет. Переходу, сам того не ведая, по-

мешал академик М.Б. Митин. В 1947 году он пригласил выступить перед студентами философского факультета Трофима Лысенко. Тот поносил «вейсманизм-моргананизм», академика И.И. Шмальгаузена как приспешника ошибочной «буржуазной» генетики и биологический факультет как рассадник ложных теорий. Митин облек его «научные» аргументы философско-диалектической риторикой. Мы с моей сокурсницей целый вечер обсуждали это выступление и пришли к твердому выводу, что не дело философии давать идеологические оценки теориям, пускай даже гипотетическим, имеющим экспериментальную базу.

Честно говоря, я тогда была растеряна, не понимала, какого специалиста из меня готовят. Мне была интересна история зарубежной философии, но заниматься «острой и беспощадной критикой» и давать оценки мыслителям по их принадлежности к материализму-идеализму, прогрессивности-реакционности, как тому учил в своих лекциях Михаил Александрович Дынник, было неинтересно. Однако для жизни диплом был нужен. По совету моего научного руководителя Ореста Владимировича Трахтенберга я выбрала тему «Критика концепции опыта и природы Джона Дьюи». Орест Владимирович был книголюб и книгочел (его квартира на Яузском бульваре напоминала библиотечный фонд), но книгу Дьюи «Опыт и природа» он явно не читал. Она считалась «опасной» и имела в спецхране университетской Горьковской библиотеки МГУ, причем переводы и записи нельзя было брать домой, диплом тоже нужно было писать, не выходя из этого помещения. Книга Дьюи трудна для понимания и сегодняшнему студенту, а с моими хлипкими знаниями она казалась китайской грамотой. Орест Владимирович дал дельный совет – обратиться к русской литературе дореволюционной поры об американском прагматизме. Хотя книга Дьюи была написана позднее (1925 г.) русские философы (Б.В. Яковенко, П.С. Юшкевич, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев и др.) спасли меня. И не только тем, что разъяснили мне, что такое прагматизм, – главный их урок состоял в том, что они показали мне, как должен работать историк философии.

Из-за «нечистой» биографии в аспирантуру философского факультета МГУ меня не рекомендовали и вообще оставили без распределения. Поступить туда я смогла только в постсталинскую эпоху (1955–1957). Несмотря на «изъяны» биографии, Т.И. Ойзерману удалось взять меня на кафедру зарубежной философии. Еще в начале 1950-х годов на факультете вспыхивали клановые идеоло-

гические баталии (например, проработка Э.В. Ильенкова за «гносеологизм», после чего он вынужден был уйти с факультета), но после смерти Сталина, в особенности после разоблачения в 1956 году Н.С. Хрущевым «культы личности», обстановка стала чуть либеральнее. На кафедре зарубежной философии, куда я поступила (ее возглавлял Теодор Ильич Ойзерман), царила атмосфера уважительного отношения к талантам и знанию. И было другое окружение. Я восхищалась историко-философской эрудицией и ясным умом Александра Сергеевича Ахманова (после гонений, которым он подвергался, Теодор Ильич сумел приютить его на кафедре). Примерно в то же время аспирантуру проходили А.С. Богомолов, М.К. Мамардашвили, Н.И. Лапин, В.А. Смирнов, Е.Д. Смирнова, А.Ф. Зотов, А.Н. Чанышев, Б.В. Бирюков, А.Е. Бовин, Н.Б. Биккенин, Л.Н. Митрохин, Ю.Б. Карякин, Е.Г. Плимак, И.К. Пантин. Это были неординарные молодые люди, которые в последующие годы сыграли важную роль в профессионализации отечественной философии и демократизации общественной мысли.

А.Ч.: *Ваша специализация – современная западная философия. Для советского времени беспристрастная работа в этой области была непростой задачей. Если история философии являлась своеобразной нишей, способной обеспечить относительную свободу исследования, то современная «буржуазная» мысль (хотя зачастую была по сути антибуржуазной) требовала строго «критического» подхода. Как Вам и вашим коллегам удавалось сохранять научную принципиальность?*

Н.Ю.: Окидывая взором судьбу выбранной мною области знания – истории зарубежной философии, – отчетливо видишь, что в советский период существовал трагический разлад идеологических целей и реальности. С одной стороны, официальной была установка, что идеи классиков марксизма содержат потенциал, позволяющий отечественной мысли быть самодостаточной и развиваться без «импорта». Иначе говоря, установка на культурный изоляционизм или, как говорил Карл Поппер, на «закрытость». С другой стороны, под громкие декларации пленумов и съездов ЦК об «усилении борьбы за чистоту идеологии», марксистская философия как-то тихо подгонялась под реальность и открывала «форточки» во внешний мир. Лукавство власти было вынужденным; после конфузов (позора на весь мир) с оценками генетики и кибернетики генералы от идеологии стали более осторожными и стали проявлять негласную интенцию к расширению информа-

ции о новых концепциях мировой философской мысли и принятых стандартах работы.

В реализации скрытой установки на «приоткрытие форточек», я считаю, решающую роль сыграли несколько организационных и институциональных факторов.

Одним из важнейших шагов было принятие Академией наук решения об издании под эгидой Института философии АН «Философской энциклопедии» (1960–1970). Предварительно, конечно, решение было принято в ЦК КПСС. Принадлежала ли идея издания ответственному редактору Ф.В. Константинову или кому-то еще, но это была хорошая идея. В редакционном предисловии, разумеется, было написано, что цель издания состоит в том, чтобы продемонстрировать «силу и жизненность марксизма-ленинизма, его смелые научные предвидения неминуемой гибели капитализма и победы социалистического строя», а ключевые понятия марксистской философии сопровождались обычной риторикой. Однако энциклопедийный формат статей требовал изложения фактуры и не очень позволял разгуляться идеологической фантазии. Для написания статей по логике, философии науки, современной (западной и восточной) философии требовалось специальное знание. Фактически подбор авторов шел под руководством А.Г. Спиркина, который активно задействовал сотрудников Института философии. Большую роль в фильгровке и «облагораживании» статей сыграли В.А. Лекторский, В.С. Швырев, А.П. Огурцов, Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский, Н. Ланда. На моих глазах они до хрипоты спорили по поводу номенклатуры и содержания статей. Написание энциклопедии объективно стало поворотным пунктом в развитии отечественной мысли – прыжком к профессионализму – и в определенной мере шагом к открытости. Я помню неподдельное удивление известного американского марксолога Джорджа Клайна, который, познакомившись с томами «Философской энциклопедии», воскликнул: «А у вас, оказывается, есть философия!» Он приезжал в СССР в 1950-х годах и обнаружил тогда только философию как идеологию.

Менее значительным, но важным организационным шагом к контакту с мировой мыслью было создание в рамках Института философии сектора научной информации. В конце 1950-х годов Институт получил дополнительные ставки и привлек молодых сотрудников (Л.Н. Митрохин, О.Г. Дробницкий, А.В. Сагадеев, В.Н. Садовский, Ю.Б. Молчанов, М.Т. Степанянц, Т.А. Кузьмина, Э.Я. Баталов, Н.С. Юлина). Формально сектор был создан для

«усиления идеологической борьбы». Назначенная на его заведование Елена Дмитриевна Модржинская (бывший подполковник КГБ) свято выполняла этот наказ. Задача, которую она ставила перед сотрудниками, – изучать «новые приемы защиты старого мира» и давать «идеологический отпор». Первый коллективный труд сектора так и назывался «Новые приемы защиты старого мира» (1962). Смысл работы сотрудников она видела в по-военному оперативном выполнении спускаемых сверху «заданий партии». В рьяном служении верхам доходило до курьезов. Однажды Елена Дмитриевна вызвала меня и говорит, что из ЦК КПСС поступило задание дать идеологическую оценку четырем томам итогов работы ЮНЕСКО за несколько лет. На оценку отводилось четыре дня. Я отказалась, сославшись на то, что такая работа требует больше времени и более серьезной квалификации. По ее реакции я видела, что она расценила мой отказ как отказ солдата, нарушающего военный устав. Изучение «новых приемов защиты старого мира» требовало знакомства с зарубежной литературой, что не могло не порождать у молодых честолюбивых сотрудников стремление к ее теоретическому освоению и реализации своих творческих планов. Создалась напряженность между желаниями заведующего сектором и желаниями сотрудников. Напряженность вылилась в «восстание», выразившемся в том, что сотрудники сектора в присутствии директора Ф.Т.Константинова заявили о своем нежелании работать методами, которые навязывала Модржинская. Возможно, что «восстание» кончилось бы ничем, не допусти Елена Дмитриевна оплошность в перепалке с директором. Она бросила фразу, смысл которой был таков: «В отличие от вас я служу партии». Константинов возмутился, и с присущим ему эмоциональным накалом спросил: «А я, по-вашему, кому служу?» Одним словом, он освободил ее от заведования.

Еще большее значение для «открытия форточек» и коммуникации с мировой философией имела организация Института научной информации АН (ИНИОН). Ключевая роль в образовании этого института принадлежала ортодоксальному марксисту – вице-президенту АН и члену ЦК КПСС П.Н. Федосееву. Одна из официальных целей Института была «квалифицированная критика» буржуазной идеологии, на деле же он много сделал для выполнения другой цели – прорыва «информационной блокады». Был выстроен пускай и «веревочный», но функционально работающий мост между отечественной и мировой мыслью. Выписывалось большое

количество новинок зарубежной литературы по гуманитарным дисциплинам, а их реферирование осуществлялось с требованием нейтральной подачи материала (то есть без идеологической отсебятины). Существенная часть работы по подбору материалов, реферированию и обзорам была выполнена сотрудниками ИФ АН (они входили и в состав многих редколлегий периодических изданий этого института). Практический эффект состоял в том, что преподаватели вузов по всей стране стали получать обширную и разнообразную, хотя и в сжатом виде, информацию о том, что происходит в мировой философии. (Парадокс истории состоит в том, что, если в советские времена под флагом «усиления идеологической борьбы» государство не жалело валюты на покупку огромного количества иностранных изданий, в годы перестройки, провозгласившей «открытость мысли», произошло резкое сокращение валютного финансирования. Институт научной информации низведен до нищенского состояния, а возможности читателей работать с зарубежной литературой существенно сократились.)

В целом можно сказать, что у философов советского времени были информационные возможности знать о том, что делали их коллеги за рубежом. У них не было другого – живого разговора с ними, участия в дискуссиях и полемики. В 1970–1980-е годы понемногу стали налаживаться непосредственные контакты с коллегами, главным образом работающими в области логики и философии науки и более частыми стали поездки на международные конгрессы и конференции. Все это не могло не повлиять на содержание «диамата», оно становилось лабильным, наполнялось новыми идеями, и к 90-м годам его облик существенно изменился.

Освоение западной философии шло через авторские монографические работы. Они были очень разными по интонациям и стилю. Про себя я подразделяю их на два типа – «сервитюдные» и «объективистские». (Эмоция сервитюдности хорошо описана в литературе на примере отношения средневековых вассалов к сюзерену и японских самураев к императору.) Для «сервитюдных» было характерно служение некоему «высшему» объекту или цели (партии, идее коммунизма и т.п.). Свою правоту «высшей цели» авторы доказывали, выискивая «буржуазную» подоплеку каждого чиха западного автора, будь то в логике или философии науки. Зная этих людей, я объясняла их сервитюдность не столько даже карьерными или утилитарными соображениями, сколько присущей им психологической квазирелигиозной потребностью

преданно служить чему-то надындивидуальному. Преданность проявлялась в обвинительном прокурорском стиле и вынесении вердиктов теориям западных авторов в соответствии со статьями идеологического кодекса: материализм – идеализм, марксизм – немарксизм, прогрессивный – реакционный.

Второй психологический тип авторов – «объективисты». Их интересовала суть проблем и убедительность аргументов, а не идеологические классификации. Не вступая в конфронтацию с марксистскими догмами, они проявляли академизм, самостоятельность и открытость ума, что, конечно, сказывалось в уважительном языке при рассмотрении работ любого, в том числе «немарксистского» автора. Можно сказать, что внутренним импульсом их работы была интеллектуальная честность. Если обратиться, например, к изданному Институтом философии в 1963 году коллективному труду «Марксизм и неопозитивизм», без труда можно увидеть отличие языка и стилистики разделов, написанных В.А. Смирновым, В.С. Швыревым, В.Н. Садовским, В.А. Звегинцевым, от языка и стилистики «сервитюдников».

А.Ч.: *В свое время усилиями сотрудников Института философии регулярно готовилась яркая и оригинальная стенгазета – со стихами, карикатурами, сатирическими статьями. К счастью, несколько экземпляров стенгазеты разных лет сохранилось до сих пор. Вы принимали самое непосредственное участие в создании институтской стенгазеты. Каков был ваш вклад? Чем была стенгазета в жизни Института?*

Н.Ю.: Идеологическое давление, конечно, давало о себе знать, оно не только замораживало мысль, оно политически давило на жизнь Института. В связи с этим нельзя не вспомнить историю с институтской стенгазетой «Советский философ», которая произошла в 1968 году. Наша газета была живой, яркой, красочной и большой (обычно на пяти ватмановских листах). Выход каждого номера был событием, и чтобы почитать ее, приходили люди из других организаций. На конкурсе стенгазет Ленинского района она получила первую премию (стенгазета Союза писателей только вторую). Конечно, успех стенгазете обеспечивали прежде всего художники – Эвальд Ильенков, Саша Зиновьев, Женя Никитин, Борис Драгун, Виктор Тюхтин, поэт Эрик Соловьев. Нужно сказать, что самые интересные шаржи, карикатуры, подписи и стишки не были опубликованы в газете, они делались «для разогрева» и были более острыми, точными и язвительными. Обычно все, что «выходило за

грань» и могло оскорбить кого-то, выбрасывалось в корзину. Их объектами были исключительно персонажи и события Института, никакой политики в них не было.

Осенью 1968 года, как обычно к Октябрьским праздникам, на стенде был развешен очередной номер газеты. Там была моя статья о поездке в США и лист карикатур. Среди них была одна, из-за которой разгорелся весь сыр-бор. Изображена фигура (напоминающая фигуру Д.И. Чеснокова, который был важным человеком – одно время членом Президиума ЦК), в кармане пиджака которой была газета, на которой было написано слово «жупел». (Идея и рисунок принадлежали Жене Никитину.) Незадолго до этого Чесноков, понося в партийном журнале идеологических врагов, бросил фразу, что враги пугают мир «жупелом коммунизма». Художникам понравилось словосочетание, и они вдоволь порезвились с его звучанием и семантикой. С моей точки зрения, никакой крамолы не было, было обычное шутовство и зубоскальство. Газету вывесили вечером без меня. Придя на следующий день в Институт, я поняла, что они перешли грань дозволенного, и сняла газету. Но кто-то уже наступал в райком (или ЦК), и история заварилась нешуточная.

Из райкома партии пожаловала суровая дама – секретарь по идеологии – и потребовала у членов редколлегии объяснения всех точек и закорючек на карикатурах. Для пояснений она меня несколько раз вызывала в райком. Затем наступило главное действие: меня как главного редактора и Владимира Александровича Смирнова как секретаря нашей парторганизации вызвали «на ковер» – на бюро Ленинского райкома партии. На бюро были приглашены директор Института П.В. Копнин, И.Т. Фролов, Л.Н. Митрохин (никто из них на заседании не проронил ни слова). С положенной риторикой выступил первый секретарь Протопопов, секретарь райкома по идеологии, а затем слово взял В.Н. Ягодкин, секретарь по идеологии Московского горкома партии (ранее он был секретарем вузкома комсомола МГУ). Его речь была жесткой, он упирал на то, что мы обязаны извлекать уроки из чехословацких событий и пресекать все чуждые нашей идеологии проявления, одним из которых является наша стенгазета. Его тон подхватил бывший наш директор, академик Ф.В. Константинов, который назвал стенгазету «идеологической диверсией», пропагандирующей идеи, сходные с теми, которые проповедовали чехословацкие интеллигенты, готовившие антисоциалистический переворот в Праге. Затем слово дали Владимиру Александровичу Смирнову. Он вы-

ступил достойно, не бил себя в грудь за ошибки и отмел все надуманные обвинения. Я горела от возмущения от выступления Константинова, поэтому, когда слово предоставили мне, мой запал был направлен против него. Я задала вопрос: «Федор Васильевич, как же так получилось, что газета много лет выходила при вашем директорстве, вы хвалили ее на разных собраниях и даже подписывали документы о премиях членам редколлегии, а теперь оказывается, что вы не заметили, что под крышей Института редколлегия занималась идеологической диверсией». Аргумент сильный, но он не подействовал. Как потом стало известно, по предварительному сценарию нам было приготовлено наказание в виде «выговора», но из-за того, что мы не каялись, а ершились и защищали стенгазету, члены бюро райкома проголосовали за «строгий выговор с занесением в личное дело». После заседания ко мне подошел Ягодкин, по-приятельски обнял и сказал: тебе нужно было не ругать Константинова, а признать ошибкой включение в редколлегию Ильенкова. (Почему Ильенкова, я до сих пор не понимаю.) Еще больше лицемерие всего действия стало ясно через год, когда пришло время снимать выговор. Секретарь райкома Протопопов очень любезно встретил меня, поговорил о том о сем, а на прощание заметил: «А ваша стенгазета действительно была очень хорошей». Я аж задохнулась от такого комплимента.

По наивности партийные разборки стенгазеты я поначалу воспринимала как обычную показуху на идеологическую бдительность. Только спустя какое-то время В.А. Смирнов просветил меня о закулисе. (Все тайны и интриги знал только П.В. Копнин). На самом деле затеянная со стенгазетой игра была куда более серьезной. В то время и на академическом, и на партийном уровне шла острая борьба кланов. П.Н. Федосееву, который до этого был вице-президентом АН, удалось в 1968 году поставить на место директора Института философии «своего человека» – П.В. Копнина. Константинов был перемещен на должность академика-секретаря отделения философии и права. Создавшийся тандем не устраивал Константинова, и он начал войну по дискредитации Копнина, а вместе с ним и Федосеева. Критика стенгазеты была только зацепкой в этой кампании. Как мне говорил В.А. Смирнов, выговор планировался для Копнина, причем его предполагалось вынести на уровне заседания бюро ЦК КПСС, но кто-то помог ему, и его спустили на уровень бюро райкома и рядовых сотрудников. Как бы то ни было, два наших «строгача» спасли его. (Но не спасли Павла Ва-

сильевича от переживаний, которые, наверное, сыграли не последнюю роль в его заболевании и ранней смерти.)

Своя клановая борьба происходила на партийном уровне. Возделенной целью Ягодкина был пост первого секретаря Московского горкома партии (вместо В.В. Гришина). Для ее достижения он выбрал стратегию раскручивания тезиса об обострении классовой борьбы в период построения социализма. Под соусом выводов из чехословацких событий он инициировал партийную разборку нашей стенгазеты и провел в Москве множество других аналогичных акций против «либералов» (против Ю.А. Левады, Б.Г. Юдина и др.). Однако его стратегия потерпела крах, ибо противоборствующий клан оказался сильнее. В партийной печати появился ряд статей, в которых в противовес Ягодкину доказывалось, что в период полного построения социализма и перехода к коммунизму происходит затухание классовой борьбы и консолидация общества. Ягодкину не только не досталось место первого секретаря, позднее он вообще был устранен из горкома.

Все эти события не прошли бесследно для психологического настроя сотрудников Института философии. Несколько раз делались попытки возродить стенгазету, но они гасли. Но остались легенды о ней, и это хорошо.

А.Ч.: *Нина Степановна! Кто Вам особенно памятен из уже ушедших коллег-философов, сотрудников Института философии?*

Н.Ю.: В последнее время при создании образа философии советского периода в работах некоторых авторов проявилась тенденция выстраивать его вокруг «знаковых» фигур. Расхожим стало мнение, что живая струя отечественной мысли обязана идеям Э.В. Ильенкова, Г.П. Щедровицкого, А.А. Зиновьева, М.К. Мамардашвили. Произошло что-то вроде канонизации этих фигур. Я ни в коей мере не хочу принизить их значимость. Для меня они примеры присущей всем талантливым личностям тяги к свободе и стремления сказать собственное слово. Возможно, что со временем это слово будет восприниматься не как свидетельство о том «как это было», а как вклад в философию. Мне все же представляется, что возрождение и становление академической философии происходило не благодаря им (у них был узкий круг почитателей), а благодаря труду очень многих «рядовых солдат философского фронта». Стараниями сотрудников, которые делали переводы, писали статьи в энциклопедии, коллективные труды и реферативные сборники ИФ и ИНИОН. Через эту литературу они информировали препо-

давателей и студентов – от Калининграда до Магадана – о том, что происходит в мировой философской мысли. Кирпичик за кирпичиком строили новое здание, которое не столь резко диссонировало с архитектурой мировой философской мысли. Они сыграли, может быть, главную роль в том, что нынешняя отечественная продукция хотя и не фигурирует среди бестселлеров на мировом философском книжном рынке, тем не менее воспринимается как профессиональная и оригинальная.

Лично для меня примером того, как надо мыслить и работать в философии, был Олег Григорьевич Дробницкий. Он пришел в сектор научной информации Института философии в 1958 году с начальным знанием английского языка и слабой философской подготовкой. На моих глазах он совершил интеллектуальный подвиг. Через самообразование (и огромный труд) освоил и язык, и современную философскую культуру и поднялся до профессионального уровня, который, как я считаю, позволил бы ему с успехом читать лекции где-нибудь в Оксфорде или Кембридже. Среди провалов советской философии самым разительным был провал в этическом знании. Долгое время существовала установка, что этика является буржуазной дисциплиной и в период моего обучения в программе философского факультета не было курса по этике. Я думаю, что его не было и тогда, когда обучался Олег. Заинтересовавшись этикой, он фактически поднял ее с нуля. За 15 лет его пребывания в Институте одна за другой публиковались по-настоящему новаторские работы, соответствующие существующим в мире стандартам качества. Особенно эта оценка относится к его монографии «Понятие морали» (1974). Конечно, он был западником, рационалистом и аналитиком. Однако его заимствования относились к наработанным на Западе методам аргументации и доказательства, в теории же он сумел сказать собственное слово. Если бы судьба отмерила ему больше времени для жизни, он, возможно, создал бы концепцию, которая считалась бы классической не только в нашей стране, но и в мировой философии.

А.Ч.: *В своей аналитической статье «Философия в России сегодня», опубликованной на Западе в середине 1990-х годов, Вы указываете на такую проблему советской философии, как монологизм. А как обстоит дело теперь, можно ли считать это явление преодоленным?*

Н.Ю.: В 1994 году по заказу американского журнала «Metaphilosophy» я написала статью о философии в современной России.

В ней я попыталась обрисовать противоречивое состояние философии в смутное время начала перестройки, когда нащупывались новые пути работы в постмарксистскую эпоху. Сегодня, учитывая плюрализм и мозаичность нашей философии, я ни за что не взялась бы написать такую статью. Хотя мне хочется, чтобы молодой сотрудник, обладающий талантом изображения движения идей в контексте обстоятельств, написал бы историю работы Института философии после 90-х годов XX века. Думаю, что мои импрессионистские заметки в какой-то мере помогут ему нарисовать объективную картину.

Поскольку материалом, с которым я работала, была современная англоязычная мысль, меня иногда спрашивают, какие плюсы и минусы мне видятся в российской мысли в сравнении с ней. Плюсом нашей философии я считаю наработку огромного массива истории философии (еще шире – интеллектуальной истории) и в целом хорошее качество исследований. Это наше завоевание, которым можно гордиться. Тревогу вызывают две вещи: первая – дисбаланс между историко-философскими (культурологическими) и проблемно-решающими исследованиями и вторая – слабая развитость дискуссионности – качества, отличающего современную мысль. Философия испокон веков развивалась за счет постановки и решения новых проблем, а не метафилософских описаний. Усилия же нынешней отечественной философии центрируются вокруг интерпретаций того, как решал проблемы имярек (эту стилистику работы называют «дескриптивизмом»). Огорчает также то, что предпочтение отдается описанию мысли давнего, а не нынешнего времени. Опрокинутость в прошлое и культурологический (в том числе историко-философский) крен имеет свои плюсы, но у него есть свои минусы. Для студента, прошедшего такой тренинг, история философии всегда авторитет, или, как говорят сейчас, «власть», подавляющая самостоятельность и свободу воображения. Он думает: «Куда мне тягаться с великими мудрецами, лучше я опишу то, как они решали проблемы». Преимущество проблемного анализа состоит в том, что он стимулирует дискуссии, желание доказывать, спорить и опровергать: в огне дискуссий чаще всего рождаются конструктивные идеи. К сожалению, для наших работ все еще свойственна доставшаяся из прошлого стилистика – монологизм.

Ликвидировать дисбаланс не просто. Мешает неизжитая психология внутренней несвободы; в советские времена самостоятельно (и свободно) решать проблемы было опасно, проще было

заниматься историей философии, логикой, а еще лучше рассказом о философии науки. Сейчас ситуация осложнена тем, что самостоятельное решение проблем требует освоения мирового уровня когнитивной культуры. А это совсем не просто. Главное препятствие при переходе к проблемно-решающему стилю работы в философии я вижу в сложившейся у нас традиции образования. Корень дисбаланса кроется не в изъянах стратегий Института философии или философского факультета МГУ, он уходит в системные пороки всего нашего образования, включая школьное. Как бы ни ругали образование в англоязычных странах, ему свойственна проблемо-деятельностная педагогика, которая покрывает все минусы – установка на раскрытку мыслительных способностей и навыков самостоятельного мышления. С детского сада детей учат решать проблемы (в виде пазлов или загадок или чего-то еще) и тренируют умение «мыслить по-своему». Слоган Бэкона «Знание – сила» поставлен в пару со слоганом «Сила – это хорошее мышление». Наша же школа ограничилась максимой Бэкона и внедрением в головы учащихся как можно большего объема знания. А поскольку объем информации растет и усвоить его нереально, не имеющие навыков самостоятельного мышления учащиеся теряются в нем. Исследования показали, что КПД информационных способов передачи знания невелик (больше 50% знания учащимися не усваивается). Иначе говоря, нужна принципиально новая образовательная стратегия для школ. Не ради только прогресса философии, а всей нашей науки. Иначе мы еще долго не увидим лауреатов Нобелевской премии из России. Моя книга «Философия для детей» (2005) как раз нацелена на то, чтобы рассказать о том, как в сегодняшнем мире школьное образование (и высшее тоже) поворачивается к новой образовательной парадигме, в которой основной акцент делается на развитии способности мыслить самостоятельно и творчески (его называют разными терминами – «рефлексивное», «исследовательское», «деятельностное» и др.). В связи с этим все больше растет осознание, что наилучшим инструментом «раскрытки» мышления является философия, потенциал которой можно задействовать со школьного возраста. К сожалению, наши нынешние генералы от образования, проталкивающие единый государственный экзамен с его вопросниками, выбрали другую стратегию, к которой лучше всего подходит название телепрограммы «Что? Где? Когда?», то есть стратегию превращения учащихся в подобие компьютеров.

А.Ч.: *Что Вы думаете о нынешней социально-культурной ситуации, прежде всего в России, когда философия и философы оказались на обочине культуры, в некоей общественной изоляции, а в роли учителей жизни выступают журналисты и звезды шоу-бизнеса? Голос философа почти не слышен в публичном пространстве, он маргинализован. Неужели современная ситуация убивает у людей всякую потребность в философии?*

Н.Ю.: Ощущение, которое у меня сложилось, двоякое. Действительно, для философии, я имею в виду всю мировую философию, настали тревожные времена в смысле ее статуса в культуре. И дело не только в агрессии поп-культуры. Более тревожный симптом состоит в том, что в самой философии проявляются самоликвидаторские настроения. Огромный резонанс в обществе получили критика постмодернистами логоцентризма, восстание против «гносеологизма», призывы превратить философию в непритязательный «жанр литературы». Опасность идет и из науки. Я имею в виду факт, что последние десятилетия отмечены активной интервенцией философствующих ученых в исконные области философии – философию сознания, философию языка, теорию морали и др., – которая сопровождается вытеснением концептуальных средств философии научными.

Ситуация тревожная, но не трагичная. Мой оптимизм зиждется на твердом убеждении, что людям присущ – можно даже сказать генетически – «метафизический зуд» и они никогда не перестанут задавать вопросы, мучившие наших предков: Что такое человек? Какова природа моего сознания? Есть ли у меня свобода воли? Что такое истина? Каковы критерии добра и зла, прекрасного и безобразного? В чем смысл жизни? Вопросы эти вечные, но и поиски ответов на них тоже вечные. (Интересом широкой публики к ним объясняется растущая популярность в ряде стран Запада радио и телепередач на философские темы и успех «сократических кафе»).

Главная трудность состоит в том, *как* отвечать на эти вопросы в разных аудиториях, состоящих из непрофессионалов и профессионалов. По-видимому, философии надлежит быть «двуязычной». С одной стороны, чтобы быть популярной, она должна говорить на понятном языке (академическое занудство заведомо обречено на неуспех). Однако понятность требует особого таланта – умения сочетать философскую грамотность с яркой, красочной, образной подачей идей. Таким талантом владеют немногие. Можно определен-

но сказать, что рыночная система откликается на существующую в обществе потребность в философии (а не только в поп-культуре), но, ориентируясь на ожидания потребителей, требует от специалистов яркой подачи философского «товара». Огромное значение приобретают литературная форма его «упаковки», где и в какой обстановке он предлагается потребителю.

С другой стороны, для того, чтобы иметь респектабельный академический статус в культуре и образовании, философия должна говорить на своем профессиональном языке. Не забывая при этом, что критерии профессиональной работы формируются в рамках нынешней культуры, в которой доминантное положение занимает наука. Как бы ни дистанцировались философы от науки, проигнорировать эти критерии вряд ли удастся. Как уже сказано, один из фактов, с которым нельзя не считаться, состоит в том, что сегодня, во всяком случае на Западе, идет активное вторжение философствующих ученых в исконное проблемное поле философов. Отстаивать право на владение этим полем могут философы, которые в состоянии спорить с учеными не только с помощью своих традиционных концептуальных инструментов, но и когнитивных инструментов самой науки. Многие западные философы, почувствовав потребности новой эпохи и трезво осознав недостаточность концептуального анализа, обратились к освоению научных областей (искусственный интеллект, физика, биология, математика, нейрофизиология и др.). По-видимому, и российским философам, чтобы их не постигла судьба музейных работников, предстоит сделать то же самое.

А.Ч.: *Как трансформировался на Ваших глазах образ сотрудника Института философии, имидж философской профессии за полвека?*

Н.Ю.: Конечно, изменился, как изменились язык, облик и поведение людей на улице и в метро. Мне кажется, что раньше я подразделяла сотрудников на политиканов – карьеристов и просто научных сотрудников. Сейчас градации усложнились. Иногда я делю сотрудников на живущих философией, не считающихся со временем, обстоятельствами и выгодами, и тех работников, интересы которых находятся вне философии и Института. Первые я воспринимаю как героев, вторых как просто людей – хороших или плохих. Но появилась и новая градация: сейчас в большей мере, чем ранее, сказывается разница в философских предпочтениях, образовались, так сказать, «кружки по интересам», между которыми

затруднен понимающий разговор. В советские времена на больших конференциях, куда съезжались люди из городов и весей огромной страны, мы знали и обсуждали работы друг друга, сейчас из-за разницы предметов и взглядов вышедшие работы редко обсуждаются даже в рамках одного сектора. Конечно, плюрализм присущ всей современной философии. У него есть плюсы: философия стала разноликой, авторы стали более свободными в выражении своего мировоззрения, но есть и минусы. Минус состоит в том, что идеология мультикультурализма и местечковости разрушает общий дом для разговора. Нынешний сотрудник Института философии, например, чаще всего является внутренним изоляционистом – улиткой в раковине. А его публикации – это монолог, а не результат участия в дискуссионных баталиях. У него нет уверенности, что выстраданные им мысли кому-то понадобятся. Может быть, в силу изоляционизма психологически он больше склонен к пессимизму, нежели те, кто работал в 1960–1980-е годы. Ведь тогда мы верили, что философия влияет на то, что называется «праксис».

А.Ч.: *Нина Степановна! Расскажите, пожалуйста, чем Вы занимаетесь в настоящее время, каковы Ваши научно-творческие планы?*

Н.Ю.: Несмотря на возраст (или, наоборот, вопреки) планов у меня «громადье». Нужно закончить работу с издательством по монографии «Философская мысль в США. XX век». Это большая книга (30 а.л.), в которой прослежено развитие американской мысли от Чарльза Пирса до наших дней. Надеюсь, что она выйдет в свет к весне следующего года и будет моим личным подарком к юбилею. Я писала ее с расчетом, что философская американистика, которая у нас пока в загоне, заинтересует студентов и аспирантов и поможет им разобраться в мозаичной картине философской жизни в США.

Вторая тема, которой я буду заниматься в ближайшие годы – философия сознания. В англоязычных странах это одна из наиболее динамично развивающихся областей. Показательно, например, что Ричард Рорти, потративший немало сил на доказательство тезиса, что философские проблемы являются мифологемами, порожденными языковой путаницей, в конце жизни заметил: «Я склоняюсь к мысли, что философия сознания является одной из немногих областей, в которой мы – профессора философии – можем сделать действительно что-то стоящее». То есть фактически признал, что проблема сознания является фундаментальной. Более узко я буду заниматься анализом натуралистических и физикалистских тео-

рий. Хотя термины «физикализм» и «натурализм» в философии мелькают давно, они использовались неопределенно и фактически как синонимичные. Сейчас, когда обозначилась дивергенция между философскими теориями, ориентирующимися на физику, и теориями, взявшими за ориентир биологию, они наполняются более конкретным и разным содержанием. Обозначилась новая расстановка сил, появились новые имена и оригинальные концепции. Недавно на общем семинаре ИФ РАН один уважаемый коллега, ссылаясь на увеличение работ отечественных философов по анализу языка и интерпретации, заявил, что наконец-то и до нас докатился «лингвистический поворот». По моим наблюдениям, он докатился тогда, когда он уже, во всяком случае в англоязычных странах, сменяется «натуралистическим поворотом». Хотя мой опыт работы по исследованию современной мысли склоняет к выводу, что философия – это прихотливая, жизнелюбивая и легко адаптирующаяся к обстоятельствам дама, и предсказать, куда она завтра захочет повернуть и какую нишу для себя выберет, невозможно.

А.Ч.: *Что бы Вы хотели пожелать коллективу Института философии РАН в канун институтского юбилея?*

Н.Ю.: В преддверии юбилея ИФ я хотела бы пожелать его коллективу сохранить атмосферу творчества, благожелательности и дружелюбия, которую я очень ценю. Моя большая мечта состоит в том, чтобы Институт превратился в большой дискуссионный клуб. Чтобы главная часть работы Института состояла в решении проблем и непрерывных дискуссиях, а не культурологической деятельности. Это поможет переключиться с обсуждения идей «забугорных» коллег, на обсуждение идей институтских сотрудников. Дискуссии помогут сделать нашу философию самодостаточной, питающейся собственными соками. Мне кажется, что у Института есть все шансы выработать собственный стиль (или, как сейчас говорят, «бренд»), который обеспечит ему успех в мировом сообществе философов.

Э.Ю. Соловьев

Институт философии уже давно был институтом гражданского общества

А.В. Черняев. – *Эрих Юрьевич! Как значилось на титуле «Вопросов философии», где Вы работали с 1958 года, этот журнал был органом Института философии. Таким образом, Вас можно поздравить с полувековым юбилеем работы в ИФ АН? Большая часть истории Института прошла на Ваших глазах и при Вашем участии.*

Э.Ю. Соловьев. Да, это действительно так. На Волхонке, 14 я прослужил пятьдесят лет (короткий перерыв пришелся на 1968–1969 годы). В конце пятидесятых редакция «Вопросов» размещалась в двух комнатах пятого этажа. С сотрудниками Института у нас был один лифт, одна столовая, одна курилка, одни присутственные дни, одни застолья и праздничные вечера. Вся повседневность была общей. Кроме того (это весьма существенно), партийная ячейка журнала входила в партийную организацию Института философии.

А.Ч. *Возникает мысль, что журнал был связан с Институтом прежде всего единым прессингом партократии.*

Э.С. «Прессинг партократии» – термин из новейшего политологического лексикона (такой же, как «пиар» или «тренд»). Старшее поколение сотрудников Института смысл этого термина, конечно же, понимает, а из горького жизненного опыта, поверьте, *знает его* лучше, чем люди вашего возраста. Но именно поэтому ни один из наших старейших сотрудников не стал бы, я думаю, подводить под термин «прессинг партократии» *реальную жизнь* партийной организации Института в *шестидесятые годы*.

Сегодня редко вспоминают, что важнейшим выражением хрущевской «оттепели» было акцентирование понятия «демократический» в формуле «демократический централизм» (определяющей для партийного Устава). Именно в партийных организациях уже в те годы забрезжили идеи гласности, дискуссии и делового самоуправления на местах. Многие молодые люди, пришедшие в КПСС под впечатлением XX и XXII съезда (съезда, который выдворил Сталина из мавзолея), побуждались надеждой на то, что членство в партии – это возможность открытых обсуждений – а Бог даст, и решения – назревших общественных проблем. Партийные собрания были в ту пору единственным местом, где дозволялась гражданская дискуссия (хотя бы и подконтрольная). Горе тому, кто попытался бы учинить ее в производственной бригаде или, скажем, на собрании жилищного кооператива. Этого не простили бы ни партийному, ни беспартийному. Беспартийность обеспечивала неангажированность, но от поднадзорности не избавляла.

Не могу не вспомнить и еще одно примечательное явление: были случаи, когда сотрудники академических институтов находили в их партийных организациях укрытие и защиту от *внутрипартийного сталинизма (чаще всего – родительского)* или, если воспользоваться вашей лексикой, *от жилищно-коммунального плебейски-пролетарского прессинга*.

Партийная организация Института философии несомненно была одним из лидеров в робком, зарождающемся движении за внутривнутрипартийную демократию и гласность. На цитадель идеологического догматизма она в ту пору совершенно не походила. Одна из причин заключалась в том, что «оттепель» была временем омоложения Института.

А.Ч. *Что представляла собой тогдашняя институтская молодежь? Чем были в юности «философы-шестидесятники», о которых так много говорится в литературе последних лет?*

Э.С. Чтобы правильно ответить на этот вопрос, надо выйти за рамки истории Института. Исток «шестидесятничества» как особого идейного поколения следует, мне думается, искать в составе студенчества, отличавшем пятидесятые годы. Исключительно интересным в этом отношении был философский факультет МГУ.

Можно сказать, что на нем обучалось в ту пору парадоксальное «гибридное» поколение. За студенческой скамьей сошлись «отцы» и «дети», которые по возрасту различались всего лишь как старшие и младшие братья. «Братьями-отцами» были те, кто прошел опыт

войны, многое повидал и уже имел повод усомниться в достоинствах советской большевистской системы.

В литературе последних лет (например, в известной книге В.К. Кантора «...Есть европейская держава») формулируется следующий любопытный тезис: «XX съезд партии по сути своей был съездом вернувшихся с войны лейтенантов».

Было бы наивно думать, что таковыми оказывались все офицеры, пришедшие на факультет с фронта. Однако в ряду последних встречались люди, удивительные по выстраданной духовной независимости. Выразительнейший тому пример – Эвальд Ильенков и Александр Зиновьев. В 1999 году я написал стихотворение, которое (через поэтическому гиперболу), пожалуй, разъясняет их значение для формирования философского шестидесятиничества лучше, чем это могли бы сделать пространственные социологические выкладки.

Шинель

Э. Ильенкову, А. Зиновьеву

*На факультете пропадали
Послевоенные мальчишки,
И пропадали их медали
И их снобистские замашки,*

*Но в раздевалке, где висели
Послевоенные пальтишки,
Вдруг появились две шинели –
Шинели Эвальда и Сашки.*

*Они по опыту отцы нам,
Они по возрасту братишки.
Они свободы образцы нам
Перед лицом муштры и слежки.*

*Иные шутки зазвенели,
И начались иные книжки,
И в семинарах под шинелью
Созрели крепкие орешки.*

*Мы были – в бурсе лицеисты,
Самоуправные студенты,
Земного бога атеисты
И трудоголики в шарашке.*

*Внутри марксистской цитадели
До диссидентства диссиденты
С тех пор, как вышли из шинели –
Шинели Эвальда и Сашки.*

Еще до XX съезда КПСС Ильенков и Зиновьев защитили новаторские, провокативные по характеру кандидатские диссертации. Обе были посвящены теме абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса; обе неумолимым образом наводили на мысль, что Маркс велик, по сей день методологически значим, а вот работы его восславленных последователей, Ленина и Сталина, не говоря уже о ждановых, александровых, митиных, федосеевых, – отмечены

философским убожеством¹. В 1954 году Э.В. Ильенков и В.И. Корюков (опять-таки «уцелевший лейтенант ВОВ») затеяли факультетскую дискуссию о предмете и миссии философии. Руководство факультета добилось ее осуждения. Инициаторы, заработав ярлык «гносеологов», были отстранены от преподавания. Однако дискуссия успела обнаружить, что на разных курсах обретается немало пытливых и ищущих людей, которые теперь узнали друг друга. Poleмика не прекращалась, и в ней стало складываться долгосрочное неформальное сообщество.

В конце 50-х Ильенков и Зиновьев сделали сотрудниками Института философии. Вслед за ними на Волхонку, 14 (в ИФ АН и в редакцию «Вопросов философии») пришло более двадцати выпускников философского факультета. Это были люди разных интересов, но «одного дискурса», и именно они составили ядро наиболее увлеченных и творческих исследовательских групп.

А.Ч. Эрих Юрьевич, я хотел бы вернуть Вас к разговору о жизни партийной организации Института. Можно ли сказать, что дискутирующее общество молодых, которое стало формироваться на философском факультете МГУ, продолжило свое существование в ИФ АН и оказало влияние на его партийно-идеологический климат?

Э.С. Можно, если принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, то, что конец 50-х – начало 60-х были для Института временем щедрого расширения кадров. Во-вторых – политическую эйфорию, которая повсеместно сопутствовала началу «оттепели». Партийная организация ИФ АН пополнилась новыми членами, публицистически возбужденными, уповающими и непугаными. («Ох, не били вас мордой об стол», – говорили им некоторые старики.)

Однажды я спросил жену: «Какими вспоминаются тебе партийные собрания 60-х годов?» Жена (а это Е.А. Фролова, одна из старейших сотрудниц Института) по-молодому сверкнула глазами и ответила: «Как место, где можно и нужно спорить!»

И вот что, пожалуй, самое замечательное. Атмосфера открытого спора сохранилась в институтской партийной организации и тогда, когда начал набирать силу процесс ресталинизации. Не помню случая, чтобы в 1970-е годы кому-нибудь осмелились заткнуть рот или согнали с трибуны окриком «Демагогия!». Не помню, когда бы на собраниях прозвучало официальное оправдание Сталина или назидание на тему «распустили народ», или аплодисменты при по-

читительном упоминании имени вождя (в темных залах кинотеатров они раздавались повсеместно).

Я далек от какой-либо ностальгической привязанности к «годам застоя» (это уже давно разделяло меня с А.А. Зиновьевым). Идеологическая атмосфера в стране и институтах Академии была тягостная: я не согласился бы вернуться в нее даже ценой возвращенной молодости. Вместе с тем, я хотел бы обратить внимание на то, как упорно Институт философии *сопротивлялся* установлению этой атмосферы.

Институтская партийная организация, по сути дела, саботировала кампанию по осуждению «антинародного искусства», которая повсеместно развернулась в 1962–1963 годах, после знаменитого посещения Н.С. Хрущевым выставки в Манеже. Примерно в это же время Институт – несмотря на настойчивые приглашения – отказался от участия в идейных (горкомовских) расправах над философским факультетом Ленинградского университета. В 1966 году в партгруппе «Вопросов философии», а затем – на партийном бюро Института, рассматривалось скандальное *персональное дело академика Митина* (тогдашнего главного редактора журнала): академику был вынесен строгий выговор за плагиат статьи философа Я. Стэна, арестованного в 1936 году (зыскание, которое повергло в панику Ленинский райком и, разумеется, не было им утверждено). Осенью 1967 года Институт миновала горькая чаша партийных разбирательств, касающихся «подписантов». В августе 1968 года партбюро умудрилось *не провести* партийного собрания в поддержку введения советских войск в Чехословакию.

В тягостном 1974 году до Института докатилась идеологическая чистка, которую учинил в Академии наук некто Ягодкин, тогдашний секретарь Московского горкома по идеологии. Люди Ягодкина возглавили Дирекцию и партбюро; было распущено самое талантливое и работоспособное подразделение Института: сектор исторического материализма, собранный В.Ж. Келле². Но вот что вспоминается сегодня как самое существенное: Институт решительно отказался от участия в мероприятиях, *предшествовавших* этим событиям, – в идеологической чистке Институты экономики, истории и социологии. Более того, наш тогдашний директор, Б.М. Кедров, оказался единственным авторитетом, осмелившимся поднять голос против Ягодкина. Он сделал это через журнал «Вопросы философии», который в тот момент, мне кажется, как никогда, отвечал понятию «орган Института философии».

Расформирование сектора истмата осуществлялось «потихому», командно-административным способом. Вовлечь Институт в идеологическую кампанию ягодкинцам не удалось. Не было никакого разгромного Совещания и, насколько мне известно, ни в тот год, ни позже не появилось ни одного институтского издания, где содержалась бы критика научной продукции, подготовленной опальным сектором (в частности, блестящей, вызывающе оригинальной и дальнобойной проработки Марксовой теории формаций, предложенной Ю.М. Бородаем, В.Ж. Келле и Е.Г. Плимаком). В течение пары месяцев тогдашний директор-победитель Украинцев подвергался уничижительной критике со стороны сотрудника сектора истмата Н.С. Злобина. И нельзя было согнать охальника с кафедры: собрание не давало. Хотя все уже понимали – не в надежде на торжество правды выступает Наль Степанович, а просто по формуле «делай что должно и будь что будет». (Замечу, что именно тогда же Б.А. Грушин запустил в интеллигентские массы знаменитую застольную шутку: «Выпьем за успех нашего безнадежного дела».) И вот парадокс для теории ожиданий: безнадежно мужественная акция Н.С. Злобина спустя полгода уже выглядела как вполне успешная: скинули Ягодкина с поста горкомовского секретаря. Институт переживал это как свидетельство необратимости перемен, начавшихся на переломе 50–60-х годов. Переживал в ту мрачную пору, когда уже значительная часть интеллигенции (ленинградской, московской, свердловской) сказала себе: с этой властью и этим обществом никакого дела иметь нельзя.

А.Ч. Складывается впечатление, что уже в 1960–1970-е годы, в трудных идеологических условиях, Институт был учреждением, коллектив которого жил достаточно активной гражданской жизнью.

Э.С. Верно, и я даже позволю себе высказаться более определенно. В России не было, да еще и сегодня нет гражданского общества. И все-таки наш Институт, сколько я его помню, всегда имел приметы элементарной институциональной ячейки гражданского общества.

Профсоюзные собрания делались вдруг палладиумами борьбы за социальную справедливость. Комиссия народного контроля оказывалась органом, куда подчиненный мог представить жалобу на начальника, а беспартийный на партийного. Существовала совершенно немислимая сегодня «жизнь вскладчину»: оглядываясь на скудость низовых академических зарплат, многие младшие на-

учные сотрудники 1960–1970-х годов вспоминают и о том, как хорошо вырубала их институтская *касса взаимопомощи*.

В институтской столовой (очень хорошей по мерке шестидесятых) за столы усаживались компаниями. Чувствовали себя как в кафе в Доме журналистов. Где-то от желудка рождалось ощущение принадлежности к культурной элите. Разговоры приобретали граждански-политическую определенность.

В очереди в столовую стояли подолгу (стояли – для дома – еще и в буфет). Очередь была кузницей низового молодежного конформизма. Он делался тем радикальнее, чем больше хотелось есть.

Любопытной институцией были защиты кандидатских и докторских диссертаций. В Академии наук достаточно строго соблюдался их старый (еще дореволюционный) либеральный формат. Выступить мог каждый. В 1963 году общественность Института использовала эту возможность на защите докторской диссертации эстетиком В.А. Разумным, имевшим высокую идеологическую поддержку. Обсуждение длилось 9 часов! Запомнились отважные и умелые выступления молодого эстетика В. Тасалова и молодого психолога В. Давыдова (уже в то время – одного из лидеров отечественной педагогической психологии).

Завалить Разумного не удалось. Однако тексты, прозвучавшие с трибуны, подготовили почву для журнальной критики. Ядовитый памфлет появился в журнале «Вопросы литературы», а затем «Новый мир» опубликовал один из шедевров философской публицистики шестидесятых – статью Мих. Лифшица «В мире эстетики»³.

А.Ч. – *Наверное, здесь уместно вспомнить и еще одну формулу тогдашней гражданской активности. Я имею в виду знаменитую стенную газету 1960-х годов, в которой Вы, по общему признанию, были «золотым пером».*

Э.С. Институтская стенная газета уже достаточно почтена в мемориальной литературе. Лучшей из ее лапидарных характеристик я считаю следующую реплику А.В. Гулыги: «В 1960-е годы наша стенная газета пользовалась большой известностью. Это был подлинный рупор общественного мнения не только Института. Там сотрудничали специалисты высокого класса. Нашу стенную газету приходили читать сотрудники из других академических институтов, преподаватели и студенты философского факультета. Ее знали и за пределами страны. По словам польского профессора Адама Шаффа, это был «лучший философский орган социалистического лагеря». В стенной газете было впервые сказано, что автором фило-

софского раздела «Краткого курса истории ВКП(б)» был не Сталин, а Я. Стэн». В 1964 году стенгазета опубликовала образчик постыдной печатной продукции, которую в то время уже прятали от глаз, как чертову свитку, – «разносную рецензию Митина на книгу уважаемого всеми В.Ф. Асмуса «Маркс и буржуазный историзм» («Правда» в 1930-е годы), где Асмус был назван пустозвоном и антимарксистом»⁴.

Поговорю о том, к чему прямо был причастен, – о работе стенгазетной компании по сатире и юмору.

Ее вожаками были художники-карикатуристы: А. Зиновьев, Э. Ильенков, Б. Драгун, Е. Никитин, – чье мастерство, право же, было не меньшим, чем мастерство Кукрыниксов. Мало сказать, что они рисовали «очень похоже». Нет, в изображении наших карикатуристов директор Константинов или зам. директора Архипцев, Батищев или Мамардашвили, Бородай или Плимак, Щедровицкий или Генисарецкий, Фролова или Юлина *походили на себя самих* гораздо больше, чем в обыденно-повседневном мелькании (впоследствии я не раз использовал зиновьевско-ильенковскую карикатуру для разъяснения студентам платоновского выражения «эйдос»).

Моя первая – и никогда не иссякавшая – задача как институтского поэта-сатирика заключалась в составлении подписей к газетным шаржам. Подняться до их эстетического совершенства было очень нелегко.

А.Ч. *Была ли Ваша работа первым опытом литературного юмора? Когда и как Вы вошли в редколлегия институтской стенной газеты?*

Э.С. В газету меня пригласили за прежние крамольные заслуги. Студентом-пятикурсником я сочинял и режиссировал «капустник» философского факультета МГУ. Он был широко известен (воспоминания проникли даже в художественную прозу конца 1970-х годов)⁵. Зуд «капустника» донимал меня и в дальнейшем.

В октябре 1960 года, уже будучи сотрудником «Вопросов философии», я угодил на военные лагерные сборы в Улан-Удэ (был переквалифицирован из пехотинцев в ракетчики). Прошла пара недель после моего возвращения в Москву, и на Волхонку, 14 поступил сигнал, подписанный генерал-полковником, начальником политуправления Забайкальского военного округа: «При прохождении лагерных сборов младший лейтенант Соловьев сочинял куплеты и частушки, порочившие жизнь и быт офицеров Советской армии»⁶.

Я был еще комсомольцем, но мой проступок разбирался на собрании партийной организации журнала. В обсуждении, помнится, участвовали неправдоподобно молодые Н. Биккенин, И. Блауберг, Н. Лапин, М. Мамардашвили. Было уютно. Говорили о том, что слова иронически представленного персонажа никак нельзя вменять автору, который его сочинил (Скалозуб – не Грибоедов, Чичиков – не Гоголь, а Клим Самгин – не Максим Горький). Мераб Мамардашвили произнес блистательную назидательную речь на тему «Быть, а не казаться». Стыдясь, я нежился под крышей интеллигентной партийности, так разительно отличающейся от партийности военно-окружной. И поживался, вспоминая, как на двое суток («до выяснения обстоятельств») был задержан *там*, – в местах, не столь уж отдаленных от Магадана.

Меня красноречиво пожурили, но от взыскания оградили, порешив, что письмо генерал-полковника в комсомольскую организацию Института лучше вообще не передавать. После собрания на площадке у лифта меня обнял за плечи тогдашний главный редактор «Вопросов философии» А.Ф. Окулов, милейший малообразованный человек, подмигнул и шепотом спросил: «А что, признайся, песенки-то твои были веселые!»

Спустя пару дней на той же площадке ко мне обратился А.В. Гулыга и сказал, что редколлегия институтской стенной газеты была бы рада видеть меня в своих рядах.

До меня первым поэтическим авторитетом Института был его младший научный сотрудник Л.Н. Плющ, ныне как-то совсем позабытый. Он практиковал в газете особый жанр, так и именованный «плющовкой». Это были хорошо скроенные восторженные обращения, исходившие от тихого идиота. Плющ взял меня под опеку, и к какому-то из праздников мы соорудили следующее поздравление Дирекции:

*Коллегиальный кормчий коллектива
И компас, наведенный на маяк.
Ты орган, собранный из лучших наших членов,
Помимо давних членов партбюро.*

*Все время ради нас ты заседаешь,
За нами неусытно наблюдаешь,
По плановым трудам распределяешь
И за успехи премии даешь.*

*Мы без тебя – вагон для паровоза,
В котором также нету машиниста.
Мы без тебя – что правая без сена
И без соломы левая нога.*

*Круглогодично, с сентября до мая,
А иногда и в отпускное время
Ты нас ведешь не позволяя сбиться
По правильному, верному пути.
Веди, Дирекция, красуйся и цвети⁷.*

Эта поделка нравится мне по сей день. В ней – метафорика крестинизма, единящего власть и народ.

На пару дней редколлегии отдавалось помещение месткома. Там мы запирались и хулиганили. Время от времени в дверь заглядывал кто-то из сотрудников и скороговоркой высказывал поощрения. Пахло акварелью. Я метался из угла в угол в поисках рифм. Лучшие девушки Института приносили из столовой пирожки, и одна из них с большой надеждой смотрела на Александра Зиновьева, который пририсовывал хвост кому-то из философских начальников.

И Нина Юлина прижимала руки к высокой груди то ли в восторге перед тем, что рождалось на ватмане, то ли в страхе перед будущим.

Сегодня у двери комнаты, где с недавнего времени размещается сектор, возглавляемый А.В. Смирновым, можно было бы повесить памятную медную табличку:

**Здесь в 1958–1968 гг. делалась Стенная газета
Института философии АН СССР.**

А.Ч. *Как часто Ваши стихи появлялись в стенной газете? Что из ее юмористической продукции Вы считаете наиболее удавшимся и значительным?*

Э.С. С Газетой 1960-х годов связано около тридцати моих изданий, стихотворных и прозаических. Не все появлялись на ватманах. Некоторые декламировались на институтских вечерах после того, как начальство выпьет и уйдет. Рисунки наших художников воспроизводились с помощью кинопроектора, а я читал подписи. Случалось, исполнял частушки, родившиеся в недрах Газеты. Типа того:

*Ой ты, дролечка мое,
Пропоем страдания:
Сперва было бытие,
А потом сознание.*

*Шел я ночью переулком,
Дали мне по темени:
Мир в пространстве существует,
Да еще во времени⁸.*

Пару раз я отваживался устраивать в Институте «театр одного актера» (зараза подражания Аркадию Райкину распространилась тогда повсеместно). Одно из моих выступлений Газета рекламировала так: «Будет вечер сатирика местного, поэта Эрика Небезызвестного»⁹.

Смелыми и острыми были газетные публикации А.В. Гулыги, в частности – его озорной памфлет «Основы демагогической логики». Запомнился коллаж из портретов В. Разумного, выполненных в манере ампира, кубизма, сюрреализма, дадаизма и, наконец, – гоголого натурализма.

Но самым значительным достижением институтского юмора, пожалуй, надо признать *Митрофана Полупортянцева*.

А.Ч. Если можно, расскажите подробнее. Это у многих вызывает интерес.

Э.С. Митрофан Лукич Полупортянец – лицо вымышленное. Маска номенклатурного советского философа, предвосхитившая маску номенклатурного советского писателя Евг. Сазонова на шестнадцатой странице «Литературной газеты». Персонаж родился в 1966 году, накануне очередных выборов член-корроров и действительных членов Академии наук. Предъявлен был под рубрикой «Выставим кого надо!». Имя и идея исходили от Арсения Гулыги; лаконичный графический образ начертал Борис Драгун, а самопредставление Митрофана Лукича («Моя афтобеография») сочинялось Эвальдом Ильенковым и мною. В зависимости от того, в какие предлагаемые обстоятельства попадал Полупортянец, он живо напоминал то одного, то другого руководителя тогдашнего философского фронта.

Если Газета славословила:

*наш Лукич как загорится –
весь в работе Институт,
глядь, и ахнет заграница,
глядь, и премию дадут¹⁰, –*

то читатель без труда угадывал в Лукиче-энтузиасте М.Т. Иовчука, который забрасывал Комиссию по Государственным премиям

томами новой «Истории философии», но все никак не делался лауреатом.

Если в пору проведения Международного социологического конгресса в Эвиане Газета сообщала:

*Рано утром в Эвиан
Улетал аэроплан,
Как Бутырская ворами,
Был набит он докторами;
Но в Москве остался наш
Обобщенный персонаж,
Самый видный из заграницев
Митрофан Полупортянцев, –*

то уж тут всякий мог понять, что речь идет о М.Б.Митине, которому французское посольство отказало вдруг во въездной визе¹¹.

А.Ч. Хорошо известно, как закончился легендарный период в жизни институтской стенгазеты: райком партии не мог смириться с подобной свободой печати. Но прекратила ли газета свое существование? Сохранились ли хоть какие-то ее традиции?

Э.С. Газета выходила и в 1970-е годы. Однако теперь она уже не отличалась от настенной продукции, вывешивавшейся, скажем, в соседней стоматологической поликлинике, и ни в чем не противоречила своему давнему названию «Советский философ». Художники решительно отказались от участия в этом органе, а я некоторое время еще штрейкбрехерски поставлял в него убогий юмористический корм (например, в связи с работой сотрудников Института философии на овощных базах).

Комично, что поначалу на место главного редактора сурово осужденной газеты попал А.Л.Субботин, которому прежде Э.В.Ильенков с каким-то дурацким и даже злобным упорством посвящал все новые и новые уморительные шаржи¹². Время субботинского редакторства (время удручающей *ненарисованности Субботина*) совпало с месяцами, когда была распущена редколлегия старого «Нового мира», возглавлявшаяся А.Т.Твардовским, и закрыт студенческий театр «Наш дом», предводимый Марком Розовским.

Где-то в начале 1970 года я написал для Газеты стихотворение, которое мне сегодня хочется вспомнить.

„Почему я не модернист!“

ДАДАИЗМ

экспрессионизм

ПОГРОМИЗМ

НЕОКЛАССИЦИЗМ

сюрреализм

ПОП-АРТ

КУБИЗМ

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Уважаемые граждане!

Некоторые эрадикационные элементы распускают злобные слухи, будто меня уже нет, будто я уже помер. Это клевета на мое действительность. Я жив и здоров, и независимо от предлоного возраста и повздувшегося здоровья продолжаю вести плодотворную работу на славу нашей науки!

Доктор философских наук
М.Полупорянец

ПРИГЛАШАЮ К ПРОСМОТРУ
"НА БОЮ ЧЕРТ ИЛИ ОТА "ЗЕРТОВИНА"!"

В следующем номере газеты состоится обмен мнениями о романе М.Булгакова "МАСТЕР И МАРГАРИТА". Просим всех желающих из всех подразделений звонящего материализма высказать свое критическое мнение об этом произведении. Научные атеисты, не проходите мимо!

ГОЛЫЙ НАТУРАЛИЗМ

ВЫСТАВИМ

Моя автобиография

Вышел я из народа. До 1933 года жил тихо, без помехи. Опосля впоследствии вакантных мест сделался по рекомендации любви Свекора — Тимофеева начальником отдела кадров. В том году назначен приказом замдиректором НИИ БЕЛЬМЕСА. Был (по указу вождя Самого Товарища Ловаленного) пересектительным работником, назначенным сотрудником. В том году по рекомендации Свекора Тимофеева сделался кандидатом филологических наук. В том году сделался доктором и получил силу авторитета в глазах разломывающихся фелосов, наставил их бдительно.

Много написано очень много автобиографий, заявлений, приказов и монографий. Главные труды следующие:

- 1) "Империалистические империалисты" (8 стр., издание НИИ БЕ-НИИМЕ, 192-е издание "Академия", 1938, 3-е издание "Наука" — подготовлено и не в 3-х томах);
- 2) Приказ об отчислении из НИИ БЕЛЬМЕСА группы империалистствующих империалистов и принуждения к ним аспиранта Семичкого (22 стр., изд. "Академия", 1938). *сестр. Семич*
- 3) "Смертоубийцы в халатах" ("Советская культура" от 3 февраля 1953 г. удостоена государственной премии в 1953 г.);
- 4) "Вершина мировой философской мысли" (1950);
- 5) "Еще одна вершина мировой философской мысли" (1951);
- 6) "Сльбуру философской мысли" (1952);
- 7) "Пашир (Крыма мира) философской мысли" (совместно со Свекором мном Тимофеевичем расослана в 1953г.). Опосля этого по случаю истреда находилась в творческой отпуске. Вернувшись к работе написал:
- 8) "Кукуруза как вершина мировой философской мысли" (расослана в 1964 г. Опосля этого по случаю скоропостижной старости и озерного предпринимарта находилась в академическом доме для престарелых. Широко! Там написал:

- 9) "Кукуруза как пример волюнтаризма и волюнтаристствующего субъективизма" (ноябрь 1964 года).
- 10) "Сквозистенциализм Сартра и проблема ценностной ориентации" (1965, совместно с т. Мыслявченко).

И всего этого я не стеснялся! В трудных условиях абстрактношей ~~борьбы~~ борьба, благодаря ~~указанию~~ указанию соответствующих органов, моя творческая мысль разведывалась и крепилась.

Крепилось изобрать мне меня академиком, потому что мне уже больше 55 лет.

P. S.

Заявлено: все другие кандидатуры не заслуживают доверия, а особенно главный мой конкурент Свекор (Тимофеев). Сигнализирую, что он мало заботится сегодня проблемами ЭФФЕКТИВНОСТИ!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК
по учету кадров
Коллегиальное
Митрофан
Год, число и мес. рождения
1912
5 мая 1966
Место рождения
Дуки
5 этаж,
кабинета 36
национальности
нет

Место фотографии

Соб. продолжение правильное

7. Незаконченное.
8.
17. Не составил.
18. Не было этого.
19. Сидро.
20. Опыт не имеет.
21. Список прилагается.

М. Кокурузинцев

М. Кокурузинцев
5 мая 1966.

< Выпуск стенной газеты, в котором читателю впервые предьявлен
Митрофан Полупортянец

469

Э.В. Ильенков у стенгазеты «Советский философ»

*Когда б историей прессы
я был заинтересован,
В развитии нашей печати
я б выделил и утвердил
Эпоху, когда Субботин
в Газете был нарисован,
И пору, когда Субботин
Газетой руководил.
Я знаю, времен течение
безжалостно и сурово,
Обратно невозвратимы
ни целое, ни деталь.
Но все-таки, если можно,
изобразите снова
Субботина молодого,
глядящего в светлую даль.
Чтоб он стоял перед нами,
как будто этаж философский
Опять завешан газетой,
где шаржи – каждый в аршин:
Как будто опять в театре
спектакли ставит Розовский
И снова из жерла журнала
рецензией бьет Лакшин.*

Газета ожила в годы перестройки (и – горжусь – по моей инициативе). В редколлегии опять собрались представители сравнительно молодого поколения – такие первоклассные острословы, как А. Рубцов, А. Кара-Мурза, А. Воронин, В. Подорога. Уровень юмористического текста не просто сравнялся с тем, что удавалось делать двадцать лет назад, – он серьезно повысился (не могу не вспомнить с глубокой горечью, что подцензурное озорство шестидесятых порой срывалось в пошлости. Сегодня мне просто стыдно описывать, что, например, было изображено в последнем номере «старой газеты», как раз и угодившем в руки райкомовской комиссии в 1968 г. Ю. Левада заметил тогда: «Ребята, мы с вами делаемся похожими за ээка, который, будучи выпущенным на волю, первым делом обоссал забор!»¹³).

В Газете 1987–1989 годов Институт предстал как интеллектуальная семья, где все уже давно друг у друга на виду и обесценились

прежние партийно-карьерные различия. Академик Ойзерман и член-корр. Лапин, зав. хозяйственной частью Наприенков и особист Горбань, Грушин и Межуев, Марта Ловчева и Сима Лощакова жили в газетном пространстве как равнодостоинные, постоянно прописанные персонажи-старожилы. Всему довлел дух добровольной коллективности¹⁴. Одним из его выражений стала *корректная сатира*.

А. Рубцов весьма успешно справлялся с обязанностями рисовальщика-карикатуриста; один за другим появлялись элегантные «Короткие рассказы в духе Хармса»; вспыхивали, сыпались миниатюры, которые мы подводили под понятие «Мелочевка». Вот несколько примеров.

Шутите в газету, Рабинович¹⁵.

Симпатичная девушка с высшим образованием охотно свяжет свою судьбу с мужчиной, прочитавшим от корки до корки новую книгу Аверинцева о Плутархе.

Из приказов по хозяйственной части

1. *Считать хозяйственную часть гвардейской.*
2. *Приравнять работу на базе к базовому образованию.*
3. *В связи с начавшейся перестройкой провести во всех подразделениях Института занятия по строевой подготовке¹⁶.*

Отклик на первое издание книги П.П.Гайденко «Эволюция понятия науки»

*Эпистемальный кавардак
Обдуман правильно и строго:
Науку люди строят так,
Как до науки строят Бога.
И если это не принять,
То, смело вас могу заверить,
Умом науки не понять,
Аршином общим не измерить.*

На почтовой открытке:

Прошу выразить через Газету мою признательность за многочисленные теплые, сердечные поздравления, присланные мне ко дню 8 марта. И разъяснить, что я никогда не была супругой академика И.Т. Фролова¹⁷.

Е.А.Фролова

Из Первоапрельских тезисов

1. Своеобразие текущего момента состоит в переходе от развитого социализма к социализму развивающемуся.
2. Надо, чтобы трудовые коллективы прямым открытым голосованием избирали собственников своих предприятий.
3. Земля должна получить тех, кто ее обрабатывает.
4. Ежемесячные партийные взносы действительного члена АН СССР не должны превышать заработной платы младшего научного сотрудника.
5. В момент сокращения штатов кадры решают все.

Кстати, в новой Газете продолжалась и тема Митрофана Полупортянцева. Мы опубликовали полный текст «Отзыва Полупортянцева на диссертацию Балаболкина», который любезно представил нам А.В. Гулыга.

А вот что дальнезоркий Митрофан Лукич рекомендовал через Газету архитекторам перестройки:

*Перестройка! Довольно тащиться на лямке,
За которую прут тебя Нуйкин и Клямкин¹⁸.
Потуши «Огонек», и расторгни союз
С буржуазно-парламентской «Москау ньюз».
Чтоб застойное общество сделать здоровым,
Надо быть беспощадным, крутым и суровым.
Чтобы стлать по болотам надежную гать,
Надо смело, по-сталински всех запугать.*

Стенная газета возродилась. Но дни ее изготовления и вывешивания уже не были для Института знаменательными днями, когда, если вспомнить Ф.М. Достоевского, «весь город начинал жить насмешливой жизнью» («Бесы»). Перестав быть запретным, плод сделался пресно-сладковатым. Московские гуманитарии уже не сбегались к волхонскому дацзыбао по сотне в месяц.

Впрочем, замечательные гости у наших газетных ватманов все же бывали.

Весной 1989 года мне позвонил известный историк Л.М. Баткин, рассказал, что посетил Институт философии, и поблагодарил за удовольствие, которого он *не испытывал с 1968 года*.

Пару месяцев позже спускался я по институтской лестнице и в проеме третьего этажа, где была вывешена Газета, повстречал тогдашнего парторга Института Н.И.Киященко. Рядом с Кия-

ценко стоял Ельцин. В ту пору, если мне не изменяет память, он выдвигался в Председатели Президиума Верховного Совета РСФСР и выступал с разных трибун, чтобы упрочить и повысить свой рейтинг.

– А вот и главный редактор нашей стенной газеты, – представил меня Киященко¹⁹.

– Хорошая газета, – сказал Ельцин. – Больше всего мне понравилось вот это!

Палец Бориса Николаевича уткнулся в рисунок, изображающий человека, который бьется головой о подвешенный на веревке железнодорожный рельс. Под рисунком было написано: «*Не могу замолчать. Толстых*».

Меня порадовало чувство юмора, которое будущий президент России продемонстрировал своим выбором.

А.Ч. *Когда стенная газета Института перестала существовать?*

Э.С. В начале 1990-х. Спонтанно, без каких-либо пресечений и запретов.

А.Ч. *Эрих Юрьевич, Вы числитесь в штате Института без малого сорок лет; являетесь признанным авторитетом в историко-философском исследовании. Уже с конца 1970-х годов отечественная пресса именует Вас известным философом. Интервью, которое мы завершаем, не оставляет сомнения в Вашем заинтересованном, сердечном отношении к институтской жизни.*

Что Вы могли бы пожелать Институту философии РАН в год его юбилея?

Э.С. Анатолий Владимирович. Когда интервьюируемого (чуть не сказал «гостуемого») так торжественно привлекают к даче пожеланий, он обычно тут же настраивается на реформаторский образ мысли. Чувствует себя обязанным поговорить о настоятельной необходимости перестроек и нововведений.

Поэтому прежде всего я должен чистосердечно признаться, что не желаю Институту никаких крутых реформ. Последние двадцать лет наше учреждение живет нормальной, здоровой жизнью, а интеллектуальная продукция, которую его сотрудники выдают на-гора, не просто удовлетворяет, – поражает своим многообразием.

И все-таки есть область деятельности, которая вызывает у меня недовольство и тревогу. Это – *рецензионно-критическая миссия Института философии*.

Философская жизнь в сегодняшней России абсолютно неподконтрольна (в одном из известных своих выступлений А.А. Гусейнов прямо назвал ее хаосом).

Не секрет, что основную массу ныне публикуемых рецензий на философские работы составляют рецензии, заказанные самими их авторами. Это очень похоже на коррупцию, хотя деньги или какие-либо уличимые выгоды в деле, как правило, не участвуют. Я думаю, было бы правильно, если бы Институт философии хотя бы в некоторых случаях вспарывал сети обоюдных рецензионных услуг и в порядке плановых заданий поручал бы своим сотрудникам составление «аварийных критических откликов». В более широком смысле речь идет о налаживании систематической критико-верификационной работы, которую можно назвать *рецензурой*. Я уже говорил об этом на ученом совете Института, на совещании его главных и ведущих сотрудников и по крайней мере в двух журнальных публикациях. Могу лишь аннотировать то, что было высказано ранее.

Отмена предварительной идеологической цензуры – великое завоевание демократического общества. Но прекрасно известно, что отмена цензуры сталкивает с бедствием печатного беспредела. Неудивительно поэтому, что во всех демократиях, которые признаются цивилизованными, имеются достаточно мощные службы контроля *post festum*, или рецензуры. Практика такого рода поддерживается и в каких-то формах даже финансируется государством.

Эта поддержка является демократической, если исключает запреты и поощрения, касающиеся содержательных идейных тенденций (в особенности социально-политических), и строится на критериях профессионализма, квалификации и эрудированности. Исходная задача рецензуры – выявление профессиональной подлинности (неподлинности) всей культурной продукции, экспертиза на фальшь, на шарлатанство и самозванство. Рецензура решает, действительно ли является наукой все то, что претендует на научность; философией – все то, что хочет быть философией; искусством – все то, что предъявляет себя в качестве искусства; религией – все то, что выдает себя за религию. По характеру апелляции к обществу рецензионные суждения можно сравнить с предостережениями органов здравоохранения типа «Минздрав предупреждает...».

А.Ч. Не ратуете ли Вы тем самым за создание научно-академической цензуры?

Э.С. Нет, поскольку цензура и рецензура – не только различные, но и противоположные понятия. Цензура стоит между автором

и читателем (в более широком смысле – читателем, слушателем, зрителем). Рецензура должна встать между свободной, бесцензурной первопубликацией и массовым тиражированием, массовым навязыванием текста. Она делается оправданной там, где начинается манипулирование и хлопоты о широком идеологическом воздействии (хлопоты государственно-бюрократические или рыночные). Институт рецензентов не ограничивает базисной свободы слова, предоставляемой конституцией; он обслуживает другую замечательную ее статью: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной» («Конституция РФ», ст. 13, п. 2).

Мне очень хотелось бы, чтобы Институт философии шире развертывал публичную критико-верификационную работу и одновременно строго ориентировал ее на только что процитированный тезис. У меня есть особое право говорить об этом, поскольку в свое время (еще на стадии работы над «Декларацией прав человека и гражданина Российской Федерации») я принимал участие в подготовке текстов, вошедших в тринадцатую статью Конституции.

Посягательство на формирование господствующих идеологий ощущается сегодня повсеместно и обнаруживает себя в самых неожиданных, самых сомнительных формах. Страна захлестнута мутным потоком шарлатански-манипуляторской, псевдонаучной и псевдофилософской массовой продукции. Наиболее выразительные ее примеры – астрология, парапсихология, антропософия, теософия, историософия и геополитика. Россия вконец сдурееет, если наиболее квалифицированная часть ее ученого сообщества не преградит этот поток прочным критико-аналитическим щитом. Сооружение такого щита – одна из важнейших задач Академии наук, и только Институт философии может быть координирующим центром соответствующих усилий. Для развертывания критико-аналитического дела на Волхонке, 14 есть хорошие давние традиции. Две из них кратко обрисованы в сегодняшнем разговоре. Я имею в виду традицию подспудной граждански-дискуссионной жизни и традицию философской иронии, заостренной против идеологий.

Примечания

- ¹ Насколько мне известно, Зиновьев никогда не изменял этому подтексту; Ильенков в последние годы жизни (1974–1979) истязал и губил себя поисками метафизических глубин ленинского наследия.

- 2 Будь моя воля, я вывешивал бы на фронто́не Института не мемориальные доски с именами отдельных выдающихся лиц, а мемориальные доски, на которых высечены списки некоторых наших секторов. Вот перечень явно незаурядных людей, долго ли, коротко ли подвизавшихся в секторе Келле в годы моего пребывания в нем (1970–1975): Ю.М. Бородай, М.М. Виткин, А.В. Гулыга, Ю.А. Левада, В.М. Межуев, Н.В. Мотрошилова, Н.В. Новиков, Е.Г. Плимак, И.Н. Сиземская, В.И. Толстых. И пусть простят меня те незаурядные люди, которых я, составляя этот перечень, по старости, возможно, еще и запомнил. Не звездами, а созвездьями издавна светится ИФ АН.
 - 3 Разумный предстал в статье как эклектичный эстетик-прохвост, который в новых условиях закономерно и бойко заместил эстетика-догматика. Рассуждения Разумного Лифшиц сравнивал с базарными гуттаперчевыми рожцами, которые, потяни их вдоль, – примут выражение унылое, а потяни поперек – сделаются веселыми и радостными, как колхозники в «Кубанских казаках». «Не читайте Разумного, – заключал Михаил Александрович. – Я прочел его за вас».
 - 4 *Гулыга А.В.* Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке. СПб.: Алетейя, 2000. С. 399.
 - 5 См.: *Башкирова Г.* Рай в шалаше: Роман. М.: Советский писатель, 1977. С. 127.
 - 6 Некоторые из этих куплетов и частушек были сочинены в соавторстве с мл. лейтенантом И. Грингольцем – впоследствии известным юристом, специалистом по авторскому праву, адвокатом Б.Л. Пастернака в последние годы его жизни.
 - 7 Ошибки в пунктуации – преднамеренные.
 - 8 Текст Е.П. Никитина; имел в виду книжицу Андреева, штатного диаматчика, в 1963–1964 гг. парторга Института.
 - 9 Вечер, помнится, пришелся на ту пору, когда скульптор Эрнст Неизвестный находился в опале после посещения Хрущевым выставки в Манеже.
 - 10 Текст В. Колбановского.
 - 11 О дальнейшей жизни Митрофана Полупортянцева в моих стихах см.: *Соловьев Э.Ю.* Позвольте объявиться // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 68–71.
 - 12 См. подробнее: *Гулыга А.В.* Указ. соч. С. 402.
 - 13 Любопытно, что в 90-е годы Ю.А. Левада однажды использовал эту же крепкую аллегорическую при обсуждении стилистики зинovieвского «Желтого дома».
 - 14 Таков, между прочим, дух гражданского общества вообще, как это признается со времен Токвиля.
 - 15 Приглашение В. Рабиновичу (охотно им принятое).
 - 16 Текст В.М. Межуева.
 - 17 И.Т. Фролов был в ту пору помощником М.С. Горбачева.
 - 18 Известные публицисты 80-х годов.
 - 19 Это было не совсем точно. Пост главного редактора Газеты я не занимал никогда.
-
-

V

Голоса молодых

Д.Б. Голобородько

сектор аналитической антропологии

Философия – свободное исследование в области знания о мире и человеке. Оно не опирается ни на какие предзаданные основания и при этом отвечает условиям максимальной строгости и точности. Философия – наука не менее точная, чем сами «точные науки». Свобода и точность – единственные основания философии. Призвание философа – нести и распространять этот дух свободного и точного исследования, своей работой представлять его образцы.

Институт философии в моем представлении – это социальная, институционально закреплённая форма такого исследования. Он создает и поддерживает условия возможности его всестороннего развития. Миссия Института состоит не только в том, чтобы приумножать получаемое в свободе и точности философское знание, но нести и развивать в обществе знание о самой философии. Существование Института не позволяет прерваться культурной памяти о философии. Благодаря непрерывной работе его сотрудников в современной российской культуре постоянно сохраняется знание о фундаментальных условиях подлинной философской работы, знание о философии. Сегодня в России философию преподают преимущественно в университетах, но завтра – надо надеяться – она появится и в школах. Обращение к опыту философской работы, накопленному в Институте, будет тогда совершенно необ-

ходимо для того, чтобы с самых основ научить основам знания. Оно необходимо и сегодня, потому что не всегда Университет *знает* и *помнит* о его условиях и основаниях.

Уникальность Института для меня состоит в свойственной ему внутренней интеграция философского знания. Благодаря присутствующей ему широте охвата практически всех областей философии Институт позволяет обогащать собственные знания как специалиста в той или иной области философии за счет коммуникации со специалистами в других областях, обладающими колоссальным опытом научной работы.

Результаты моих научных исследований связаны с анализом критического потенциала, заложенного в философских концепциях разума, которые созданы в европейской философской и политической антропологии XX века. Исследование критики рациональности в работах А. Кожева, Ж. Батая, Ж. Деррида, М. Фуко позволило мне попытаться показать, в какой степени современные интерпретации сущности разума опираются на переработку понятия власти. И шире, что сами понятия власти и разума – как в теоретическом, так и в практическом плане – находятся в отношении взаимной обращенности и поддержки. С исследованием этой внутренней понятийной связи разума и власти, вскрытии рациональных (и внерациональных) элементов власти и властных элементов разума связана моя работа в настоящий момент. Актуальность этих исследований я вижу в возможности развития новых аналитических и критических инструментов для анализа современных политических процессов в России, Европе и в мире в целом. Проект модернизации процессов управления в России, проект создания Единого Европейского Пространства, мировые процессы глобализации и интеграции – с философской точки зрения в центре этих событий находится вопрос о разуме как фундаменте самосознания, – вопрос, относящийся к сердцевине духовной и социально-политической истории Европы начиная с Нового времени.

А.А. Лукашев

сектор философии исламского мира

Для меня Институт философии – место, где можно свободно реализовывать свои творческие интересы, общаться с близкими по духу людьми. Его задачи менялись со сменой эпох, в которых

приходилось работать его сотрудникам, однако всегда он объединял в своих стенах творческих людей, ищущих ответы на нетривиальные вопросы действительности. В этом и заключается его миссия – объединить ищущих людей с разными мировоззренческими позициями и дать им возможность в продуктивном сотрудничестве искать пути к познанию мира и человека.

Философия – это способ ответа на интересующие меня вопросы и счастье заниматься любимым делом. Я занимаюсь средневековой персидской философией – темой, актуальность которой на первый взгляд «подернулась пылью» примерно пятьсот лет назад. Вместе с тем эта культура живет и в современных иранцах. В этом смысле изучение классической традиции дает возможность почувствовать душу народа, к которому обращено внимание исследователя. Сейчас, когда идея однополярного мира все больше себя дискредитирует, приходит понимание необходимости увидеть своего партнера по диалогу в его инаковости, что делает тему актуальной не только для узкого круга специалистов.

С.В. Месяц

*сектор философских проблем
истории науки*

Работа в Институте философии РАН предоставляет мне уникальную возможность заниматься любимым делом в кругу единомышленников. Академический статус Института и его неизменная ориентация на фундаментальные научные исследования позволяют мне изучать интересующий меня предмет – античную философскую традицию – с той степенью глубины и тщательности, которая отвечает мировым научным стандартам. Кроме того, коллектив выдающихся ученых, работающих в институте, позволяет на высоком профессиональном уровне обсуждать полученные результаты исследований, обмениваться идеями и совместными усилиями решать возникающие проблемы. Миссия института в моем представлении – быть хранителем и транслятором культурных и духовных традиций, заново открывать для современных ландшафты философской мысли.

Как призвание философия для меня – это возможность всегда продолжать спрашивать, в соответствии с хайдеггеровским определением существа философского дела как вопрошания о мире:

не о той или иной его части или составляющей его сфере сущего (математической, биологической, физической, социальной и т.д.), а о мире как об изначально целом. Путь к такому вопрошанию лежит через чтение философских текстов, потому что просто так, «за окном», мир не обнаруживается. Нельзя, просто оглянувшись по сторонам, сказать: вот он мир, вот вещи. Их нужно еще только открыть, обнаружить. Внешнее как бы изначально молчит, не проявляя своего содержания и значения. Я начинаю видеть, только когда начинаю понимать, и чем больше понимаю, тем полнее вижу. Созерцание подготовлено пониманием, оно не есть встреча с чем-то совершенно неизвестным, а, скорее, узнавание... Но если я иду от мысли к вещи, то почему же тогда мир проступает, скорее, за окном, а не в книге, которую я сейчас читаю? Вот почему работа с текстом, профессиональное, вдумчивое чтение Гераклита, Платона или Канта подготавливает встречу с тем, что есть.

В ходе проведенных исследований мне удалось установить ряд факторов, обусловивших тесную связь античного учения о природе с метафизикой и теологией. Важную роль здесь сыграло введенное Платоном деление причин на основные и вспомогательные, согласно которому наряду с «истинными» причинами существуют и такие, без которых первые не могли бы реализоваться как причины. Античность понимала под «истинной причиной» самодвижный принцип (*autokineton*), обязанный включать в себя разумность, целеполагание и активность (=свободу). Поскольку же ни одна из естественных вещей не удовлетворяла этому требованию, то подлинные причины по необходимости выносились за пределы природы в область бестелесного и сверхъестественного. И поскольку всякая благая бестелесная сущность отождествлялась с богом, то в результате естествознание оказывалось укоренено в теологии. Это не означало, впрочем, что физические причины природных явлений в Античности полностью игнорировались, – просто они не привлекали к себе особого внимания. На них смотрели всего лишь как на вспомогательные условия, без которых подлинные причины не могли бы реализовать себя в физическом космосе. Наивысшей причиной античная метафизика считала Единое. Мне удалось обосновать правомерность использования применительно к этому понятию термина «абсолют», показав, что ему в точности соответствует платоновское выражение «само по себе», и что понятие первопричины в философии Платона, Плотина и Прокла удовлетворяет формальному определению Абсолюта

Ю.С. Моркина

сектор социальной эпистемологии

Философские вопросы волновали меня, можно сказать, с колыбели, стоило только начать осознавать мир: куда умирают люди? Почему они не тождественны друг другу? Что такое мышление? По-разному или одинаково воспринимаем мы реальность? Вопросы роились еще тогда, когда и не догадывалась, что это философские вопросы. Откуда берется смысл в словах? Последний вопрос приобрел особенную значимость, когда стала заниматься словесным творчеством. На собственном опыте выяснила: смысл письменных строк порой не только появляется «из ниоткуда», но порой «в никуда» исчезает. Закона сохранения смысла, по-видимому, не существует. Метаморфозам смысла в поэтических произведениях была посвящена первая письменная (нигде не опубликованная) философская проба пера.

Как будущий ученый-естественник (поскольку училась на естественно-экологическом факультете Московского педагогического университета) остро интересовалась проблемами познания и его границ, а также оснований науки. Мания к учебе обернулась рядом дополнительных дипломов, среди которых диплом школьного психолога и диплом преподавателя латинско-греческой терминологии. Кумир того времени – В.И. Вернадский как не только великий ученый-естественник, но и очень значимый мыслитель. Позже М. Хайдеггер ощутимо «качнул для меня Землю». В жизни пришлось долго искать способ приложения своего рвения к исследованиям: работала младшим научным сотрудником в НИИ вирусных препаратов РАМН, научным сотрудником в Институте физиологии растений им. К.А. Тимирязева, в лаборатории молекулярных и физиологических механизмов адаптации растений.

Хотелось развить и сочетать в себе качества как эмпирического исследователя, так и абстрактного мыслителя, однако в итоге пришла поступать в аспирантуру ИФ РАН по специальности «Онтология и теория познания» в 2004 году. Тогда и встретила первого философа-современника в своей жизни: члена-корреспондента РАН И.Т. Касавина, который стал не просто научным руководите-

лем, но и наставником в философии. Судьбоносной стала встреча и с другими сотрудниками сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, где царит атмосфера дружеской поддержки, всегда конструктивной критики, живого участия. Наряду с учебой в аспирантуре работала в этом секторе младшим научным сотрудником, потом научным сотрудником, после того как в 2007 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Социальная природа познания (анализ концепций Эдинбургской школы)».

Сейчас в творческих планах – книга о системах рациональности и закономерностях, присущих философскому дискурсу. Философская коммуникация, увиденная как взаимодействие систем рациональности, формируемых и защищаемых философами, имеет свои фундаментальные закономерности, которые можно проследить, проведя анализ определенных философских дискуссий. В качестве материала для такого анализа в книге будет предложено противостояние классической эпистемологии и социологии научного знания. И хотя в конце 2008 г. вышел третий по счету сборник моих стихов, среди которых многие вдохновлены чужими и собственными размышлениями над предельными основаниями человеческой жизни, но эта моя книга будет написана прозой.

А.А. Пензин

сектор аналитической антропологии

Институт философии – место, где я учился в аспирантуре, защитил диссертацию, встретил и имел возможность общаться с многими блестящими интеллектуалами, а также приобрел множество друзей и коллег своего поколения. Разумеется, в каком-то смысле это «место философии» оказало на меня формирующее воздействие – помимо теоретических знаний и навыков дискуссии оно дает также своего рода «этические интуиции» – в том, что касается научной этики, общения, поведения. Многие сотрудники ИФ РАН являются своего рода образцами героического отношения к исследованию и преподаванию, особенно если брать в расчет те непростые материальные условия, в которых до сих пор находятся российские гуманитарные науки.

Уникальность ИФ РАН как философской институции видится мне в нескольких аспектах. Очевидно, что такая специализированная исследовательская институция – явление редкое в современ-

ном мире. Насколько я знаю, подобные научные учреждения есть только в экс-советских странах и Восточной Европе, что связано с советским периодом истории XX века, и той специфической ролью, которую играло в этих обществах философское знание. Очень важно сохранить в постсоветских условиях эту форму организации – разумеется, уже на новых основаниях недогматического, критического исследования. Излишним было бы напоминать, что ориентация на исследование, а не только на преподавание – важное условие философской работы. История ИФ РАН – важная часть советской и постсоветской интеллектуальной истории в ее связях с международным философским сообществом. Достаточно вспомнить, например, о Георге Лукаче, защитившем здесь свою докторскую диссертацию, или о выдающихся современных философах, побывавших в ИФ РАН в постсоветское время (Ю. Хабермас, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси, Дж. Агамбен и др.).

Миссия ИФ РАН не ограничивается исследовательской и преподавательской работой. Многие представители Института участвуют в культурной, политической и общественной экспертизе, и это важно для сохранения символического статуса философии как фундаментальной формы мышления о человеке и мире. Деятельность ИФ РАН, безусловно, необходима также для поддержания критических, компетентных и рациональных оснований социальной дискуссии в нашем обществе, потерявшем многие прежние ориентиры и пережившем значительное снижение интеллектуального уровня публичной сферы.

Для меня лично философия, помимо своих исследовательских, творческих, аналитических и критических функций (создание новых концепций, понятий, аналитика оснований гуманитарных и естественных наук, а также критика «здорового смысла» повседневности), является и практикой формирования субъективности, т. е. опытом изменения себя и окружающего политического и социального мира.

Научные результаты моих исследований связаны с рядом направлений. Во-первых, с проектом философско-антропологического исследования образов и репрезентаций сна в культуре и обществе. Феномен сна рассматривается из внешней перспективы наблюдения, в которой он представляется состоянием пассивности, непродуктивности и изоляции. При этом демонстрируется ограниченность традиционных представлений о феномене сна как исключительно естественно-биологическом явлении, или же сво-

дящих его к интерпретации и анализу сновидений в гуманитарных науках и психоанализе. В ходе моего исследования обсуждается целая традиция философского осмысления сна от Античности до современной мысли. Образы сна анализируются не только как объективации различных аспектов этого явления человеческой жизни в культуре, но и как структурирующая нормативная система, которая обладает особой значимостью в современном обществе. Генезис этой системы увязывается с развитием и современным состоянием общества, а также с анализом феномена «биополитики» (М. Фуко). Последнее направление исследования вносит вклад в осмысление антропологических оснований власти, показывая, что образы «спящего» общества не являются случайными метафорами, а образуют элемент властных стратегий и «воображаемого». Во-вторых, к моим научным результатам можно также отнести серию критических очерков о ряде ведущих фигур современной философско-политической мысли, мало освоенных в России (А. Негри, П. Вирно, Фр. Джеймисон, Дж. Агамбен), а также статьи по эстетической и культурной проблематике.

М.А. Пронин

*сектор гуманитарных экспертиз
и биоэтики*

Институт философии в моем восприятии – это пространство, объединяющее многих самобытных, самодостаточных и очень самостоятельных людей. Людей с интересными траекториями личной и профессиональной жизни. Уникальность моих коллег и института как пространства их институционального присутствия – в умении объединить в своих делах (в узком смысле – в произведениях) общественно значимое и очень личное. В отношениях между коллегами подкупает уважение к чужому труду. Миссия Института? Быть философским домом – в культурном, в социальном и в научном смыслах и проявлениях.

Философия – мой жизненный выбор. Это моя жизнь сегодня. И этот этап моей жизни мне очень по душе. Призвание невозможно реализовать без понимания личного предназначения и миссии. Как военный врач по базовому образованию, я отдаю себе отчет в том, что философские проблемы медицины давно уже стали моей профессиональной сферой деятельности, а общение с коллегами по

цеху дает основания для убеждения в бесполезности философа в современной медицине. И я, и мои коллеги очень интересны друг для друга. Да и мне самому с самим собой не скучно.

Проблема комплексности в изучении человека – неизбывна. И понимание природы внутреннего пространства человека, как бы мы его ни называли – субъектным, антропологическим, психологическим, духовным, – это фундаментальная проблема философии, естественнонаучного и гуманитарного знания. Виртуалистика, которой я занимаюсь, направлена на исследование онтологической структуры пространства внутреннего человека и закономерностей его внешних проявлений, что уже дало очень интересные и актуальные результаты.

Ю.В. Синеекая

сектор истории западной философии

Для меня наш Институт – интеллектуальный клуб отечественной духовной элиты, редкостное сообщество людей, каждый из которых влюблен в то дело, которым занят. Это содружество профессионалов, для которых сложнейшая мыслительная работа высочайшего класса является одновременно и профессией, и хобби. Это уникальное место общения и коллективного решения теоретических проблем философами, принадлежащими к нескольким культурным поколениям и направлениям.

Миссия нашего Института, на мой взгляд, двояка. С одной стороны, это сохранение и продолжение российских культурных традиций, фиксация и осмысление наиболее значимых событий мировой и отечественной интеллектуальной и социальной истории и одновременно философский анализ повседневности, формирование и оттачивание тех новых смыслов и ценностей, которые рождаются в сегодняшней жизни.

Не только сотрудники, работающие в нашем Институте, определяют его высокий академический статус, но и сам наш Институт определяет дух и устремления работающих в нем людей. Я имею в виду дух нашего Философского Дома, хранящего в своих стенах живую философскую традицию. Особая «философская намоленность» этого места создавалась десятилетиями теми выдающимися мыслителями, которые работали в Институте философии раньше и работают теперь; отечественными и зарубежными мыслителя-

ми мирового масштаба, выступавшими в этих стенах с докладами. Этот дух живет в бесконечных беседах и дискуссиях, не смолкающих в комнатах, коридорах, залах заседаний ученого совета и в «курилках» на черной лестнице ИФРАНа; он рождается на лекциях, которые читают наши ученые студентам и аспирантам.

Наш Институт расположен в том районе Москвы, каждая улочка которого имеет интереснейшую историю жизни и собраний философской общественности столицы двух последних веков. Я убеждена, что беседы, которые ведут наши сотрудники, выходя по вечерам из Института побродить по бульварам и переулкам старой Москвы, имеют огромное значение для рождения новых смыслов, дают импульс к творчеству.

Мне кажется, что невозможно разделять философию как призвание и философию как профессию. Любой, кто приходит в философию и решается заниматься ею профессионально, выбирает свой особый образ жизни. Для людей, живущих философией, собственные поступки, события, переживания, опыт общения становятся частью проблемного поля профессиональных исследований, определяя их ценностный и смысловой контекст.

Наша профессия уникальна тем, что чем старше становится человек, ею занимающийся, тем интереснее ему жить, и тем большую ценность он представляет для своей профессии. Неслучайно люди нашей профессии либо сгорают быстро, либо живут долго насыщенной и яркой внутренней жизнью, они не просто отсчитывают дни, а мыслят, любят, издают книги, до конца остаются молоды духом. Какие прекрасные лица видишь в нашем Институте, лучистые живые глаза, взрывную энергию, свежесть восприятия мира, пронзительное остроумие и мудрость.

Я считаю себя счастливым человеком во многом потому, что моя профессия – это моя жизнь, потому, что мои коллеги и студенты бесконечно интересны мне и глубоко мной уважаемы, потому что моя работа всегда нова. Начиная проект, обдумывая еще не написанный текст, работая над статьей, я испытываю счастье, сравнимое, пожалуй, лишь с чувством влюбленности. Мне кажется, что тратить себя на занятие нелюбимым, а значит, бессмысленным для себя делом разрушительно для человека.

Сразу после окончания МГУ в 1992 году я поступила в аспирантуру Института философии, здесь защитила кандидатскую (1996) и докторскую (2009) диссертации, здесь, в издательстве института, вышла моя первая монография «Три образа Ницше в рус-

ской культуре». Если определить тематику моих исследований предельно широко, это история идей, взаимосвязь отечественной и западной философских традиций. Я занимаюсь отечественной философией XX века, творчеством Ф. Ницше и летописью российской ницшеаны, проблемой специфики трансляции философского знания посредством философской периодики, вопросами становления российской и европейской культурной и национальной идентичностей. Мною опубликовано более 50 работ.

М.А. Солопова

сектор истории западной философии

Институт философии для меня – это место работы, откуда до сих пор не удавалось уйти домой вовремя: туда меня привели после университета буквально за руку, и это была рука светлой памяти Татьяны Вадимовны Васильевой. С тех пор прошло уже больше 15 лет, каждый из которых мне памятен и дорог. Когда берешь в библиотеке старый том из серии комментариев к Аристотелю по-древнегречески, нужно, как обычно, расписаться на маленьком кусочке картона (фамилия, число), – и видишь, кто держал эту книгу до тебя за последние лет 25, их совсем немного, но это имена тех, по книгам и статьям кого мы когда-то учились. Это к вопросу об уникальности института. Я не сомневаюсь, что уникальны все люди, работающие здесь, ведь каждый из них представляет воплощение (неважно, насколько совершенное) образа жизни, посвященного философии. Думаю, продолжать делать то, что мы делаем, – в этом и есть наша научная миссия; что тут можно придумать особенно нового. А культурная и социальная миссии – вопрос во многом не только готовности, но и востребованности. Университет гуманитарных наук, философский и политологический факультеты – наш отрезок на этом пути, наверное.

Профессию, в принципе, можно освоить всякую, но не от всякой можно получать радость. Философия дает такой шанс. Как профессия она еще означает, что у меня уже не будет такого времени, когда нечем заняться, нечего переводить, не о чем писать и т.п. Бывает, устанешь от одной темы, можно обратиться к другой; устанешь от книг – самое время проведать кого-то из тех, кто их пишет, и у людей более мудрых, чем ты, еще чему-то поучиться.

Основные мои научные результаты такие: выполнены переводы отдельных текстов Плотина, Александра Афродисийского, Аристотеля. Творчеству перипатетика Александра Афродисийского посвящена моя книжка, ставшая первым исследованием на русском языке, ему посвященным. Редактировать что-то приходится, сборники статей собирать, помогать издавать неопубликованные работы из архивов (Б. Фохта, В. Зубова). Только что закончилась работа над энциклопедическим словарем по античной философии, такого рода специализированное издание предпринято в отечественном антиковедении впервые. Надеюсь, изучение древности и в будущем останется действительно важным и привлекательным образовательным идеалом, – может быть, не для всех, но всем, для кого это будет важно, хотелось бы пожелать удачи.

Е.О. Труфанова

сектор теории познания

Мое знакомство с Институтом философии – очень давнее. Живя и учась вблизи метро «Кропоткинская», я хорошо знала этот дом, что напротив бассейна Москва, а затем – храма Христа Спасителя. Благодаря семье я также знала, что в этом доме находится научно-исследовательский институт, который занимается загадочной «философией». Я не до конца понимала, что это такое, но пиетет перед ней у меня существовал с ранних лет. Мое личное знакомство с ИФ РАН началось, впрочем, со дня открытых дверей на факультете философии ГУГН, и таким образом ИФ РАН стал прежде всего моей *alma mater*, моим университетом. Собственно, что такое философия, я узнала и поняла в его стенах, благодаря его сотрудникам, преподававшим на философском факультете ГУГН. Пять лет учебы, диплом, аспирантура, защита кандидатской диссертации – все это сделало Институт философии моим вторым домом. ИФ РАН для меня всегда был и остается квинтэссенцией всего самого важного, что делается в нашей философии, организующим и координирующим центром философских исследований в стране. Мне кажется, главная цель нашего Института – выступать эталонным философского познания в России и представлять важнейшее, что есть в современной философии, российскому обществу.

Я никогда не считала философию просто профессией. На вопрос, кто я по профессии, не отвечаю «философ», но говорю, что

работаю в Институте философии, поскольку считаю, что далеко не каждый, кто занимается философией, может называться философом. Философский тип мышления позволяет видеть мир во всем его многообразии, с разных позиций, разных точек зрения, позволяет воспринимать мир критически. Можно перестать работать в области философии, но невозможно избавиться от потребности мыслить философски.

Мои исследования посвящены проблеме индивидуального самосознания, проблеме *Я* и проблеме индивидуальной идентичности человека в целом. Как мне представляется, современная социокультурная ситуация бросила серьезный вызов классическому пониманию этих проблем, и необходимо искать альтернативные варианты их решения. Представления об индивидуальном *Я* человека, сформированные в XVII–XIX веках, уже не подходят для описания современного самосознания. Выработка новых подходов к проблеме самосознания, выявление основополагающих черт современной эпохи, влияющих на особенности конструирования внутренней сути *Я* человека, проблема единства и множественности индивидуального *Я* – все это представляется мне актуальными вопросами, которые составляют главную суть моих работ на данный момент.

А.В. Черняев

сектор истории русской философии

Впервые я перешагнул порог дома на Волхонке, 14, где располагается Институт философии РАН, будучи студентом-старшекурсником философского факультета МГУ, для встречи со своим будущим научным руководителем, профессором М.Н. Громовым – авторитетным ученым, заведующим сектором истории русской философии. С некоторой робостью открывая дверь в это легендарное и несколько таинственное учреждение – «Институт философии», о котором знал еще совсем немного (однако все, что было известно, вызывало лишь глубокий пиетет), я не мог даже вообразить, что когда-то мне выпадет счастье работать здесь в качестве научного сотрудника.

Разумеется, теперь я знаю Институт философии гораздо лучше, но мое первоначальное отношение к нему осталось неизменным. В этой жизни, где, как говорили древние мудрецы, все течет и меняется, – увы, не столь уж многие вещи способны сохранять

для нас непреходящую значимость. Для меня философия оказалась неисчерпаемым источником вдохновения, а Институт философии стал местом любимой работы, встречи и общения с коллегами – первоклассными знатоками своего дела, остроумными собеседниками, да и просто замечательными людьми. Работа в Институте философии – это счастливая возможность заниматься исключительно интересным, осмысленным и, безусловно, значительным делом.

Ведь специфика философского познания такова, что оно, имея дело с вроде бы абстрактными предметами, всегда в конечном счете направлено на решение самых насущных проблем жизни человека и общества. Ибо для людей нет ничего страшнее и мучительнее, чем утрата смысла собственной деятельности. Дефицит смысла всегда приводит к крайне деструктивным последствиям – как в индивидуальном, так и в социальном масштабе. Исполняя свои научно-академические задачи, Институт философии вместе с тем осуществляет еще одну, и, очевидно, главную свою миссию – стоять на страже смысла человеческого бытия. Это миссия помощи человеку, обществу, стране не потерять самое главное – осмысленность своего существования. В отличие от религии или идеологии, философия не дает здесь готовых рецептов, но она пробуждает сознание людей к глубинному пониманию жизни, к разумному осознанию своих целей и поступков. Если угодно, философия – это духовная гигиена человеческого бытия, наука самосохранения «человека разумного», достойного своего человеческого звания, что особенно важно в сегодняшнем мире, столь непросто и подверженном молниеносным изменениям.

Поэтому философия призвана постоянно «держатъ руку на пульсе» современной жизни, быть в курсе того, что происходит сегодня в политической и общественной сфере, в различных естественных и гуманитарных науках, в культуре, искусстве, религии – философскими проблемами этих и многих других предметов занимаются соответствующие подразделения Института философии. Наряду с исследовательской работой на переднем крае современных проблем науки и общественного сознания не менее важным для философии является бережное хранение философской традиции, разностороннее изучение и актуализация истории мысли. Этому посвящена деятельность институтского отдела историко-философских исследований, в котором имею честь работать и я.

В настоящее время я занят разработкой исследовательского проекта по теме «Проблемы социально-философской антропологии в истории русской мысли». Эта работа будет являться первым исследованием, специально посвященным анализу того осмысления социального бытия человека, которое предпринималось в трудах русских мыслителей XI–XX веков. Методологическая особенность работы состоит в проведении сопоставительного анализа идей социально-философской антропологии в истории русской мысли с соответствующими концептами, характерными для западной культуры. Таким образом, результаты исследования должны способствовать уяснению специфики духовно-культурного сознания и цивилизационного пути России. Значение данной работы заключается также в раскрытии наследия отечественной социально-антропологической мысли как теоретического ресурса для решения актуальных социально-политических, культурологических, этических проблем современного российского общества. В том числе – проблем, связанных с теорией и практикой прав человека, с формированием гражданского общества и правового государства в России.

Г.А. Хакимов

Аспирант сектора социальной философии

Интерес к философии возник у меня уже на первом курсе университета, несмотря на то что я учился на историческом факультете. На старших курсах вступил в Российское философское общество, в 2005 году принимал участие в IV Российском философском конгрессе, проходившем в МГУ. Тогда и произошло мое первое знакомство с представителями Института философии. Подготавливая свою дипломную работу, я изучал различные работы по философии и методологии истории. Мое внимание привлекли труды В.Г. Федотовой по методологии социально-гуманитарного знания, проблемам капитализма, модернизации и глобализации. Большое впечатление произвела на меня сама встреча с Валентиной Гавриловной: для меня это был первый «большой разговор» с известным ученым, впоследствии моим научным руководителем. Сдача вступительных экзаменов в аспирантуру также сопровождалась встречами с известными философами – А.Л. Никифоровым, учебник которого штудировал, готовясь

к экзамену по философии науки, и И.Н. Сиземской, чьи статьи по проблемам русского либерализма и философии истории мне доводилось изучать еще в университете.

Поступив в аспирантуру сектора социальной философии, я сосредоточил внимание на проблеме интерпретации капитализма как ключевого «игрока», влияющего на современные социально-экономические, политические и социокультурные трансформации российского общества и мира в целом. Могу с удовлетворением констатировать, что в стенах нашего Института ощущаю себя не просто учеником (аспирантом), у которого есть учитель (научный руководитель) и который занимается строго своей узкой проблематикой, но и полноправным коллегой, частью «большого дискурсивного сообщества». В частности, мне уже удалось внести свой вклад в работу над коллективной монографией сотрудников нашего сектора «Человек в экономике и других социальных сферах». С большим удовольствием принимаю участие во многих мероприятиях, проходящих в Институте философии – конференциях, круглых столах, презентациях, заседаниях интеллектуальных клубов и т.д.

Институт философии как дискурсивное сообщество ученых создает подлинную свободу мысли и действия. Именно здесь передо мной раскрылась возможность общения с целой плеядой выдающихся современных философов, с которыми я уже был заочно знаком по их интересным работам. Среди них – В.Ж. Келле, В.М. Межуев, Ю.К. Плетников, А.С. Ахиезер, И.К. Пантин и другие. Всегда оставаясь верными избранному пути философа, они с большим интересом и внимательностью относятся к злободневным вопросам современности, открыто вступают в диалог, дискутируют, «дарят» советы...

На мой взгляд, именно уникальная процедура открытой философской коммуникации, осуществляющаяся в стенах Института философии, создает возможность подлинного философствования, «экспериментирования», «пробуждает мысль», рождает новые философские вопросы, снимая идейные штампы и приближая к жизненной реальности. Для меня как начинающего философа Институт философии – это не просто академическое учреждение, это «школа мысли», а его сотрудники – не просто учителя, а «мудрецы», продолжатели традиции особых мыслительных правил. Согласно М. Хайдеггеру, «мы мыслим в поле традиции», поэтому «пока мы не возвратимся к тому, что уже было помыслено, мы не обратимся к тому, что все еще следует помыслить». Вступая в от-

крытый диалог с «мудрецами» и «методистами мысли» Института философии, созданный его особой дискурсивной атмосферой, становишься участником философствования как процесса, как действия, как драмы, как интриги, тем самым продолжая эту уникальную мыслительную традицию и чувствуя ответственность за ее сохранение и продолжение.

Необходимое послесловие

В дополнение к тому, что уважаемый читатель мог прочесть на страницах предложенной книги выше, хотелось бы добавить следующее. Замысел издания, его концепция, структура, соотношение текстового и иллюстративного материалов, ряд других проблем активно обсуждались на подготовительной стадии. Затем более десятка авторов приступили к работе и представили свои тексты. Соподчинить их, сбалансировать и создать достаточно целостное произведение оказалось нелегким трудом, поскольку редколлегия имела дело с различными интерпретациями специалистов разного профиля, разных установок, разного личного опыта. Надеемся, что некоторую корректировку отдельных текстов ради общего блага их авторы воспримут с пониманием.

Но мало подготовить текст книги с необходимыми иллюстрациями. Необходимо было заручиться поддержкой для ее издания. В связи с этим редколлегия и коллектив Института философии РАН, который с нетерпением ждал выхода юбилейного издания, выражают искреннюю признательность Российскому гуманитарному научному фонду за предоставленный издательский грант. Такую же признательность хотелось бы выразить руководству и сотрудникам авторитетного московского издательства «Прогресс-Традиция», взявшим на себя ответственную миссию по публикации довольно сложного коллективного труда.

Отечественная философия изначально была связана с литературой, искусством, социальной практикой, и потому ее развитие неотделимо от общекультурного и исторического процесса. Вслед-

стве этого Институт философии, продолжающий традиции Голицынского дворца на Волхонке, оказался причастен и мудрости, и музам. Просвещенная семья Голицыных в лице позднейших представителей собирала не только высокохудожественные произведения западноевропейского искусства, но и составила уникальную библиотеку в более чем двадцать тысяч томов, в которой отразился интеллектуальный опыт Европы от Античности до XIX века. Бесценный хранитель художественной коллекции Карл Маркович Гюнцбург составил ее каталог на французском языке и вместе с тем выступил как автор философического сочинения «Нравственная педагогика»

Знаменательным было пребывание в Пречистенском дворце, частью которого стал особняк Голицыных, российской императрицы Екатерины II во время торжеств 1775 года по случаю заключения Кучук-Кайнарджийского мира с Османской империей. Прозванная Великой наряду с Петром I, она в эпоху Просвещения явила собой едва ли не единственный пример в отечественной истории «философа на троне», гармонично сочетающего мудрость и власть. Несмотря на все издержки и драматичные факты ее правления, она смогла привести страну к процветанию и могуществу, значительно расширив пределы Российской империи и увеличив ее международный авторитет. Екатерина II сумела не только победить Турцию, но усмирить крымцев, заселить Кубань, привлечь колонистов из Европы. Ее успешное правление достойно внимания и изучения, а опубликованные Академией наук в 1901 году 12 томов сочинений – заинтересованного прочтения. Пребывание «Минервы Севера» на Волхонке может быть истолковано и как конкретный эмпирический факт, и как глубоко символическое событие, означающее связь этого дома с Кремлем, с властью, с высокой политикой.

Голицынский дворец был местом встречи образованных и искушенных в сложной идейно-политической ситуации людей своего времени. Помимо салонных бесед и иных форм общения здесь происходили серьезные научные мероприятия вроде первого в России археологического съезда в 1869 году, на котором выступали с докладами основатель отечественной археологии граф А.С. Уваров, известный славист академик И.И. Срезневский, крупнейший историк М.П. Погодин и многие другие выдающиеся умы. Особенно возросла общественная роль дворца с момента сдачи внаем квартир на первом этаже. У замечательного драматурга А.Н. Островского бывали и обсуждали важные вопросы общественной жизни

и культуры писатели Иван Тургенев и Лев Толстой, композиторы П.И. Чайковский и Н.А. Римский-Корсаков, артисты московских и петербургских театров, другие известные и влиятельные люди.

Особую страницу в летописи дворца занимает пребывание в нем выдающегося философа, правоведа, общественного деятеля Бориса Николаевича Чичерина. Будучи головой Московской думы, он встречался в большом библиотечном зале с гласными думы, писал в своем кабинете такие фундаментальные труды, как «Собственность и государство», «История политических учений». Здесь же он общался с Д.И. Менделеевым и другими научными и общественными деятелями России. Показательно, что в истории дома отразилось весьма характерное для тех лет противостояние западничества, которое представлял Чичерин, и славянофильства в лице также жившего здесь, одного из ярких его лидеров Ивана Сергеевича Аксакова, редактора, издателя, организатора широкой общественной кампании за освобождение славян от турецкого ига. Два этих великих деятеля оставили здесь свой весьма заметный след, о чем напоминают установленные в их честь мемориальные доски у главного входа. В конце XIX – начале XX века в главном здании и флигелях располагалась Московская консерватория, Русское музыкальное общество, Народный университет Шанявского, что подчеркивало значение Голицынского дворца как одного из важных общекультурных центров Москвы и России.

Голицынский дворец оказался в центре интеллектуальной, культурной и философской жизни первопрестольной. Совсем рядом, на Остоженке, находится место, где родился великий отечественный философ, публицист и поэт Владимир Соловьев (сам дом, к сожалению, не сохранился). Чуть далее на той же улице стоит монументальное здание бывшего Высшего Коммерческого училища, связанное с именем отца философа, знаменитого историка С.М. Соловьева, и с именем писателя И.А. Гончарова, а небольшой деревянный особняк напротив – с именем классика нашей литературы И.С. Тургенева, бывшего по образованию магистром философии и осмыслявшего в своих романах острые социальные проблемы.

Улочки между Пречистенкой и Арбатом, прозванные «московским Сен-Жерменским предместьем» и заселенные преимущественно представителями дворянского сословия, помнят писателей, поэтов и мыслителей, среди которых можно упомянуть А.С. Пушкина, А.С. Хомякова, А.И. Герцена, В.Г. Белинского, П.А. Кропоткина. В Большом Афанасьевском переулке собирался философский

кружок Н.В. Станкевича, где встречались люди разных творческих дарований, составлявшие цвет отечественной культуры. Ныне центром философской и общекультурной жизни, расположенным в этом районе старой Москвы, является Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», где ведется постоянная работа по изучению отечественного культурного наследия и проходят представительные международные конференции, посвященные таким деятелям нашей культуры, как, например, поэт, культуролог, мыслитель Серебряного века Вячеслав Иванов, тоже связанный с данным уголком старой Москвы.

Кроме внешней, событийной, эмпирической связи времен и поколений существует внутренняя, духовная, символическая их взаимосвязь. С этой точки зрения уместно вспомнить о софийной традиции в истории отечественной философии и культуры. Почитателями и приверженцами Софии Премудрости были крупнейшие наши философы Владимир Соловьев, о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский, Вячеслав Иванов. София, сложившаяся как contamination образа ветхозаветной девы Мудрости из Книги Притч и эллинского образа покровительницы знаний, искусств и ремесел Афины-Паллады, пришла на Русь после ее крещения. Она проявилась в храмостроительстве, живописи, прикладном искусстве, гимнографии, богословских и философских учениях. О.Сергий Булгаков наверняка бы отметил, что посвящение домового храма Голицынского дворца во имя Рождества Богородицы связано с празднованием иконы Софии Премудрости Божией киевского извода. Это освящало весь дворец благодатью Божественной Премудрости, гармонизировало под ее эгидой все виды творческой деятельности. А о.Павел Флоренский не преминул бы заметить, что ликвидация домового храма вместе с тысячами других в рамках общей атеистической кампании советского периода внесла диссонанс и трагическое нестроение, которые отразились на судьбе отечественной философии и на судьбах отдельных философов, как связанных с данным домом, так и вне его. Сейчас мы наблюдаем восстановление софийной традиции в русской философии, гармонизацию светского и духовного начал в культуре и общественной жизни России.

О трудном этапе существования и выживания отечественной философии в сталинский и последующие периоды написано немало книг, статей и воспоминаний. Однако советский период в наше постсоветское время не следует тотально очернять подоб-

но тому, как его непомерно восхваляли во времена оны. С позиции взвешенного подхода следует признать определенные достижения в развитии ряда философских дисциплин и особенно в организации философского сообщества. Основание Института философии было таким же полезным делом, как основание Института истории, Института психологии, Института археологии, Института славяноведения и других гуманитарных институтов в структуре Академии наук. Приходится слышать язвительные замечания о том, что родовым гнездом этих институтов была Комакадемия, чрезмерно идеологизировавшая и политизировавшая научные изыскания. Признавая справедливость данного упрека, заметим вместе с тем, что и в нелегкие годы господства тоталитарной идеологии и тяжелой государственности продолжались серьезные научные исследования, особенно в теории познания, философии науки, истории философии и других областях знания. Заметим также, что философия в России никогда не существовала в особо благоприятных условиях, о чем напоминают постоянные ограничения, запреты, гонения и личные драмы многих мыслителей. Достаточно вспомнить имена и судьбы Максима Грека, Александра Радищева, Петра Чаадаева и иных философов прошлого, которыми мы сейчас гордимся.

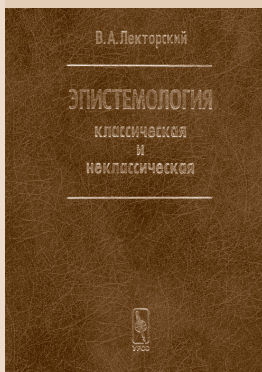
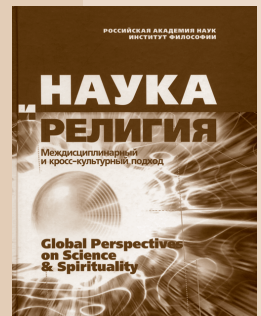
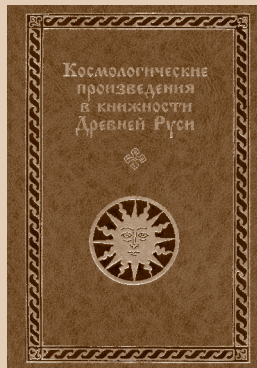
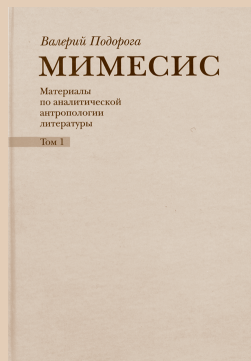
Что же касается Академии наук, то как бы она ни называлась (императорской, коммунистической, социалистической, советской, российской), она всегда служила стране и народу, принося великую пользу и заслуженную славу нашему Отечеству, которое тоже имело в разные времена разные названия. На наш взгляд, на здании Голицынского дворца наряду с отдельными именными памятными досками необходимо установить такую, на которой бы указывалось, что именно здесь зародилась и отсюда вышла система институтов гуманитарных наук России. Важное государственное решение о создании Комакадемии, принятое в 1918 году, несмотря на все оговорки о том, когда и кем оно было осуществлено, является таким же ответственным государственным актом, как указ Петра Великого об основании Российской академии наук в 1724 году. Само же здание, имеющее столь значимый исторический статус и являющееся признанным центром философско-гуманитарной мысли России, справедливо оставить в пользовании Российской академии наук.

Ныне Институт философии, освободившись от идеологических пут, представляет собой крупнейшее не только в России, но

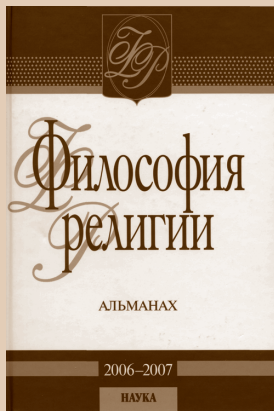
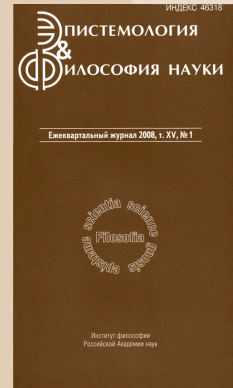
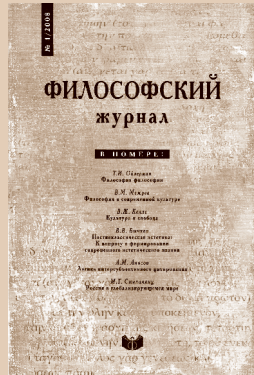
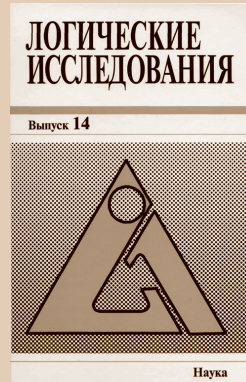
и в мире организованное сообщество высокопрофессиональных специалистов, труды которых известны за пределами страны. В его многонациональном коллективе трудятся представители разных взглядов, убеждений, позиций, что делает общение между ними интересным и плодотворным. Институт является местом встречи с учеными и деятелями культуры самого разного профиля, как отечественными, так и зарубежными. Он сотрудничает с расположенным рядом на Волхонке Институтом русского языка, находящимися в иных местах академическими и внеакадемическими научными, образовательными и культурными центрами. Несмотря на проблемы различного характера, мы с выстраданным оптимизмом смотрим как на будущее нашего института в отдельности, так и на перспективы развития отечественной философской мысли в целом.

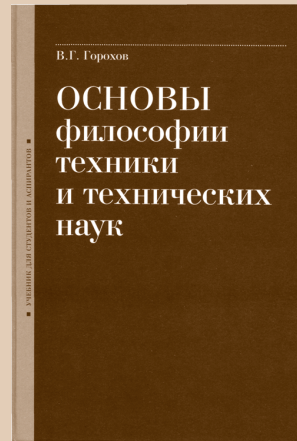
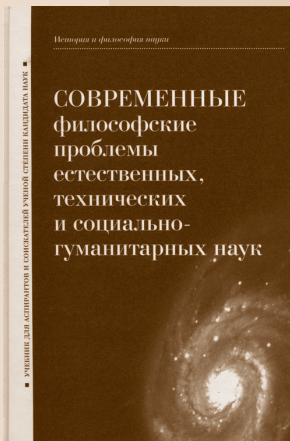
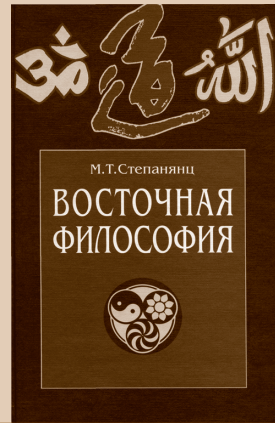
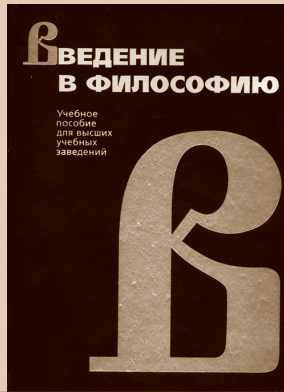
В свое время в серии «Биография московского дома» вышла небольшая по формату и объему, но весьма ценная по содержанию книга Елены Иоганновны Македонской «Волхонка, 14» (М.: Московский рабочий, 1985). Отдавая дань уважения автору, используя сведения, помещенные в данном издании, надеемся, что наша новая книга явится продолжением рассказа об этом замечательном месте, каким является Голицынский дворец, о культурных традициях, с ним связанных и продолжаемых Институтом философии Российской академии наук. Полагаем, что созданное коллективом авторов юбилейное издание будет интересно не только философам, но и всем, кому небезразличны судьбы отечественной истории и культуры.

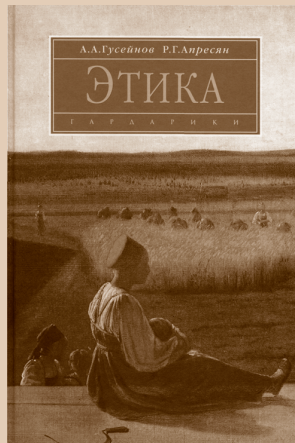

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ СОТРУДНИКИ
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ

АГОЛ Израиль Иосифович. Родился в 1891 году в Бобруйске. Действительный член Института. Арестован в 26.06.1936 года. Осужден к расстрелу 08.03.1937 года Военной коллегией Верховного Суда СССР и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 25.05.1957 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

АДАМЯН Гайк Погосович. Родился в 1899 году в Гяндже. Старший научный сотрудник Института. Арестован 21.03.1936 года. Осужден 04.11.1936 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 04.11.1936 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 09.06.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

АЛЬТЕР Исаак Маркович. Родился в 1892 году в Варшаве. Старший научный сотрудник Института. Арестован 22.08.1936 года. Осужден 09.10.1936 года Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годами ИТЛ. Приговорен к расстрелу 16.11.1937 года тройкой УНКВД по Дальстрою. Расстрелян 05.12.1937 года. Реабилитирован 22.12.1956 года.

АМЕЛИН Константин Иванович. Родился в 1902 году в г. Шахты. Старший научный сотрудник Института. В 1936 году арестован и осужден.

АНГАРОВ Алексей Иванович. Родился в 1898 году в д. Трясучая Красноярского уезда Енисейской губернии. Руководитель секции экономики и политики в эпоху диктатуры пролетариата Института. Арестован 04.07.1937 года. Осужден 25.11.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 26.11.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 07.12.1955 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

АНДРЕЕВ Григорий Георгиевич. Родился в 1910 году в с. Большая Вруда Ямбургского уезда Петроградской губернии. Старший научный сотрудник Института. Арестован 26.08.1943 года. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР 01.03.1944 года к 10 годам заключения в ИТЛ. 01.03.1954 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила постановление Особого совещания при НКВД СССР от 01.03.1944 года и прекратила дело за недоказанностью, а 06.08.1955 года, во изменение предыдущего постановления, за отсутствием состава преступления. Умер в 1996 году.

АРИСЬЯН Левон Егиевич. Родился в 1903 году в г. Ван. Старший научный сотрудник Института. Расстрелян в 1938 году. Реабилитирован посмертно.

АРУТЮНЯНЦ Арам Сергеевич. Родился в 1897 году в Тифлисе. Младший научный сотрудник Института. Арестован 25.04.1936 года. Осужден 04.11.1936 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 04.11.1936 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 02.06.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

БАММЕЛЬ Григорий Константинович (МЕЛИКОВ Бажбеук). Родился в 1900 году в Тбилиси. Действительный член Института. 16.02.1937 года исключен из

Приложение

* Составитель С.Н. Корсаков. При поддержке РГНФ, проект № 09-03-00611а.

ВКП(б). Арестован 23.02.1937 года в Свердловске. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР 09.04.1938 года на 8 лет ИТЛ. Содержался в Севвостлаге НКВД СССР (бухта Нагаево, Дальневосточный край). Умер 10 октября 1939 года. Реабилитирован 06.04.1956 года Военным трибуналом Уральского военного округа.

- БЕЛИЦКИЙ** Георгий Еремеевич. Родился в 1905 году в Ростове-на-Дону. Старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института. 02.09.1936 года исключен из партии. Арестован 27.10.1937 года. Осужден 18.05.1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 18.05.1938 года. Реабилитирован 19.03.1957 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- БОБИНСКИЙ** Станислав Янович. Родился в 1882 году в Варшаве. Старший научный сотрудник философской секции Коммунистической академии. Арестован 15.06.1937 года. Осужден 20.09.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 20.09.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 07.05.1955 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- БОЛОТНИКОВ** Алексей Александрович. Родился в 1894 году в Костроме. Член Ученого совета Института. Арестован 28.06.1937 года. Осужден 31.10.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 01.11.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 04.08.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- БОРИЛИН (БРОНШТЕЙН)** Борис Семенович. Родился в 1901 году в г. Смела Киевской губернии. Руководитель группы изучения диалектики в «Капитале» К. Маркса Института. Арестован 05.12.1937 года. Осужден 07.02.1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 08.02.1938 года. Похоронен на территории совхоза «Коммунарка». Реабилитирован в августе 1955 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- БУХАНОВ** Петр Артемьевич. Родился в 1904 году в Пензе. Ученый секретарь Ленинградского отделения Института. Арестован 10.09.1937 года. Осужден к расстрелу 19.02.1938 года.
- БУХАРИН** Николай Иванович. Родился в 1888 году в Москве. Действительный член Института. Арестован 27.02.1937 года. Осужден 13.03.1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 15.03.1938 года. Реабилитирован 04.02.1988 года Пленумом Верховного суда СССР.
- БЫХОВСКИЙ** Бернард Эммануилович. Родился в 1901 году в Бобруйске. Старший научный сотрудник Института. В 1944 году получил партийное взыскание «за грубые идейные ошибки, неверное толкование сущности немецкой классической философии» в т. III «Истории философии», в котором был одним из основных авторов. Умер в 1980 году.
- ВАЙНШТЕЙН** Израиль Яковлевич. Родился в 1885 году в м. Коростышев Киевской губернии. Старший научный сотрудник Института. В августе 1936 года арестован. В 1937 году осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к 8 годам лишения свободы. Находился в заключении в тюрьме г. Мариинска. Осужден 16.01.1938 года тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю к расстрелу. Расстрелян 19.01.1938 года. Реабилитирован в 1957 году.
- ВАЙСБЕРГ** Иосиф Абрамович. Родился в 1899 году в г. Васильков Киевской области. Старший научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. Выездной сессией Военной Коллегии Верховного суда

СССР 28.12.1936 года приговорен к 10 годам тюремного заключения. Отбывал наказание в Соловецкой тюрьме. Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области 09.10.1937 года приговорен к расстрелу. Расстрелян 02.11.1937 года.

ВАНДЕК (ТЕР-ГРИГОРЬЯН) Ваган Григорьевич. Родился в 1893 году в д. Гюзал Ванского Виляята Турции. Старший научный сотрудник Института. Арестован 23.10.1938 года. Осужден 15.04.1939 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 16.04.1939 года. Похоронен на территории совхоза «Коммунарка». Реабилитирован в июне 1957 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

ВАСИЛЬЕВ Сергей Федорович. Родился в 1898 году в г. Опочка Псковской области. Старший научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. Арестован 30.05.1936 года. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Ленинграде 23.12.1936 года осужден к 10 годам ИТЛ. Отбывал наказание на Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10.10.1937 года приговорен к расстрелу. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4.11.1937 года. Реабилитирован посмертно.

ВАСИЛЬЕВА Александра Захаровна. Родилась в 1902 году в Москве. Старший научный сотрудник Института. Арестована 14.08.1937 года. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 07.04.1940 года приговорена к 5 годам ИТЛ. Реабилитирована 13.04.1989 года по заключению прокуратуры Иркутской области.

ВАШАКМАДЗЕ Иван Алексеевич. Родился в 1901 году в с. Ахалсакадары Озургетского района Грузии. Ученый секретарь Института. В 1936 года исключен из партии и арестован.

ВИНОГРАДСКАЯ Полина Селимовна (Семеновна). Родилась в 1896 году. Старший научный сотрудник Института. В январе 1937 года арестована и препровождена в Бутырскую тюрьму. 23.07.1937 года исключена из партии. После длительной голодовки была направлена из тюрьмы в подмосковную колонию. Освобождена в 1940 году. Восстановлена в партии 25.01.1963 года. Умерла в 1979 году.

ВИРСКАЯ Инна Львовна. Родилась в 1902 году в Смоленске. Старший научный сотрудник Института. Арестована 05.11.1937 года. Осуждена 25.10.1938 года Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ. Реабилитирована Военной коллегией Верховного суда СССР 30.05.1956 года.

ВИШНЕВСКИЙ Александр Фомич. Родился в 1896 году д. Варкале Ковенского уезда Ковенской губернии. Член-корреспондент Института. В 1937 году арестован. Включен в расстрельный список, утвержденный 25.07.1937 года. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ВОЛОШИН Никифор Матвеевич. Родился в 1900 году в с. Снагость Кореневского района Курской области. Сотрудник исследовательской бригады Института. В 1936 году арестован и осужден.

ВЫДРА Рувим Маркович. Родился в 1894 году в Двинске. Член-корреспондент Института. Включен в расстрельный список, утвержденный 10.06.1938 года. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

ГАРБЕР Хаим Иосифович. Родился в 1903 году в Вильно. Старший научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. Арестован 30.04.1936 года. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда

- СССР 23.12.1936 года приговорен к 10 годам ИТЛ. Содержался в Соловецкой тюрьме особого назначения. Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области 10.10.1937 года приговорен к расстрелу. Расстрелян 04.11.1937 года. Реабилитирован посмертно.
- ГЕССЕН Борис Михайлович.** Родился в 1893 году в Елизаветграде. Действительный член Института. Арестован 22.08.1936 года. Осужден 20.12.1936 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 20.12.1936 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 21.04.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- ГИРЧАК Евгений Федорович.** Родился в 1898 году в с. Алексеевка Сталинского района Донецкой области. Член-корреспондент Института. Арестован 23.02.1938 года. Осужден 27.02.1938 года тройкой УНКВД СССР по Московской области. Расстрелян 07.03.1938 года. Похоронен на Бутовском полигоне. Реабилитирован 10.07.1991 года.
- ГОНИКМАН Соломон Львович.** Родился в 1897 году в Могилеве. Член-корреспондент Института. 16.02.1935 года исключен из партии. Арестован 07.04.1936 года. Осужден 13.08.1936 года Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ. Погиб в Норильлаге. Реабилитирован 18.08.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- ГОРЕВ (ГОЛЬДМАН) Борис Исаакович.** Родился в 1874 году в Вильно. Член ученого совета Института. В 1937 году репрессирован и в 1938 году расстрелян.
- ГОРНШТЕЙН Татьяна Николаевна.** Родилась в 1904 году в Киеве. Старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института. Арестована 26.04.1936 года. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 22.09.1936 года приговорена к пяти годам ИТЛ. Наказание отбывала в Севвостлаге НКВД СССР, откуда освобождена 25.04.1941 года. Вторично арестована 17.05.1949 года и по постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 14.09.1949 года направлена в ссылку в г. Ачинск Красноярского края. В 1954 году освобождена. Реабилитирована 06.04.1956 года президиумом Ленинградского городского суда. Умерла в 1980 году.
- ГОРОХОВ Федор Александрович.** Родился в 1902 году в с. Богородское Павловского уезда Нижегородской губернии. Заместитель директора Института. 19.02.1944 года осужден особым совещанием при НКГБ СССР к 10 годам ИТЛ. В 1955 году реабилитирован. Умер 06.02. 1954 года.
- ГУСЕЙНОВ Михаил Намаз оглы.** Родился в 1900 году в селении Ляк Гянджинского уезда. Ученый секретарь Института. В январе 1937 года исключен из партии и арестован.
- ДМИТРИЕВ Георгий Федорович.** Родился в 1894 году в Санкт-Петербурге. Действительный член Института. Арестован 14.05.1936 года. Осужден 03.10.1936 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 04.10.1936 года. Реабилитирован 09.06.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- ДОМРАЧЁВ Василий Матвеевич.** Родился в 1903 году в д. Маркелово Уржумского района Вятской губернии. Сотрудник исследовательской бригады Института. Осужден 13.11.1936 года Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам ИТЛ. Отбывал наказание на Соловках. Приговорен к расстрелу 04.11.1937 года Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области. Расстрелян в Сандармохе Карельской АССР. Реабилитирован посмертно.

ЕВСТАФЬЕВ Алексей Евстафьевич. Родился в 1895 году в д. Трезубово Красненского уезда Смоленской губернии. Сотрудник исследовательской бригады Института. В августе 1936 года исключен из партии бюро Ростовского-на-Дону горкома ВКП(б). 06.09.1936 года арестован. Осужден 28.12.1937 года Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ. Решение об исключении из партии утверждено 05.11.1940 года бюро Ростовского обкома ВКП(б). 05.11.1945 года освобожден из Ухтомсклага. Арестован 20.07.1950 года. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР 28.10.1950 года выслан в с. Абак Красноярского края без указания срока. Распоряжением Прокуратуры СССР 24.04.1954 года освобожден из ссылки со снятием судимости. Президиумом Ростовского областного суда 06.07.1957 года реабилитирован по приговорам 1937 года и 1950 года. Восстановлен в партии 20.11.1957 года Донецким обкомом КПСС.

ЖИВ Меер Зельманович. Родился в 1904 году в с. Нижняя Александровка Ковенской губернии. Научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. Арестован 21.03.1937 года. Осужден 15.10.1937 года Особым совещанием при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Приговорен к расстрелу 09.05.1938 года тройкой УНКВД по Дальстрою. Расстрелян 05.06.1938 года. Реабилитирован по приговору 1937 года 09.05.1956 года КГБ при Совете министров Казахской ССР, по приговору 1938 года в марте 1956 года.

ЖИРОВ Иван Тихонович. Родился в 1897 году в Уфе. Член-корреспондент Института. Арестован 16.02.1933 года по делу группы А. Слепкова. Исключен из партии 20.02.1933 года Партколлекгией ЦКК ВКП(б). Осужден 16.04.1933 года Коллегией ОГПУ к 3-м годам тюремного заключения, которое отбывал в Верхне-Уральском политизоляторе. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР 31.01.1936 года разрешено проживание в г. Таре сроком на три года. Вновь арестован 03.09.1936 года. Осужден 19.08.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 19.08.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 06.04.1989 года Прокуратурой СССР по приговорам 1933 и 1936 годов. Реабилитирован 19.07.1989 года Пленумом Верховного суда СССР по приговору 1937 года. Восстановлен в партии 09.08.1989 года КПК при ЦК КПСС.

ИЩЕНКО Тимофей Семенович. Родился в 1903 году в Киргизии. Старший научный сотрудник Института. Арестован 20.05.1936 года. Осужден 21.09.1936 года Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ. Умер 01.12.1938 года в Севвостлаге. Реабилитирован 14.02.1959 года президиумом Иркутского областного суда.

КАПЛАН Иосиф Григорьевич. Родился в 1900 году в Одессе. Старший научный сотрудник Института. В октябре 1946 года арестован, осужден и отправлен в карагандинские лагеря. 11.07.1955 года постановлением Прокуратуры СССР, МВД и КГБ реабилитирован. Умер в 1964 году.

КАРЕВ Николай Афанасьевич. Родился в 1891 году в м. Посволь Ковенской губернии. Действительный член Института. Арестован в марте 1933 года. Осужден 16.04.1933 года Коллегией ОГПУ к 3-м годам тюремного заключения. В 1935 году выслан в Уфу. Арестован в мае 1936 года. Осужден 10.10.1936 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 11.10.1936 года. Реабилитирован 03.12.1961 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Восстановлен в членах КПСС 17 октября 1989 года.

- КОЛОКОЛКИН** Виссарион Еремеевич. Родился в 1903 году в Бийске. Старший научный сотрудник Института. 23.03.1933 года подвергнут проработке на партсобрании в ИКПФ. В феврале 1936 года арестован. Исключен из партии 16.05.1936 года КПК при ЦК ВКП(б). В 1937 году осужден к заключению в ИТЛ. После смерти Сталина освобожден и реабилитирован.
- КОЛЬМАН** Эрнест Яромирович. Родился в 1892 году в Праге. Заведующий сектором диалектического материализма Института. Арестован 24.09.1948 года. Содержался во внутренней тюрьме МГБ СССР. Освобожден 22.03.1952 года. Умер в 1979 году.
- КОРШУНОВ** Степан Павлович. Родился в 1898 году в г. Сормово Горьковской области. Старший научный сотрудник Института. Арестован 28.05.1937 года. Осужден 21.04.1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 21.04.1938 года. Реабилитирован 19.05.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- КРИВЦОВ** Степан Саввич. Родился в 1885 году. Заведующий секцией исторического материализма Института. В 1937 году был исключен из партии по политическим мотивам.
- КУЛАГИН** Иосиф Маихайлович. Родился в 1902 году. Старший научный сотрудник Института. 28.10.1943 года арестован. 19.02.1944 года Особым совещанием при НКГБ СССР осужден к 8 годам ИТЛ. 30.10.1948 года досрочно освобожден по инвалидности. 21.03.1955 года реабилитирован решением Прокуратуры СССР.
- КУН** Бела Морисович. Родился в 1886 году в г. Силадьчех (Венгрия). Руководитель группы критики теоретических основ социал-демократии Института. Арестован 20.06.1937 года. Осужден 29.08.1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 29.08.1938 года. Похоронен на территории совхоза «Коммунарка». Реабилитирован 02.07.1955 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- КУРАЗОВ** Иван Федорович. Родился в 1898 году в с. Марьинское Санкт-Петербургской губернии. Старший научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. Арестован в феврале 1934 года. Осужден в марте 1934 года Особым совещанием при ОГПУ СССР к ссылке в Западную Сибирь. Ссылку отбывал в гг. Тара, Томск и Омск. Повторно арестован в Омске 02.09.1936 года. Осужден 10.10.1937 года тройкой УНКВД по Омской области. Расстрелян 13.10.1937 года. Реабилитирован 26.09.1958 года президиумом Омского областного суда.
- КУЧЕРОВ** Павел Львович. Родился в 1905 году. Старший научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. Арестован 28.09.1936 года. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Ленинграде 24.12.1936 года осужден к 10 годам тюрьмы. Отбывал наказание на Соловках. Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области 10.10.1937 года приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Сандармохе Карельской АССР 04.11.1937 года.
- ЛЕБЕДЕВ** Михаил Петрович. Родился в 1903 г. в с. Теблеши Бежецкого уезда Тверской губернии. Старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института. Постановлением Особого совещания при НКГБ СССР от 19 февраля 1944 года осужден к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР 4 декабря 1954 года.

- ЛЕВИК Рувим Самойлович. Родился в 1889 году в с. Степанцы Киевской губернии. Член-корреспондент Института. Арестован 26.01. 1937 года. Осужден 09.03. 1937 года. Расстрелян 10.03. 1937 года. Реабилитирован 30.04.1957 года.
- ЛЕВИН Макс Людвигович. Родился в 1885 году в Москве. Действительный член Института. Арестован 10.12.1936 года. Осужден 16.06.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 16.06.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 01.09.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- ЛЕВИТ Соломон Григорьевич. Родился в 1894 году в г. Вилькомир (Укмерге) Ковенской губернии. Член ученого совета Института, заведующий секцией диалектики естествознания. Арестован 11.01.1938 года. Осужден 17.05.1938 года Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР. Расстрелян 29.05.1938 года. Похоронен на Бутовском полигоне. Реабилитирован 05.09.1956 года.
- ЛЕОНИДОВ Леонид Осипович. Родился в 1901 году в Кременчуге. Старший научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. Арестован 27.10.1936 года. Осужден к расстрелу 19.12.1936 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Реабилитирован 24.03.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- ЛЕПИТЬ Эдуард Францевич. Родился в 1893 году в г. Гробин Курляндской губернии. Старший научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. Арестован в 1935 году. Осужден 6 сентября 1937 года тройкой УНКВД СССР по Дальстрою (Магадан) и 22 сентября 1937 года расстрелян. Реабилитирован в ноябре 1957 года.
- ЛИВШИЦ Семен Федорович. Родился в 1904 году в Могилеве. Старший научный сотрудник Института. Арестован 25.04.1936 года. Расстрелян 04.11.1936 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 02.06.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- ЛИПЕНДИН Павел Федорович. Родился в 1901 году в Таганроге. Старший научный сотрудник Института. В августе 1937 года арестован и погиб в тюрьме.
- ЛУКАЧ Георгий Осипович. Родился в 1885 году в Будапеште. Старший научный сотрудник Института. Арестован 29.06.1941 года. Содержался во внутренней тюрьме НКВД СССР. Освобожден 26.08.1941 года. Умер в 1971 году.
- ЛУКАЧЕВСКИЙ Александр Тимофеевич. Родился в 1893 году в Петрозаводске. Заведующий антирелигиозной секцией Института. 20.03.1937 года переведен из членов в кандидаты в члены ВКП(б). Арестован 10.08.1937 г. Осужден 25.11.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 26.11.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 27.11.1958 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Восстановлен в партии 28.02.1959 года КПК при ЦК КПСС.
- ЛУППОЛ Иван Капитонович. Родился в 1896 году в Ростове-на-Дону. Действительный член Института. Арестован в конце февраля 1941 года. Приговорен к расстрелу. С 29.10.1941 года содержался в камере смертников Саратовской тюрьмы. В июле 1942 года Президиумом Верховного Совета СССР ВМН была заменена заключением в ИТЛ НКВД СССР сроком на 20 лет. Переведен в общую камеру, а затем отправлен в Мордовские лагеря. Умер 26.05.1943 года. Реабилитирован 26.05.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

- МАЕГОВ** Афанасий Андреевич. Родился в 1893 году в Усть-Сысольске Вологодской губернии. Старший научный сотрудник Института. Репрессирован. Умер 30.01.1942 года в лагункте Ветлосян Коми АССР. Реабилитирован в 1956 году.
- МАКСИМОВСКИЙ** Владимир Николаевич. Родился в 1887 году в Москве. Действительный член Института. Арестован 27.07.1937 года. В марте 1938 года приговорен к ссылке. Умер в ссылке в ноябре 1941 года. Реабилитирован Верховным судом СССР 24.08.1955 года.
- МАРКОВИЧ** Сима Милашевич (МИЛИЧ Милан). Родился в ноябре 1888 года в г. Крагуевац (Сербия). Старший научный сотрудник Института. Арестован 20.07.1938 года. Осужден 19.04.1939 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 19.04.1939 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 10.06.1958 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- МАРКУЗЕ** Александр Павлович. Родился в 1897 году в Петербурге. Старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института. 20.11. 1951 года решением КПК при ЦК ВКП(б) исключен из партии за подробное цитирование в лекциях «буржуазных» философов.
- МЕДВЕДЕВ** Александр Романович. Родился в 1899 году в Астрахани. Старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института. Арестован 23.08.1938 года. Осужден 06.06.1939 года Особым совещанием при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Отбыл наказание в Сеймчанских рудниках на Колыме. Умер в начале 1941 года. Реабилитирован 01.09.1956 года.
- МИШИН** Моисей Исаевич. Родился в 1901 году в Белой Церкви. Младший научный сотрудник Ленинградского отделения Института. Арестован 22.08.1936 года. Осужден 11.04.1937 года к 10 годам ИТЛ. В 1955 году был реабилитирован и вернулся к научной работе.
- НЕВСКИЙ** Владимир Иванович (КРИВОБОКОВ Феодосий Иванович). Родился в 1876 году в Ростове-на-Дону. Действительный член Института. Арестован 19.02.1935 года. Осужден 25.05.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 26.05.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 01.06.1955 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- НОВИКОВ** Соломон Ильич. Родился в 1892 году в г. Татарске Могилевской губернии. Старший научный сотрудник Института. Подвергался партийным взысканиям. В 1935 году был исключен из ВКП(б) за принадлежность к деборинской группе. Позже восстановлен.
- НУСИНОВ** Исаак Маркович. Родился в 1889 году в м. Чернихове Волынской губернии. Старший научный сотрудник Института. В 1935 году исключен из ВКП(б). Арестован 12.01.1949 года по делу Еврейского антифашистского комитета. Умер 31.10.1950 года в Лефортовской тюрьме.
- ПИПЕР** Леонид Орестович. Родился в 1897 году в м. Богополь Ольгопольского уезда Подольской губернии. Старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института. Арестован в 1938 году. Осужден 03.02.1938 года тройкой УНКВД по Дальстрою. Расстрелян 14.04.1938 года. Реабилитирован 04.06.1956 года.
- ПОДВОЛОЦКИЙ** Иван Петрович. Родился в 1900 году в д. Нижняя Паломица Опаринского района Кировской области. Ученый секретарь Института. Арестован 16.08.1936 года. Погиб 23.10.1938 года. Реабилитирован 03.08.1957 года.

- ПИЧУГИН Сергей Сергеевич.** Родился в 1903 году в Иваново. Старший научный сотрудник Института. В сентябре 1943 года арестован. 19.02.1944 года Особым совещанием при НКГБ СССР осужден к 10 годам ИТЛ. В 1955 году реабилитирован.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Евгений Алексеевич.** Родился в 1886 году в г. Болхове Орловской губернии. Действительный член философской секции Коммунистической академии. В 1927 году выслан. В январе 1933 года арестован и выслан. Арестован 20.12.1936 года. Осужден 13.07.1937 года выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР. Расстрелян 13.07.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 22.12.1988 года Пленумом Верховного суда СССР.
- РАЛЬЦЕВИЧ Василий Никифорович.** Родился в 1893 году в Одессе. Старший научный сотрудник Института. Арестован 29.04.1936 года УНКВД по Ленинградской области. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 31.07.1936 года приговорен к пяти годам ИТЛ и направлен в Ухтпечлаг. Переведен 01.09.1936 года в Воркутинский ИТЛ. Этапирован 14.09.1938 года в пос. Чибью Коми АССР. Из лагеря не вернулся. Реабилитирован 31.08.1955 года Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР.
- РЕЗНИК Вольф Давидович.** Родился в 1903 году. Преподаватель отдела аспирантуры Института. Исключен из партии 07.02.1935 года. КПК при ЦК ВКП(б) за принадлежность к «группе Стэна». Умер в 1992 году.
- РОЗАНОВ Яков Самойлович.** Родился в 1890 году в м. Златополь Киевской области. Член-корреспондент Института. Арестован в 1936 году. Осужден и расстрелян в 1937 году. Реабилитирован в 1956 году.
- РОЦЕН Иван Петрович.** Родился в 1897 году в усадьбе Путрини Венденского уезда Лифляндской губернии. Старший научный сотрудник Института. Арестован 23.03.1937 года. Осужден 16.06.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 16.06.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 01.09.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- РУБИН Арон Ильич.** Родился в 1888 году в г. Двинске. Старший научный сотрудник Института. В 1931 году уволен в результате разгрома «меньшевистствующего идеализма» и был вынужден зарабатывать на жизнь переводами и преподаванием латыни медикам. Умер в 1961 году.
- РЯЗАНОВ (ГОЛЬДЕНДАХ) Давид Борисович.** Родился в 1870 году в Одессе. Действительный член Института философии. В феврале 1931 года арестован и приговорен к ссылке на 3 года. В июле 1937 года арестован. В январе 1938 года осужден выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР. Расстрелян 21.01.1938 года. Реабилитирован в марте 1958 года.
- САПИР Исай Давидович.** Родился в 1897 году в г. Вилькомир (Укмерге) Ковенской губернии. Руководитель группы вопросов психологии Института. Исключен 23.12.1936 года из партии КПК при ЦК ВКП(б). Арестован в июле 1938 года. Осужден 05.02.1940 года Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ссылки, которую отбывал в г. Якутске. Реабилитирован 21.11.1956 года Верховным судом Белорусской ССР. Восстановлен в партии 04.09.1957 года КПК при ЦК КПСС. Умер в 1976 году.
- САПОЖНИКОВ Павел Флегонтович.** Родился в 1897 году в Канске. Член-корреспондент Института. Осужден 16.04.1933 года Коллегией ОГПУ к 3-м годам тюремного заключения. Вновь арестован 30.12.1936 года. Осуж-

ден 25.05.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 26.05.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 18.07.1961 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

САРАДЖЕВ Арташес Хоренович. Родился в 1898 году в г. Ахалцихе Тифлисской губернии. Ученый секретарь Института. Арестован 27.12.1936 года. Осужден 10.03.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 10.03.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 28.12.1955 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

СЕКЕРСКАЯ Ядвига Николаевна. Родилась в 1903 году в Херсоне. Старший научный сотрудник Института. Осуждена 16.02.1938 года Особым совещанием НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. После реабилитации выехала в Польшу.

СЕЛЕКТОР Михаил Захарович. Родился в 1902 году в г. Днепропетровске. Старший научный сотрудник Института. В период борьбы с «космополитизмом» 16.03.1949 года решением партийного собрания Института получил строгий выговор с предупреждением и был уволен из Института.

СЕРЕЖНИКОВ Виктор Константинович. Родился в 1897 году в с. Тундутово Чернышевского уезда Астраханской губернии. Действительный член Института. В 1938 году репрессирован. Умер в заключении 27.06.1944 года. Реабилитирован посмертно.

СИЛИНГ Раиса Самойловна. Родилась в 1900 году в Москве. Младший научный сотрудник Института. Осуждена 22.06.1937 года Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ. Реабилитирована 14.12.1955 года президиумом Ивановского облсуда.

СИТКОВСКИЙ Евгений Петрович. Родился в 1900 году. Старший научный сотрудник Института. В 1943 году репрессирован. 19.02.1944 года осужден Особым совещанием при НКГБ СССР к 10 годам ИТЛ. 04.12.1954 года реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР. Умер в 1989 году.

СЛЕПКОВ Василий Николаевич. Родился в 1902 году в Рязани. Старший научный сотрудник Института. В декабре 1930 года исключен из партии; в 1932 году восстановлен. Арестован 16.02.1933 года. Исключен из партии. Осужден 16.04.1933 года Коллегией ОГПУ к 3-м годам политизолятора. Постановлением Коллегии ОГПУ 13.06.1934 года выслан в Уфу на оставшийся срок. В мае 1936 года прибыл на постоянное жительство в г. Баку. Арестован 14.01.1937 года. Осужден 01.08.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 01.08.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 24.12.1957 года Военной коллегией Верховного суда СССР по приговору 1937 года. Реабилитирован полностью 06.04.1989 года. Восстановлен в партии 09.08.1989 года КПК при ЦК КПСС.

СЛИВКЕР Борис Юльевич. Родился в 1891 году в Киеве. Старший научный сотрудник Института. 19.02.1944 года осужден Особым совещанием при НКГБ СССР к 10 годам ИТЛ. 04.12.1954 года реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР. Умер в 1959 году.

СПОКОЙНЫЙ Леонтий Феликсович. Родился в 1900 году в Петербурге. Старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 11.10.1936 года приговорен к расстрелу. Расстрелян 11.10.1936 года. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР.

- СТОЛЯРОВ Алексей Константинович.** Родился в 1896 году в с. Речицы Московской губернии. Действительный член Института. Исключен из ВКП(б) 02.08.1937 года. Восстановлен в ВКП(б) 21.02.1938 года с объявлением строгого выговора за потерю политической бдительности. Арестован 22.03.1938 года. Включен в список лиц, подлежащих расстрелу, 03.05.1938 года утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б). Умер в тюрьме 08.05.1938 года. Реабилитирован 20.09.1954 года Главной военной прокуратурой. Восстановлен в КПСС 25.11.1955 года решением КПК при ЦК КПСС.
- СТЭН Ян Эрнестович.** Родился в 1899 году в с. Венден Венденского уезда Лифляндской губернии. Действительный член Института. В 1932 году постановлением Коллегии ОГПУ выслан на 2 года. Вновь арестован 03.08.1936 года. Осужден 19.06.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 20.06.1937 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 07.07.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- СУХНО Андрей Иванович.** Родился в 1900 году в с. Негунаево Шипуновского района Западно-Сибирского края. Старший научный сотрудник Института. Исключен из партии 04.08.1937 года бюро Железнодорожного райкома ВКП(б) г. Москвы. Восстановлен в партии 22.09.1937 года Партколлегией КПК по Московской области. Впоследствии вновь исключен из партии и арестован. Содержался в Саратовской тюрьме. После реабилитации вернулся в Москву.
- ТАГАНСКИЙ Григорий Михайлович.** Родился в 1903 году в Чите. Старший научный сотрудник Института. 20.05.1938 года арестован. 26.10.1940 года осужден Особым совещанием при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. 15.10.1955 года реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР. В 1951 году умер.
- ТАЛЬГЕЙМЕР Август Морицевич.** Родился в 1884 году в Германии. Действительный член Института. В январе 1929 года исключен из ВКП(б) за принадлежность к «правому» уклону. Эмигрировал. Умер в 1948 году в Гаване.
- ТАНХИЛЕВИЧ Ольга Марковна.** Родилась в 1900 году в Ростове-на-Дону. Научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комкадемии. В 1928 году арестована и выслана сроком на 3 года. В 1932 году повторно арестована, находилась в тюрьме и в ссылке. После очередного ареста в 1932 году отбывала наказание в Воркутинском ИТЛ. В 1941 году освобождена. В 1949 году арестована и выслана в Казахстан. Реабилитирована. Ушла из жизни в 1963 году.
- ТАЩИЛИН Иван Григорьевич.** Родился в 1901 году в Златоусте. Старший научный сотрудник Института. Арестован 14.02.1937 года Коллегией НКВД по Воронежской области. Осужден 10.01.1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам тюремного заключения с конфискацией имущества. Умер 20.03.1941 года. Реабилитирован 15.06.1957 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- ТЕЛЕЖНИКОВ Филарет Евгеньевич.** Родился в 1897 году в г. Троицке Оренбургской губернии. Старший научный сотрудник Института. Арестован 07.11.1938 года. Исключен из партии 14.12.1938 года Первомайским райкомом ВКП(б) г. Москвы. Осужден 11.09.1939 года Особым совещанием при НКВД СССР к 8 годам ИТЛ. Умер 10.03.1943 года в ссылке. Реабилитирован 15.09.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Восстановлен в партии 23.01.1957 года бюро МГК КПСС.

- ТОКАРЕВ Алексей Иванович.** Родился в 1901 году. Сотрудник исследовательской бригады Института. 05.04.1936 года арестован. 15.08.1936 года осужден Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ.
- ТУРЕЦКИЙ Соломон Янкелевич.** Родился в 1902 году. Младший научный сотрудник Института. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 14.06.1937 года приговорен к тюремному заключению на 10 лет ИТЛ.
- ТЫМЯНСКИЙ Григорий Самуилович.** Родился в 1893 году в Варшаве. Член-корреспондент Института. Арестован 01.05.1936 года УНКВД по Ленинградской области. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 11.10.1936 года приговорен к расстрелу. Расстрелян 11.10.1936 года. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 11.05.1957 года.
- УЛЬРИХ Виктор Робертович.** Родился в 1901 году в Витебске. Член правления Института философии Ленинградского отделения Комкадемии. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 11 октября 1936 года приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян.
- УРАНОВСКИЙ Яков Маркович.** Родился в 1896 году в г. Белая Церковь. Старший научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комкадемии. Арестован 29.04.1936 года УНКВД по Ленинградской области. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 11.10.1936 года приговорен к расстрелу. Расстрелян 11.10.1936 года. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 29.10.1957 года.
- ФИНГЕРТ Борис Александрович.** Родился в 1890 году. Старший научный сотрудник Института философии Ленинградского отделения Комкадемии. В 1953 году исключен из партии по обвинению в «космополитизме». Умер в 1960 году.
- ФУРТИЧЕВ Яков Абрамович.** Родился в 1899 году в с. Знаменское Новосильского уезда Тульской губернии. Старший научный сотрудник Института. Арестован 15.01.1936 года. Осужден 02.10.1936 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 03.10.1936 года. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 06.06.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.
- ФУРЩИК Меер Моисеевич.** Родился в 1886 году в г. Брацлаве Подольской губернии. Действительный член Института. Арестован 09.12.1937 года. Осужден 14.09.1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам ИТЛ. Содержался в Новочеркасской и Владимирской тюрьмах, с 21.12.1939 года в Красноярском ИТЛ в лагункте Нижний Ингаш, затем в Норильске. Умер в заключении 22.08.1944 года. Реабилитирован 18.08.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Восстановлен в партии 19.10.1956 года КПК при ЦК КПСС.
- ЧЕРНЫШЕВ Борис Степанович.** Родился в 1896 году в Москве. Старший научный сотрудник Института. В 1935 году его книга о философии Б. Кроче была конфискована при сдаче в печать, а набор рассыпан по требованию уполномоченного Главлита по цензуре при Соцэргизе. Умер от инфаркта 04.09.1944 года вскоре после опубликования Постановления ЦК ВКП(б) о III томе «Истории философии», в котором был одним из основных авторов.
- ЧИЧИКАЛОВ Анатолий Харитонович.** Родился в 1903 году в Риге. Член-корреспондент Института. В октябре 1937 года осужден и расстрелян.
- ШАБАЛКИН Павел Иванович.** Родился в 1904 году в станице Н.-Григорьевской Усть-Медведицкого округа Донской области. Сотрудник исследовательской бри-

гады Института. Арестован 31.03.1936 года. Осужден 15.08.1936 года Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ. Повторно осужден 24.06.1940 года Военной коллегией Верховного суда СССР к 15 годам ИТЛ. После отбытия срока наказания водворен на бессрочную ссылку в Тасеевский район Красноярского края. Реабилитирован 28.07.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР и освобожден из ссылки. Восстановлен в партии 13.10.1956 года Красноярским крайкомом КПСС. Умер в 1965 году.

ШЕЙН-ЛИПМАН Юрий Петрович. Родился в 1902 году в Петербурге. Ученый секретарь Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. В феврале 1928 года исключен из партии, в апреле 1930 года восстановлен. Арестован 08.01.1935 года. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 11.10.1936 года приговорен к расстрелу. Расстрелян 11.10.1936 года. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 26.11.1957 года.

ШИРВИНДТ Максим Лазаревич. Родился в 1893 году в г. Лида Виленской губернии. Член директората Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. С 22.04.1933 года по 11.05.1933 года находился под арестом в ОГПУ. Арестован 03.02.1935 года. Решением Особого совещания при НКВД СССР 05.02.1935 года выслан на 4 года в г. Туруханск Красноярского края. Арестован 09.10.1935 года УНКВД по Ленинградской области. Осужден 19.12.1936 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян 19.12.1936 года. Реабилитирован 13.01.1999 года по заключению Прокуратуры г. Санкт-Петербурга.

ЩЕГЛОВ Алексей Васильевич. Родился в 1905 году в Варшаве. Ученый секретарь Института. В июне 1940 года репрессирован и отправлен в лагерь на Северный Урал. После реабилитации работал заведующим философскими кафедрами. Умер в 1996 году.

ЭСТРИН Андрей Семенович. Родился в 1901 году в г. Болхов Орловской губернии. Старший научный сотрудник Института. Арестован 29.12.1937 года. Осужден к расстрелу 24.07.1940 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Реабилитирован 28.07.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

ЮРИНЕЦ Владимир Александрович. Родился в 1891 году в с. Олеськи Бусского района Львовской области. Член-корреспондент Института. Арестован 22.07.1937 года. Осужден 01.10.1937 года. Расстрелян 04.10.1937 года. Реабилитирован посмертно.

ЯНКОВСКИЙ Рафаил Акимович. Родился в 1896 году в г. Стародуб Брянской области. Заместитель директора Института философии Ленинградского отделения Комакадемии. Арестован 10.03.1937 года. Осужден к расстрелу 09.10.1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР. Реабилитирован 20.10.1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР.

СОТРУДНИКИ И АСПИРАНТЫ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ,
ПОГИБШИЕ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

- БОБРОВНИКОВ Николай Николаевич.** Родился в 1897 году в с. Бельское Иркутского уезда Иркутской губернии. В 1928–1931 годах член-корреспондент Института философии Коммунистической академии. Профессор. Работал директором Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. В июне 1941 года добровольцем вступил в дивизию народного ополчения Ленинского района Москвы. Красноармеец 1312-го стрелкового полка 17-й стрелковой дивизии 33-й армии. 2 октября 1941 года в боях под Смоленском попал в плен. В 1942 году погиб от рук фашистских палачей.
- ДЕТКОВ Владимир Павлович.** Родился в 1904 году в с. Михайловское Куркинского района Тульской области. Шофёр Института философии АН СССР. В 1941 году призван в дивизию народного ополчения Фрунзенским райвоенкоматом г. Москвы. Гвардии красноармеец. Шофёр 45-го гвардейского мотострелкового полка Юго-Западного фронта. Умер от ран 13 февраля 1943 года в с. Студёное Краснолиманского района Донецкой области.
- ЕВСТРАТОВ Алексей Васильевич.** Родился в 1907 году в г. Борисоглебске Воронежской области. Работал старшим политическим редактором в Комитете по делам искусств при СНК СССР. Кандидат философских наук. Преподавал в Центральном институте усовершенствования врачей. С января 1941 года старший научный сотрудник Института философии АН СССР. В 1941 году вступил в дивизию народного ополчения. Политрук стрелковой роты на Западном фронте. Умер от ран в феврале 1942 года.
- ЕГОРОВ Михаил Александрович.** Родился в 1910 году. С октября 1937 года старший научный сотрудник, в мае–октябре 1940 года учёный секретарь, с октября 1940 года докторант Института философии АН СССР. Специализировался в области исторического материализма. С 1941 года младший лейтенант 246-й стрелковой дивизии 29-й армии. Умер от ран 17 июня 1942 года.
- КАЛАЧЁВ Евгений Мефодьевич.** Родился в 1902 году в Усть-Каменогорске Восточно-Казахстанской области. В 1930–1933 годах слушатель ИКП философии и преподаватель диалектического материализма в МИФЛИ. С июня 1937 года старший научный сотрудник Института философии АН СССР. Призван в народное ополчение Фрунзенского района Москвы. Старший политрук. Пропал без вести в июле 1941 года.
- КАСПАРЬЯН Михаил Хосрович.** Родился в 1914 году в с. Большой Тагвар Гадрутского района Нагорного Карабаха. С сентября 1939 года аспирант Института философии АН СССР. Призван в дивизию народного ополчения 6 июля 1941 года. Заместитель командира батальона по политчасти 155-й стрелковой дивизии
-

22-й армии. Капитан. Убит в бою 13 января 1943 года у д. Толкачи Оленинского района Тверской области.

СЕЛИВАХИН Иван Васильевич. Родился в 1910 году. Старший научный сотрудник Института философии АН СССР. В 1941 году призван в дивизию народного ополчения г. Москвы. Умер от ран 17 октября 1942 года.

ХАХУЛИН Александр Петрович. Родился в 1913 году в с. Пинеровка Саратовской области. С 1941 года старший научный сотрудник Института философии АН СССР. В 1941 году призван в дивизию народного ополчения г. Москвы. Погиб на фронте.

ЧУДАКОВ Иосиф Наумович. Родился в 1913 году в Орле. Аспирант Института философии АН СССР. В 1941 году призван в дивизию народного ополчения г. Москвы. Красноармеец. Пропал без вести в ноябре 1941 года.

ЮНГЕР Давид Зеликович. Родился в 1906 году в г. Рославль Смоленской области. С марта 1936 года помощник директора Института философии АН СССР по административно-хозяйственной и финансовой части. Призван Киевским райвоенкоматом г. Москвы. Сержант 351-го отдельного пулемётного батальона 245-й стрелковой дивизии. Убит 25 августа 1942 года у д. Скит Демянского района Новгородской области.

В Архиве РАН (фонд 1922, опись 1, дело 102, лист 34) сохранился список сотрудников и аспирантов Института философии АН СССР, призванных в дивизию народного ополчения в 1941 г. В этом списке значатся: Бурацкий В.М., Вышинский П.Е., Гамсакурдия К.К., Григорьян М.М., Детков В.П., Евстратов А.В., Ермолаев С.В., Зись А.Я., Каменский З.А., Каспарьян М.Х., Каширин П.А., Кедров Б.М., Коган Л.А., Козлов И.Б., Макаровский А.А., Мартиросов Г.А., Попов С.П., Рабинович М.Х, Сафронов Б.Г., Селивахин И.В., Фундер М.Н., Хахулин А.П., Черкесов В.И., Чудаков И.Н. В списке значится также Трофимов, без указания инициалов.

М.Н. Фундер, красноармеец 932-го стрелкового полка 252-й стрелковой дивизии, пропал без вести на Калининском фронте 6 июля 1942 года.

В списке не указаны сотрудники и аспиранты Института М.А. Егоров, Е.М. Калачёв, Д.З. Юнгер, также призванные в армию в 1941 году и погибшие на фронте.

В 1942 году на военную службу был призван главный бухгалтер Института А.В. Смолин.

Если учесть небольшой численный состав Института философии АН СССР того времени, можно сделать вывод, что на фронт ушла приблизительно половина сотрудников и аспирантов Института.

<i>А.А. Гусейнов. О нашем философском доме</i>	5
I	
Москва философская в культурно-историческом контексте....	9
<i>Н.Е. Третьякова. Голицынский дворец на Волхонке</i>	11
<i>А.В. Соболев. Москва философская конца XIX – начала XX в.</i>	51
<i>С.Н. Корсаков. Реконструкция исторического здания</i>	75
II	
Из истории Института философии	93
<i>С.Н. Корсаков. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме</i>	95
<i>Г. С. Батыгин, И.Ф. Девятко. Трудные послевоенные годы</i>	196
<i>А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский. Заметки к юбилею</i>	242
<i>С.Н. Корсаков. Во главе Института философии</i>	262
III	
Воспоминания	327
<i>Л.А. Коган. Из биографии Дома на Волхонке</i>	329
<i>А.Н. Гулыга. Ярмарка умов и талантов</i>	335
<i>Н.Ф. Овчинников. Вспоминая прошедшее</i>	349
<i>В.Г. Буров. Субъективные заметки</i>	363
<i>А.Г. Мысливченко. Знаменательные дни</i>	368
<i>М.Т. Степанянц. Думая о былом</i>	375
IV	
Интервью	383
<i>Т.И. Ойзерман. Ведущее философское учреждение страны</i>	385

<i>В.А. Лекторский. Один из центров нашей культуры</i>	403
<i>Н.В. Мотрошилова. Уникальное сообщество философов</i>	419
<i>Н.С. Юлина. Окидывая взглядом прошлое... ..</i>	436
<i>Э.Ю.Соловьев. Институт философии уже давно был институтом гражданского общества.....</i>	454

V

Голоса молодых	477
-----------------------------	-----

<i>М.Н. Громов. Необходимое послесловие.....</i>	496
--	-----

Приложение	508
-------------------------	-----

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ	508
--	-----

СОТРУДНИКИ И АСПИРАНТЫ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ, ПОГИБШИЕ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	521
--	-----

Васильев В.В. **Трудная проблема сознания.** 272 с.

Книга посвящена обсуждению «трудной проблемы сознания» — вопроса о том, почему функционирование человеческого мозга сопровождается субъективным опытом. Рассматриваются истоки этой проблемы, впервые в четком виде сформулированной австралийским философом Д. Чалмерсом в начале 90-х гг. XX века. Анализируется ее отношение к проблеме сознание—тело и проблеме ментальной каузальности. На материале сочинений Дж. Сёрла, Д. Деннета, Д. Чалмерса и многих других аналитических философов критически оцениваются различные подходы к загадке сознания. В заключительной части книги автор предлагает собственное видение «трудной проблемы», позволяющее, с его точки зрения, избежать концептуальных тупиков и отдать должное интуициям здравого смысла.

Баталов Э.Я. **Русская идея и американская мечта.** 384 с.

Монография Баталова Э.Я.— первое в отечественной и зарубежной научной литературе комплексное сравнительное исследование «Русской идеи» и «Американской мечты» как двух великих национальных мифов, оказавших и продолжающих оказывать большое, хотя и не всегда осознаваемое нами, влияние на сознание и самосознание, соответственно, россиян и американцев. Автор книги опирается на документы, научные исследования, публицистику, художественные произведения многих авторов, включая Федора Достоевского (автора термина «русская идея»), Владимира Соловьева, Николая Бердяева, Василия Розанова, Джеймса Труслоу Адамса (автора термина «американская мечта»), Хорейшо Эджера и др. Проследив историю русской идеи и американской мечты, автор затрагивает вопрос об их роли в жизни современных России и Америки и возможных перспективах эволюции.

Книга представляет интерес для культурологов, философов, историков, всех, кто интересуется историей и культурой двух великих стран.

Феномен сознания. И.А. Бескова, И.А. Герасимова, И.П. Меркулов. 366 с.

В книге исследуется комплекс вопросов, касающихся эволюции сознания, его информационной природы, рассматривается взаимодействие бессознательного, предсознательного и сознательного уровней функционирования человеческой когнитивной системы, а также когнитивные истоки возникновения духовной культуры и мировоззрения. За счет введения ряда новых логико-методологических и теоретических понятий формируется концептуальный аппарат анализа сознания как динамического феномена, неразрывно связанного с человеческой телесностью. Предлагается динамическая модель взаимодействия сознательных и бессознательных компонентов когнитивной системы. На примерах художественного и научного творчества, а также практик йоги исследуются эвристические возможности обучаемой телесности, управляемого чувства, духовной концентрации, синтетических стратегий мышления. Книга предназначена в первую очередь для научных работников,

аспирантов и студентов старших курсов философских факультетов университетов, для тех, кого интересуют новые концепции в современной философии и эпистемологии.

Этическая мысль: современные исследования / Отв. ред. Гусейнов А.А., сост. Артемьева О.В. 480 с.

В книгу включены статьи, отражающие результаты недавних отечественных исследований в области теории и истории моральной философии, этических проблем общества и культуры. В частности, определяется место морали и назначение этики в современном мире, исследуется природа моральных ценностей, специфика морального поступка, анализируются проблемы нормативной этики. Авторы обращаются к исследованию моральных идей в китайской, индийской, арабо-мусульманской и западно-европейской традициях. В книге также анализируются конкретные этические концепции. Среди них – концепции Плотина, И. Канта, Г. Лукача, Л.Н. Толстого.

Судьба европейского проекта времени. Сборник статей. Отв. ред. О.К. Румянцев. 720 с.

Сборник продолжает издаваемую Российским институтом культурологии серию ежегодников «Постижение культуры», соответствует 15 и 16 выпускам. В книге исследуются этапные изменения в осмыслении времени, инициированные греческой философией, продолженные христианством, трансформированные наукой Нового времени. Такие культурно-исторические сдвиги предполагают открытие самосознания, культуры и человека как субъекта своей истории. Сложившийся тип личностного самосознания обусловил позитивную оценку новизны, ориентацию на будущее, универсальную, но при том уникальную форму преемственности, а также образовательный проект Лейбница – Коменского. Это позволяет метафорически говорить о «европейском проекте времени», обсуждать его позитивные и негативные аспекты, его альтернативы и перспективы.

Книга адресована всем, кто интересуется философией и историей европейской культуры, преподавателям и аспирантам, исследующим философские основания культуры.

Сараскина Л.И. **Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры.** 480 с.

В монографии исследуются современные рефлексии художественной литературы, литературной критики, актуальной политической публицистики, а также искусства (кино, театра, скульптуры, поэзии, ТВ) на творчество Ф.М. Достоевского. В центре внимания — многостороннее влияние писателя на современный мир. В начале XX века сложилась мощная интеллектуальная традиция — судить о России ушедшего, XIX столетия через призму творческого опыта Достоевского. Опыт, накопленный за новое столетие, лишь укрепил традицию. «Магический кристалл Достоевского» остается наиболее точным инструментом понимания того, что уже случилось с Россией, и того, что может случиться с ней в будущем. В книге показано, что вершинные творения Достоевского, про-

долгая оставаться вечными, на крутых виражах истории вновь оказываются остро злободневными — и новая реальность будто иллюстрирует страницы его романов. История России после Достоевского воспринимается как периоды созвучий его гениальным романам. В пяти частях этой книги сделана попытка осмыслить современные ответы на вечные вопросы Достоевского.

С.А. Никольский и В.П. Филимонов **«Русское мировоззрение. Т.2. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40-х – 60-х годов Х1Х столетия».** 456 с.

Авторы продолжают содержательную реконструкцию русского мировоззрения и в его контексте мировоззрения русского земледельца.

В рассматриваемый период существенно меняется характер формулируемых русской литературой и значимых для национального мировоззрения смыслов и ценностей. Так, если в период от конца XVIII до 40-х годов Х1Х столетий в русском мировоззрении проявляются и фиксируются преимущественно глобально-универсалистские черты, то в период 40-х - 60-х годов преимущественное внимание уделяется характеристикам, проявляющимся в конкретно-практических отношениях. Так, например, существенной ориентацией классической литературной прозы становится поиск ответа на вопрос о возможности в России позитивного дела, то есть не только об идеологе, но о герое-деятеле. Тема сознания русского человека как личности становится главным предметом отечественной литературы и философии, а с появлением кинематографа – и визуально-экранного творчества

Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. Тв. Ред. Василькова В.В. Сост. Астафьева О.Н. Буданов В.Г. 560 с.

Данное издание представляет собой очередной шестой том серии книг под общим названием «Синергетическая парадигма», выпускаемых в рамках уникального научного и издательского междисциплинарного проекта, направленного на научно-просветительскую деятельность по созданию единого интеллектуального поля единомышленников – специалистов разных дисциплинарных направлений интересующихся проблемами развития современной методологии, формирования постнеклассического знания, закономерностями самоорганизации в системах различной природы, становления эволюционно-синергетического мировоззрения.

Очередной том серии посвящен социальной синергетике, Круг проблем, охватываемый данным изданием, достаточно обширен: это проблемы применения синергетических методов к анализу социальной реальности, трансформации социогуманитарного знания под влиянием синергетического мировидения, развития междисциплинарного дискурса в социосинергетике, понимания перспектив прикладной синергетики, в первую очередь, в плане моделирования социальных процессов, осмысления информационных и коммуникативных стратегий социальной синергетики.

Издание может представлять интерес для широкого круга специалистов – ученых, преподавателей высшей школы, студентов и аспирантов, интересующихся проблемами развития синергетического знания.

Наш философский дом

Директор издательства Б.В. Орешин

Зам. директора Е.Д. Горжевская

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,9.

Тираж экз. Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»

119048, Москва, ул. Усачева, д.29, корп. 9

Телефон 8(499)245-53-95, 8(499)245-49-03

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»,

121, Москва, Шубинский пер., 6